

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 6(49)' 2015

включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук в соответствии с решением Президиума ВАК Минобрнауки России

Печатает статьи по истории, педагогике, психологии, биологии, филологии, философии, культурологии, политологии, праву и экономике РНЖ входит в систему Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ) и представлен на его сайте www.elibrary.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
НАГОРНОВ Валентин Павлович

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
МАРКОВ Алексей Сергеевич

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР
ЛОСЕВ Юрий Иванович

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
НОВОЖИЛОВ Александр Юрьевич

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

РОДРИГЕС-ФЕРНАНДЕС Александр Мануэльевич – Председатель Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

ЛОСЕВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ГОРБУНОВ Борис Владимирович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, действительный член РАЕН, зав. НИЛ теории, практики и методики краеведения в образовательных учреждениях ОБГОУ ДПО «Рязанский институт развития образования»

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени П. П. Огарёва»

ЕРШОВ Виталий Фёдорович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, директор Центра стратегии и развития Московского государственного областного университета, г. Москва

ЗАПАРЬИЙ Владимир Васильевич – член Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории науки и техники ФГБОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург

ЮРКИН Игорь Николаевич – член Совета, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, г. Москва

РЕЕНТ Юрий Арсенович – член Совета, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Академии Федеральной службы исполнения наказаний РФ

КОЛЬЦОВА Вера Александровна – член Совета, первый зам. директора Института психологии РАН, профессор, доктор психологических наук, зав. лабораторией истории психологии и исторической психологии

ДОНЦОВ Александр Иванович – член Совета, действительный член РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

ЗАБРОДИН Юрий Михайлович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, проректор ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», действ. гос. советник РФ, вице-президент Федерации психологов образования России

БЕЛЯЕВА Валентина Александровна – член Совета, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ГРЕБЁНКИНА Лидия Константиновна – член Совета, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ПАНОВ Виктор Иванович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования (РАО), зав. лабораторией экпсихологии развития Психологического института РАО

ВОЛОДАРСКАЯ Инна Андреевна – член Совета, доцент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат педагогических наук, лауреат премии Президента РФ в области образования, Председатель Учебно-методического совета факультета психологии МГУ, г. Москва

НАГОРОВ Павел Сергеевич – член Совета, профессор, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник АНО «Рязанский НИИ психологии и методологии образования»

УХОВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор медицинских наук, зав. кафедрой гистологии и биологии ГБОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Фед. агентства по здравоохранению и соц. работе

ЕПИФАНОВ Алексей Герасимович – член Совета, доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, заведующий отделением сосудистой хирургии с применением ПМУ «Скафандр Епифанова»

ИВАНОВ Евгений Сергеевич – член Совета, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, зав. кафедрой экологии и природопользования ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

КАЗАРЕНКОВ Вячеслав Ильич – член Совета, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (РУДН), г. Москва

Иностранные члены Редакционного Совета

Хасан Абдель Хамид Солиман – доктор, профессор геологии Университета г. Асьюта, директор Центра по развитию Южной Долины (г. Асьют, Республика Египет).

Ван Цзиньлин, 王金玲 – доктор филологических наук, профессор, директор института международного образования Чанчуньского университета (г. Чанчунь, КНР).

СМАНЦЕР Анатолий Петрович – доктор педагогических наук, профессор Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

ФОУШИН Джордж Николас – профессор философского факультета Университета Эмори (г. Атланта, штат Джорджия, США).

ЛИСТЕР Дж. Мэттью – доктор философских и юридических наук, PhD in Philosophy, JD (г. Филадельфия, штат Пенсильвания, США).

РАНГЕЛОВА Емилия Миленкова – доктор педагогических наук, профессор факультета педагогики Софийского университета «Св. Климента Охридски» (г. София, Республика Болгария).

ЛЕВТЕРОВА Дора – доктор педагогических наук, профессор, декан педагогического факультета Пловдивского университета «Паисий Хилендарский» (г. Пловдив, Республика Болгария).

ЗАХАРУК Тамара – доктор педагогических наук, профессор, ректор Седлицкого университета естественных и гуманитарных наук (г. Седльце, Республика Польша).

Leadership (Editorial Board) of the «Russian Scientific Journal»

Editor-in-Chief: **Valentin P. Nagornov**

Science Editor: **Yury I. Losev**

Deputy Editor-in-Chief: **Alexey S. Markov**

Assistant Editor: **Alexander Y. Novozhylov**

Russian Members of the Editorial Council

Alexander M. Rodriguez-Fernandez – Council Chairman, Professor, Doctor of History, Head of the Department of Modern and Contemporary History, the Faculty of History, Moscow State Pedagogical University.

Yury I. Losev – member of the Council, Professor, Doctor of History, vice-rector, Head of the Department of general History, Ryazan State University named for S. Yesenin.

Boris V. Gorbunov – member of the Council, Doctor of History, full member of the Academy of Natural Sciences, Ryazan Institute of Education Development.

Nikolai M. Arsentiev – member of the Board, Professor, Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of Historical and Sociological Institute of N.P. Ogarev Mordovia State University.

Vitaly F. Ershov – member of the Council, Professor, Doctor of History, Director of the Center for Strategy and Development of Moscow State Regional University, Member of the Board of Russian Society of Historian-Archivists.

Vladimir V. Zapariy – member of the Council, Professor, Doctor of History, Dean of the Faculty of Humanities, Head of the Department of History of Science and Technology, Ural State Technical University.

Igor N. Yurkin – member of the Council, Doctor of History, Senior Research Fellow of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences

Yury A. Reent – member of the Council, Doctor of History, Professor of the Department of History and Philosophy, the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service.

Vera A. Koltzova – member of the Council, Deputy Director of Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Psychology, Head of Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.

Alexander I. Dontzov – member of the Council, full member of the Russian Authors' Society, Professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Psychology.

Yury M. Zabrodin – member of the Council, Professor, Doctor of Psychology, vice-rector of the Moscow State University of Psychology and Education, State Councilor of the Russian Federation, Vice-President of the Federation of educational Psychologists of Russia.

Valentina A. Belyaeva – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Lydia K. Grebyonkina – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Victor I. Panov – member of the Council, Professor, Doctor of Psychology, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of Laboratory of Ecopsychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education.

Inna A. Volodarskaya – member of the Council, Assistant Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD, winner of the President of Russia in the field of education, Chairman of the Educational and Methodical Council of Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Pavel S. Nagorov – member of the Council, Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology and Human Development.

Yury I. Ukhov – member of the Council, Professor, Doctor of Medical Sciences, Head of the Department of Histology and Biology, Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlov, the Federal Service on Supervision in the Area of Health Care and Social Development.

Alexey G. Epifanov – member of the Council, Doctor of Medical Sciences, Honoured Doctor of the Russian Federation, Head of the Vascular Surgery Department with Medical technology of treatment by polymagnetic device «Epifanov's diving-suit».

Eugene S. Ivanov – member of the Council, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Head of the Department of Ecology and Environmental Sciences of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Vyacheslav I. Kazarenkov – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Peoples' Friendship University of Russia, Department of Social and Differential Psychology.

Foreign Members of the Editorial Council

Hassan Abdel Hamid Soliman – Prof. Dr, Geology Department, Faculty of Science, Director of South Valley Development Center, Assiut University (Assiut, Republic of Egypt).

Wang Jinling, 王金玲 – Dr. of Philology, Prof., Director of the Institute of International Education, Changchun University (Changchun, Chinese People's Republic).

Anatoly P. Smantser – Dr. of Education, Prof. of the Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).

Nicholas G. Fotion – Prof. of the Philosophical Faculty of the Emory University (Atlanta, Georgia, USA).

Mathew J. Lister – PhD in Philosophy, JD (Philadelphia, Pennsylvania, USA).

Emilia M. Rangelova – Dr. of Sciences, Professor of Faculty of Pedagogy, Sofia University «St. Kliment Ohridski» (Sofia, Republic of Bulgaria).

Dora Levterova – D. Sc., Prof. of University of Plovdiv «Paisii Hilendarski», Director of University Center for Career Development (Plovdiv, Republic of Bulgaria).

Tamara Zacharuk – PhD, Assoc. Prof., Rector of Siedlce University of Natural sciences and humanities (Siedlce, Republic of Poland).

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Клинов А. С. О тибетском вопросе.....	6
Александров К. М. Вильфрид Штрик-Штрикфельдт: к истории русской карьеры капитана Северо-Западной армии.....	9
Александров К. М. Русский обще-воинский союз в Европе в 1939-1941 гг.: организация и ресурсы.....	15
Дашин А. В., Оганян Э. В. Организационно-правовые основы формирования финансовой политики правительства генерала Врангеля на заключительном этапе гражданской войны на Юге России (1920 г.).....	21
Рындин И. Ж. Материалы для составления генеалогических росписей дворян Рязанской губернии, хранящиеся в фондах Государственного архива Рязанской области.....	26
Ершов В. Ф., Нагорнов В. П. Мир рязанской металлургии XVIII - XIX веков в документах Государственного исторического музея.....	33
Куликова С. Г. Реализация проектов земцев-консерваторов по созданию сети сельских почтовых станций.....	39
Душкова Н. А., Григорова В. А. Система обучения ремесленников в XIX в. как основа для дальнейшего развития разнообразных форм подготовки квалифицированных рабочих кадров в России.....	46
Запарий Вас. Влад. Государственная политика по стабилизации социально-бытового положения работников уральской танковой промышленности в 1945-1950 гг.....	52
Раджабов О. Р., Лобачева З. Н. Современная геополитика на Северном Кавказе.....	69
Хизриев З. Х. Этнокультурные особенности межнациональных отношений в российском обществе.....	73
Хизриев З. Х. Этнокультурные принципы управления в Чеченской республике в постконфликтный период.....	78

II. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Блохина Н. А. Разновидности анализа в аналитической философии XX века.....	83
Башлакова Т. М. Формирование институциональной среды для инновационного развития.....	95
Гоманова С. О. Российские и зарубежные экопоселения: сравнительный анализ.....	101
Маслова С. Ю. Эмпирический анализ социально-культурных детерминантов формирования профессиональной карьеры сотрудников бизнес-предприятия Приморского края на примере учреждения: ООО «ЛИАН».....	107
Матраева А. Д. Креативная компетенция в структуре общекультурных компетенций студентов.....	111
Рыбакова М. В. Функциональная неграмотность как проявление кризиса образования.....	117
Чернышев И. И. Основные теории социологических подходов к пониманию города.....	121
Надирова Ж. К. Глокализация как стратегия внедрения глобального медиаконтента на локальных рынках (на примере телеканала Эм-ти-ви).....	127
Кутенков П. И. Знакомство двухслойной понёвы Котелинской крестьянской родовой культуры Рязанской земли (по полевым материалам).....	133

III. ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Архарова Л. И., Пласкина О. А. Формирование ценностей здорового образа жизни в молодежной среде.....	139
Баркова С. М. Собственный опыт как фактор формирования отношения к детской сексуальности у молодых взрослых.....	144
Булатецкий С. В., Марков А. С. Применение метода корреляционных плеяд в изучении особенностей системной организации и продуктивности психофизиологических процессов у курсантов с разной успешностью профессионального обучения.....	150
Гасимов А. Ф. Отечественные и зарубежные подходы к исследованию эмоционального интеллекта.....	157
Герова Н. В. Методические подходы к формированию информационной компетентности у студентов гуманитарных профилей, обучающихся по направлению педагогического образования.....	164
Дзюбко Г. Ю. Работа со сравнением как метод интеллектуального развития учащихся.....	174
Жолудова А. Н., Полякова О. В., Левина М. А. Формирование культуры межнациональных отношений в вузе через смыслосложившиеся ориентации обучающихся.....	180
Марков А. С., Булатецкий С. В. Успешность профессионального обучения курсантов образовательного учреждения МО РФ: физиологический аспект.....	185
Муталиева Л. С. Педагогические особенности профессионально-правового воспитания сотрудников МЧС России в многоуровневой системе образования.....	192
Новик Н. В. О важности установления взаимосвязей между вновь приобретаемыми и ранее полученными знаниями на примере эпюры Монжа.....	196
Новикова И. А. Индивидуально-типические программы развития настойчивости студентов.....	200
Пельменев В. К., Лукашова З. В. (Беларусь) Реализация консалтинговых услуг в высшем учебном заведении.....	206
Селезнева М. В. Идеальный образ офицера в представлениях преподавателей и командиров.....	212
Солдатенкова Е. Н. Преодоление коммуникативного барьера как одно из условий включения детей с РАС в образование.....	219
Софронова Н. В. Организация научно-исследовательской работы студентов в процессе изучения дисциплины «Русский язык и культура речи» (по направлению подготовки «Менеджмент»).....	231
Сусорова М. В. Личность педагога и её влияние на развитие потребности к регулярным занятиям физической культурой у студентов вуза.....	237

IV. ФИЛОЛОГИЯ

Гордова Ю. Ю. Топонимия России: названия сельских поселений (материалы для единой информационной системы).....	241
Рыжкова-Гришина Л. В. Из истории развития натурфилософских идей в литературе.....	247
Рыжкова-Гришина Л. В., Гришина Е. Н. Архаическая лексика на современном этапе.....	253
Рыжкова-Гришина Л. В., Гришина Е. Н. Устаревшие слова в открытой системе русской лексики.....	257

V. ЭКОНОМИКА

Ершов В. Ф. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – новый институт финансовой системы Китайской народной республики.....	261

VI. ПРАВО

Бабкин Л. М., Лыткин Н. Н., Булатецкий С. В., Пинчук Л. В. О некоторых полномочиях прокурора на стадии досудебного производства в уголовном процессе.....	269
Бадальянц Э. Ю. Мошенничество в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая характеристика.....	275
Волкова Е. А. К вопросу о применении процедур медиации в сфере суррогатного материнства.....	279
Греков М. Л. Признание лица ранее отбывавшим лишение свободы: новеллы судебного толкования.....	283
Ищенко С. В., Помазан С. В. К вопросу о предпринимательском мошенничестве.....	287
Капица Л. С., Бушков Д. В. Юридическая квалификация договора присоединения (кредитного договора) по признакам состава преступления, предусмотренного Ст. 177 УК РФ.....	291
Киёк Т. З., Киёк Е. Н. Понятие и значимость следственных действий при расследовании уголовного дела.....	295
Киёк Т. З., Черепанова И. В. Административная ответственность как один из значимых способов защиты трудовых прав граждан и деятельность прокуратуры.....	298
Куфтерин А. Н., Булатецкий С. В., Хамидова И. В., Лопатин Е. А. Метод полиграфных проверок и психофизиология как психофизиологические методы диагностики свойств и состояний личности сотрудников правоохранительных органов.....	306
Мальчук О. И. Сыск в период становления централизованного Российского государства и преодоление феодальной раздробленности.....	312
Мальчук О. И. Защита государственной тайны в России в XVI - XVIII веках.....	317
Мелтонян Р. М. Деятельное раскаяние как основание института освобождения от уголовной ответственности: анализ и перспективы развития.....	320
Никулина И. А. Предупреждение и профилактика преступлений в сфере медицины: проблемы латентности.....	325
Сметанкина Г. И., Шуткина С. А. Правовые основы деятельности МЧС России.....	329
Терновая Ю. Е. Правовая регламентация сервитутных отношений в российском дореволюционном законодательстве.....	332

VII. ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ И ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Муртазов А. К. Оптические свойства малых тел Солнечной системы и их моделирование в лаборатории.....	334

VIII. БИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА

Ленков М. В., Иванов Е. С., Барановский А. В. Особенности техногенной элиминации позвоночных животных в г. Рязани.....	350
Глушкова Е. П., Булатецкий С. В. Избирательность действия переменного магнитного поля на активность стресс-лимитирующей и стресс-реализующей систем.....	355
Жучков М. В., Ракита Д. Р., Ермошина Н. П. Клинические предикторы микогенной сенсibilизации у коморбидных пациентов бронхиальной астмой и онихомикозом стоп.....	362
Котляров С. Н., Качамина С. А. Анализ конденсата выдыхаемого воздуха в диагностике бронхиальной астмы.....	370
Митин Н. Е., Васильева Т. А. Клиническое обоснование применения компьютерной программы исследования окклюзиограммы.....	

для повышения качества стоматологического лечения.....	375
Харитонов Д. Ю., Митин Н. Е., Мишин Д. Н. Клиническое обоснование использования зубочелюстных протезов дополненных миогимнастическим элементом у стоматологических пациентов в постоперационном периоде.....	378
Власов В. И. Гносеологические вопросы теории эпидемиологии.....	380
Власов В. И. Общий принцип и единое начало теории эпидемиологического процесса (синтез положений науки, религии, философии).....	387

CONTENTS

I. HISTORY & POLITOLOGY

Klinov A. S. On the Tibetan Issue.....	6
Aleksandrov K. M. Wilfried Strik-Strikfeldt: to the History of the Russian Career of the Northwest Army Captain.....	9
Aleksandrov K. M. Russian All-Military Union in Europe in 1939-1941: Organization and Resources.....	15
Dashin A. V., Oganyan E. V. Organization-Legal Bases of Formation of the Financial Policy of the Government of General Wrangel in the Crimea, in the Final Phase of the Civil War in the South of Russia (1920).....	21
Ryndin I. J. Materials for Compiling Genealogical Paintings Nobility of Ryazan Province, Stored in Funds State Archive of the Ryazan Region.....	26
Ershov V. F., Nagornov V. P. The World of the Ryazan Metallurgy of the XVIII-XIX Centuries in Documents of the State Historical Museum.....	33
Kulikova S. G. Implementation of Projects Zemstvo Conservatives to Establish a Network of Rural Postal Stations.....	39
Dushkova N. A., Grigorova V. A. The System of Training of Artisans in the XIX century as a Basis for Further Development of Various Forms of Training of Skilled Workers in Russia.....	46
Zaparyi Vas. Vlad. Social Situation of Workers Ural Tank Industry in the 1945-1950.....	52
Radjabov O. R., Lobacheva Z. N. Modern Geopolitics in the Northern Caucasus.....	69
Hizriev Z. H. Ethno-Cultural Features of Interethnic Relations in Russian Society.....	73
Hizriev Z. H. Ethno-Cultural Management Principles in the Chechen Republic in the Post-Conflict Period.....	78

II. PHILOSOPHY & SOCIOLOGY & CULTUROLOGY

Blukhina N. A. The Diversity of Analytical Methods in the Twentieth Century Analytical Philosophy.....	83
Bashlakova T. M. Formation Institutional Environment for Innovative Development.....	95
Gomanova S. O. Russian and Foreign Ecovillages: Comparative Analysis.....	101
Maslova S. Y. Empirical Analysis of the Socio-Cultural Determinants of the Formation of the Professional Career of Employees of Business-Enterprises of the Primorsky Territory on the Example of the Institution: ООО «LIAN».....	107
Matraeva A. D. Creative Competence in the Structure General Cultural Competence of Students.....	111
Rybakova M. V. Functional Illiteracy as a Demonstration of Crisis in Education.....	117
Chernyshev I. I. Main Theories of Sociological Approaches to Understanding of the City.....	121
Nadirova Zh. K. Globalization as a Strategy of Spreading Global Media Content on Local Markets (by the Example of MTV).....	127
Kutenkov P. I. The Symbolic Meaning of the Double Layer Skirts Peasant Kotlinski the Tribal Culture of the Ryazan Land (by Field Materials).....	133

III. PEDAGOGY & PSYCHOLOGY

Arkharova L. I., Plaksina O. A. Building the Healthy Living Values among Young People.....	139
Barkova S. M. Personal Experience of Sexuality in Childhood and the Attitude Towards Child Sexuality among Young Adults.....	144
Bulatetsky S. V., Markov A. S. Application of the Method of Correlation Galaxies in Studying of Features of the System Organization and Efficiency of Psychophysiological Processes at Cadets with Different Success of the Vocational Education.....	150
Gasimov A. F. Domestic and Foreign Approaches to Research of Emotional Intelligence.....	157
Gerova N. V. Methodological Approaches to Computer Competency Development in the Process of Training Teachers of the Humanities.....	164
Dzuybko G. Yu. Work with Comparison as a Method of Intellectual Development of Students.....	174
Zholudova A. N., Polyakova O. V., Levina M. A. Formation of Inter-Ethnic Relations Culture in Higher Educational Institution by Means of Life-Purpose Orientations of Trainees.....	180
Markov A. S., Bulatetskiy S. V. Success of the Cadets' Vocational Training in Educational Institutions of the Ministry of Defence of the Russian Federation: Physiological Aspects.....	185
Mutaliev L. S. Pedagogical Features of Professional Legal Education of Employees of Ministry of Emergency Situations of Russia in the Multi-Level System of Education.....	192
Novik N. V. The Importance of Establishing Links between Newly Acquired and Previously Acquired Knowledge on the Example Plots of Monge.....	196
Novikova I. A. Individually-Typical Programs for Persistence Development in Students.....	200
Pelmenov V. K., Lukashenya Z. V. (Belarus) Realization of Consulting Services in the Higher Educational Institution.....	206
Selezneva M. V. Ideal Officer's Image in the Notion of Teachers and Commanders.....	212
Soldatenkova E. N. Bridging the Communication Gap as One of the Conditions for the Inclusion of Children with ASD in Education.....	219
Sofronova N. V. The Organization of Research Work of Students in the Course of Studying of Discipline «Russian and Standard of Speech» (in the Direction of Preparation «Management»).....	231
Susorova M. V. Personality of Teacher and Her Influence on Development of Necessity to the Regular Engaging in a Physical Culture for the Students of Institution of Higher Learning.....	237

IV. PHILOLOGY

Gordova Yu. Yu. The Toponymy of Russia: the Names of Rural Settlements (Materials for the Unified Information System).....	241
Ryzhkova-Grishina L. V. From the History of Natural Philosophy Ideas in Russian Literature.....	247
Ryzhkova-Grishina L. V., Grishina Y. N. The Archaic Lexicon at the Present Stage.....	253
Ryzhkova-Grishina L. V., Grishina Y. N. Outdated Words in an Open System Russian Vocabulary.....	257

V. ECONOMICS

Ershov V. F. Asia Infrastructure Investment Bank (AIIB) – New Institute of the Financial System of People's Republic of China.....	261

VI. LAW

Babkin L. M., Lytkin N. N., Bulatetskiy S. V., Pinchuk L. V. On the Question of the Prosecutor's Power at the Stage of Pre-Trial Proceedings in a Criminal Trial.....	269
Badalyans E. Yu. Fraud in the Sphere of Computer Information: Criminal-Legal Characteristic.....	275
Volkova E. A. On the Question of the Application of Mediation Procedures in the Field of Surrogacy.....	279
Grekov M. L. The Admission of a Person as being Earlier Served Sentence of Imprisonment: Innovations of Court Interpretation.....	283
Ishchenko S. V., Pomazan S. V. On the Issue of Entrepreneurial Fraud.....	287
Kapitsa L. S., Bushkov D. V. Legal Qualification of the Contract of Adherence (Credit Agreement) on Signs of Structure of the Crime Provided by Art. 177 of the Criminal Code.....	291
Kiek T. Z., Kiek E. N. The Concept and Importance of Investigative Actions during the Investigation of the Criminal Case.....	295
Kiek T. Z., Cherepanova I. V. Administrative Responsibility as One of the Most Important Ways of Protecting Labor Rights and the Activities of the Prosecutor's Office.....	298
Kufterin A. N., Bulatetskiy S. V., Hamidova I. V., Lopatin E. A. Method of Polygraphy and Psychographology as Psychophysiological Method of Diagnostics of Attributes and States of the Personality of Law Enforcement Officers.....	306
Malchuk O. I. The Investigation during the Formation of the Centralized Russian Nation and Overcome the Feudal Disunity.....	312
Malchuk O. I. The Protection of State Secrets in Russia in the XVI – XVIII Centuries.....	317
Meltonyan R. M. Active Repentance as a Ground for Relieving from Criminal Liability: Analysis, Development Prospects.....	320
Niculina I. A. Prevention of Crimes in the Sphere of Medicine: Problems of Latent Criminality.....	325
Smetankina G. I., Shutkina S. A. Legal Bases of Activity of EMERCOM of Russia.....	329
Ternovaya Yu. Eu. Legal Regulation of Servitude Relations in the Russian Pre-Revolutionary Legislation.....	332

VII. ENGINEERING & TECHNICS & PHYSICS & MATHEMATICS

Murtazov A. K. Solar System Minor Bodies' Optical Properties and its Simulation in Laboratory.....	334

VIII. BIOLOGY & MEDICINE

Lenkov M. V., Ivanov E. S., Baranowski A. V. Features of Technogenic Elimination of Vertebrates in Ryazan.....	350
Glushkova E. P., Bulatetskiy S. V. Selectivity of Action of an Alternating Magnetic Field on the Activity of Stress-Limiting and Stress-Realizing Systems.....	355
Zhuchkov M. V., Rakita D. R., Yermoshina N. P. Clinical Predictors of Fungal Sensitization in Comorbid Patients with Bronchial Asthma and Toenail Onychomycosis.....	362
Kotlyarov S. N., Kachamina S. A. Exhaled Breath Condensate Analysis in the Diagnosis of Asthma.....	370
Mitin N. E., Vasilyeva T. A. The Clinical Explanation of Computer Based Occlusiographia Analysis for Dentistry Treatment Quality Improvement.....	375
Kharitonov D. Y., Mitin N. E., Mishin D. N. The Clinical Explanation for Use of Dental Prostheses Supplemented Biogeneticists Element in Dental Patients in the Postoperative Period.....	378
Vlasov V. I. Epistemological Problems in the Theory of Epidemiology.....	380
Vlasov V. I. General Principles and One Start of Epidemic Process Theory (Synthesis Position of Science, Religion, Philosophy).....	387

УДК 94(515)
ББК 63.3(5Кит)
Всеобщая история

О ТИБЕТСКОМ ВОПРОСЕ

Доктор исторических наук А. С. Клинов

В статье анализируется вопрос о перспективах выхода Тибета из состава Китая. Эта возможность зависит от баланса сил в мире и от международного права. Эти вопросы стали главными вопросами статьи.

Ключевые слова

Тибет, Китай, Кашаг, Далай-лама, Генеральная Ассамблея ООН, США, резолюции ООН, индийско-китайское соглашение 1954 г., Симлская конвенция 1914 г., численность тибетцев

Расположенный в самой возвышенной части земного шара, обширный [1], богатый природными ресурсами Тибет занимает исключительно важное для Китая географическое и стратегическое положение [2] и является самым сложным районом для КНР в плане сохранения единства Китая. Правительство Тибета в эмиграции (созданное Далай-ламой XIV после Мартовского 1959 г. антикитайского восстания в Тибете) считает, что территория Тибета соответствует Тибетскому плато площадью 2,5 млн. кв. км [3], охватывая все земли компактного проживания тибетцев (большой Тибет), а не ограничивается только лишь Тибетским автономным районом (ТАР).

Относясь к изложенному выше взгляду на границы Тибета как к замыслу империалистов, стремящихся расчленив Китай, руководство КНР считает, что Тибет занимает лишь территорию ТАР [4]. Территория ТАР (площадью более 1,2 млн. кв. км) [5] составляет менее полови-

ны площади Большого Тибета. Там живет меньшая часть тибетцев КНР.

Правительство Тибета в изгнании считает, что всего в КНР проживает приблизительно 6 млн. тибетцев [6]. Оспаривая эту цифру [7], китайские официальные статистические данные указывали, что в начале 90-х гг. XX в. в Китае жило примерно 4,6 млн. [8], а в ТАР 2,096 млн. тибетцев из 2,196 млн. чел. общего числа жителей ТАР [9]. Много тибетцев живет в Непале, Сиккиме, Бутане, Индии.

Важную роль в решении проблемы Тибета играет правовая сторона.

Существенными моментами в решении проблемы Тибета являются следующие.

Во-первых, какие источники права подлежат применению при решении тибетской проблемы.

Во-вторых, какова роль соблюдения прав человека в Тибете для решения (с международно-правовой точки зрения) вопросов о его пребывании в составе Китая и о политическом статусе Тибета.

Вполне очевидно, что источники права должны взаимно признаваться всеми сторонами тибетского конфликта. Только так можно на основе законности решить тибетскую проблему. Перечень таких источников права дает статья 38 Статута Международного Суда, согласно статье 92 Устава ООН являющегося необъемлемой частью Устава ООН [10].

В связи с этим не могут ли быть источником при разрешении тибетской проблемы нормы традиционного китайского права (на чем порой настаивают и КНР и Тайвань) и традиционного тибетского права (на чем настаивает правительство Тибета в изгнании).

Из статьи 38 Статута Международного Суда видно, что основным источником при разрешении тибетской проблемы следует признать международные конвенции по Тибету, которые разрешают вопрос о территориальной принадлежности этого района и о его политическом статусе. Таких конвенций две: Конвенция между Великобританией и Тибетом, заключенная на британо-китайско-тибетской конференции в Симле 3 июля 1914 г. (больше известная как Симлская конвенция 1914 г.) и Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Индии о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией от 29 апреля 1954 г. (известное также как Соглашение 1954 г.). Обе они (Симлская конвенция 1914 г. статьей 2 [11], Соглашение 1954 г. преамбулой [12]) определили, что Тибет является частью территории Китая.

Статья 2 Симлской конвенции подтвердила установленный «Высочайше утвержденным уставом по приведению в порядок дел в Тибете» от 1793 г. сюзеренитет Китая над Тибетом и преобразовала Тибет из внутреннего вассала империи Цин в автономное государство в составе Китайской Республики [13]. Но в отличие от сюзеренитета маньчжурской династии, который имел вполне реальный характер, Симлская конвенция 1914 г. придала сю-

зеренитету Китайской Республики над Тибетом формальное содержание, лишив Китай возможности реально контролировать тибетские дела и предоставив Великобритании права вмешиваться в тибетскую проблему и эффективно (по крайней мере, не в меньшей степени, чем Китай) влиять на положение дел в этом районе. Индия, после обретения ею независимости в 1947 г. унаследовавшая права Англии в Тибете, по заключенному ею с Китаем Соглашению 1954 г. отказалась от своих привилегий в этом районе и признала суверенитет Китая над Тибетом [14].

Тибетская оппозиция исходит из того, что права человека постоянно и грубо нарушаются со стороны КНР [15], а Международная комиссия юристов 1960 года сделала вывод о том, что власти КНР осуществляли в Тибете политику геноцида против тибетцев как этнической и религиозной группы [16]. Начиная с 80-х гг. XX в. положение с правами человека как в КНР в целом, так и в Тибете в частности, значительно улучшилось. Но эта сфера все еще остается объектом острой критики международных правозащитных организаций.

Согласно нормам современного международного права само по себе нарушение прав человека не может стать основанием для ослабления власти Китая в Тибете и тем более для выхода Тибета из состава Китая.

Таким образом, исходя сказанного выше, можно прийти к следующим выводам.

Первое. С конца XVIII в. вплоть до настоящего времени Тибет всегда (в т. ч. в 1911-1950 гг.) был и остается законной частью территории Китая.

Второе. С 1793 г. вплоть до 1954 г. Китай обладал законными сюзеренными правами над Тибетом (Симлская конвенция 1914 г. придала этим правам во многом формальный характер).

Третье. С 1954 г. приобрел законные суверенные права над Тибетом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рампа Т. Третий глаз. – Л.: Лениздат, 1991. – 199 с. – С. 156.
2. Ренкур А. де. Крыша Мира Тибет – ключ к Азии. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 100 с. (далее: Ренкур). – С. 82.
3. Тибет: Правда, основанная на фактах. – М.: Галарт, 1994. – 120 с. – (далее: Правда на фактах). – С. 10.
4. Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека. – Пекин: Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 1992. – 104 с. – (далее: Кому принадлежит суверенитет над Тибетом). – С. 87.
5. Новейший атлас Китая для практического использования. – Пекин: Китайское издательство географических карт, 1992. – 105 с. (на кит. яз.). – С. 88.
6. Правда на фактах. – С. 94-95.
7. Кому принадлежит суверенитет над Тибетом. – С. 87.
8. 56 национальностей Китая. – Пекин: Синьсин, 1992. – 28 с. – С. 4.
9. Численность лиц тибетской национальности в Китае на современном этапе // Общественные науки Китая. – 1993. – №5. – С. 173-194 (на китайском языке). – С. 176-177.
10. Устав Организации Объединенных Наций // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. – Том III. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 397-455. – С. 429.
11. Конвенция между Великобританией и Тибетом от 3 июля 1914 года // Кулешов Н.С. Россия и Тибет в начале XX века. Приложение. М.: Наука, 1992. С. 265-267 (далее: Симлская конвенция). С. 265.
12. Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Индии о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией от 29.04.1954 // Международная жизнь. – 1954. – №1. – С. 157-158. – (далее: Соглашение 1954 г.). – С. 157.
13. Симлская конвенция. – С. 265.
14. Соглашение 1954 г. – С. 157.
15. Правда на фактах. – С. 55.
16. Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Committee on Tibet. – Geneva: International Commission of Jurists, 1960. – 346 p. – С. 23.

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)622,61
Отечественная история

ВИЛЬФРИД ШТРИК-ШТРИКФЕЛЬДТ: К ИСТОРИИ РУССКОЙ КАРЬЕРЫ КАПИТАНА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

Кандидат исторических наук К. М. Александров

Статья посвящена судьбе и карьере участника Белого движения на Северо-Западе России капитана Вильфрида Штрик-Штрикфельдта (1897-1977). Автор описывает особенности его жизни, образования и военной службы. Отмечается влияние петербургской и европейской культурной традиции на взгляды Штрик-Штрикфельдта в связи с его участием во Власовском движении, антигитлеровской оппозиции и борьбе против нацистской восточной политики в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова

Антигитлеровская оппозиция, Власов, Гуверовский архив, армия Власова, русская военная эмиграция, Санкт-Петербург, Северо-Западная армия, школа в Дабендорфе, Штрик-Штрикфельдт, Юденич

Имя капитана В. К. Штрик-Штрикфельдта приобрело известность, в первую очередь, благодаря его неординарным мемуарам [21] и той важной роли, которую сыграл этот «русский» немец в судьбе бывшего командарма 2-й ударной армии Волховского фронта генерал-лейтенанта А. А. Власова и организации в 1942-1943 гг. «акции Власова» [6; 17. Р. 555; 18. Р. 289]. А. Д. Даллин – признанный специалист по истории германской восточной политики в 1941-1945 гг. – предлагал рассматривать её как попытку представителей одной тоталитарной системы взаимодействовать с людьми, сформированными в рамках другой аналогичной модели [17. Р. 668]. Однако если биография Власова реконструирована в достаточной степени [1. С. 254-328], то

жизненный путь и подробности карьеры «капитана Штрика», как называли его русские друзья [3], малоизвестны. В некрологе о довоенной жизни Штрик-Штрикфельдта сообщались минимальные сведения и даже дата рождения по григорианскому календарю была указана с ошибкой [3].

Подданный Российской империи Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт (в дореволюционном русском написании – *Штриккфельдт*, в немецкой версии – Вильфрид-Карл-Гвидо Штрик-Штрикфельдт) родился 10 (по н. ст. 22) июля 1897 г. в Риге Лифляндской губернии в семье коммерсанта Карла Штрик-Штрикфельдта и его жены Лидии (урожденной Бок), происходил из мещан евангелического-реформатского вероисповедания [2.

Л. 29; 19. Л. 134]. Его отец умер в 1941 в Позене (Познани), мать – в 1945 г. в Баварии.

Детство и юность Штрик-Штрикфельдта прошли в Санкт-Петербурге. «Убежденный сторонник европейского единства», как писали о нем друзья [3], воспитывался в лоне петербургской субкультуры и олицетворял социо-культурный тип петербургского немца, сохранившего на протяжении долгой жизни теплые воспоминания о российской столице [10. С. 106.]. Жена Штрик-Штрикфельдта Адель Эрнестовна (в немецкой версии – Адель-Гермина-Мари, урожденная Гельдерблом, дочь пастора доктора Эрнста Гельдерблома и его жены Адели, урожденной Виндрат) в детстве тоже жила в Санкт-Петербурге и покинула город вместе с родителями – германскими подданными – в начале Великой войны 1914-1918 гг.

15 августа 1911 г. в Санкт-Петербурге Вильфрид Штрик-Штрикфельдт поступил на реальное отделение Училища при Реформатских Церквах (наб. р. Мойки, 38). Интересно, что в числе его товарищей по Училищу был М. К. Борель – будущий юнкер Николаевского кавалерийского училища, Л.-гв. штабс-ротмистр Уланского Его Величества полка и супруг В. М. Алексеевой, дочери основоположника Белого движения, генерала от инфантерии М. В. Алексеева. В собрании автора статьи находится первое издание воспоминаний Штрик-Штрикфельдта с посвящением мемуариста своему старому другу.

3 июня 1914 г. Штрик-Штрикфельдт окончил полный курс наук по коммерческому отделению при отличном поведении. После этого молодой человек мог вступить в военную службу с льготами по образованию в качестве вольноопределяющегося I разряда и с перспективами скорого производства в первый офицерский чин. Аттестат с итоговыми показателями базового образования Штрик-Штрикфельдта производит достойное впечатле-

ние: Закон Божий, немецкий и английский языки, география, история, естественная история, физика, книговодство, коммерческое счетоводство – «отлично»; русский и французский языки, математика – «хорошо» [2. Л. 29]. Средний балл по пятибалльной системе составил 4,75. Таким образом, широкий кругозор и административные способности Штрик-Штрикфельдта во многом объясняются качественным средним образованием, полученным в Санкт-Петербурге, в равной степени, как и его открытость европейской культуре. Вильфрид Карлович, как и его старший единомышленник в Вермахте полковник граф К. Ф. фон Штауффенберг, любил и ценил английскую литературу [7. С. 42; 18. Р. 215]. Например, в переписке с русскими корреспондентами Штрик-Штрикфельдт цитировал Евангелие на английском языке [11. С. 1].

С началом Великой войны Штрик-Штрикфельдт вступил в службу в Русскую Императорскую армию и после окончания в Петрограде Николаевского инженерного училища 1 февраля 1915 г. – в семнадцать лет – был произведен в подпоручики полевых инженерных войск [19. Л. 134]. Это производство, состоявшееся в результате хороших результатов базового образования и успехов в науках, предоставило юноше хорошие стартовые возможности. В 1915-1917 гг. Штрик-Штрикфельдт служил младшим офицером (начальником строительного участка) и заместителем начальника строительства на Северо-Западном и Северном фронтах, а в июле 1917 г. получил назначение старшим офицером 7-го саперного батальона приданного 187-й пехотной дивизии сформированной при XXVII армейском корпусе (12-я и 5-я армии Северного фронта). 17 мая 1917 г. Штрик-Штрикфельдт был произведен в поручики полевых инженерных войск [19. Л. 134].

В 1947 году доцент Московского института народного хозяйства имени Плеханова и бывший военнопленный М. М. Са-

мыгин (в 1941 – младший лейтенант, начальник химической службы 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии 10-й армии Западного фронта, в эмиграции Китаев), участвовавший во Власовском движении, характеризуя Штрик-Штрикфельдта, писал: «Сам он лично или через других лиц намекал иногда, что, сражаясь на русской стороне, он выполнял известную работу в интересах Германии» [7. С. 41]. Однако трудно понять, с какой целью в 1942-1943 гг. Штрик-Штрикфельдт, состоявший в чине капитана на службе в Вермахте, мог делать столь странные намеки – тем более через посторонних – второстепенным русским военнопленным, априори разрушая тем самым свое реноме и безупречное доверие власовцев?.. Подобное поведение Штрик-Штрикфельдта выглядело бы как минимум нелогичным.

Сообщение Самыгина не подтверждается другими источниками, тем более некоторые сослуживцы считали многие его оценки нерелевантными и пристрастными [8. Л. 1]. Кроме того, нельзя исключать и преднамеренной политической дезинформации Самыгина. В 1943-1944 гг., особенно во время кризиса и постоянных нападков немецких противников Власова на Дабендорфскую школу РОА, в распространении мифов могли быть заинтересованы разные люди, включая самого Штрик-Штрикфельдта, чьи русофильство и служба в годы Великой войны выглядели в глазах нацистов, а также их агентов – предосудительными и компрометирующими фактами. Поэтому утверждение Самыгина, основанное на слухах, мы не считаем аутентичным. Вместе с тем пока бездоказательна и апологетическая версия белоэмигранта и члена НТС А. С. Казанцева, утверждавшего, что в годы Великой войны Штрик-Штрикфельдт заслужил Георгиевские кресты IV и III степеней [5. С. 103-104].

В феврале 1918 г. после ликвидации большевиками старой русской армии и

расформирования своей части Штрик-Штрикфельдт на какое-то время оставил военную службу и покинул бывший Северный фронт. Скорее всего, он вернулся к родителям в Ригу, находившуюся в зоне германской оккупации, но уже 4 сентября [19. Л. 134] – одним из первых офицеров-добровольцев – вступил в ряды Отдельного Псковского Добровольческого корпуса Северной армии, формировавшегося в Пскове по инициативе Л.-гв. ротмистра В. Г. фон Розенберга, и тем самым принял участие в Белом движении на Северо-Западе России. В интересах белого командования Штрик-Штрикфельдт неоднократно выступал в качестве офицера-переводчика: с немецкого языка – при контактах русских офицеров с представителями командования 8-й германской армии, с английского языка – с британским генералом Х. Гофом, руководившим союзной миссией в Финляндии и Прибалтике, а также майором армии США Гейдом [19. Л. 135].

По состоянию на 26 января (ст. ст.) 1919 г., будучи в чине поручика, Штрик-Штрикфельдт занимал должность старшего адъютанта по оперативной части штаба Отдельного (бывшего Псковского Добровольческого) корпуса [12. Л. 12] Северной армии (ОКСА), которым командовал полковник А. Ф. Дзержинский. 19 апреля за отличия и «выдающиеся заслуги» Вильфрид Карлович заслужил производство в штабс-капитаны, и спустя шесть дней был назначен заместителем адъютанта оперативного отделения штаба корпуса.

После развертывания корпуса в Северную (с июля – Северо-Западную) армию генерал-майора А. П. Родзянко штабс-капитан Штрик-Штрикфельдт служил старшим адъютантом оперативного отделения Полевого армейского штаба. 25 июня (ст. ст.) последовал перевод Вильфрида Карловича в штаб формировавшейся 1-й стрелковой дивизии генерал-майора Дзержинского [13. Л. 22]. Интересно, что

немецкая фамилия в русских документах писалась по-разному: *Стрик-Стрикфельд*, *Стрик-Штрикфельд*, *Стрик-фон Штрикфельд*. Во время осенних боев за Петроград дивизия генерала Дзерожинского (примерно 3,2 тыс. штыков к концу сентября) участвовала в наступлении войск Северо-Западной армии на Лужском направлении – на станции Оредеж и Батецкая – её части взяли Лугу, а затем были переброшены под Гатчину и после кризиса на фронте отступали к Ямбургу и Нарве [15. С. 127, 133, 135-136, 145, 148, 153].

В 1919 г. Штрик-Штрикфельдт заслужил сразу два производства. Приказ о последнем при помощи А. М. Афанасьева – сына офицера Северо-Западной армии – нам удалось найти во время исследований в Гуверовском архиве Стэнфордского университета. 12 октября (ст. ст.) в разгар Петроградской операции Главнокомандующий Северо-Западной армией генерал от инфантерии Н. Н. Юденич – лучший российский военачальник Великой войны – за отличия и работу при штабе 1-й пехотной (отдельной) дивизии приказом № 252 произвел штабс-капитана Штрик-Штрикфельдта в капитаны [14. Л. 370]. Этот чин Белой армии стал последним в его военной карьере. Отметим, что среди офицеров малочисленной Северо-Западной армии Штрик-Штрикфельдт особенно ценил начальника знаменитой 5-й (Ливенской) пехотной дивизии полковника К. И. Дыдорова. Вильфрид Карлович, по собственному признанию, «не только уважал, но и любил как близкого друга» доблестного командира ливенцев, «кристальной чистоты, бескорыстного, и в то же время знающего всему меру – офицера и человека» [9. С. 1-2].

Штрик-Штрикфельдт разделил трагическую судьбу чинов Северо-Западной армии, отступивших на территорию Эстонской республики. Ряды армии косил тиф, массовая смертность тысяч русских военнослужащих и беженцев зимой 1919/

20 гг. была сопоставима с гуманитарной катастрофой [4. С. 71-93]. В январе 1920 г. Штрик-Штрикфельдт заболел и был уволен из рядов армии. После выздоровления он вернулся в Ригу и поселился в столице независимой Латвии. Непродолжительное время капитан служил при британской военной миссии [20. Р. 7].

В Риге Штрик-Штрикфельдт организовывал помощь голодающим в РСФСР и эмигрантам, работал по мандату Международного Комитета Красного Креста при обмене бывших немецких и русских военнопленных и Нансеновской международной организации по делам беженцев. В 1924-1939 гг. представлял в латвийской столице интересы торговых германских и британских фирм (Фельтен & Гийом Карлсверк АГ – Кёльн, Немецкое предприятие по очистке золота и серебра, Франкфурт-на-Майне, Л. & К. Штайнмюллер-Гуммерсбах), продолжал учиться, изучал экономику и юриспруденцию в знаменитом Рижском институте И. Гердера, занимался спортом, участвовал в международных соревнованиях по хоккею, академической гребле и легкой атлетике, и состоял членом Латвийского олимпийского комитета [3; 19. Л. 135]. Он много путешествовал, посетив в межвоенный период Германию, Великобританию, Швецию, Норвегию, Данию, Финляндию, Прибалтийские государства и Голландию, свободно владел английским, немецким, русским языками, объяснялся на французском и латышском. В межвоенный период Штрик-Штрикфельдт женился и в 1930 г. у супругов родилась дочь Адель (Дели), которая ныне здравствует в Германии.

В декабре 1939 г. на фоне советско-финляндской войны семья Штрик-Штрикфельдта, включая его родителей, репатрировалась из Латвии в Германию. Однако в старый Рейх репатриантов из Прибалтики не пускали, а направляли преимущественно в Вартегау – присоединенную область Западной Польши с центром в Позене (Познани). Здесь Штрик-Штрикфельдт

открыл небольшое инженерное бюро и весной 1941 г. похоронил отца. В апреле 1941 г. он добровольно отказался от брони и подал рапорт о поступлении в Вермахт, подчеркнув знание языков и свой русский чин капитана, соответствовавший немецкому майору. 2 мая он сдал экзамен на устного переводчика русского языка при Имперском объединении студентов-переводчиков в Берлине, получив высшую категорию (класс «А») и вскоре убыл в разведывательный отдел штаба группы армий «Б» (с 21 июня 1941 – «Центр»). Правда, при аттестации он получил свой старый – и как оказалось – последний чин Северо-Западной армии генерала Юденича. С поступлением на службу в Вермахт началась новая карьера Штрик-Штрикфельдта, повлиявшего в годы войны на жизненный выбор многих людей.

Таким образом, трудно согласиться с вышеупомянутым тезисом А. Д. Даллина [17. Р. 668] и полагать, что В. К. Штрик-Штрикфельдт, убедивший в июле 1942 г. пленного генерала Власова в возможнос-

ти организации широкого антисталинского движения, был сформирован в тоталитарной системе. Напротив, мироощущение и мировоззрение капитана в значительной степени определяли петербургская субкультура, русская военная карьера и служба в Северо-Западной армии. Поэтому он критиковал теорию «унтерменш» и нацистскую восточную политику, считая её неприемлемой и бесперспективной [16. S. 219-220], и стал одним из главных участников «акции Власова» с немецкой стороны. Вместе с тем участник антигитлеровской оппозиции и дипломат, ротмистр Г. Г. Герварт фон Биттенфельд («Джонни Герварт») небезосновательно назвал Штрик-Штрикфельдта «большим идеалистом», глубоко привязанным к ушедшей России 1910-х годов [18. Р. 289]. Капитан Северо-Западной армии Штрик-Штрикфельдт решил продолжить гражданскую войну – и в итоге переоценил свои возможности и влияние немногих единомышленников в Рейхе, надеявшихся изменить гитлеровскую политику.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Александров К. М.** Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова (1944-1945): биографический справочник. – Изд. 2-е, исправ. и доп. – М.: Посев, 2009. – 1120 с.
2. **Аттестат, 3 июня 1914** [Вильфриду Штрикфельдт] // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). – Ф. 499. – Оп. 1. – Д. 286.
3. **В. К. Штрик-Штрикфельдт** // Посев (Франкфурт-на-Майне). – Ежекв. вып. 1977. Окт.-дек. – С. 127. – [Некролог].
4. **Зирин С. Г.** Голгофа Северо-Западной Армии 1919 – 1920 гг. Венок памяти соотечественникам. – СПб.: ООО «Береста», 2011. – 208 с.
5. **Казанцев А. С.** Третья сила. История одной попытки. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1952. – 375 с.
6. **Коренюк Н. Л.** Трудно жить с мифами // Огонёк (Москва). – 1990. – № 46. – С. 29-31.
7. **Материалы к истории Освободительного Движения Народов России (1941-1945).** – Лондон (Канада): Изд. С.Б.О.Н.Р., 1970. – 79 с.
8. **Письмо от 20 дек. 1948 пор. К. А. Крылова – Б. И. Николаевскому** // Hoover Institution Archives (HIA), Stanford University. – Nikolaevsky B. I. Collection. – Box 487. – Folder 14. – Reel 374.
9. **Письмо от 12 янв. 1971 кап. В. К. Штрик-Штрикфельдта – А. М. Афанасьеву.** Копия, рукопись // Личный архив Александрова К. М.
10. **Письмо от 24 нояб. 1971 кап. В. К. Штрик-Штрикфельдта – полк. В. В. По-**

зднякову. Подлинник, рукопись // Там же.

11. **Письмо от 10 марта 1974 кап. В. К. Штрик-Штрикфельдта – А. М. Афанасьеву.** Копия, рукопись // Там же.

12. **Приказ № 22 от 26 янв. 1919 по ОКСА** // HIA. – Iudenich N. N. Collection. – Box 15. – Folder 28. – Д. 96 по описи Н. Н. Головина Архива Северо-Западного фронта (СЗФ).

13. **Приказ № 128 от 25 июня 1919** // Ibid. – Box 16. – Folder 16-2. – Д. 97 по описи Н. Н. Головина Архива СЗФ.

14. **Приказ № 252 от 12 окт. 1919 СЗА** // Ibid. – Box 16. – Folder 10. – Д. 98 по описи Н. Н. Головина Архива СЗФ.

15. **Родзянко А. П.** Воспоминания о Северо-Западной армии / Вступ. ст. и комм. Ф. Э. Светана. – М.: ИКАР, 2000. – 228 с.

16. **Die Behandlung des Russischen Problems während der Zeit des n. s. Regimes in Deutschland.** Maschinenschreiben [1948-1949?]; 375 s + 10 An // HIA. – Nikolaevsky B. I. Collection. – Box 260. – Folder 8 [Buchard]. – Reel 222.

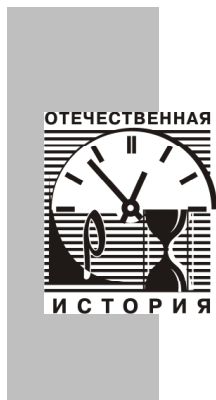
17. **Dallin A.** German rule in Russia 1941-1945. A Study of Occupation Policies. London – N. Y: Macmillan and Co LTD, St. Martin's Press, 1957. – 695 pp.

18. **Herwarth Johnnie**, von with S. F. Starr. Against Two Evils. Memoirs of a Diplomat-Soldier during the Third Reich. – London, 1981. – 318 pp.

19. **Lebenslauf des. russ. Kapitän (Major) a. D. Wilfried Strik-Strikfeldt**, Posen, Wollsteinerstr. 23 // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. – Ф. 500. – Оп. 12454. – Д. 28.

20. **Strik-Strikfeldt W.** Against Stalin and Hitler. Memoir of the Russian Liberation Movement 1941-45 / Tr. D. Footman. – London and Basingstoke: Macmillan, 1970. – 270 pp.

21. **Strik-Strikfeldt W.** Gegen Stalin und Hitler. General Wlassow und die russische Freiheitsbewegung. – Mainz: v. Hase und Koehler Verlag GmbH, 1970. – 288 Ss.

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)622,61
Отечественная история

РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ В ЕВРОПЕ В 1939-1941 гг.: ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕСУРСЫ

Кандидат исторических наук К. М. Александров

Статья посвящена малоизученным аспектам истории русской военной эмиграции в Европе в 1939-1941 гг. Автор использовал широкий круг источников выявленных во время занятий в Гуверовском архиве Стэнфордского университета и Бахметьевском архиве Колумбийского университета. В научный оборот вводятся новые сведения о структуре Русского Обще-Воинского Союза в 1939-1940 гг. и численности отдельных подразделений РОВС в 1941 г. Особое внимание уделено подготовке собственных военных кадров. На основании изученных материалов предпринята попытка оценить людские ресурсы РОВС и связанных с ним организаций (Объединение Русских Воинских Союзов и др.) накануне нападения Германии на Советский Союз.

Ключевые слова

А. П. Архангельский, Бахметьевский архив, Белое движение, Вторая мировая война, Гуверовский архив, Н. Н. Головин, русская военная эмиграция, В. К. Витковский, А. А. фон Лампе, Русский Обще-Воинский Союз

История русской военной эмиграции в Европе в годы Второй мировой войны остается одним из приоритетных направлений современного эмигрантоведения [4. С. 34-44]. При этом советские и российские исследователи преимущественно использовали опубликованные источники и материалы отечественных архивов [10. С. 581-595, 598-600; 16. С. 31-36; 27. С. 244-254; 28. С. 208-224 и др.]. Однако до сих пор малоизученным остается широкий круг источников, которые представлены в зарубежных коллекциях Архива Гуверовского института Стэнфордского университета (Hoover Institution Archives, Stanford University, HIA), Архива Свято-Троицко-

го монастыря в Джорданвилле (АСТМ), Бахметьевского архива Колумбийского университета (Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive, BAR), Архива Музея русской культуры (АМРК) в Сан-Франциско и других архивов. Одним из первых российских исследователей к собраниям Гуверовского архива обратился В. Г. Бортневский [6. С. 7-8]. Материалы зарубежных коллекций позволяют ввести в научный оборот новый фактический материал, дополнить и уточнить результаты предшествующих исследований, в том числе в связи с такой актуальной темой как организация и оценка ресурсов русских воинских организаций в Европе в начальный период Вто-

рой мировой войны.

Наиболее значительной воинской организацией Зарубежья был Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), учрежденный в 1924 г. генерал-лейтенантом бароном П. Н. Врангелем. В сентябре 1938 г. старшие начальники РОВС вновь подчеркнули преемственность Союза от Белого движения, цель которого заключалась «в освобождении России от большевистского ига и в восстановлении в России национально-правовой государственности, отвечающей религиозному и национальному самосознанию народа и историческим путям, нарушенным Российской Смутой» [9].

По состоянию на 1 сентября 1939 г. РОВС имел пять отделов в Европе – I (Французский) генерал-лейтенанта В. К. Витковского, III (Болгарский) генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова, IV (Югославский) генерал-лейтенанта И. Г. Барбовича, V (Бельгийский) генерал-майора Б. Г. Гартмана, VI (Чехословацкий) капитана I ранга Я. И. Подгорного, два отдела в Северной Америке – I (Североамериканский на Востоке США) генерал-майора Е. С. Имнадзе и II (Североамериканский на Западе США) генерал-майора Н. П. Веселовского и семь подотделов – I (Аргентинский) полковника А. Н. Ефремова, II (Бразильский) полковника К. З. Ахатнина, III (Парагвайский) генерал-майора Н. Ф. Эрна, IV (Уругвайский) полковника С. А. Мельшикова, V (Австралийский) полковника В. В. Корженевского, VI (Дальневосточный) генерал-лейтенанта К. Ф. Вальтера и VII (Финляндский) [17].

В связи с обострением осенью 1939 г. советско-финляндских отношений особое значение приобрела деятельность чинов Финляндского подотдела РОВС, которым руководил капитан Ф. Д. Шульгин (1887-1959) – уроженец Гельсингфорса и участник Белого движения на Востоке России, бывший в 1920 г. личным адъютантом командующего войсками Российской Восточной Окraiны генерал-лейтенанта Г. М.

Семенова. Наиболее крупным по численности оставался I отдел Союза, объединявший 15 воинских союзов и 45 отдельных групп на подчиненной территории (Франция с колониями, Голландия, Египет, Италия). По сообщению генерала Витковского к осени 1941 г. в I отделе во Франции насчитывалось более трех тысяч чинов [18], соответственно общая численность чинов РОВС в 1941 г. в составе I, III, IV и V отделов, вероятно, превышала 5-6 тыс. человек.

Обособленное положение занимали чины Союза в Третьем Рейхе. Осенью 1938 г. начальник РОВС Генерального штаба генерал-лейтенант А. П. Архангельский, проживавший в Брюсселе, выделил II (Германский) отдел в формально самостоятельную организацию – Объединение Русских Воинских Союзов (ОРВС). Причиной этого решения стал запрет наложенный нацистами на работу эмигрантских организаций, существовавших на территории Рейха, но имевших зарубежные органы управления. 24 октября 1938 г. в соответствии с приказом № 36 от 22 октября генерала Архангельского должность начальника ОРВС занял Георгиевский кавалер, Генерального штаба генерал-майор А. А. фон Лампе – бывший начальник II отдела Союза [23; 24]. 7 сентября 1939 г. германские власти утвердили устав ОРВС (№ 12350). В 1939-1940 гг. по мере расширения зоны германской оккупации в состав Объединения вошел бывший VI (Чехословацкий) отдел (Юго-Восточный отдел ОРВС), возникли подразделения в Данциге (VII отдел ОРВС), Польше (Восточный отдел ОРВС), Остмарке, Люксембурге (Западный отдел ОРВС). К февралю 1941 г. на регистрации в семи отделах ОРВС числились более трехсот чинов, преимущественно генералов и офицеров [20].

При изучении военной эмиграции большое значение приобретает оценка ее численности и возможностей накануне войны. Отметим, что деятельность пол-

ковых объединений и система самообразования замедляли естественные процессы старения и препятствовали разрушению корпоративного единства. Одновременно происходила и подготовка резерва из молодых людей следующего поколения. В 1939 г. в Королевской Югославии продолжал свою работу в качестве военно-учебного заведения I Русский Велико-го князя Константина Константиновича кадетский корпус, просуществовавший вплоть до эвакуации из Белграда в Германию в сентябре 1944 г. Его последним директором был генерал-майор А. Г. Попов (в 1922 – начальник Судного отделения штаба Главнокомандующего Русской армией). В 1920-1930-е гг. русские корпуса в Югославии выпустили более двух тысяч кадетов, дав им соответствующее воспитание и образование. Многие из них затем заслужили производство в чины Королевской армии. Только из Княжеконстантиновского корпуса за 1924-1940 гг. в офицерские чины Королевской армии по разным родам войск были произведены 107 кадетов, еще больше имели чины наредников (сержантов) [Подсчитано по: 15. С. 126-127, 161-164, 168, 386, 475-486, 491].

На протяжении десяти-пятнадцати предвоенных лет при отделах РОВС функционировали военно-училищные курсы, готовившие молодых людей в возрасте от восемнадцати до тридцати лет на должности командиров отделений и взводов. Преподавали на курсах кадровые офицеры Русской Императорской армии, в том числе офицеры Генерального штаба, многие из которых имели многолетний боевой опыт. Учебный процесс в среднем занимал два-три года и опирался на курс военных училищ Императорской России мирного времени. Выпускникам присваивались права подпоручиков [19] на основании «Положения о военной подготовке чинов РОВС» 1931 г. Так, например, 11 марта 1936 г. начальник РОВС Генерального штаба генерал-лейтенант Е. К.

Миллер приказом № 7 на основании доклада начальника IV отдела Союза генерала И. Г. Барбовича предоставил «все права младшего офицера» группе выпускников Белградских военно-училищных курсов, в том числе студенту строительного отделения технического факультета В. В. Гранитову [22] – будущему первому офицеру по спискам Русского Корпуса [3. С. 356].

Большую роль в совершенствовании военного образования эмигрантов играли Зарубежные Высшие военно-научные курсы (ЗВВНК) систематического изучения военного дела, работавшие при поддержке РОВС под руководством профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Н. Н. Головина в Париже в 1927-1939 гг. Белградским отделением ЗВВНК в 1931-1944 гг. руководил Генерального штаба генерал-майор А. Н. Шуберский. Цель курсов заключалась в подготовке и переподготовке офицеров по программам Генерального штаба в связи с менявшейся доктриной европейских армий. К осени 1939 г. через парижские курсы Н. Н. Головина прошли более четырехсот офицеров, из них 82 в составе шести выпусков получили законченное высшее образование. Белградский филиал произвел до 1944 г. тоже 6 выпусков: через курсы прошли около двухсот офицеров, в том числе получили квалификацию 77 [13. С. 14-15]. Энергичная деятельность генерала Головина и его соратников по распространению военно-научных знаний и образования были известны не только в эмиграции, но и в академическом сообществе Сорбонны, встречали широкое одобрение и поддержку среди соотечественников, включая видных ученых [2. С. 34-35]. Впоследствии из парижских слушателей генерала Головина несколько офицеров (полковники Е. В. Кравченко и Н. В. Пятницкий, подполковник А. Д. Архипов, войсковой старшина В. М. Нефёдов, штабс-капитан В. С. Григор, штабс-ротмистр М. П. Золотавин, поручик Г. М.

Кузнецов) служили в войсках КОНР в 1944-1945 гг. Многие выпускники Белградских курсов вступили в Русский Корпус.

По нашим оценкам накануне войны между Германией и Советским Союзом не менее ста русских генералов и штаб-офицеров в эмиграции по своим знаниям и опыту соответствовали должностям командиров и начальников штабов полкового, дивизионного и корпусного звена. Среди них: В. В. Бальцар, С. К. Бородин, Ф. Э. Бредов, В. К. Витковский, Б. С. Гескет, Н. Н. Головин, Б. В. Гонтарев, А. А. Зайцов, В. Э. Зборовский, М. М. Зинкевич, Е. Л. Ивановский, Б. М. Иордан, Е. В. Кравченко, В. В. Крейтер, Б. А. Мержанов, Е. Э. Месснер, Н. А. Петровский, Н. В. Попов, С. Н. Ряснянский, М. Ф. Скородумов, В. Н. Ставрович, Б. А. Штейфон и другие. Летом 1941 г. средний возраст перечисленных офицеров составлял 55 лет. Особое востребование могла бы получить служба носителей традиций старой русской армии в военно-учебных заведениях в качестве преподавателей и строевых офицеров постоянного состава.

В конце 1930-х гг. в Европе существовали две учебных военизированных структуры для эмигрантской молодежи. Трехзвездная рота (150-160 человек) молодой смены генерала Кутепова (София) при III (Болгарском) отделе РОВС состояла преимущественно из юношей, воспитанников Национальной Организации русских разведчиков (НОРР) и Организации витязей. Командовал ротой Л.-гв. полковник А. И. Федотов, взводами – подпоручик Б. А. Александров, Георгиевский кавалер штабс-капитан П. С. Триколич и штабс-капитан В. А. Павчин. [7. С. 19-21; 8. С. 24]. Большую воспитательную роль играла двухротная Русская Стрелковая генерала Врангеля дружина. Она возникла в Брюсселе 27 апреля 1930 г. при V (Бельгийском) отделе РОВС под руководством Георгиевского кавалера и участника 1-го Кубанского похода полковника

А. Н. Левашёва, а с 1932 г. считалась первой строевой частью РОВС. К 22 мая 1938 г. дружина произвела 8 выпусков, подготовив не менее трехсот юношей на должности командиров отделений и взводов. При дружине действовали военно-училищные курсы, курсы для подготовки унтер-офицеров, отряд подростков-разведчиков по типу отрядов НОРР, рота егерей [14. С. 21].

Последним символом старой армии и строевой частью русской Гвардии, сохранявшейся в эмиграции, был Гвардейский Кубанский дивизион (двух Л.-гв. Кубанских и одной Терской сотен Собственного Е. И. В. Конвоя) в Королевской Югославии. Казачья часть, которой с 1937 г. командовал офицер Конвоя полковник А. И. Рогожин, стояла на работах под Осиеком, восточнее Загреба. По состоянию на 29 апреля 1939 г. штаб дивизиона находился в Княжево, Л.-гв. 1-я Кубанская и 3-я Терская сотни – в Белом Монастыре, Л.-гв. 2-я Кубанская сотня и команда трубачей – в Белище. В дивизионе, кроме Рогожина, служили еще семь офицеров: помощник командира – войсковой старшина Н. В. Галушкин (конвоец), командир Л.-гв. 1-й Кубанской сотни – подъесаул Н. А. Шрамко, командир Л.-гв. 2-й Кубанской сотни – подъесаул П. В. Луговский, командир Л.-гв. 3-й Терской сотни – войсковой старшина К. И. Щербаков, начальник команды трубачей – сотник князь М. Л. Голицын, адъютант дивизиона – хорунжий В. М. Черняев, младший офицер Л.-гв. 2-й сотни, старый конвоец и бывший ординарец Его Величества – хорунжий И. И. Полупанов, а также пять подхорунжих. Осенью 1941 г. дивизион прибыл из Хорватии в Сербию для зачисления в Русский Корпус в качестве элитной гвардейской сотни [5. С. 182; 25].

Численность людских ресурсов эмиграции в Европе автор оценивает следующим образом. По мнению британских экспертов в 1937 г. в Европе насчитывалось примерно 342 тыс. неассимилированных

русских беженцев. Наибольшее количество из них проживали во Франции (110 тыс.), Польше (80 тыс.), Германии (45 тыс.) и Королевской Югославии (27 тыс.) [21. С. 2-4]. При абстрактном призыве и обычном «напряжении людьми» в 3-5 % от общей численности населения [26. С. 45-46] эмиграция теоретически могла мобилизовать для участия в боевых действиях, с учетом погрешностей, от 10 тыс. до 20 тыс. человек, включая большую долю офицеров с высокой тактической подготовкой. Обоснованность настоящих расчетов подтверждает тот факт, что в годы Второй мировой войны на стороне Германии и других противников СССР военную службу несли по разным оценкам не менее 13-15 тыс. белоэмигрантов [1. С. 380; 12. С. 99].

Эмигрантов, включая представителей молодого поколения, теоретически хватит

ло бы для того, чтобы укомплектовать командно-начальствующие должности примерно в двух-трех пехотных корпусах (5-6 дивизий) и создать строевое ядро для каждого стрелкового (пехотного) полка из расчета три тысячи чинов на дивизию. Политическое значение такого «Иностранного легиона» могло стать весьма серьезным. Вероятно, именно поэтому в сентябре 1940 г. Разведуправление Генерального штаба РККА уделяло особое внимание пунктам расположения боевых формирований эмиграции, центрам подготовки, их организации и численности личного состава [11. С. 227-228]. Однако мобилизация и широкое использование потенциальных людских ресурсов Зарубежья целиком зависели от политической конъюнктуры и заинтересованности воюющей стороны в привлечении русских эмигрантов к военной службе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Александров К. М.** Белая военная эмиграция и Вооруженные Силы КОНР // **Александров К. М.** Русские солдаты Вермахта / Сборник статей и материалов. – М.: Язуз, Эксмо, 2005. – С. 357-396.

2. **Александров К. М.** Николай Николаевич Головин: последние годы жизни // Труды III Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Н. Н. Головина (1875-1944). Санкт-Петербург, 18-20 октября 2012 года. Сборник статей и материалов / Науч. ред. К. М. Александров, С. В. Шешунова. Сост. К. М. Александров, О. А. Шевцов, А. В. Шмелёв. – СПб.: Скрипториум, 2013. – С. 33-102.

3. **Александров К. М.** Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова (1944-1945): биографический справочник. – Изд. 2-е, исправ. и доп. – М.: Посев, 2009. – 1120 с.

4. **Александров К. М.** Русская военная эмиграция в 1930-1955 годах: достигнутые результаты и перспективы изучения // Нансеновские чтения 2010 / Науч. ред. М. Н. Толстой. – СПб.: Изд. СПб. ИИ РАН, РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2012. – С. 27-52.

5. **Александров К. М.** Русская гвардия в изгнании // Там же. С. 166-204.

6. **Бортневский В. Г.** Избранные труды / Библиотека журнала «Новый Часовой». – СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. – 492 с.

7. **Бутков В. Н.** Русская национальная молодежь в Болгарии // Наши Вести (Санта-Роза). – 1990. – № 421. – С. 19-21.

8. **Бутков П. Н.** За Россию. Русские «белые» в борьбе против русских «красных», сталинского террора, нацизма и коммунизма (1917-1994). – СПб.: Экополис и культура, 2001. – 416 с.

9. Выписка из Протокола собрания начальников РОВС (сентябрь 1938) // Hoover

Institution Archives (HIA), Stanford University. – Holy Trinity Seminary Manuscript Collection. Collection ROVS. – Box 12. – Folder 1.

10. **Голдин В. И.** Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. – Архангельск-Мурманск: СОЛТИ, 2005. – 616 с.

11. **Док. № 113. Записка № 252359сс от 10 сентября 1940 ИНФО РУ ГШ КА – начальнику 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР П. М. Фитину // 1941 год. Документы в двух книгах. Сост.: Л. Е. Решин, Л. А. Безыменский, В. К. Виноградов, Д. Д. Воробьев, Ю. А. Горьков и др. / Под ред. В. П. Наумова. В 2 кн. – Кн. I. – М.: Международный фонд «Демократия», 1998. – 830 с.**

12. **Дробязко С. И.** Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских Вооруженных Сил 1941-1945. – М.: ЭКСМО, 2004. – 608 с.

13. **Зарубежные Высшие военно-научные курсы под руководством профессора, генерал-лейтенанта Н. Н. Головина. 1927-22 марта-1977.** – Мюнхен, 1977. – 36 с.

14. **К.** Памятник Генералу Врангелю // Часовой (Брюссель). – 1938. – 1 июня. – № 213. – С. 21.

15. **Кадетские корпуса за рубежом 1920-1945.** – Монреаль: Изд. Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов, б. г. – 502 с.

16. **Котюков К. Л.** Роковое разделение: русская военная эмиграция в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Советского Союза и Югославии / Под ред. академика РАН Г. А. Куманёва. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2012. – 192 с.

17. **Организация РОВС на 1940 // Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive (BAR). ROVS Collection. Box 140. Folder «ROVS organizational Records I ot del / 1940-41».**

18. **Памятная записка генерал-лейтенанта В. К. Витковского [Париж, сентябрь 1941] // HIA. Holy Trinity Seminary Manuscript Collection. ROVS Collection. Reel 7. Box 11. Folder 12.**

19. **Письмо от 20 октября 1938 полковнику Б. Н. Гонорскому // BAR. ROVS Collection. Box 29. Folder «Correspondence. 1938. French Provinces to I ot del (4)».**

20. **Письмо № 116 от 8 февраля 1941 Генерального штаба генерал-майора А. А. фон Лампе – генерал-лейтенанту В. К. Витковскому // HIA. – Arkhangel'skii A. P. Collection. – Box 4.**

21. **Поремский В. Д.** Политическая миссия российской эмиграции / Доклад на расширенном редакционном совещании «Посева» 12 сентября 1954 г. – [Франкфурт-на-Майне:] «Посев», 1954. – 32 с.

22. **Приказ № 7 от 11 марта 1936 РОВС // HIA. Holy Trinity Seminary Manuscript Collection. ROVS Collection. – Reel 7. – Box 11. – Folder 17.**

23. **Приказ № 36 от 22 октября 1938 Генерального штаба генерал-лейтенанта А. П. Архангельского // Ibid. – Arkhangel'skii A. P. Collection. – Box 4.**

24. **Приказ № 189 от 24 октября 1938 Генерального штаба генерал-майора А. А. фон Лампе // Ibid.**

25. **Список чинов Дивизиона Собственного Е. И. В. Конвоя. 29. IV. 1939 // Ibid. – Chasovoï Collection. – Box 3.**

26. **Тимофеев А. Ю.** Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941-1945. – М.: Вече, 2010. – 416 с.

27. **Цурганов Ю. С.** Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. – М.: Интрада, 2001. – 288 с.

28. **Шкаренков Л. К.** Агония белой эмиграции. – М.: Мысль, 1981. – 231 с.

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)612,13
Отечественная история

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ
ПРАВИТЕЛЬСТВА ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ
В КРЫМУ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ
(1920 г.)**

Доктор юридических наук А. В. Дашин¹
Кандидат политических наук Э. В. Оганян²

В статье исследуются некоторые аспекты, связанные с нормализацией финансовой ситуации на территории Белого Крыма. Авторы детально рассматривают мероприятия, проводимые Правительством Вооруженных Сил Юга России в Крыму и направленные на обуздание инфляционных процессов и нормализации денежного обращения в условиях гражданской войны.

Ключевые слова

Правительство Вооруженных Сил Юга России, финансовая политика, денежная масса, инфляция, девальвация, иностранная валюта, денежная экспедиция

Одним из основных направлений внутренней политики правительства ВСЮР являлось оздоровление финансовой системы. Уже на первом заседании Совета при главнокомандующем ВСЮР от 9 апреля 1920 г. был заслушан доклад исполняющего обязанности начальника управления финансов «О причинах падения русского рубля и о мерах, необходимых к устранению этого печального явления» [1, с. 181].

Подобное пристальное внимание к проблемам финансовой жизни Крыма не является случайным. И сам главнокомандующий, и его ближайшее окружение отчетливо понимали, что государство может нормально существовать лишь в случае положительного соотношения доходной и расходной частей бюджета. То обстоятель-

ство, что союзники, по сути, отказались от финансирования правительства генерала Врангеля, определяло заранее финансовое положение вооруженных сил на Юге России. У последнего белогвардейского правительства были весьма ограниченные возможности для получения денег. Доходную часть государственного бюджета предполагалось пополнить за счет активизации сбора прямых и косвенных налогов, повышения ставок таможенных сборов, установления государственной торговой монополии на ряд товаров, за счет продажи государственного имущества, а также использования русских активов за рубежом, внешних займов. Однако главным источником пополнения бюджета оставалось увеличение денежной массы путем широкомасштабного

выпуска новых денежных знаков. Следует иметь в виду, что кроме денег главного командования на территории, занятой Русской армией, обращалось огромное количество украинских карбованцев, «романовских», «думских», «керенских» и «донских» рублей.

Огромное количество бумажных денег, не обеспеченных товарной массой, породило стремительный рост инфляции, в результате чего к апрелю 1920 г. курс бумажных рублей ВСЮР упал по сравнению с довоенным курсом рубля более чем в 700 раз [2, Л. 20]. Одним из способов уберечься от инфляции была скупка иностранной валюты, завезенной интервентами и имевшей широкое хождение на территории Крыма. Постоянно растущая разница курсов русских рублей и иностранной валюты породила бешеную валютную спекуляцию, в которую активно включились многочисленные банки и меняльные конторы, которых в 6 крупных городах Крыма насчитывалось 79 [3, с. 121].

Если в начале июля английский фунт стерлингов стоил 28 тыс. рублей, романовские 500 рублей – 35 тыс. рублей, то к сентябрю деньги главного командования обесценились примерно в 6 раз и романовские 500 рублей стоили на бирже около 200 тыс. рублей, правительства ВСЮР [4, с. 42].

Ряд запретительных приказов, направленных на ограничение деятельности банков или установление твердого валютного курса привели: лишь к активизации черного валютного рынка, что еще больше способствовало обесценению денег ВСЮР.

Стремясь удержать падение рубля, Совет при главнокомандующем в июле принял решение ограничить вывоз драгоценностей и иностранной валюты [5, f. 3]. Однако и эта мера не принесла ощутимых результатов. Так, 18 октября ст. ст., во время обыска на пароходе «Георгий», отходившего в Константинополь, у пассажиров было конфисковано бриллиантов, зо-

лота и валюты на сумму 800 млн. рублей [6].

Денежная экспедиция генерала Врангеля, находившаяся в Феодосии с марта по ноябрь 1920 г. «заготовила ... следующее количество денежных знаков:

Сторублевых – 119 600 000;

Двухсотрублевых – 233 880 000;

Двухсотпятидесятирублевых – 823 595 000;

Пятисотрублевых – 162 165 83 000;

Тысячных – 1 748 292 000;

Пятитысячных – 19 392 435 000;

Десятитысячных – 138 334 910 000,

Итого: 176 869 295 000 рублей». [3, с. 119]

Анализ вышеприведенных данных свидетельствует о дальнейшем росте инфляционных (удельный вес 10-тысячных купюр значительно превышает выпуск, остальных, денежных знаков). В нарядах на ноябрь 1920 г. присутствует заказ на изготовление 25 тысячных купюр. Одновременно шло изготовление «донских» денежных знаков, ценность которых была выше денег главного командования. В обращении на территории Крыма находилось до 9 млрд, фальшивых пятисотрублевых (справка Управления финансов от 19 июня ст. ст. 1920 г.) [3, с. 120].

Для предотвращения увеличения денежной массы начальником Управления финансов М. В. Бернацким был выдвинут проект денежной реформы, смысл которой сводился к устранению разнообразия и замене денежных знаков новыми, а также к обеспечению их устойчивости [4, с. 48]. М. В. Бернацкий в интервью «Великой России» заявлял: «Если будет произведена в последствии девальвация, то ее нужно понимать, как счетную, то есть обмен известного количества старых рублей на один новый, причем на новый безукоризненный знак может быть установлен легальный курс, поддерживаемый рядом мер фискального и торгового характера. Вполне должны быть разрешены сделки на золото» [7].

Противники финансовой политики М. В. Бернацкого обвиняли его в отсутствии «налога на общий прирост имущества», указывали на необходимость введения налога с оборота, повышение таможенной пошлины, налога, на наследство. Препятствием прямому налогообложению являлось несовершенство государственного аппарата, тогда как экстраординарные меры вроде поимущественного налога были возможны лишь в законопослушном обществе. Так как главная причина обесценивания рубля лежала в отвлечении большей части продуктов и населения на непроизводительные цели (военные действия) то, по мнению М. В. Бернацкого, бороться с этим возможно двумя основными методами: расширением территории и развитием товарного производства [8, с. 94-96].

Подчиненные Кредитному отделу Управления финансов отделения государственного банка испытывали хроническую нехватку денег даже для выплаты процентов и прекратили: операции по кредитованию промышленности, сельского хозяйства, кооперации. Прекращение кредитования производственной сферы способствовало усилению инфляции, вексельно-учетные операции почти не производились. Частные банки направили свою деятельность на спекуляцию на падении курса рубля. Попытки военной и гражданской администрации контролировать деятельность банков пресекались Управлением финансов [9, с. 87].

Доходная часть бюджета пополнялась посредством увеличения прямых налогов и налога с капитала, а также увеличения ставок косвенного обложения. Акциз был установлен Управлением финансов на предметы широкого народного потребления (сахар, соль, табак, чай, кофе, спиртные напитки) и достигал 30 % стоимости товаров [9, с. 88]. Поступления в казну от прямого и косвенного налогообложения в среднем достигали 1 млрд. руб. Расходные статьи бюджета подразделялись на

«нормальные» и «чрезвычайные». Содержание гражданского государственного аппарата и субсидирование невоенной промышленности относились к первым статьям. «Несмотря на все трудности, удавалось покрывать доходами обыкновенные расходы, однако покрытие чрезвычайных расходов исчислялось дефицитом: в 250 млрд. руб.» [2. Л. 12]. Содержание армии непосильным бременем ложилось на правительство ВСЮР. Постоянно находясь в состоянии войны с Советской Россией, Русская армия остро нуждалась в вооружении, боеприпасах, обмундировании и горюче-смазочных материалах, на приобретение которых у фирм Европы и США требовались значительные валютные средства [5, ф. 4].

Основу валютного фонда правительства ВСЮР составляли суммы, предоставленные английским правительством генералу А. И. Деникину, но так и не израсходованные последним [10, с. 198]. Усилия, предпринятые управлением финансов и лично М. В. Бернацким, совершившим в июне-августе 1920 г. поездку по Европе с целью пополнения валютного фонда «ожидаемых результатов не дали». Удалось получить часть средств учреждений Временного правительства и «Северо-западного» правительства генерала Н. Н. Юденича, Однако добытых средств было явно недостаточно, поэтому в июле правительством генерала Врангеля была введена монополия на экспорт зерна. Несмотря на то, что монополия «породила, целое море злоупотреблений», правительству ВСЮР удалось реализовать на внешнем рынке около 3 млн. пудов ячменя, выручив около 50 млн. франков [2. Л. 20]. Все же усилия врангелевского правительства не привели к значительному увеличению валютного фонда; более того, к октябрю 1920 г. он сократился более, чем в 2 раза, составив 200 млн. франков. Этой суммы едва могло хватить исключительно для снабжения «русской армии» не более чем на 3 месяца [10, с. 240].

По мнению правительства ВСЮР, единственный выход, позволявший продолжить вооруженную борьбу против советской республики, состоял в получении иностранного займа [9, с. 92]. В конце августа, стремясь активизировать действия, «русской армии» генерала П. Н. Врангеля для поддержки потерпевших поражение польских войск, Франция согласилась предоставить займ в 100 млн. франков, (который так и не был получен ВСЮР вследствие эвакуации Крыма). Условия предоставления займа были весьма обременительны для русской стороны. Франция требовала признания всех русских долгов, выплату процентов, взимание таможенных и портовых пошлин на Черном и Азовском морях, значительной доли в добыче угля и нефти и т. д. [2. Л. 3]. Примерно на тех же условиях предполагалось получение займа в 50 млн. долларов у частных банков США [11, с. 40].

В начале сентября 1920 г. по инициативе А. В. Кривошейка, имевшего обширные связи с торгово-промышленными кругами, было решено пригласить в Севастополь лидеров русских финансовых групп. Финансово-экономическое совещание удалось собрать лишь в начале октября, когда 2 Русская армия» отступила в Крым [5, ф. 4]. Совещание в целом охарактеризовало общее положение Юга России как удовлетворительное, указав, что «производительные силы края и платежные силы населения ... с избытком покрывают платежные расходы управления», а лишние «средства нужны лишь для покрытия чрезвычайных военных издержек и в особенности для снабжения армия» [8, с. 197-198]. Кроме того, представители торгово-промышленной буржуазии, прибывшей на совещание, предложили свою программу оздоровления финансово-экономического положения Крыма. А именно: «возможно скорейшее объединение территорий Российского государства в руках национальной твердой государственной власти.

Заключение государственной властью крупных займов за границей в целях снабжения Юга России средствами производства,

Устранение затруднений для притока иностранных капиталов.

Всемерное облегчение ввоза в Россию заграничных товаров за исключением предметов роскоши.

Отмена государственных монополий и полная свобода торговли,

Прекращение вмешательства высших властей в экономическую жизнь и отмена прав реквизиций.

Прекращение выпуска бумажных денег и т. д.» [4, с. 49-50].

5 октября 1920 г. ст. ст. финансово-экономическое совещание закончило работу, вынесло резолюцию о достижении Правительством Юга России значительных успехов. Но вряд ли стоило серьезно относиться к подобным заявлениям, поскольку на предложение А. В. Кривошейка, сделанного П. Л. Барку занять должность начальника Управления финансов, последний ответил отказом. Таким же образом поступил и председатель правления Азовско-Донского Банка Каминка. В итоге, реальной помощи правительству ВСЮР оказано не было. Торгово-промышленный Союз, предпринимавший попытки ускорить получение французского кредита путем гарантии выплаты авансом 20 млн. франков не повлиял существенно на решение данного вопроса [12, р. 29]. Тогда как в прессе живо обсуждалась тема необходимости иностранного займа «на мирно-экономические нужды тыла», и участие в этом процессе русских, финансистов, обнаруживших слишком мало готовности поступиться интересами своей прибыли ради блага России» [13]. Общие теоретические замечания профессора П. Н. Гензеля, бывшего министра финансов П. Н. Барка, отклонивших проект денежной реформы, не находились в плоскости практической, подходили, скорее, для условий мирного времени.

Финансовый кризис Крыма, обусловленный обособленностью от промышленных центров, сырьевой базой, опосредован-

ным участием русской буржуазии, отсутствием иностранного займа и политической стабильности становился неизбежным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Красный Архив. – 1927. – Т. 1.
2. РГВА. – Ф. 109. – Оп. 3. – Д. 248.
3. Шафир Я. Экономическая политика белых // Антанта и Врангель. – Вып. 1. – М., 1923.
4. Ковалев Н. Южная контрреволюция – Врангель. – Курск, 1925.
5. Hoover Institution Archives. – P. Vrangeli Collection. – Box 137.
6. Юг России. – 1920. – 20 октября / 2 ноября.
7. Великая Россия. – 1920. – 21 августа.
8. Росс Н. Врангель в Крыму. – Франкфурт-на-Майне, 1982.
9. Карпенко С. В. Крах социально-экономической политики врангелевской диктатуры: Дис. ... канд. истор. наук. – М., 1983.
10. Лукомский А. С. Воспоминания. – Т. 2. – Берлин, 1922.
11. Красный Архив. – 1930. – Т. 40.
12. Richard Pipes. Struve. Liberal on the Right. 1905-1944. – London, 1980.
13. Последние новости. – 1920. – 9 сентября. – № 116.

УДК 94(47).05/.8

ББК 63.3(2)4/5+63.214(2)-2

Отечественная история, генеалогия правящих династий

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ РОСПИСЕЙ ДВОРЯН РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

И. Ж. Рындин

В статье на основе материалов Рязанского дворянского собрания и других источников, хранящихся в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) приводится методика составления генеалогических росписей рязанских дворян. Также дается краткий анализ всех документов, содержащихся в делах о причислению к дворянству.

Ключевые слова

Рязанское дворянское собрание, Родословная книга, послужные списки, рязанское дворянство, дела о дворянстве, генеалогическая роспись, рододоказатель, проситель, древние роды, жалованное дворянство, метрическое свидетельство, отдельный акт.

В Государственном архиве Рязанской области содержится значительный по объему комплекс сведений по рязанскому дворянству, который может быть использован при составлении родословий рязанских дворянских родов. Методика составления родословных росписей рязанских дворян сводится к следующему. На основе данных ГАРО составляется родословная ближайших предков рододоказателя, то есть лица, подавшего прошение в Рязанское дворянское собрание. В том случае, если он относился к древнему роду, по другим источникам определяются его более ранние предки. Для доказательства древности рода требовались сведения о его представителях за 100 лет до грамоты Екатерины II о вольности дворянству 1785 г. Таким образом, в большинстве дела Рязанского дворянского собрания, касающихся древ-

них рязанских дворянских родов, содержатся родословные схемы вглубь ближайших от рододоказателя 3-х – 5-ти поколений. Как правило, родословные росписи начинались сразу же после окончания Смуты 1604 – 1612 гг. Многие из просителей жаловались на то, что их бумаги сгорели во время Смуты. Иногда родословная уходила вглубь веков вплоть до времен Ивана Грозного. Так, представитель рода Хириных в прошении о причислении к дворянству указал своим предком боярина Ивана Петровича Хирона (ум. в 1570 г.) [1].

Прошение о причислении к дворянству, как правило, имело стандартный формуляр с незначительными интерпретациями. Рассмотрим его на конкретном примере. 14 марта 1825 года титулярный советник Василий Николаевич Сатин подал такое прошение в Рязанское дворянское собра-

ние (сохранена орфография оригинала):

«В Рязанское дворянское депутатское собрание

Титулярного Советника Василия Николаева сына Сатина

Покорнейшее прошение

По состоянию за мной в здешней губернии в Рязанском уезде имения, в котором я жительство имею; представляю при сём на древнее дворянство моего копии за свидетельством данные – первую от московских Герольдмейстерских дел, вторую из вотчинного департамента, о службе предков моих, по состоящем за ними имении, и подлинные указы о службе деда моего Подполковника Василия Ларионовича Сатина, данной ему из Военной коллегии 1758 Марта 14 – отца подпоручика Николая Васильевича Сатина, гвардии Конного полка 1783 генваря 17, а о службе моей паспорт Канцелярии Правительствующего Сената 1817 Марта 16 – и поколенную рода моего ропись – РДДС покорнейше прошу сие мое прошение и приложенные документы принять, по коим написать меня и род мой в дворянскую родословную книгу в какую следует часть, и потом дать мне грамоту, за которую и за внесение в родословную книгу представляю при сём в дворянскую казну двадцать пять рублей – представленные же от меня документы по рассмотрении возвратить» [2].

Так, в большинстве случаев, начинались все дела о причислении к дворянству. Далее следовала справка секретаря дворянского собрания:

«Извлечено из приложенных у сего копий за свидетельством данных, первой от Московских Герольдмейстерских дел, второй из вотчинного департамента о службе на состоящем за ними имении и подлинных указов Военной коллегии 1758 Марта 14, гвардии Конного полка 1783 генваря 17 и пашпорта Канцелярии Правительствующего Сената 1817 года марта 16 дня. По данным к Московским Герольдмейстерским делам Титулярный Совет-

ник Василий Николаев сын Сатин прошением просил, что о службах предков его по городу Рязани и о поданной от них в бывшей разряде родословной росписи с разрядным архивом справится, и что она затем может, со всего того дать ему за подписанием оных дел копию для представления куда следовать будет. А кто именно предки его были о том приложил у того прошения роду своему поколенную роспись; в коей показано: Василий → Иван → Михайло → Ларион → Василий, подполковник → Николай, подпоручик → Василий (проситель) → Иван. По тому его просителя титулярного советника Василия Сатина Справка в Разрядном архиве учинена и к Герольдмейстерским делам доставлена, в коей явствует По справке в разрядном архиве имена фамилии Сатиных написанными оказались, по городу Рязани: В десятне 7167 года за скрепою по листам Диака Микифора Демидова в заглавии коей между прочим написано: лета 7157 декабря в 25 день по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Руси Указу стольник князь Борис Иванович Троекуров, да дьяк Микифор Демидов, резанцев Окологородного, Старорязанского, Понискаго, Перевицкаго, Заосетринскаго, Пехлецкаго и Каменскаго станов, дворян и детей боярских и новокрещенов разбирали и государево денежное жалованье давали, тем, которые по досмотру и по окладчиковым сказкам будут на Государеве службе и окладчиков всех про них расспрашивали, что кому поместной и денежной оклад из четверти и с городом, и кто каков Конен и оружен и люден на государеве службе будет. Затем значит Рязань, стан Окологородный, дворовые, поместный оклад 350 чет. В числе коих написан Иван Васильев сын Сатин...».

Далее следовали прилагаемые документы (грамоты, купчие, паспорта об отставке, выписи из разрядных и писцовых книг и т. д.), доказывающие дворянство просителя, в нашем примере – Сатина.

Особый интерес представляют судебные дела о спорных имениях, тяжба по которым иногда длилась несколько лет. Так дело о дворянстве князей Щетининых имеет объем свыше тысячу страниц, большей частью, содержащих судебные документы о спорных имениях временным промежутком в несколько десятков лет [3]. Обстоятельства дела заносились в специальный журнал (копия подшивалась к делу). После чего принималось определение комиссии. В дальнейшем к роду причислялись новорожденные сыновья и дочери утвержденного в дворянстве просителя и по его требованию или по требованию его наследников выдавались справки, свидетельства и выписки из дела.

Для выявления стандартного состава документов дворянских дел возьмем, к примеру, среднее по объему «Дело о дворянстве статского советника князя Петра Александровича Волконского» 1789 года [4]. В нем имеются следующие 19 документов: 1) жалованная грамота князю Ивану Феедоровичу Волконскому царя Михаила Федоровича 1614 года; 2) грамота стольнику князю Владимиру Волконскому царя Алексея Михайловича 1659 года; 3) выписка с протокола от 3 декабря 1789 года о внесении П. А. Волконского в V часть ДРК Рязанской губернии; 4) прошение сына просителя бригадира князя Михаила Петровича Волконского от 26 февраля 1790 года; 5) свидетельство о браке надворного советника князя Григория Петровича Волконского и дочери графа Александра Бенкендорфа Марии за 1838 год; 6) родословная князя Федора Ивановича Волконского; 7) метрическое свидетельство о рождении и светлейшего князя Григория Петровича Волконского и его супруги Марии Александровны сына Петра 14 августа 1843 года; 8) формулярный список о службе министра Императорского Двора князя Петра Михайловича Волконского за 1849 год; 9) завещание князя Петра Михайловича Волконского; 10) отдельная запись

между его наследниками; 11) свидетельство о браке за 1869 год князя Петра Григорьевича Волконского и княжны Веры Александровны Львовой; 12) метрическое свидетельство о рождении у них сына Григория 28 февраля 1870 года; 13) метрическое свидетельство о рождении у них сына Александра 5 октября 1870 года; 14) метрическое свидетельство о рождении у них сына Петра 29 ноября 1872 года; 15) формулярный список о службе гофмейстера светлейшего князя Григория Волконского за 1882 год; 16) вводный лист во владение именем светлейшего князя Петра Григорьевича Волконского от 8 июля 1883 года; 17) формулярный список о службе камер-юнкера светлейшего князя Петра Григорьевича Волконского; 18) протокол от 31 марта 1886 года о внесении светлейшего князя Петра Григорьевича Волконского в V часть родословной книги Рязанской губернии; 19) протокол об утверждении внесения светлейшего князя Петра Григорьевича Волконского в V часть родословной книги Рязанской губернии Правительствующим Сенатом от 29 сентября 1886 года.

Для составления генеалогической росписи необходимо не только идентифицировать человека, но и связать его с предыдущим и последующим поколениями.

С 1788 г. начали составляться «дворянские сказки», представляющие собой результаты переписи дворянских семей по губерниям и уездам, где подробно указывался состав семьи с их возрастными характеристиками. Эти записи уже сами по себе позволяют составить небольшую родословную схему из трех поколений (по отчеству переписываемых лиц определяется первое поколение, сами они являются вторым, а их дети – третьим поколением). Часто в дворянских сказках указывалась и девичья фамилия жены помещика, что позволяет установить круг родственных связей данной фамилии.

Важнейшим документом по генеалогии является метрическое свидетельство

о рождении, в котором, кроме факта рождения, указываются имена родителей (в метриках XVIII в. может отсутствовать имя матери). По отчеству отца определяется имя деда и составляется трехколенная родословная роспись, состоящая из деда, отца и сына.

Духовные завещания и отдельные акты позволяют выявить имена братьев и сестер интересующего нас лица. В послужных списках, помимо сведений о службе, часто содержатся имена жены и детей того или иного дворянина, а начиная со второй половины XIX в. это стало обязательным правилом.

Необходимо отметить, что во многих делах губернских дворянских собраний (в том числе и Рязанского), содержатся выписки и из более ранних документов XVI - XVII вв., что позволяет продолжить родословную вплоть до Смуты и даже до времен Ивана Грозного, вместе с тем, это – первоклассные источники того времени, часто не сохранившиеся в ином варианте.

Особенно значительной оказалась документация времени после Смуты (1618 - 1628 гг.), когда многие служилые люди просили государя обновить им жалованные грамоты, взамен утраченных в ходе Смуты. Большинство старинных рязанских дворянских родов подали родословные росписи, начинающиеся именно в это время.

Для изучения генеалогии рязанского дворянства требуются и ревизские сказки податного населения, т. к. в конце XVIII в. в состав рязанского дворянства вошли несколько купеческих родов (Баташевы, Мосоловы, Рюмины и др.). Для установления системы родства в семьях, выяснения имен жен и дочерей неоценимы документы о залоге и разделе имущества из фондов Рязанской палаты суда и расправы [5] и Рязанской губернской межевой конторы [6].

Для изучения биографий дворян, занимавших должности в местных органах

власти по ведомству Министерства внутренних дел можно привлечь дела из фонда Рязанского губернского правления [7].

К достоинствам дворянских дел как к источникам можно отнести их компактность (т.е. собрание в одном деле десятков, а иногда и сотен документов об истории определенного рязанского дворянского рода), четкую структурность и стереотипное изложение материалов, высокую достоверность информации, основанной исключительно на официальных документах.

Указ Герольдмейстерской конторы от 3 декабря 1785 г. освободил ее от необходимости обращаться в Вотчинную коллегию за справками, поскольку «назначенные в числе неопровергаемых доказательств указы на дачу земель или деревень, на пожалование из поместья в вотчину, купчие, закладные, рядные и духовные о дворянском имении доказательства каждый помещик иметь должен» [8]. При отсутствии у дворянина этих документов ему самому разрешалось обращаться в те учреждения, «где о его имении дела в производстве были» [9]. Поэтому все представленные в Дворянское депутатское собрание копии дел вотчинной коллегии относятся к периоду между объявлением Манифеста о вольности дворянству и указом от 3 декабря 1785 г.

Засвидетельствованные копии и подлинники документов, поступившие в Рязанское дворянское депутатское собрание, копировались, из копий формировалось дело, документы возвращались владельцу (хотя иногда подлинники документов подшивались к делу). В результате в канцелярии дворянского собрания постепенно сложился комплекс дел с документами дворянских родов и семей. Поскольку до 1797 г. депутатские собрания самостоятельно определяли дворянское достоинство своих членов, то комплексы дел, сформированные в губернских дворянских депутатских собраниях в 1785 - 1797 гг., являются уникальными. Они сложи-

лись из документов личных дворянских архивов, большей частью не сохранившихся, и архивов правительственных учреждений, также сильно пострадавших в дальнейшем.

Ощутимым информационным пробелом в архиве Рязанского, как, вероятно, и других губернских дворянских собраний, было почти полное отсутствие сведений о смерти дворян. Также, как правило, отсутствует информация о служебной карьере дворян после признания их юридического статуса. Это объясняется тем, что просители после получения грамоты о дворянстве переставали пополнять свои дела документами, а органы сословного самоуправления не интересовались их судьбой. Документы вновь начинали поступать лишь тогда, когда возникала необходимость «причислить к роду отца» и получить грамоту о дворянстве детям просителя. Тогда он предоставлял новый послужной список, где имелись сведения о его дальнейшей службе.

В фонде хранятся также журналы заседаний рязанского дворянского собрания, списки дворян по уездам, баллотировочные списки по выборам, формулярные списки, родословные книги, прошения об утверждении в дворянском достоинстве, в т. ч. отклоненные.

Изучение комплекса документов, сложившегося в ходе составления родословной книги Рязанской губернии, позволяет сделать вывод о достаточно высокой степени достоверности этого источника, имеющего в своей основе материалы ревизского учета, справки Разрядного архива и Герольдии, достоверность которых не вызывает сомнений; документы семейных дворянских архивов, подтвержденные справками Вотчинной коллегии и других учреждений [10]. Тщательность процесса рассмотрения в депутатском собрании представленных документов позволяет говорить о соблюдении всех правил и законов, изданных правительством по вопросу составления родословных книг. Ус-

ловия возникновения и причины, вызвавшие появление губернских родословных книг в конце XVIII в., свидетельствуют о заинтересованности губернского дворянского общества в установлении дворянского происхождения его членов. Косвенным подтверждением признания достоверности данных родословных книг является их включение в состав официальных доказательств дворянского происхождения и наследственных прав. Однако при работе с родословными книгами следует учитывать тот факт, что они не дают полных сведений по составу дворянского сословия, из-за игнорирования части дворянского общества обязанности записи в нее [11].

В наибольшей степени сведения о генеалогии содержатся в делах о причислении к дворянству, о дворянских родах, об установлении дворянского происхождения, об уточнении прав дворянства, об уточнении происхождения из дворян и т.д. Всего в фонде хранится информация о более чем 2200 фамилий рязанских дворян, от фамилии Абаза до фамилии Яценко.

Сам процесс внесения дворян в губернскую родословную книгу был строго документирован и состоял из следующих этапов: 1) составление уездными предводителями дворянства списков дворян уезда; 2) сбор документов просителями в архивах и учреждениях; 3) рассмотрение представленных доказательств о дворянском достоинстве в собрании и оформление его решения протоколом; 4) внесение дворянина в губернскую родословную книгу; 5) утверждение этого решения Герольдией Правительствующего Сената; 6) выдача грамоты о причислении к дворянству.

Совсем небольшой процент дел Дворянского собрания занимают дела, в которых по тем или иным причинам проситель и его род не причислялся к рязанскому дворянству. Как правило, это происходило «за недостаточностью доказательств», представленных просителями.

Соответственно, документов и справок в таких делах на порядок меньше. Так в деле о дворянстве Алимпиевых, кроме прошения, содержится лишь родословная схема предков просителя на четыре поколения с минимальными сведениями о них [12]. То же самое в деле о дворянстве Антоновых, за исключением того, что схема представлена из пяти поколений [13].

Более объемными были дела дворян, внесенных в родословную книгу губернии, но не утвержденными в дворянстве Правительствующим Сенатом. Так дело о дворянстве сына умершего коллежского советника Ивана Ивановича Клаузена – Александра содержит, помимо прошения последнего, полный послужной список его отца, свидетельство о внесении его в III часть ДРК Московской губернии в 1816 г., справку о земельных владениях вдовы коллежского советника Варвары Александровны Клаузен и ее малолетнего сына Александра в деревне Борисовка Скопинского уезда [14]. Дело о дворянстве вдовы Варвары Дмитриевны Обресковой [15], помимо прошения, заверенного ее поверенным действительным статским советником князем Леонидом Николаевичем Гагариным, содержит документы: о внесении гвардии полковника Михаила Дмитриевича Обрескова в VI часть ДРК Новгородской губернии за 1856 год и о внесении его же в VI часть ДРК Ярославской губернии за 1861 год. Тем не менее этого оказалось недостаточно для внесения в ту же часть ДРК Рязанской губернии. В 1911 г. дочь просительницы, княгиня Наталья Михайловна Гагарина обратилась с повторным прошением в дворянское собрание, указав своих предков со стороны матери, урожденной Бутурлиной, а также предоставив свидетельства: о внесении в 1853 году генерал-майора Сергея Петровича Бутурлина с женой и детьми в IV часть ДРК Московской губернии и о внесении полковника Дмитрия Сергеевича Бутурлина в IV часть ДРК Рязанской губернии. Поскольку княгиня Наталья

Михайловна была причислена к роду князей Гагариных по мужу, то род Обресковых оказался так и не причисленным к рязанскому дворянству.

Дополнительным источником информации могут быть описи решенных и нерешенных дел, списки внесенных в родословную книгу дворян, материалы ревизионной комиссии.

Важно отметить, что многие документы, входящие в дворянские дела (формулярные списки, метрические свидетельства, уездные списки дворян и т. д.) могут быть использованы как самостоятельные источники.

Жалованная грамота дворянству 1785 г. завершила юридический процесс оформления дворянской корпорации. Во всех губерниях начали составлять списки дворян («дворянские сказки»). В Рязанской губернии первая дворянская перепись прошла в 1788 г., в дальнейшем списки составлялись на протяжении первой трети XIX в. Значительная часть сведений из дворянских списков присутствует в качестве справок в делах о причислении к дворянству. То же самое можно сказать и о послужных списках дворян, которые за небольшим исключением, дублируются в делах о дворянстве.

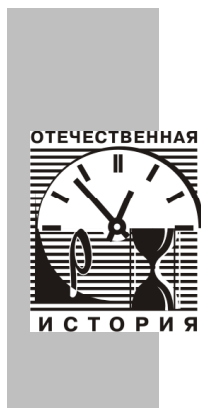
Изучение проблемы составления родословных книг дает представление о процессе оформления дворянского сословия. Важнейшей проблемой является исследование корпуса дворянских документов, поданных в Рязанское дворянское собрание для доказательства дворянского происхождения. Сформированные в дворянские дела, разнообразные по видам и времени создания, эти документы представляет собой богатейший источник для изучения процесса формирования и истории рязанского дворянства. В составе многих дворянских дел имеются справки Разрядного архива, включающие родословные росписи конца XVII в. с актовыми приложениями, копии герольдмейстерских дел и земельных учреждений

XVIII в., значительно дополняющие сведения об истории дворянских родов и родовых имений. Все эти материалы позволяют реконструировать фрагменты утра-

ченных родословных росписей и устранить ряд ошибочных положений, имеющих в литературе по вопросу происхождения дворянских родов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРО. – Ф. 98. – Оп. 26. – Д. 45.
2. ГАРО. – Ф. 98. – Оп. 40. – Д. 25. – Л. 1.
3. ГАРО. – Ф. 98. – Оп. 10. – Д. 111.
4. ГАРО. – Ф. 98. – Оп. 4. – Д. 45.
5. ГАРО. – Ф. 659.
6. ГАРО. – Ф. 892.
7. ГАРО. – Ф. 4.
8. РГАДА. – Ф. 394. – Оп. 2. – Д. 321. – Л. 432.
9. Там же.
10. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. – М., 1963. – С. 158.
- Каменский А. Б. Книги справок Разрядного архива: история составления и источниковедческое значение // Исследования по источниковедению СССР дооктябрьского периода. – М., 1983. – С. 171.
11. Быкова Л. А. Родословные книги Тверской губернии 1785 – 1917 гг. как источник по истории русского провинциального дворянства: Автореф. дис. ... кандидата исторических наук. – М., 1993. – С. 22.
12. ГАРО. – Ф. 98. – Оп. 17. – Д. 8.
13. ГАРО. – Ф. 98. – Оп. 6. – Д. 4.
14. ГАРО. – Ф. 98. – Оп. 53. – Д. 16.
15. ГАРО. – Ф. 98. – Оп. 107. – Д. 18.

УДК 94(47).07/.8
ББК 63.3(2)5+30г
Отечественная история

МИР РЯЗАНСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ XVIII – XIX ВЕКОВ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Доктор исторических наук В. Ф. Ершов
В. П. Нагорнов

В статье представлен аналитический обзор документов по истории рязанской металлургической промышленности XVIII – XIX вв., хранящихся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея в Москве, охарактеризовано их содержание и возможности использования при подготовке научных исследований по проблемам истории промышленности и предпринимательства в Рязанском крае.

Ключевые слова

Рязанская губерния, металлургическая промышленность, рязанское купечество, Государственный исторический музей

Актуальность темы исследования определяется стоящими перед современной Россией промышленно-технологическими задачами – модернизацией индустриального потенциала страны, развитием горно-металлургического производственного комплекса, новейших металлообрабатывающих производств, созданием системы подготовки профессиональных кадров в данной сфере и др. В связи с этим приобретает особую важность изучение истории отечественной металлургической отрасли с момента ее зарождения в конце XVII – начале XVIII вв. и до настоящего времени. Анализ специфики формирования металлургического сектора российской экономики способствует практической и научно-теоретической разработке основных перспективных направлений ее развития в XXI веке.

Решение данной исследовательской задачи требует дальнейшего выявления новых исторических источников по теме истории отечественной металлургии и их углубленного изучения на основе современных научно-теоретических подходов.

Одним из компонентов источниковой базы для изучения дореволюционного периода истории металлургической промышленности Рязанского края являются документы Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Данное документальное собрание характеризуется преобладанием фондов личного происхождения, среди которых имеются архивы представителей царской администрации XVIII – XIX вв., служебная деятельность которых была связана с развитием отечественного горного дела и металлургической промышленности, фонды российских промыш-

ленников и предпринимателей, ученых, занимавшихся проблемами социально-экономической истории России дореволюционного периода.

Значительный интерес представляют документы фонда М. Ф. Соймонова (Ф. 395) – выдающегося организатора горного дела в России в эпоху Екатерины II, в 1771-1781 и 1796-1801 гг. – президента Берг-коллегии. Среди служебных материалов М. Ф. Соймонова отложились тексты сенатских указов, предписаний Берг-коллегии и другие материалы, которые раскрывают механизм государственной поддержки горной промышленности и специфику административного регулирования частных горнорудных предприятий в Рязанском крае в период абсолютизма, а также позволяют расширить фактологическую базу изучения вопросов становления и эволюции рязанской металлургии.

Важным фактором развития частного металлургического производства в России явилось государственное стимулирование заводчиков. Практика освобождения владельцев новых фабрик и заводов от налогов на 10 лет, существовавшая еще в первой половине XVII века, начиная с петровского времени и в последующие десятилетия дополнялась предоставлением государственных кредитов и субсидий, а также выделением казенных земель для постройки промышленных объектов. Н. И. Павленко подчеркивал, что существенные преимущества, которые получали металлургические предприятия промышленности, стимулировали купечество к постройке и приобретению заводов соответствующего профиля. «Ни винокуры, ни подрядчики, ни купцы, торговавшие за границей, не пользовались такими привилегиями, которые были предоставлены владельцам металлургических заводов. Главная из них состояла в праве владеть крепостными. Имело также место освобождение мануфактуристов от постоев, подводной повинности, выборных должностей и солдатской службы» [13. С. 492].

Поскольку рязанская горная отрасль изначально формировалась на основе частной инициативы, государственная политика, ориентированная в петровское время на стимулирование предпринимательской активности, а в последующие десятилетия – на упрочение дворянской мануфактуры, имела существенное значение для развития металлургической промышленности в Рязанском крае.

Документы из собрания М. Ф. Соймонова показывают, что к рязанским заводам применялись льготы, обозначенные в сенатском докладе 11 июля 1762 г.: освобождение новых предприятий от уплаты в казну десятинной доли товара или его стоимости с тем, чтобы «новые заводы употребленный в них капитал возвратили и чрез то не претерпели бы отягощения, и тем самым придается охота к заведению вновь заводов, которые, как казне, так и обществу бесполезны есть» [10. Л. 69]. Так, например, в ведомости выплавки чугуна «при партикулярных горных заводах» с указанием сумм налоговых выплат в казну за 1795 г., отмечено, что Непложский завод вдовы Мосоловой «от платежа десятинных денег уволен на десять лет» [11. Л. 12-12об].

В составе фонда М. Ф. Соймонова имеются также ведомости горных и молотовых заводов 1795-1810-х гг. со сведениями об их владельцах, о численности и профессиональной квалификации работников, размерах жалованья мастеровых, технологической оснащенности предприятий. Так, например, в ведомости 1795 г. по Рязанской губернии указано, что на Ибердецком заводе поручика Никифора Калинина приписных работников нет [11. Л. 106об-107]. (Следует отметить, что Ибердский завод, действовавший более 100 лет являлся типичным предприятием рязанской металлургии, тяготевшим к пронско-старожиловскому промышленному комплексу, и выполнял важную функцию в наполнении и формировании губернского рынка металлических изделий

[6]). На Истьянско-Бордаковском заводе титулярного советника Ивана Шувалова в 1795 г. действовала одна домна и три молота, в том числе, один запасной [11. Л. 41]. В 1798 г. на заводе было выплавлено 3854 пудов чугуна. В 1800 г. Истьянско-Бордаковский завод сильно пострадал от весеннего половодья и некоторое время не действовал. В 1801 г. выплавка составила всего 527 пудов, а в 1803 г. очередной «подпор» талой воды повредил домну и молотовые горны. Фактически металлургическое производство на Истьянско-Бордаковском заводе было прекращено. Однако основной причиной остановки завода явилась выработка месторождения, о чем свидетельствовали материалы обследования металлургических заводов Рязанской губернии, проведенного в 1807 г. Московским Горным правлением. В феврале 1810 г. в служебной переписке, посвященной состоянию Истьянско-Бордаковского горного завода, отмечалось, что «руды в течение 60 лет все истощились, леса истребились», и предлагалось приступить «к уничтожению сего завода» [11. Л. 18]. (Позднее Истьянско-Бордаковский завод был преобразован в полотняную фабрику).

Аналогичные данные содержатся в документах Берг-коллегии из фонда М. Ф. Соймонова по Истьянско-Залипяжскому и Кирицкому рязанским железоделательным заводам. Так, на Истьянско-Залипяжском заводе коллежского асессора Николая Хлебникова, помимо 30 покупных мастеровых и 100 крестьян, имелся 191 работник из числа «отданных от ревизии незаконнорожденных и не помнящих родства» [12. Л. 107об.-108].

Наряду с предприятиями черной металлургии в Рязанской губернии в дореформенный период создавались центры металлообработки, среди которых выделялась «стальная инструментальная и ножевая» фабрика графини А.П. де Броглио, основанная в 1803 г. Стальные изделия инструментальной фабрики отличались

высоким качеством металла, превосходной отделкой, и пользовались большим спросом. В 20-е годы XIX столетия на фабрике де Броглио изготавливались столовые ножи и вилки с черенками из слоновой кости и дорогих сортов дерева, различные «кухмистерские» ножи и приборы, садовые инструменты, маникюрные и портняжные ножницы, сабельные и шпажные клинки, а также пилы и некоторые другие плотницкие инструменты [8]. В фонде рода Мухановых в ОПИ ГИМ (Ф. 117) имеется несколько документов 1831 г., связанных с фабрикой де Броглио. Это служебная переписка чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел Н. Н. Муханова с Медицинским департаментом МВД и министром внутренних дел графом А. А. Закревским, относительно правительственных мер по совершенствованию медико-санитарного дела, в том числе, донесения о нехватке фельдшерских инструментов и о заказе их на заводе де Броглио..

В составе научного архива П. Г. Любомирова (Ф. 470) хранятся выписки из источников и черновики трудов ученого по истории промышленности в России дореформенной эпохи, включая материалы, связанные с металлургическим производством в Рязанском крае [5]. В том числе представляют интерес данные III, IV и V ревизий по Рязанской губернии, собранные П. Г. Любомировым, «Список фабрикантов и заводчиков Рязанской губернии в 1800 г.» и др. Среди подготовительных материалов к работам П. Г. Любомирова имеются копии и выписки из архивных источников, содержащих сведения о биографиях заводчиков Рюминых и других рязанских предпринимателей.

В фонде Демидовых (Ф. 52) представлены отдельные документы 1840-х – 1850-е гг. (счета, перечни товаров), отражающие деятельность рязанских предпринимателей по транспортировке и реализации продукции местных железоделательных заводов. Следует отметить, что металлур-

гические предприятия Рязанского края традиционно размещались вблизи рек, служивших и источником дешевой энергии, и (в условиях слабо развитой транспортной системы) – основным средством доставки товаров к потребителям. Этот опыт способствовал становлению в Рязанском крае перевозок железа по воде как самостоятельного вида коммерческой активности, которая охватывала не только непосредственно рязанские заводы, но и распространялась на крупные центры горного дела в других регионах, в том числе на промышленную империю Демидовых, участвуя в развитии ее производственной и коммерческой инфраструктуры. Так, например, в 1854 г. касимовский купец Н. А. Шемякин заключил контракт с Московской конторой фирмы Демидовых на доставку из Нижнего Новгорода в Москву железа различных сортов на своей коломенке (так назывались плоскодонные грузовые суда, распространенные в середине XIX века на Оке, Волге, Москве-реке и других реках Центральной России) [9. Л. 11].

Нижегородская ярмарка являлась в этот период главным центром внутренней торговли металлом. Деятельность местных скупщиков позволяла рязанским заводам не заботиться о транспортировке своей продукции [7. С. 78]. В материалах Правительственной комиссии, обследовавшей российский рынок железа в начале 1850-х гг., отмечалось, что «главный расчет торговцев состоит в том, чтобы на ярмарке как можно меньше задолжать собственного капитала и приобрести возможно большее количество железа на кредитные сделки. Заводчики между тем, не имея между собой единодушия в торговле, спешат один перед другим, чтобы скорее выпродать свое железо» [1. С. 78]. Преимущества и риски торговли металлом подробно освещены в мемуарах В. Д. Баркова, семейная фирма которого в 1820-е – 1840-е гг. одновременно скупала большие партии железа на Нижегородской

ярмарке и на заводах Рязанской губернии и вела оптово-розничную торговлю в Москве [3].

Одним из наименее изученных аспектов истории рязанской металлургической промышленности является роль горных заводов и формировавшейся вокруг них инфраструктуры в социально-культурной эволюции уездных городов и сел Рязанской губернии. В данном контексте привлекают внимание документы, связанные с семейной историей рязанских металлозаводчиков (Рюминых, Баташевых, Барковых и др.), которые во второй половине XVIII – XIX вв. пользовались значительным влиянием в торгово-промышленных кругах и в целом в обществе Рязани, Касимова и других городов Рязанского края, интегрировались в деловое пространство Нижнего Новгорода, Москвы, Петербурга. Их судьбы, предпринимательская и благотворительная деятельность находят отражение в трудах И. Г. Кусовой и других авторов по истории рязанского купечества, отмечающих, в том числе важность дальнейшей разработки данной темы [4]. Решению этой задачи должно способствовать выявление и введение в научный оборот новых архивных материалов, в том числе из собрания ОПИ ГИМ.

В XIX веке многие преуспевающие промышленники сохраняли принадлежность к купечеству, предпочитая иметь высокий социальный статус в рамках своей сословной корпорации, что отражало общее изменение общественной роли торгового класса. Особо выделить следует семью Барковых, вышедших, подобно многим российским купцам, из крепостного сословия. Дмитрий Сергеевич Барков, служивший конторщиком на Сынтульском заводе, был отправлен по его собственной просьбе в аптекарские ученики и стал личным врачом своего барина А. Р. Баташева, а после его смерти – подлекарем баташевского завода в Гусе Железном. Его сыновья Василий, Фёдор,

Тимофей и Иван, помогая отцу, также проявили способности в медицине. После того, как Василию удалось вылечить от серьезной болезни Андрея Андреевича Баташева, тот распорядился дать всей семье вольную, которая и была получена в 1816 г., после смерти барина [2. С. 36].

К моменту выхода из крепостного состояния Барковы успели накопить довольно значительные средства; вскоре они записываются в торговое сословие г. Касимова и ведут розничную торговлю хлебом и галантерейными товарами. Пользуясь своими связями с заводской администрацией, Барковы скупали оптом железо и другую продукцию и прибыльно торговали ею в Нижнем Новгороде и Москве. На Нижегородской ярмарке Барковы повели торговлю совместно с купцом И. А. Якунчиковым, получая прибыль от 10 до 15 % на капитальный рубль. В начале 1820-х гг. брат Дмитрия Сергеевича Никифор открывает в Москве собственную лавку, где также осуществляется торговля железом. Вскоре Барковы стали торговыми агентами семи железных и чугунных заводов, причем общая сумма закупок превысила миллион рублей, а чистая прибыль в 1823-1824 гг. составила 45 тысяч рублей. В 1830 Д. С. Барковым был основан в г. Касимове железно-лудильный завод, производивший посуду и различный инвентарь из местного железа (современный Касимовский механический завод № 8). Продукция завода Барковых высоко ценилась потребителями и считалась одной из лучших в России. Барковы приобрели серокупоросный, а позднее кожевенный завод, а также держали в Касимове пять кузниц. Их коммерческому успеху способствовало доверие отца и братьев друг к другу и, как следствие, нераздельность семейного капитала [2. С. 40].

Во второй трети XIX в. отец и сыновья Барковы входят в число наиболее уважаемых представителей рязанского купечества. В конце 1830-х – начале 1840-х гг. семьи Никифора, а затем Василия Барко-

вых получили потомственное почетное гражданство. В 1830 г. Д. С. Барков был избран касимовским городским головой; в 1842 году эту должность занимал Василий Дмитриевич Барков, а в 1851-1853 и 1860-1861 гг. – его сын Николай. В ОПИ ГИМ в фонде П. А. Бурышкина (Ф. 10) хранится комплекс личных документов братьев Василия Васильевича и Николая Васильевича Барковых 1870-х гг, главным образом переписка, основное содержание которой составляет повседневная жизнь московской и касимовской ветвей семьи и их окружения – учеба детей, объявления о бракосочетаниях и др. Эти материалы позволяют дополнить историко-генеалогические и краеведческие исследования, посвященные Барковым.

В собрании ОПИ ГИМ имеются также отдельные документы, относящиеся к истории одной из ветвей рода Рюминых, представитель которого Кузьма Рюмин и его сыновья Панкрат, Яков и Илья стали основателями Улусского и Истинского заводов – первенцев рязанской черной металлургии. Три поколения металлзаводчиков Рюминых входили в семейную торгово-промышленную корпорацию, которая в первой трети XIX в. заняла лидирующие позиции в Рязанской губернии. Род Рюминых состоял в этот период из шести семей, которые помимо металлургического производства занимались также винокурением, салотоплением, пивоварением, торговлей различной сельскохозяйственной и мануфактурной продукцией [4. С. 40]. Позднее некоторые из них не только получили потомственное дворянство, но и породнились с аристократическими семьями. Внук Г.В. Рюмина, занимавшего в 1796 г. пост рязанского городского головы, Федор Николаевич Рюмин закончил Пажеский корпус, служил рязанским губернским предводителем дворянства, а также возглавлял Рязанское общество сельского хозяйства. В ОПИ ГИМ хранится несколько его писем к общественному деятелю и ученому Н.

С. Стромилову.

Таким образом, фонды документально-го собрания Государственного исторического музея являются ценным дополнением к базовому комплексу архивных источников по истории рязанской металлургической промышленности дореволюционного периода – документам Государственного архива Рязанской области (ГАРО) и Российского государственного архива

древних актов (РГАДА).

Изучение вышеуказанных документов позволяет более глубоко исследовать ряд аспектов государственной политики Российской империи в сфере горного дела в дореформенный период, выявить новые данные о предпринимательской деятельности, генеалогии и семейной истории рязанской торгово-промышленной элиты XVIII – XIX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арсентьев Н. М., Дубодел А. М. Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковский горный округ в планах и чертежах. – М, 2004.

2. Грачева И.В. Купцы-врачеватели // Природа и человек. XXI век. – 2011. – № 7.

3. История Василия Дмитриевича Баркова, потомственного почетного гражданина. – СПб., 1902.

4. Кусова И. Г. Рязанское купечество. Очерки истории XVI – начала XX века. – Рязань, 1996.

5. Любомиров П. Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России. – М., 1937.

6. Нагорнов В. П. Ибердский (Ибердецкий) завод – один из пионеров рязанской металлургии // Материалы Первых краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского (7 декабря 2004 г.) / Под ред. Б.В. Горбунова. – Рязань, 2006. – С. 42-47.

7. Нагорнов В. П. Основные вехи истории и описание Кирицкого металлургического завода Рязанской губернии // История и современность: новый взгляд: Тезисы докладов научной конференции, 3 апреля 2006 года / Отв. за выпуск О. И. Шмелёва; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань, 2006.

8. Нагорнов В. П. Стальная инструментальная фабрика А. П. де Броглио – ведущее предприятие металлообработки Рязанского края // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Клепиковский сборник: Т. 9. / Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов. – Рязань, 2006. – С. 41-45.

9. ОПИ ГИМ. – Ф. 52. – Оп. 1. – Ед. хр. 36.

10. ОПИ ГИМ. – Ф. 395. – Оп. 1. – Ед. хр. 20.

11. ОПИ ГИМ. – Ф. 395. – Оп. 1. – Ед. хр. 23.

12. ОПИ ГИМ. – Ф. 395. – Оп. 1. – Ед. хр. 24.

13. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводладельцы. – М., 1962.

УДК 94(470.331)"18": 351.816

ББК 63.3(2)522-3

Отечественная история

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ ЗЕМЦЕВ-КОНСЕРВАТОРОВ ПО СОЗДАНИЮ СЕТИ СЕЛЬСКИХ ПОЧТОВЫХ СТАНЦИЙ

Кандидат исторических наук С. Г. Куликова

Статья посвящена анализу проектов земцев-консерваторов Московской и Тверской губерний по созданию сельских почтовых станций.

Ключевые слова

Земцы-консерваторы, земская сельская почта, земская почтовая станция, почтовое сообщение

На протяжении последних лет консервативная политическая идеология занимает умы исследователей-историков. В настоящее время можно констатировать, что консерватизм как политическая идеология подвергся всестороннему изучению, чего нельзя сказать о хозяйственной практике консерваторов. Восполнить данный пробел возможно посредством обращения к региональному материалу. Консервативные идеи «на местах» так или иначе апробировались в каждодневной практике земств. Деятельность последних издавна привлекала внимание историков, но ее успехи, как правило, связывались с реализацией либеральных проектов. В этой связи, изучение проектов земцев-консерваторов с одной стороны позволит восполнить историографический пробел, касающийся изучения хозяйственной практики консерваторов, с другой позволит восстановить объективную картину земской деятельности второй половины XIX – начала XX вв.

Каждодневная хозяйственная деятель-

ность земств привела к необходимости регулярной почтовой связи внутри уездов: настоятельная потребность переписки по вопросам земских повинностей и хозяйственной деятельности уездных управ со своими волостными правлениями и государственными административными учреждениями заставили земства решить проблему доставки корреспонденции от государственных почтовых отделений к волостным правлениям своими силами [12. Л. 3]. По задумке, земская сельская почта должна была стать логическим продолжением почты государственной. Согласно циркуляру министерства внутренних дел №12725 «Об учреждении земской почты для передачи корреспонденции на территории тех уездов, которые были лишены почтового сообщения» функции земской сельской почты состояли в доставке простой корреспонденции с государственных почтовых учреждений по всем селениям уезда; передаче простой корреспонденции для жителей на ближайшие почтовые станции. В сложившихся

условиях земцы постарались «вписать» земские почты в транспортную инфраструктуру губерний с учетом планирующейся сети дорог, железнодорожных станций, водного транспорта.

Вопрос об учреждении сельской земской почты входил в компетенцию уездных земских собраний, анализ протоколов заседаний которых по Московской и Тверской губерниям, позволяет сделать вывод об организации почт в развитых в торгово-промышленном отношении уездах: в Московской губернии – Богородском, Бронницком, Коломенском, Подольском, Дмитровском уездах, в Тверской – Тверском, Корчевском, Осташковском, Бежецком, Ржевском, Весьегонском уездах. Примечательно, что во всех уездах, кроме Весьегонского, разработкой сети земской сельской почты занимались земские деятели консервативной ориентации.

Каждое земство устанавливало собственные правила почтовой гоньбы. Устройство земской сельской почты, различаясь в деталях, в целом, было унифицировано. Центральным пунктом доставки корреспонденции в уезд из местной государственной почтовой конторы была уездная управа. В Тверской и Московской губерниях земская почта организационно строилась следующим образом: при уездной управе создавалось «Земское почтовое отделение» во главе с заведующим в лице члена уездной земской управы, роль почтовых пунктов выполняли волостные правления, доставки почты занимались земские почтари. Между тем, в архивах удалось встретить уникальную информацию об устройстве земцами-консерваторами пунктов приема корреспонденции сельской земской почты на собственные средства в своих имениях. Известно, что Л. А. Ушаков и Б. В. Штюмерстроили у себя в усадьбах пункты приема простой корреспонденции [1. Л. 1-2].

Архивные материалы по Тверской губернии дают представление о компетенции заведующего земским почтовым от-

делением. Он оформлял в специальной шнуровой книге, выдаваемой земствам государственными почтовыми учреждениями, количество принятой корреспонденции, указывал размер взысканных сборов, сортировал корреспонденцию по адресам [3. Л. 14, 19]. Вложенная в подпакеты корреспонденция передавалась нанятым земской управой рассыльным – земским почтарям. Требования к почтарям кратко можно обозначить так: «благоннадёжный трезвенник». Эти требования вполне понятны: блоннадёжность служила гарантом того, что почтарь не будет распространять нелегальную литературу, в свою очередь трезвенником почтарю следовало быть потому, что ему доверялись ассигновки. В Московской губернии А. П. Тучков предложил в 1866 г. для пересылки денежной корреспонденции использовать опыт Англии, «где вся денежная корреспонденция принимается в книжных лавках, для чего имеются особые книги, в которых получатели расписываются», причем «приемщиками» в видах блоннадёжности предложил назначать «большей частью женщин», однако одобрен проект был лишь частично, прием денежной корреспонденции был возложен на волостные правления, приемщиками рекомендовали набирать женщин [9. С. 208]. В Тверской губернии в рамках реализации проекта земцев-консерваторов П. М. Карякина, А. Н. Трубникова, А. Д. Ляпунова, одобренного Тверским уездным собранием 1873 г., была разработана система пересылки денег через земскую почту: пересылаемые денежные средства принимались заведующим почтовой части, который выдавал клиенту квитанцию, после чего заведующий передавал почтарю ассигновки для передачи волостному писарю для уплаты денег адресату за счёт управы, клиент после явки в волостное правление получал денежные средства, о чем расписывался в «Квитанционной книге почт» [7. Л. 25]. Первое время уездные земства разрешали перевозить не

более 340 руб. с гарантией земств, однако уже в 1871 г. сумма возросла до 2500 руб. одному лицу за один раз. Данные по Тверской губернии позволяют высчитать примерную стоимость 1 денежного отравления – 7 руб. [13. С. 317-322]. Для того, чтобы понять много это или мало, обратимся к воспоминаниям известного в XIX в. коммерсанта и бытописателя старой Москвы И. А. Слонова, который приводит данные о ценах на 1900 г.: батон ржаного свежего хлеба весом в 400 гр. стоил 4 коп., литр молока – 14 коп., вырезка парной телятины весом 1 кг – 70 коп. [18]. Основными отправителями денежных средств по земской сельской почте были крестьяне-отходники [15. С. 75]. В Тверской губернии отхожими промыслами занималось более 58 % населения, причём средний заработок составлял от 5 до 10 руб. [17. С. 71]. Конечно, доверяя свой заработок, крестьяне хотели быть уверенными в том, что он дойдёт до адресата, земства же, под гарантию которых перевозились денежные пакеты, уделяло повышенные требования к личности почтателя [11. С. 149-150]. Работа земского почтателя была сложной. Земские почтари передвигались строго по расписанию в рамках утверждённых маршрутов – при получении почты из земской управы почтарю вручался путевой лист.

Каждое уездное земство самостоятельно решало вопрос о том, будет почта разноситься или развозиться по уезду. Весьегонский уезд Тверской губернии практиковал развозную почту с использованием лошадей. Оно и понятно – «в бездорожье для отправки сообщения в какой-нибудь, пункт Замолужья требовалось порой 15 – 25 дней, то есть срок в полтора раза больший, чем на поездку из Красного Холма в Нью-Йорк», преодолеть 150 в. пешим ходом почтари были не в состоянии [8]. Еженедельно количество верст, преодолеваемых почтарём, доходило до 600. Аналогичная система действовала в Бежецком, Осташковском, Ржевском уездах

Тверской губернии, Богородском и Коломенском уездах Московской губернии [3. Л. 14, 19]. Иной вариант практиковался в Корчевском уезде Тверской губернии, где корреспонденция переносилась пешими почтателями в заплечных «личных кошельках» [14. С. 75]. В виде наградных «за исправную доставку почты» почтарям выплачивали «поверстные деньги» – за суммарный «пробег» в 268 в. платили из расчета 25 коп. за версту [10. С. 327-328]. Архивные материалы содержат данные о штрафах почтарей, не доставивших своевременно почтовую корреспонденцию [2. Л. 14-16]. Оплата труда земского почтателя зависела от сметных расходов уездного земства на почтовую часть и разнилась от 160 до 25 руб. в год. Помимо того, получатели корреспонденции обязаны были оплатить почтарю за доставку письма, газеты, книги или объявления: по 3 коп. серебром – за расстояние в три версты, по 5 коп. – за расстояние в шесть верст; за доставку в более отдаленные места – по 10 коп. [19. Л. 1]. Земские почтари имели свои знаки отличия, например, Ржевские почтари Тверской губернии, носили медную бляху с надписью «Земская почта», Корчевские – прикрепляли бляху на заплечные кошельки. С 1890 г. земским почтальонам разрешалось иметь на своей форме и сумке изображение губернского и уездного герба, но запрещалось изображение эмблемы почтового департамента – скрещенных почтовых рожков [16. С. 725].

Представляет интерес информация о внешнем и внутреннем убранстве почтовой станции. Такую информацию удалось обнаружить применительно к Весьегонскому уезду Тверской губернии. Перед зданием почтовой станции на верстовом столбе висел ящик, на стенках которого было написано количество верст до ближайших станций и указано направление движения. «Двор станции был малоопрятный, вымощенный поперёк бревнами. Всякая езда по такому покрытию сопро-

вождалась грохотом. В конюшнях стояло 25 лошадей. Под навесом стояли экипажи всевозможных типов, начиная от навозной телеги и кончая легкой пролеткой. Бывало, что по воскресеньям, закладывалась линейка парой лошадей для массовых прогулок жителей за город. На такую линейку могли усесться до двадцати пяти человек. В ямской избе было грязно. На козлах сплошной настил из грубых досок. На них валялись овчины – вот и все убранство спального места ямщика. Воздух был тяжел от конской упряжи, пропитанной потом и дегтем. Прелый запах от валенок, тулупов, кислых овчин, грязного белья. В такой обстановке жили ямщики. Скуповатый хозяин говаривал, что, не хочет «супротив других содержателей станций задаваться» [8]. Схожую картину мы встречаем в описании Богородской станции Московской губернии: «На Богородской: лошадей – 36, большая часть их изнурены и малосильны, – почему гоньба производится медленно», «ямщиков 12 человек, из них пять только с узаконенными видами», «помещение смотрителя и общая контора для господ проезжающих не в опрятном виде, мебели нет, часов и вывески на станции тоже» [20. Л. 20].

Содержание земской почты требовало от земств больших расходов: на наем подвод, содержание стоечных лошадей, оплату земских почтарей. Необходимость расчета за почтовые услуги привела к выпуску почтовых марок. Земские марки могли иметь хождение только в пределах уезда, при пересылке письма из уезда в уезд рядом с земской маркой наклеивалась почтовая марка общегосударственной почты [16. С. 724]. Передача корреспонденции из государственной почты в земскую осуществлялась, только если на конверте была надпись отправителя, что он доверяет дослать письмо по земской почте. Кстати, переписку земских управ между собою, а так же между ними и государственными учреждениями разрешалось пересылать только через

государственную почту [8. Л. 1-1 об.]. Кроме собственных марок земская почта, использовала другие знаки почтовой оплаты: конверты, карточки и другие бланки с впечатанной почтовой маркой. Богородский уезд Московской губернии выпускал маркированные бандерольные оболочки, которые с 1871 г. использовали для пересылки газет, получаемых с государственной почты. Кстати, именно Богородский уезд впервые разделил марки на две группы: оплаченные (синие) и долговые (красные). При получении отправления с долговыми марками адресат оплачивал их стоимость. Продажа марок привела к самоокупаемости земской сельской почты [10. С. 303-304].

Анализ протоколов и журналов заседаний уездных и губернских земских собраний по Тверской и Московской губерниям позволил выявить проекты земцев-консерваторов по созданию сети земской сельской почты, вписанной в общую транспортную сеть губерний и являющейся логическим продолжением сети государственных почтовых станций. Важным начинанием здесь следует считать прокладку «основных» маршрутов следования земской сельской почты. Удалось установить разработчиков маршрутов следования земской сельской почты – это земцы-консерваторы Г. Н. Львов (Коломенский уезд Московской губернии), А. И. Поливанов (Богородский уезд Московской губернии), Н. С. Кривоблоцкий и А. В. Грузинов (Осташковский уезд Тверской губернии), А. П. Шупинский и В. Н. Трубников (Тверской уезд Тверской губернии), Л. А. Ушаков (Бежецкий уезд Тверской губернии). При разработке маршрута и порядка движения земской сельской почты Тверской губернии за основу уездами был взят проект земца-консерватора А. П. Шупинского, реализуемый в Тверском уезде. Проект предусматривал возможность корректировки маршрута следования земской сельской почты на основе анализа статистики почтовых отправлений

по волостям, проводимой заведующими почтовыми отделениями [8. Л. 12-13]. На основании мониторинга ситуации уездными земскими управами прокладка маршрута следования земской сельской почты менялась в зависимости от изменения списка «активных» в плане обмена корреспонденции волостей. По предложению А. В. Грузинова, в случае если система равномерной развозки почты по всем волостным правлениям себя не оправдывала, уездами выделялись направления главного и побочных трактов. Корреспонденция по главным направлениям перевозилась 2 раза в неделю, а по побочным – 1 раз. Причём по главному тракту почту развозили почталыоны, а по побочным – ящики и содержатели земских станций, которым дополнительно оплачивали эту работу. Главной заслугой чёткой разработки маршрутов земской почты в уездах была реализация одного из основополагающих принципов почтового сообщения – скорости и точности доставки корреспонденции. Анализ «трактов» сельской земской почты позволяет заключить, что при прокладке маршрута в рамках обозначенных направлений соблюдался принцип прокладки через квартиры земских врачей, приставов и уездных исправников, позднее – земских начальников [5. Л. 27].

Земская сельская почта удовлетворяла потребности сельского населения в получении и отправке корреспонденции. Консерваторы неоднократно обращали внимание на преимущества земской сельской почты для населения через частые сообщения города с уездом. Однако в непростое время – «хождение в народ» – они осознавали скрытый потенциал сельской земской почты в деле народного просвещения. Анализ архивных материалов четко показывает, что с середины 70-х гг. XIX в. консерваторы делают «акцент» на распространении периодических изданий, имевших целью «развитие народа путём ознакомления со всеми близкими его интересам вопросами государственной и

общественной жизни» [15. С. 7]. Конечно, речь идет о таких изданиях как «Нива», «Новости». Трагические события 1881 г. обратили взор консерваторов на приложение к «Правительственному вестнику» – еженедельной народной газете «Сельский вестник». Несмотря на незначительную стоимость газет из-за большого веса пачек за пересылку газет и журналов взималась бандерольная плата, подчас недоступная для простого народа. Переломить ситуацию помог проект В. Н. Трубникова и А. В. Грузинова, предложенный Тверскому и Осташковскому уездным земским собраниям 1894 г., который справедливо указал что «Сельский вестник» при стоимости в 52 коп. после пересылки по земской почте до волостных правлений уже имел стоимость в 1 руб., в итоге при пересылке издания по земской сельской почте получатель переплачивал в год примерно руб. 40 коп. Проблему разрешили так: газета «Сельский вестник» была освобождена от взыскания платы за пересылку по земской сельской почте в Осташковском и Тверском уездах, а так же приняли решение о пересылке по земской почте прочитанных газет для учителей школ, священников, врачей за счет средств фонда почтового капитала. Московское земство сохранило плату за пересылку газет в 1 коп., журналов и книг – 5 коп. [19. Л. 1].

За время деятельности земской сельской почты количество пересылаемых периодических изданий возросло за 10 лет в среднем в 3 раза.

К наиболее значимым проектам является проект по созданию единой сети почтовых отделений в рамках Тверской губернии, внесенный на рассмотрение Тверского губернского земского собрания земцами-консерваторами А. С. Паскиным и С. Д. Квашниным-Самариным 10 декабря 1903 г. [4. Л. 64]. Инициатива получила одобрение, практическая реализация проекта была поручена В. Н. Трубникову и В. Ф. Гаслеру. Результатом стало состав-

ление сети почтово-телеграфных и почтовых учреждений Тверской губернии. Показательно, что всего 28 станций из 93, вошедших в сеть существующих почтовых станций губернии, являлись государственными. Отмечу, что аналогичный проект был выдвинут земцем-консерваторм А. С. Уваровым Московскому губернскому земскому собранию 19 марта 1866 г., однако не получил одобрения [9. С. 223-227]. Земская сельская почта, задуманная как вспомогательный орган почты государственной, фактически стала таковой. Оба почтовых учреждения смогли работать совместно, не конкурируя друг с другом. Причем, земства рассматривали свою работу не как источник дохода, а скорее, как обязанность со своей стороны способствовать интересам избирателей. В последующие годы развивавшаяся земская почта настолько хорошо зарекомендовала себя, что при издании 12 июня 1890 г. нового «Земского Положения», в него было введено особое постановление о том, что на земские учреждения возлагается устройство и содержание земской почты.

К 1901 г. земская сельская почта существовала уже в 243 уездах из 359 европейской части России, что составило 2/3 их общего числа. В пиковый период своего развития – 1897 г. – земская почта действовала в 245 уездах, т. е. в 53 % от общего их общего числа, а к 1917 г. – фактически во всех земствах (в 420 из 440). Сфера почтовых услуг значительно расширялась. И хотя в дальнейшем государственная почта открывала свои отделения

в крупных селах, во многих уездах единственным связующим звеном оставалась только земская сельская почта. Земские управы создавали собственные дороги, устраивали свои почтовые станции, чтобы наладить связь с глубинкой. Земская сельская почта просуществовала до 1917 г. и на протяжении более 50 лет обеспечивала регулярную доставку корреспонденции на огромных территориях Российской империи от государственных почтовых учреждений к месту назначения, сближая людей самых отдаленных глухих уголков российской провинции.

Проекты создания сети сельских почтовых станций, реализуемые консервативно-ориентированными уездами Московской и Тверской губерний вписываются в общий замысел создания и развития инфраструктуры. Земцы-консерваторы были движимы осознанием необходимости связать волостные центры с развитыми уездными городами посредством организации бесперебойного почтового сообщения по проселочным дорогам. Доказательством этому служит тот факт, что земская сельская почта, ставшая ключевым звеном в создании сети сельских почтовых станций создавалась в промышленно развитых уездах. С одной стороны, земская сельская почта играла важную социальную роль, позволяя «отходникам» своевременно посылать своим семьям денежные отправления, с другой стороны, земцы-консерваторы осознали её мощь в борьбе с революционной заразой, играя на интересе крестьян к проправительственной периодике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 104.
2. ГАТО. – Ф. 795. – Оп. 1. – Д. 1391.
3. ГАТО. – Ф. 795. – Оп. 1. – Д. 1431.
4. ГАТО. – Ф. 800. – Оп. 1. – Д. 7993.
5. ГАТО. – Ф. 800. – Оп. 1. – Д. 7995.
6. ГАТО. – Ф. 800. – Оп. 1. – Д. 7796.

7. ГАТО. – Ф. 804. – Оп. 1. – Д. 217.
8. ГАТО. – Ф. 804. – Оп. 1. – Д. 186.
9. Журналы Московского губернского земского собрания. Март 1866 года (Собрание чрезвычайное). – М.: Синодальная типография, 1866. – 250 с.
10. Журналы уездных земских собраний Московской губернии. Вып. 1868 г. – М.: Унив. тип. Катков и К°, 1870. – 427 с.
11. Куликова С. Г. Благонадежный трезвенник // Родина. – 2012. – №12. – С. 149-150.
12. Куликова С. Г. «Мчится тройка почтовая»: организация земской сельской почты в Тверской губернии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2012. – № 18. – Вып. 3. – С. 21-34.
13. Куликова С. Г. Тверские земцы-консерваторы во второй половине XIX – начале XX в.: мировоззрение и хозяйственная деятельность: Дис. ... канд. истор. наук. – Тверь: Тверской государственный университет, 2006. – 327 с.
14. Протоколы заседаний Корчевского очередного уездного земского собрания с 4 по 10 октября 1879 г. – Корчева: Тип. Д. Н. Туманова, 1880. – 230 с.
15. Протоколы Осташковского очередного уездного земского собрания сессии 1896 г. – Осташков: Тип. М. С. Федорова, 1897. – 278 с.
16. Сборник постановлений и распоряжений по почтово-телеграфному ведомству с официальным изданием 1885 г. в исправленном и дополненном виде согласно последним распоряжениям с 1885 г. по 1905 г. – М.: Почтамт, 1905. – Ч. I. – 1201 с.
17. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. – Тверь: Изд-во Тверского губернского земства, 1894. – Т. 10. – 401 с.
18. Слонов И. А. Из жизни торговой Москвы: репринтное издание. – М.: Тончу, 2006. – 192 с.
19. Центр хранения документов до 1917 г. ГБУ «Центральный государственный архив Москвы» (далее – ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). – Ф. 184. – Оп. 2. – Д. 142.
20. ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 508. – Оп. 13. – Д. 417.

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)53
Отечественная история

СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ РЕМЕСЛЕННИКОВ В XIX В. КАК ОСНОВА ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ РАЗНООБРАЗНЫХ ФОРМ ПОДГОТОВКИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОЧИХ КАДРОВ В РОССИИ

Доктор исторических наук Н. А. Душкова
Кандидат исторических наук В. А. Григорова

В статье на примере конкретного региона России – Воронежской губернии анализируется процесс становления и развития образования ремесленников в конце XIX – начале XX вв.. Раскрывается роль центральных и местных органов власти в процессе расширения сети учебных заведений – ремесленных классов, отделений, мастерских и ремесленных школ; организации управления и контроля в них.

Ключевые слова

Ремесленные школы, кустари, Воронежская губерния, центральные и местные органы власти

В последнее время, в процессе становления в нашей стране новой экономической системы актуальными представляются вопросы подготовки кадров. Современное кризисное состояние экономики нашего государства объясняется не только ошибками и просчетами в стратегии и тактике экономических реформ, но и неспособностью кадров аккумулировать опыт прошлого и реализовать его на практике в конкретной работе. К сожалению, в условиях рыночных преобразований, формирующаяся система образования не в полной мере учитывает модернизацию государственной политики в области обучения ремеслу в прошлом, в частности в конце XIX – начале XX вв. несмотря на схожесть социально-экономических и культурных

процессов, протекающих в обществе в пореформенный и современный периоды. Период с конца XIX – до начала XX вв. представляет собой первый этап в создании и развитии учебных заведений для ремесленников. Впервые ремесленные училища как отдельная категория профессионально-технических учебных заведений законодательно были оформлены в 1888 г. Их ликвидировали в 1918 г., а вместо них создали школы фабрично-заводского ученичества на принципах единства общего и политехнического образования. В дальнейшем в рамках реорганизации начального профессионального образования была организована система трудовых резервов, технических училищ (ТУ), профессионально-технических училищ (ПТУ). В 1980-е гг. про-

фессионально-техническая система, как самостоятельная отрасль производственного образования была ликвидирована вообще. И только на современном этапе развития вновь стали поднимать вопросы возрождения профессионально-технического образования специалистов.

Важно обозначить, что изучение государственной политики в области ремесленного образования будет способствовать не только формированию целостного представления о системе ремесленного образования в России в конце XIX – начале XX веков, но и воссозданию социокультурной атмосферы жизни кустарей, что расширит знания о социальном аспекте кустарного производства.

Дело в том, что во второй половине XIX в. в России начался переход из полукрепостнической страны в государство с современной тому времени политической и экономической структурой. Однако на этом пути возникало немало трудностей, связанных с неспособностью центральных властей превратить крестьян в мелких собственников. Вплоть до 80-х годов крестьянство разорялось, пополняя ряды пролетариата. Острым оставался земельный вопрос. Во многом именно эти обстоятельства обусловили формирование кустарно-промышленного направления в правительственной политике, в том числе и в сфере ремесленного образования, которое в период с конца XIX в. и до начала XX века имела специфические черты. Прежде всего к их числу следует отнести стремление представителей власти к расширению сети ремесленных учебных заведений. Подтверждением являются архивные документы, в которых в отмеченный период регистрируются многочисленные обращения местных Земских Управ Воронежской губернии к Воронежскому губернатору с ходатайством об открытии мастерских, ремесленных классов, отделений или целых ремесленных школ по различным промыслам. Например, в 1893 году

было удовлетворено ходатайство Остроужской городской управы об открытии при Остроужском приходском училище ремесленного отделения. Учреждались классы по обучению в них переплетному и столярному ремеслам. На их развитие из местных городских средств надлежало перечислять ежегодно по 60 рублей [1. С. 3].

В 1896 г. император утвердил прошение Задонского уездного Земства об открытии школы ремесленников в г. Задонске со столярными и слесарными отделениями. Школа ремесленников учреждалась и развивалась на средства Казны и местного Земства. Из центрального бюджета ежегодно предоставлялось 365 руб., а из местного бюджета Земства ежегодно перечислялось 1100 руб. на обустройство помещения и приобретение оборудования для мастерских [2. С. 1, 4].

В 1903 г. на очередной сессии Воронежской губернской земской Управы под председательством А. Урсул постановили устроить корзиночные мастерские в Коротоякском, Нижнедевицком и Остроужском уездах. Уездные Земства выделяли денежные средства на развитие мастерских в размере 600, 400 и 300 руб. соответственно [4. С. 2].

Подобные мастерские не являлись нововведением для Воронежской губернии. По данным уездным земств в 1903 г. корзиночные мастерские функционировали в Бобровском, Богучарском и Валуйском уездах [4. С. 2, 3].

Бобровская мастерская с двухлетним курсом обучения была открыта 1 июня 1901 г. В ней могли обучаться 10 учеников. Условием для поступления являлось наличие грамотности, либо окончание курса в сельской школе. Однако принимались и стипендиаты соседних земств. Они платили за обучение ремеслам от 70 до 100 руб. в год.

На втором году обучения ученики получали от земства от 2 до 5 руб. в месяц в качестве вознаграждения или процент от

стоимости сделанных вещей. Кроме того, учеников кормили и предоставляли квартиру для проживания. Во время летних полевых работ – на июль и август мастерская закрывалась и ученики распускались по домам.

Основное отличие Богучарской корзиночной мастерской от Бобровской являлось большее количество обучающихся. Она была рассчитана на 15 учеников.

Более глубокие знания в области корзиноплетения можно было получить в Валуйской школе, открытой в 1900 г. Здесь курс обучения был в два раза длительнее и составлял 4 года, во время которых обучались черчению, рисованию и столярному мастерству под руководством специалиста. Принимались на обучение – мальчики, окончившие курс в земледельческой школе. Преподавателем являлся местный крестьянин, выпускник школы. Его заработная плата составляла 180 руб. в год, что являлось средней заработной платой для конца XIX в. Уровень жизни при такой зарплате был невысоким, если учесть, что только на самые необходимые продукты питания для взрослого человека требовалось 7 рублей в месяц. В начале XX в. на материальные потребности – жилье, питание, одежду и личную гигиену уходило до 80 % от годовой зарплаты [10. С. 31].

Согласно сведениям Воронежской губернской земской Управы в 1915 г. в различных уездах Воронежской губернии было зарегистрировано уже 37 ремесленных учебных заведений. Из них: 9 ремесленных школ, 14 ремесленных отделений, 12 учебных ремесленных мастерских, 2 класса ручного труда, которые имели определенные отличия [9. С. 4].

Ремесленные школы как низшие профессиональные учебные заведения готовили квалифицированных рабочих по одной узкой специальности. Иногда допускалось обучение двум смежным специальностям, например, слесарно-кузнечной специальности.

Ремесленные отделения и классы руч-

ного труда при начальных школах не являлись самостоятельными училищами с какой-либо специализацией в подготовке учеников. Их создавали с целью обучения ремеслу на бытовом уровне.

Ремесленные учебные мастерские представляли собой особый тип профессиональных учебных заведений. Они открывались для подготовки рабочих в сфере изготовления и обслуживания сельскохозяйственных машин.

Исходя из классификации учебных заведений можно заключить, что развитие ремесленного образования в конце XIX – начале XX вв. осуществлялось школьным путем, т.е. теперь знания передавались не из поколения в поколение, как это отмечалось ранее, а создавались специальные учебные заведения в зависимости от уровня предоставляемого образования.

Важно обозначить, что все ремесленные учебные заведения находились под покровительством правительственных учреждений не только на момент открытия, но и в процессе своего развития. Со стороны центральных органов власти устанавливался контроль за деятельностью образовательного учреждения в виде разработки Устава школы, любые изменения которого были только с разрешения Министра Народного Просвещения. Так, известен случай, когда Воронежская уездная земская Управа выступила с ходатайством об изменении Устава Рождественско-Хавской ремесленной школы, утвержденного Министром Народного Просвещения 31.05.1900 г. на основании мнения Государственного Совета от 31.05.1899 г. [8. С. 4-5]. Основным направлением редактирования Устава определялось изменение условий приема и увольнения служащих. Однако Министерство Народного Просвещения не удовлетворило ходатайство, принимая во внимание доводы директора народных училищ Воронежской губернии и мнение Воронежского губернатора [8. С. 7].

Кроме того, Министерство Народного

Просвещения курировало и вопросы, связанные с командировками мастеров для усовершенствования в своей специальности. Оформление командировок подчинялось строгому порядку. Прежде всего требовалось своевременное обращение в Министерство Народного Просвещения с представлением сведений о желательных командировках лиц, с указанием времени и места командировки, краткого плана занятий. К тому же устанавливался срок приема обращений. Для командировок летом определялся срок – 1 марта. Для командировок во время Рождественских праздников – 1 октября [8. С. 17].

На уровне Императора России решались вопросы о принятии той или иной школы под государственное или частное покровительство.

Известно, что 1 июля 1896 г. Император утвердил прошение Задонской уездной земской Управы к Воронежскому губернатору о принятии ремесленной школы Задонска под свое покровительство [2. С. 1, 4]. В следующем 1897 г. Император соизволил на принятие Принцессою Евгенией Максимилиановной Ольденбургской звания Покровительницы школы ремесленных учеников г. Задонска [2. С. 8].

Следующей специфической чертой правительственной политики в сфере ремесленного образования являлась материальная поддержка учебных заведений со стороны центральных и местных органов власти. В основном все они содержались на средства местных органов власти, как правило губернских и уездных земств. Ярким примером является Рождественско-Хавская ремесленная школа Воронежской губернии. Развитие этой школы осуществлялось на деньги, выделяемые уездным Земством. От губернского Земства перечисляли пособие в размере 1500 руб., а от уездного – 1270 руб. При этом государственное казначейство отчисляло всего 1900 руб. в год [8. С. 1].

Воронежское Губернское земство вып-

лачивало пособие и на содержание Колыбельской корзиночной мастерской Острогожского уезда Воронежской губернии в размере 300 рублей [4. С. 1].

Известны случаи предоставления пособий более крупных сумм из бюджета Казны. Так, в 1902 г. на содержание ремесленных классов – столярно-слесарно-кузнечных при Старо-Калитвянском и Айдарском училищах Острогожского уезда Воронежской губернии ежегодно требовалось 3800 рублей. Эта сумма включала заработную плату мастеру за обучение ремеслу по 600 руб., заработную плату подмастерьям по 480 руб., расходы на материал и инструменты по 300 руб., расходы на учебные пособия по 70 руб. и на хозяйственные нужды по 30 руб. При этом согласно сведениям Острогожской земской Управы на устройство данных классов требовалось по 2500 руб. для каждого ремесленного класса, из которых на оборудование столярной мастерской приходилась 1000 руб., а на оборудование слесарно-кузнечной мастерской 1400 руб. Оставшиеся 100 рублей – на заведование ремесленными отделениями [7. С. 1].

В 1909 г. из государственного бюджета на открытие классов ручного труда в Коротоякском уезде при земских училищах Лево-Россошанском – струнного дела, Давыдовском – кузнечного, Красенском – столярного ремесла перечислялось единовременное пособие по 320 руб. и постоянное пособие по 300 руб. в год на каждую школу. Постоянное пособие покрывало расходы на содержание учителя и приобретение материалов для учебных занятий [6. С. 1].

В 1912 г. из средств Казны было отпущено 1400 рублей на оборудование для второго кузнечно-слесарного отделения при I Чижовском начальном училище в Воронежской губернии. Сумма перечислялась в два этапа – 1.12.1912 г. в сумме 788 руб.56 коп. в дополнение к ранее отпущенным 611 руб. 44 коп. На содер-

жание отделения ежегодно из Казны переводили пособие в размере 400 рублей [5. С. 10].

Не менее важной чертой правительственной политики в области ремесленного образования являлось кредитование учебных заведений на льготных условиях. В основном кредиты предоставлялись из Казны. Целью кредитов определялись создание нового учебного заведения, обустройство помещения либо приобретение оборудования. Ходатайство о разрешении кредитов готовилось представителями уездных Земств, с которыми выступали на сессиях Губернского земского собрания. Подобное ходатайство было удовлетворено в 1899 г. Для Задонской школы ремесленных учеников был одобрен кредит в 15000 рублей на устройство помещения для мастерских. Условием кредитования определялась рассрочка платежа на 15 лет равными частями, без процентов [3. С. 1-2].

Результатом создания сети учебных заведений для ремесленников в конце XIX – начале XX вв. явилось повышение уровня обучающихся в области освоения ремесла. В них успешно готовили младший технический персонал, рабочих для различных отраслей хозяйства, хотя в их организации и деятельности было много и серьезных недостатков. К их числу следует отнести в целом невысокий уровень общего образования ремесленников, связанный с отсутствием преподавания в них общеобразовательных предметов и низким образовательным цензом преподавателей. И тем не менее по свидетельствам губземуправы выпускники ремесленных учебных учреждений могли соответствовать категории старших служащих фабрик и заводов [9. С. 4].

Местные и центральные органы власти пытались учитывать эти недостатки. Разрабатывались специальные планы ремесленного и технического образования в России, в которых основными направлениями в сфере реформирования систе-

мы профессионально-технического образования определялись: расширение системы специальных профессионально-технических учебных заведений, обеспечивающих единство теоретической и практической подготовки специалистов, обеспечение общего руководства в области профессионального образования в стране, преподавание ручного труда во всех школах.

Таким образом, анализ процесса развития ремесленного образования в России в конце XIX – начале XX вв. позволил заключить, что роль государства в развитии обучения ремесленников была значительной. Оно выступало организатором и попечителем обучения ремеслу. Если прежде роль государства сводилась к регулированию ремесленного ученичества на основе закона – «Псковской судной грамоты», а знания передавались из поколения в поколение, то в XIX в. прослеживалось стремление центральных и местных органов власти к созданию целой системы профессионально-технического образования со своими учебными планами и программами. И это давало положительный результат.

В наше время, после долгого перерыва, когда профессионально-технические училища были преданы забвению, на федеральном и региональном уровнях предпринимаются усилия, направленные на возрождение начального профессионального образования. Соответствующие мероприятия заложены в «Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016 – 2020 годы», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. Они заключаются в формировании гибкой системы профессионального образования, отвечающей требованиям рынка труда и потребностям инновационной экономики как в части образовательных программ, так и в части условий и материально-технического оснащения процесса обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАВО, ф. И-21, оп. 1, д. 612, л. 4.
2. ГАВО, ф. И-21, оп. 1, д. 915, л. 11.
3. ГАВО, ф. И-21, оп. 1, д. 1144, л. 2.
4. ГАВО, ф. И-21, оп. 1, д. 1375, л. 5.
5. ГАВО, ф. И-21, оп. 1, д. 1858, л. 11.
6. ГАВО, ф. И-21, оп. 1, д. 1688, л. 2.
7. ГАВО, ф. И-21, оп. 1, д. 1618, л. 2.
8. ГАВО, ф. И-21, оп. 1, д. 2391, л. 21.
9. ГАВО, ф. И-20, оп. 1, д. 10350, л. 18.
10. Ермолов В. А. Повседневная жизнь российских рабочих на рубеже XIX-XX вв.
// Общество. Среда. Развитие. – 2010. – № 1. – С. 27-33.

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3(2)631-75
Отечественная история

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАБОТНИКОВ УРАЛЬСКОЙ ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1945-1950 ГГ.

Кандидат исторических наук Вас. Влад. Запарий

Статья посвящена анализу воздействия государства посредством отраслевых органов управления на социально-бытовую сферу предприятий уральской танковой промышленности в 1945-1950 гг. В ней выявлены основные «болевые точки» отрасли и освещены попытки государственной власти найти способы их устранения.

Ключевые слова

Государство, политика, танковая промышленность, Урал, социально-бытовое положение, стабилизация, военная экономика

Завершение Великой Отечественной войны было самым светлым моментом в жизни большинства советских людей за все время, начиная с 1941 г. Всеобщая эйфория от Победы довольно быстро сменилась новыми трудовыми буднями, на этот раз для того, чтобы быстрее восстановить экономику страны.

Для многих стали, как никогда ранее, очевидны нерешенные в годы прошедшей войны серьезные проблемы в социальной сфере предприятий военной промышленности. Самой главной и тяжелой из них была проблема низкого уровня жизни. Крупные промышленные города региона были перенаселены выше норм, большинство людей проживало в неблагоустроенном, временном или ветхом жилье. Это ярко проявилось в военные годы, когда жилье строилось по остаточному принципу, а планы его возведения практически

всегда не выполнялись до конца, в большей или меньшей степени [1].

Следующим слабым местом была проблема «кадрового голода». В годы войны она решалась путем прямой мобилизации по линии НКО или организации Трудовых резервов, а так же привлечением других ресурсов (вплоть до спецконтингента из числа военнопленных и заключенных ИТК) [2].

В послевоенный период произошли послабления, и повсеместно был формально восстановлен свободный найм работников. К этому обстоятельству добавилась еще одна сложность: возвращение к местам прежнего проживания значительной части эвакуированных на Урал специалистов, особенно с Украины и Ленинграда. В ограниченных масштабах это движение кадров началось еще с конца 1943 г., (после освобождения Харькова и

возобновления там сначала ремонта танков, а потом и танкового производства). После завершения войны преграды рухнули. Большое количество людей начало возвращаться к местам своего прежнего проживания. Это было болезненно для отрасли, если учесть что эвакуированные специалисты обладали, как правило, высокой квалификацией, богатым производственным опытом и занимали важные должности на производстве. Они работали наладчиками оборудования, обеспечивая работу своих менее квалифицированных коллег. Создание и развитие атомной промышленности потребовало также изъятия из танкостроения лучших руководителей и специалистов, что принесло отрасли серьезный вред.

Следующей проблемой являлось то, что часть руководителей отрасли, особенно на предприятиях, не сразу сумели перестроиться к новым реалиям, часто продолжая действовать старыми методами, которые были ими успешно испробованы в военный период. В условиях мирного времени от них требовалось добиваться целей уже не угрозами, а методами экономического стимулирования [3].

В таких условиях отрасль не могла функционировать эффективно. Она требовала принятия срочных мер по улучшению жизни и условий труда рабочих, служащих и технических работников.

После отмены законов военного времени ухудшилась трудовая дисциплина, напряженная «пружина» военного времени «расслабилась». Во второй половине 1945 г. резко возросла текучесть рабочих кадров, в результате чего, за весь 1945 г. заводы Наркомата потеряли свыше 40000 чел. Увеличились и невыходы на работу (до 14,2 %). Потери рабочего времени на многих заводах достигли невиданных ранее размеров [4].

Социальная политика государства на послевоенный период была в общих чертах сформулирована А. В. Малышевым в приказе по НКМ № 130 от 28 февраля

1946 г. «Об итогах работы заводов НКМ в 1945 г. и о мерах по обеспечению выполнения плана 1946 г.». Ключевым пунктом нарком считал улучшение бытовых условий, необходимое для закрепления рабочих на производстве и уменьшения текучести кадров [5. С. 350]. Отмечалась необходимость усиления личной ответственности за это директоров и руководящих работников разного уровня. Однако, в реальности, этого не произошло [6].

Реальное материальное положение рабочих, как на Урале, так и в целом по отрасли продолжало оставаться сложным. Руководство отдельных предприятий практиковало несанкционированные и даже запрещенные законом удержания из заработной платы рабочих и служащих. Приказ НКМ № 168 от 14 марта 1946 г. констатировал, что «несмотря на то, что постановлениями СНК СССР и ВЦСПС было категорически запрещено производить удержания из зарплаты рабочих и служащих, кроме установленных правительством, на предприятиях и организациях НКМ такие удержания допускаются» [7].

В частности, как отмечал Секретариат ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профсоюзов) в постановлении № 92 от 27 февраля 1946 г. из зарплаты рабочих и служащих руководством предприятиями производились следующие запрещенные правительством вычеты стоимости: коммунальных услуг, причитающихся с проживающих в домах предприятий и организаций; спецодежды, топлива и материалов выдаваемых работающим за плату; предоставляемого питания в столовых; содержания детей в заводских детских учреждениях; утерянных табельных инструментальных марок, пропусков и расчетных книжек [8].

Допускались вычеты за брак свыше установленных законом норм. Эти вычеты осуществлялись согласно решениям заводских общественных собраний рабочих и служащих, но без специальных на то решений правительства. Учитывая та-

кую ситуацию, приказ по НКТМ № 168 от 14 марта 1946 г. предписывал директорам предприятий и руководителям организаций НКТМ категорически запретить всем подведомственным цехам, хозяйствам и отделам производить какие бы то ни было удержания и вычеты из зарплаты, не предусмотренные в соответствующих постановлениях правительства. В административной практике СССР того времени, несмотря на всю строгость командной системы, случаи неполного или неточного выполнения директив не явились редкостью. Поэтому и далее фиксировались случаи нарушения приказов и директив на отдельных предприятиях министерства [9].

Несмотря на официальную отмену законов военного времени, за 1946 г. по ЧКЗ были привлечены к судебной ответственности (за самовольный уход с производства) по статье «дезертирство» 2283 чел., из которых органам прокуратуры и Военного Трибунала было передано 1961 дело. Возрастной состав «дезертиров» показывает, что 52,2 % из них относятся к молодежи до 25-летнего возраста. Эта возрастная статистика, в принципе, идентична той, которая имела место в годы войны. К судебной ответственности за прогул были привлечены 4437 чел., из них 4356 рабочих. Почти все работники завода, привлеченные к ответственности за прогулы, были осуждены народным судом к разным мерам наказания. Основной формой наказания за такие правонарушения, как и ранее, являлись общественные работы [10].

В течение 1947 г. с Кировского завода в Челябинске убыло 7012 чел. рабочих или 31,1 % списочного состава (I кв. – 1547 чел; II кв. – 1742 чел; III кв. – 2007 чел; IV кв. – 1746 чел.). Среди них самовольно ушедшие («дезертиры» и «не вернувшиеся из отпуска») составили – 62,3 %, ушедшие по семейным обстоятельствам и другим причинам, но с разрешения дирекции завода – 18,1 %, перевелись на другие заводы – 2,2 %, выбыли по болезни, инва-

лидности или смерти – 8,4 %, было арестовано – 4,5%, ушли в армию и на учебу – 4,5 % [11].

По другим категориям работающих в 1947 г. с завода убыло: ИТР – 549 чел. (или 6,2 % от общего числа), служащих – 504 чел. (5,2 %), МОП – 632 чел. (6,4 %). Невыходы на работу в I кв. 1947 г. составили – 10,3%, во II кв. – 12,4%, в III кв. – 16,5%, в IV кв. – 11,9%. Основные причины невыхода работников этих категорий: очередные отпуска – 5,3 %, по болезни – 4,6 %, с разрешения администрации – 0,7 %, прогулы и невыясненные причины – 1,2 % [12].

Данная статистика показывает высокий процент рабочих, самовольно оставивших завод. Причина такого большого количества ушедших связано, с одной стороны с последствиями реконструкции танкового производства в сторону гражданского. Падение объемов производства танков привело к распространенной практике использования рабочих танковых цехов не по их прямой специальности, а на вспомогательных работах. С другой, это осложнялось необеспеченностью сносными условиями быта, а так же традиционной для ЧКЗ работой методом «штурма», многочисленными случаями принуждения к сверхурочным работам со стороны дирекции.

В 1949 г. кадровые потери на ЧКЗ только увеличилась. За год с завода убыло 9168 чел., что оказалось на 1713 чел. больше, чем в 1948 г. (В I кв. – 2515 чел., во II кв. – 1486 чел., в III кв. – 3307 чел., и в IV кв. – 1860 чел.). В числе выбывших с завода 7790 чел. (84,9 %) являлись рабочими, 435 чел. ИТР, 351 чел. из числа служащих, 411 чел. относились к категории МОП. В это же время завод покинул 181 ученик. Основная причина, вызывавшая уход – плохая обеспеченность жильем [13].

На заводе № 183 ситуация с потерей кадров была более благополучной, однако общие тенденции, характерные для отрасли в целом, сохранялись и здесь. Так в 1947 г. убыль работающих по сравнению

с предыдущим годом снизилась на 28,8 % и составила 5705 чел., против 8025 чел. в 1946 г. За 1947 г. рабочих выбыло 4368 чел. (или 25,2 %) к среднесписочному составу. Наибольшее число рабочих – 32,3 % (от общего количества убывших) ушло из металлургических (горячих) и заготовительных цехов, где были наиболее тяжелые условия работы. Из числа работников, выбывших с УТЗ им. Сталина в 1947 г. самовольно покинуло производство 1938 чел. (в частности не вернулось из отпусков 394 чел.). По сравнению с 1946 г. число так называемых «дезертиров» снизилось на 41,0%. Преобладающая их часть (69 %) – это, традиционно, молодежь в возрасте от 16 до 22 лет со стажем работы на заводе до одного года. Остальные беглецы (31 %) – относились к трудмобилизованным, эвакуированным и спецпереселенцам [14].

Так, на заводе № 183 в 1949 г. 18,1 %, из так называемых «дезертиров» непосредственно относилась к танковому производству, а 24,2 % к вагонному, 34,2 % покинули металлургические и заготовительные цеха, 23,5 % – все прочие цеха. Из числа рабочих набранных в 1949 г. на предприятие, ушло 565 чел. из которых 107 чел. не вернулись из отпусков. Невыход из отпуска был довольно популярным способом расстаться с заводом в послевоенный период. Во-первых, в одно и двух недельный срок, отведенный для отпуска, человек мог без особых объяснений спокойно собраться и уехать на новое место проживания с вещами, не вызывая особых подозрений. Во-вторых, он еще получал отпускные.

Многие из ранее «дезертировавших», не находя видимо, лучшей участи, возвращались обратно. Так из ранее «дезертировавших» с УТЗ, в 1949 г. 163 чел. вернулось обратно и приступило к работе. Число самовольно оставивших производство на заводе № 183 в 1949 г. заметно уменьшилось, составив всего 509 чел., против 961 чел. в 1948 г. Среди всех «де-

зертиров» на заводе № 183 выпускники РУ и ФЗО составляли 27,6%; принятые по вольному найму – 58,2 %, вербованные – 14,2 % [15].

Число уволенных в 1949 г. с завода № 183 рабочих возросло против 1948 г. на 59 %, главным образом, за счет вербованных, сроки договоров с которыми истекли к этому моменту, а также по «семейным обстоятельствам». Одной из основных причин увольнения работников оставалась нехватка жилплощади и ветхость жилого фонда. Свыше 2600 чел. семейных работников жили в исключительно тяжелых условиях. Так, проживали в общежитиях совместно с холостыми – 469 чел., в одной комнате по несколько семей – 48 чел., на частных квартирах – 1754 чел. Если добавить, что 10100 чел. жили в бараках с износом около 50-75 %, то становится вполне очевидно, почему люди систематически покидали завод [16].

В области оплаты труда, на уральских предприятиях танковой промышленности в послевоенный период в общих чертах продолжалась политика, характерная для военного времени. Так, на ЧКЗ в 1946 г. сдельной оплатой было охвачено 63 % всех рабочих, остальные (37 %) работали повременно, что определялось характером их работы [17].

Для повышения выработки рабочими-сдельщиками на так называемых «узких местах» производства, препятствовавших выполнению плана, (как и в период войны) была введена прогрессивная оплата с охватом около 2800 чел. Основная часть заводских ИТР была вовлечена в премиальные системы. Премирование производилось за выполнение программы на условиях соблюдения качественных показателей работы [18].

По сравнению с 1945 г. средняя зарплата рабочих снизилась в основном за счет сокращения рабочего времени. В связи с производственным кризисом, который начался с 1947 г. и падением показателей производительности труда, средняя зарп-

лата рабочих имела тенденцию к снижению, поскольку находилась в прямой связи с выполнением формальных показателей отчетности. Среднемесячный заработок рабочих Кировского в 1949 г. был ниже плана и меньше, чем в 1948 г. Средний заработок снизился за счет уменьшения доплат за сверхурочные работы, по так называемой «прогрессивке», поскольку финансы завода находились в трудном положении. Зарплата ИТР и служащих снизилась в основном за счет уменьшения суммы премий в общем заработке, связанного с невыполнением плана в сентябре-декабре 1949 г.

В советской экономической системе существовала довольно специфическая система расчета выплат по заработной плате. На каждый год отдельному промышленному предприятию планировалась сумма, предназначенная для формирования зарплаты, премий, стимулирующих выплат, согласно многочисленным тарифным ставкам для различных категорий работников. Эти суммы корректировались в связи с объемами выполненных плановых заданий, показателей производительности труда, и т.д. Однако такое планирование часто не могло учитывать неожиданные и резкие изменения в ходе работы предприятий, такие как простой цехов на период конструктивных доработок танков, увеличение брака в связи с внедрением новых технологий, необходимость отвлечения рабочих спецпроизводства на другие виды деятельности. Подобная практика приводила к необходимости постоянной корректировки фондов зарплаты со стороны министерства и ГТУ, однако перерасход фондов зарплаты был очень распространенным явлением для танкопрома как в военный, так и в послевоенный период [19].

За 1949 г. плановый фонд зарплаты завода № 183, скорректированный на выполнение программы по валовому выпуску (всей гражданской и военной продукции), был использован на 100,1% (пере-

расход составил 467 тыс. руб.). В категории ИТР относительный перерасход составил 3,1 млн. руб. Из этой суммы 569 тыс. руб. составила доплата для достижения среднего заработка ИТР спеццехов завода за период июнь-сентябрь, – согласно постановлению правительства. Остальная сумма перерасхода фонда зарплаты в категории ИТР сложилась вследствие выплат им премий за перевыполнение государственных планов выпуска продукции и в ходе применения (по разрешению министерства и ГТУ) «аккордных работ». Такие «аккордные работы» подразумевали выполнение особых заданий в ходе обработки и сборки деталей, оснастки, различного инструмента [20].

Недостаток фонда зарплаты в категории ИТР, несоответствие между возможным увеличением премиального фонда (согласно выполнению программы) и размерами причитающихся премий вызвали у завода большие затруднения. Эти трудности в какой-то мере удалось ликвидировать решением Минтрансмаша и ГУТП производить расчеты премиальных либо в пределах общей экономии фонда зарплаты (по сути, отдавать одним то, что не заплатили другим), либо путем санкционирования перерасхода [21].

В 1949 г. средний заработок рабочих по заводу № 183 составил 101,9 % к плану, а производительность труда (исчисленная в планово-оптовых ценах того времени) – 102,9 %. Таким образом, здесь рост производительности труда превысил рост заработной платы на 1 %. Фактическая средняя зарплата ИТР в 1949 г. на УТЗ им. Сталина превысила установленный государством уровень на 12,5 %, хотя в сравнении с 1948 г. средний заработок снизился на 326 руб., или на 1,75 %. Это объясняется тем, что в течение 1949 г. работникам спеццехов за 4 мес., кроме производственной доплаты (до уровня среднего заработка), не выплачивалась премия. Планируемая Минтрансмашем и ГУТП для завода № 183 на 1949 г. средняя зарп-

лата в категории ИТР реально обеспечивала оплату всех окладов, предусмотренных трудовым законодательством, только на 60 %. Поскольку размер средств, причитавшихся за перевыполнение программы рос прогрессивно, а корректировка не обеспечивала потребных сумм, заводу приходилось снижать размер премий в целях избежания перерасхода фондов заработной платы [22].

В категории рабочих, тарифы «повременщиков» снизились против показателей 1948 г. на 5 % за счет перевода некоторых групп вспомогательных рабочих с повременной на сдельную систему оплаты труда, а также увеличения объемов сдельных работ в период простоя. Снижение выплат по расценкам (тариф и приработок) по сравнению с 1948 г. стало результатом приостановки спецпроизводства и использования рабочих на менее квалифицированной работе.

В 1949 г. значительно возросли объемы доплат рабочим до уровня среднего заработка. Они производились спеццехами завода рабочим, согласно директивам правительства. На УТЗ № 183 доплата до уровня среднего заработка в 1949 г. составила 3,6 млн. руб. Доплата по прогрессивным и премиальным системам по сравнению с 1948 г. снизились, соответственно, на 6,5 % и 4,4 %. В 1949 г. работникам металлургических, кузнечных и термических цехов завода № 183 было выплачено вознаграждений за выслугу лет на сумму 8,3 млн. руб., что превысило подобные выплаты за 1948 г. на 18%. Общая сумма вознаграждений за выслугу лет для заводских ИТР достигла 17,7 млн. руб. В 1949 г. прогрессивной системой оплаты труда было охвачено, в среднем 4642 чел. или 24,5 % всего состава рабочих УТЗ им. Сталина. Им было выплачено премий по прогрессивным шкалам на сумму до 10,4 млн. руб. [23].

Исходя из имеющихся в распоряжении автора данных по заводу № 200, можно представить себе структуру заработной па-

ботников танковой промышленности Урала во второй половине 1940-х гг. Всего за 1947 г. на заводе № 200 было выплачено 8,2 млн. руб., из них премиальных 495 тыс. руб. или 6,1 %. Сдельная и сдельно-прогрессивная оплата доминировали, составив 56 % от всего фонда заработной платы рабочих. Повременная оплата составила 27 %, а премия и «прогрессивка» – 5 %, оплата отпусков – 6 %, оплата простоя – 0,72 % доплата за сверхурочные работы 0,12 %. Выплата премий рабочим во втором полугодии уменьшилась против показателей первого. Это объясняется тем, что завод работал хуже, а премия, как обычно, увязывалась с выполнением плана. Резкое увеличение простоя в IV кв. было связано с аварией в нефтехозяйстве, в декабре 1947 г. Многие цеха простаивали полностью из-за отсутствия мазута [24].

Во второй половине 1940-х гг. на большинстве Уральских предприятий танковой промышленности действовали повременно-премиальные и сдельно-прогрессивные системы оплаты труда рабочих. Повременно-премиальные системы оплаты труда, разрабатывались применительно к типовому положению для рабочих повременщиков, были утверждены МТМ в феврале 1946 г. К примеру, в 1947 г. премиальной системой оплаты труда на заводе № 200 было охвачено 680 чел., что составляло около 62 % к общему числу рабочих повременщиков. Максимальные размеры премий для отдельных профессий устанавливались от 25 до 65 % на тариф (т.е. на размер их заработной платы), размер премий рабочим также увязывался с выполнением плана цехом или участком. На деле это означало, что максимум выплачивался рабочему только в том случае, если выработка им своих показателей сочеталась с безусловным выполнением плана участком или цехом где он числился. В противном случае размер премии снижался или премирование не проводилось вовсе. Этот механизм, по расчетам создателей, должен был стимулировать

всех рабочих цеха или участка, поскольку премия каждого из них зависела в итоге от качества работы остальных. Повременно-премиальной системой оплаты труда на заводе № 200 были охвачены следующие профессии: слесари по ремонту оборудования, электрики, крановые машинисты, контролеры, стропальщики, разнорабочие. Общая сумма премий, выплаченная рабочим-повременщикам за 1947 г. составила 889 тыс. руб. [25].

Сдельно-прогрессивными системами оплаты труда на заводе № 200 было охвачено в среднем 525 чел., что составило около 31 % от общего количества рабочих-сдельщиков. Эта система распространялась на огнерезов, электросварщиков, слесарей сборщиков, обрубщиков, станочников, формовщиков и стержневщиков, занятых на изготовлении спецпродукции. Общая сумма выплаченной «прогрессивки» за 1947 г. была равна 352 тыс. руб. Премирование руководителей и ИТР цехов и отделов производилась за выполнение и перевыполнение производственных программ. С ноября и декабря 1947 г. премирование ИТР производилось по системе Министерства черной металлургии. Общая сумма премий, выплаченных ИТР цехов и участков завода № 200 за 1947 г. составила 495 тыс. руб. [26].

Фактическая среднегодовая зарплата в 1949 г. по всем без исключения категориям работников была ниже плана на этот год и ниже фактической средней зарпла-

ты (кроме рабочих) в 1948 г. ввиду того, что невыполнение производственного плана носило почти систематический характер. Премии, входившие в состав планового фонда, полностью не выплачивались. Значительное влияние на понижение средней зарплаты в категории рабочих оказывал спецконтингент с характерной для него чрезвычайно низкой производительностью труда. Средний процент выполнения норм рабочими-сдельщиками на заводе № 200 в 1949 г. составил по отработанному времени – 145 %, по календарному – 138 %. Из 1812 чел. рабочих-сдельщиков только 5 % не выполнили своих норм, 25 % состава выполнили на 109 %, 33 % работников выполнили свои нормы от 120 до 149%, 28% рабочих - до 200 %. Всего 9 % рабочих этого завода смогли выполнить нормы более чем на 200 % [27].

Таблицы 1-3 иллюстрируют среднюю зарплату основных категорий работников уральских предприятий Главтанка в 1947-1948 гг. В целом, из приведенных цифр видно, что порядок оплаты труда различных категорий работников сохранил все те же принципы и логику, характерные для периода Великой Отечественной войны. Для сравнения: в 1944 г. средняя по отрасли зарплата рабочего НКТП составляла 733 руб. в мес., а ИТР – 1266 руб. Незначительные колебания суммы окладов объясняются конкретными производственными обстоятельствами.

Таблица 1

**Оплата труда рабочих на уральских предприятиях Главтанка
в 1947-1948 гг. (в руб.) [28]**

Заводы	Отчет за 1947 г.	1948 г.				Среднемес. ЗП	
		План	Отчет	В проц. к плану		1947 г.	1948 г.
По главку	9101	9683	9654	99,7	106,1	758	804
ЧКЗ	9184	9544	9150	95,9	99,6	765	762
№183	9807	10166	10698	105,2	109,1	817	891
№200	8373	10410	9602	92,2	114,7	697	800
№50	9413	9435	9599	101,7	102,0	784	800
№100	8723	9400	9184	97,7	105,2	727	765

Таблица 2

Оплата труда ИТР на уральских заводах Главтанка в 1947-1948 гг. (в руб.) [29]

Заводы	Отчет за 1947 г.	1948 г.				Среднемес. ЗП	
		План	Отчет	В проц. к			
				плану	1947 г.	1947 г.	1948 г.
По Главку	14910	15096	16276	108,0	109,1	1242	1356
ЧКЗ	14592	14937	15097	101,1	103,5	1216	1341
№183	15039	15490	18494	119,4	123,0	1253	1541
№200	15071	16458	20910	127,9	138,7	1256	1742
№50	15353	15170	17117	112,8	111,5	1279	1426
№100	13704	14450	14741	102,0	107,5	1142	1228

Таблица 3

Оплата труда ИТР на уральских заводах Главтанка в 1947-1948 гг. (в руб.) [30]

Заводы	Отчет за 1947 г.	1948 г.				Среденмес. ЗП	
		План	Отчет	В проц. к		1947 г.	1948 г.
				плану	1947 г.		
По главку	7803	7669	8165	106,5	104,6	650	680
ЧКЗ	7762	7600	7773	102,3	100,1	646	647
№183	7166	7540	8074	107,1	112,7	597	672
№200	7858	7600	8646	113,7	110,0	654	720
№50	7975	7600	8712	114,6	109,2	664	726
№100	9176	7600	9529	125,3	103,8	764	794

Уход рабочих с танковых заводов Урала являлась одной из самых серьезных бедствий отрасли, как в военный, так и в послевоенный период. В качестве наиболее перспективной из мер, направленных на борьбу с этим явлением, должно было стать гарантированное предоставление определенного уровня материальных благ при зачислении на завод. Для этого, на крупнейших уральских предприятиях отрасли (ЧКЗ, УТЗ завод № 183, завод № 200) в 1946 г. были введены так называемые «индивидуальные договоры» о сроках работы на предприятии. Подписавшие договор рабочие обязывались отработать на данном заводе указанное в трудовом договоре количество времени, взамен получая определенные материальные блага, улучшение жилищных условий.

Так на ЧКЗ в 1947 г. было заключено

3592 договора, а с начала этой программы – 4625 договоров, в том числе: 3841 – с рабочими, 541 – с ИТР и 243 с СКП. Как видно, основной упор делался, конечно, на рабочих. Каждый работник, заключивший договор получал промтоваров (без карточек) на сумму 500 р. по пайковым ценам и мог, при желании, получить ссуду в Госбанке до 3000 руб., кроме того, ему отпускались подъемные. Далее работник обеспечивался жильем (для перевозимых членов семьи, либо в порядке улучшения жилищного положения). Лицам, заключившим договор в 1947 г. было выдано 840 тыс. руб. денежных ссуд [31].

На УТЗ № 183 также была развернута аналогичная компания по заключению «индивидуальных договоров». Помимо прочего, руководство предприятия было заинтересовано таким образом удержать

здесь как можно больше людей из числа эвакуированных специалистов.

Из приведенных данных, очевидно, что охват рабочих индивидуальными договорами (в масштабах всего предприятия) был недостаточным [32]. Поскольку и в послевоенный период темпы жилищного строительства отставали от плановых показателей и реальных потребностей населения, его остро не хватало. Этот факт являлся значительной помехой в процессе заключения договоров. В итоге, практика заключения «индивидуальных договоров» не раскрыла полностью своего потенциала, в виду недостаточного материального обеспечения ее реализации и отсутствия последовательной финансовой поддержки государства. Уход рабочих с танковых заводов продолжался [33].

Материальное положение рабочих было достаточно тяжелым. В свободной продаже имелся незначительный объем товаров, поэтому основным механизмом организации снабжения танкостроителей, как и в период войны, стало распределение промтоваров через заводскую систему ОРСов. На плечи заводов также легла ответственность за обеспечение работников питанием и услугами ЖКХ. По сути, заводы были обязаны гарантировать своим рабочим прожиточный минимум.

В качестве иллюстрации того объема работ, который необходимо было проделывать ОРСам, могут служить данные Челябинского Кировского завода о работе в области «культурно-бытового обслуживания» за 1946 г. Так, ОРСом ЧКЗ было выдано следующих промтоваров: обувь, включая галоши – 86233 пар; обувь валенная – 25240 пар; одежда (костюмы, платья) – 74763 шт.; ткани разные – 38607 ордеров; белье – 103464 комплектов; простыни, наволочки, полотенца – 28858 шт.; трикотажные изделия – 171283 шт.; посуда разная – 52207 шт. [34].

Школьникам, а также детям рабочих завода было выдано 6781 шт. костюмов и школьных платьев, 1984 пар валенок, 5157

комплектов белья и около 7000 шт. разного детского трикотажа. Была оказана помощь многодетным рабочим, которым выдано большое количество разной обуви, белья, ХБ ткани. Инвалидам Великой Отечественной войны и семьям погибших военнослужащих было отпущено свыше 1000 пар обуви, валенок и галош, свыше 1000 комплектов разного белья, 1300 отрезков ткани и около 5500 единиц трикотажа [35]. Исходя из этих цифр, можно судить, что большую часть главных промтоваров и одежды рабочие получали через систему распределения своего завода.

В течение 1946 г. была проведена работа по благоустройству заводских санаториев: на курорте «Увельды» запущена грязелечебница. В 1946 г. около 1000 работников завода прошли здесь лечение. Была увеличена пропускная способность Кыштымского дома отдыха. Количество распределяемых путевок удалось довести до 800 в месяц, из них 400 – санаторного типа. За 1946 г. в Кыштыме побывало 3911 чел. работников предприятия. Хотя в масштабах всего Кировского завода это было относительно немного, тем не менее, оздоровительные путевки в дома отдыха могли быть использованы как дополнительный способ поощрения работников и помогали многим истощенным людям поправлять свое здоровье.

В 1946 г. проводились работы по капитальному ремонту жилищного фонда, всего было отремонтировано 174 здания, из них 131 бытового назначения, общей площадью 22 тыс. кв. м. [36] Вся сумма затрат на капитальный ремонт за 1946 г. обошлась ЧКЗ в 2,3 млн. руб., против заложенных планом 2,2 млн. руб. Капитальному ремонту подверглись 39 общежитий, был произведен средний и текущий ремонт еще 37 подобных заведений, принадлежащих заводу. Ввиду сильного износа пришлось ремонтировать крыши, водостоки, печное хозяйство в заводских домах. Общая себестоимость этих ремонтных работ составила 900 тыс. руб., замет-

но превысив выделенные государством 600 тыс. руб. [37]

Было введено в эксплуатацию 10943 кв.м. жилплощади и 410 кв. м. помещений социально-культурного значения (детсад). В общежитиях удалось перевести с 2-х ярусных коек 11259 чел. Общие капиталовложения на озеленение, ремонт дорог, тротуаров, бань Кировского завода в 1946 г. составили 573 тыс. руб. Ремонт и развитие социокультурных объектов (детсады, ясли, клубы, красные уголки) обошлись в сумму 120 тыс. руб. [38]

В период Великой Отечественной войны бытовая инфраструктура завода практически не подвергалась серьезным ремонтным работам, а ее развитие было затруднено. Проведенные работы по реконструкции, однако, были совершенно недостаточны для решения всех насущных вопросов бытового обслуживания заводского населения в Челябинске. В 1946 г. обеспеченность жильем рабочих, проживающих в заводских домах, составила лишь 60,2 % от нормальной потребности. Руководству завода не удалось добиться полной ликвидации двухъярусного расположения коек в общежитиях. На 1 января 1948 г. на 2-ярусных койках располагалось еще 955 чел. (отметим, однако, что в начале 1946 г. их было 2261 чел.). При этом шестая часть рабочих завода продолжала проживать в общежитиях, где показатели фактической плотности проживания на одного человека оставались ниже всяких норм.

Работа органов рабочего снабжения традиционно была слабой стороной Челябинского Кировского завода в период Великой Отечественной войны. В середине 1940-х гг. эта тенденция сохранялась. План сдачи для завода продукции совхозов в 1946 г. его УРС не выполнило. При общей реализации плана заготовок всего на 54,1 %, объем поставок основных продовольственных товаров составил только 32,2% от плановых показателей. Из выделенных государством фондов, вслед-

ствие плохой работы УРСа были недополучены: молочные продукты (получено 59 % фонда), коммерческие рыбопродукты (получено 79,6 %) и сыр (получено 71,0 %). Тем не менее, из подсобных хозяйств УРСа работникам ЧКЗ в 1946 г. было продано 21,6 т. мяса, 25,4 т. жиров, 726 т. картофеля, 14,5 т. лука, 1354 т. капусты, 266,5 т. моркови. Из децентрализованных заготовок УРСа на завод поступило продуктов на 2,6 млн. руб. в т. ч.: рыбно-мясных – 290,0 т. (из них 253,7 т. рыбы собственного улова), картофеля 126,2 т. [39]

Трикотаж, парусиновая обувь, одежда и обувь для детей до 3-х лет продавалась без ордеров. Завод все же добился в 1947 г. более равномерного распределения товаров за счет ужесточения учета их отпуска. Теперь они могли быть отоварены только по специальным купонам промтоварных карточек и только согласно заверенным заявлениям о надобности. Лишь рабочим, заключившим «индивидуальные договора», отпускались товары без купонов. При распределении ордеров и купонов учитывались в первую очередь нужды рабочих-инвалидов войны, семей погибших рабочих, семей военнослужащих, молодых рабочих, многосемейных, проживающих в общежитиях. Т. е. по идее ордера должны были выдаваться только наиболее нуждающимся людям, согласно принципу «социальной справедливости» [40].

Инвалидам Отечественной войны, семьям погибших и военнослужащих, в 1947 г. было выдано 3400 ордеров на обувь, одежду и ткани. Рабочим, проживающим в общежитиях, выдали 39545 ордеров на промтовары, молодым рабочим и окончившим РУ и ФЗО – 11115 ордеров. Практику выдачи ордеров и купонов руководство завода пыталось использовать еще и как инструмент поднятия материальной заинтересованности в труде наиболее неустроенных категорий работников, чтобы способствовать их длительному закреплению в рамках трудового коллектива ЧКЗ [41].

Финансовые трудности Челябинского Кировского завода тормозили темпы развития и совершенствования его социальной инфраструктуры. За 1949 г. сеть продовольственных магазинов была расширена только на 4 единицы. Всего на конец года имелось: 21 продовольственный магазин, 3 промтоварных, 4 смешанных и 13 палаток, киосков и ларьков. Все они принадлежали заводу и находились на его балансе, в прочем, как и большая часть жилья заводского персонала.

Общая сеть заводских предприятий общественного питания в 1949 г. уменьшилась на 6 столовых и 10 буфетов, в то же время со второго квартала были организованы 2 коммерческие столовые и 8 буфетов, что дало возможность вне официальных государственных фондов увеличить продовольственное снабжение рабочих. Как и в военный период, оснащение столовых инвентарем было недостаточным: отсутствие скатертей, клеенок, фаянсовой посуды, недостаток ножей и вилок приводил к тому, что вид столовых УРСа ЧКЗ оставлял желать много лучшего [42]. Качество и скорость обслуживания в заводских столовых было заметно ниже, чем в так называемых «коммерческих». В коммерческих столовых отпуск продуктов питания осуществлялся за наличные, в отличие от заводских, где питание было де юре бесплатным (в счет талонов по карточкам). Естественно, что в коммерческих столовых меню было более разнообразным, а качество еды, в среднем, более высокими.

В 1947 г. рабочих на территории заводского поселка ЧКЗ обслуживало 2 бани с прачечными, 49 душевых, 32 раздевалки, 11 дезкамер, 62 санузла, несколько парикмахерских. Исходя из того, что общее количество работников завода достигало 50000 чел., то эти цифры выглядят весьма скромными, если не говорить о несоответствии потребностям. Для перевозки работников живущих в отдаленных районах, впервые за долгое время, заводом

были выделены автомашины. Ежедневно от 4 до 7 машин. Конечно, этого было не достаточно для удовлетворения всех потребностей, но сам факт был несомненным шагом вперед.

На балансе ЧКЗ в 1947 г. числилось 76 общежитий, из которых 16 располагались в подвальных помещениях, а 19 в каркасно-засыпных бараках. В них проживало 2997 мужчин, 1332 женщины, 1428 юношей и 2122 девушек, кроме того, существовало также 24 «молодежных» общежития (для воспитанников РУ и школ ФЗО). Несмотря на скученное помещение людей в этих «общежитиях», санитария все же поддерживалась на относительно высоком уровне для того времени и тех условий. Постельное белье еженедельно менялось, с обязательным прохождением в эти же сроки санобработки живущих в общежитии [43]. В общежитиях имелись кухни, камеры хранения, 2 душевые, парикмахерские, 34 красных уголка. Все это, в общем-то, не так страшно, если учесть, что в 1942 г. люди могли месяцами спать на койках без постельного белья, не меняя одежду, поскольку ее было неоткуда взять. Только активное вмешательство государства тогда помогло хоть как-то улучшить жизнь эвакуированных и трудмобилизованных рабочих танковой промышленности [44. С. 296-297].

Те не менее, значительная часть населения крупных промышленных городов Урала и в конце 1940-х гг. так и не могла рассчитывать на качественное жилье, большая часть людей продолжала жить в переуплотненных квартирах, бараках и общежитиях. Хуже всего приходилось, как мы видим, обитателям общежитий, чей быт был наименее обустроен. В послевоенный период было практически ликвидировано проживание людей в землянках, что можно считать заметным достижением.

По имеющимся в распоряжении документам относительно Челябинского Кировского завода можно достаточно полно

представить себе всю тяжесть жилищно-бытовых условий того времени. Во второй половине 1940-х гг. главной проблемой продолжала оставаться нехватка жилплощади, в первую очередь – качественной. Заводской жилищный фонд был чрезмерно переуплотнен: под жилье приходилось отдавать кухни, ваннные комнаты, тамбуры, подвалы, а также ветхие и непригодные для жилья бараки. Большое количество лиц проживало на подселении в проходных комнатах. Традиционно, тяжелые жилищные условия являлись од-

ной из основных причин, препятствующих устойчивости кадров на заводе. В 1949 г. на ЧКЗ было введено в эксплуатацию 12763 кв. м. жилой площади, что составило 102,1 % к плану и 80 % к показателям 1948 г. [45]. Такое количество сданного жилья не удовлетворяло всех потребностей завода. Так, только для того, чтобы перевести рабочих завода и их семьи из нежилых помещений (подвалов, кухонь, тамбуров и ветхих бараков) требовалось минимум 70 тыс. кв. м. новой жилплощади.

Таблица 4

Обеспеченность жильем работников ЧКЗ к 1950 г. [46]

Категория жилплощади	Всего по заводу			Квартиры индивидуального Пользования			Общежития		
	Жилплощадь в тыс. кв. м.	Кол. Прожив тыс. чел. *	Площадь на 1 чел в кв. м.	Жилплощадь в тыс. кв. м.	Кол. Прожив тыс. чел.	Площадь на 1 чел в кв. м.	Жилплощадь в тыс. кв. м.	Кол. Прожив тыс. чел.	Площадь на 1 чел. в кв. м.
Дома	220,6	45,6	5,0	203,5	41,1	4,9	17,1	4,2	4,1
Подвалы	13,3	3,3	4,0	8,0	2,1	3,7	5,3	1,2	4,4
Ванные	6,6	2,2	3,1	6,6	2,2	3,1	-	-	-
Кухни	42,1	9,4	4,5	33,7	7,4	4,6	8,4	2,0	4,2
Бараки	2,5	0,7	3,6	-	-	-	2,5	0,7	3,6
Итого	285,1	61,2	4,7	251,8	53,1	4,7	33,3	8,1	4,1

Таблица 4 иллюстрирует обеспеченность жильем работников ЧКЗ к концу изучаемого периода. Из нее видно всю остроту жилищного вопроса, поскольку здесь показано, что большое количество людей жило в непригодных для этого помещениях. Очевидно также, что жилфонд был очень сильно переуплотнен. При его общей площади в 285100 кв. м. здесь проживало 61200 чел. Из них в квартирах 53100 чел. (86,7 %) и в общежитиях 8100 (13,3 %) чел. В подвалах, кухнях, ванных и в бараках на площади в 64500 кв. м. (22,6 % от всей жилплощади) ютилось 15600 чел (5,4 % от всех работников). Если в домах с квартирами на одного человека приходилось до 5 кв. м, то в бараках – 3,6 кв. м. В среднем по заводу на 1 чел. приходилось 4,7 кв. м.

Для сравнения на другом челябинском предприятии, традиционно входившем в

производственную кооперацию с «Танкоградом» – заводе № 200, к началу 1948 г. числилось 31500 кв. м жилплощади. На указанной площади проживало 4986 чел., причем здесь на одного жильца в среднем приходилось 6,3 кв. м. Это, в общем даже выше, чем на более крупном предприятии, таком как Челябинский Кировский завод [47].

На УТЗ № 183 дела обстояли лучше, поскольку кризис здесь был менее тяжелым, а старания директора И. В. Окунева позволили заметно улучшить жилищное обеспечение рабочих в 1947-1950 гг. В период 1946-1950 г. Соцгороде УТЗ было возведено 167 одно- и двух квартирных шлакобетонных домов с приусадебными участками [48. С. 189]. Большое значение в успехе этой программы сыграло активное применение дирекцией УТЗ так называемого «хозспособа» в жилищном строительстве. «Хозспособ» означал веде-

ние строительства за счет средств и силами самого предприятия. Поэтому, большинство домов, построенных таким образом, были малоэтажными и имели скромные размеры. Однако именно такая практика помогла директору УТЗ И. В. Окуневу сгладить остроту в жилищном вопросе. В течение 1947 г. было сдано 4 больших многоквартирных каменных дома общей площадью 30000 кв. м. [49]

Количество зданий, оборудованных водопроводом и канализацией, по сравнению с военным периодом увеличилась с 22,8 % до 26,5 %, а оснащенных центральным отоплением с 17,3 % до 20,9 %. Уменьшение количества деревянных домов было связано с тем, что 15 из них (общей площадью 700 кв. м.) были преданы Горжилуправлению Н.Тагила и сняты с баланса. Однако с учетом снижения количества работников завода на 2732 чел.,

душевое распределение жилплощади в расчете на одного человека удалось сохранить в пределах 5,4 кв. м. [50]

Состояние рабочих общежитий УТЗ в 1947 г. заметно улучшилось. Они уже полностью обеспечивались постельными принадлежностями, культивентарем, были радиофицированы. За 1947 г. в Соцгороде было отремонтировано 3831 п/м и проложено 1400 п/м деревянных тротуаров, установлено уличное освещение в количестве 81 электрофонаря. Еще в 11 общежитиях удалось провести отопление. В порядке дальнейшего развития инфраструктуры Соцгорода, были открыты: почтовое отделение, парикмахерская, аптека, сапожная мастерская, 2 швейные мастерские, и так называемая «культурная чайная». Таблица 5 иллюстрирует уровень обеспеченности работников завода №183 жилплощадью к началу 1950 г.

Таблица 5

Обеспечение жильем работников УТЗ № 183 к 1950 г. [51]

	На 01.01.1949 г.				На 01.01.1950. г.			
	Кол-во домов	Площадь в тыс кв. м.	Количество чел.	Площадь на 1 чел в кв. м.	Кол-во домов	Площадь в тыс кв. м.	Количество чел.	Площадь на 1 чел в кв. м.
Каменные дома	152	56,8	9881	5,7	159	63,4	11413	5,5
Деревянные	318	75,4	15377	4,9	317	74,4	15690	4,7
Баракки временного типа	317	100,7	18652	5,4	319	100,6	19174	5,2
Землянки	14	4,7	908	5,1	46	10,4	1199	8,7
Всего	801	237,6	44818	5,3	841	248,8	47476	5,2

Жилищно-коммунальные хозяйства на уральских танковых заводах в послевоенный период практически всегда оставались предметом головной боли для руководства Министерства. Как правило, ЖКХ эксплуатировалось на износ, в него практически ничего не вкладывалось,

поскольку львиная доля капиталовложений направлялись на основное производство. Ярким примером этой ситуации может служить коммунальное хозяйство завода № 200.

1947 г. ЖКХ этого завода закончило с убытками на сумму 686 тыс. руб. Потери

от эксплуатации жилищного фонда достигли 134 тыс. руб., убытки по целевым расходам и сборам составили 473 тыс. руб. Убытки вспомогательных производств (баня, прачечная, котельная) составили 79 тыс. руб. и были вызваны нерентабельностью работы котельной, обслуживающей баню и прачечную. Оборудование котельной изнашивалось, требовало частичного ремонта, а качество топлива оставалось низким [52].

Перерасход по целевым сборам и расходам в основном сводился к повышению стоимости содержания одного койко-места в общежитиях коечного типа, составившие 93 руб. 95 коп. в месяц, против 37 руб., согласно смете. При этом стоит заметить, что убытки в сфере ЖКХ завода за 1947 г. оказались меньше (686 тыс. руб.) по сравнению с показателями 1946 г. (1911 тыс. руб.), что свидетельствуют о некотором улучшении работы [53].

По материалам ЧКЗ также можно представить, как в общих чертах функционировала система здравоохранения на Уральских заводах танкопрома в послевоенный период. Так, в 1947 г. заводская медсанчасть располагала поликлиникой, центральным здравпунктом, (расположенным на территории завода), а также 10 цеховыми врачебными и четырьмя фельдшерскими пунктами, амбулаторией, больницей на 630 койко-мест, детской поликлиникой, детским тубсанаторием на 120 койко-мест и молочной кухней. На первый взгляд, все удовлетворительно.

Однако больница располагалась в трех разных местах, совершенно непригодных для нормальной врачебной деятельности, т.е. в полуразрушенных бараках, поскольку строительство нового здания не было закончено. Средняя продолжительность пребывания одного больного в заводской больнице составляла 18 дн. (в инфекционной – 14 дн., а в тубсанатории – 30 дн.) Прием и обслуживание больных на дому производился согласно участковому принципу. В состав заводской

поликлиники входило 17 медучастков с количеством жителей от 2 до 5,5 тыс. чел. в каждом. Все они в течение 1947 г. все же были укомплектованы участковыми врачами [54].

Для улучшения качества поликлинического обслуживания больных в 1947 г. были организованы: дополнительный рентгенкабинет, биохимическая лаборатория; кабинеты специализированной помощи желудочным, урологическим, психоневрологическим больным, а также пораженным костным туберкулезом; кабинет для лечения подростков. Специальной комиссией врачей были осмотрены все подростки Кировского завода, являвшиеся учениками РУ и школ ФЗО. Из 1765 осмотренных – 141 чел. нуждался в амбулаторном лечении, 43 чел. в стационарном, 217 чел. в дополнительном питании, а еще 1126 чел. требовалась путевка в дома отдыха [55].

Заболеваемость в 1947 г. выросла на 10,7 % в частности: дистрофией, гнойничковыми заболеваниями, остро желудочными и инфекционными заболеваниями. Такой «набор» заболеваний говорит о том, что заболевшие люди были крайне истощены, плохо питались, не соблюдали правил личной гигиены и т. д. Для улучшения работы поликлинического персонала было привлечено 7 профессоров Челябинского мединститута в качестве консультантов [56].

Медицинские учреждения на танковых заводах Министерства транспортного машиностроения в плане финансирования являлись далеко не первоочередными, поэтому они довольно долго находились в сложном состоянии. Развитие медицинской инфраструктуры, несмотря на финансирование «по остаточному принципу» все же велось, а руководство отраслью понимало необходимость ее дальнейшего развития, поскольку от здоровья рабочих зависело выполнение плана. К концу 1940-х материальная база медицины на уральских предприятиях танковой про-

мышленности оставалась все же недостаточно развитой. Главной причиной отставания жилищно-бытовой и медицинской инфраструктуры, являлся быстрый и скачкообразный рост производственных и людских ресурсов региона за годы Великой Отечественной войны в крупнейших промышленных центрах, опережавший развертывание инфраструктуры.

На фоне недостаточного развития материальной базы медицинского обеспечения, во второй половине 1940-х гг. наблюдался высокий уровень производственного травматизма на крупнейших машиностроительных предприятиях региона. Этот показатель напрямую зависел от низкого уровня техники безопасности на производстве в виду все той же «текучести кадров», которая, как и в годы Великой Отечественной войны, не давала организовать нормальное обучение персонала. Так на ЧКЗ не более 50 % рабочих имели стаж более 3 лет, т. е. остальные, набирались по мере «разбегания» предыдущих новобранцев. Так в 1947 г. с ЧКЗ убыло по причине болезни, инвалидности или смерти 8,4 % от всех кадровых потерь завода [57].

Несмотря на проблемы с финансированием, руководители отрасли старались, насколько это было возможно в тех условиях, организовать меры по поддержанию здоровья детей работников танковых заводов. Главным способом, для достижения цели, традиционно, стало перекалывание ответственности за проведение необходимых мероприятий на плечи руководителей конкретных предприятий. Так, приказ по МТМ за № 312 от 10 мая 1946 г. «О мероприятиях по укреплению здоровья детей, находящихся в детских садах и детских домах заводов Министерства на летний период 1946 г.» ответственность за организацию отдыха детей возложил на дирекции определенных предприятий и «Главтанк» в целом [58].

Ясно, что основная нагрузка по проведению в жизнь этих мероприятий легла на ОРСы заводов. С 1 июня 1946 г. им

нужно было своими силами осуществить вывоз детей заводских рабочих из детских садов и домов на дачи, принадлежавшие предприятиям, обеспечив своевременный ремонт и дооборудование дачных помещений необходимым инвентарем. Начальники заводских ОРСов были обязаны регулярно снабжать детские сады и детские дома полноценными и доброкачественными продуктами питания, цельным молоком, молочными продуктами, а также ранними овощами. Предписывалось организовать, в первую очередь детей, родители которых погибли на фронтах, родителей-инвалидов Великой Отечественной войны, ослабевших детей, нуждающихся в усиленном питании. Эти меры должны были привить людям чувство того, что именно с работой на заводе связано их будущее, а также будущее их детей. Мысль людей о том, что только включенность в социалистическую систему производства, дает максимальные возможности для личностного развития и доступ к относительному материально-бытовому благополучию, должна была цементировать изнутри всю систему советского государства. Здесь очень трудно понять, где четко пролегалась грань между мерами экономического поощрения и желанием облегчить трудные жизненные условия людей.

В послевоенный период, для социальной сферы отрасли остались актуальными те же проблемы, которые преследовали ее и в годы войны. Уход рабочих с танковых заводов продолжался высокими темпами ввиду тяжелых условий труда и нерешенности жилищного вопроса. Низкое качество жилья и его недостаток отмечались в качестве основной причины самовольного ухода людей, практически на всех предприятиях. Однако в ситуации, когда основные капиталовложения шли в производственный сектор, не удавалось добиться значительного улучшения жизни рабочих и кадровой нестабильности предприятий.

Сохранилось отставание темпов разви-

тия социальной инфраструктуры уральского танкостроения от потребностей и запросов людей. В послевоенный период начался процесс восстановления экономики и частичная конверсия, что способствовало на первых порах повышению внимания к бытовым нуждам людей. Но в связи со скорым переходом к политике «холодной войны», большинство ресурсов вновь стало вкладываться в усовершенствование производства, а не в улучшение условий жизни рабочих. Бытовая сфера и жилищная инфраструктура финансировалась, как и прежде, по остаточному принципу. В связи с постоянным оттоком рабочих кадров, доля женского труда оставалась в отрасли высокой, лишь немного ниже показателей военного времени. Однако, государство, все же понимало важность улучшения условий жизни людей. Уже к концу Великой Отечественной войны были ликвидированы землянки, а большая часть людей была переселена в квартиры и общежития барачного типа. При этом плотность проживания сохранялась очень большой, в сред-

нем по 4,5 кв. м. на 1 чел. В общежитиях проживало в среднем, до 20 % всех рабочих, их условия существования были наиболее тяжелыми.

До конца 1940-х гг. государство продолжало практику поощрения «самообеспечения» предприятий танковой промышленности, огромное значение в практике продовольственного снабжения отдавалось работе подсобных хозяйств ОРСов. Для работы в них, предприятия вынуждены были отрывать часть рабочих от основного производства. Во второй половине 1940-х гг. была распространена система жилищного строительства так называемым «хозспособом», т. е. на средства и силами самих предприятий, что частично помогло снять остроту жилищного кризиса. Однако, проводимая государством в условиях непродолжительной конверсии и разворачивающейся «холодной войны», социальная политика в отрасли привела не только к стабилизации положения, но и консервации невысокого уровня жизни большинства работников отрасли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 575. Л. 8.
2. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 140. Л. 52-53.
3. НТГИА. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 389. Л. 238-261.
4. НТГИА. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 389. Л. 238-261.
5. Ермолов А. Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность / А. Ю. Ермолов. - СПб.: Алетей, 2013. - 408 с.
6. НТГИА. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 389. Л. 238-261.
7. НТГИА. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 389. Л. 218.
8. НТГИА. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 389. Л. 218.
9. РГАЭ. Ф. 8734. Оп. 1. Д. 235. Л. 37-39.
10. РГАЭ. Ф. 8734. Оп. 1. Д. 235. Л. 37-39.
11. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 140. Л. 55.
12. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 140. Л. 55.
13. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 247. Л. 65.
14. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 127. Л. 56.
15. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 232. Л. 76-77.
16. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 232. Л. 76-77.
17. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 84. Л. 35.
18. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 84. Л. 35.
19. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 37. Л. 828-831.

20. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 232. Л. 91.
21. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 232. Л. 91.
22. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 232. Л. 92.
23. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 232. Л. 94.
24. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 131. Л. 59.
25. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 131. Л. 68.
26. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 131. Л. 68-69.
27. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 236. Л. 61.
28. Составлено по: РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 154. Л. 29-30.
29. Составлено по: РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 154. Л. 29-30.
30. Составлено по: РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 154. Л. 29-30.
31. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 127. Л. 60.
32. Из 27375 рабочих ЧКЗ в 1947 г. только 14 % (3841 чел.) было охвачено индивидуальными договорами.
33. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 205. Л. 65-66.
34. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 84. Л. 49.
35. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 84. Л. 48-50.
36. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 84. Л. 49.
37. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 84. Л. 50.
38. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 84. Л. 50.
39. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 84. Л. 62.
40. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 140. Л. 63.
41. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 140. Л. 63.
42. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 140. Л. 64.
43. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 140. Л. 66.
44. Устьянцев С. В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX в. Ч. 2. Уральский танковый завод №183. – Нижний Тагил: Репринт, 2010. – 351 с.
45. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 247. Л. 83.
46. Составлено по: РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 247. Л. 83.
47. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 131. Л. 107.
48. Уралвагонзавод / С. В. Устьянцев, А. В. Пислегина, А. Х. Фахретдинова. – Екатеринбург: Независимый институт истории материальной культуры, 2001. – 239 с.
49. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 127. Л. 90-91.
50. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 127. Л. 90-91.
51. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 232. Л. 126.
52. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 131. Л. 107.
53. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 131. Л. 107.
54. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 140. Л. 66-67.
55. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 140. Л. 66-67.
56. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 140. Л. 66-67.
57. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 140. Л. 55.
58. НТГИА. Ф. Р-719. Оп. 1. Д. 391. Л. 51.

УДК 327
ББК 66.4(2),03
Политология

СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Доктор философских наук О. Р. Раджабов
Кандидат философских наук З. Н. Лобачева

В статье дается оценка современного геополитического, социально-экономического и культурного значения Северного Кавказа, а также факторов способствующих разработке новой модели национальной политики в Северо-кавказском регионе.

Ключевые слова

Геополитика, Северный Кавказ, Дагестан, межнациональные и этнические проблемы региона, внешняя экспансия, национальная политика.

В структуре современного российского политического процесса усиливается значение геополитической составляющей, что проявляется в геополитическом противоборстве в различных областях: военно-политическом противостоянии, связанном с борьбой за ресурсы; миграционных процессах; использовании идей сепаратизма, этноцентризма.

Решение геополитических проблем находится в тесной взаимосвязи со снижением остроты внутренних социально-политических и экономических проблем. Центром геополитической активности выступают геостратегические регионы, каким и является Северный Кавказ.

Северо-Кавказский регион, простирающийся от Каспийского до Черного морей, занимающий промежуточное положение на стыке разных культур и цивилизаций, находящийся на важнейшем перекрестке международных транспортно-

коммуникационных линий, связывающих Запад с Востоком, Север с Югом, является геополитически значимым регионом.

Северный Кавказ также справедливо считают эталоном огромного разнообразия уникальных природно-территориальных комплексов, биологических и минерально-сырьевых ресурсов, этнических, языковых, историко-культурных, религиозных, экологических и социально-политических факторов. Существенная составляющая этого евразийского феномена – его экономический потенциал с уникальными природными ресурсами, развитой промышленностью, агропромышленной, промысловой и курортно-рекреационной специализацией.

Северный Кавказ – главная компонента международного топливно-энергетического комплекса, формирующегося на рубеже тысячелетий на Приморско-Каспийском пространстве на базе значительных запасов углеводородного сырья Кас-

пийского моря. Это сделало регион объектом внимания крупнейших транснациональных корпораций мира и зоной острейшего политического и экологического кризисов. В рамках крупных транснациональных проектов, не выдерживающих экологических и социальных требований, эти государства ведут сейсмическую разведку и разработку шельфовых нефтегазовых месторождений. Поэтому в складывающихся условиях можно считать закономерными рост трансграничного загрязнения нефтью и нефтепродуктами, ухудшение экологической обстановки и нарастание экономической, социальной и политической напряженности в бассейне Каспийского моря.

Северо-Кавказский регион – «зеркало» острейших проблем современности, арена событий, которые, в силу глобализации современного мира, с невероятной скоростью становятся общими проблемами для всего мирового сообщества. Подтверждением тому являются события 1999 года в Дагестане, новое геополитическое положение которого обуславливает его особую роль на Кавказе. С образованием на постсоветском пространстве новых независимых государств Дагестан стал не только южным форпостом России, но и выдвинулся в эпицентр формирующей геополитической конфигурации всего Кавказа и прилегающего к нему евразийского пространства. Именно на дагестанской земле в 1999 году приостановлено геополитическое отступление России. Ранее сдавшая свои геополитические позиции, сначала в Восточной Европе, а затем и на постсоветском пространстве, она вместе с объединенными действиями народов Дагестана наголову разбила бандформирования интервентов и активизировала свои действия на территории Чечни с целью уничтожения созданного там центра международного терроризма.

В условиях, когда идет геополитическая борьба крупных держав за влияние на постсоветском пространстве и, особенно

на Кавказе, когда для этих целей используется национализм, этнический сепаратизм, религиозный экстремизм, шантаж, давление и т. д., полагать, что дагестанские национальные и межнациональные проблемы не будут использованы в геополитических целях, по меньшей мере, наивно. «Межэтнические, внутриконфессиональные отношения являются конфликтогенными сферами дагестанского социума» [1, с. 556]. В этой связи для многонационального Дагестана актуален вопрос: может ли быть использован в геополитических целях другими государствами дагестанский национальный фактор? Или, говоря другими словами, станет ли национальный фактор геополитическим оружием со стороны других государств?

О том, что Дагестан расположен в геополитически важном регионе и что, при соответствующих условиях, он может быть использован как детонатор для дестабилизации общественно-политической ситуации на Кавказе в целом, сказано и написано много. Со стороны отдельных представителей национальных движений были заявления о том, что тюркоязычные народы сыграют в судьбе России такую же роль, что и прибалтийские народы – в судьбе СССР. Это безответственные заявления. Но они подтверждают факт существования опасности использования национального фактора в геополитических целях.

Поэтому возникает острая необходимость в геополитическом осмыслении межнациональных и этнических проблем региона до того, как они приобретут межгосударственный, международный характер и серьезно дестабилизирует ситуацию в том или ином регионе мира. Кризисные ситуации и боевые действия на Балканах, в Таджикистане, Палестине, Абхазии, Южной Осетии, Чечне и Дагестане, последние события на Украине – это наиболее наглядные примеры именно такого характера развития событий. Использование национального фактора в геополити-

ческих целях и превращение его в геополитический контроль со стороны других государств обусловлено как внутренним, так и внешним условиям. Внешние условия налицо. Это, прежде всего, – геополитические притязания крупных держав на постсоветское пространство и, главным образом, на Каспийский бассейн, объявленный зоной жизненных интересов США и ее восточных партнеров «Притягательное внимание к Каспийскому региону внешних источников силы обусловлено его выгодным географическим положением, большими запасами углеводородов, уникальными биологическими ресурсами, в том числе мировыми запасами осетровых, пересечением транспортных путей» [2, с. 227]. При соответствующих условиях геополитические конкуренты России непременно воспользуются ситуацией и попытаются использовать дагестанские национальные проблемы в геополитических целях для ее вытеснения из Кавказского региона. Вопрос только в том, сложились ли для этого благоприятные внутренние условия?

Социально-экономическое положение республики Дагестан в целом остается сложным. Отсутствие необходимых ресурсов для стабилизации не позволяет решить назревшие общественные проблемы, в том числе, и национальные. Сохраняется почва для недовольства.

Серьезной проблемой становятся территориальные вопросы, затрудняющие процессы консолидации народов, одновременно они наносят существенный вред самому процессу складывания и упрочнения многонациональной государственности. За территориальными спорами, как правило, стоит не только экономический, хозяйственный интерес, сколько политический – это и увеличение представительства того или иного народа во властных структурах, расширение сферы влияния этнической элиты на процессы, происходящие в республике. Межэтнические конфликты на Северном Кавказе все более

становятся конфликтами между властными и бизнес элитами, которые умело используют свой народ.

Массовая безработица и сильное социальное расслоение стали главными показателями кавказской действительности. Среди населения формируется мнение об искусственном сдерживании экономического развития региона и вытеснении населения из родных мест. Проявляется устойчивая заинтересованность в дестабилизации Северного Кавказа, ориентирующаяся на силовые методы противоборства с органами власти, используя акты устрашения, терроризма. Занятие террористической деятельностью стало способом существования части коренного населения. Политическая и экономическая нестабильность на Северном Кавказе стала мощным фактором развития наркобизнеса, что приводит к угрозе локальной криминализации.

Порочная практика подбора и расстановки своих кадров на местах приводит к родственным коррупционным кланам, которые прибирают все доходные места и промыслы. Это приводит к ослаблению региональной власти. Все это, конечно, делает национальные и межнациональные проблемы уязвимыми и привлекательными для геополитических конкурентов России. Но, как показали военные действия против террористических банд, общая опасность объединяет дагестанские народы и внутренние социально-экономические проблемы отходят на второй план. Прямой опасности использования национального фактора в геополитических целях для Дагестана на данном этапе не существует. Хотя отдельные попытки в этих целях, может быть, и будут предприняты.

Глобализация мировой экономической системы – внутренне противоречивый процесс. С одной стороны, интернационализируя хозяйственную жизнь, она создает условия для интеграции, взаимопроникновения, сближения народов, с другой, – осуществляясь в форме финансово-эко-

номической экспансии, разрушает их национально-государственный суверенитет, национальную самостоятельность. «...элементы глобализации, с одной стороны, вторглись в регион, а с другой – сталкиваются с сопротивлением локальной идентичности, традиционности и религии» [3, с. 599].

Национальная политика должна быть адекватной переживаемому этапу. В начале 90-х годов в республике, как известно, была принята комплексная программа решения национальных проблем. Она соответствовала тому периоду, когда национальные проблемы обострились и когда национальные движения добивались решения сиюминутных национальных за-

дач. Но сегодня обстановка изменилась. Ваххабитская война показала реальность внешней экспансии и недостаточность современных экономических, политических, национальных, духовных, идеологических и т. п. средств, для обеспечения национальной безопасности Дагестана. В этих условиях нужна новая национальная политика, способная предотвратить использование национального фактора геополитическими конкурентами России для достижения своих авантюрных целей на Кавказе. Именно на разработке новой модели национальной политики в Северокавказском регионе и должны быть сосредоточены усилия ученых, политиков, практиков и экспертов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Молодежный эгоцентризм в Дагестане: причины и факторы противодействия // Полиэтническое общество, власть и демократия в России. Сборник статей / Под общ. ред. академика М. К. Горшкова и проф. А.-Н. З. Дибирова. – М.-М: Лотос, 2012. – С. 556.

2. Юсупова Г. И., Шайдаева А. А. Роль Северного Кавказа в современной российской геополитике // Кавказ спустя 20 лет: геополитика и проблемы безопасности.: тр. межд. науч. конф. (Владикавказ – Цхинвал 30 июня 2011 г.). – С. 227.

3. Сиражуудинов С. В. Исламские аспекты глобализации и формирование гражданского общества в республиках Северного Кавказа // Полиэтническое общество, власть и демократия в России. Сборник статей / Под общ. ред. академика М. К. Горшкова и проф. А.-Н. З. Дибирова. – М.-М: Лотос, 2012. – С. 599.

УДК 323.1
ББК 66.3(2Рос),54
Политология

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

З. Х. Хизриев

Использование этнокультурных особенностей в сфере межнациональных отношений стало сегодня необходимым условием улучшения политической атмосферы в обществе, стабилизации межэтнических и межрегиональных связей, ярким примером общности представителей разных народов и национальностей России.

Ключевые слова

Этнос, этническая культура, этнокультурные особенности, межнациональные отношения

Начало XXI века ознаменовалось появлением в отечественной политологической науке нового актуального направления исследований политических процессов, связанных непосредственно с этнокультурными особенностями российских регионов. Это обстоятельство вызвало большой интерес российских политологов к процессу формирования и становления современных этнокультурных процессов.

Этнокультурный процесс – сложный процесс социального, политического и этнического развития общества под воздействием различных факторов, связанных с многовековым укладом, традициями, обычаями, культурой тех или иных народов, этносов. Словом, по образному выражению И. Тхагапсовой, этнокультурный процесс – это «совокупный продукт непрерывной творческой деятельности человека во всех сферах бытия и сознания» [9, 15].

Рост интереса к изучению проблемы влияния этнокультурных процессов, особенностей, на социальные, политические и иные процессы в обществе, связан с обострением противоречивых общественных явлений, которыми богата наша повседневная жизнь. Любая конфликтная ситуация, участниками которой являются представители разных народов, этносов, тут же переносится на почву межэтнического непонимания, межнациональной враждебности и этнокультурного отчуждения, т. е. на почву взаимодействия конкретных этносов. Особую важность и актуальность проблема исследования этнокультурных процессов приобретает в условиях социальной напряженности нашего общества, который подвержен стремительным модернизационным процессам, происходящим во всех сферах ее жизнедеятельности. В условиях отсутствия четкой национальной политики, межэтнического недоверия любая бытовая ссора или

конфликт, любое бытовое преступление грозят автоматически перенестись в общественном сознании в плоскость межэтнического противостояния, межнациональной нетерпимости.

Яркой иллюстрацией к сказанному могут послужить трагические события, развернувшиеся в одном из спальных районов российской столицы – Москвы: в Бирюлево Западное, где рядовой криминальный инцидент стал причиной погромов. Бунтовщики разгромили торговый центр и овощебазу, где работали представители другого этноса – мигранты. Московская полиция провела массовые задержания мигрантов. Депутаты обсудили проблему миграции, отдельные политики выступили с громкими заявлениями о «руководящей роли» кавказцев во всех бедах России. Средства массовой информации вспомнили о массовых беспорядках в Кондапоге и событиях в Пугачеве.

Политолог, президент Центра стратегических исследований «Северный Кавказ – Стратегия» А. Истамулов пишет по этому поводу: «Беспорядки в Бирюлеве вновь подняли вопрос о росте националистических настроений в России. Националисты сразу обвинили в произошедшем всех и всяких «понаехавших». Тревожит то, что люди видят главную причину всех бед в нерусских. Спекулировать на предрассудках всегда удобно и выгодно. Но это очень недальновидно и опрометчиво» [5].

По мнению А. Истамулова, случаи «сведения счетов» на почве национальной нетерпимости негативно влияют на репутацию России за рубежом. Вера в то, что во многих проблемах России виноваты «инородцы», глубоко укоренилась в умах многих россиян. Общество все более нетерпимо относится не только к иностранцам, но и к представителям этнических меньшинств.

Между тем, по мнению политолога, главной угрозой для страны являются именно те политические силы, которые

декларируют лозунг: «Россия для русских», они, считает А. Истамулов, могут довести страну до ее полного развала. «Чтобы любить свою страну, – делает он вывод, – не обязательно быть русским или записываться в националистические группировки. Наша задача – сделать Россию процветающей страной с мощной экономикой, где всем хотелось бы жить» [5].

Проблема, о которой пишет политолог, существует и она актуальна. Так, раскрывая вопросы определения уровня взаимной адаптации этнических групп Северного Кавказа и их статуса Г. Денисова выделила несколько критериев межкультурной интеграции. Так, она считает, что этнокультурная совместимость русского этноса и народов кавказской языковой группы самая низкая; народы Северного Кавказа по сравнению с этносами России имеют самый низкий показатель приобщения к русской культуре и русскому языку; низкая степень взаимной адаптации русских и нерусских создает объективные условия для межэтнической напряженности в обществе; православные этносы сближаются, а исповедующие ислам и буддизм обособляются [4,68]. Данные проблемы сохраняют свою актуальность по настоящее время.

Следовательно, исследование этнокультурных процессов в обществе выявляет большое многообразие позиций и динамизм развития в системе национальных обычаев и традиций как исходной реальности культуры. В современной культуре имеются устойчивые образования (ценности и нормы), которые обеспечивают и поддерживают совокупность значимых для большинства членов общества представлений о социальных целях его развития, способах решения проблемных задач в различных сферах социокультурной жизни.

Методология анализа этнокультурных процессов имеет давнюю историю возникновения и развития. Наибольший интерес представляет труд М. Ковалевского

«Современный обычай и древний закон», в котором автор освещает основы учения об основных методах в развитии семьи, рода, этноса [6].

П. Сорокин также ставит неоднократно в своих научных трудах вопрос о национальных общностях, хотя специально проблемой этнокультурных процессов не занимался. Его отдельные высказывания имеют большое методологическое значение для теории нации. Например, суть национального вопроса по Сорокину заключается в том, что проблемы национального (этнического) неравенства являются собой одну из составных частей общего учения о правовом неравенстве членов одного и того же государства [7, 249].

Особый взгляд на концепцию межэтнических процессов в России высказал Н. Данилевский. Его идея основывалась на культурно-психологическом объяснении природы национально-этнической общности. Он пишет: «Народности, национальности – суть органы человечества, посредством которых заключающаяся в них идея достигает в пространстве и во времени, возможного разнообразия, возможностей многонационального существования» [3, 149].

Исследователь С. Широкогоров охарактеризовал этнос как «форму, в которой происходит процесс создания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству как виду существовать» [10, 16]. На идеях С. Широкогорова основана теория этногенеза Л. Гумилева, в которой развитие этносов определяется наличием в них особых людей-пассионариев, обладающих сверхэнергией, их активность является причиной главных исторических событий в жизни народа. Деятельность пассионариев связана с ландшафтом, историческим временем и космическими факторами (солнечной активность) [2, 92]. Этнос рассматривается как природная сущность, не сводимая ни к каким другим типам объединений людей, «это феномен биосферы» [2, 93].

Как известно, в 1990-е годы произошла десоветизация и деидеологизация наук, занимавшихся изучением этнокультурных процессов. Однако, концептуальные установки существенно не изменились. Так, например, «национальная культура» заменена «этнической культурой», «нация» – «этносом», «своеобразие» – «идентичностью». Нет единого подхода к определению отдельных понятий и терминов. Хотя «этнос» и «нация» и являются ключевыми понятиями и находятся в поле научного и политического интереса, даже их зачастую непросто анализировать. Данные понятия всегда отождествляются, в российской этнологии термин «этнос» употребляется почти всегда вместо понятий «народ» и «нация». Как справедливо отмечают исследователи, существующая терминологическая неопределенность понятий нация и этнос создают определенные трудности на пути национального строительства в современных условиях [9, 22]. По мнению Ю. Бородай, «нация является социально-экономической категорией, а этнос – культурно-исторической. Нация объединяет членов общества на основе повседневного совместного труда сегодня, а этнос – на основе общего происхождения» [1, 19].

В. Тишков считает этничность – объективной реальностью. По нему этничность как реальное чувство обретается в процессе социализации личности. Что касается этнических конфликтов, то В. Тишков считает несостоятельным их объяснение присутствием базовых человеческих потребностей, национального самоопределения, этнического риска или угрозы, исторических прав, территориальной целостности. Термин «этнический конфликт» понимается как камуфляж политической борьбы руководящих элит и лидеров, их амбиций [8, 59]. Действительно, трагические события в Чечне конца XX – начала XXI вв. были вызваны к жизни не столько межэтнической напряженностью в обществе или призывом Б. Ельцина «берите

суверенитета столько, сколько проглотите», а противостоянием лидеров и их амбиций – в России: М. Горбачева и Б. Ельцина, а в Чечне: Д. Завгаева и Д. Дудаева.

В этом контексте очень интересна теория этнокультурных взаимодействий А. Ямскова, который исходит из того, что чем слабее выражены социокультурные различия между россиянами различного этнического происхождения, тем ниже вероятность перерастания многообразных и принципиально неустраимых социально-экономических и политико-идеологических противоречий и трений в межэтнические конфликты [11, 141].

В условиях многонационального общества для снижения межэтнической агрессии, межэтнического непонимания и экстремизма важно научить подрастающее поколение понимать окружающий мир, формировать сопереживание, терпимость, толерантность – поскольку в основе всех общечеловеческих ценностей лежат культурные, религиозные и национальные традиции. Все это разнообразие отображается в развитии наших вкусов, в наших предпочтениях и отношениях, в стиле жизни и во взглядах на окружающий мир.

И в первую очередь, должна быть создана четкая, структурированная нормативно-законодательная база, регулирующая сферу межэтнических, межнациональных отношений в стране. В таком многонациональном государстве, как Россия, это крайне важно и необходимо. Эта мысль нашла свое отражение в ходе работы Конгресса народов России, который проходил 18 октября 2013 года в Махачкале под девизом «Общая судьба, единая Россия, один народ». На этом форуме Р. Абдулатипов, являющийся крупным специалистом в области межнациональных отношений, заявил, что «фактически Государственная дума РФ прекратила заниматься законотворческой деятельностью в сфере межнациональных отношений». По его словам, он восемь лет назад внес в Госдуму базовый закон «Об

основах национальной политики или правовые основы развития межнациональных отношений в стране», к обсуждению которого, к сожалению, до сих пор не приступили.

Главной задачей многонационального общества Р. Абдулатипов назвал обеспечение экономической и культурной интеграции: «Мы после развала Советского Союза дезинтегрировались, а там, где есть дезинтеграция, налаживать нормальные отношения между народами и культурами бывает крайне тяжело. Надо преодолеть отчуждение, которое имеет место между либеральным центром и традиционной провинцией» [12].

Сегодня по инициативе Госдумы и регионов разработан закон о полномочиях и ответственности органов исполнительной власти субъектов России, органов местного самоуправления и должностных лиц в сфере межнациональных отношений. Он устанавливает ответственность за возникающие конфликты и за то, что должностное лицо не предприняло для того, чтобы этого конфликта не состоялось. Вместе с системой мониторинга, регламентации ответственности, конечно, надо подумать о дополнительных полномочиях и ответственности органов государственного управления. Все это позволит создать действенный механизм воздействия на политическую ситуацию в регионе, учитывающий этнокультурные особенности, препятствующий появлению таких очагов этнополитической напряженности, как это было в Западном Бирюлево, Пугачеве и других городах страны.

Для нормализации этнокультурной среды и стабилизации политических процессов очень важен документ, обеспечивающий системный характер деятельности институтов гражданского общества, способствующий приведению динамики государственной национальной политики в соответствие с современными процессами в сфере межнациональных, межэтни-

ческих отношений. Как показывает анализ, реалии XXI века таковы, что именно этнокультурные особенности межнациональных отношений, преодолевая стереотипы относительно когнитивизма этнической культуры, выводят этничность на

равный уровень с гражданской идентичностью. Именно эти рядом идущие процессы характеризуют новые концептуальные подходы, обозначенные в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бородай Ю. Этнос, нация, государство. – М., 2004. – С. 19.
2. Гумилев Л. Этногенез и биосфера земли. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – С. 92.
3. Данилевский Н. Россия и Европа: взгляды на культурные и политические отношения. – М., 1997. – С. 149.
4. Денисова Г. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 68.
5. Истамулов А. Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а мигрант. – Сайт Грозный-информ: <http://grozny-inform.ru>
6. Ковалевский М. Закон и обычаи на Кавказе: в 2-х томах. – Т. 1. – М., 1890.
7. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1990. – С. 249.
8. Тишков В. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – С. 59.
9. Тхагапсова И. Б. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в русле современной национальной политики в регионе (на примере Карачаево-Черкесской Республики): Дис. ... канд. социол. наук. – Майкоп, 2006. – С. 15.
10. Широкогоров С. Этнос. – Шанхай, 1923. – С. 16.
11. Ямсков А. Опыт оценки уровня лингвистической интегрированности полиэтнического российского общества // Релятивистская теория нации. – М., 1999. – С. 141.
12. <http://www.riadagestan.ru/news/president>.

УДК 323.1
ББК 66.3(2Рос),53
Политология

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПОСТКОНФЛИКТНЫЙ ПЕРИОД

З. Х. Хизриев

Применение этнокультурных принципов и особенностей в управлении органами государственной власти в постконфликтный период на примере Чеченской Республики – вот ключевая тема данной статьи. В ней рассматриваются этапы формирования и становления органов государственного управления, освещаются проблемы, с которыми пришлось столкнуться федеральной власти, дается анализ политических процессов того периода.

Ключевые слова

Субъект России, федеральная власть, региональная власть, органы управления, постконфликтный период

Чеченская Республика – один из равноправных субъектов Российской Федерации. Однако она – единственная российская республика, на территории которой политические процессы, развернувшиеся после развала СССР, приобрели не только трагический характер, приведя противоборствующие политические силы к вооруженному конфликту, но и сама стала ареной крупномасштабных военных действий с применением тяжелой артиллерии и авиации против международного терроризма. Именно на территории Чеченской Республики события коренного реформирования государственного устройства и государственной идеологии, проводимые в стране в период правления Б. Н. Ельцина, нашли свое наиболее острое социально-политическое, межэтническое противоречие и кризисное этнокультурное отражение. Полномасш-

табные военные действия, развернутые в Чечне против международного терроризма, свели на нет всю экономику и социальную сферу региона, которые формировались и развивались на протяжении всех семидесяти лет существования социалистического строя и социалистической идеологии. Трагедия, развернувшаяся на территории Чеченской Республики, коснулась всех, кто проживал на территории республики, – рядовых граждан и государственных служащих: русских, чеченцев, ингушей, украинцев, евреев, ногайцев, кумыков, армян, представителей других национальностей. Массовый исход из республики русских, чеченцев, ингушей, представителей других национальностей приобрел невиданные ранее масштабы.

Как известно, эффективность регионального управления зависит от учета значения этнических факторов и этнокуль-

турных особенностей.

Политические режимы Д. Дудаева и А. Масхадова, правившие республикой в периоды с 1991 по 1994 гг. и с 1997 по 1999 гг., не только не учитывали эти факторы, но и породили глубокие политические, идеологические, этнокультурные противоречия в регионе.

В конце 1999 года федеральная власть столкнулась с проблемой отсутствия органов государственного управления в Чеченской Республике. Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 1999 г. №1380 «О Заместителе Председателя Правительства Российской Федерации – полномочном представителе Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике» в структуре Правительства Российской Федерации была введена новая высшая государственная должность Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации – полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике [7].

В декабре Председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин подписал Постановление Правительства Российской Федерации №1320 от 1 декабря 1999 г. «О мерах по нормализации общественно-политической ситуации на территории Чеченской Республики», которым утверждалось Положение о Представительстве Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике, а перед рядом федеральных министерств и ведомств ставились конкретные задачи по исполнению вышеуказанного Указа Президента РФ [5].

Политическая власть, пришедшая к управлению республикой в начале 2000 года, столкнулась с огромным количеством проблем, среди которых не последнее место занимали проблемы политические, социальные, межнациональные, этнокультурные, иные. В условиях отсутствия республиканских органов государственного управления, межнационального недоверия, этнокультурной разобщенности, со-

циально-экономической разрухи и нищеты важно было в первую очередь создать эффективный механизм государственного управления.

В июне 2000 года Президент России В. В. Путин издал Указ №1071 (от 08.06.2000 г.) «Об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике». Этот исторический документ положил начало формированию в Чечне органов государственного управления, подчиненных непосредственно федеральному центру.

Сразу вслед за этим во исполнение вышеуказанного президентского Указа Глава Администрации Чеченской Республики Ахмат Абдулхамидович Кадыров издал приказ №33-к от 11 июля 2000 года, которым устанавливалось, что «работники упраздненной Временной Администрации Чеченской Республики продолжают выполнять возложенные на них должностные обязанности, а также несут персональную ответственность за состояние дел на своих участках работы» [8].

В условиях продолжающихся военных действий, созданные в соответствии с «Положением об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике», органы государственного управления – Администрации ЧР и территориальные подразделения федеральных сил во главе с Ахматом Абдулхамидовичем Кадыровым испытывали большие затруднения в деле консолидации чеченского народа и стабилизации общественно-политической ситуации. По образному выражению И. Косикова, в ту пору «действенная управленческая вертикаль так и не была выстроена» [1, 53], так как гражданские и военные власти не всегда стремились к координации своих действий. На слабую эффективность органов государственного управления в Чечне в тот период заметно влияли следующие факторы: а) полномочия гражданских властей Чеченской Республики нередко пересекались с функциями силовых струк-

тур федеральной власти: МВД, Минобороны и др.; б) отсутствовало четкое разграничения полномочий и компетенции между Временной администрации ЧР и аппаратом Полномочного представителя Президента РФ в Южном Федеральном округе; в) финансирование и материально-техническое обеспечение политических, социальных, культурологических задач, поставленных перед органами государственного управления Чечни, производилось напрямую из федерального центра через федеральные министерства и ведомства, и самое главное – в республике полностью отсутствовала законодательная и судебная власть.

Все эти обстоятельства ставили в крайне затруднительное положение органы государственного управления Чечни. Например, Глава Администрации ЧР А. Кадыров вплоть до ноября 2000 г. не мог самостоятельно решать кадровые вопросы, в том числе назначать чиновников в администрацию республики. Он обязан был согласовывать все кандидатуры в органы государственного управления республики с Аттестационной комиссией во главе с Полпредом Президента РФ в ЮФО В. Казанцевым. Что касается должностных лиц районных администраций, то все кандидатуры необходимо было согласовать с военным комендантом Чечни – генерал-лейтенантом И. Бабичевым, который возглавлял комиссию по отбору кандидатов в исполнительные республиканские органы власти. Если вначале такое положение дел в кадровой политике было продиктовано определенной необходимостью соблюдения интересов федерального центра, то в дальнейшем оно серьезно подрывало авторитет созданного президентом республиканского органа власти перед населением Чечни.

Не имея реальных политических и административных рычагов для решения насущных проблем республики, в том числе и для формирования кадрового потенциала, который мог быть организован на

основе учета этнокультурных особенностей региона, Администрация Чеченской Республики во главе с А. А. Кадыровым была сильно ограничена и в своих финансовых возможностях. Реальных финансовых и материально-технических средств для осуществления социально-экономических программ восстановления хозяйства в рамках своих полномочий она практически не имела. «С одной стороны, Администрация Чеченской Республики являлась «главным распорядителем средств федерального бюджета, предназначенных для финансирования ЧР». С другой стороны, до принятия специального документа – Комплекса первоочередных мер по обеспечению нормального функционирования экономики и социальной сферы в 2000 г. (его приняли лишь в августе 2000 г.) – финансирование всех расходов осуществлялось через органы федерального казначейства по расчетам, предоставляемым Администрацией ЧР [4].

Учитывая реальное влияние сложившихся политических обстоятельств на общественно-политическую ситуацию в Чеченской Республике и предвидя возможные негативные последствия такого отношения федерального центра к региональным властям, А. Кадыров настойчиво добивается в тот период от Кремля расширения своих властных полномочий. Он требует создать МВД ЧР и предлагает убрать из официального названия регионального органа власти слово «временный», приравняв статус Администрации Чеченской Республики к статусу республиканского правительства. Однако федеральный центр откладывал изменения в системе государственного управления Чеченской Республикой.

Неоднократные встречи и консультации А. Кадырова с В. Путиным привели к тому, что федеральный центр все-таки вынужден был принять определенные меры, чтобы не допустить кризиса власти в республике. Важным и очень своевременным политическим шагом Кремля

явилось принятие окончательной позиции по отношению к Администрации Чеченской Республики и, в первую очередь, по отношению к А.Кадырову. Федеральная власть решила пересмотреть свое отношение к региональной администрации и существенно укрепить позиции А. Кадырова. В тех сложных политических условиях это было единственно правильное решение.

В январе 2001 г. Президент РФ подписал Указ «О системе органов исполнительной власти Чеченской республики», согласно которому были внесены кардинальные изменения в предыдущий Указ по Чечне (от 08.06.2000 г.):

- Временная Администрация ЧР получила статус постоянной и стала именоваться «Администрация Чеченской Республики» без слова «временная»;
- в Чечне было сформировано собственное правительство;
- финансирование восстановительных работ в ЧР стали осуществлять из федерального, а по мере восстановления экономики и социальной сферы, из собственного бюджета.

В соответствии с данным Указом, Ахмат-Хаджи Кадыров наделялся широкими полномочиями.

Наделение администрации ЧР широкими полномочиями и создание правительства создали предпосылки для решения таких вопросов как разработка Конституции республики и нормативной базы для проведения выборов. Специальный консультативный Совет получил полномочия по разработке основного республиканского Закона [4].

Благодаря совместным действиям органов управления федерального центра и Администрации ЧР в течение 2001 г. была сформирована судебная система. Верховный суд республики расположился в городе Гудермесе. Судьи республиканского и районных судов были назначены сроком на один год, по распоряжению председателя Верховного Суда РФ. На прокурорс-

ких должностях были задействованы граждане из других регионов РФ, которые приезжали как во временную командировку (по «вахтовому методу»). Постоянно в Чечне находится лишь прокурор республики.

Одной из центральных проблем федерального центра в Чечне оставалась проблема модернизации органов управления и широкого использования этнокультурного ресурса в процессе осуществления управленческих функций.

Опыт организации органов управления в постконфликтной Чеченской Республике позволил считать ошибочным такой подход к формированию органов управления, при которых полагалось, что власть можно свести к процессу простого управления, в котором согласование действий и позиций всех элементов достигается механически, без учета их воли и активности сознания. Это привело к пониманию того, что будет логичным подключить к процессу управления в Чечне максимально возможную часть населения Чечни, оговорив с их представителями приемлемые для федеральной и местной властей варианты их выбора. При этом необходимо было учитывать тот факт, что некоторые политики считали, что национальных кадров для управляемого процесса восстановления власти было недостаточно, равно как наблюдавшееся отсутствие перспектив для последовательного строительства социума. В силу национального менталитета, в Чечне нужен был харизматический лидер, способного увлечь за собой подавляющее большинство граждан. Это признавалось многими представителями чеченской элиты. В частности, член Совета потомков Пророка Мухаммада, устазов и шейхов ЧР Н. Чемерзаев заявил следующее: «... У республики нет и не может быть единоличного лидера. Но есть большая группа лидеров с примерно одинаковым влиянием. Занятие каждым из них своей ниши усилило бы их потенциал...» [2].

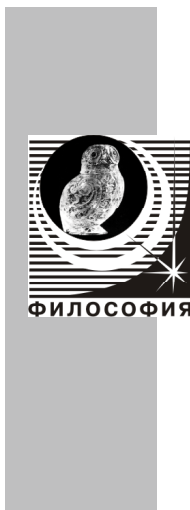
Однако, такой политический подход для Чечни был не совсем эффективным в тот период, учитывая сложную общественно-политическую ситуацию в республике из-за существующей угрозы со стороны боевиков. Чечне нужен был один лидер. И таким харизматическим лидером вскоре стал Ахмат-Хаджи Кадыров, а после его трагической гибели 9 мая 2004 года на грозненском стадионе во время парада, и его сын – Р. А. Кадыров, нынешний Глава ЧР.

При определении путей социально-экономического развития регионов необходим учет национальной специфики, что

означает: во-первых, соединение процессов федерализации с формированием и укрепление общероссийского рынка как совокупности региональных рынков; во-вторых, осуществление разумной политики в области транспортных тарифов, которая должна обеспечивать эффективные коммуникации субъектов Федерации как одно из условий единства России; в-третьих, осуществление дифференцированного подхода к определению форм, методов и темпов проведения реформ, исходя из конкретных условий, исторически сложившейся неоднородности экономического пространства России [6, 87].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Косиков И. Г. Чеченская Республика сегодня // Власть. – 2001. – № 5. – С. 53-60.
2. Максаков И. Как восстановить власть и управление в Чечне. Совет потомков Пророка Мухаммада, устазов и шейхов ЧР предлагает свой вариант выхода из кризиса // Независимая газета. – 2001. – 16 октября.
3. Независимая газета. – 2001. – 31 октября.
4. «О мерах по обеспечению деятельности администрации Чеченской Республики» (Постановление Правительства РФ от 13.6.2000 г.) // Бизнес в России. – 2000. – 15 августа.
5. Российская газета. – 1999. – 7 декабря.
6. Тлюняева С.Р. Этнокультурные особенности регионального управления (на материалах Республики Адыгея): Дис. ... канд. соц. наук. – Майкоп, 2006. – С. 87.
7. <http://referent.mubint.ru/security/1/34706/1?try>
8. <http://www.adminchr.ru/component/content/article/76-2010-05-27-06-16-02/306-prgladmin110700-33k>

УДК 111

ББК 87.1

Философия: аналитическая философия

РАЗНОВИДНОСТИ АНАЛИЗА В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Кандидат философских наук Н. А. Блохина

Автор статьи ставит своей целью представить основные подходы к пониманию сути анализа в аналитической философии XX столетия. Проведённое им исследование позволяет заключить, что, несмотря на разнообразие выявленных аналитических практик, их число будет расти. Самой перспективной линией увеличения разновидностей анализа станет, по всей видимости, их конвергенция.

Ключевые слова

Аналитическая философия XX века, анализ, разновидности анализа

Самым распространённым пониманием анализа является точка зрения, согласно которой анализ расчленяет (теоретически или практически) целое на части с целью лучшего понимания его элементов и структуры для объяснения целого. Поскольку целью анализа является объяснение целого, то его моментом выступает синтез. Однако процедуру анализа можно проводить не только расчленением целого на части. Существуют и другие его способы. Разнообразие таких способов во многом зависит от предмета анализа, теоретических представлений своего времени и концептуальных предпочтений самого исследователя, то есть от выбранной методологии. Сказать, что мы что-то анализируем, требует указания избираемой нами разновидности анализа.

Майкл Бини об анализе и его основных разновидностях

Майкл Бини – автор статьи об анализе в Стэнфордском словаре по философии – усматривает в истории западной философии три основные разновидности анализа: расчленение целого на части (*decomposition*); возвращение к истокам явления (*regression*) и преобразование или интерпретация (*transformation or interpretation*) [6]. Мы считаем, что в данной классификации речь идёт о *технике анализа*.

Философские словари чаще всего говорят о первой разновидности анализа – анализе как *расчленении целого* на части и/или элементы. Такое понимание анализа неразрывно с синтезом и называется декомпозиционным. Вторым видом анали-

за Бини называет *возвращение к истокам*, к возникновению вещи. Если взять философию Аристотеля, то он ставил своей целью поиск первопричин сущего. И такой вид анализа Бини называет регрессивным. А вот в работах Фреге и Рассела мы находим третий вид анализа. Прежде чем расчленить анализируемое высказывание на части, исследователю приходится вначале *преобразовать* это высказывание в правильную логическую форму или же его *интерпретировать*. Хотя такой вид анализа становится доминирующим только в двадцатом столетии, зародился он ещё в геометрии Евклида. В Новое время представители аналитической геометрии преобразовывали геометрические выражения в алгебраические и арифметические выражения, а затем приступали к их решению. Преобразовательный вид анализа был предвосхищён средневековыми схоластами. Именно у них мы находим рассуждения о пропозициях, значении, референтах и т. д., что стало неотъемлемой частью аналитического дискурса в двадцатом столетии. Интерпретационный анализ встречается и в девятнадцатом веке у Иеремии Бентама. Он использовал понятие перефразирования («*paraphrasis*») [6]. Перефразированием Бентам называл «такой сорт экспозиции, который может быть получен путём преобразования пропозиции, у которой в качестве субъекта не имеется ничего другого, кроме фиктивной сущности, в пропозицию, имеющую в качестве субъекта некую реальную сущность» [6]. Идею Бентама, говорит Бини, можно считать предшественницей теории дескрипций Рассела.

Что же касается двух первых видов анализа – декомпозиционного и регрессивного, то они зарождаются в древней Греции, а именно, в философии Сократа, Платона и Аристотеля. Часто именно на эти два вида анализа ссылаются или имеют в виду философы. Так, Иммануил Кант, доказывая связь действия и субстанции, заметил о познавательной способно-

сти анализа следующее: «...при обычном методе исследования (при чисто аналитическом подходе к понятиям) [вопрос] был бы совершенно неразрешим» [3. С. 162]. Кант, как видно, имел в виду декомпозиционный вид анализа, считая его не продуктивным.

В истории философии названные три вида анализа не сменяют друг друга механически, они сосуществуют и постоянно взаимодействуют. Происходит это и в настоящее время в аналитической философии.

Как мы уже отмечали, зарождение аналитической философии было связано с использованием логического (Фреге, Рассел, Витгенштейн) и концептуального (Мур) анализа. Логический анализ шёл рука об руку с бурно развивающейся символической логикой. Сильный толчок логическому анализу был дан Фреге и другими мыслителями, которые стали использовать кванторы. Многообразие символических систем исчисления в новейшей логике позволило отчётливо осознать роль языка в онтологических допущениях, познании, коммуникации. Даммит даже сформулировал «фундаментальную аксиому аналитической философии», а именно, что единственным маршрутом, ведущим к анализу мышления, является тот, который проходит через анализ языка [8. Р. 128]. Родоначальниками логического анализа языка стали Готлоб Фреге и Бертран Рассел. Позже на смену логическому анализу, в поздней философии Людвига Витгенштейна, в работах Джорджа Мура, а также философов Оксфордской школы (Остина, Райла и др.), приходит лингвистический анализ. И логический, и концептуальный, и лингвистический виды анализа в своём взаимодействии пересекались с приёмами декомпозиционного, регрессивного и преобразовательного видов анализа.

Майкл Бини пишет: «То, что характеризует аналитическую философию – или, по меньшей мере, то центральное течение, которое берёт начало в работах Фреге и

Рассела – является признанием того, что раньше было названо преобразовательным или толковательным измерением анализа» [6]. Всякий анализ предполагает наличие определённых положений или даже концептуальной схемы, требующей интерпретации. И то, что явится результатом интерпретации, будет выступать предметом анализа двух других видов анализа – возвращения к истокам или расчленения на части. Преобразование исходных положений и теорий делает их более прозрачными для последующего анализа. Имея в виду, что именно интерпретационный, преобразовательный вид анализа более всего характерен для аналитического движения XX века, авторы «Аналитической философии» в качестве эпиграфа к своей работе взяли следующее высказывание Дж. О. Урмсона. Оно гласит: «Под анализом они (аналитические философы) подразумевают нечто, что, насколько бы точная его дескрипция ни была избрана, означало бы по крайней мере попытку *переписать* [выделено мною. – Н. Б.] те утверждения, которые они находят философски невразумительными, в других и в некотором отношении более подходящих терминах» [1. С. 1].

Появление в логике кванторов и теории кванторов сделали возможным использование более мощных интерпретационных систем, существовавших ранее. Для Фреге и Рассела интерпретационной системой стала логика предикатов. Несомненно, открытое между грамматической и логической формами высказывания, означало, что процедура перевода грамматических высказываний в логические становится философской проблемой. Было осознано, что языковые высказывания могут приводить к заблуждениям, что само оформление наших мыслей языковыми средствами требует дополнительных усилий. Всё это неизбежно вело к актуализации семантических, эпистемологических и метафизических проблем, касающихся взаимодействия языка, логи-

ки, мышления и реальности. Эти проблемы и стали в центре аналитической философии [6].

Питер Хакер и Ганс Слуга о видах анализа

Ганс Слуга, рецензируя книгу Питера Хакера «Место Витгенштейна в аналитической философии двадцатого века» (1996), провёл различие между логическим и концептуальным анализом, редукционистским и конструктивистским разновидностями анализа, которые выделяет Хакер [10. Р. 119-121]. Анализ для Хакера означает процедуру разложения целого на его составные части [9. Р. 3.f]. Философ выявляет несколько видов анализа. Так, классический британский эмпиризм он связывает с «психологическим» видом анализа. Однако истоки самой аналитической философии он возводит к «логической аналитической философии», основателем которой называет Бертранда Рассела, и к концептуальному анализу Джорджа Мура. Кроме того, Питер Хакер находит в логическом атомизме и логическом позитивизме использование «редукционистского» и его зеркального отображения – «конструктивистского» анализа. Наконец, он выделяет «терапевтический» анализ и «соединительный» (*connective*) анализ, истоки которого лежат в «Философских исследованиях» (1953) Витгенштейна. Когда Ганс Слуга характеризует каждый из перечисленных Хакером видов анализа, он замечает, что не все из них можно отнести к декомпозиционному виду анализа (процедуре разложения целого на составные части). И потому, нельзя считать этот вид анализа «скрепой» для различных версий аналитической философии XX века. По мнению, Слуги, и сам Хакер склоняется к мнению, что именно «соединительный» анализ лучше всего проясняет смыслы понятий, делает правила использования слов и выражений ясными и прозрачными [9. Р. 107].

**Максим Лебедев и Наталья Петякшева
об анализе в аналитической философии**

Авторы введения к коллективному учебнику «Аналитическая философия» Максим Лебедев и Наталья Петякшева пишут, что процедуры языкового уточнения и прояснения философских понятий, суждений, проблем, которые Дж.Э. Мур и Б. Рассел называли «логическим анализом», вначале относились к методу исследований, а позднее дали название философскому направлению. При этом понятие «анализ» рассматривается не в специальном, а в общем значении, практически как синоним понятия «рациональное, дискурсивное рассуждение» [1. С. 6].

Авторы выделяют главные типы аналитического мышления, которые различаются в понимании *процедуры анализа*:

- восходящая к Фреге и Расселу логикоморфная тенденция в интерпретации анализа;
- концептуальный анализ Д. Э. Мура;
- подход позднего Витгенштейна;
- лингвистический анализ в духе Остина и Стросона.

Эти подходы имеют немало сторонников и последователей в новейших концепциях аналитической философии.

Так, в деятельности некоторых ведущих аналитиков последних десятилетий – Х. Патнэма, Д. Дэвидсона, М. Даммита, Д. Сёрла и других можно обнаружить элементы каждой из четырех перечисленных разновидностей философского анализа.

Логицистские традиции Фреге и Рассела, связанные с формальным анализом математической логики, находят применение также в сфере естественных языков (Дэвидсон, Хинтиikka, Крипке) и понимаются как семантика модальных логик.

На традициях позднего Витгенштейна базируется анализ концептуальных основ формализации (Райл, Стросон), связанный с лингвистической семантикой, для которой естественный язык интересен с точки зрения его понятийных структур [1.

С. 14-15].

Таким образом, в современной аналитической философии противостояние аналитиков, ориентированных на дескриптивный анализ естественного языка, и тех, кто ориентируется на строгие методы логики, практически исчезло. В сущности, имеется столько же вариантов анализа, сколько существует аналитиков и поэтому речь уже не идет о достижении единственного в своем роде «правильного» логико-лингвистического анализа. Перспектива создания единственного универсального «анализа» устраняется [1. С. 14-15]. Но тогда актуальным становится вопрос о конкретных разновидностях анализа.

**Методики анализа: исторический
и тематический подходы**

Майкл Бини и Валерий Суровцев исследуют не только типы аналитического мышления и общие методологические направления анализа. Они указывают конкретные виды анализа в аналитической философии, но они их интересуют в разных перспективах. Если для Бини интересна историческая перспектива – использование анализа отдельными философами на разных этапах развития аналитической философии XX века [7], то Суровцев выбирает тематическую перспективу. Он задаётся целью классифицировать методы анализа на основе тем, волнующих философов-аналитиков. Первая тема – исследование роли языка в мышлении и коммуникации, в частности, проблем семантики; вторая тема – изучение логики исследования и методологии познания с целью оценки различных техник и условий достижения истинных убеждений и обоснованных утверждений [4. С.78].

Майкл Бини охарактеризовал особенности анализа, присущие работам выдающихся философов-аналитиков – от Готлоба Фреге до Фрэнка Джексона в специальном приложении к статье «Анализ» для Стэнфордского словаря философии

– «Концепции анализа в аналитической философии». Хотя вопрос о том, являлся ли Готлоб Фреге философом-аналитиком, до сих пор дискуссионный, большинство исследователей убеждены в том, что ему принадлежит ряд разработок, ставших визитной карточкой аналитической философии. Так, Фреге предложил функционально-аргументный метод анализа пропозиций, который стал широко использоваться в последующей аналитической философии. Ещё в «Шрифте понятий» (1893) Фреге представил пропозицию «Сократ – смертен» не в субъектно-предикатной форме, где субъект и предикат высказывания связаны логической связкой, а в функционально-аргументной форме – (Fx) . Если функция – «быть смертным», то аргументом в данной пропозиции служит «Сократ». Подставив на место логической переменной аргумент «Сократ», мы получаем выводное содержание: «Сократ – смертен».

Фреге принадлежит заслуга введения в логику кванторов. К использованию кванторов можно было прийти и при применении функционально-аргументного метода. Возьмём две пропозиции:

Водород легче, чем двуокись углерода.

Двуокись углерода тяжелее, чем водород.

В первой пропозиции функцией для аргумента «водород» является выражение «быть легче, чем двуокись углерода». Во второй пропозиции для аргумента «двуокись углерода» функцией будет выражение «быть тяжелее, чем водород». По мысли Фреге, обе пропозиции имеют одно и то же выводное содержание, но это содержание проанализировано альтернативными способами. Однако можно предложить и другой способ анализа. Существуют два аргумента («водород» и «двуокись углерода») и их отношение, что в итоге даёт функцию с двумя аргументами.

Функционально-аргументный метод исследования пропозиций использовался и другими философами-аналитиками,

опиравшимися на достижения современной им логики. В частности, среди этих философов был Майкл Даммит, считавший Фреге основателем аналитической философии.

Фреге и Рассел стояли у истоков одного из двух главных направлений в аналитической философии – философии логического анализа. В ней решающая роль принадлежит формализации высказываний разговорного языка с помощью языка логики. Именно логический анализ позволил Расселу выработать теорию дескрипций, впервые представленную в статье «О денотации» (1905). Фрэнк Рамсей назвал её «парадигмой философии» [Цит. по: 7]. Если Фреге с помощью логического анализа диагностировал ошибку в онтологическом аргументе, то Рассел с помощью теории дескрипций показал, как можно избежать материализации сущностей, являющихся предметами нашей мысли. Фреге, возможно, не совсем осознавал элиминативистские возможности выработанной им стратегии логического анализа, а вот Рассел отчётливо их понимал. Он и Уайтхед в «Principia Mathematica», писали: «По всем вопросам логического анализа наш главный долг принадлежит Фреге» [7].

В «Моём философском развитии» (1959) Рассел признавал, что после отхода от Канта и Гегеля он понял, как только с помощью анализа можно прийти к решению философских проблем. По мнению ряда исследователей, главное место в решении этих проблем философ отдал декомпозиционному виду анализа [7]. Это находит подтверждение в самом названии концепции Рассела – логическом *атомизме*.

Джордж Мур также понимал анализ очень традиционно. В работе «Природа утверждения» (1899) анализ трактуется как разложение сложных концептов, в роли которых у Мура выступают пропозиции, на их составные части. Такая интерпретация анализа легла в основу исследовательской работы, проведённой в

«Principia Ethica» (1903), а также в разработке аргумента, известного нам как «открытый вопрос».

В главе «Предмет этики» Мур рассуждал о том, каким образом можно дать определение добру. При этом его интересовал не номинальный, а реальный способ определения. Ему важно дать не выводное из значения слов определение, а знать природу того объекта, которому даётся определение. Мур сделал вывод, что добро не определяемо, потому понятие добра является простым концептом, не имеющим частей, на которые его можно разложить. Добро не может быть сведено к своим частям.

Сформулируем определение добра в виде суждения: «Добро есть Х». Чтобы суждение было логически корректным, оно должно быть аналитическим. Тогда на место Х мы подставим «добро». Но тогда определение будет выглядеть тривиальным и не информативным, поскольку является тавтологией. Если же вместо Х подставить нечто конкретное (частное), например: «то, что приносит удовольствие» или «то, то нам хочется желать», определение станет информативным. Однако его истинность будет носить проблематичный («открытый») характер. Подставляя вместо Х что-то определённое (G), мы оставляем открытым вопрос, является ли G истинным. Таким образом, любое частное, натуралистическое определение добра будет проблематичным, вытекающим из того, что Мур назвал «натуралистической ошибкой».

Аргумент «натуралистической ошибки» остаётся очень влиятельным уже целое столетие. Но одновременно и противоречивым. Если взглянуть на него несколько обобщённо, мы обнаружим в нём парадокс анализа. Хотя сам парадокс был обнаружен ещё в диалоге Платона «Менон», затем в работах Фреге, термин «парадокс анализа» появился лишь в 1942 году применительно к работам Джорджа Мура [7].

В «Логико-философском трактате» Витгенштейн признавал, что у Фреге он заимствует идею о том, что единственно существующей логикой является логика разговорного языка. Второй унаследованной у Фреге идеей была мысль, что propositions носят в сущности функционально-аргументную форму. Он писал: «Я понимаю предложение – подобно Фреге и Расселу – как функцию выражений, содержащихся в нём» [2. С.41].

У Рассела Витгенштейн взял теорию дескрипций, уяснив для себя идею, что реальную логическую форму предложения необходимо открывать: она не лежит на поверхности. Он писал: «Заслуга Рассела как раз в том, что он сумел показать, что кажущаяся логическая форма предложения не должна быть его действительной формой» [2. С. 44-45].

Но в отличие от Фреге и Рассела Витгенштейн считал неявную логическую форму разговорного языка существующей в единственно возможном виде. Он писал: «Все предложения нашего разговорного языка являются фактически, так, как они есть, логически полностью упорядоченными» [2. С. 80]. Задача состоит в том, чтобы изобразить эту форму с помощью конструирования идеального счисления условными знаками. Вероятно, на этапе создания «Трактата» и приверженности его идеям Витгенштейн в отличие от Фреге считал, что «имеется один и только один полный анализ предложения» [2. С. 39].

Следуя разработанной Фреге логике, Витгенштейн так представлял логическую картину мира, представленную в «Трактате». Предложения являются функциями элементарных предложений, а элементарные предложения являются функциями имён [2. С. 55]. Следуя этой логике, Витгенштейн представлял и природу мира. Мир состоит из объектов, которым в логической картине мира соответствуют имена; объекты в своих связях дают атомарные факты, которым соответствуют элементарные предложения;

атомарные факты составляют уже комплексные факты, представленные предложениями. Таким образом, именно логический анализ позволяет увидеть составные части предложений и тем самым понять природу мира. Вспомним, что писал Витгенштейн в записных книжках «Моя работа распространилась от оснований логики к природе мира» (Тетради 1914 - 1916. 2.8.16).

Ранний Витгенштейн соединил логический анализ с декомпозиционным, что и нашло выражение в сути философской концепции «Трактата» – логическом атомизме. Разочаровавшись в возможности построения непротиворечивой логической картины мира на выдвинутых в «Трактате» условиях, Витгенштейн пришёл к другому пониманию анализа, который получил название «соединительного». В его основу было положено понимание значения как употребления. Значение языкового выражения получило контекстуальную окраску: знак приобретает значение в зависимости от контекста. Некоторые исследователи, в особенности те из них, которые критиковали метафизику «Трактата», посчитали, что с отходом от его идей Витгенштейн отбрасывает и сам анализ. Однако это не совсем так. На место анализа, как перевода выражений разговорного языка на язык логики и разложения сложного на составные элементы, приходит новый вид анализа, который был назван Питером Стросоном и Питером Хакером «соединительным». Сторонники «соединительного» анализа (Стросон, Остин, П. Грайс) исповедовали коммуникативно-интенциональный подход к языку.

Кембриджская школа анализа, проявившая бурную активность в 30-е годы, берёт своё начало в работах Рассела, Витгенштейна и раннего Мура, являвшегося одним из её участников. Помимо него к Кембриджской школе относились Джон Уиздом, Сьюзан Стеббинг, Макс Блэк и Остин Дункан-Джоунс. Последний из перечисленных философов был первым главным редакто-

ром до сих пор остающегося ключевым изданием аналитической философии и в наши дни журнала «Анализ».

В 30-е годы прошлого столетия расселовская теория дескрипций стала парадигмой философии для целого проекта философии анализа. Суть этой парадигмы состояла в перефразировании предложений разговорного языка в их «корректную» логическую форму. Цели были две: избежать проблем, рождённых поверхностной грамматической формой таких предложений, а также выявить их «глубинную структуру». Как это зародилось ещё в метафизике логического атомизма Рассела и раннего Витгенштейна, анализ стал пониматься как процесс установления предельных составных частей предложений (или простейших элементов – «фактов», которые эти предложения репрезентируют).

Именно в Кембриджской школе было выявлено и сформулировано различие ещё двух видов анализа – логического (одноуровневого) и философского, метафизического (двухуровневого). Впервые такое различие провели Сьюзан Стеббинг и Джон Уиздом. Логический анализ переформулирует анализируемое предложение в такую логическую форму, которая позволяет чётко увидеть структуру этого предложения. Этот вид анализа не переводит анализируемое содержание высказывания на новый уровень. Философский или метафизический анализ выявляет метафизические допущения, исходные предпосылки суждений. Этот вид анализа называют ещё редуктивным или новаторским. Метафизический анализ направлен на выявление новой реальности.

Представители Кембриджской школы были приверженцами логического, а не метафизического вида анализа. Джон Блэк критиковал метафизический анализ, в частности, за уход в бесконечность. Для примера он брал предложение: «Все экономисты подвержены ошибкам». Традиционно проведённый анализ этого пред-

ложения приведёт к перечислению имён всех экономистов и тем самым к выявлению фактов. Но это невозможно. Выходом, по Блэку, будет правильно проведённый логический анализ предложения, при котором имена экономистов заменит переменная x . Логическая переменная не требует указания всех аргументов. Следовательно, логический анализ предложения будет логически корректным и не будет вводить за пределы опытного знания.

Если говорить более обобщённо, то все общие предложения сталкиваются с указанным Блэком затруднением. Поэтому предложенный логический анализ и будет выходом из этого затруднения. Представители Кембриджской школы вначале были приверженцами логического анализа, а позже сделали выбор в пользу лингвистического анализа.

Критику метафизического анализа в полной мере поддерживали представители логического позитивизма. Так, Рудольф Карнап склонялся к логическому и лингвистическому анализу предложений разговорного языка. Чтобы обосновать существование только одноуровневого анализа, он использовал понятие квази-анализа. Впервые это понятие Карнап использовал в работе «Логическое построение мира» (1928). Причину появления квази-анализа в исследовательском арсенале философа следует искать в исходных онтологических допущениях его эпистемологии. Карнап признавал фундаментальными элементами опыта не свойства (цвет, форма вещи, и т. д.), а целостные единицы опыта. Применить анализ в его традиционном понимании к таким целостным эмпирическим совокупностям невозможно: они не разложимы на составные части. Но их можно «сконструировать» особым способом, который Карнап называет квази-анализом. Квази-анализ похож на анализ, поскольку выявляет и показывает квази-элементы — отдельные свойства. Особенностью квази-анализа является то, что в конечном счёте воспроизводится целое, а не его отдельные

части, что указывает на то, что квази-анализ носит синтетический характер. А поскольку при этом используется абстрагирование, он носит и искусственный характер.

То, что Карнап в 20-е годы использовал понятие пусть и квази-, но анализа, показывает, что Карнап в это время находился на стороне традиционно понимаемого, а значит декомпозиционного анализа. Но в докладе на конференции 1934 года, опубликованного под названием «Метод логического анализа» Карнап подразумевает под анализом нечто иное. Несколько позже он так пояснял свою идею: «Логический анализ определённого выражения состоит в том, чтобы создать лингвистическую систему и поместить это выражение в эту систему» [7]. Видно, что во взглядах Карнапа произошёл лингвистический поворот. Однако цель анализа остаётся похожей на квази-анализ: выявить структурные отношения, поместив исследуемый объект в абстрактную теоретическую систему.

Позже в работе «Значение и необходимость» (1947) Карнап стал называть анализ экспликацией. Но как считает Бини, суть анализа у Карнапа остаётся прежней — «рациональной реконструкцией» [7]. Примером экспликации может служить понятие температуры как концепта, прояснявшего такое неопределённое понятие, как тепло. Конечно, задача замещения понятий разговорного языка научными терминами всегда останется проблематичной. Но идея помещения концепта или высказывания в более теоретически богатую систему знания для их прояснения является продуктивной. Конечно, она не нова, возникнув ещё в древнегреческой геометрии. Позже эту идею продуктивно использовали в аналитической геометрии XVII века, в логических системах Фреге, Рассела и Карнапа.

Оксфордская лингвистическая философия развивала концепции лингвистического и соединительного анализа. Конечно, лингвистический поворот в аналити-

ческой философии произошёл раньше. По мнению Майкла Даммита, этот поворот появился тогда, когда Фреге в работе «Основания арифметики: логико-математическое исследование понятия числа» (1884) в § 62 дал такой ответ на вопрос, как даны нам числа. Фреге предложил определить смысл того предложения, в котором встречается термин, обозначающий число. Но поскольку Фреге и Рассел были далеки от анализа разговорного языка, Бини связывает лингвистический поворот в аналитической философии только с «Логико-философским трактатом». Но в полной мере лингвистический анализ стали использовать представители Оксфордской школы, среди которых такие видные философы как Гилберт Райл, Джон Остин, Питер Стросон и другие.

Гилберт Райл в довоенных работах и много позже в сборнике статей под его редакцией «Лингвистический поворот» (1967) признавался, что верил в существование «правильной» логической формы выражений языка и что язык систематически вводит нас в заблуждение относительно этой логической формы. Однако после крушения логического атомизма философы-аналитики перенесли внимание на анализ другого. Теперь следовало тщательно исследовать понятия разговорного языка. Райл назвал это «логической географией наших концептов». В «Понятии сознания» (1949) он провозгласил, что само понятие сознания является результатом «категориальной ошибки». Такого феномена как сознание самостоятельно не существует. Появляется понятие «сознание» вследствие того, что вместо физикалистского языка мы используем термины с ментальным содержанием. Устранив менталистскую ошибку, мы поймём, что в мире существуют только физические явления и лингвистическое поведение, а особых ментальных феноменов не существует. И хотя Райл был критичен к себе и не считал, что, только распутав категориальные ошибки, мы отыщем истину, всё же именно концептуаль-

ный анализ языковых выражений стал опознавательной чертой анализа, предложенного философом.

Джон Остин, как и Райл, сделал акцент на исследовании выражений разговорного языка. Его теория речевых актов получила широкое признание, а также развитие в работах других философов, в частности, Джона Сёрла. Как и Райл он считал, что осмысление понятий разговорного языка поможет разрешить традиционные философские проблемы. Но не только. Лингвистический анализ превратился в орудие создания теорий языка.

Питер Стросон стал преемником Гилберта Райла, являвшегося лидером Оксфордской школы лингвистической философии в 50 – 60-е годы. Работы Стросона стали противовесом логическому анализу Фреге, Рассела, Карнапа и внесли значительный вклад в философский анализ обыденного языка. Стросон критически подошёл к теории дескрипций Рассела (*On referring* (1950)). Значительным вкладом в лингвистическую философию стала его работа «Введение в логическую теорию» (1952). И закономерным стало появление у Стросона убеждения, что фундаментальная структура бытия выявляется в ходе описания структур обыденного языка. В «Индивидах» (1959) и «Границах смысла» (1966) Стросон представил концепцию «описательной» («дескриптивной») метафизики. В отличие от «ревизирующей» метафизики, критичной к картине мира, представленной структурами обыденного языка, дескриптивная метафизика строится на доверии здравому смыслу и языку его репрезентации – разговорному языку. Дескриптивная метафизика позволяет, по мнению Стросона, выявить фундаментальные концептуальные схемы. Именно в названных работах у Стросона происходит поворот в сторону соединительного (*connective*) анализа, пришедшего на смену редуктивному анализу. В полной мере работа соединительного анализа была продемонстрирована

Стросоном в сборнике его работ «Анализ и метафизика» (1992). Соединительный анализ позволяет прояснять суть понятий, выстраивая их связь с другими понятиями, циркулирующими в языке. Нельзя элиминировать фундаментальные понятия, редуцируя их к чему-то более простому. Базовые концепты нередуцируемы, но они не являются и «простыми». Бини пишет, что на существование такого рода концептов указывал А. Юинг (A.C.Ewing), когда анализировал понимание добра Джорджем Муром. Юинг писал, что отсутствие возможности дать определение понятию добра не означает, что мы не знаем, что такое добро. Просто добро не сводимо ни к чему более простому [7].

«Соединительный» анализ имеет давнюю традицию. Философия часто занимается прояснением концептов путём сравнения их с другими концептами. В известной мере «соединительный» вид анализа включает сравнительный анализ.

Бини делает предположение, что именно «соединительный» анализ позволил говорить о существовании аналитической философии после того, как пошла на спад школы аналитической философии, использовавшие логический анализ. Логический атомизм, логический эмпиризм были критически проанализированы самими их создателями.

Конец XX и начало XXI веков продемонстрировали пристальный интерес самих философов-аналитиков к пониманию сути и истории развития аналитической философии. И конечно, обсуждался вопрос понимания анализа. В «Значении и истине» (1969) Питер Стросон обозначил противоположность формальной семантики Фреге, раннего Витгенштейна, Н. Хомского и теорий языковой коммуникации, созданных Дж. Остином, Полом Грайсом и поздним Витгенштейном [11. Р. 171-172]. Идеи формальной семантики развивались Д. Дэвидсоном, Я. Хинтикой, С. Крипке и М. Даммитом, а коммуникативные теории языка развивались

П. Стросоном, Дж. Сёрлом. Соответственно, аналитические методы можно поделить на две группы: те, которые используются в формальной семантике, и другие, которые основываются на коммуникативных теориях языка.

Философы-аналитики по-разному оценивают включённость анализа языка в философскую деятельность. Майкл Даммит сформулировал так называемую «фундаментальную аксиому» аналитической философии, согласно которой анализ мышления всегда опосредован анализом языка и без него не существует. Однако не все философы следовали этой аксиоме. Так, Аарон Престон обращает внимание на то, что, по крайней мере, один «канонизированный аналитик» Дж. Мур прямо отверг в 1942 г. «лингвистическую интерпретацию» своей философии [5. С. 137-148].

Не было согласия среди философов-аналитиков и по вопросу о специфике аналитического и синтетического знания. Уиллард Куайн отстаивал идею, что деление аналитических и синтетических суждений слишком условно и в реальном исследовании невыполнимо. Дискуссионность этого вопроса сохраняется. Так, в работе «От метафизики к этике» (1998) Фрэнк Джексон выступил против куайновской интерпретации аналитического. Он выступил защитником концептуального анализа, который призван эксплицировать «теорию здравого смысла». Он нацелен не просто на классификацию интуиций здравого смысла, а на то, чтобы сделать их яснее. Бини полагает, что «концептуальный анализ» в понимании Джексона похож на процедуру перефразирования, и предостерегает, что концептуальный анализ не может быть совсем нейтральным, каким его хочет видеть Джексон. Дело в том, что сами концепты, задействованные в анализе, зависят от логического и метафизического контекста, то есть они уже нагружены смыслами [7].

В конце приложения к статье «Анализ»

Бини писал: «Итак, аналитическая философия является широким и всё ещё разветвляющимся движением, в котором соперничают и тянутся в разных направлениях различные концепции анализа. Упрощающие (*reductive*) и соединительные (*connective*), ревизирующие (*revisionary*) и описательные (*descriptive*), лингвистические и психологические, формальные и опытные элементы, все они сосуществуют в творческом внутреннем противоречии; и именно это творческое внутреннее противоречие является огромным достоинством аналитической традиции» [7].

Классификация аналитических методов, предложенная В. А. Суровцевым, направлена на выяснение того, каким образом и при каких условиях та или иная методика способна обеспечить достижение познавательной цели. Эта классификация лишена указания на онтологические допущения (идеализм или реализм, др.) и методологические предпочтения (эмпиризм и рационализм) анализирующего. Самое важное в ней – технология «успеха». Среди этих методик и авторов их изобретения Суровцев называет следующие:

- метод переноса понятий одной системы знания на другую (попытка Г. Фреге свести математику к логике);
- анализ языкового выражения в рамках контекста его употребления (теория определённых дескрипций Б. Рассела);
- выявление концептуального ядра термина путём сравнения различных контекстов его употребления (концептуальный анализ, введённый Джорджем Муром);
- метод экстраполяции – распространение методов анализа одних типов дискурса на другие типы (анализ сказки с помощью аппарата формальной логики Г. Хартом);
- метод дериваций – отделение базы теории от её производных с последующим варьированием производных (реформа теории типов Ф. Рамсеем);
- метод редукции – сведение одного

уровня знания к другому (например, сведение содержания теоретических терминов к эмпирическим данным логическими эмпириками);

- метод «семантического восхождения», основанный на различении и сравнении автонимного и гетеронимного употребления выражений (различение объектного языка и метаязыка при определении семантических предикатов у Уилларда Куайна);

- метод предела стандартной интерпретации выражения (мысленные эксперименты Нельсона Гудмена с понятием «зелубое» или Хилари Патнэма с термином «вода» на гипотетическом двойнике Земли, когда моделируется ситуация, в которой термин перестаёт выполнять стандартную денотативную функцию в принятых моделях);

- метод фальсифицирующей модели – построение модели, при которой исходные посылки данной теории выполняются, а следствия ведут к противоречию, как например «мозги в бочке» Патнэма и «китайская комната» Сёрла;

- метод определения границ осмысленных выражений и указание границ осмысленности (философские задачи представителей Венского кружка и раннего Витгенштейна);

- метод «языковых игр», который предполагает конструирование гипотетических коммуникативных ситуаций, когда демонстрируется изменение смысла выражений в зависимости от ситуации (философская деятельность позднего Витгенштейна и его последователей) [4. С. 78-79].

Особо следует сказать о взаимоотношении аналитической философии и логики. На начальном этапе развития этой философии ее связи с новой логикой были максимально тесными (это было очевидно у раннего Рассела, считавшего логику «сущностью философии»). Впоследствии – в период господства лингвистической философии – опора аналитиков на формальную

логику была подвергнута критике и потому многие из них сконцентрировали свое внимание на исследовании смыслообразующих и коммуникативных аспектов естественного языка. Однако в настоящее время противостояние аналитиков, ориентированных на дескриптивный анализ естественного языка, и тех, кто ориентируется на строгие методы логики, практически

исчезло [1. С. 15]. Теперь аналитики в большинстве своем применяют либо одну из этих методологий, либо обе в любых пропорциональных сочетаниях. Разнообразие инструментов, применяемых аналитиками, порождает соответствующее различие лингвистических систем: анализ не означает существование какой-то одной фиксированной понятийной дороги.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Блинов А. Л., Ладов В. А., Лебедев М. В., Петякшева Н. И., Суровцев В. А., Черняк А. З., Шрамко Я. В. Аналитическая философия. – М.: РУДН, 2006.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Перевод И. С. Добронравова и Д. Г. Лахути. – М.: Иностранная литература, 1958.
3. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994.
4. Суровцев В. А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. Тезисы пленарных докладов и секционных выступлений всероссийской научной конференции с международным участием (29-31 мая 2012 г., СПб.). – СПб.: Изд-во филос. ф-та СПбГУ, 2012. – С. 74-80.
5. Шохин В. К. Что же всё-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма» // Вопросы философии. – 2013. – № 11. – С. 137-148.
6. Beane M. Analysis // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. (2014 Edition) / Edward N. Zalta (ed.). – URL: [http:// plato.stanford.edu/entries/analysis/](http://plato.stanford.edu/entries/analysis/)
7. Beane M. Supplement to the entry «Analysis»: «Conceptions of Analysis in Analytic Philosophy». § 9. – URL: [http:// plato.stanford.edu/entries/analysis/supplement](http://plato.stanford.edu/entries/analysis/supplement)
8. Dummett M. Origins of Analytical Philosophy. – L.: Duckworth and Cambridge (MA): Harvard University Press, 1992.
9. Hacker P. M. S. Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy. – Oxford: Blackwell, 1996.
10. Sluga H. What has history to do with me? Wittgenstein and analytic philosophy // Inquiry. – 1998. – № 41(1). – P. 119-121.
11. Strawson P. Meaning and truth // Logico-Linguistic papers. – L.: Methuen, 1971. – P. 170-189.

УДК 316.4
ББК 60.546.21
Социология

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Т. М. Башлакова

Статья посвящена вопросам научно-технической политике, совершенствованию социальных институтов взаимодействия науки и бизнеса, а также формированию институциональной среды для управления инновационным развитием.

Ключевые слова

Технологии, инновации, социальные институты, институционализация, научная политика

В современном мире наука и технологии приобретают все большее значение, а интеллектуальные возможности используются не только для поддержания активной научной деятельности, но также обеспечивают социальную, политическую, финансовую и культурную поддержку, необходимую для инновационного развития. Наука превратилась в один из важнейших институтов общества, а ее социально-экономические характеристики, занимают особое место среди других социальных институтов, формы и связи с которыми требуют кропотливого изучения и определения. Институт науки переживает сложные трансформации, связанные с переходом от академически выстроенного процесса познания к социально интегрированной науке, от науки как интеллектуальной деятельности, мотивированной поиском истины (любопытством), к науке как непосредственной производительной силе общества [9, с. 74].

Динамика и степень распространения инноваций во всех сферах жизнедеятельности общества в XXI веке выводят цивилизационное развитие на новый ранее недостижимый уровень. Наука находится в эпицентре такого развития. Развитие, основанное на знаниях – это залог будущего для каждой страны и для всего социума. Именно наука должна стать одной из основных движущих сил по преодолению системного кризиса цивилизации, выживанию человечества, выходу на новый этап развития цивилизации [10, с. 11]. Центральное место в такой ситуации должно занять управление в сфере науки и технологий, а в долгосрочной перспективе стратегическое управление инновационным развитием. Научная политика XXI просто обязана это учесть и выступить в новой роли лидера стратегического управления инновациями, обеспечив качественные преобразования во всех сферах жизнедеятельности «общества развития» и отдельного человека, как его основы.

Современная научная политика должна базироваться на углубленном понимании контекста, структуры и процессов в области науки и техники, оценке реалистичности материального и нематериального возврата от инвестиций в фундаментальные, прикладные и поисковые исследования, прогнозировании возможной прибыли от будущих инвестиций в области исследований и разработок в допустимых пределах погрешности, а также внимании к полному спектру возможных последствий научных открытий. И академическое сообщество, и государство должны заниматься продвижением науки: развитием теоретических и прикладных знаний и превращением их в социальные и экономические результаты; совершенствованием и расширением показателей научной деятельности; сбором статистических данных и аналитических материалов в области науки; развитием профессионального сообщества специалистов в органах государственной власти, промышленности и образовательных и академических организациях, сосредоточенных на научной политике.

Очевидна необходимость опережающего развития отдельных специфических направлений научных исследований и технологических разработок, а также повышения социальной ответственности за их результаты. Более важная в современных условиях функция государства – отслеживание и прогноз траекторий технологического развития, складывающихся во многом под воздействием инерционных или случайных факторов, а также обеспечение легитимных условий взаимодействия национальных и наднациональных факторов инновационной деятельности [4, с. 8].

По мере расширения доли высокотехнологичной продукции в общем объеме товарного производства индустрия науки все в большей степени становится активной частью производительной силы, и ее прикладная роль выдвигается на передний план, реализуясь в качестве инновацион-

ной составляющей экономики. Поэтому, с одной стороны, наука становится полноценным двигателем развития производительных сил, а с другой – экономика выступает в качестве профилирующего стимула и материальной поддержки прогресса науки [7, с. 4]. Такой уровень пересечения науки с реальным сектором экономики потребует масштабных усилий научного сообщества, для того, чтобы наладить взаимодействие и более активно сотрудничать как с бизнесом, так и с государством. Хотя область научной политики всегда включала разработку научной повестки дня, столкнувшись с глобальными проблемами, реализация такой повестки в области исследований и разработок потребует комплексного подхода в современных социальных и экономических условиях, а значит, есть необходимость в новых инструментах и методах научной политики. Переход на инновационную социально ориентированную модель развития общества требует формирования новых и оптимизации уже существующих социальных институтов, а также принципиального совершенствования взаимодействия и построения новых связей между ними. Главным препятствием на пути роста нового технологического уклада является неадекватность институциональной структуры возможностям его развития [2, с. 43]. Институционализация взаимодействия науки и бизнеса должны обеспечить непрерывность инновационного процесса, то есть непрерывность полного инновационного цикла от идеи до коммерциализации. А любой социальный институт с точки зрения структурно-функционального анализа – это, прежде всего, специфическая система отношений и норм, характеризующаяся, в том числе, и опорой на представления об общности цели.

Государственное управление через механизмы стимулирования институты взаимодействия сектора генерации знаний и реального сектора экономики должно обеспечить как развитие фундаменталь-

ной и прикладной исследовательской базы, а также технологического потенциала научных учреждений путем расширения практики вовлечения их в инновационную внедренческую деятельность организаций, так и увеличение инновационной активности бизнеса. Еще в 2011 году Владимир Путин отмечал, что «успешное существование образовательно-инжиниринговых и научных центров в отрыве от производственной базы – это иллюзорная будущность».

Рост партнерских связей между малым бизнесом, крупными фирмами, транснациональными компаниями, а также фирмами любого масштаба с научными организациями все чаще рассматривается в качестве катализатора появления инноваций. Такое сотрудничество, объединяющее различные фирмы и организации и позволяет реализовывать наиболее перспективные масштабные трансдисциплинарные и межотраслевые проекты.

Задача состоит в том, чтобы сбалансировать цели исследований и бизнес-цели. Опыт фирм, уделяющих большое внимание исследованиям и разработкам, в сочетании этих целей показывает, что происходит нивелирование границ между внутренними процессами, что в свою очередь является позитивной тенденцией и оказывает благотворное воздействие на результат. Большинство промышленных компаний, в которых научные исследования и разработки институционализированы, полностью признается, что изобретение и творчество это не рутинная деятельность, и что управление инновациями это сложный динамичный процесс, требующий нестандартных подходов и новых решений. Как правило, такие компании уже являются обладателями конкурентного преимущества в области новых технологий. Кроме того, оно может быть преобразовано в конкурентное превосходство в случае ускоренного развития индивидуальных особенностей, таких как уникальные технологические способности и мар-

кетинговые знания.

Таким образом, современная научная политика не возможна без понимания основ взаимодействия государства, науки и бизнеса, а также между участниками научно-исследовательских и технологических процессов в других областях. Только в 1980-х годах в мире серьезно начали ставить под сомнение линейную модель, которая предполагала, что инновации – это результат прикладных исследований. Признание того, что инновации появляются, если в обществе присутствует эффективное взаимодействие научно-технической базы (с преобладанием кооперации науки и промышленности), технического развития (с доминированием компаний, осуществляющих активную деятельность в сфере исследований и разработок), а также потребностей рынка (с преобладанием инновационного бизнеса) явилось значительным шагом вперед. Объяснение взаимодействия этих составляющих формирует основу моделей инноваций сегодня. Конечно, есть много споров и разногласий по поводу того, какие действия влияют на инновации и, главное, какие внутренние процессы влияют на способность страны к инновациям, тем не менее, существует общее согласие, что именно связи между этими ключевыми компонентами, способствуют успешной инновационной деятельности. Генерирование новой идеи с последующим воплощением ее в конкурентоспособный инновационный продукт зависит от трех основных составляющих: научно-технологической базы, возможностей организации и потребностей рынка.

Однако очевидно, что, есть центробежные силы, разделяющие науку и бизнес, но есть и центростремительные силы, заставляющие их вместе сотрудничать. Весь вопрос в том, как смягчить эффект центробежных сил и повысить прочность центростремительных сил?

Наука и технологии в XXI веке совершенствуются настолько стремительно, что человечество просто не успевает адап-

тироваться к таким переменам. Существующая институциональная среда не отвечает современным глобальным вызовам. Нужны новые гибкие интерактивные социальные институты, способствующие обеспечению инновационного развития. Научно-технологическая политика должна быть системной и многоуровневой, то есть предусматривать как меры, позволяющие обеспечить инновационное развитие страны, так и механизмы социализации человека в инновационном обществе.

В условиях ускоренного роста глобальной экономики, когда мир фактически стоит на пороге новой технологической революции, особую роль должны играть новые знания, компетенции и образовательные технологии и для научного сообщества – это более чем очевидно. Так, в августе – сентябре 2015 года было проведено социологическое исследование с целью определить, какие дополнительные образовательные программы необходимы для научных сотрудников. В опросе приняли участие более 665 человек из всех федеральных округов России. По результатам полученных данных были выявлены и проанализированы предпочтения и пожелания по группам работников научных организаций (от аспирантов до директоров). Наиболее активное участие в опросе принимали «научные сотрудники» (390, средний возраст 32 года), а также в большинстве своем молодые руководители высоких уровней – заместители директоров (46, ср. возраст – 42 года) и директора (17, ср. возраст 42 года).

По итогам социологического исследования были выявлены компетенции с наибольшей разницей между числом желающих их приобрести (развить) и числом имеющих данные компетенции. Это компетенции в сфере коммерциализации научных результатов, стратегического управления и управления инновациями. Так, в частности, руководители проектов, заведующие подразделениями, заместители директора и директора ожидаемо считают,

что умеют руководить проектами и командами, вести образовательную деятельность, однако у них есть необходимость в совершенствовании иностранного языка (руководители проектов и заведующие отделами) и в изучении навыков стратегического управления, научно-технического прогнозирования, финансирования науки и коммерциализации научных достижений.

Самым популярным ответом на ключевой вопрос, какие образовательные программы необходимы для научных сотрудников, стал ответ: «программы по обучению навыкам кооперации науки и производства (бизнеса)». Данный вариант ответа выбрали 54,7 процентов опрошенных (381 человек). Обобщенная категория руководителей считает важным обучение навыкам кооперации науки и производства, взаимодействию с государством, управлению инновационными проектами, руководством научным коллективом. В то время как для большинства научных сотрудников наиболее важны программы по обучению иностранным языкам и кооперации науки и производства, а также программы по обучению взаимодействию с государством и программы научной мобильности.

Приоритеты научных работников в выборе программ повышения квалификации дифференцированы в зависимости от различных федеральных округов. Выявлены следующие тенденции: ученые Центрального Федерального округа, Поволжского Федерального округа и Северо-Кавказского Федерального округа считают наиважнейшим обучаться кооперации с производством. В Южном, Уральском и Сибирском федеральных округах – иностранным языкам (эти два направления на первом месте и в общей выборке), представители Северо-Западного федерального округа считают наиважнейшим умение взаимодействовать с государством, а Дальневосточного федерального округа – руководить научными коллективами, как и малочисленные в выборке представители Крымского федерального округа.

Следующим важным звеном в обеспечении инновационного развития является взаимодействие научных, исследовательских и образовательных организационных структур с субъектами реального сектора экономики. Так в России созданы следующие коммуникационные механизмы такого взаимодействия: (технологические платформы, инновационные территориальные кластеры, особые экономические зоны, прежде всего технико-внедренческие, технопарки, промышленные парки, инжиниринговые центры и др.), а также ведется деятельность по созданию интеграционных структур (консорциумов). Однако следует отметить, что на сегодняшний день реальные результаты функционирования указанных механизмов весьма скромны. «Нужного соответствия модели и практики здесь можно не добиться, даже, если обеспечивающие реформу законы будут содержать все требуемые нормы. В данной модели не хватает важнейшего звена – институционального дизайна, составные элементы которого нельзя свести к совокупности законов, поскольку нет важных составных частей цепочки: взаимосвязанные правила в рамках многоуровневой системы – механизм воплощения этих правил, включая интересы ключевых акторов, – ценности как рефлексия накопленного социального капитала [11, с. 54]. Особое внимание при формировании институциональной среды следует обращать и на устоявшиеся социокультурные традиции. В своей статье «Эффект колее». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез» Александр Аузан говорит о весьма важной роли «неформальных институтов»: «Социокультурные особенности россиян являются причиной определенных возможностей и ограничений. Возможности связаны с креативными индустриями, с опытными производствами, что основывается на таких характеристиках, как нацеленность на самореализацию, высокая

креативность, способность к мобилизационным усилиям и краткосрочным прорывам. Но есть и ограничения, которые блокируют входы в инновационные процессы. Прежде всего, речь идет о комбинации высокой дистанции власти и высоко-го избегания неопределенности».

Несмотря на то, что функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, нанотехнологий, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности согласно законодательству Российской Федерации осуществляет Минобрнауки России, на практике же выработкой стратегии инновационного развития занимается Минэкономразвития России. Развитие инжиниринговой деятельности – компетенция Министерства промышленности и торговли России, а разработка предложений по формированию и реализации государственной научно-технической политики является одной из основных задач Российской академии наук. Программа мер по формированию принципиально новых рынков и созданию условий для глобального технологического лидерства России к 2035 году «Национальная технологическая инициатива» разрабатывается Агентством стратегических инициатив. Очевидно, что институциональную структуру необходимо менять, начиная с самого высшего уровня. На сегодняшний день создание федерального органа государственной власти, осуществляющего долгосрочную и эффективную политику в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности в сложившихся внешнеполитических и экономических условиях было бы весьма своевременно. Государственные решения в области научно-технического развития по-прежнему сильно зависят от наработанной практики и тенденций, которые яв-

ляются устаревшими или неактуальными и не отвечают нынешним политическим и экономическим вызовам. В науке производится не просто знание, которое можно использовать как экономический фактор, но создаются и сохраняются смыслообразующий потенциал общества, социальные приоритеты и ведущие мотивации, меры и способы социализации индивидов, производится и распределяется определенный тип рациональности, система структурообразующих категорий, культурные образцы, принципы идентификации [9, с. 77]. Без глубокого понима-

ния изменений, в рамках которых происходят открытия и инновации, сложно управлять как процессами, так и инвестициями, направленными на реализацию перспективных возможностей. Научная политика XXI – это интерактивная модель, с промежуточными механизмами, которые объединяют две традиционные составляющие научно-технической политики, но уже с новыми институциональными возможностями и эффективное стратегическое управление, целью которой является появление инноваций и их использования на благо цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российская Федерация. Правительство. О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р.

2. Глазьев, С. Ю. О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции / Научный доклад под ред. С. Ю. Глазьева. – М.: РАН. Научный совет по комплексным проблемам Евразийской экономической интеграции, конкурентоспособности и устойчивому развитию, 2013. – 21 с.

3. Глазьев, С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010.

4. Дежина, И. Г. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России / И. Г. Дежина, В. В. Киселева. – М.: ИЭПП, 2008. – 227 с.

5. Дежина, И. Г. Механизмы стимулирования коммерциализации исследований и разработок / И. Г. Дежина, Б. Г. Салтыков. – М.: ИЭПП, 2004. – 152 с.

6. Лебедев, С. А. Философия науки / под ред. С. А. Лебедева: Учебное пособие для вузов. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2007. – 731 с.

7. Шереги, Ф. Э. Перспективы взаимодействия производства и науки. Выпуск первый: Критерии эффективности партнерского сотрудничества производственных компаний, вузов и НИИ / Ф. Э. Шереги, М. Н. Стриханов, В. И. Савинков. – М.: Научное издание, 2012. – 200 с.

8. Аузан, А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Моск. университета. – 2015. – № 1. – С. 3-17.

9. Алексеева, И. Ю., Аршинов, В. И., Чеклецов, В. В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопр. филос. – 2013. – № 3. – С. 12-21.

10. Логунова, Л. Б. Наука в эпоху глобальных технологий // Вестник Московского университета. – 2013. – № 4. – С. 58-80.

11. Ковальчук, М. В., Нарайкин, О. С., Яцишина, Е. Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопр. филос. – 2013. – № 3. – С. 3-11.

12. Купряшин, Л. Г. Институциональное строительство в процессе реформирования государственного управления // Вестник Московского университета. – 2014. – № 4. – С. 54.

13. Bainbridge, W. S. Leadership in science and technology: a reference handbook / edited by William Sims Bainbridge. – USA: SAGE, 2012. – 928 p.

УДК 316.35
ББК 60.522
Социология

РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭКОПОСЕЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

С. О. Гоманова

В статье приводится сравнительный анализ российских и зарубежных экопоселений. Определены основные параметры для сравнения: количество, «возраст» экопоселений, место расположения, классификация, половозрастной состав, открытость, экономическая эффективность, способы оформления земли, основные этапы становления поселения, процедура принятия новых членов и решений, наличие внутренних документов. По каждому параметру выделены общие черты и особенности.

Ключевые слова

Экопоселения, сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта

Сегодня экопоселения широко распространены в США, Дании, Швеции, Финляндии, Франции, Германии, Великобритании, Италии, Испании, Турции, Польше, Португалии, Африке и многих других странах. Каждый год увеличивается количество экопоселений как в мире, так и в России. Экопоселения являются примерами реализации социальных экологических практик с целью изменения образа жизни и решения проблем окружающей среды [1. С. 166-168]. Тенденция увеличения масштабов их распространения требует провести сравнительные анализ российского и международного опыта создания и функционирования экопоселений.

Основными параметрами для сравнения являются: количество поселений, «возраст» экопоселений, место расположения, классификация экопоселений, по-

ловозрастной состав, открытость экопоселений, экономическая эффективность, способы оформления земли, основные этапы становления поселения, процедура принятия новых членов и решений, наличие внутренних документов.

Количество поселений. На сайте Глобальной сети экопоселений зарегистрировано более 800 поселений в более чем 70 странах мира [2], тогда как в России на одном из основных порталов, зарегистрировано более 300 поселений (на разных этапах развития – от инициативной группы до развитого поселения). Необходимо отметить, что приведенная статистика экопоселений является не полной, так как и в России и за рубежом не все поселения регистрируются, а некоторые входят в качестве ассоциативных членов. Россия стала страной, где явление экопоселений получило активное развитие. Так, на ос-

нове анализа сайта «Поселения.ру» было выявлено, что из реально действующих поселений зарегистрировано на нем только 307, а из них: 29 – создали инициативную группу, 48 – на стадии оформления, 82 поселения - строятся, 107 зимуют и 41 развитое экопоселение.

«Возраст экопоселений». Явление экопоселений в России является достаточно молодым, первые поселения такого типа стали появляться буквально 20-25 лет назад, тогда как за рубежом они существуют более 50 лет. Фактически все зарубежные поселения являются членами Глобальной сети экопоселений, так как это не только шанс заявить о себе, но и возможность получить финансовую поддержку в реализации экологических и социальных проектов. Так, основными задачами сети экопоселений являются:

- предоставление информации, инструментов, примеров для расширения сети и включения в нее тех, кто занимается разработкой и демонстрацией устойчивых принципов и практик образа жизни в сообществах по всему миру;
- координация деятельности региональных представительств сети экопоселений по всему миру для перехода к устойчивому образу жизни;
- экопоселения как площадка для международных проектов и инициатив, которые ускоряют переход к устойчивому образу жизни и более устойчивому развитию общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что во всем мире экопоселения уже стали формой продвижения экологического образа жизни. В России данный процесс находится на стадии развития [3].

Месторасположение и классификация. Интересно, что в России экопоселениями называются поселения, которые располагаются преимущественно в сельской местности. Одной из отличительных характеристик зарубежных практик создания экопоселений является их типология, которая включает в себя не только сельские

поселения (что характерно для российской действительности), но и экогорода, пермакультурные места, проекты городского возрождения, образовательные центры [4].

Интересно, что вторая конференция в 2014 году, организованная Российской сетью экопоселений и экоинициатив называлась «Устойчивые сообщества города и деревни: опыт самоорганизации», а это значит, что и в нашей стране появляются новые типы экопоселений, а само понятие становится более широким, чем предполагалось ранее.

Необходимо также отметить, что возрастной состав жителей российских экопоселений является более молодым по сравнению с большинством зарубежных экопоселений. Данное замечание может быть связано с «возрастом» самих поселений в России, а также с возможностью покупки земли, строительства дома и оплаты членских взносов. В РФ стоимость земли варьируется от нескольких тысяч до полумиллиона рублей, в зависимости от способа ее оформления – аренда или приобретение в собственность, а также от многих других факторов, таких как развитость поселения, наличие готовых домов, каких-либо коммуникаций, региона и расположения в нем. В Европе, например, по данным одного из жителей российского поселения (переехавшего из Германии), стоимость земли значительно дороже, и часто минимальная цена составляет примерно полмиллиона рублей. Таким образом, становится ясно, что в России молодежь в принципе может себе позволить переехать жить в экопоселение, тогда как за рубежом для этого необходимо иметь определенные денежные сбережения или быть платежеспособным для получения кредита.

Открытость экопоселений оценивается тем, насколько легко можно посетить его, наличием сайта (наполненность информацией). Экопоселения за рубежом представляют собой более открытый тип

организаций, хотя невозможно говорить о полной открытости для посещения: на многих сайтах отмечена необходимость предварительного ознакомления с информацией, предоставленной на сайте и написания запроса. Такая же система существует и в нашей стране. В некоторых поселениях есть специальные гостевые дни. Закрытость некоторых сообществ объясняется недобросовестностью СМИ и недостатком информации о российских экопоселениях, что, в свою очередь, порождает огромное количество мифов.

Таким образом, наибольшей проблемой является недостаток информации об экопоселениях во внешней среде, а также недоработанность сайтов или их запущенность (нет актуальной информации). Несмотря на это, большинство экопоселений России могут рассматриваться как смешанные организационные структуры, которые готовы активно развиваться сами и развивать других в будущем.

Экономическая эффективность рассматривается как способность обеспечивать себя, проживая в экопоселении, а также возможность получения доходов от работы непосредственно внутри поселения. По мнению М. В. Рыбаковой, «социально-экологические практики поселений изменяют традиционную сельскую среду и создают новые виды экологической деятельности, используя знания, навыки и опыт, принесенный из городской жизни...» [1. С. 172]. В зарубежных экопоселениях часто встречается некоторая специализация деятельности на ряду с остальными занятиями: экотуризм, органические продукты питания, образовательная и научная деятельность и т. д. В России большая часть поселений старается не ограничивать себя тем или иным типом занятий, так как считает разнообразие основой устойчивости поселения. Пока невозможно оценивать экономическую стабильность экопоселений в нашей стране, так как многие из них еще находятся на этапе поиска и строительства.

Тем не менее, вопрос дохода во многих поселениях стоит достаточно остро, не смотря на это, в проведенном исследовании проблем заработка выявлено не было. Возможно, это связано с тем, что поселения существуют достаточно давно и жители решили основные проблемы жизнеустройства.

Многие живут за счет средств от сдачи в аренду своих квартир в городе, некоторые, в силу профессии (программисты, переводчики, юристы, проектировщики) имеют возможность работать удаленно. В самом экопоселении также существуют возможности для получения дохода: экотуризм; сбор лекарственных трав и чаев, семян различных растений; изготовление мыла и кукол ручной работы; продукция животноводства (кроме мяса, так как практически во всех поселениях запрещен убой); проведение семинаров и мастер-классов (строительство, животноводство, опыт жизни в поселении, пчеловодство, органическое земледелие). Иногда в качестве докладчиков приглашаются гости из других поселений России и мира (например, весьма популярны семинары Зеппа Хольцера по пермакультуре); бизнес (гончарные, столярные, строительные работы).

У каждого из исследованных поселений есть раздел на сайте, который посвящен продукции и услугам экопоселения (в данном исследовании принимали участие развитые экопоселения, которые активно занимаются экономическим обеспечением, но не все поселения в нашей стране предоставляют информацию такого рода). Реализация продукции осуществляется на ярмарках, которые организуются инициативными группами в самом поселении и вне его.

Заработка жителей экопоселений хватает на поездки с детьми в город, покупку одежды, посещение музеев, театров, выставок, кинотеатров, оплату дополнительных занятий и др. Важно то, что для жизни семьи с детьми вне городской сре-

ды необходимо гораздо меньше средств. Как отмечают респонденты, для комфортного проживания в поселении им необходимо в среднем около 20 000 рублей в месяц на семью до 5 человек, без учета строительства. Приведенная сумма является примерной, так как затраты могут изменяться в зависимости от: времени года (например, зимой чаще организовываются поездки в город, и к концу зимы в некоторых семьях истощаются запасы продуктов), размера семьи, индивидуальных потребностей отдельной семьи, размера подсобного хозяйства и др.

Таким образом, существует большой спектр возможных занятий для получения дохода внутри экопоселения.

Способы оформления земли различаются во всем мире. В основном преобладают два способа: первый, это оформление земли в частную собственность; второй, оформление на юридическое лицо (некоммерческое партнерство), с последующей сдачей в аренду членам экопоселения. В мире преобладающим является второй тип, так как считается наиболее приемлемым для организации устойчивого поселения. Так, одна из наиболее известных исследовательниц и тренеров по созданию успешных сообществ в мире – Даяна Лиф Кристиан, в своей книге «Творим совместную жизнь: практические инструменты создания экопоселений и идейных сообществ» [5] пишет, что если земля оформлена в частную собственность, то это может отразиться на принятии решений и дальнейшем взаимодействии в рамках поселений, и как следствие, на его устойчивости. Земля, которая находится в общей собственности, является одним из инструментов самоуправления в экопоселении. В российских условиях оформление земли также зависит от решения, принятого инициативной группой на стадии оформления, а также от возможностей региона.

Основные этапы становления экопоселений. В России можно выделить следу-

ющие этапы: 1 – инициативная группа; 2 – оформление поселения; 3 – этап строительства; 4 – зимующее экопоселение; 5 – развитое экопоселение.

В России большая часть вопросов (пути получения дохода, создание образа и цели поселения, устава и т. д.) решается после переезда на землю, в связи с чем возникает множество сложно решаемых конфликтов. В успешных зарубежных практиках можно выделить более подробные этапы становления, которые предполагают решение основных проблем до переезда: 1 – создание инициативной группы; 2 – создание образа и цели поселения (формирование концептуальных документов, уставов и т. д.); 3 – выбор соответствующей юридической структуры (способа оформления поселения, который отвечает цели и образу поселения); 4 – поиск и приобретение земли; 5 – изыскание путей финансирования; 6 – переезд и обустройство; 7 – формирование внутриобщинной экономики и, при необходимости, рефинансирование и выплата первоначальных займов.

Важно отметить, что и за рубежом есть поселения, которые игнорируют перечисленные выше этапы, в связи с чем, сталкиваются с множеством проблем вплоть до расформирования (только 10 % поселений являются успешными, остальные терпят неудачу из-за того, что непоследовательно реализуют свои идеи [5]). Основным, по мнению зарубежных исследователей, является второй этап, на котором происходит формулировка целей, задач, прописываются основные правила взаимодействия и образ поселения. Если он прописан и согласован со всеми членами будущей общины – это позволяет избежать конфликтов, а также принимать в поселение только тех людей, которые согласны с правилами проживания и, тем самым не несут угрозы для устойчивости всего поселения. Таким образом, наличие полноценных первых двух этапов становится важным критерием создания успеш-

ного экопоселения. Многие инициативные группы, создающие собственные поселения в России стали все чаще придерживаться выделенных 7 зарубежных этапов, осознавая их важность для устойчивости.

Процедура принятия новых членов и решений в поселениях различна. Основные вопросы решаются на общих собраниях, которые существуют в каждом поселении, но различаются по структуре, содержанию, способу принятия решения. Можно выделить следующие формы участия: участвуют все желающие; по одному представителю от семьи; инициативная группа. Существуют условия для участия: например, в «Миленках» право голоса на общих собраниях предоставляется после внесения денег за участок, а в «Ковчеге» по прошествии определенного времени с момента вступления в общину.

Например, в поселении «Родное» существует общее собрание, но проводится только 2 раза в год – осенью и весной. На таком собрании выбирается дежурная семья на срок от половины года и больше. Назначение происходит на добровольной основе: «Если человек отказывается и говорит, что не будет связываться, никто его не заставляет <...> кто-то у нас активный, может и два раза подежурить» (Александр и Татьяна, «Родное. Заветное»). В обязанности дежурной семьи входит: сбор денег на нужды поселения, организация субботников, работ по ремонту дорог, написание отчетов. В основном, в поселениях действуют инициативные группы по интересам.

Дети также принимают участие в управлении и принятии тех решений, которые их непосредственно касаются: обустройство школы, домов творчества, кружков и т. п.

Каждый член сообщества по-разному видит способы урегулирования проблемы. На общем собрании (или инициативной группой) жители ищут решение, которое будет удовлетворять всех или практически

ки всех.

Зарубежные экопоселения действуют в принятии решений по принципу консенсуса, хотя, конечно, все зависит от конкретного поселения и того, какая между членами сообщества изначальная договоренность. Чаще всего принятие решений осуществляется также, как и у нас – на общем собрании, но редко в нем участвуют все, и решение считается утвержденным, если за него проголосовало большинство. Принятие решений путем достижения единогласия применяется очень редко (в основном в маленьких общинах), так как данный метод является долгим и не всегда эффективным. Формирование «банков времени» является одним из способов участия в жизни сообщества: учитывается время, посвященное каждым членом сообщества в решении важных дел.

Наличие внутренних документов (уставов, договоров). Данный пункт присутствует в большей части экопоселений за пределами нашей страны, что во многом также является фактором, влияющим на устойчивость поселения. Несмотря на это, многие российские представители считают, что это «лишние бумажки для взрослых людей, осознанно выбравших жизнь в сообществе» (Дмитрий «Староселье»). Большая часть поселений претерпевает структурный конфликт из-за того, что его создатели игнорируют этап создания внутренних документов и правила взаимодействия. Многие давно существующие в России успешные экопоселения либо учились на ошибках зарубежных коллег (общаясь, посещая международные обучающие семинары и конференции), либо прошли через эти этапы, преодолев конфликт, но потеряв некоторых членов сообщества, и пришли к выводу, что «внутренние договоренности не должны быть только на словах, потому что по прошествии времени, каждый помнит все по-своему, и возникают конфликты» (Федор «Ковчег»).

Таким образом, можно сделать вывод,

что большинство экопоселений в России идут по уже известному пути. Существует ряд отличительных черт, которые были рассмотрены в данной статье, но большинство из них – временные, так как феномен экопоселений для нашей страны является еще достаточно новым, в связи с этим, можно предположить, что большая часть этих отличий прекратит суще-

ствовать со временем. Одной из наиболее ярких черт, отличающих российские экопоселения от зарубежных, является частичное возвращение к традиционной русской культуре, что отражается почти на всех аспектах жизни поселения: планировании семьи, праздниках, которые отмечают поселенцы, народных костюмах, ремеслах и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыбакова М. В. Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления: монография. – М.: КДУ, 2012. – 288 с.

2. Global Ecovillage Network. – URL: <http://gen.ecovillage.org/> (дата обращения: 08.04.2015).

3. Гоманова С. О. Возможности трансляции экологического образа жизни экопоселениями России // Российский научный журнал. – 2015. – № 5(48). – С. 73-77.

4. Аналитический обзор экологических поселений России. – ЦИРКОН, 2012 (версия 14-06-12). – С. 14-15, 27-28. – URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/e76/Jekoposelenija_v_Rossii_Analiticheskij_obzor.pdf (дата обращения: 27.02.2013).

5. Christian D. Creating a Life Together Practical Tools to Grow Ecovillages and Intentional Communities. – New Society Publishers. Gabriola Island, Canada, 2003. – 250 p.

Прим.: на 2-ой конференции Российской сети экопоселений и экоинициатив «Устойчивые сообщества города и деревни: опыт самоорганизации», которая прошла в апреле 2014 года в Санкт-Петербурге, было отмечено, что в России существует более 420 экопоселений.

Количество экопоселений (зарегистрированных на портале «Поселения.ру») рассчитано исходя из анализа сайтов на май-июнь 2015 года.

Авторский коллектив: Рыбакова М. В., Гоманова С. О. Исследование проводилось 2013-2014 гг. в экопоселениях «Староселье», «Милёнки», «Ковчег», «Родное. Ладное. Заветное. Солнечное. Мирное. Чудное», «Китеж» Центрального региона России, выборка представляет собой 42 глубинных интервью с жителями экопоселений.

Авторское исследование Гомановой С. О., май 2015 г. Анализ сайтов экопоселений России (320 страниц портала «Поселения.ру» и 137 сайтов).

УДК 316.477
ББК 60.832.21
Социология

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ДЕТЕРМИНАНТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ СОТРУДНИКОВ БИЗНЕС-ПРЕДПРИЯТИЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ НА ПРИМЕРЕ УЧРЕЖДЕНИЯ: ООО «ЛИАН»

С. Ю. Маслова

Исследование карьерного процесса в бизнес-организациях позволяет конкретизировать мои представления о макросоциальной динамике [1]. Изучая индивидуальную карьеру в конкретных организационных, социально-культурных и социально-экономических условиях, исследователь получает возможность рассмотреть процессы вертикальной социальной мобильности в осязаемой форме, выраженной в массово распространенных, типичных траекториях индивидуального роста [2].

Ключевые слова

Организация в современном мире, факторы развития карьеры, модели карьеры, методы исследования карьеры, детерминанты формирования профессиональной карьеры, карьера персонала, успешность в карьерном росте, факторы карьерного успеха, методы сбора эмпирических данных, этапы исследования, комплекс психодиагностических методик, методики влияния социально-экономических факторов, проведение эмпирического исследования, анализ документов предприятия ООО «ЛИАН», возраст, пол, должностная структура кампании

Организации в современном обществе выступают одними из ключевых субъектов экономической деятельности, соответственно, исследование социальных аспектов и механизмов их функционирования позволяет по-новому взглянуть на причины, порождающие проблемы экономического развития, как отдельных компаний, так и общества в целом [3]. В результате изучения теоретической базы были рассмотрены несколько моделей карьеры, включающих факторы ее развития: нормативно-качественная, одномерная позитивистская и множественная позитивистская модели.

В результате, были выделены и структурированы следующие группы факторов развития карьеры, предложенные в данных моделях, которые и легли в основу исследования: социально-демографические; субъективные: врожденные качества и приобретенные навыки и компетенции; мотивационные; факторы окружающей среды: организационные, макроуровня, социетальные.

Организация исследования включала в себя два этапа, на каждом из которых решались различные задачи. На первом этапе – теоретико-поисковом изучалось состояние исследуемой проблемы, анализи-

ровалась социологическая, философская, экономическая, психологическая и литература, диссертационные работы, связанные с проблемной областью исследования. Была определена тема и разработаны основные концептуальные идеи исследования. Выявлены основные противоречия, определены объект и предмет изыскания, его цель, задачи, гипотеза и основные методы исследования. Проведен первичный сбор и анализ эмпирического материала. Основные методы исследования анализ социологической литературы по проблеме исследования, наблюдение, беседа, интервью, анкетирование и обработка исследуемых материалов, констатирующий эксперимент, изучение учебных программ.

На втором этапе – экспериментально-аналитическом – было проведено исследование (в соответствии с определенной темой исследования: «Социально-культурные детерминанты формирования профессиональной карьеры в современной России»). При проведении исследования был использован комплекс психодиагностических методик и исследовательских методов, объединенных замыслом исследования.

Основными методами являлись эксперимент, тестирование, наблюдение, изучение документов, беседа, экспертный опрос, анализ результатов деятельности. Обработка результатов исследования предполагала применение методов математической статистики. При выборе методик исследования мною были учтены классификации факторов, влияющих на становление карьеры, я опиралась на исследования Дж. Гринхауса и его классификацию факторов карьерного успеха.

Основными методами сбора эмпирических данных в ходе исследования являлись. Анализ документов. В рамках пилотного этапа исследования был проведен анализ документов ООО «ЛИАН», регламентирующих вопросы обучения, развития и управления карьерой персонала. Ин-

тервью. По результатам анализа документов, в рамках пилотного этапа исследования, были проведены полуструктурированные интервью с сотрудниками. Для проведения интервью был специально разработан гайд, который включал вопросы, касающиеся факторов, способствовавших карьерному продвижению сотрудников. Анкетный опрос (анкетирование). На основе выявленных в ходе интервью факторов развития карьеры сотрудников была разработана анкета для проведения основного этапа исследования. Вопросы в анкете являются индикаторами выявленных факторов развития карьеры. Структура анкеты представляет собой несколько тематических блоков.

Для определения влияния социально-экономических факторов мною были применены следующие методики: Первой методикой, которой я воспользовалась – «Определение типов мышления и уровня креативности (творческих способностей) Дж. Брунера» – позволяет определить базовый тип мышления и измерить уровень креативности у взрослых. На основе этой методики будет определен ведущий тип мышления сотрудников предприятия и наличие взаимосвязи или ее отсутствия с успешностью в карьерном росте. В исследовании влияния ценностных ориентаций и мотивационной сферы на становление карьеры использовала методику Т. Элерса. Диагностика личностной креативности (Е. Е. Туник) позволяет определить четыре особенности творческой личности. Методика «Смысл жизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева. Тест «Смыслоразнозначные ориентации» (методика СЖО) Д. А. Леонтьева позволяет оценить «источник» смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс) или прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни. Тест СЖО является адаптированной версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Дж. Крамбо и Л. Махолика. Для установления взаимо-

связи мотивационной сферы и уровнем карьерного роста будет использован коэффициент корреляции r -Пирсона.

Методы обработки качественной информации, которые были использованы при анализе результатов пилотного этапа исследования: классификация, анализ наиболее типичных и исключительных случаев. Обработка количественных данных, полученных в ходе анкетного опроса, осуществлена при помощи пакета статистической обработки данных SPSS версии 18.0. Основные этапы исследования. Решение поставленных задач и проверка гипотез предполагают проведение эмпирического исследования, которое осуществлялось в два этапа: пилотный этап (качественное исследование), предполагающий проверку теоретической модели исследования и получение первичных результатов для разработки инструментария основного этапа исследования. Основным этапом (количественное исследование), предполагающий проведение более массового анкетного опроса сотрудников. Опишу последовательно два этапа, в ходе которых выполнялось исследование. Пилотный этап – качественное исследование было направлено на выявление ведущих социально-культурных факторов развития карьеры и уточнение теоретической модели. Качественное (пилотное) исследование было проведено в ООО «ЛИАН».

Во-первых, был проведен анализ документов организации, регламентирующих вопросы обучения, развития и управления карьерой персонала. Данная информация была использована для подготовки и проведения полуструктурированных интервью с сотрудниками. Респондентами при проведении интервью являлись сотрудники, опыт работы которых в целом составляет не менее трех лет, и конкретно в ООО «ЛИАН» – не менее одного года. Данные категории персонала наиболее интересны с точки зрения изучения факторов карьерного развития, так как у них есть достаточный опыт работы в сфере производ-

ства, поэтому, являясь уже экспертами в данной области, они могут определить важные качества и компетенции для развития в данной отрасли. Число опрошенных респондентов составило 10 человек (среди них 8 женщин, 2 мужчин) руководящего состава, что составляет около 30 % всего руководящего состава и 50 сотрудников низшего звена. Так, среди 60 опрошенных сотрудников большинство имеют профильное образование. Состав сотрудников по их должностному срезу охватывает все отделы предприятия. Поэтому для пилотного исследования выборку можно считать репрезентативной. В результате пилотных интервью была уточнена теоретическая модель и получена информация для разработки инструментария основного исследования (анкеты).

Основной этап – количественное исследование. В рамках основного этапа исследования было проведено более масштабное анкетирование сотрудников. Их должностной состав: менеджеры, сотрудники заготовительного и обрабатывающего цеха. Данные категории персонала интересны с точки зрения их опыта работы, пройденному карьерному пути. Поэтому их мнение можно рассматривать как экспертное в области знаний навыков и компетенций, необходимых для работы в рыбной отрасли и развития карьеры в нем. Всего было роздано 60 анкет. Из них валидных анкет – 54. Охарактеризую выборку респондентов основного исследования по следующим параметрам: возраст, пол, должностная структура. Возраст. Средний возраст сотрудников согласно расчетам в программе SPSS STATISTICS составляет 30,3 года. Интерпретируя полученные результаты, можно сказать, что возраст российских сотрудников, которые добились результатов в карьерном развитии в промышленной отрасли, составляет от 23 лет до 40 лет. Так, принадлежность к данной возрастной категории респондентов Д. Е. Супер – 1984, объяснил как соответствующей основной стадии карьерного разви-

тия. В таком возрасте сотрудники уже прошли этапы выбора профессии и соответствующей подготовки и находятся на стадии либо развития уже имеющейся карьеры, либо смены профессии.

Использование результатов именно данной возрастной группы сотрудников поможет более глубоко понять механизмы, которые необходимы для развития карьеры. Пол. Распределение респондентов по гендерному признаку: 72,2 % – женщины (38 человек), 27,8 % – мужчины (16 человек). Данная тенденция объясняется тем, что в населении нашей страны преобладает женский пол, кроме того производство рыбной продукции не является сложным производством, поэтому женщины вполне успешно на нем могут работать. Должностной состав респондентов. Большая часть респондентов (17 – из 54) занимает должности, которые относятся по функциональным обязанностям к административным сотрудникам. В процентном соотношении эта цифра составляет 31 % от всех опрошенных сотрудников.

Под администрацией подразделения я

понимаю менеджеров различных подразделений и заместителей руководителей: заместитель главного инженера в инженерной службе, менеджер отдельных систем, менеджер по обучению. Для того чтобы стало возможным произвести статистический анализ по критерию должностного состава сотрудников данные категории персонала я обобщила в группу административных сотрудников. Следующая категория персонала – это начальники рабочих смен, 8 человек (15 %). Число опрошенных бригадиров, составило 8 человек (15 %). Число заготовщиков продукции в нашем опросе составило 9 человек (16 %). Руководителей высшего звена было опрошено 3 человека (5 %). В опросе также приняли участие: 2 специалиста по обработке продукции (4 %), 4 упаковщика (8 %). Среди руководителей инженерной службы, отдела сбыта в опросе приняли участие по 1 человеку (по 2 %). Таким образом, данная выборка охватывает все основные позиции менеджеров, администраторов и супервайзеров, поэтому выборку можно считать репрезентативной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вишнякова М. Управление карьерой: стратегический план развития карьеры // Управление персоналом. – 2006. – Июнь. – № 11.
2. Иванцевич Дж., Лобанов А. А. Человеческие ресурсы управления. – М., 1993. – 301 с.
3. Зеер Э. Ф. Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2005. – 336 с.
4. Маслов В. И. Стратегическое управление персоналом в XXI веке. – М: Эксмо, 2008. – 216 с.
5. Петрушин В. И. Психология карьеры. – М.: Академический Проект, 2008. – 207 с.
6. Самыгин С. А., Столяренко Л. Д. Менеджмент персонала. – Ростов на Дону: Феникс, 1997. – 208 с.

УДК 316.37
ББК 60.5
Социология

КРЕАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ

А. Д. Матраева

В статье рассматриваются место и роль креативной компетенции в структуре общекультурных компетенций студентов. Обсуждается роль креативной компетенции в различных видах деятельности человека. Автор считает, что креативная компетенция занимает одно из ключевых мест в структуре общекультурных компетенций студентов.

Ключевые слова

Креативная компетенция, общекультурные компетенции, креативность, студенты

На современном этапе развития общества, характеризующемся постоянно возрастающей ролью информации, знаний, техники, образования происходит непрерывный поиск новых путей развития личности, творческой инициативы, человеческого потенциала в целом. Рост международных связей, глобализация, изменение роли отдельного человека в системе экономических и общественных отношений трансформируют требования к уровню подготовки квалифицированного специалиста, в том числе к уровню сформированности его творческих способностей, умению самостоятельно находить принципиально новые и в то же время оптимальные пути решения разнообразных задач, возникающих в процессе профессиональной деятельности.

Процесс модернизации общества, важнейшим фактором развития которого является отдельная личность, обусловил потребность реформ в сфере образования.

Изменение подходов к образованию связано не только с изменением социальной роли информации и знаний, но и с переориентацией общественного прогресса на создание условий для освоения личностью новых способов деятельности и моделей мышления, что предполагает формирование творческого отношения к миру, креативности участников образовательного процесса. Повышение внимания к отдельному человеку связано с ростом значимости человеческого потенциала в развитии общества, с принятием ответственности каждого за важные социальные решения, свою деятельность и ее последствия. Система образования, существовавшая ранее, не могла в достаточной мере обеспечить конкурентоспособность выпускников на рынке труда и породила ситуацию, когда появилось огромное количество специалистов с высшим образованием, и в то же время экономическая сфера стала испытывать нехватку квали-

фицированных практико-ориентированных кадров. Долгое время фундаментальное образование развивалось в рамках триады «знания-умения-навыки». Предполагалось, что сам процесс усвоения знаний обладает развивающим потенциалом, и в рамках обучения формируются необходимые умения и навыки. Однако практика выявила еще один существенный минус такого подхода: общество требует креативных специалистов, но вузы могут предоставить только людей с хорошими знаниями и навыками. Традиционалистско-консервативная (знаниевая) парадигма не предполагала творческого использования приобретенного в процессе образования опыта.

Компетентностный подход, как решение появившейся в сфере образования проблемы, прежде всего, предполагает разработку системы обеспечения качества подготовки будущих профессионалов, отвечающую потребностям рынка труда и современного общества в целом.

Компетентностный подход апеллирует к современной парадигме междисциплинарных науки и образования и ставит своей целью подготовку универсальных специалистов – творчески мыслящих, обладающих эффективной методологией научно-исследовательской и производственной деятельности на границе различных областей знания.

Впервые термин «компетенция» был употреблен Н. Хомским в 1965 году при исследовании теории языка. Заслугой Н. Хомского является различение идеальной модели речи и реальной ситуации, так, ученый проводил фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка) и употреблением (реальным использованием языка). Понимание Н. Хомским термина «компетенция» отличается от сложившегося позднее словоупотребления, однако важнейшим аспектом здесь является само различие между идеальным знанием и реальностью, в которой это знание применяется. По отноше-

нию к образованию существенна разница между теоретическим и практическим обучением – в традиционной модели образования этот вопрос решался через систему практик, которые были направлены на применение полученных в вузе знаний в практической деятельности. Однако в современных условиях этого недостаточно – необходимо, чтобы получаемые знания были связаны с будущей профессией, содержали в себе возможности для развития личностных и профессиональных качеств. Предполагается, что именно это единство содержит в себе понятие «компетенция».

На данный момент представляется возможным выделить несколько точек зрения на определение понятия «компетенция» [1]:

- компетенция как ожидаемый результат обучения или способность реализовывать на практике свои знания и умения (Виландеберк А. А., Шубина Н. Л.);
- компетенция как способность человека использовать усвоенные знания, учебные умения и навыки, а также способы деятельности в жизни для решения практических и теоретических задач (Денищева Л. О., Глазков Ю. А., Краснянская К. А.);
- компетенция как совокупность специальных и общепредметных знаний, умений, навыков, способов деятельности и ценностных ориентаций, сформированных у человека в результате изучения им предметной образовательной области (Черепанова Л. В.);
- компетенция как совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности человека по отношению к ним (Хуторской А. В.).

Современное понимание компетенции связано с всесторонним развитием личности, которое не сводится к узкопрофесси-

ональным компетенциям, но предполагает получение необходимых «общекультурных» навыков, которые традиционной моделью образования предполагались, но не имели закреплённого, формализованного характера. Таким образом, получив свое интенсивное развитие в середине прошлого века, понятие компетенции до сих пор является спорным вопросом для российских и зарубежных ученых.

В связи со сложностью оценки результатов образования и выработки их универсальных критериев для всех стран в Европе в 2001 году был запущен проект TUNING («Tuning Educational Structures»), целью которого стало установление сопоставимых образовательных стандартов с сохранением культурного многообразия, которое не должно исчезнуть в связи с ростом образовательной мобильности. Ключевые ориентиры для образовательных программ выражаются в виде общих и профессиональных компетенций выпускников. В России данный проект проходил с 2006 года под названием ТЕМПУС «Создание сети центров Tuning в Российских университетах». Проект TUNING не предполагает разработку унифицированных учебных планов, поскольку многообразие высшего образования является исключительным достоянием системы высшего образования Европы. Как справедливо отмечают эксперты проекта, в национальных системах высшего образования выработано множество стратегий положительного и эффективного развития.

Одной из таких стратегий и приоритетных позиций российского образования является его ориентация на общекультурную составляющую. Закон «Об Образовании» направлен на «обеспечение адекватного мировому уровню общей и профессиональной культуры общества; интеграции личности в национальную и мировую культуру». Во ФГОС ВПО компетенции подразделяются на общекультурные и профессиональные. Необходимо отметить тот факт, что общекультур-

ные компетенции принципиально не различаются между гуманитарными и техническими специальностями, поскольку главная цель образования – трактуемое в широком смысле обучение навыкам социальной и культурной жизни, которые являются основой для профессиональных знаний и навыков. К общекультурным относятся компетенции, которые связаны с социальной и культурной жизнью в целом, не имея прямой связи с профессиональной деятельностью. Имеются в виду вопросы, по отношению к которым человек должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности, это – особенности национальной и мировой культуры, духовно-нравственные основы жизни человечества, отдельных народов, основы семейных, социальных отношений, общественных явлений и традиций, роль науки и религии в жизни человека, компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере. Общекультурные компетенции определяют активную жизнедеятельность человека, его способность ориентироваться в различных сферах социальной и профессиональной жизни, гармонизируют внутренний мир и отношения с социумом.

В рамках общекультурных компетенций особого внимания заслуживает креативная компетенция, ее значимость повышается в связи с переходом от традиционной к личностно-ориентированной парадигме образования, когда обществу нужны активные, компетентные специалисты, способные самостоятельно принимать решения и готовые взять на себя ответственность за их осуществление, умеющие ставить цели и конструировать пути их достижения.

На данный момент креативность рассматривается широко и существует множество определений данного понятия. К наиболее распространенным можно отнести такие представления креативности, как:

- продуцирование принципиально но-

вых идей;

- способность применять разнообразные новые стратегии при решении проблем;

- способность не следовать стереотипам, «оставаться открытым» для разнообразной поступающей информации при поиске путей решения проблем;

- готовность работать в необычном контексте, склонность к символическому, ассоциативному мышлению.

Как отмечает М. И. Данилова, «креативностью называется способность человека к нестандартному, оригинальному мышлению и поведению. При этом необходимо отметить созидательный, конструктивный характер такого мышления и поведения» [2].

По мнению Р. Флориды, креативность включает в себя не только интеллект человека или его творческие способности. Креативность обязательно включает в себя способность к синтезу, результатом которого может быть что угодно – изобретение устройства, разработка теории, понимание проблемы, ведущее к ее решению, или создание произведения искусства [3]. Следовательно, обязательными компонентами креативности являются, с одной стороны, новизна, а с другой – эффективность в поиске решений существующих проблем. Тракуемая таким образом креативность может быть обнаружена в различных сферах человеческого опыта.

Креативность является одним из главных факторов развития высокотехнологичных, наукоемких отраслей производства, новых технологий и индустрий. В эпоху постиндустриального общества креативность является фактором конкурентного преимущества и становится источником социально-экономического развития общества. Таким образом, креативность проявляется в способности продуцирования, на основе полученных знаний и накопленного опыта, новых идей и способов, оптимизирующих рабочий процесс

или помогающих в создании принципиально нового продукта.

Впервые термином «креативная компетенция» американский ученый Д. Ч. Пирс, изучавший вопросы воспитания, назвал творческое освоение окружающего мира [4].

А. В. Хуторской выделяет способность, которая позволяет личности действовать результативно и творчески, актуализируя и мобилизуя знания в ситуации неопределенности для решения задач – креативную компетенцию [5].

Рассматривая задачи современного образования, Р. Эпштейн говорит о понятии «креативная компетенция» как о готовности адаптивно применять полученные знания, дополнять систему знаний самостоятельно, стремиться к самосовершенствованию [6].

М. Зауер и Д. Эрпенбек определяют структуру креативной компетенции, представляя ее как соотношение следующих элементов [7]:

- методический – абстрактное мышление, риторика, способность к анализу;

- процессуальный – методы и принципы, которые охватывают не только производство идей, но и весь ход развития решения проблемы;

- личностный – креативность, общительность, мотивация;

- панорамный – условия формирования компетенции и взаимодействие всех участников этого процесса.

На основании имеющихся научных исследований, можно утверждать, что креативная компетенция способствует повышению результативности и эффективности деятельности. В первую очередь, это объясняется тем, что человек заинтересован не только в качественном выполнении своей работы, но и в поиске новых путей и оригинальных стратегий решения проблемы; он способен быстро принимать нестандартные решения в любой ситуации и подходить к выполнению задач с большей энергией и

энтузиазмом. Следует особенно отметить, что креативность влияет не только на деятельность человека, но и на развитие личностного потенциала, является средством самореализации и самосовершенствования личности.

В социокультурном взаимодействии креативность выступает как необходимая составляющая. Чем выше уровень сформированности креативной компетенции у личности, тем эффективнее и результативнее будет деятельность человека. Данные аспекты актуализируют потребность в совершенствовании профессиональной подготовки будущих специалистов, а особенно ее креативной составляющей, что усиливается в условиях модернизации образования в рамках компетентностного подхода. Каким же образом происходит формирование креативной компетенции в рамках получения высшего образования? Для ответа на этот вопрос приведем результаты недавнего исследования.

С целью определения роли и места креативной компетенции в структуре общекультурных компетенций студентов, в январе-марте 2014 года было проведено пилотажное исследование (опрошено 300 студентов третьего и четвертого курсов) [8]. В опросе участвовали студенты естественно-научных факультетов РХТУ им. Д. И. Менделеева, МГУ им. М. В. Ломоносова, Московского Физико-технического института (технического университета).

Анализируя результаты исследования, необходимо отметить, что подавляющее большинство студентов (91,7 %) полагают, что в независимости от получаемой специальности, необходимо развивать креативную компетенцию, поскольку она является неотъемлемым компонентом личностного и профессионального развития человека. Затрагивая тему роли креативной компетенции, можно говорить о том, что, по мнению студентов, формирование креативной компетенции способствует успешной социализации

личности, формированию мотивации к самосовершенствованию, обеспечивает эффективность и результативность деятельности. В то же время студенты считают, что данная компетенция не является самой востребованной. В большей степени студентов волнует недостаток практических и теоретических знаний по специальности, компетенций организационного взаимодействия. С одной стороны, полученные результаты можно объяснить спецификой вузов и факультетов, на которых обучаются студенты, с другой стороны, нельзя забывать о том, что университет должен ориентировать студентов на всестороннюю подготовку к профессиональной деятельности.

Говоря о том, каким образом возможно формирование креативной компетенции в рамках обучения в ВУЗе, студенты (7,8 % опрошенных) ответили, что это гуманитарные дисциплины, преподавательский коллектив (5,1 %), участие в студенческих организациях (1,7 %). Катастрофически малое количество студентов полагают, что обучение в ВУЗе качественно влияет на формирование креативной компетенции. Такие показатели могут быть объяснены преобладанием технических дисциплин над гуманитарными в силу специфики рассматриваемых ВУЗов. Рассмотренный аспект также коррелируется с тем, что большинство студентов полагают, что необходимо увеличить объем гуманитарных дисциплин, преподаваемых в процессе обучения. Недооценка роли ВУЗа в формировании креативной компетенции заслуживает пристального внимания, так как данная ситуация ставит под вопрос получение качественного образования и появления всесторонне развитых профессионалов в различных областях [9].

Высшее образование представляет собой этап в подготовке профессионалов, которые должны быть способны к производству инноваций во время модернизации общества, именно поэтому на уровне

высшего образования представляется целесообразным сделать особый акцент на формировании креативной компетенции. В процессе обучения в ВУЗе студенты специализируются в определенном виде деятельности, приобретают специальные профессиональные компетенции и опыт по практическому применению этих знаний (на практике, стажировке), и на основе «общей» креативности развивается «специализированная» (профессиональ-

ная) креативность: способность к творчеству в определенной сфере человеческой деятельности. Креативная компетенция становится интегральной характеристикой личности, позволяет развивать нестандартное мышление, творчески подходить к решению профессиональных задач, что отвечает современным подходам к развитию образования и формированию новых представлений о компетенциях будущего специалиста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смородинова М. В. Многообразие подходов к определению понятий «компетентность» и «компетенция» // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – С. 16-18.
2. Данилова М. И. Образование в глобальном мире // Общество и право. – 2012. – № 4(41). – С. 287-291.
3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2005. – 421 с.
4. Rosemond John. New Parent Power. – Kassel, 2001.
5. Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Хуторского. – М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. – 327 с.
6. Epstein R. Generativity theory and creativity // Runco M. A. & Albert R. S. (Eds.). Theories of creativity. – Rev. ed. – Cresskill, NJ: Hampton Press, 2005.
7. Erpenbeck J., Sauer M. Das Forschungs-und Entwicklungsprogramm «Lernkultur Kompetenzentwicklung» // Arbeitsgemeinschaft Qualifikations-Entwicklungs-Management (Hrsg.): Kompetenzentwicklung 2000: Lernen im Wandel - Wandel durch Lernen. – Münster, 2000.
8. Зернова Л. П., Рыбакова М. В., Матраева А. Д. Гуманитарные дисциплины как средство формирования общекультурных компетенций студентов // Актуальные вопросы общественных наук: Социология, Политология, Философия, История / Сб. ст. по материалам XXXVII междунар. науч.-практ. конф. – № 5(37). – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014.
9. Матраева А. Д. Аспекты формирования креативной компетенции у студентов // Российский научный журнал. – 2015. – № 5(48). – С. 63-67.

УДК 316.33
ББК 60.56
Социология

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ОБРАЗОВАНИЯ

Доктор социологических наук М. В. Рыбакова

В статье рассматриваются основные проблемы, существующие сегодня в сфере образования. Одним из аспектов проявления кризиса является функциональная неграмотность подрастающего поколения. Показаны возможности и значение модернизации образовательного процесса.

Ключевые слова

Кризис образования, функциональная неграмотность, модернизация образования

Еще в конце XIX в – в начале XX гг. американский социолог Л. Ф. Уорд, автор концепции «жизненных сил», пришел к выводу, что главными в трансформации общества становятся интеллектуальные силы, лежащие в основе стремления людей приобретать знания, следовательно, образование является инструментом социального прогресса.

С позиции теории социальной стратификации П. Сорокин рассматривал систему образования, как социальный институт, считая его фактором культурной динамики. Он выявил его роль в формировании культурных ценностей, типических черт личности, нравственного компонента и воспроизводства интеллектуальной элиты. С развитием в обществе социальной стратификации к системе образования перешли функции, которые раньше выполняли семья, церковь, армия как каналы вертикальной мобильности.

Учитывая современные глобальные процессы и взаимную заинтересован-

ность формирования дружеских отношений России и Китая. Интересной представляется китайская образовательная система, в которой П. Сорокин выделил три важнейшие функции: определение способностей человека и выявление среди них социально и морально значимых; отстранение от образования тех людей у кого нет ожидаемых интеллектуальных и моральных качеств; закрытие неспособным учащимся путей социального продвижения и обеспечение такого продвижения для одаренных.

В системе образования П. Сорокин выделял «тестирующий, селекционирующий и распределяющий механизмы» [1. С. 409]. Любая система образования объективна и является фактором «аристократизации» и стратификации общества, а «не выравнивания» и демократизация [1. С. 409]. Образование всегда взаимосвязано с культурными изменениями, происходящими в обществе.

В середине XX века ускоренное разви-

тие науки и техники привело к изменению условий жизни общества, к усложнению социальной, производственной, информационной среде и к переходу его на новый этап развития.

Система образования, как один из наиболее консервативных институтов общества не успевала за обновлением знаний, потребностей развития производства, ликвидацией разрыва между различными ступенями образования и в целом не могла адекватно отвечать на вызовы ускоряющегося развития общества. Противоречия между содержанием, целями и средствами обучения усугублялись разрывом единого процесса образования, воспитания и социализации.

В этот период в мире возникла идея «кризиса образования», наиболее полный анализ его был представлен в монографии Ф. Г. Кумбса «Кризис образования в современном мире: системный анализ» [2]. На несоответствие содержания образования и требованиям времени обратил внимание в своем докладе «Пока еще не слишком поздно» Д. Гленн [3]. В нем он высказал обеспокоенность, снижающемся уровнем образованности американцев в области математики и естественных наук, подчеркивая, что знания в этой области необходимы для решения «повседневных потребностей и неразрывно связаны с интересами национальной безопасности».

В современной России кризис образования также воспринимается на уровне национальной безопасности, так как состояние образовательной системы неизбежно отражается на состоянии всего общества, обуславливает экономическую, политическую, технологическую безопасность [4].

Концептуальный демонтаж социального общества, свертывание производственной сферы, снижение потребности в большом количестве высококвалифицированных производственных и научных кадров, а также уменьшение финансирования яви-

лись причинами кризиса российского образования на постсоветском пространстве.

Снижение финансирования системы образования осуществляется уже длительный период. В СССР доля расходов на образование к концу 20-х гг. (начало индустриализации) составляла 12,5 % государственного бюджета, в период 1965-1980 гг. (разгар холодной войны) она увеличилась до 15 – 17 %, а в 1993 г. упала до 4,4 %. Суммарные инвестиции в образование в Советском Союзе оцениваются примерно в 7 % ВВП, в постсоветской России – 2,9-3,4 %. С учетом падения самого ВВП, инвестиции в образование уменьшились, по меньшей мере, в 8 раз [5]. На современном этапе в развитых странах на финансирование высшего образования выделяют 5,5-6 %, в странах, вовлеченных в процесс модернизации – 7 % и более.

Снижение финансирования системы образования приводит к тому, что Россия теряет лидирующие позиции в областях науки и техники. Проблематичной является постановка вопроса о внедрении инновационных технологий, когда речь идет о снижении уровня математической грамотности и грамотности в области чтения. Исследование населения в возрасте от 16 до 65 лет позволили высчитать индикатор грамотности по среднему баллу 500-балльной шкале.

Индикатор «Грамотность в области чтения», показывает способность взрослого человека понимать, оценивать и использовать письменные тексты для участия в социальной жизни, реализации различных задач, получения знаний и развития собственного потенциала. Индикатор «Математическая грамотность» выявляет способность взрослого человека оценивать, использовать, интерпретировать и передавать математическую информацию для решения широкого круга жизненных задач и ситуаций [6].

Основные результаты международно-

го исследования компетенций взрослых (PIAAC 2009-2013) показали, что по обоим показателям Россия находится пока еще на 3 месте: грамотность в области чтения (Япония – 299; Швеция – 279; Россия – 275 баллов и США – 253); математическая грамотность: (Япония – 288; Германия – 272; Россия – 270; США – 253) [7].

Одним из проявлений кризиса в образовании является функциональная неграмотность. По определению ЮНЕСКО, функционально неграмотными (или вторично неграмотными) считаются люди, утратившие навыки чтения.

«Функциональная грамотность предполагает владение не только техникой письма, но и письменной речью... Письменная речь требует не только максимальной степени владения языком, но и способности воспроизводить собственные мысли на письме. Если в устной речи многое можно понять из контекста общения, то письменная речь требует определенной логики изложения, учета стилистических и грамматических особенностей языка и много другого. Умение читать – это не умение складывать букву к букве, а умение понимать прочитанное» [8].

В постоянно меняющемся мире функциональная неграмотность – явление социально неоднородное. Формы этого явления можно выделить по условиям развития, источникам возникновения и носителям. В стабильном развитом технологическом и информационном обществе функциональная неграмотность предстает показателем деградации профессионально-квалификационной структуры общества, поддается социальной диагностике и управлению. В свою очередь, в нестабильном обществе она носит противоположный характер. Функциональная неграмотность проявляется, прежде всего «в неумении использовать меняющиеся ситуации и управлять жизненными обстоятельствами, создавать свой новый социальный опыт. Функциональная неграмот-

ность в нестабильном обществе выступает показателем развитости социального субъекта во всех его проявлениях, не замыкаясь на сфере труда» [9].

Кризис в образовании и в частности высшей школы определяется целями, способами и содержанием знаний, отношением к реализации воспитательных функций в университетах и институтах. Приспосабливаясь к рыночным институтам, перед высшей школой стоит задача изменения формата процесса образования. Узконаправленность обучения представляет реальную угрозу деятельности образовательных учреждений. Исследования, посвященные изучению роли гуманитарных дисциплин в формировании общекультурных компетенций и личностной зрелости выявили тенденцию к дегуманизации высшего образования [10, 11].

Сегодня можно говорить о том, что высшая школа России в качестве главной цели своей деятельности уже выбрала извлечение наибольшей прибыли, что является одним из факторов запущенного процесса деградации. В научных публикациях и социологических исследованиях, посвященных анализу проблем кризиса образования в России, также фиксируются: падение престижа и ценности образования, недостаточное его финансирование, нехватка педагогических кадров в школах, широкое распространение платных услуг, большое количество нормативно-правовых актов, регулирующих управление деятельностью в системе образования, прекращение переоснащения учебных заведений и строительство объектов сфере образования.

Требования, предъявляемые обществом к современной системе образования должны соответствовать условиям развития инновационной экономики.

Необходима качественно новая реформа образования, направленная на:

– достижение качественного образования для всех, расширение доступности,

массовости образования, создание эффективной системы непрерывного образования в течение всей активной жизни человека;

– повышение новаторской, творческой роли образования в социально-экономическом развитии, ориентацию образования не только на усвоение учащимися определенной суммы знаний, но и на развитие созидательных способностей и качеств личности, включая умение и стремление учиться, умение и стремление действовать, умение и стремление исследовать и созидать;

– встраивание образовательных учреждений в информационные сети, усиление их взаимосвязи с общероссийскими и

местными рынками труда, с работодателями и деловыми кругами, с предприятиями и организациями различных форм собственности.

Новая стратегия модернизации системы образования должна учитывать долгосрочные тенденции демографических и миграционных процессов, приоритеты отраслевого и территориального развития, а также должна быть сопоставима с геополитическими интересами России.

Модернизация образования должна вытекать из приоритета образования в социальной и экономической политике государства и осуществляться в интересах роста человеческого капитала и в конечном счете безопасности России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сорокин П. А. Социальная культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 409.

2. Кумбс Ф. Г. Кризис образования в современном мире (системный анализ). – М.: 1970.

3. Документ находится на веб-сайте Министерства образования США [Электронный ресурс]. – <http://www.ed.gov/americaaccounts/glenn/> (дата обращения 15.08.2015).

4. Ерёмин В. В., Борщёва Н. Л. Особенности процесса коммерциализации высшего образования в России // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPUBulletin). – 2005. – Вып. 5(49). – С. 92-95.

5. Смолин О. И. Долгосрочные ориентиры российского образования // Высшее образование для XXI века. Научная конференция 22 - 24 апреля 2004 г. Пленарные заседания. – М.: Изд-во МосГУ, 2004.

6. Образование в цифрах: 2014: краткий статистический сборник. – М.: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2014. – 80 с. [Электронный ресурс]. – <http://www.hse.ru/data/2015/03/> (дата обращения 19.08.2015).

7. OECD Skills Outlook 2013. [Электронный ресурс]. – http://www.oecd-ilibrary.org/education/oecd-skills-outlook-2013_9789264204256-en (дата обращения 19.08.2015).

8. Китайская грамота родного языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.september.ru/gazeta/1999/56/3-1.htm> (дата обращения 20.08.2015).

9. Григорьев С. И., Матвеева Н. А. Неклассическая социология образования начала XXI века. – Барнаул: изд-во АРНИЦ СО РАО, 2000. – С. 132-134.

10. Рыбакова М. В., Зернова Л. П. Студенческая молодежь: роль общекультурных компетенций в преодолении социального инфантилизма // Российский научный журнал. – 2015. – № 4(47). – С. 125-132.

11. Рыбакова М. В., Зернова Л. П. Социально-культурные компетенции как факторы личностной зрелости специалиста // Российский научный журнал. – 2014. – № 4(42). – С. 62-67.

УДК 316.37
ББК 60.546.21
Социология

ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ГОРОДА

И. И. Чернышев

Статья посвящена проблеме понимания города, как социального пространства, где процессы взаимодействия социальных институтов могут быть наглядно отражены методом метафоризации. Это помогает точнее и глубже понять, что такое город и объясняет необходимость применения метода социального управления городом.

Ключевые слова

Урбанистика, город, метафора, метафоризация, город-организм

Город – населенный пункт, жители которого заняты, как правило, вне сельского хозяйства. Отнесение населенного пункта к категории город оформляется в законодательном порядке; при этом критерий численности населения города различается [1]. Первые упоминания о городе относятся к 4-3-му тыс. до н. э.; наиболее известны древние торговые, ремесленные центры: в Месопотамии – Ур, Вавилон; в Египте – Мемфис, Фивы; в Индии – Мохенджо-Даро, Хараппа; в Греции – Спарта, Афины. Город, существовавший тысячи лет, создавали и осмысливали, всегда осмысливали и переделывали заново. Великий врач Гиппократ собрал вместе опыт функционирования греческих городов-полисов обозначив гигиенические правила ориентации улиц. Гипподаму приписывается изобретение регулярной сетки городских улиц, без изменений дошедшей до нашего времени – достаточно напомнить, что нью-йоркский

Манхэттен в полноте сохранил гипподамову схему. Платон пытался описать идеальную модель города, отталкиваясь от общефилософских суждений о природе взаимодействия между людьми, тогда как Аристотель обобщил опыт конституций десятков полисов и обсуждал оптимальную численность свободных горожан.

После долгого исторического интервала, который принято именовать Средними веками, герои итальянского Возрождения заново прочли античные тексты и много размышляли о создании идеального города, отнюдь не ограничиваясь при этом вопросами планировки и застройки. Так, у Филарете (Антонио Аверлино) тщательно описываются не только система улиц и каналов, не только нормы жилых помещений для представителей разных сословий, не только правила организации торговли, но даже расписание занятий и меню для учеников лицея и рисунок шевронов на рукаве камзола лицеиста. Лите-

ратура и живопись существенно опережали практику – люди, которые все еще жили в средневековых домах и ходили одетыми по бургундской моде, читали трактаты и смотрели на фрески с изображениями бесконечных колоннад и купольных зданий, каких еще не существовало. Это следует запомнить: история урбанистики и урбанизации доказывает, что от рождения идей до их реализации в ткани городов проходят десятилетия, иной раз многие десятки лет.

К концу XVIII в. здесь в целом был завершен многовековой процесс саморегулируемого развития городов, бывших в первую очередь корпорациями гильдий и цехов. Они формировали городское управление, издавали законы, регулировавшие правила застройки и правила поведения вплоть до ограничений на ношение той или иной одежды и украшений разными сословиями горожан.

Укрепление централизованных государств и бурное разрастание крупнейших городов, прежде всего столиц, породили проблемы, масштаб которых превосходил собственные ресурсы городов. Это привело к активному вмешательству государственной машины в городскую жизнь. Нельзя сказать, что урбанистика той эпохи была в состоянии видеть и понимать существо метаморфоз городской жизни в полном объеме. Адепты градоведения были поглощены сравнительным описанием множества городов, тем более что гравюра – единственное тогдашнее средство тиражирования изображений – была делом долгим и дорогим. Однако множество мыслителей, начиная с Вольтера и Гете, и немалое число экспертов, шаг за шагом публиковали тексты, посвященные всем основным проблемам, связанным со скоплением сотен тысяч людей на ограниченной территории. В наши дни город понимается не как статичная категория, но как динамичное образование, связанное с социальными процессами, посредством которых и создаются городские

пространства.

Географы и урбанисты стремятся мыслить города как часть неравномерных и неравноправных социальных отношений, структурирующих общества. Поэтому в изучении материальных и символических ландшафтов, спорах по поводу идентичностей городов часто на первый план выходят проблемы власти и политики [2]. С середины XIX в. напряженным вниманием к городу в равной степени отличались и социал-демократические, и либеральные критики. И те, и другие сосредоточили внимание на действительно отчаянном положении, в котором оказались обитатели рабочих районов при стремительном развитии промышленного капитализма. При отсутствии доступного общественного транспорта рабочие жилища могли располагаться лишь в непосредственной близости от заводов, тем более, что при бесчеловечной продолжительности рабочих смен, даже полчаса хода до работы среди дымов и зловонных каналов были тяжкой нагрузкой. Но если социалисты сводили свою критику к одному тезису о необходимости революции, то либералы шаг за шагом увеличивали давление на власти в пользу радикальных реформ.

Взгляд архитекторов на город имеет преимущественно эстетический характер – как мы видим. Но развитие городов, увеличение городских жителей и как следствие возникновение новых социальных взаимосвязей и отношений формируют множество теорий и научных исследований философов-социологов. Некоторые считают, что изучение городов и разработка теорий начинается со второй половины XIX века, когда индустриальный город стал постепенно преобладающим пространством в культурно-экономической и социальной сфере многих государств. Основной же вехой можно считать труд «Город» Макса Вебера (1922), с которого все и началось. Когда один из отцов социологии попробовал осмыслить сам город и типологизировать его, тогда-то и по-

явилась урбанистика.

Урбанистика – это наука о городах, их свойствах и превращениях, это дисциплина, которая позволяет лучше понять динамику, ресурсы и потенциал города. Урбанистическая грамотность – это способность и навык «прочитать» город и, изучив урбанистику, понять, как город работает и развивается. Урбанистика появилась на стыке разных наук: если мы посмотрим на работы социологов, они будут говорить о том, что урбанистика выросла целиком из социологии (особенно так любят говорить американские и некоторые европейские ученые). Социология помогает раскрыть групповую динамику и процессы социального и общественного развития [3].

«Город» прежде всего это социальная организованность граждан. Город – это ведь не просто скопление домов и скопление людей, в основном оторванных от сельского труда. Это еще и средоточение всех форм активности множества людей, составляющих самоуправляемое общество [5].

Важно понять процессы и взаимодействия всех социальных институтов городской среды. Город со всем материальным, как он есть – среда человека, а не наоборот: жители – составляющая городского пространства.

Один из методов познания и изучения города – метафоризация. Пространство как таковое и его самое знакомое большинству из нас воплощение – пространство городское – представляют собой как источник интерпретаций, так и их объект, играя «попеременно роли означаемого и означающего», «пространства-содержания и пространства-фигуры», «денотируемого иконотируемого пространства», «высказываемого и высказывающего» [4]. Эта сложность в начале 1960-х стала предметом анализа французского лексиколога Жоржа Маторе, а в начале 1970-х – французского же философа Анри Лефевра. Значимость метафор для осмысления пространства, состоит по Лефевру, в том, что

они часто становятся препятствием для понимания пространственных практик. Репрезентации пространства представляют собой «смесь понимания и идеологии – всегда относительную и находящуюся в процессе изменения». Вопреки своей абстрактности, они вовлечены в социальную и политическую практику: «... отношения, установившиеся между объектами и людьми в репрезентируемом пространстве, подчинены логике, которая рано или поздно их ломает в силу недостатка у них последовательности» [6].

Скорее метафоры, а не утверждения определяют большинство наших убеждений, – заметил американский философ Ричард Рорти. Насколько этот довод значим для рассуждений о городе? Рассмотрим ключевые классические метафоры города, а также особенности их использования сегодня.

В классической социальной теории, в посвященной городу литературе сложилось как минимум четыре метафоры городского «организованного разнообразия», а именно город как базар, как джунгли, город как организм и город как машина [7].

Метафора города как базара схватывает, по Лангеру, не столько экономическую подоплеку существования города, сколько богатство предоставляемых им возможностей и осуществляемой активности. Базар, по Лангеру, это позитивная метафора городского многоцветья и разнообразия. С его точки зрения, «социологи базара» это те, кто городское разнообразие мыслит прежде всего, как многочисленные варианты столкновений множества людей-индивидов, широчайший спектр обмениваемых благ и дифференциацию потребностей. Для иллюстрации этой идеи Лангер использует работы Г. Зиммеля, особо подчеркивая следующий ход мысли немецкого теоретика. Модерный город задает широкий спектр возможных видов занятий индивиду, отныне не связанному со своей «первичной» группой (откуда он традиционно обречен

черпать ресурсы), но освобожденному социально-экономическим развитием для формирования своих собственных ресурсов.

Город как джунгли – метафора фиксирует такие черты города, как опять-таки его разнообразие, но также его плотную заселенность, таящуюся в нем опасность и экологическую хрупкость. Разные виды существ в джунглях борются за место под солнцем, за свою территорию. «Выживает сильнейший» – этот закон джунглей царит в городе. Метафора раскрывает свойственные городу скученность, переполненность городского пространства людьми и вещами. У философа Б. Вальденфельса: «когда речь заходит о большом городе, перед нашим внутренним взором снова и снова всплывает образ необозримой и непроходимой чащи или джунглей» [8]. А другой философ, известный своей острой неприязнью к Америке, весьма предсказуемо называет «джунглями даунтауна» одну из самых «неевропейских» черт ее городской среды – скопление небоскребов в деловом центре [9].

Индустриальный этап урбанизации (первая половина 20 в.) характеризуется индустриальным обществом – которое, сформировалось в процессе и в результате развития машинного производства, возникновения адекватных ему форм организации труда, массовым, поточным производством, применением достижений научно-технологического прогресса, автоматизацией труда, развитием рынка товаров и услуг. Данные черты сказываются и на урбанистике – Город воспринимается как «город-машина». Эта метафора очень точно описывает модель восприятия всеми слоями общества того периода. «Город-машина» – это авторитарный образ, рисующий картину закрытой системы с контролируемыми и измеряемыми причинами и следствиями; в нем почти нет места для людей. Механистические образы оказывают фундаментальное влияние на то, как мы думаем об организации, планиро-

вании, дизайне, архитектуре и городском обществе. Это они сформировали представление, что всегда кто-то должен быть «у руля», управлять машиной. Но условия для механической организации общества ушли в прошлое: такие системы уже не могут оставаться закрытыми. Машине не свойственна гибкость, ибо она создается для реализации единственной функции. Наиболее яркую картину города, отвечающую данному образу, можно увидеть в фильме Ч. Чаплина «Новые времена». Ее целью является отнюдь не благополучие отдельных ее составляющих и обслуживающих, скорее наоборот. Еще более фундаментально и с некоторой степенью научности метафору «Город-машина» отражает фильм «Метрополис» (Metropolis, 1927) Франца Ланга по сценарию и роману Теи фон Харбоу. Это эпическая метафорическая и научно-фантастическая антиутопия. Действие разворачивается в Будущем (с учетом воспроизводства фильма в 1927 году). Огромный футуристический город разделен на две части – верхний Рай, где обитают «хозяева жизни», и подземный промышленный Ад, жилище рабочих, низведенных до положения придатков гигантских машин.

Вторая половина 20 в. обусловлена переходом к постиндустриальному периоду. Основные черты которого: преобладание услуг производства и потребления, высокий уровень образования, новое отношение к труду, повышенное внимание к окружающей среде, гуманизация (социализация) экономики, информатизация общества. Как результат вывод промышленности и производства за черты города и возникновения новых форм занятости труда населения и формирование новых видов социальных связей и социальных институтов. Быстрый рост городского населения является катализатором многочисленных проблем. Проблемы миграции, культурные различия, социальная сегрегация общества, безопасность (антитеррористическая), экология, транспорт (резкое уве-

личение личного автотранспорта) и т. д. становятся на первый план при планировании и управлении городом. А также урбанистическую антиутопия – перенаселение, загрязнение, неудобство и бездушие городов, можно наблюдать почти повсеместно. Формируется понятие: урбанистика – социальное развитие современного города. Данный подход ассоциирует подход к городскому планированию как «город-организм». И предлагает более интересные организационные принципы и новый язык для урбанистики: скелет может олицетворять топографию, артерии и вены – транспортную систему, кишечник – службы водоснабжения, нервная система – линии электропередачи и связи и т. д. Это полезные параллели, так как, среди прочего они позволяют говорить о состоянии здоровья города. Так, инфарктом для города может обернуться паралич городского транспорта, когда все останавливается – кровь прекращает пульсировать по сосудам-дорогам, а неконтролируемый рост населения можно сравнить с опухолью. В результате неконтролируемого роста населения структура города деформируется и это ведет к экономическому и социальному системному кризису [3].

Метафора «город-организм» наиболее близка к социальному пониманию города, что на сегодняшний день, в условиях глобализации и быстрого роста городов, является актуальным как никогда. Еще Герберт Спенсер – английский философ и родоначальник социологии, рассматривал общество как сложный организм исходным элементом, которого выступает индивид. Индивид, хотя и выступает частью целого (общества), тем не менее это не обычная часть органического целого, а такая, которая характеризуется многими признаками целого, но обладает относительной свободой в рамках целостной структуры общественной организации. Спенсер отстаивал за индивидом автономию, не поглощая человека системой. Он выделял черты сходства биологического

и социального организмов:

1. рост, увеличение в объеме,
2. усложнение структуры,
3. дифференциация функций,
4. рост взаимодействия структуры и функций,
5. возможность временного существования частей при расстройстве жизни целого.

В тоже время он видел различия биологического и социального организма: в первом – части соединены неразрывно, вторые же – дискретное целое, в котором части – люди – свободны и рассеяны. В первом – способность чувствовать сосредоточены в одной части, в обществе же сознание разлито по всему организму. В живом организме части существуют ради целого, в обществе же благо общества существует для его членов – людей. Спенсер провел аналогию между специализированными социальными институтами и частями человеческого тела. Нормальное функционирование частей организма как предпосылка его выживания и благополучия предполагает наличие контролирующих органов – «сердца» общества и его «мозга», которые, в свою очередь, зависят от тела в целом и вместе с ним работают на общее благо. Время от времени организм атакуют разного рода инфекции и болезни, но его здоровые силы помогают справиться с ними. Организм, наконец, – целостность, обладающая качествами несводимы к тем, которыми обладают его составляющие части. Это прежде всего общество-организм, и на город эта метафора распространяется автоматически.

Такие органические метафоры помогают взглянуть на город с позиций диагностики, предписаний и лечения. А также облегчают понимания значимости и объемности понятия урбанистики. Одной из самых прикладных наук, но все же самостоятельной дисциплины, которую все развитые страны начали изучать и преподавать в высших учебных заведениях еще сто лет назад. Одновременно с развитием

социологии, параллельно и взаимосвязано развивалась урбанистика.

Жизнь была естественной составляющей старых традиционных городов вплоть до середины 1950-х гг. Тогда она рассматривалась как нечто само собой разумеющееся, и не без причины. Сегодня во многих уголках мира городская жизнь уже не является данностью, а считается ценным и довольно редким ресурсом, с которым урбанисты должны обращаться очень бережно. Произошедшие с тех пор перемены в обществе и методах планирования изменили ситуацию. Когда целью является развитие города, когда приоритет имеют человеческий масштаб и контакты между людьми, важно всячес-

ки поощрять городскую жизнь. Метафоризация помогает наглядно представить взаимосвязь всех процессов городской жизни, необходимых для управления и развития города, как социальное управление, представляющимся наиболее прогрессивным в современном обществе. Существенным является то фундаментальное обстоятельство, согласно которому общество и природа рассматриваются как живое тело, как живой организм. Управление социумом в таком случае неотрывно от перемен в природе исходя при этом из органической концепции общества, в котором благополучие каждого человека обусловлено сотрудничеством всех индивидов [10, 11].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Даль В. Большой толковый словарь. – М., 2010.
2. Трубина Е. Город в теории. – М.: НЛО, 2011.
3. Лэндри Чарльз. Креативный город / пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика - XXI», 2014.
4. Женетт. Пространство и язык. – М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998.
5. Глазычев В. Урбанистика. – М.: Европа, 2008.
6. Lefevre H. The production of space / Trans&Nicholson-Smith D. – Oxford, UK: Blackwell, 1991.
7. Langer P. Sociology – Four Images of Organized Diversity / Cities of the Mind: Images and Themes of the City in the Social Sciences / Eds. Rodwin L., Hollister R. M. – N.Y.: Plenum Press, 1984.
8. Вальденфельс Б. Одновременность неоднородного. Современный порядок в зеркале большого города. – М.: Социо-Логос, 2002.
9. Бодрийяр Ж. Америка. – СПб.: Владимир Даль, 2000.
10. Клементьев Д. С. Социология управления: Учебн. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во МГУ, 2010.
11. Чернышев И. И. Особенности урбанистики и градостроительства России // Российский научный журнал. – 2015. – № 5(48). – С.

УДК 008: 070.1
ББК 71.063.14
Культурология, журналистика

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ВНЕДРЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МЕДИАКОНТЕНТА НА ЛОКАЛЬНЫХ РЫНКАХ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕКАНАЛА ЭМ-ТИ-ВИ)

Кандидат филологических наук Ж. К. Надирова

В настоящей статье рассматривается использование медиакорпорациями стратегии глокализации с целью адаптировать свой контент для локальных рынков. Автор оценивает, насколько такой подход способен защитить социокультурное пространство стран-импортеров от зарубежной культурной экспансии и других негативных эффектов глобализации. Анализ проводится на примере телеканала Эм-ти-ви.

Ключевые слова

Глокализация, медиа, культура, империализм, глобализация, Эм-ти-ви

Понятие «глокализация» (англ. glocalization) произошло от слияния двух терминов: «глобализация» и «локализация». Считается, что его ввел в научный лексикон британский социолог Роланд Робертсон (существует также мнение, что данное явление впервые обозначили японские экономисты). На конференции «Глобализация и местная культура» (1997) Робертсон определил глокализацию как одновременное сосуществование тенденций к универсализации и партикуляризации [9].

Сегодня этот термин используется в различных областях, в том числе применительно к медиапродукции, что является предметом рассмотрения в настоящей статье.

На социокультурном и идейно-философском уровне «глокализацию» можно рассматривать как одно из противоречий постмодернистского сознания, характеризующегося растущим интересом к межкультурной коммуникации, с одной стороны, и стремлением к защите своей культурной идентичности – с другой.

На экономико-маркетинговом уровне понятие «глокализация» «отражает такое изменение продукта, что он может продаваться глобально и в тоже время подходить потребителям на локальных рынках. Глокализированные (glocalized) продукты, по определению, повышают интерес к ним у конечного потребителя» [2].

Глокализацию часто противопоставляют так называемому «культурному империализму» (наряду с этим термином применительно к СМИ употребляют также термин «медийный империализм»), видя в ней «спасение» от негативных эффектов глобализации. В то же время глобальный по распространению продукт является локальным по происхождению, что создает условия для асимметричного влияния одной национальной культуры (либо культуры определенной субэкмены) на другую.

Данная проблема особенно актуальна для медиапродукции, поскольку сегодня именно медиа (особенно электронные) рассматриваются как основной инструмент до-

стижения культурной гегемонии, поскольку они являются теми каналами коммуникации, через которые передается культурный текст [1. С. 57] – определенный контент с соответствующим ему культурным кодом, что уже ставит под сомнение возможность рассматривать глокализацию как альтернативу культурному доминированию.

В настоящей статье феномен глокализации рассматривается, в первую очередь, на примере музыкального телеканала Эм-ти-ви (MTV) – глобального СМИ, использующего глокализацию как базовый принцип своей вещательной политики.

Музыкальный телеканал Эм-ти-ви входит в состав американской медиакорпорации «Вайacom» (Viacom), базирующейся в Нью-Йорке, и осуществляет вещание по всему миру. Важной особенностью политики этого глобального телеканала является тот факт, что он адаптирует свой контент для каждого региона или страны, исходя из особенностей их социокультурного пространства.

В 1990-е, когда телеканал вышел на глобальный медиарынок, он начал использовать то же самое программное наполнение, что и внутри страны. Однако компания довольно быстро отошла от этой практики, предпочтя создавать диверсифицированный контент для различных зон вещания. Так, в Европе телеканал Эм-ти-ви транслировал преимущественно музыкальные клипы и хит-парады, тогда как в США он к тому моменту уже отошел от узкоспециализированного контента. Кроме того, в каждой из стран, где вещает Эм-ти-ви, телеканал транслирует музыкальные клипы местных исполнителей, создает кальки американских программ, а также оригинальный контент, что позволяет существенно расширить аудиторию.

Так, в Индии телеканал Эм-ти-ви постепенно увеличил процент транслируемой индийской музыки до 70 (в большинстве стран доля местной музыкальной продукции на телеканале не превышает 30-40 %), благодаря чему его аудитория

выросла в четыре раза [8. С. 586]. В целях увеличения и сохранения аудитории телеканал также существенно ужесточает цензурные требования к контенту, особенно когда это касается таких регионов, как Ближний Восток или Юго-Восточная Азия. К примеру, телеканал не выпускает в эфир музыкальные клипы, содержащие сцены сексуального характера или изображающие людей нетрадиционной ориентации (в частности, клип на песню Кэти Пэрри «I Kissed a Girl», клип на песню Леди Гага «Love Game»), а также предлагает более строгую и скромную одежду для своих ведущих.

Такие меры по адаптации стиля и контента к конкретной стране или региону, безусловно, способствуют увеличению аудитории и более лояльному отношению к иностранному средству массовой информации, поскольку оно перестает восприниматься как прямая угроза национально-культурной идентичности. Однако является ли глокализация реальным компромиссом между «глобальным» и «локальным» или просто маркетинговым ходом, позволяющим выдать одно за другое? И что самое главное, служит ли глокализация серьезной альтернативой культурному империализму или лишь маскирует его негативные эффекты?

Согласно определению социолога Герберта Ирвинга Шиллера, специализировавшегося на изучении СМИ, культурный империализм – это понятие, характеризующее совокупность процессов, приводящих к тому, что определенное общество становится частью глобальной системы и способствующих тому, что его основные социальные группы путем убеждения, насильственным путем или даже путем подкупа приводятся к формированию институтов, которые соответствуют ценностям и институтам доминирующего центра системы или даже открыто продвигают их [12. С. 17].

Из данного – довольно широкого – определения становится очевидно, что глокализация не обязательно противоречит это-

му процессу. Анализируя влияние глобальных медиа на национальную культуру, мы должны акцентировать внимание на том, насколько они способствуют восприятию и укоренению культурных ценностей и мировоззренческих стереотипов «доминирующего центра системы». А этим центром является, естественно, та страна, которой принадлежит данное СМИ, поскольку, как уже было отмечено в начале статьи, глобальный продукт является таковым по своему распространению, но всегда имеет конкретную географию происхождения, что не может не оказывать на него серьезного влияния, тем более, когда речь идет о медиа-продукции.

Как верно отмечают Д. Кэмерон и Дж. Стэйн в своем исследовании, посвященном американским компаниям на рынке Канады, глобальные бренды представляют собой не просто совокупность характеристик своего продукта, они являются воплощением какой-то идеи, которую они продвигают. Так, «Марта Стюарт (создательница журнала «Марта Стюарт Ливинг» и ведущая одноименного ток-шоу – прим. автора) – это уже не просто журнал или телешоу, Марта – значит гламурный хороший вкус... Эн-би-эй (NBA) – уже не о том, чтобы смотреть, как рослые мужчины бросают мяч в кольцо с большой степенью точности, а о высоком темпе жизни, о жизни в мегаполисе, но с блеском и гламуром шоу-бизнеса» [7. С. 26].

Рассмотрим политику все того же телеканала Эм-ти-ви в данном контексте.

Несмотря на бесспорные компромиссы в политике телеканала в Азии и на Ближнем Востоке, Эм-ти-ви (как и любое другое СМИ) принадлежит к определенной социокультурной системе со своей ценностной парадигмой, что оказывает существенное влияние на программную и этическую политику телеканала.

Ярким примером здесь может служить выпускаемый телеканалом многосерийный документальный фильм «Правда жизни», который показывает истории из жизни молодых людей, затрагивая такие темы, как

наркозависимость, нетрадиционная сексуальная ориентация, семейное насилие и др. В 2010 году телеканал Эм-ти-ви выпустил очередную серию фильма под названием «Противостоять власти! Саудовская Аравия», в которой были показаны четыре истории молодых жителей Саудовской Аравии, недовольных слишком консервативными устоями в обществе, жесткими религиозными нормами, недостаточным уровнем политических и гражданских свобод. Открытое обсуждение острых вопросов с откровениями героев фильма в эфире является нормой для американской или европейской аудитории. Однако в Саудовской Аравии, где данная серия была доступна онлайн на официальном сайте, подобный контент не только не соответствует социокультурной среде саудовского общества, но и нарушает законодательство страны, правовая система которой опирается на мусульманское право. Как следствие, после выхода фильма религиозная полиция Саудовской Аравии начала расследование. Примечательно, что именно зрители, увидевшие программу и посчитавшие ее оскорбляющей их страну и религию, выступили инициаторами расследования и требовали наказания для героев программы. Также и местная пресса обрушилась с критикой на Эм-ти-ви (газета «Аль-Рияд», к примеру, опубликовала статью под заголовком «Эм-ти-ви использует нашу молодежь, чтобы очернить образ саудовского общества»). В то же время на сайте газеты, где был размещена статья, появлялись и сочувственные комментарии, в которых молодые жители Саудовской Аравии высказывались в поддержку Эм-ти-ви и героев его фильма. А молодые люди – это и есть целевая аудитория канала.

Свобода слова, интимная жизнь вне брака, равные права мужчин и женщин – это темы, поднятые в фильме, и это ценности, характерные для западной социокультурной системы; подавляющее большинство граждан Саудовской Аравии (как мужчин, так и женщин), по данным социологических исследований, эти ценности не разделяют [6]. Таким образом, можно сделать

вывод, что данный фильм прививает определенные культурные ценности и подвигает на создание институтов, характерных для определенной социо-культурной системы, что является основной чертой культурного империализма.

Еще одной иллюстрацией может служить программная политика ближневосточного отделения Эм-ти-ви, которое транслирует десятки американских программ и сериалов. Среди них – реалити-шоу о свиданиях и знакомствах «Обыск и свидание», реалити-шоу «Сладкие 16» (оно посвящено жизни американских подростков из состоятельных семей, которые устраивают гламурные вечеринки и получают роскошные подарки), документальный сериал «Дневник» о жизни известных (преимущественно американских) музыкантов, реалити-шоу «Мисс 17», в котором юные американки соревнуются за право получить должность главного редактора глянцевого журнала «Сэвэнтин» (Seventeen), реалити-шоу «Подружка Пэрис Хилтон», участницы которого соперничают за дружбу американской «светской львицы» Пэрис Хилтон.

Эти многочисленные программы формируют определенную картину мира, определенные ценностные ориентиры и стереотипы. Не случайно в медиа исследованиях все чаще встречается понятие «культура Эм-ти-ви» для характеристики социокультурного влияния телеканала на язык и стиль современных медиа, на развитие массовой культуры и различных субкультур, на формирование мировоззрения молодых людей и подростков, на национальные культуры стран, где вещает Эм-ти-ви, на поддержание общества потребления, распространение консюмеризма и др. Последнее, кстати, является одним из наиболее частых обвинений в адрес Эм-ти-ви, поскольку, по мнению критиков, телеканал, ориентируясь на молодежь, повышает интерес к материальным ценностям, диктует моду, стимулирует потребление товаров, действуя тем самым в интересах рекламодателей [3. С. 70].

Таким образом, в разных странах Эм-ти-

ви может использовать местные языки вещания, транслировать клипы местных музыкантов и производить оригинальный контент, но у региональных отделений телеканала существует общий стиль, единая концепция вещания, которая объединяет различные телеканалы под брендом Эм-ти-ви.

И когда говорят о культурном, или медийном, империализме, подразумевается, конечно, влияние не конкретной программы, а именно этой концепции вещания, идейной направленности телеканала. Поэтому глокализация вряд ли может быть серьезной альтернативой этому влиянию. Скорее, она делает его в значительной степени латентным. И здесь проявляется один из негативных эффектов глокализации.

Во-первых, как видно из приведенных выше примеров, «разбавление» глобального контента локальным позволяет увеличить аудиторию, тогда как медиа, передающие исключительно иностранный контент, часто сталкиваются с неприятием своей продукции. «Глокализованные» медиа отвечают интересам более широких групп населения и в меньшей степени воспринимаются как угроза национальной культурной идентичности. Однако на самом деле это не отменяет их влияния на социокультурное пространство той или иной страны.

Подобным образом в качестве маркетингового приема глокализацию широко используют сегодня самые известные глобальные бренды. Так, «Макдональдс», ставший давно неким символом глобализации, во Франции заменяет своего талисманного персонажа – клоуна – на французского мультипликационного героя Астерикса. Ближневосточное отделение компании во время Рамадана демонстрирует рекламные изображения только завернутых бургеров, чтобы не смущать верующих, которые до захода солнца не потребляют пищу, а в Японии «Макдональдс» даже адаптировал свое название, превратившись в «Макудонарудо».

Так американская корпорация пытается адаптировать бизнес-стратегию к осо-

бенностям социокультурного пространства той или иной страны, вернее, к своему представлению об этих особенностях. Однако вне зависимости от названия, оформления и рекламы «Макдональдс» остается все тем же рестораном быстрого питания, предлагающим посетителям американский фаст-фуд. Именно поэтому «Макдональдс» оказывается объектом постоянной критики со стороны антиглобалистов, обвиняющих его в осуществлении вестернизации, или, точнее, американизации.

И действительно, концепция, которая стоит за глобальной компанией, очевидно, является инструментарием культурной экспансии. Это в еще большей степени касается транснациональных медиа, которые также преуспели в облачении «глобального» контента в «локальную» форму.

Данный тезис подтверждают, в частности, результаты исследования восприятия молодыми жителями Ближнего Востока идейно-ценностного содержания западных телепрограмм, приведенные в книге М. Аиша и Ш. Рао «Исследование глобальной медиаэтики». Анализу подверглись американские реалити-шоу, транслируемые на Ближнем Востоке в оригинале, а также адаптированные для ближневосточной аудитории «кальки» западных реалити-шоу. Как показало исследование, и в тех и в других программах зрители видели утверждение как универсальных ценностей, так и типично западных (индивидуализм, свобода, плюрализм) [5. С. 57].

Еще один яркий пример – адаптации музыкального телешоу «Американский идол», сделанные для ЮАР и нескольких стран Западной Африки. Как показывают исследования, данные программы по своему языку, стилю и содержанию полностью соответствуют парадигме американской культуры, а значит, вряд ли способствуют защите культурной идентичности африканских стран [10. С. 15].

Данный пример может служить еще одним подтверждением тезиса, что глокализация не может служить механизмом

защиты культурной идентичности стран, импортирующих медиаконтент.

Кроме того, рассматривая понятие глокализации, следует обратить внимание на еще один возможный негативный эффект. Производители контента, желающие выйти на глобальный рынок, нередко адаптируют свою продукцию, делая ее максимально «универсальной», понятной любой аудитории. В этом случае, в отличие от рассмотренного выше примера, глокализация несет угрозу для страны-экспортера, для производителя контента.

В качестве примера можно привести адаптацию японских анимационных фильмов и сериалов, которые транслируют такие американские телеканалы, как Фанимэйшн, Картун нэтуоркс, Эм-ти-ви.

Нередко из анимационных сериалов вырезаются большие эпизоды, иногда даже серии целиком из-за содержащейся в них религиозной сатиры, грубого площадного юмора, наличия сцен сексуального характера и т. п.

Кроме того, адаптации подвергаются также средства выразительности, которые использует японская анимация. Например, при дубляже паузы в диалоге и экранная тишина сокращаются на 21 % [11. С. 107].

В процесс адаптации может также входить замена традиционно японских имен и названий на европейские, иены – на доллар, традиционных японских блюд и напитков – на более привычные для западного зрителя, такие как американский фастфуд. Элементы японской культуры, как правило, замещаются американскими, чтобы создать у зрителя впечатление, что действие происходит не в Японии, а в США или в какой-то неизвестной стране, лишенной национального колорита. Кроме того, оригинальный саундтрек часто заменяется на американский с учетом особенностей эстетических представлений американских зрителей. Иногда анимационные произведения при этом изменяются до неузнаваемости и сильно теряют в качестве.

Не менее жесткой правке подвергается

и экспортируемая американская анимационная продукция. Так, адаптация сатирического сериала «Симпсоны» (The Simpsons) для японского телевизионного рынка привела к тому, что сериал практически утратил комический эффект, а некоторые эпизоды и вовсе потеряли смысл. Кроме того, сериал даже приобрел определенный дидактический пафос: в конце каждой серии появилась мораль [4. С. 266].

Данные примеры демонстрируют, что адаптированный для глобального рынка контент частично утрачивает культурную самобытность, нередко превращаясь в «рафинированный» обезличенный продукт.

Таким образом, приведенный выше анализ рецепции «глокализованной» медиапродукции позволяет утверждать, что глокализацию нельзя рассматривать как серьезную альтернативу культурному империализму и, тем более, не стоит видеть в ней панацею от негативных эффектов глобализации. Конечно, эти эффекты частично смягчены добавлением локального контента. Однако, как уже говорилось выше, глобальная медиапродукция имеет страну происхождения и содержит соответствующи-

щие ей культурные архетипы и концепты, что неизбежно оказывает влияние на социо-культурное пространство стран-импортеров, создавая серьезную угрозу для региональных и локальных культур на всех уровнях – от языкового до ценностного.

В то же время нельзя не отметить тот факт, что с внедрением концепции глокализации в культурно-коммуникационном секторе процесс аккультурации становится отчасти латентным: «глокализованный» контент не вступает в открытую contradикцию с определенной культурной картиной мира, а значит, сталкивается с меньшим сопротивлением при проникновении на локальный рынок. Поэтому для производителей глобально распространяемого информационно-культурного продукта глокализация, конечно, является удачной маркетинговой стратегией, позволяющей успешно осваивать новые рынки.

Иными словами, на сегодняшний день глобальные медиа по-прежнему служат, скорее, средством культурной экспансии, нежели культурной интеракции, и глокализация вряд ли может служить жизнеспособной альтернативой этому процессу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лотман Ю. М. К проблеме типологии культуры // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. – СПб., 2002. – 768 с.
2. Этимолого-экономический словарь / сост. Н. И. Фокин, П. Н. Фокин. – <http://dictionary-economics.ru>
3. Advertising and Integrated Brand Promotion. – Stamford, 2015. – 402 p.
4. Altarac R. Sh. The adaptation of U.S. television programs in foreign markets: How Japan and France put their distinctive spin on «The Simpsons», Ph.D. – Santa Barbara, 2007. – 338 p.
5. Ayish M., Rao Sh. Explorations in Global Media Ethics. – Abington, 2012. – 62 p.
6. Butters A. L. Saudi's Small Steps // Time. – 2009. – October 19.
7. Cameron D. R., Stein J. G. Street Protests and Fantasy Parks: Globalization, Culture and the State. – Toronto, 2002. – 185 p.
8. Czinkota M. R., Ronkainen I. A. International Marketing. – Mason, 2007. – 660 p.
9. Globalization and Indigenous Culture. Institute for Japanese Culture and Classics. – Kokugakuin University publishing, 1997. – <http://www2.kokugakuin.ac.jp>
10. Oren T., Shahaf Sh. Global Television Formats: Understanding Television across Borders. – NY, 2012. – 391 p.
11. Reito Adachi. A Study of Japanese Animation as Translation. – Florida, 2012. – 294 p.
12. Shiller H. I. Communication and Cultural Domination // International Journal of Politics. – 1975. – Vol. 5. – N. 4.

УДК 003
ББК 71.0
Культурология

ЗНАКОВОСТЬ ДВУХСЛОЙНОЙ ПОНЁВЫ КОТЕЛИНСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ РОДОВОЙ КУЛЬТУРЫ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Кандидат культурологии П. И. Кутенков

В статье представлены новые материалы по браным двухслойным узорным тканям Рязанской народной культуры.

Ключевые слова

Баба, браная двуслойная узорная ткань, двойная ткань, календарь жизни бабы-рожаницы, понёва, Рязанская народная культура, узор, ярга (не свастика).

Котелинская одноосновная двухслойная бранная узорная понёва – новое явление в науке. В ходе полевых исследований Котелинской КРК (2012 г.) получены материалы, позволяющие, на основе знакового подхода, описать её понёвы. Внимание сосредоточим на знаковом содержании понёвы, особенностях строения её двухслойной ткани и переплетений, что малоисследованно в культуре восточных славян.

Все Котелинские понёвы трёхполые с прошвой, т. е. глухие. Общий вид: полосатая – красными и синими полосами, с узорным *подподольником/срядой*¹; в понёве преобладает красный цвет. Совокупность Котелинских понёв образует календарь жизни бабы рожаницы, который посредством знаковых картин полотна и сряды выражает бабьи и женские статусы и состояния по родоконам знаковой матри-

цы [1, с. 65]. Понёва состоит из четырёх самостоятельных частей: трёх одинаковых *полотен, прошвы, гашика* и обгонки (рис. 1).

Собственно полотно и сряда – ключевые части вещи. Первая содержит в себе определяющую, а вторая распределяющую узорные картины [2, с. 94].

Собственно полотно. На первую роль означивания родоконов состояний и статусов, как ни странно, выдвигается ширина *синей* полосы. Различают *широкую, среднюю, узкую* и *тонкую* синие полосы. Чем шире синяя полоса, тем выше праздничность понёвы; одновременно, – большая ширина синих полос означает более молодые возраста баб. Вместе с тем, красная полоса всегда значительно шире синей, ещё больше увеличиваясь в *годовских/годовых* понёвах.

¹ Курсивом выделены народные понятия и категории.

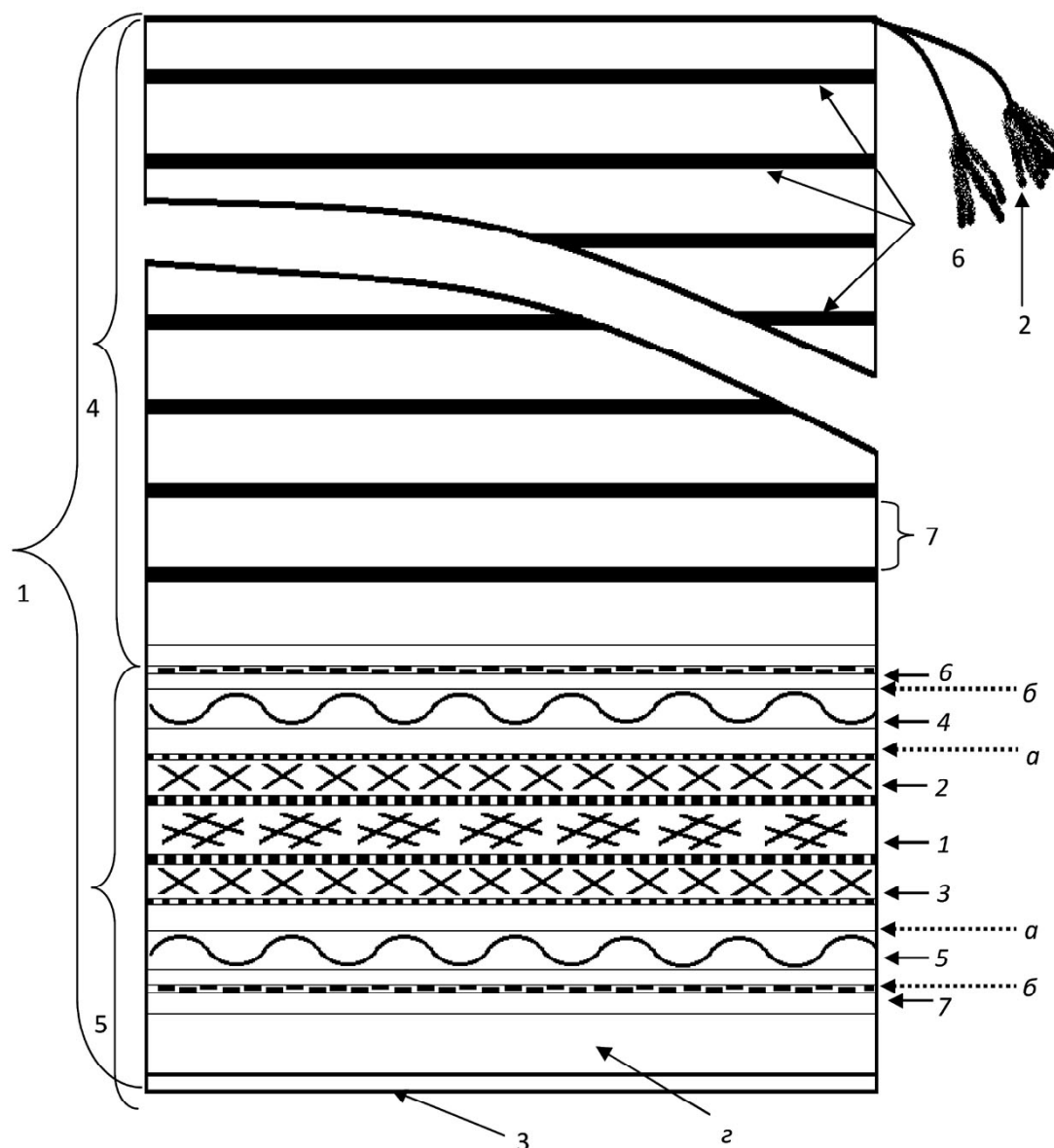

Рисунок 1. Общее знаковое строение Котелинской одноосновной двухслойной браной узорной понёвы о семи ярг. Прорись одного полотна из собрания с. Котелино. Состав понёвы: 1 – полотнище, 2 – гашник, 3 – обгонка. Строение полотна: 4 – собственно полотно, 5 – сряда, 6 – синие полосы, 7 – красная полоса. Состав сряды: 1 – ярга-сетка, 2, 3 – ярга-крест, 4, 5 – ярга-дугой, 6, 7 – ярга-кружками (кружками); а, б – полосы межъяргового пространства, г – покрывка сряды.

Линейные единичные знаки, расположенные с обеих сторон синих полос собственно полотна, указывают на высшие уровни и степени праздничности молодых баб. Годовая понька с косыми крестами на собственно полотне хранится в Кадомском краеведческом музее.

Сряда. В общем строении трёхчастной узорной картины *сряды* выделяется глав-

ная узорная полоса: ключевая ярга/корень/матка (рис. 1 – 1). Она всегда шире других узорных полос/ярг, она всегда насыщеннее линейными узорами, она часто выделяется отличными от других ярг линейными знаками и способами и видами тканья. В культуре выявлены понёвы с подподольником об 1, 3, 5 и 7 ярг. При этом парные ярги: 2 и 3, 4 и 5, 6 и 7 – все-

гда наделяются идентичными узорами (рис. 1 – 2 и 3; 4 и 5), идентичными переплетениями и строением ткани во всех отношениях.

Изменение строения узорной картины, т. е. увеличение количества ярг или их уменьшение, осуществляется всегда чётком: 7, 5, 3, 1 или по возрастанию – 1, 3, 5, 7; в культуре нет понёв с чётными количеством узорных полос. Характер изменения изображения ярг идентичен характеру изменения ярг в двухслойных понёвах Вяземского КЖБР и подобен Буды-Салтыковскому КЖБР.

Понёвы с большим количеством ярг носят молодые возрасты баб, они характерны для них в родоконе праздничности; понёвы об 1 и 3-х ярг – для пожилых баб и старух, их же надевают молодые в иносветной печале; они же свойственны в праздничном уборе вдов и войн.

Котелинская понёва сохранила ряд названий линейных знаков. Последовательностями из репёв/сетки заполняется главная ярга, для неё же свойственны глазки ; для изнаночного слоя (второго слоя) характерны челноки ; а дуги , косые кресты X и другие единичные знаки заполняют пространства последующих узорных полос/ярг. В культуре считается, что молодым бабам полагаются понёвы с дугами, а пожилым бабам – понёвы с сетками. Подобное отношение к репью известно по рубашкам Сядемской КРК. Узоры котелинской понёвы вытянуты по озору.

Строение ткани и переплетений, способы и приёмы тканья, а также образование узоров рассмотрим на примере праздничной понёвы РМН № ШП-29, принадлежащей бабе родославного возраста.

Всё полотно ткётся на неразрывной основе. Основа в понёве единая для всех её частей и всех способов тканья, включая двухслойные ткани; она однооснов-

ная, со сдвоенными нитями; преобладающий уток шерстяной, дополнительно сильно прибываемый.

Верхняя часть полотна выполнена из четырёх полос сотканых саржевым переплетением 2/2.

Собственно полотно состоит из последовательности полос двух цветов: красных и тёмно-синих (рис. 1 – 6; 7). Строение ткани каждой полосы трёхчастное. Оно последовательно включает верхнюю косичку, несколько рядов, и завершается нижней косичкой. Косички ткются полотняным переплетением 1/2²; пробрасывается в них от трёх до семи нитей утка. Каждый ряд ткётся саржевым переплетением 1/3 – три уточных и одно основное перекрытие. При тканье первого ряда разъединяются и переплетаются утком нечётные пары, а чётные пары основы (сдвоенные нити) не разъединяются, уток (6 прокидок) каждый раз проходит над ними, создавая лицевую часть ткани. Тканье второго ряда проходит идентично первому, только уточные перекрытия смещены на одну пару основных нитей: переплетаются чётные пары основы, а нечётные пары основных нитей в этом ряду прокидываются. Таким порядком и переплетениями последовательно создаются другие ряды. В красной полосе их шесть, в синей полосе четыре или пять рядов; уточных нитей в последних меньше.

Сряда. Сряда пятичастная. Вторая и третья, четвёртая и пятая ярги идентичны во всех отношениях.

Четвёртая ярга (рис. 1 – 4) в узорном отношении трёхчастна; переплетение её первой и третьей частей полотняное 1/2; срединная часть – уточное саржевое переплетение 2/2.

Межъярговое пространство между 4-ой и 2-ой яргами имеет трёхчастное строение: первый и третий ряды – полотняное переплетение 1/2, красный уток. Второй ряд – **двойная** ткань, внутри полая.

² Выражение 1/2 – уточное перекрытие строченной, сдвоенной основы.

Основа разделяется так. Нечётные пары нитей основы включены в верхний, лицевой слой ткани, а чётные – в нижний слой. Переплетение в каждом слое двойной ткани полотняное 1/1, т. е. крестом. Четыре межъярговых пространства, между 4-ой и 2-ой, 2-ой и 1-ой, 1-ой и 3-ей, 3-ей и 5-ой яргами, идентичны во всех отношениях.

Вторая ярга. Пространство второй ярги сверху отделено от четвёртой ярги полоской зелёного цвета, а снизу, от первой ярги, ограничена полоской тёмно-синего цвета. Полоски эти сотканы полотняным переплетением 1/2.

Строение ткани ярги трёхчастно. Верхняя и нижняя части одинаковы; переплетение в них полотняное 1/2. Срединная часть, двухслойная узорная ткань, узор *дуга*. Состав и характер распределения нитей утка и переплетений в слоях, а также характер построения ткани, точно такой же, как в двухслойной ткани матки (см. ниже). Узор соткан из пяти рядов: три лицевых красных и четыре белых.

Межъярговое пространство (см. выше).

Матка, главная ярга занимает срединное положение в сряде, в узорном отношении она трёхчастна (рис. 2), наделена верхней и нижней границами (обрамлением) и узорочьем. Последнее, на лицевой стороне вещи видно как последовательность отдельно стоящих единичных знаков *сеток*-репьев. С изнаночной стороны в корне хорошо выделены челноки. Челноки размещены не под сетками, а на следующем участке ткани матки, на изнаночной стороне двухслойной ткани. Иначе говоря, здесь нет обратного узорного соответствия между изображениями первого и второго слоя.

Обрамление корня тёмно-синего цвета, оно трёхчастно: ткань выполнена полотняным переплетением 1/2.

Собственно узорочье матки троично:

верхний и нижний участки, выполнены полотняным переплетением 1/2.

Сердцевина матки, узор, браное двухслойное пучково-узловое тканьё. Верхний слой включает нечётные пары основных нитей, уток шерстяной красный, переплетение полотняное 1/1. Нижний слой содержит чётные пары основных нитей, уток из отбеленных конопляных нитей, переплетение полотняное 1/1. Основа в слоях сильно разрежена.

Особенностью двухслойной ткани является её рядное строение. Верхний слой красный, соткан из трёх рядов, нижний слой белый, состоит из четырёх рядов – всего семь рядов. Ряды слоёв взаимосвязаны, они ткуются последовательно: 1 ряд белый, 2 ряд красный, 3 ряд белый и т. д. (рис. 2 – 4а - 4ж). Ещё отличие. Ввиду неравномерного сжатия (прибивкой) места переплетения утка с основой, и пряди прокидываемого утка, последние образуют своеобразный пучок, а первые – узел переплетения (рис. 2).

Перевязка слоёв осуществлена посредством одновременного выхода всех нитей утка (пучка) какого-либо ряда слоя в другой слой. При этом, нити пучка не переплетают нити основы другого слоя, а прядью прокидываются поверх них и вновь уходят на свой слой (рис. 2). Последовательность лицевых и изнаночных прокидок, в каждом ряду тканьё, определяются строением узора. В целом, такое тканьё называем бранным двухслойным пучково-узловым узорным.

Построение рисунка двухслойной ткани. На представленном рисунке действительный единичный знак лицевой стороны матки – репей-*сетка*, наложен на разреженно-обобщённую³ прорись строения двухслойной ткани пучково-узловой (рис. 2 – 5).

Репей на рисунке размещён таким образом, что четыре его угла занимают то

³ Ряд тканьё показан не отдельными нитями утка, а условными знаками (рис. 2 – Условные обозначения).

место, какое оно имеет в действительности вещи. Каждый угол репья находится поверх и на середине изнаночной прокидки уточного пучка верхнего слоя: верхний угол: рис. 2 – 4б-5в; правый угол – 4г-7в; нижняя вершина 4е-5в; левый угол – 4г-3в. Каждая вершина получена путём смещения (за счёт дополнительной прибавки утка) друг к другу двух узлов полотняного переплетения нижнего слоя ткани; при сближении они занимают пространство над изнаночной прокидкой

уточного пучка первого слоя. Например, узел, рис. 2 – 4в-3в идёт на 4г-3в, сюда же стремится узел рис. 2 – 4д-3в; узел рис. 2 – 4а-5в идёт на 4б-5в, сюда же стремится узел рис. 2 – 4в-5в; узел рис. 2 – 4в-7в идёт на 4г-7в, сюда же стремится узел рис. 2 – 4д-7в; и, узел рис. 2 – 4ж-5в идёт на 4е-5в, сюда же стремится узел рис. 2 – 4д-5в. Таким образом вершины репья заняли своё положение среди узлов и пучков двух слоёв. Опорные звенья, лицевые, (рис. 2) прорисовывают рога репья.

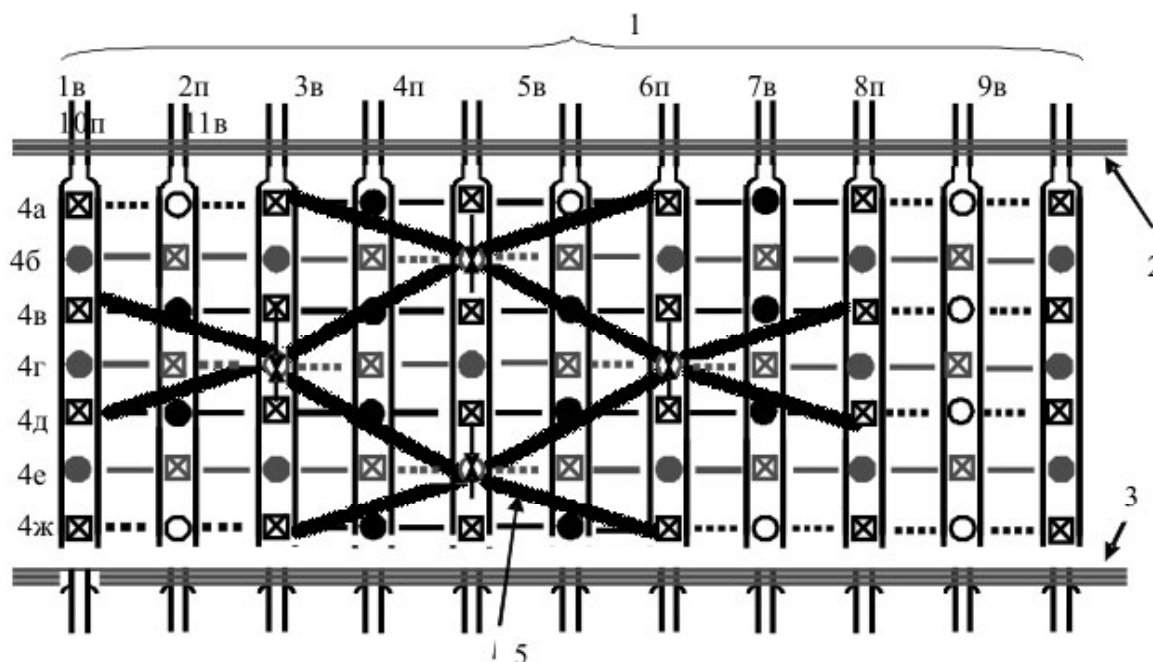

Рисунок 2. Строение браной двухслойной пучково-узловой узорной ткани в главной ярге. Получение узора: 1 (1в, 2п, 3в...11в) – порядок расположения основных пар нитей в слоях, с указанием слоя; 2, 3 – верхний и нижний ряды тканья корня; 4а, 4б, 4в, 4г, 4д, 4е, 4ж – порядок следования рядов тканья узорочья матки; 5 – линия узора сетки из белых нитей утка и основы, расположенной на лицевой части двухслойного тканья.

Условные обозначения

- ● – лицевые прокидки уточного пучка первого и второго слоёв
- ⊠ ⊠ – узлы полотняного переплетения первого и второго слоёв
- ○ – изнаночные прокидки уточного пучка первого и второго слоёв
- — – уточные пучки первого и второго слоёв, лицевые
- --- – уточные пучки первого и второго слоёв, изнаночные
- ⊠ — ● ⊠ – опорное звено второго слоя, лицевое
- ⊠ — ● ⊠ – опорное звено первого слоя, лицевое
- ↑ – направление перемещения и сжатия

1в – основная пара второго слоя; 2в – основная пара первого слоя.

В тканье сряды обнаруживаются и другие числовые закономерности. Размах репья по длине составляет 9 пар основных нитей (рис. 2: от 4в-1в до 4в-9в); такова величина размаха *дуги* во 2-ой и 3-ей яргах. В других понёвах культуры такая же картина построения узоров: числознак девять устойчиво присутствует в построении репья и дуги. «Девять» относится к древним знакам славянорусов.

Широкое внутреннее пространство репья образуется вследствие нахождения в его середине самого многочисленного ряда тканья из семи нитей (рис. 2 - 4г), при том, этот ряд лицевого слоя в данном месте, в середине репья, образует опорное звено . Заметим, что для создания выявленными приёмами линейных узоров, необходима огромная творческая, исследовательская работа культуры.

До настоящего времени построение узорок в двухслойных тканях подобным способом было неизвестно.

Становится понятным объяснение жителей культуры о предпочтительности знаков *дуги* – на понёвы молодым бабам, сетки – пожилым бабам. Пять, число рядов двухслойного тканья узорок дуги, означает плотскую жизнь, творящее начало поколений рода; семь – число рядов тканья репья по вертикали – знак духовного восприятия действительности, мудрости; 9 – духовное число взаимодействия с Богом и предками; 3 – древняя славянская картина мира.

Таким образом, Котелинская понёва обнаруживает: 1. Календарь жизни бабы рожаницы идентичный Вяземскому КЖБР; 2. Сверхсложный состав строения понёвной ткани с различными видами переплетений; 3. Новый вид двухслойной ткани – браная двухслойная пучково-узловая узорная; 4. Новый вид знаковости двухслойных тканей – сокрытые числознаки строения переплетений узоров; 5. Своеобразный порядок построения и размещения линейных знаков в слоях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кутенков П. И. Об основных положениях концепции знакового исследования русской народной женской одежды // Российский научный журнал. – 2012. – № 3(28). – С. 59-66.

2. Кутенков П. И. Знаковая методика определения внутреннего строения единичных одежд и вещей русской народной сряды (одежды) // Российский научный журнал. – 2013. – № 1(32). – С. 88-94.

СОКРАЩЕНИЯ

КЖБР – календарь жизни баба-рожаницы

КРК – крестьянская родовая культура

РМН – Русский музей народоведения (негосударственный)

УДК 378+796

ББК 74.48

Педагогика

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Кандидат педагогических наук Л. И. Архарова

Кандидат педагогических наук О. А. Плаксина

Статья посвящена проблеме формирования здорового образа жизни у подростков и студенчества. Раскрыты различные формы работы волонтерского отряда «Свои» Института психологии, педагогики и социальной работы РГУ им. С. А. Есенина. Формирование ценностей здорового образа жизни в молодежной среде является объективной характеристикой эффективности процессов профилактики наркомании, табакокурения, токсикомании и распространения ВИЧ-инфекции в молодежной среде.

Ключевые слова

Волонтерство, студенчество, профилактика вредных привычек, здоровый образ жизни

Модернизация российского образования предполагает подготовленность молодежи к ведению здорового образа жизни, которая соотносится с таким психологическим образованием личности как установка на здоровый образ жизни, положительная оценка и восприятие социальной компетентности как неотъемлемой способности современного человека.

Важной составной частью государственной политики является развитие физической культуры и спорта. Физическое образование признано сыграть особую роль в процессе формирования индивидуальности человека. Оно создает фундамент здоровья, обеспечивает внутренние гарантии продуктивности учебно-познавательной деятельности и общения в сложной социально-экономической и эко-

логической обстановке, способствует накоплению первичного опыта адаптации будущего работника к условиям рыночных отношений.

Результатом физического образования является физическая культура, которая в прямом соответствии с гуманистической парадигмой образования может быть определена как деятельность индивида по позитивному самопреобразованию, в ходе которой решаются задачи телесного, психологического, интеллектуального и нравственного плана и достигаются результаты этой деятельности в виде системы образуемых ею ценностей [1].

Государственные образовательные стандарты ставят перед физическим воспитанием задачу сформировать стиль жизни студента.

Важнейшая роль в решении этой зада-

чи отводится системе высшего образования с возможностью поэтапной реализации обозначенных проблем и учета возрастных и психологических особенностей студентов. Студент должен стать не только грамотным специалистом, но и здоровым человеком. Важным в физическом образовании студентов должно стать целенаправленное формирование осознанной мотивации и потребности постоянно заботиться о своем здоровье, вооружаться знаниями и методами составления спортивно-оздоровительной программы.

Анализ литературы по формированию здорового образа жизни у студентов средствами физической культуры выявил наличие ряда работ, раскрывающих инновационные подходы в решении данной проблемы (В. К. Бальсевич, Н. А. Бирюков, М. Я. Виленский, А. В. Лотенко, Л. И. Лубышева, В. В. Марков, Ю. В. Салов). Это обусловлено рядом социальных, психологических, культурно-исторических факторов. Психологические возможности данного возраста позволяют студенту сделать осознанный выбор своей жизненной позиции. Студент не только осваивает материал, но и формирует свое отношение к изученному, определяет свою позицию, которую он занимает относительно изучаемых проблем. В высших учебных заведениях оптимальные условия для формирования отношения к здоровому образу жизни создаются в процессе обучения студентов общим гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам и в процессе воспитательной работы. Всё более очевидна необходимость подхода к физической культуре не только как к системе оздоровления организма и совершенствования двигательного аппарата, но и как явлению культуры, в котором через соотнесение с идеалами и устремлениями происходит самораскрытие и самореализация личности. Выступая в виде определённой структуры поведенческих образов сопряженных с пониманием человеческого тела как ценности, физическая культура должна стать

важным элементом образа и стиля жизни. Здоровье студента является основным ресурсом его самореализации как личности, именно оно определяет успешность человека, профессиональное совершенствование и карьерный рост.

В процессе присвоения ценности «здоровый образ жизни» студент осознает себя связующим звеном между здоровьем и образом жизни. Ведение здорового образа жизни позволяет осознать необходимость данного стиля жизни для развития и сохранения личного и общественного здоровья. С ведением здорового образа жизни тесно связано признание ценности здоровья, которое воспринимается как главная и основная задача нашей страны и всего человечества; признание человека как ответственного субъекта. Таким образом, здоровый образ жизни рассматривается нами как ценность, проявляющаяся в отношениях «человек – образ жизни» и раскрывающаяся посредством следующих идей: идея ценности здоровья, идея ведения здорового образа жизни, идея человека как ответственного субъекта.

Отношение к здоровому образу жизни как профессиональной ценности представляет собой интегративное, относительно устойчивое личностное образование, характеризующееся связью студента с ценностью «здоровый образ жизни», включающей в себя знания о ценности «здоровый образ жизни», эмоциональное отношение к нему, осознание здорового образа жизни как личностно и социально значимой ценности, проявляющейся в реализации деятельностных аспектов. Проблема духовного и физического здоровья в обществе является приоритетной. Особенно остро стоит вопрос профилактики асоциального поведения, наркомагии и наркологических заболеваний, которые в настоящее время затрагивают все без исключения слои общества. Разные специалисты – врачи, психологи, педагоги – говорят о том, что это является следствием рискованного стиля поведения

людей, в частности молодежи, отсутствием необходимых для сохранения здоровья навыков и информации.

Сегодня активное развитие молодежных общественных объединений очень перспективно, так как они могут возместить недостаток социально приемлемой и интересной для молодежи деятельности. Она становится для молодежи тем социумом, который лежит вне зависимости от образовательных учреждений, родителей, близкого окружения.

По данным Министерства здравоохранения РФ, уровень заболеваемости наркоманией среди детей и подростков в два раза выше, чем среди населения в целом, а токсикоманией – в 8 раз. Подростки злоупотребляют наркотиками в 7,5 раза чаще, чем население других возрастов. Приобщаются к пробам от 20 до 30 % школьников в возрасте 11-15 лет, что объясняется доступностью и низкой стоимостью наркотических веществ. Зонами риска являются учебные заведения, места проведения досуга, общежития, дворы, определенные места на улицах города. Таким образом, потребление наркотиков начинается в период обучения в школе, когда человек еще не сформировался физически, психологически, а тем более социально. Большое значение имеет индивидуальная потребность в искусственном, позитивном изменении психического состояния, настроения, биотонуса с помощью наркотических веществ. Недостаточность действия психофизиологических механизмов, ответственных за переживание душевного и физического комфорта, удовольствия, успешной адаптации и самоактуализации в рамках поведения, может обуславливаться рядом причин: личной дефицитарностью, средовой дефицитарностью, ограничивающей развитие личности и удовлетворение ее потребностей, чрезмерно высокой эмоциональной нагрузкой, обусловленной наличием большого количества стрессогенных ситуаций. Поэтому проблема профилактики потребления психоактивных ве-

ществ на современном этапе должна решаться профессионально подготовленными кадрами, способными применять новейшие технологии.

Взаимодействие институтов общества и организации программ для молодежи рассматривается как постоянное совершенствование требований к профилактическим программам: внедрение в молодежную среду системы личностно-ориентированной профилактики, подготовки волонтеров из представителей студенческих общественных объединений, внедрение системы обучающихся семинаров для подготовки волонтеров к работе с детьми.

Формирование ценностей здорового образа жизни в молодежной среде является объективной характеристикой эффективности процессов профилактики наркомании, табакокурения, токсикомании и распространения ВИЧ-инфекции в молодежной среде.

Волонтерский отряд по формированию установок на здоровый образ жизни сформирован и действует с 2002 года. Деятельность отряда осуществляется при финансовой поддержке и в партнерстве с Управлением по делам образования, науки и молодежной политики администрации Рязанской области, Рязанским областным клиническим наркологическим диспансером и региональным отделением общества Российских немцев «Начало» (рук. А. В. Шенк).

В настоящее время организация волонтеров носит официальное название «Студенческий волонтерский отряд по пропаганде здорового образа жизни». Основным содержанием деятельности волонтерского отряда выступает разработка, апробация и реализация социальных проектов, направленных на пропаганду здорового образа жизни среди детей, подростков и молодежи.

Волонтерство (добровольчество) – это неоплачиваемая, сознательная, добровольная деятельность на благо других. Участие в деятельности волонтерского

отряда одна из форм воспитательной работы вуза. Каждый студент факультета может раскрыть свои потенциальные возможности в процессе работы. Привлечение студентов в волонтерский отряд отражает процесс интеграции науки и практики не только в формировании психологической компетенции, но и в профессиональной и личностной позиции студентов будущих психологов.

Процесс подготовки волонтеров включает в себя следующие этапы: планирование и подготовка программы для волонтеров; диагностика и собеседование; ориентация на обучение; включение волонтеров в разработку программ профилактики; контроль и мотивация; оценка труда волонтеров.

Лекционные курсы, позволяли овладеть теоретическими знаниями, касающихся вопросов современного состояния общества, положения человека в нем, особенностей человеческой личности и возможностей формирования своей личности. Социально-психологический тренинг, который имел своей целью ориентацию студентов на положительное восприятие и оценку способности социальной компетентности по проблемам здорового образа жизни. Занятия-практикумы, в ходе которых студенты анализировали свои личностные особенности, принимали решения о путях и средствах развития тех или иных качеств, свойств и способностей их коррекции. Деловые игры по решению правовых ситуаций, которые способствовали формированию запаса разнообразных способов решения проблемных ситуаций, накоплению опыта устойчивого и гибкого реагирования на различные социальные воздействия. Ролевые игры, которые позволили участникам приобрести опыт и выработать у себя новые формы поведения с установкой на здоровый образ жизни. Важным педагогическим средством, используемым в работе по профилактики табакокурения, наркомании и распространения ВИЧ-инфекции в моло-

дежной среде является цикл учебно-демонстрационных игр, способствующих своевременному выявлению трудностей отдельных подростков и стимулированию их к преодолению сложных жизненных ситуаций, развитие качеств социальной компетентности.

Методика учебно-демонстрационных игр представляет собой совокупность способов формирования и развития качеств социальной компетентности, особенностью которых является эвристический и креативный характер действий участников. При проведении учебно-демонстрационных игр выработка качеств социальной компетентности сопровождается эмоциями, что в свою очередь обеспечивает мобилизацию интеллектуальных резервов, стимулирует мотивы включенности в волонтерскую деятельность, позволяет расширить представления о себе и своих возможностях.

При этом происходит значительное увеличение возможностей самореализации, самокоррекции субъектом собственных индивидуальных особенностей, что особо важно для эффективности процесса профилактики в молодежной среде. Для обоснования эффективности используемых психолого-педагогических средств профилактики наркомании в молодежной среде и определения степени на уровень профилактических программ социальной компетентности учащихся мы использовали анкетирование, анализ проведенных занятий, балльную оценку применяемых психолого-педагогических средств. По результатам балльных оценок на первое место было поставлено участие в акциях, на второе место – учебно-демонстрационные игры. Остальные, используемые для формирования качеств социальной компетентности, психолого-педагогические средства получили равнозначную оценку.

Практика показала, что наиболее эффективными являются активные методы и групповые формы социально-психологического обучения. В основу работы по-

ложена тренингово-игровая технология, которая рассчитана на небольшую группу людей.

Одним из самых эффективных и мотивирующих студентов способов подготовки волонтеров является проведение выездных семинаров-лагерей для студентов, которые осуществляются в партнерстве с государственными и общественными организациями. С целью повышения профессиональных навыков при финансовой поддержке АНО «Брайтенабайт» был проведен десятидневный выездной лагерь для волонтеров «Мода на здоровый образ жизни». Было отобрано 35 лидеров из числа волонтеров, с которыми проводилась работа по закреплению полученных знаний по основам пропаганды ЗОЖ. Программа работы лагеря состояла из 2-х блоков образовательного (информационного) и игрового. Проводились семинары по темам: СПИД, наркозависимость, ИППП. Многие задания, упражнения, игры работают «одновременно в нескольких направлениях: информация, мотивация, навык. Проводимый семинар на тему: ВИЧ-инфекция/СПИД, цель, которого повышение уровня информированности подростков по проблемам, связанных с ВИЧ/СПИД, выработка и развитие навыков предотвращения заражения ВИЧ-инфекцией у подростков решал следующие задачи: выяснить уровень информированности по проблеме; дать достоверную информацию о путях передачи ВИЧ, об обследовании на ВИЧ, о безопасном поведении, о возможностях предотвращения инфицирования; сформировать навыки предотвращения заражения ВИЧ-инфекцией; проверить уровень усвоения информации.

Волонтеры проводили семинары, интерактивные уроки – решения правовых

ситуаций, которые способствовали формированию запаса разнообразных решений проблемных ситуаций, накоплению опыта устойчивого и гибкого реагирования на различные социальные воздействия в школах № № 51, 17, 34, 10, 64 города, принимали участие в акциях «Молодежь против наркотиков», «Береги себя», «Спасибо нет».

Проведение интерактивных уроков «Умей сказать нет» в школах города.

Как показал опыт реализации программы подготовки волонтеров, любое общественное объединение студенческой молодежи, занимаясь профилактикой употребления психоактивных веществ, приобретает следующие социальные навыки и умения:

- умения принимать решения, учитывая мнения других людей;
- умение решать проблемные ситуации, возникающие в семье, в образовательном учреждении, в среде своих сверстников, используя потребность в достижении;
- навыки общения и установления межличностных взаимоотношений;
- умение противостоять манипуляции и групповому давлению.

Реализация программы работы волонтерского отряда показала, что наиболее эффективным способом расширения влияния молодежных общественных объединений на процесс формирования здорового образа жизни в молодежной среде является метод «молодежь обучает молодежь», так как у молодежи присутствует нигилизм по отношению к информации исходящих от взрослых. Поэтому «носителями» достоверной информации являются сами молодые люди и своим примером показывают преимущества здорового образа жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Олияр В. Н., Быков В. С. Теоретико-методологические основы актуализации физического самовоспитания учащихся // Теория и практика физической культуры. – 2002. – № 1. – С. 11.

УДК 159.923.2

ББК 88.5

Психология

ПСИХОЛОГИЯ

СОБСТВЕННЫЙ ОПЫТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ К ДЕТСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ У МОЛОДЫХ ВЗРОСЛЫХ

С. М. Баркова

В статье представлены результаты исследования взаимосвязей между ранним сексуальным опытом и отношением к детской сексуальности у молодых взрослых. Для различных проявлений детской сексуальности обнаружена разная мера связи с отношением к детской сексуальности. Выявлены взаимосвязи между наличием такого опыта и принимающим отношением к детской сексуальности. Акцентирована важность психообразовательных мероприятий, способствующих выработке принимающего отношения к детской сексуальности для молодых родителей и специалистов, работающих с детьми.

Ключевые слова

Детская сексуальность, сексуальность, ранний опыт, молодые взрослые, отношение к детской сексуальности

В последние десятилетия за рубежом активно разрабатывается тема детской сексуальности. Ею занимаются ученые из разных областей знания – как теоретических: история, философия, социология, так и более практических: педагогика, сексология, психология [1, 8, 10]. В отечественной психологии изучением детской сексуальности в воспоминаниях взрослых занимался П. П. Блонский [2] в 1930-е гг. По идеологическим соображениям его исследования были прерваны, и с тех пор в Россию научные данные о детской сексуальности поступают из-за рубежа [3].

Согласно современным данным, сексуальное развитие начинается у человека в перинатальный период, а проявления сек-

суальности присущи детям с самого раннего возраста [4, 12]. Детская сексуальность проявляется на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне. К поведенческим проявлениям относят такие широко распространенные среди здоровых детей явления как детские сексуальные игры [6, 11] и мастурбацию [9]. К проявлениям когнитивной составляющей детской сексуальности относят знания, которыми ребенок располагает в этой сфере [5]. Выражаемый ребенком интерес к темам, связанным с сексуальностью, можно рассматривать как когнитивную составляющую или эмоциональную, поскольку интерес относится к базовым эмоциям по К. Изарду.

Зарубежные работы демонстрируют,

что у большинства детей к наступлению пубертата в опыте есть участие в той или иной детской сексуальной игре [11, 14]. Сексуальность проявляется различно в зависимости от возраста ребенка и от того, что считается приемлемым в сообществе, где он растет. Так, начиная со школьного возрастародственники и воспитатели реже замечают у детей поведения такого рода [9]. При анализе ретроспективных данных выясняется, что в этот возрастной период дети, принимая во внимание культурный контекст, стремятся реализовывать свой интерес к сексуальной сфере скрытно [9]. Культура имеет большое влияние на проявления сексуальности у детей. Например, шведские 3-6-летние дети демонстрируют, согласно данным ученых, больше сексуально окрашенного поведения, чем их ровесники из США [14].

В разных странах проводятся исследования, фиксируется частота и специфика детского сексуального опыта, а также отношение к нему [13]. Однако до нынешнего момента не было работ, посвященных изучению взаимосвязи отношения к детской сексуальности с собственным опытом на Российской выборке.

С целью выявления особенностей собственного детского сексуального опыта в связи с отношением к детской сексуальности было проведено исследование (с 2009 по 2014 гг.), включавшее два экспериментальных этапа. Выборку составили молодые взрослые от 20 до 35 лет, проживающие на территории РФ. Всего в исследовании приняло участие 468 человек, из них 317 женщин и 151 мужчина.

На первом этапе проводилась серия глубинных интервью с целью выявления основных типов детского сексуального поведения и их распространенности. В этом этапе участвовали 30 женщин. С помощью данных контент-анализа транскриптов интервью были разработаны методы измерения и исследования отношения к детской сексуальности, а также вопросы об опыте детской сексуальности. На

втором, количественном, этапе проведено Интернет-анкетирование 438 молодых взрослых с помощью разработанных опросников. Для выявления взаимосвязей между собственным детским сексуальным опытом и отношением к детской сексуальности в общемрезультаты были обработаны следующими математико-статистическими методами: описательные статистики, двухэтапный кластерный анализ, Хи-квадрат Пирсона.

В ходе качественного этапа исследования, проявления детской сексуальности рассматривались на каждом уровне. Поведенческий уровень представлен детскими сексуальными играми. Глубинное интервью включало вопросы об участии в таких играх. Разнообразие сексуальных игр, описываемых респондентками, объединено в 4 категории, представленные далее с краткими цитатами из интервью, иллюстрирующими каждую из них.

Игры в секс с куклами (совокупление Барби и т. п.) упомянули 13 из 30 респонденток, что составило 43 %. Об этом виде игр рассказывали таким образом: «Была Барби с Кеном, пара была. Да, развлекались так (условная демонстрация совокупления с помощью жестов)». «Были игры с куклами, мы их раздевали с девочками, рассматривали, без мальчиков». «Первая Барби появилась у меня лет в семь. Потом появился Кен. Я их спаривала, мне лет 9 было».

Игры в доктора, демонстрация половых органов были упомянуты 14 респондентками, 46 % выборки. Примеры высказываний: «Я помню, что в детском саду с одним мальчиком мы щупали друг другу половые органы (смех)». «Была такая игра лет в 11-12, там в основном были девочки, по очереди раздевались».

Рольевые игры с сексуальным подтекстом (игры в султанов и наложниц, солдат, которые спасают девушек и вообще любые рольевые игры, если они включали сексуальный элемент хотя бы на одном из игровых этапов) назвали 11 респонденток, 36 % участниц первого этапа исследования.

«Такая игра... Кто-то кого-то должен спасти, а для этого девушке нужно было проехать голым по городу. Девушка заболела и нужно было ее лечить. Нам почему-то этот сюжет очень нравился, кому-то из нас с подругой. Проезжала кукла, а лечили по очереди всех. Мы могли медосмотр устроить именно этих органов. Она ведь голая проехала, значит, эти органы и заболели». «Лет в 12 на даче у нас была компания, мы смотрели сериалы и играли в них. Изначально мы просто переживали, что видели по телевизору, потом появился сексуальный подтекст. Рабыня Изаура... В итоге перетекала в сексуальную игру».

«Детский секс», имитация полового акта с другим ребенком, по данным зарубежных исследований, одно из наиболее редких проявлений детской сексуальности [9], в исследуемой выборке также встречалось реже, чем остальные виды сексуального поведения – о нем сообщили 4 респондентки, (13 %). Рассказывали так: «После первого класса мы поехали к маминой подруге, у которой сын был на год младше меня. И я пыталась его соблазнить. Я его поцеловала, а потом достаточно близкие контакты были, что-то мы имитировали».

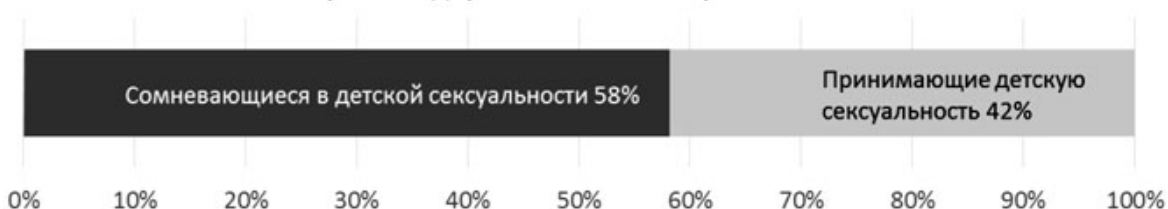
Обсуждая детский опыт сексуальности на когнитивном уровне, респондентки затрагивали такие темы, как знания о сек-

суальных отношениях и появление первого интереса к сексуальности. Многие женщины упоминали о том, что сфера появления детей, беременности и родов так или иначе была отделена в их детских представлениях от сексуальных отношений. Причинно-следственную связь между сексуальными отношениями и рождением детей понимали в детстве 4 опрошенных (13 %). Что касается момента появления первого интереса к сексуальности, наименьшее число респонденток отнесли его к подростковому возрасту (после 13 лет, 7%). Большинство же сообщили, что интерес к сексуальности появился у них в возрасте от 5 до 7 лет (43 %), меньшее число – о том, что это произошло в 3-4 года (23 %); возраст 10-13 лет назвали 17 %, нечто другое озвучили 10 % (например, «просто всегда это знала»).

Количественный этап проводился с помощью опросников, разработанных в ходе предыдущей части исследования. Данные опросника отношения к детской сексуальности (20 высказываний, построенных по принципу семантического дифференциала) обрабатывались с помощью метода двухэтапного кластерного анализа. В результате среди опрошенных были выявлены две группы, получившие название

Отношение к детской сексуальности у молодых взрослых

Результаты двухэтапного кластерного анализа

Наименьший кластер	183 (41,8%)
Наибольший кластер	255 (58,2%)
Отношение кластеров	1,39

Рис. 1. Распределение выборки по группам в зависимости от отношения к детской сексуальности

«принимающих детскую сексуальность» и «сомневающих» в ней (распределение представлено на рисунке 1). «Принимающие» составили 42 % выборки. Они реже сообщали, что испытывают негативные чувства в связи с мыслями о детской сексуальности; чаще были убеждены в том, что детская сексуальность существует; и признавали, что здоровые дети могут играть в сексуальные игры и интересоваться связанными с сексуальностью вещами.

Исследование опыта детской сексуальности включало ряд вопросов, сформулированных в ходе работы над данными качественного этапа исследования. Список категорий сексуальных игр служил оценке опыта поведенческой составляющей. В этом списке нужно было отметить все, в которых респонденты принимали участие в детстве. Отдельной переменной выступал сообщаемый факт участия/не участия в какой-либо детской сексуальной игре. Другими переменными, фиксирующими собственный детский сексуальный опыт респондентов, выступали наличие знаний о связи между половыми отношениями и появлением детей и возраст появления первого интереса к сексуальности.

Для проверки предположения о взаимосвязи собственного опыта детской сексуальности и отношения к детской сексуальности использовался Хи-квадрат Пирсона. Подробно результаты представлены в таблице 1. Респонденты, в опыте которых представлен поведенческий уровень детской сексуальности (сообщившие об участии в той или иной детской сексуальной игре), значимо чаще характеризуются принятием детской сексуальности, чем те, у которых не было этого опыта (82 % всех принимающих и 69 % сомневающих участвовали в какой-либо сексуальной игре).

Обращает на себя внимание, что такая закономерность сохраняется для игр, ориентированных на взаимодействие с другими детьми, но не для сексуальной игры с куклами, которую можно реализовать в одиночестве. Это подчеркивает важность

межличностной составляющей для формирования системы отношений человека.

Опыт детской сексуальности на когнитивном уровне аналогичным образом взаимосвязан с отношением к ней как к общему явлению. Молодые взрослые, располагавшие в детстве базовыми знаниями о сексуальности, чаще принимают детскую сексуальность в общем. Кроме того, чем к более раннему возрасту респонденты относят появление у себя первого интереса к сексуальной сфере, тем в большей мере они характеризуются принятием детской сексуальности.

Таким образом, в ходе описанного двухэтапного исследования подтверждена взаимосвязь между собственным детским сексуальным опытом и отношением к детской сексуальности вообще у молодых взрослых. Ввиду того, что детский опыт очевидно предшествует текущему отношению к детской сексуальности, можно постулировать, что он является фактором, влияющим на становление такого отношения. Данные исследования также демонстрируют изменение общественного отношения к детской сексуальности в сторону более принимающего по сравнению с советским периодом – почти половина участников была отнесена к группе принимающих детскую сексуальность, тогда как ранее большинство скорее отвергало ее существование в связи с тревогой и стыдом [3].

Выявлено, что собственный ранний сексуальный опыт (участие в детских сексуальных играх, проявление интереса, приобретение знаний о сексуальности) оказывает формирующее влияние на представления о детской сексуальности у молодых взрослых. При отсутствии в детстве опыта сексуальных игр с другими детьми и позднем пробуждении интереса к сексуальности, принятие детской сексуальности во взрослом возрасте без специально направленной работы может не сформироваться. Поэтому может быть полезным создавать просветительские курсы для взрослых, родителей и специа-

Таблица 1

Опыт детской сексуальности (до 12 лет) по данным самоотчета

Отношение к детской сексуальности	Принимающие детскую сексуальность	Сомневающиеся в детской сексуальности	Всего Частота и процент по отношению к выборке в целом
	Указаны частота и процент по отношению к общему числу принимающих / сомневающих в детской сексуальности		
Опыт участия в детских сексуальных играх			
Участие в сексуальных играх**	151 82%	175 69%	326 74%
Виды детских сексуальных игр			
Игры в секс с куклами	75 41%	86 34%	161 37%
Игры в доктора**	93 51%	84 33%	177 40%
Рольевые игры с сексуальным подтекстом**	65 36%	54 21%	119 27%
Участие в детском сексе*	41 22%	37 15%	78 18%
Знания о сексуальности**			
В детстве было знание, что сексуальные отношения связаны с рождением детей	62 34%	63 25%	125 29%
Такое знание появилось в определенном возрасте (от 6 до 12 лет)	89 49%	101 40%	190 43%
Знания о связи появления детей и сексуальности не было до пубертата	32 17%	91 36%	123 28%
Возраст появления интереса к сексуальности**			
Интерес к сексуальности появился до 3-х лет	5 3%	3 1%	8 2%
Интерес появился в возрасте 3-4 лет	37 20%	23 9%	60 14%
Интерес появился в возрасте 5-7 лет	87 48%	105 40%	192 44%
Интерес появился в возрасте 8-12 лет	49 27%	86 34%	135 31%
Интерес появился после 13 лет	5 3%	38 15%	43 10%

* Звездочкой отмечены показатели, значимо различающиеся ($p \leq 0,05$)** Двумя звездочками – различающиеся на высоком уровне значимости ($p \leq 0,001$)

листов, работающих с детьми, с целью формирования позитивного отношения к детской сексуальности (отсутствие негативных чувств, признание ее существования, взвешенное и разумное отношение к проявлениям ее у детей).

Ретроспективный подход, использованный в данной работе, хоть и создает этичные условия для изучения детской сексуальности, ограничивает возможности к обобщению результатов, поскольку информация

подвержена искажениям в процессе припоминания. Пережитый опыт помнится с позиции взрослого, а это не позволяет выявить, каков был детский взгляд респондентов [7]. В сущности, в работе анализируются представления молодых взрослых о собственном опыте, а не опыт как таковой.

В то же время описанное исследование открывает новые возможности и перспективы для изучения детской сексуальности и отношения к ней в Российской науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Арвес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 416 с.

2. *Блонский П. П.* Избранные педагогические и психологические сочинения. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1979. – 304 с.

3. *Кон И. С.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. – М.: Время, 2010. – 608 с.

4. *Bancroft J.* Human sexuality and its problems. – 3rd edition. – Churchill Livingstone, 2009. – 540 p.

5. *Brilleslijper-Kater S. N., Baartman H. E. M.* What do Young Children Know About Sex? Research on the Sexual Knowledge of Children Between the Ages of 2 and 6 Years // Child Abuse Review. – 2000. – Vol. 9. – P. 166-182.

6. *Davies S. L., Glaser D., Kossoff R.* Children's sexual play and behavior in pre-school settings: Staff's perceptions, reports, and responses // Child Abuse & Neglect. – 2000. – Vol. 24. – № 10.

7. *De Graaf H., Rademakers J.* The psychological measurement of childhood sexual development in Western societies: methodological challenges // The Journal of Sex Research. – 2011. – Vol. 48. – № 2. – P. 118-129.

8. *Egan R. D., Hawkes G. L.* Imperiled and Perilous: Exploring the History of Childhood Sexuality // Journal of Historical Sociology. – 2008. – Vol. 21. – № 4. – P. 355-367.

9. *Friedrich W. N., Trane S. T.* Sexual behavior in children across multiple settings – Commentary // Child Abuse & Neglect. – 2002. – Vol. 26. – № 3.

10. *Kehily M. J., Montgomery H.* Innocence and experience: a historical approach to childhood and sexuality // *M. J. Kehily* (ed.) An Introduction to Childhood Studies. – Maidenhead, UK: Open University Press, 2008. – 248 p.

11. *Lamb S., Coakley M.* Normal childhood sexual play and games – differentiating play from abuse // Child Abuse & Neglect. – 1993. – Vol. 17. – № 4.

12. *Larsson I. B.* Child sexuality and sexual behaviour. Expert report. – Sweden, Socialstyrelsen: National Board of Health and Welfare, 2000. – 42 p.

13. *Thigpen J. W., Fortenberry J. D.* Understanding Variation in Normative Childhood Sexual Behavior: The Significance of Family Context // Social Service Review. – 2009. – Vol. 83. – № 4.

14. *Vosmer S., Hackett S., Callanan M.* «Normal» and «inappropriate» childhood sexual behaviours: Findings from a Delphi study of professionals in the United Kingdom // Journal of Sexual Aggression. – 2009. – Vol. 15. – № 3.

**МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РФ ИМЕНИ В. Я. КИКОТЯ¹
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ
РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ
ИМЕНИ В. Ф. МАРГЕЛОВА²**

УДК 612.821
ББК 88.23
Психофизиология

медицина

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КОРРЕЛЯЦИОННЫХ ПЛЕЯД
В ИЗУЧЕНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ СИСТЕМНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОДУКТИВНОСТИ
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
У КУРСАНТОВ С РАЗНОЙ УСПЕШНОСТЬЮ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ**

**Доктор медицинских наук С. В. Булатецкий¹
Кандидат психологических наук А. С. Марков²**

В статье рассматриваются возможности применения метода корреляционных плеяд для изучения особенностей системной организации и продуктивности психофизиологических процессов у курсантов с разной успешностью профессионального обучения.

Ключевые слова

Гемодинамика, метод корреляционных плеяд, синергетика, успешность профессионального обучения, функциональное состояние

Одним из статистических способов обработки результатов исследований является метод корреляционных плеяд, который позволяет извлечь из экспериментальных данных полезную информацию. Корреляционный анализ позволяет не только традиционно проверить гипотезы о связях между случайными величинами или признаками с использованием количественной меры взаимосвязи (совместной изменчивости) исследуемых переменных, но и по изменениям количественных и качественных показателей внутрисистемных и межсистемных сопряженных связей оценить напряженность адаптации и изменение функционального состояния человека при различных видах воздействий на организм. В предыдущих наших исследованиях метод корреляционных плеяд использовался: в опре-

делении взаимосвязи между уровнем развития интеллекта и спектрально-волновыми характеристиками сердечного ритма [2, 4]; в оценке успешности профессионального обучения в вузе [7, 8, 10] и процесса адаптации к обучению [9]; в выявлении критериев научного психофизиологического прогнозирования успешности профессионального обучения [6, 8, 10]; в изучении адаптивных процессов при различных видах нагрузочного тестирования [1, 5, 9, 10, 12]; в изучение особенностей вегетативной регуляции в группах с разным функциональным состоянием [1, 2, 4, 6, 10, 12]; в оценке эффекта от локальных воздействий переменным магнитным полем [3, 10, 11, 12].

Настоящая работа является продолжением исследования [13] особенностей системной организации биосоциальной

адаптации курсантов образовательного учреждения МО РФ к предстоящей профессиональной деятельности по критерию успешности обучения.

Целью настоящего исследования был анализ особенностей системной организации и продуктивности психофизиологических процессов при интеллектуальной нагрузке (зачет по учебной дисциплине) по корреляционным плеядам физиологических показателей и критерию успешности профессионального обучения.

Материалы и методы. В исследовании участвовал 21 курсант образовательного учреждения МО РФ (средний возраст – $20,1 \pm 0,4$ лет). Используемые в исследовании физиологические показатели – систолическое (САД) и диастолическое артериальное давление (ДАД), пульсовое давление (ПД), частота сердечных сокращений (ЧСС), глюкоза крови (ГК) измерялись перед и сразу после зачета по учебной дисциплине (интеллектуальная

нагрузка). Уровень глюкозы в крови определялся электрохимическим методом (глюкометр Accu-Chek Performa Nano / Германия / с тест-полосками). Индекс Кердо (ИК), отражающий степень влияния на сердечно-сосудистую систему автономной нервной системы, рассчитывался по традиционной формуле. Для определения степени связи между исследуемыми показателями использовался непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Оценивались направление и сила корреляционной связи, а также изменение количественных и качественных показателей плеяд в группах с разной успешностью сдачи зачета – «троечники» ($n=10$) и «хорошисты» ($n=11$)

Результаты и их обсуждение. Корреляционные плеяды в группах курсантов с разной успешностью сдачи зачета на разных этапах исследования представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Корреляционные плеяды в группах курсантов с разной успешностью сдачи зачета перед интеллектуальной нагрузкой

Показатели		Курсанты «хорошисты»						
		САД	ДАД	ПД	ЧСС	ГК	ИК	«Успешность»
Курсанты «троечники»	САД		0,40	0,54	0,10	-0,37	-0,19	0,16
	ДАД	0,43		-0,42	0,23	0,08	-0,53	0,14
	ПД	0,83	-0,12		-0,29	-0,18	0,06	-0,08
	ЧСС	0,91	0,14	0,94		-0,15	0,69	0,26
	ГК	0,57	-0,12	0,67	0,49		-0,23	-0,29
	ИК	0,19	-0,77	0,69	0,52	0,37		0,18
	«Успешность»	-0,25	-0,46	0,02	-0,23	0,35	0,21	

Таблица 2

**Корреляционные плеяды в группах курсантов с разной успешностью
сдачи зачета после интеллектуальной нагрузки**

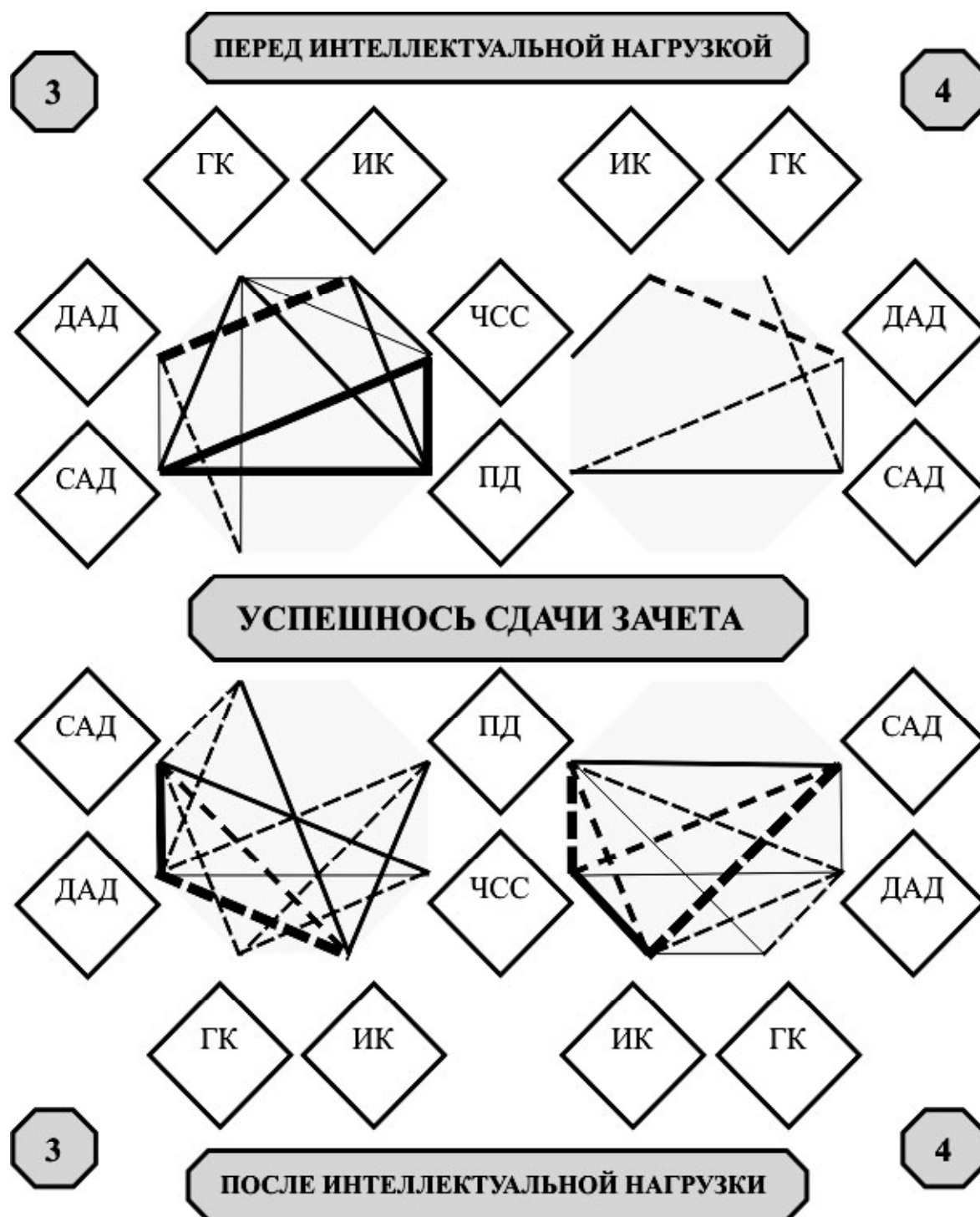
Показатели		Курсанты «хорошисты»						
		САД	ДАД	ПД	ЧСС	ГК	ИК	«Успешность»
Курсанты «троечники»	САД		0,37	0,62	-0,51	0,09	-0,72	0,12
	ДАД	0,75		-0,32	0,34	-0,37	-0,37	0,24
	ПД	0,16	-0,40		-0,79	0,39	-0,52	-0,17
	ЧСС	0,58	0,42	0,28		0,05	0,74	0,21
	ГК	-0,36	-0,03	-0,36	-0,31		0,35	-0,09
	ИК	-0,62	-0,94	0,54	-0,10	-0,09		-0,04
	«Успешность»	-0,46	-0,45	-0,07	0,05	0,24	0,51	

Корреляционные плеяды физиологических показателей в исследуемых группах при проведении зачета приведены на рисунке 1.

Человек является сложной системой, преобразующей детерминированную и хаотическую составляющую внешней среды в детерминированную и хаотическую составляющую своего организма. «Интеллектуальные» функции рассматриваются как сложные функциональные системы, организованные в когерентно работающие зоны, каждая из которых может принадлежать совершенно различным и часто удаленным друг от друга на достаточно большое расстояние областям мозга. Такие группы определяют иерархический уровень, выполняющий каждый раз соответствующую функцию [20]. Как следует из полученных данных, сила, направление и количество ранговых корреляций в группах с разной успешностью обучения за-

висит как от мотивированности и степени психоэмоционального напряжения перед зачетом и во время зачета, так и от уровня знаний.

Деятельность любой системы можно представить бесконечным рядом гармоник, которые в линейной системе могут быть независимыми, но в нелинейной системе неизбежно связаны между собой. Наиболее глубокие качественные особенности любой организации можно представить, как соотношение хаоса и порядка. Следует отметить, что порядок и хаос в синергетике рассматриваются не как противоположные явления, а как неотделимые друг от друга – из хаотической массы элементов строятся активно действующие функциональные системы [17, 20]. Одним из основных положений синергетики является развитие системы через обострение и неустойчивость. Перед зачетом в плеяде «троечников» наблю-

$\pm 0,7 - \pm 0,1$ – сильная корреляционная связь –	=====
$\pm 0,3 - \pm 0,699$ – средняя корреляционная связь –	=====
$\pm 0 - \pm 0,299$ – слабая корреляционная связь –	=====

Рисунок 1. Парные корреляции между физиологическими показателями в группах с разной успешность сдачи зачета

Примечание: прямые корреляции изображены сплошной чертой, обратные – пунктиром; 3 – «троечники», 4 – «хорошисты»

дается преобладание числа и силы корреляционных связей, чем в группе «хорошистов» – т. е. с позиций синергетики у «хорошистов» имеется большее число степеней свободы. Вероятно, это обусловлено тем, что более низкая энтропия системы соответствует более высокому уровню организации живых систем [16], а мозг здорового бодрствующего человека является предельно неустойчивой хаотической системой [15, 18]. Таким образом, в условиях предстоящей умственной деятельности в группе «хорошистов» функциональные системы более пластичны, а результат деятельности наиболее оптимален.

Устойчивость системы зависит от ее способности использовать информацию для регулирования потоков поступающих в систему веществ, энергии и оттока избытка энтропии. Любая кратковременная интенсивная нагрузка запускает процессы срочной адаптации, основным признаком которой является использование структурных и энергетических резервов. Эта фаза адаптации в термодинамическом аспекте характеризуется выраженной структурной и энергетической диссипацией с резким увеличением удельного производства энтропии. Интеллектуальная нагрузка в группе «хорошистов» вызвала увеличение числа и силы корреляционных связей, а в группе «троечников» – при том же количестве снижение силы корреляционных связей. Это свидетельствует, с одной стороны, об оптимальном регулировании мыслительной деятельности при интеллектуальной нагрузке в группе «хорошистов», с другой, – о более высокой пластичности функциональных систем, обеспечивающих регуляцию гомеостаза в процессе умственной деятельности. Известно, что рост числа и силы корреляционных связей приводит к увеличению энтропии, которая определяет уровень структурирования системы [17]. Такое уменьшение числа степеней свободы означает, что в системе происходит самоорганизация [19], т. е. у неё появляются

свойства, которыми не обладает ни одна из подсистем. Таким образом, в группе «хорошистов» умственная деятельность совершается с повышением сложности структур и порядка, с формированием диссипативных структур (т. е. в режиме минимизации диссипативной функции), а из хаотической массы элементов более активно строятся действующие функциональные системы, что характеризует адаптивность процессов, протекающих в системе.

Также следует отметить, что в отличие от группы «хорошистов» в группе «троечников» и перед интеллектуальной нагрузкой, и после нее имелись корреляционные связи физиологических показателей с успешностью сдачи зачета, причем умственная нагрузка вызвала увеличение числа и силы корреляционных связей. Исследованиями [14] установлена закономерность между уровнем энтропии и различными уровнями психической активности организма при умственной нагрузке – чем выше психическое напряжение организма, тем меньше энтропия (хаотическая динамика). Следовательно, в группе курсантов «хорошистов», у которых отсутствуют корреляции физиологических показателей с успешностью сдачи зачета, до и в момент интеллектуальной нагрузки психоэмоциональное напряжение менее выражено.

Полученные в работе данные совпадают с результатами других исследований [2, 4, 6, 10], что подтверждает объективность и значимость метода корреляционных плеяд в изучении особенностей системной организации и продуктивности психофизиологических процессов при различных видах деятельности человека.

Выводы:

1. Структурные особенности системной организации и продуктивности психофизиологических процессов курсантов с высокой успешностью обучения перед умственной нагрузкой характеризуются неизбежностью внутрисистемных

отношений, большим количеством степеней свободы. Внутрисистемные отношения курсантов с низкой успешностью обучения, напротив, носят избирательный характер с уменьшением степеней свободы.

2. Прогрессирующий рост числа и силы корреляционных связей между физиологическими показателями в группе курсантов с высокой успешностью обучения может быть охарактеризован как адек-

ватная реакция организма на интеллектуальную нагрузку. Уменьшение силы корреляционных связей при отсутствии динамики их числа в группе курсантов с низкой успешностью обучения обусловлено меньшей пластичностью функциональных систем, обеспечивающих регуляцию гомеостаза в процессе умственной деятельности, т. е. не является оптимальным с точки зрения согласования поведенческих и биоэнергетических параметров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Булатецкий, С. В. Влияние величины инспираторных резистивных дыхательных нагрузок на показатели вариабельности ритма сердца / С. В. Булатецкий // Клинико-экспериментальные аспекты общей патологии: Межрегиональный сборник научных трудов. – Рязань, РязГМУ, 2004. – С. 6-13.

2. Булатецкий, С. В. Влияние уровня интеллекта на корреляционные взаимосвязи спектральных параметров ритма сердца / С. В. Булатецкий // Вестник Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Серия Медицина. – 2003. – № 5(581). – С. 27-31.

3. Булатецкий, С. В. Динамика неспецифических адаптационных механизмов как критерий оптимизации магнитных воздействий / С. В. Булатецкий, Ю. Ю. Бяловский, Е. П. Глушкова // Российский медико-биологический вестник им. акад. И. П. Павлова. – 2013. – № 2. – С. 49-53.

4. Булатецкий, С. В. Корреляционные взаимосвязи спектральных параметров ритма сердца при проведении психоэмоциональной пробы у лиц с различным уровнем интеллекта / С. В. Булатецкий, Ю. Ю. Бяловский // Вестник новых медицинских технологий. – 2003. – Т. X. – № 1-2. – С. 20-22.

5. Булатецкий, С. В. Некоторые аспекты анализа вариабельности сердечного ритма в изучении адаптивных процессов у спортсменов / С. В. Булатецкий, Ю. Ю. Бяловский // Вестник новых медицинских технологий. – 2000. – Т. VII. – № 1. – С. 129-132.

6. Булатецкий, С. В. Особенности вегетативной регуляции ритма сердца при интеллектуальной нагрузке у кандидатов на обучение с разными категориями профессиональной пригодности / С. В. Булатецкий // Актуальные проблемы клинической и экспериментальной патологии: межрегиональный тематический сборник научных трудов, посвященный 200-летию со дня рождения российского гения медицины и хирургии Николая Ивановича Пирогова. – Рязань: РязГМУ, 2010. – С. 25-34.

7. Булатецкий, С. В. Особенности корреляционных плеяд спектральных показателей вариабельности сердечного ритма в группах с разной успешностью профессионального обучения / С. В. Булатецкий // Вестник Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Серия Медицина. – 2003. – № 5(581). – С. 21-23.

8. Булатецкий, С. В. Перспективы применения математического анализа ритма сердца в системе научного психофизиологического прогнозирования успешности профессионального обучения / С. В. Булатецкий. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2005. – 218 с.

9. Булатецкий, С. В. Системный анализ процесса адаптации к обучению курсантов

образовательного учреждения МВД России: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Рязань, 2001. – 23 с.

10. Булатецкий, С. В. Физиологические механизмы успешности профессиональной подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России: Дис. ... д-ра мед. наук. – Рязань, 2008. – 260 с.

11. Бяловский, Ю. Ю. Вариабельность сердечного ритма как критерий оптимальности локальных физиотерапевтических воздействий / Ю. Ю. Бяловский, С. В. Булатецкий, Е. П. Глушкова // Российский медико-биологический вестник им. акад. И. П. Павлова. – 2007. – № 4. – С. 91-96.

12. Бяловский, Ю. Ю. Неспецифические адаптационные механизмы в оптимизации тренирующих и реабилитационных мероприятий / Ю. Ю. Бяловский, С. В. Булатецкий, А. Н. Абросимов. – Рязань: Рязанский государственный медицинский университет, 2006. – 384 с.

13. Марков, А. С. Особенности гемодинамики у курсантов образовательного учреждения МО РФ при ментальном стрессе в процессе профессионального обучения / А. С. Марков, С. В. Булатецкий // Российский научный журнал. – 2015. – № 5(48). – С. 115-121.

14. Машин, В. А. Анализ вариабельности сердечного ритма с помощью метода графа при различных функциональных состояниях / В. А. Машин, М. Н. Машина // Вопросы психологии. – 2002. – № 2. – С. 99-111.

15. Мелик-Гайказян, И. В. Информационные процессы и реальность / И. В. Мелик-Гайказян. – М.: Наука, 1998. – 192 с.

16. Моисеева, Т. Ю. Живой организм с позиций информатики и термодинамики / Т. Ю. Моисеева // Вестник новых мед. технологий. – 2000. – Т. VII. – № 2. – С. 58-61.

17. Набиулин, М. С. Оптимизация тренирующих нагрузок в реабилитологии. Концептуальные подходы и практическое применение / М. С. Набиулин, В. Г. Лычев. – Н. Новгород: Изд. НГМА, 1999. – 191 с.

18. Пригожин, И. П. Время, хаос, квант / И. П. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1984. – 272 с.

19. Пригожин, И. П. От существующего к возникающему / И. П. Пригожин. – М.: Наука, 1985. – 328 с.

20. Садыхов, Р. А. Системная организация процессов мышления: самоорганизация и физиология человека при принятии удовлетворительных решений / Р. А. Садыхов, И. Э. Владимирский, У. С. Мамедова // Вестник новых медицинских технологий. – 2001. – Т. IIIV. – № 1. – С. 12-18.

УДК 159.942

ББК 88.912

Психология

ПСИХОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А. Ф. Гасимов

Рассматриваются отечественные и зарубежные подходы к определению понятия «эмоциональный интеллект». Прослеживается линия развития данного конструкта с античности до настоящего времени. Раскрывается внутренняя структура эмоционального интеллекта с различных методологических точек зрения. Показаны области психологического изучения и прикладного применения этого феномена.

Ключевые слова

Эмоциональный интеллект, социальный интеллект

Соотношение разума и чувств, проблемы управления своими чувствами и чувствами других людей были предметом размышлений ученых Древнего Мира. Древнегреческий философ Аристотель в своих трудах указывал на необходимость соразмерного и адекватного ситуации выражения чувств. Проблемы управления эмоциями рассматривались в работах философа-стоика Сенеки. В «Письмах к Луцилию» он анализирует проблемы преодоления своих страхов, страха смерти, тревожности, проблемы управления чувствами других в экстремальных ситуациях: воодушевление войск, идущих на смерть. Вопрос о соотношении разума и чувства стал предметом дискуссий философов Нового времени Р. Декарта, М. Монтеня, А. Руссо и др. Предпосылками научного исследования эмоционального интеллекта стали работы Ч. Дарвина о роли эмоциональной эк-

спрессии для выживания и адаптации, кросскультурные исследования П. Экмана и его коллег, исследование социального интеллекта Эд. Торндайк, концепция множественного интеллекта Г. Гарднера, подход к исследованию интеллекта Р. Стернберга. Проблема соотношения мышления и эмоций в отечественной психологии концептуализировалась разными способами такими классиками как Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, О. К. Тихомиров и др.

Следуя традиции развития психологией своего предмета что понятие эмоционального интеллекта базируется на более содержательно широком феномен социального интеллекта (Эд. Торндайк, Дж. Гилфорд, Г. Айзенк), являясь его составным элементом, обладая при этом отличительными признаками. Социальный интеллект отражает способность понимать внутренний мир других людей, а так-

же их поведение. Понятие социального интеллекта связывает воедино аффективную и когнитивную стороны процесса познания. Э. Торндайк рассматривал под социальным интеллектом специфическую способность понимать людьми друг друга и взаимодействовать между собой. По его мнению, социальный интеллект лежит в основе успешности межличностных отношений. В социальной психологии социальный интеллект раскрывается как социальная перцепция, как свойство, то есть такой атрибут субъекта отражения, который выделяется в режимах психологии личности [1].

Теоретический анализ воззрений на природу и особенности социального интеллекта следует дополнить концепцией множественных интеллектов Х. Гарднера. В структуре интеллекта автор выделяет межличностный и внутриличностный компоненты. Межличностный интеллект включает в себя способность строить отношения, разрешать конфликты; лидерство. Под внутриличностным интеллектом понимается доступ к собственной эмоциональной жизни, к своим аффектам и эмоциям, способность мгновенно различать чувства, называть их, переводить в символические коды и использовать в качестве средств для понимания и управления собственным поведением. Х. Гарднер подчеркивает, что роль каждого из видов интеллекта для успешной социальной адаптации варьируется от культуры к культуре, а классические теории интеллекта и методы их исследования ориентированы на западноевропейскую и американскую культуру.

Термин «эмоциональный интеллект» был введен в 1990 г. Дж. Майером и П. Сэловеем. К основным зарубежным подходам можно отнести воззрения Дж. Майера, П. Сэловея и Д. Карузо, Р. Бар Она, Д. Гоулмана, Р. Робертса, Дж. Мэттьюиса и М. Зайднера, К. Саарни. В отечественной психологической школе эмоциональный интеллект разрабатывался Д. В. Лю-

синым, Е. В. Сидоренко, И. Н. Андреевой и др.

В подходе Дж. Майера, П. Сэловея и Д. Карузо, отличающемся высоким уровнем теоретической обоснованности и единством теории и методологии исследования, эмоциональный интеллект понимается как «способность понимать эмоции и использовать эмоции и эмоциональное знание для повышения эффективности мышления» [13, с. 511] и включает в себя следующие компоненты:

- Идентификация эмоции, включающая ряд связанных между собой способностей, таких как восприятие эмоций, способность заметить сам факт наличия эмоции, идентификация эмоций, адекватное выражение, различение подлинных и имитируемых эмоций.

- Использование эмоций проявляется в сосредоточении внимания при решении задач с учетом изменения настроения как средства анализа различных точек зрения.

- Понимание эмоций состоит в понимании связи между эмоциями, их значения, причины и последствия.

- Управление эмоциями выражается в осознании своих эмоций, контроле над их интенсивностью и проявлениями.

Эмоции в данном контексте рассматриваются как «согласованные изменения в физиологии, моторной готовности, поведении, мышлении и субъективном восприятии в ответ на воспринимаемое или реальное изменение в окружающей среде» [13, с. 510]. По сравнению с подходами, рассматривающими отдельные аспекты эмоционального интеллекта: восприятие и распознавание эмоций, эмоциональную оценку, взаимосвязь эмоций и мышления, ученые рассматривают свой подход к эмоциональному интеллекту как интегративный.

Проведенные Е. А. Сергиенко и И. И. Ветровой исследования показали, что модель эмоционального интеллекта Дж. Майера и его коллег, операционализированная с помощью авторской методики,

имеет более сильные корреляции с вербальным интеллектом по сравнению с пространственным. Модель показала статистически достоверные взаимосвязи с чертами личности, измеренными с помощью опросника Большой Пятерки личностных факторов: открытостью и доброжелательностью.

Представленная модель подвергается критике в связи с недостаточной экологической валидностью предложенного метода исследования эмоционального интеллекта и сведению эмоций к их информационной функции, и, возможно, не позволяет в полной мере понять роль эмоций в межличностном взаимодействии, самореализации личности. Проведённый мета-анализ исследований эмоционального интеллекта показал, что традиционные шкалы Восприятия эмоций и Использования эмоций в исследованиях чаще выступают в качестве единого фактора.

Идентификация эмоций входит в конструкт эмоционального интеллекта как одна из его шкал, однако существует и отдельная ветвь исследований, посвященных этой проблеме (Барабанчиков, и др., 2012; Люсин, Овсянникова, 2013; и др.). Показателем эмоций служат так называемые быстрые сигналы лица, возникающие при движении мышц, приводящим к кратковременным изменениям внешнего вида лица [10]. В качестве методов управления выражением лица выделяют смягчение внешнего проявления испытываемой эмоции, модулирование выражения эмоции и фальсификацию передаваемого сообщения. При распознавании эмоций собеседников необходимо обращать внимание на следующие аспекты выражения лица: морфология лица, конкретная конфигурация элементов внешнего вида лица; временные характеристики выражения эмоций на лице, скорость появления и время сохранения; место проявления эмоций в ходе беседы; микровыражения лица.

Взяв за основу подход Дж. Майера и П. Сэловея, Д. Гоулман предложил соб-

ственную модель эмоционального интеллекта, включающую пять основных компонентов:

- самоосознание (понимание своих чувств и эмоций и использование эмоциональной информации при принятии решений, адекватную оценку своих способностей и основанную на ней уверенность в себе);
- саморегуляция (навыки эмоциональной регуляции, способность применять эмоции для повышения эффективности деятельности, способность к самоконтролю и полное восстановление после эмоционального дистресса);
- мотивация (способность ставить цели и работать над их достижением, упорство перед лицом трудностей и неудач);
- эмпатия (способность чувствовать настроение, состояние другого человека, способность встать на точку зрения другого человека и социальные навыки);
- социальные навыки (способность регулировать эмоции во взаимоотношениях с людьми, способность к пониманию социальных ситуаций и систем взаимоотношений между людьми, способность применения данных навыков на практике) [3].

Р. Бар Он включил в конструкт эмоционального интеллекта социальный интеллект, определяя его как «профиль взаимосвязанных социальных и эмоциональных компетенций, навыков, которые определяют, насколько эффективно мы понимаем и выражаем себя, понимаем других и взаимодействуем с ними, и справляемся с требованиями повседневной жизни» [11, с. 16]. Бар Он выделил пять способностей, составляющих эмоциональный интеллект, а именно: умения распознавать, понимать и выражать эмоции; понимать, чувства других людей и возможность взаимодействовать с ними; регулирование и управление собственными эмоциями; решение внутриличностных и межличностных проблем; возможность поднимать свое настроение и мотивировать себя.

Исследования, проведенные в различных культурах с помощью методики EQ-i: emotional quotient inventory, состоящей из 133 утверждений, относящихся к 15 шкалам, свидетельствуют об универсальной значимости эмоционального интеллекта в социальной адаптации, самореализации и межличностном взаимодействии [11]. По сравнению с подходом Дж. Майера и его коллег, подход Р. Бар Она в большей степени направлен на исследование роли эмоционального интеллекта в социальной адаптации, самореализации и межличностном взаимодействии, чем на исследование роли эмоционального интеллекта в мышлении.

Р. Робертс, Дж. Меттьюис и М. Зайднер выделили общие черты, присущие как эмоциональным, так и когнитивным процессам [8]. Например, когнитивные и эмоциональные процессы нередко протекают очень быстро и порождают импульсивные решения, которые базируются на извлеченной из памяти схематической информации; эти процессы, являясь результатом переработки информации и ее символической репрезентации. Указанные ученые представляют собственную модель эмоциональных способностей, составляющих эмоциональный интеллект, и анализируют их роль в социальной адаптации личности. Р. Робертс и др. указывают, что уверенность в своей эмоциональной компетентности, а также эмоциональные знания и навыки, как правило, играют позитивную роль в адаптации. Они высказывают предположение, что эмоциональные знания и навыки являются проявлением меры соответствия между личностью и средой. Представляется, что высокий уровень развития способностей, входящих в эмоциональный интеллект, позволяет личности приобрести новые эмоциональные знания, умения и навыки в новой ситуации и в новой культурной среде.

Выделены несколько факторов онтогенетического развития, которые влияют на

уровень эмоционального интеллекта: нейродинамические особенности: эмоциональная устойчивость и контроль своего поведения; культурные правила, усваиваемые человеком в процессе социализации и определяющие, какие эмоции дозволено демонстрировать в данной культуре, и как следует регулировать эмоции. В исследовании А. Мескиты и др. с участием респондентов из Японии и США было показано, что культура оказывает влияние не только на выражение, но и на переживание эмоций, в том числе, через социальные ситуации, в которых участвует личность, принадлежащая к той или иной культуре [14]. Эмоциональный интеллект может рассматриваться как более значимый фактор межкультурной адаптации, нежели культурная компетентность, так как межкультурная адаптация не есть система знаний о другой культуре, а мотивация и способности, обеспечивающие успешное приобретение знаний, умений и навыков в процессе адаптации к инокультурной среде.

К. Саарни понимает под эмоциональной компетентностью проявление эмоционального интеллекта в определенных культурных и социальных условиях, т. е. эмоциональный интеллект и эмоциональная компетентность соотносятся как процесс и результат [15]. Автор определяет эмоциональную компетентность как демонстрацию собственной эффективности в межличностных ситуациях, вызывающих интенсивные эмоции отмечает, что компетентность предполагает мастерство и ориентацию на достижение цели, а конструктивность избранной личностью цели должна оцениваться в контексте культуры, к которой она принадлежит. При признании роли контекста в исследовании эмоциональной компетентности выделены такие значимые параметры контекста, как объективно заданная дистанция власти между партнерами, степень межличностной близости, публичный или частный характер ситуации и желание лично-

сти сконструировать желаемую идентичность в межличностном взаимодействии через получение от партнера подтверждения самопрезентации посредством самомониторинга. Подчеркнуто значение социокультурных особенностей в эмоциональной регуляции. Так, на определенном этапе онтогенеза ребенок начинает более сознательно регулировать свою эмоциональную сферу за счет понимания характеристик окружающей действительности, в которой протекает его жизненный путь.

Д. В. Люсин, автор наиболее теоретически разработанной и методологически обоснованной отечественной модели эмоционального интеллекта, определяет его как «способность к пониманию и управлению эмоциями, как своими, так и чужими» [7, с. 264]. На развитие эмоционального интеллекта оказывают влияние следующие факторы: когнитивные способности (такие как скорость и точность переработки эмоциональной информации); представления об эмоциях (как, например, о ценностях, как о важной информации о себе и других людях и т. п.); особенности эмоциональности (эмоциональная устойчивость, эмоциональная чувствительность и т. п.).

Вслед за Г. Гарднером, Д. В. Люсин выделяет внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект.

Е. В. Сидоренко рассматривает эмоциональный интеллект как способность к пониманию управлению своими чувствами и чувствами партнера и вслед за Д. Гоулман и Р. Бар рассматривает эмоциональный и социальный интеллект как единый вид интеллекта [9].

И. Н. Андреева отмечает, что эмоциональный интеллект, совмещая когнитивную и регулятивную функции, в значительной степени детерминирован биологическими факторами, а эмоциональная компетентность детерминирована социальными факторами [2]. Новым и актуальным подходом в исследовании эмоционального интеллекта в отечественной пси-

хологии является его изучение в контексте анализа социальных ситуаций. В данной парадигме работает С. П. Деревянко, определяющая эмоциональный интеллект как интегративную способность человека к пониманию эмоций и управлению ими [4]. В частности, исследователь выделяет три основных аспекта влияния социальной ситуации на проявление эмоционального интеллекта: влияние характеристик ситуации на качество понимания эмоций, соответствие эмоциональных знаний и навыков контексту ситуации, особенности эмоционального реагирования на содержание ситуации.

В ряде работ было показано, что у респондентов с высоким уровнем эмоционального интеллекта преобладают позитивные эмоции в различных социальных ситуациях, а у респондентов с низким эмоциональным интеллектом в тех же ситуациях преобладают негативные эмоции [4]. Определяя эмоциональный интеллект через сферу решаемых с его помощью задач в эмоционально окрашенных социальных ситуациях, авторы обращаются к теоретическим подходам исследования способностей, предполагающим использование закономерностей обыденному знанию [5].

В зарубежной науке сосуществуют различные направления исследования эмоциональных способностей. Например, анализ точности восприятия эмоций, роли эмоций в мышлении, принятия решений, произвольного включения и исключения эмоциональной информации в процессе мышления, взаимосвязи эмоций и креативности, оценки и категоризации эмоций, управления эмоциями [13]. Известны исследования связи эмоционального интеллекта с такими разнообразными психологическими переменными, как здоровье и субъективное благосостояние (Bar-On, 2012), уровень агрессии (Castillo, et al., 2013), факторы Большой Пятерки (McCrae, 2000), стратегии совладающего поведения (Корнилова, 2010а; Хазова,

2013), обратной связью (Fallon, et al., 2014), макиавеллизмом (Егорова, 2009), интуиций (Epstein, et al., 1996; Корнилова, Корнилов, 2013) и др. На разнообразных выборах показано, что эмоциональный интеллект предсказывает успешность в учебной деятельности (Гоулман, 2008; Sanchez-Ruiz, et al., 2013; и др.) и на рабочем месте (Стайн, Бук, 2000; Гоулман, 2008; Cherniss, 2000; Fox, Spector, 2000; Joseph, Newman, 2010; и др.). Помимо этого представлены взаимосвязи эмоционального интеллекта и толерантности к неопределенности с уровнями нравственного самосознания личности (Корнилова, Новотоцкая-Власова, 2009; Корнилова, Чигринова, 2012; Kornilova, Chigrinova, 2014), с самооценкой интеллекта (Новикова, Корнилова, 2012) и психологической разумностью (Новикова, Корнилова, 2014).

При изучении принятия решений в межличностном взаимодействии (на материале «дилеммы узника») показано, что эмоциональный интеллект помогает использовать более гибкую стратегию, базирующуюся на стратегии второго игрока (Fernández-Berrocal, et al. 2014). В современных исследованиях наблюдается большой интерес к проблеме эмоционального интеллекта в отношении патологии; он изучается при таких заболеваниях, как алекситимия, клиническая депрессия и шизофрения и др. (Плужников, 2009; Dawson, et al., 2012; Hansenne, 2012; и др.).

В исследовании эмоционального интеллекта в контексте культуры, проведенном А. И. Комаровой, на выборке российских, китайских и калмыцких респондентов показано, что взаимосвязи эмоцио-

нального интеллекта и ценностей имеют культурную специфику: в частности, у российских респондентов эмоциональный интеллект и составляющие его способности были связаны как с индивидуалистическими ценностями, так и с коллективистическими ценностями; у калмыцких респондентов эмоциональный интеллект и составляющие его способности были связаны с индивидуалистическими ценностями; у китайских респондентов – с коллективистическими ценностями. [6]

Таким образом, психологический конструкт эмоционального интеллекта показал свою актуальность, прогностичность, методическую разработанность и структурно-содержательную наполненность. При существующих различиях в трактовке его отдельных компонентов и функций общая феноменология свидетельствует о том, что этот феномен прочно вошел в предметное поле психологической науки. Необходимость уточнения теоретических представлений об эмоциональном интеллекте открывает широкие возможности для его прикладного изучения. Речь идет о таких современных областях, как аппаратная регистрация проявления признаков эмоционального интеллекта при различных особенностях предъявляемого стимула, индивидуально-психологических характеристиках личности респондента. Также новым направлением исследования эмоционального интеллекта выступает изучение восприятия и воспроизведение эмоций вкросскультурном контексте, что ставит большое количество вопросов для исследовательского поиска.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Наука, 2005. – 375 с.
2. Андреева И. Н. Азбука эмоционального интеллекта / И. Н. Андреева. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 288 с.
3. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект на работе / Д. Гоулман. – М.: АСТ: АСТ Москва; Владимир: ВКТ, 2010. – 476 с.
4. Деревянко С. П. Ситуативные аспекты актуализации эмоционального интеллекта

/ С. П. Деревянко // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под редакцией Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во ИП РАН, 2009. – С. 90-113.

5. Камышникова Л. Д. Структура эмоционального интеллекта в контексте социальных ситуаций: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Л. Д. Камышникова. – М., 2012. – 22 с.

6. Комарова А. И. Культурно-психологические особенности взаимосвязи ценностей и эмоционального интеллекта: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. И. Комарова. – Саратов, 2011. – 25 с.

7. Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн: новые психометрические данные / Д. В. Люсин // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – С. 264-278.

8. Робертс Р. Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д. В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология: Журнал Высшей Школы Экономики. – 2004. – Т. 1. – № 4. – С. 3-24.

9. Сидоренко Е. В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии / Е. В. Сидоренко. – СПб.: Речь, 2008. – 208 с.

10. Экман П. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2012.

11. Bar On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) / R. Bar On // Psicotethema. – 2006. – Vol. 18. – P. 13-25.

12. Fernández-Berrocal P., Extremera N., Lopes P. N., Ruiz-Aranda D. When to cooperate and when to compete: Emotional intelligence in interpersonal decisionmaking // Journal of Research in Personality. – 2014. – Vol. 49. – P. 21-24.

13. Mayer J. D., Roberts R. D., Barsade S. G. Human abilities: emotional intelligence // The Annual Review of Psychology. – 2008. – P. 507-536.

14. Mesquita B. Culture and emotion: Different approaches to the question / B. Mesquita // Mayne T. J. & Bonanno G. A. (Eds.). Emotions: Current issues and future directions. – New York: Guilford. 2001. – P. 214-250.

15. Saarni C. Cognition, context and goals: significant components in social-emotional effectiveness / C. Saarni // Social Development. – 2001. – V. 10. – No 1. – P. 125-129.

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОФИЛЕЙ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Доктор педагогических наук Н. В. Герова

В статье рассматриваются базовые подходы к организации образовательного процесса. Приводится описание модели организации учебного процесса по информатике и ИКТ для студентов гуманитарных профилей по направлению педагогического образования. В работе изложены авторские методические разработки по формированию информационной компетентности у студентов гуманитарных профилей по направлению педагогического образования в условиях информатизации образования.

Ключевые слова

Бакалавр, информационная компетентность, магистр, подход, самостоятельная деятельность, содержание предметной области

В условиях информатизации образования педагогическая технология выступает как исследовательский инструментарий, обуславливающий обновление содержания образования, появление инновационных методов и технологий обучения на базе ИКТ, совершенствование средств и организационных форм осуществления образовательного процесса, что позволяет говорить о совершенствовании педагогической технологии. В основу ФГОС ВПО положены требования к результатам освоения основных образовательных программ магистратуры и бакалавриата, сформулированные в виде компетенций выпускника, что, в свою очередь, обуславливает необходимость разработки принципов и методических подходов к организации образовательного

процесса [12, с. 7]. Определяя термин «подход к обучению», Зимняя И. А. подчеркивает, что подход, с одной стороны, представляет собой мировоззренческую категорию, в которой отражаются социальные установки субъектов обучения как носителей общественного сознания, с другой – глобальную и системную организацию и самоорганизацию образовательного процесса с включением всех его составляющих. Подход определяет методы, формы и приемы обучения [11, с. 75].

В словаре терминов по общей и социальной педагогике понятие «педагогическая технология» определяется как непрерывное и последовательное осуществление взаимосвязанных между собой компонентов, реализация методов, различных состояний педагогического процесса и

определенных действий его участников – педагога и обучающихся [6, с. 116]. Отметим, что педагогическая технология как деятельность направлена на достижение поставленной цели. Беспалько В. П. отмечает, что педагогическая технология представляет собой технику реализации учебного процесса [3, с. 46]. Определяя цель воспитания и обучения, Якунин В. А. считает, что цель указывает на ожидаемый результат, который по форме отражения может быть представлен в виде перцептивных образов и моделей или в виде вербализованных понятий, суждений и умозаключений [22, с. 87]. Придерживаясь классификации педагогических технологий, осуществленной Селевко Г. К., в контексте нашего исследования будем рассматривать педагогическую технологию в контексте модернизации существующей традиционной системы образования на основе активизации и интенсификации деятельности учащихся, методического и дидактического совершенствования учебного материала [17, с. 214-217].

В настоящее время наиболее известными базовыми подходами к обучению являются системный (Богданов А. А., Друкер П., Саймон Г. и др.), деятельностный (Выготский Л. С., Гальперин П. Я., Давыдов В. В., Эльконин Д. Б. и др.), компетентностный (Байденов В. И., Болотов В. А., Зеер Э., Зимняя И. А., Лебедев О. Е. и др.), личностно-деятельностный (Выготский Л. С., Леонтьев А. Н., Рубинштейн С. Л. и др.) и др. Анализ направлений методологии научного познания в области образования позволяет констатировать, что многообразие типов связей между субъектами образовательного процесса требует выявления общих закономерностей и взаимосвязей, раскрывая целостность, структуру, иерархию, цель, развитие и функционирование педагогической системы. С точки зрения системного подхода непрерывную информационную подготовку студентов гуманитарных профилей по направлению педагогического об-

разования будем рассматривать как решение системно-содержательных задач в предметной области информатики при реализации компетентностного подхода в вузе. Вместе с тем выбор методов обучения представляет собой ключевой компонент учебного процесса, обеспечивающий взаимосвязанную деятельность обучающего и обучающегося, направленную на достижение цели образования, воспитания и развития личности. Таким образом, основные положения деятельностного подхода (совершенствование целей, задач и содержания обучения, развитие дидактических принципов, методов, форм, средств обучения и контроля учебной деятельности) выступают основой при разработке методической системы обучения по информатике и ИКТ. Отмечая необходимость использования новых, релевантных подходов к решению образовательных задач, многие исследователи [14, 15, 18 и др.] приходят к выводу, что важнейшими среди них являются системность, партнерство, интегративность [18, с. 231-232]. Среди специфических принципов деятельностного подхода выделим основные, которые реализуются при изучении студентами информатики и ИКТ: открытость совместной деятельности студента и преподавателя; учета ведущих видов будущей профессиональной и образовательной деятельности; обогащения, усиления и углубления развития личности студента как будущего профессионала; определение преподавателем первоочередных задач, содержания, порядка и перспектив дальнейшего обучения студентов; высокой мотивированности любых видов деятельности; сотрудничества при организации и управлении различными видами деятельности.

В настоящее время при организации образовательного процесса основное внимание акцентируется на результатах обучения студентов, готовых к применению научных знаний на практике, а также самостоятельному поиску профессиональ-

но значимой и научной информации. В качестве перспективного направления обновления образования в сфере подготовки будущих специалистов многие зарубежные и отечественные ученые [4, 5, 13, 19, 25, 26 и др.] рассматривают компетентностный подход. Реализация компетентностного подхода в образовании предполагает комплексное овладение знаниями и умениями учащимися [19, с. 58-65]. С позиции зарубежных исследователей профессиональная компетентность рассматривается как способность к актуальному выполнению деятельности, углубленное знание или эффективность действий [24, 25, 26 и др.]. Так, некоторые исследователи выделяют список ключевых компетенций, которыми должны владеть выпускники образовательных учреждений: способность учиться всю жизнь; социальные и гражданские компетенции; умение общаться на родном и иностранном языках; смысл инициативы и предпринимательства, а также способность жизни в поликультурном мире; математическая компетентность и базовые компетенции в области науки и техники [26, с. 32]. Сформулированные выше компетенции позволяют выпускнику европейского образовательного учреждения приступить к профессиональной деятельности или продолжить обучение. В отечественной научной литературе профессиональная компетентность определяется как свойство, качество или состояние специалиста, характеризующее его психическое, физическое и духовное соответствие требованиям и потребностям определенной специальности, профессии, специализации, занимаемой или исполняемой служебной должности, стандартам квалификации [1, с. 134]. Для отечественной системы образования внедрение компетентностного подхода требует совершенствования в методическом аспекте, проявляющегося в изменении: цели, методов и форм обучения студентов; способов приобретения профессиональных

умений и знаний; оценки характера деятельности студента и качества его подготовки, взаимодействия с педагогом; отношения к образованию и результата обучения [13, с. 4-5]. Вместе с тем особое внимание уделяется самостоятельной работе студентов, которая опирается на дидактические принципы: единства самостоятельной (внеаудиторной) и учебной (аудиторной) деятельности студентов; дифференциации индивидуализации обучения; профессиональной направленности; повышенной трудности заданий с учетом времени их выполнения; последовательности, систематичности и преемственности организации самостоятельной работы; творческой активности и сознательности студентов. При организации самостоятельной деятельности студент вырабатывает собственный стиль в формулировании цели и решении поставленных задач, разрабатывает алгоритм реализации действий, анализирует, систематизирует и обобщает полученные результаты, делает определенные выводы.

Формирование мотивации к познавательной деятельности у студентов осуществляется в процессе выполнения заданий по информатике и ИКТ с учетом профильной подготовки, построения индивидуальной траектории самореализации и самосовершенствования будущего педагога и проявляется в понимании важности и полезности расширения кругозора и эрудиции. Результатом деятельности студента с использованием средств ИКТ всегда является творческий продукт при непосредственном усвоении способов, методов, приемов, подходов и стиля эффективной работы. Основными способами оценки сформированных информационных компетенций выступают создание портфолио, рефлексия и результаты обучения, которые были получены в период обучения в вузе, в том числе при прохождении различных видов практик, предусмотренных учебным планом. Использование рейтингового метода оценки и контроля дости-

жений студента оказывает влияние на организацию образовательного процесса в вузе: учитывает активность студента, его участие в научно-исследовательской работе, в конкурсах педагогического мастерства, научных конференциях, семинарах и т.п. При этом между студентом и преподавателем выстраиваются отношения, основанные на совместной творческой деятельности.

Научную базу исследований в области технологии программированного обучения составляют работы отечественных ученых (Беспалько В. П., Гальперин П. Я., Талызина Н. Ф., Тихонова И. И. и др.), в которых основной целью является оптимизация управления образовательным процессом, при этом для повышения уровня эффективности усвоения материала подача порций информации выстраивается и структурируется последовательно (линейно). Использование технологии программированного обучения предполагает реализацию определенного алгоритма: формулирование темы, определение цели и задач обучения, отбор содержания, которому затем придается строгая логическая структура, выбор форм, средств и методов обучения, выяснение особенностей обучающихся (возраст, уровень образования, учебные умения и т. д.), разработка алгоритма учебной деятельности обучающегося. Таксономия целей обучения, в основе которой лежит последовательность уровней усвоения учебного материала, позволяет педагогу облегчить планирование учебного процесса и разработку процедур оценки [23]. В зависимости от результатов контроля учебный материал для самостоятельной работы обучающихся может иметь более усложненные разветвленные структуры и предоставлять обучающемуся выбор в приобретении новых знаний и умений. Модель программированного обучения строится на следующих основных принципах: деления учебного материала на небольшие, логически структурированные и тесно

связанные между собой части; индивидуализации содержания и темпов обучения; активизации и повышении уровня мотивации деятельности учащихся (реализация деятельностного подхода); эмпирической верификации (проверки) заданий на соответствие психологическим и возрастным особенностям обучающихся; немедленной оценки каждого ответа учащегося [2, с. 35]. Реализация метода программированного обучения способствует активизации учебной деятельности обучающихся, носит обязательный характер усвоения и прохождения каждого шага программы, деятельность каждого студента носит индивидуальный характер. Однако отсутствие коллективной работы, а также невозможность алгоритмизации некоторых учебных материалов (восприятие музыкального произведения, поэзии и др.) можно отнести к недостаткам данного метода обучения.

Поиск новых методических подходов к обучению, направленных на формирование творческого и критического мышления у обучающихся, их интеллектуальное и нравственное развитие, умение работать с различными видами информации, привел к развитию метода проектов. Этот методический подход к обучению ориентирован на развитие и дальнейшее совершенствование самостоятельного мышления у обучающихся [8]. Метод проектов как педагогическая технология предполагает сочетание поисковых, исследовательских и проблемных методов, которые по своей сути являются творческими. В общем случае под проектом (лат. *projectus* – выдвинутый вперед) понимается реализация некоторого замысла о достижении поставленной цели. Применительно к системе образования это способ достижения дидактических целей обучения с помощью разработки детального алгоритма существующей проблемы для получения практического результата [16, с. 199]. С позиции достижения цели и задач обучения метод проектов направ-

лен на разработку нового образовательного продукта, систематизацию приобретенных знаний, при этом студенты выполняют исследовательскую, познавательную, конструкторскую или другую работу на заданную тему индивидуально или по группам за отведенной промежуток времени [20, с. 324]. В общем случае, метод проектов представляет собой совокупность действий студентов в определенной последовательности, различных приемов и средств для достижения поставленной цели, оформленной в виде конечного продукта и его фиксации в знаковой форме (буквенно-цифровом тексте, графическом изображении, действующей модели, объемном макете и т.д.). Педагог в рамках проектной деятельности выступает как координатор, консультант, разработчик, эксперт, тьютор в организации поисково-исследовательской деятельности студента.

По мнению Дьюи Дж., одной из проблем в обучении является поиск способа поддержания определенного равновесия между формальной и неформальной, целенаправленной и спонтанной составляющими образовательного процесса. При этом на процесс формирования социальных установок индивида не влияет приобретение специальных интеллектуальных навыков и различной информации, но оказывает влияние на осмысление повседневного жизненного опыта, которое происходит в процессе обучения в необходимой и достаточной степени [9, с. 187-189]. Использование метода проектов при обучении информатике и ИКТ предоставляет студентам возможность самостоятельного приобретения знаний и умений в процессе решения практических задач или проблем, посредством интеграции знаний из различных предметных областей, способствует развитию критического и творческого мышления, мотивации к познавательной деятельности, формирует умения в области структуризации полученных знаний и информации

и т.д.

Применение проектного метода позволяет реализовать непрерывный во времени процесс обучения и целенаправленно развивать проектное мышление у студентов. Проект может выступать в качестве дополнения к традиционной аудиторной системе, если является монопредметным, либо применяться в дополнительном образовании, если является межпредметным или внепредметным [7, с. 51-54]. Образовательная деятельность студентов реализуется при проведении различных мероприятий, например, система региональных, всероссийских и международных смотров, конференций и конкурсов, стимулирует и мотивирует студентов к демонстрации результатов своих научных исследований и достижений.

В высших учебных заведениях проектная деятельность студентов в сочетании с традиционными методами обучения, такими как выполнение курсовых и выпускных квалификационных работ, занимает особое место. Студенты приобретают необходимые навыки системного и критического мышления в результате принятия самостоятельных решений и проявления собственной инициативы. Осуществление проектной деятельности студентов основывается на проведении самостоятельных исследований, осознании актуальности, практической значимости и ценности результатов проекта, развитии способностей обучающегося при решении поставленных задач, формировании взаимопомощи и налаживании взаимоотношений между студентами [10, с. 125-130]. Работа над проектом осуществляется поэтапно: выявление актуальности, постановка цели исследования и задач для ее достижения; если необходимо – выдвижение гипотез; выбор методов исследования; распределение обязанностей между субъектами образовательного процесса; сбор, систематизация и анализ полученных данных; подведение итогов и оформление результатов; формулирова-

ние выводов и, при необходимости, выдвижение новых проблем исследования; рефлексия (анализ успехов и ошибок). Оценка проекта осуществляется преподавателем, группой студентов или внешними экспертами по следующим критериям: актуальность и значимость выбранной темы; необходимая и достаточная глубина раскрытия темы; использование знаний из других предметных областей; корректность обработки полученных результатов и используемых методов исследования; активность каждого из участников; умение аргументированно делать заключения и выводы; эстетика оформления результатов выполненного проекта; умение корректно и грамотно отвечать на вопросы оппонентов.

Важным методом научного познания является моделирование многих процессов и явлений окружающей действительности. Метод моделирования активно используется как в технических исследованиях, так и в других предметных областях, в том числе и в образовательной сфере. Использование метода моделирования в педагогической теории предоставляет возможность получить не только модель структуры, но и модель поведения объекта, эффективность функционирования моделируемой системы, функциональные связи между ее элементами.

Специфика использования метода проблемно-модульного обучения базируется на единстве принципов системного квантования, проблемности и модульности и включает в себя целевую компоненту, специальные способы проектирования содержания обучения, систему задач и упражнений, конструирование дидактических материалов, рейтинговую систему контроля и оценки учебных достижений [21, с. 27-30]. Компонировка учебных элементов, которые входят в состав проблемного модуля, может быть представлена в виде блок-схемы или дерева. Блок-схемы представляются в виде семантических сетей, графов и т. п. Дерево является когнитив-

но-графическим элементом представления учебного материала и по структуре может быть аналогичным блок-схеме, выполняя функцию обобщения содержания проблемного модуля. Использование метода проблемно-модульного обучения обеспечивает: интеграцию и систематизацию учебных элементов в единое целое; вариативность структуры проблемного модуля; разнообразие форм и методов обучения; индивидуализацию образовательного процесса; гибкую технологию обучения, направленную на формирование компетентности обучающихся; эффективную систему оценки усвоения знаний обучающимися и рейтингового контроля.

В соответствии с современной образовательной парадигмой непрерывную информационную подготовку студентов гуманитарных профилей педвузов будем рассматривать как интеграционную систему, обеспечивающую целостность, совместимость и организованность различных форм, методов и систем обучения на всех уровнях высшего образования, а также преемственность и комплексность в области принятия методологического обеспечения.

В настоящее время в образовательном процессе вуза используется сочетание различных методов обучения вместе с другими дидактическими системами. На основе системного, деятельностного, интеграционного и проектного подходов представим методические подходы к формированию информационной компетентности у студентов гуманитарных профилей по направлению педагогического образования. Учебный материал представляется в виде структурных модулей с определенными содержательными линиями и дидактическими целями обучения студентов в зависимости от профиля подготовки студентов по программам бакалавриата и магистратуры. Содержание обучения обеспечивает взаимосвязь основных методов, форм и средств обучения студентов на разных уровнях образования с ис-

пользованием ИКТ. Организация прохождения учебных практик и самостоятельной работы на базе ИКТ реализует включение в образовательный процесс компонентов творческой, учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельности адекватно развитию научно-технического прогресса в области ИКТ.

В контексте нашего исследования, для построения модели организации учебного процесса по информатике и ИКТ для студентов гуманитарных профилей по направлению педагогического образования выделим следующие этапы: определение цели обучения студента информатике и ИКТ и описание особенностей видов его будущей профессиональной деятельности на базе ИКТ; описание содержания компонентов информационной деятельности и профессионально значимых личностных характеристик, которые способствуют развитию и саморазвитию; адаптация теоретической базы с помощью компрессии содержания инвариантной составляющей базовой подготовки по информатике и ИКТ при сохранении структуры предметной области; определение перечня информационных компетенций и видов образовательной деятельности, в процессе осуществления которых у студентов формируются и развиваются определенные интересы и потребности, мотивы, умения, знания и опыт осуществления информационного взаимодействия и информационной деятельности; распределение учебного материала по видам заданий для решения задач разных типов, теоретического освоения, создания моделей изучаемых явлений, объектов, ситуаций и т. п.; создание требований к системе заданий, которые позволят сформировать у студентов правильные алгоритмы осуществления определенного вида деятельности; распределение заданий для различных организационных форм обучения (практические и лабораторные занятия, лекции, самостоятельная работа и т.п.); организация консультаций препода-

вателя согласно расписанию; создание модели идеального студента и ознакомление с ней аудитории с целью мотивации познавательного интереса к предмету; синтез и анализ полученных результатов для осуществления коррекции образовательного процесса.

В процессе обучения в вузе студент накапливает педагогический опыт осуществления будущей профессиональной деятельности во время аудиторных и внеаудиторных занятий. При осуществлении разнообразных видов образовательной деятельности студенты вместе с усвоением новых знаний накапливают опыт объяснения материала, усваивают методические подходы к организации учебного процесса, технологию проведения проверки и оценки результативности обучения, то есть получают профессиональный опыт. Освоение и применение студентами ИКТ в будущей профессии напрямую связано с практикой их применения во время обучения в вузе.

Целью подготовки студентов гуманитарных профилей по направлению педагогического образования при реализации компетентностного подхода к обучению в вузе является создание эффективных условий для формирования информационных компетенций, способов осуществления творческой деятельности, развития критического мышления, способности самостоятельного поиска и структурирования знаний на основе базы ИКТ. Во время обучения в вузе студенты приобретают индивидуальный и междисциплинарный опыт, а также навыки работы в группах. Приобретение индивидуального опыта заключается в определении задач обучения, формировании собственных суждений, углублении знаний в конкретной предметной области, развитии способностей преодоления проблем, инициативности и активности. Студенты приобретают междисциплинарный опыт в процессе интеграции знаний из разных источников и научных областей и форми-

рования способностей анализировать факты и проблемы с разных ракурсов. Умение учиться и работать в группах, приобретение навыков сотрудничества в принятии решений, развитие лидерских качеств, тактичности и дипломатичности способствуют приобретению студентами навыков работы в группах. Способность презентации результатов своей работы и ее обсуждение в группе, совершенствование навыков логической аргументации при ведении дискуссии, развитие навыков восприятия информации на слух обеспечивает формирование навыков общения и личного самосознания при оценке выполненной работы.

Рассмотрим методические подходы к формированию информационной компетентности у студентов гуманитарных профилей по направлению педагогического образования. По отношению к содержанию предметной области методические подходы могут реализовывать монопредметные (занятия по теме, модулю, одной дисциплины) и межпредметные (интеграция знаний профильных дисциплин и информатики) связи. Выбор методических подходов определяется видами деятельности: игровая, ролевая; творческая; исследовательская; информационная или ознакомительная; прикладная или практико-ориентированная. При этом координация деятельности студентов может быть как скрытой, когда преподаватель является участником совместной работы, так и открытой, когда преподаватель выступает как организатор. В зависимости от количества участников проекты делятся на групповые, парные и индивидуальные. По продолжительности выполнения: краткосрочные (от одного или до нескольких занятий); среднесрочные (от недели до одного месяца); долгосрочные (от одного до нескольких месяцев).

У студентов, обучающихся по программам подготовки бакалавриата и магистратуры по направлению педагогического образования, педагогическая деятель-

ность в составе будущей профессиональной является ведущей. Одним из требований, которые предъявляются к профессиональной педагогической деятельности, является социальная и профессиональная позиция педагога, представляющая собой систему интеллектуальных, волевых и эмоционально-оценочных отношений к профессии. Деятельность педагога определяется его способностью к интерпретации профессионально значимой информации с педагогической точки зрения для совершенствования образовательного процесса, а также развития и самосовершенствования педагога и обучаемых. В обобщенном виде основными требованиями к личности современного педагога являются: профессиональная компетентность, интеллигентность, конкурентоспособность, духовность. В условиях информатизации образования к педагогу предъявляются дополнительные требования в области: формирования творческой личности; овладения инновационными технологиями обучения и воспитания; интеграции знаний, практических умений, навыков и опыта работы из различных предметных областей при использовании ИКТ. Независимо от профиля подготовки, уже на ступени высшего образования, студенты овладевают знаниями, умениями и приобретают опыт по использованию возможностей средств ИКТ, что обеспечивает готовность будущего педагога к работе в единой информационной среде; преподавание профильных дисциплин на базе ИКТ.

Условиями формирования информационной компетентности у студентов гуманитарных профилей по направлению педагогического образования являются: обеспечение опережающего характера обучения; развитие, с оздание и адаптация методических систем обучения по информатике и ИКТ в зависимости от профиля подготовки студента; использование современных средств ИКТ в процессе обучения студентов; аналитическо-экс-

партная оценка качества электронных образовательных ресурсов; использование образовательного информационного ресурса сети Интернет при учебной и самостоятельной работе студентов; использование, проектирование и разработка электронных образовательных ресурсов по гуманитарным дисциплинам с помощью инструментальных программных средств; организация информационного взаимодействия на базе локальных и глобальных сетей; управление учебно-воспитательным процессом с использованием средств автоматизации информационно-методического обеспечения; организация контрольных мероприятий при изучении гуманитарных дисциплин на базе компьютерных систем тестирования и контроля знаний студентов; развитие творческого потенциала студента, необходимого для дальнейшего самообучения, саморазвития и самореализации.

В заключение отметим, что методические подходы к формированию информационной компетентности реализуются на основе системного, деятельностного, интеграционного, проектного и других подходов. Основной целью подготовки студентов гуманитарных профилей является формирование следующих профессио-

нальных качеств у выпускников вуза: способность к овладению новыми приемами, методиками и средствами в организации будущей профессиональной и образовательной деятельности на базе ИКТ; готовность осуществлять взаимодействие с применением ИКТ; разрабатывать и внедрять в образовательный процесс новые организационные формы учебно-познавательной деятельности обучающихся на базе ИКТ. Содержание обучения обеспечивает взаимосвязь основных методов, форм и средств обучения студентов на разных уровнях образования с использованием ИКТ. Организация прохождения учебных практик и самостоятельной работы на базе ИКТ реализует включение в образовательный процесс компонентов творческой, учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельности адекватно развитию научно-технического прогресса в области ИКТ. Самостоятельная деятельность студентов с использованием средств ИКТ предполагает овладение определенными интеллектуальными умениями анализа, синтеза, сопоставления, прогнозирования, мысленного экспериментирования, а также рассчитана на формирование умений работать с разными источниками информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акмеологический словарь / Под общ. ред. А.А. Деркача. – М.: РАГС, 2004. – 161 с.
2. Беспалько, В. П. Программированное обучение. Дидактические основы / В. П. Беспалько. – М.: Высшая школа, 1970. – 300 с.
3. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М.: Педагогика, 1989. – 192 с.
4. Болотов, В. А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В. А. Болотов, В. В. Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8-14.
5. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А.А. Вербицкий. – М.: Высшая школа, 1991. – 207 с.
6. Воронин, А. С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике / А. С. Воронин. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. – 135 с.
7. Гузеев, В. В. Планирование результатов образования и образовательная технология / В. В. Гузеев. – М.: Народное образование, 2001. – 128 с.
8. Демченко, С. В. Метод проектов и его применение в обучении. 2011. [Электронный ресурс] / С. В. Демченко. – Режим доступа: <http://www.metod.sch61.edusite.ru/>

p17aa1.html.

9. Дьюи, Дж. Демократия и образование / Дж. Дьюи. – М.: Педагогика-Пресс, 2000. – 384 с.

10. Жак, Д. Организация и контроль работы с проектами // Университетское образование: от эффективного преподавания – к эффективному учению: сборник рефератов по дидактике высшей школы / Д. Жак. – Минск: Пропилен, 2001. – С. 121-140.

11. Зимняя, И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов / И. А. Зимняя. – М.: Логос, 2000. – С. 384.

12. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1756-р от 29.12.2001.

13. Лебедев, О. Е. Компетентностный подход в образовании / О. Е. Лебедев // Школьные технологии. – 2004. – № 5. – С. 3-12.

14. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

15. Новиков, А. М. Профессиональное образование России // Перспективы развития / А. М. Новиков. – М.: Исследовательский центр проблем непрерывного образования РАО, 1997. – 254 с. – С. 177-178.

16. Полат, Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Е. С. Полат. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 368 с.

17. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии: учебное пособие / Г. К. Селевко. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.

18. Сластёнин, В. А. Педагогика: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В. А. Сластёнин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. – М.: Академия, 2002. – 576 с.

19. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58-64.

20. Хуторской, А. В. Современная дидактика: учебник для вузов / А. В. Хуторской. – СПб.: Питер, 2004. – 544 с.

21. Чошанов, М. А. Гибкая технология проблемно-модульного обучения: методическое пособие / М. А. Чошанов. – М.: Народное образование, 1996. – С. 160.

22. Якунин, В. А. Обучение как процесс управления. Психологические аспекты / В. А. Якунин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 160.

23. Bloom, B. S. Taxonomy of Educational Objectives: The Classification of Educational Goals / B. S. Bloom. – New York: Longman, 1956. – 207 p.

24. Collins, J. Teaching and learning with multimedia / J. Collins, M. Hammond, O Wellington. – London and New-York, 1997. – 146 p.

25. Gordon, G. Halasz, M. Krawczyk, T. Leney, A. Michel, D. Pepper, E. Putkiewicz, J. Wisniewski. Key Competences in Europe: Opening doors for lifelong learners across the school curriculum and teacher education, study undertaken for the Directorate General Education and Culture of the European Commission. – URL: http://ec.europa.eu/education/more-information/reports-and-studies_en.htm.

26. Keen, K. Competence: What is it and how can it be developed? / K. Keen, J. Lowyck, P. de Potter, J. Elen. (Eds.) // Instructional Design: Implementation Issues. – Brussels: IBM Education Center, 1992. – P. 111-122.

УДК 37.036.5
ББК 74.202.21
Педагогика

РАБОТА СО СРАВНЕНИЕМ КАК МЕТОД ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ УЧАЩИХСЯ

Кандидат педагогических наук Г. Ю. Дзюбко

В статье анализируется образное мышление и речь как показатель развития интеллектуальных способностей школьников. Сравнение рассматривается и как способ познания нового, и как способ осмысления окружающей действительности, и как логическая модель построения языковых структур, и как собственно языковая структура.

Ключевые слова

Сравнение, интеллектуальное развитие, образное мышление, обучение

В настоящее время многие исследователи рассматривают сформированность образного мышления и речи как показатель развития интеллектуальных способностей школьников. Это связано с тем, что, по мнению С. Л. Рубинштейна, «мир образов, – существенный компонент внутреннего мира человека, результат его индивидуального опыта принятия и преобразования информации» [8].

Если вербальная логика характеризуется сменой одних суждений другими, то логика образная (в том числе и словесная) имеет другую специфику. Решение задачи в образах происходит с опорой на наглядный материал, поиск и нахождение стратегии решения ведутся одновременно в разных направлениях, иногда мало связанных между собой. Эвристичность образов, их яркость и наглядность помогает лучше усвоить новое знание. Поэтому для продуктивной интеллектуальной

деятельности, в том числе и учебной, необходима способность воссоздавать в сознании образы предметов или явлений, которые в данный момент не воспринимаются, и умение регулировать свои действия этими образами.

Образ отражает такие стороны реальности, которые не могут быть выражены понятием в силу своей абстрактности. По выражению А. А. Потебни, различие между поэтическим образом и научным доказательством состоит в том, что «поэтический образ, представляя явление в общем и конкретном виде, открывает такие возможности восприятия жизни, каких не заменишь самыми точными и глубокими выкладками» [7. С. 503]. Основой языковых образов являются эмоциональные ассоциативно-реальные связи. По словам Л. С. Выготского, «всякое чувство и всякая эмоция стремятся воплотиться в известные образы, соответствующие этому чувству. Эмоция обладает, таким образом,

как бы способностью подбирать впечатления, мысли и образы, созвучные тому настроению, которое владеет нами в данную минуту» [2. С. 19].

Для коммуникации порой оказывается принципиально важной такая особенность образного мышления, как склонность принимать как данность тот или иной образ вместе с содержащимися в нем оценками. Более того, эмоциональность в восприятии делает образы значительными и в социальном плане.

Мышление и речь, которыми ребенок овладевает с самого раннего возраста, изначально никак не связаны с художественно-словесным образом. Только при интеллектуально-эстетическом развитии учащийся проходит путь от ассоциативного установления связей между словом и конкретным предметом к слову обобщающему и только при условии речевого развития – к слову образному. Поэтому на уроках русского языка необходимо не только изучать слово, но и учить детей чувствовать, переживать эмоционально. Так, Л. П. Федоренко, формулируя закономерности усвоения речи, выделяет среди них следующую: «Речь усваивается, если приобретает способность чувствовать выразительные коннотации (оттенки) лексических, грамматических, фонетических языковых значений» [13. С. 22]. Значимость этой способности очевидна: с ее помощью развивается чувство языка, укрепляется потребность в речевом самосовершенствовании, прививается любовь к родному языку как культурному достоянию нации.

Между тем ученые утверждают, что подростки склонны к обобщенным и одновременно практическим знаниям. Например, проф. Е. П. Суворова на основании проведенного исследования утверждает, что пик готовности к восприятию и реализации эмоциональной выразительности текста приходится на 7-8 классы. Если для учащихся 5-6 классов характерны эмоциональная наполненность, отзывчивость, не получающие реализации из-

за неумения выразить свои чувства в слове, ограниченности языковых средств, которыми владеют дети, то у девятиклассников снижение эмоциональности связано с усилением рационалистического подхода к выполнению учебных заданий. А это, в свою очередь, ведет к обеднению восприятия и реализации содержания высказывания. Поэтому систематическая работа по формированию образности речи учащихся с учетом их возрастных особенностей будет способствовать интеллектуальному развитию детей.

Методически целесообразно начинать работу над образными средствами языка со сравнения. Потому, что сравнение в онтогенезе ребенка чрезвычайно частотно и занимает в общем континууме речи значительно большее место, чем в речи взрослых носителей языка. Сравнение дети начинают употреблять рано, в возрасте около двух лет, а к четырем годам осваивают собственно сравнительные конструкции, причем ребенок выражает собственное видение мира при помощи безграничной фантазии, создавая образы эмоционально-яркие, выразительные, высокоинформативные, подчас поэтические.

В детской речи сравнения нередко выполняют разъяснительную функцию, это вызвано тем, что ребенку жизненно важно усвоить как можно больше знаний, поэтому подчас бессознательная проверка нового с уже изученным посредством сравнения характерна для детской речи. Кроме того, подростки часто используют сравнения как средство оценки, чтобы утвердить себя в глазах сверстников и родителей.

По словам К. Д. Ушинского, «сравнение есть основа всякого понимания и всякого мышления. Все в мире мы узнаем не иначе как через сравнение, и если бы нам представился какой-нибудь новый предмет, которого мы не могли бы ни к чему приравнять и ни от чего отличить ... то мы не смогли бы сказать о нем ни одного слова. Такое основное положение сравне-

ния во всем процессе человеческого понимания указывает на то, что в дидактике сравнение должно быть основным приемом» [10. С. 332].

В последние годы в лингвистике (Пятаева И. Г., Таратута С. Л., Абсаматов С. Б., Лебедева Л. А., Бехар Р. М., Дмитриева Н. В. и др.) сравнительные конструкции изучаются с точки зрения их функционирования в речи. Отмечается, что сравнение – реальная текстовая единица, наличие которой обуславливает особенности порождения и восприятия текста. При этом сравнение отражает образное восприятие мира и обладает способностью увеличивать объем информации [6. С. 3]. По семантике сравнения делятся на логические и ассоциативные. Логические сравнения только констатируют очевидные факты, ассоциативные расширяют представление человека о мире. Порой эти сравнения субъективны и сиюминутны, но апеллируют к органам чувств, будят воображение. Именно ассоциативные сравнения являются тропами [1. С. 8]. Л. П. Федоренко отмечает, что такое сравнение «во-первых, помогает наиболее реально представить описываемую речь ..., во-вторых, помогает чувственному восприятию» [12. С. 40].

Сравнения часто встречаются и в детской художественной литературе, и в устной речи ребенка. Это связано с тем, что в повседневной жизни дети встречаются со многими явлениями окружающего мира, объяснений которым они не знают. Дети начинают сравнивать неизвестное или малоизвестное с хорошо знакомым. При этом ребенок охватывает удаленные друг от друга лексические сферы, даже неологизмы современного русского языка оказываются легко включаемыми в процедуру сравнения. Создается впечатление, что любое усвоенное ребенком имя неминуемо становится инструментом сравнения, проходит через стадию сравнения [5. С. 3].

Итак, сравнение как образное средство

языка играет важную роль в формировании языковой личности, являясь гносеологической, логической и лингвистической процедурой. Оно выступает и как способ познания нового, и как способ осмысления окружающей действительности, и как логическая модель построения языковых структур, и как собственно языковая структура. Все это значит, что невозможно развивать мышление и воображение ребенка, не изучая феномена образного сравнения.

Такие сравнения (тропы), играют особую роль в процессе формирования образности речи. Троп – употребление слова в переносном его значении. Механизм действия тропа заключается в совмещении в одном слове или высказывании двух семантических планов: коллективно-языкового, соответствующего «буквальному» значению языковой единицы, и ситуативного, при этом два представления связываются воедино, создавая образ. Функция образной характеристики в тропе преобладает над функцией номинации [9]. Сравнение как один из тропов основано на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления. Такое сравнение не только раскрывает отношения между предметами, явлениями, действиями, но и несет в себе эмоциональную нагрузку, является начальным моментом метафоры.

Работа над тропами (в том числе над сравнением как простейшим тропом, «смысловой базой для образования всех тропов», по словам Л. П. Федоренко) способствует решению задач, связанных с повышением как языковой компетенции учащихся, так и коммуникативной. А интерес к речевой деятельности детей обуславливает необходимость обращения к теории принципов речевого развития (ТПРР), выдвинутой и обоснованной Е. В. Архиповой. Наиболее важными в аспекте изучаемой проблемы нам представляются следующие:

– *принцип градуальности*, который

предполагает расчлененность системы обучения на несколько комплексов (средств, методов, форм, приемов одного типа), ориентированных на разные этапы обучения, с постепенным нарастанием объема сообщаемых знаний, с усложнением их характера и форм подачи в зависимости от ступени обучения, от степени развития речи учащихся;

– *принцип единства изучения языка и обучения речи*, который подразумевает обучение единицам языка в единстве значения, формы и функции;

– *принцип опоры на алгоритмы речи*, подразумевающий овладение речевыми стереотипами и развитие на их основе творческих речевых способностей [3].

При изучении сравнения на уроках русского языка необходимо не только научить учащихся видеть сравнительные конструкции, но и правильно употреблять этот троп в соответствии со стилем и жанром ученического текста. Поэтому особенно важной в системе работы со сравнением представляется последовательность и типология упражнений, предложенная Г. Н. Приступой: пропедевтические, иллюстративные, основные (в том числе закрепительные), повторительно-обобщающие и творческие. Приведем примеры упражнений для работы со сравнительными конструкциями.

Задание 1. Какую картину вы представляете, прочитав предложение? Какое необычное словосочетание помогло вам?

Гордо, как петух, вылез ярко-оранжевый, в белую крапинку мухомор. (Т. Глова.)

С чем сравнивается мухомор? Почему?

Подумайте и напишите, на что похож светлячок, телевизор, компьютер.

Задание 2. Прочитайте предложения. Докажите, что выделенные словосочетания выражают сравнение.

Образец рассуждения: Нижние ветки ели сложились *шатром*. / Ветки ели сложились так, что стали *похожи* на шатер. **Ветки** сравниваются с

шатром.

1. Снег лежит нетронутый *плотными подушками* на земле. (М. Пришвин)

2. Недалеко от нас жил Борис Климентьевич, худой такой дядька и высокий, *как забор*. (В. Драгунский.)

3. Я почувствовал, что у меня в глазах *будто песку насыпало*. (В. Драгунский)

Задание 3. Прочитайте. Выберите наиболее подходящее по смыслу, точное слово. Объясните свой выбор, пользуясь образцом рассуждений.

Несколько деревень на холмиках были кругом обойдены водой и торчали, как (пеньки, муравейники, островки). (М. Пришвин)

Образец рассуждения. Сказано, что деревни со всех сторон окружены водой. Деревня – это небольшой населенный пункт, дома в деревне маленькие, одноэтажные. Значит, издали в воде деревня становится похожа на муравейник.

На заборах висит разноцветное бельишко, красивое, как (осенние листья, елочные игрушки, рисунки на стене, флажки на кораблях). (В. Драгунский.)

Важно отметить, что языковой материал для упражнений должен служить коммуникативно-обучающим задачам: возбуждать интерес учащихся, способствовать формированию у них мотивации к дальнейшему изучению языка, содействовать психическому, интеллектуальному и нравственному развитию личности школьника, соответствовать уровню развития ребенка.

Сравнение не единственный троп в детской речи, который совмещается с другими художественными приемами, образуя семантически сложные структуры. Богатый спектр грамматических форм выражения сравнения, яркие поэтические образы в детских высказываниях свидетельствуют о значимости сравнения в развитии речи и личности ребенка в целом. Это уникальное средство мышления не-

сет в себе глубокие образные смыслы, является одним из важнейших средств номинации, способствует совершенствованию эмоционального видения мира, является одной из форм языковой игры и средством создания комического, а также важным приемом сбережения речевых традиций. Работая с различными сравнительными конструкциями, мы реализуем принцип ускорения темпа развития речи (Л. П. Федоренко), создаем речевую среду с более высоким развивающим потенциалом, нежели существующий в настоящее время.

По мнению ученых-методистов, в процессе преподавания родного языка центральной единицей обучения должен стать текст как речевое произведение. Особное значение приобретает это утверждение в аспекте исследуемой нами проблемы: во-первых, метафорическое, образное значение возникает у детей, только если слово находится в условиях контекста; во-вторых, сравнение как преимущественно семантико-синтаксическое явление осуществляется в таком минимальном тексте, как предложение или сложное синтаксическое целое.

На наш взгляд, при выборе языковых образцов в качестве дидактического материала принципиально важной является точка зрения проф. Е. В. Архиповой: «Именно смысл является той интегративной категорией, которая объединяет все категории в речевом развитии ребенка. От смысла высказывания – к смыслу слова в контексте, а затем к значению слова и наоборот – вот направление движения в развитии речи...» [2. С. 7]. Поэтому основными единицами обучения являются слово и словосочетание (как номинативные единицы языка и речи), предложение и текст (как коммуникативные единицы), реализующие соответственно номинативную и коммуникативную функции языка. Данные единицы необходимо изучать во взаимосвязи, а каждую в единстве значения, функции и формы. Сравнение в этом

отношении универсальное явление: это и грамматическая категория, и образное средство языка. Следовательно, изучение сравнительных конструкций позволит осуществить функционально-системный подход к обучению русскому языку и одновременно формированию образности речи, и в целом – к интеллектуальному развитию подростков. Так, при усвоении лексических и грамматических значений сравнения дети осознают, как отражается в языке окружающая действительность, а при осознании способов создания образности речи они чувствуют, как отражается в языке внутренний мир человека.

Эффективность работы на уроке зависит прежде всего от соблюдения общеметодических принципов обучения родному языку, сформулированных Л. П. Федоренко:

– **принцип внимания к материи языка**, который реализуется в отборе практического учебного материала – отдельных слов, предложений, текстов. Согласно данному принципу в систему включаются упражнения, направленные на усвоение лексического значения слова в его парадигматических связях и отношениях, способствующие запоминанию норм сочетаемости слова и обеспечивающие развитие языкового чутья;

– **принцип понимания языковых значений**, в соответствии с которым данная система ставит задачу понимания ребенком значения тех единиц, которые обладают формой и содержанием – значащих форм языка: морфем, слов, словосочетаний, предложений, текста;

– **принцип оценки выразительности речи**, исходя из которого разработанная система упражнений обеспечивает школьнику возможность научиться выражать свою оценку действительности, создает условия для развития эмоциональной сферы ребенка средствами родного языка;

– **принцип развития чувства языка**, в соответствии с которым упражнения ориентированы на создание условия для

усвоения (как неосознанного, интуитивного, так и сознательного) норм языка в устной и письменной речи;

– **принцип координации устной и письменной речи**, который выражается в типологии упражнений, где имеют место как устные высказывания учащихся, так и разнообразные письменные работы;

– **принцип ускорения темпа развития речи**, связанный с проблемой создания речевой среды с более высоким развивающим потенциалом [11. С. 25].

Организованная таким образом учебная работа по формированию образности речи при изучении конструкций со значением сравнения будет способствовать раз-

витию следующих интеллектуальных умений и навыков:

– умения видеть объект под новым углом зрения, обнаруживать возможности его нового использования и расширять функциональное применение на практике (семантическая гибкость);

– умения изменить восприятие объекта таким образом, чтобы видеть его скрытые от наблюдения стороны (образная адаптивная гибкость);

– умения редуцировать разнообразные идеи в неопределенной ситуации, в частности, такой, которая не содержит ориентиров для этих идей (семантическая спонтанная гибкость).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абсаматов, С. Б. Структурно-семантические особенности синтаксических единиц со значением сравнения / Абсаматов С. Б.: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. – Волгоград, 1997. – 12 с.

2. Архипова, Е. В. Проблемы речевого развития младших школьников: Дис. ... д-ра пед. наук. / Е. В. Архипова. – М., 1998. – 24 с.

3. Архипова, Е. В. Основы методики развития речи учащихся: Учеб. пособие для студ. пед. вузов / Е. В. Архипова. – М.: Вербум-М, 2004. – 64 с.

4. Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. – М.: Просвещение, 1991. – 543 с.

5. Голева, Н. М. Сравнение в детской речи (конец XX века) / Голева Н. М. : Автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. – Белгород, 1997. – 18 с.

6. Каменская, В. В. Семантика и структура сравнительных конструкций в тексте (на материале поэзии и прозы XIX – XX веков): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. – Тамбов, 1998. – 15 с.

7. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М.: Просвещение, 1976. – 523 с.

8. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – 2 изд. – М.: Педагогика, 1976. – 424 с.

9. Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 763 с.

10. Ушинский, К. Д. Собр. соч. – Т. 7. – М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1949. – 478 с.

11. Федоренко, Л. П. Принципы и методы обучения родному языку / Л. П. Федоренко. – М.: Просвещение. – 125 с.

12. Федоренко, Л. П. Совершенствование речи учащихся: принцип выразительности речи // Русский язык в школе. – 1980. – № 6. – С. 40-46.

13. Федоренко, Л. П. Закономерности усвоения родной речи / Л. П. Федоренко. – М.: Просвещение, 1984. – 132 с.

**РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА¹
АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ РОССИИ²**

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика

**ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ВУЗЕ ЧЕРЕЗ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ
ОРИЕНТАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

Кандидат педагогических наук А. Н. Жолудова¹
Кандидат педагогических наук О. В. Полякова¹
Кандидат педагогических наук М. А. Левина²

В статье рассмотрена организация образовательно-воспитательного процесса в современной высшей школе. Определены направления подготовки личности будущего специалиста путем внедрения инновационных технологий в образовательный процесс, с целью формирования культуры межнациональных отношений.

Ключевые слова

Инновационные технологии, смысложизненные ориентации, межнациональные отношения, культура

Демократические преобразования, происходящие в России в последние десятилетия, кардинально меняют вектор развития общества, детерминируя личностное становление граждан, их мировоззрение, поведенческие паттерны. Интеграция России в мировое пространство требует учета в образовательном процессе особенностей постиндустриального общества. Вместе с тем мировое сообщество испытывает давление геополитических, экономических, социальных, экологических проблем, переживает усиление технократизма, информационной экспансии, глобализации, террористических угроз, миграции, потребительской идеологии, культурной неопределенности, когда искусство провозглашает копирование, деструкцию в ущерб позитивизму. Построение гражданского общества в нашей стране сопряжено также

с поиском народом собственной идентичности на фоне социальной аномии, демографической нестабильности, бифуркации ценностей поколений, неразвитости условий для просоциального досуга, неразработанности молодежной политики.

В данном контексте обостряются психологические проблемы человека. Наряду с тем, что его субъективность является главным источником развития культуры, переживаемое одиночество ведет к отчуждению от родового, коллективного. Расширяется спектр аддикций (компьютерной, пищевой и проч.), деперсонализируется реальное человеческое общение, ослабевает рефлексия, ущемляются эмоции. В итоге формируется дезадаптированная в пространстве и во времени личность, не удовлетворяющая базовые потребности в любви, заботе, понимании.

Падение нравственности, нарушение

прав человека, общечеловеческие, профессиональные и межэтнические конфликты – все это осложняет формирование культуры межнациональных отношений, а в целом и общей культуры личности. Культура мира, толерантность, которую мы в последнее время пытаемся привить обществу, есть культура принятия другого, терпимости к нему, его образу мышления и поведения.

Перед высшим образованием встает комплекс проблем, связанных с формированием культуры межнациональных отношений обучающихся в поликультурном образовательном пространстве. Среди них:

- развитие личности посредством обогащения сознания личности национальных ценностей разных культур;
- этнопедагогическое просвещение молодежи с целью расширения и углубления её этнокультурных представлений;
- формирование мировоззрения, интеллекта межнациональных взаимоотношений, предполагающих гармонию межкультурного взаимодействия обучающихся.

В настоящее время ситуация толерантного отношения обучающихся друг к другу усугубляется тем, что низкая культура межнациональных отношений препятствует конструктивности межкультурного диалога и тем самым остро влияет на проявление толерантности в межнациональных отношениях друг другу. Исходя, из этого причинами подобной ситуации являются:

- наличие деструктивного межнационального взаимодействия – нетерпимость к чужому мнению, внутренняя неприязнь, неспособность идти на компромисс;
- отсутствие здравого смысла, наличие национальных предрассудков, непонимание реальных процессов, происходящих в обществе, мире;
- отсутствие у обучающихся культуры понимания и культуры восприятия различий менталитета.

Эти причины могут быть устранены в педагогическом процессе, одной из целей которого является формировании культуры межнациональных отношений обучающихся в современной высшей школе, содействие межкультурному взаимопониманию обучающихся не только российских с иностранными, но и российских обучающихся друг с другом.

Эффективность педагогического процесса обусловлена готовностью и способностью преподавателей приобщать слушателей к культурам, языкам через понимание ценностей, особенностей национальных культур.

Одной из важных задач высшей школы является формирование способностей адекватной у студентов культуры понимания и культуры восприятия различий менталитета. Решение этой задачи предполагает формирование системы ценностных ориентации, гражданственности, патриотизма, толерантности, чувства собственного достоинства, умения понимать другого и самого себя. Подчеркнем, что именно сфера образования, и только она, может способствовать взаимопониманию между нациями, народами и конфессиями, только здесь, в паритетном творческом взаимодействии, в диалоге культур рождается понимание общности человеческой природы, общности ценностей и целей, рождается представление о человечестве как едином и уникальном феномене.

В соответствии с социальным заказом государства и общества, выраженном в Законе РФ «Об образовании», Национальной доктрине образования в РФ до 2025 г., в Государственных образовательных стандартах, Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России идеальная личность характеризуется как человек, способный к формированию гуманистических смысложизненных ориентаций.

Основными задачами являются:

1. Формирование личности, способной

к формированию гуманистических смысло-
жизненных ориентаций как условию
психологической устойчивости, духовно-
нравственного благополучия человека и
социума;

2. Психологически здоровой личности
посредством самовоспитания, самообуче-
ния, саморазвития; личности, способной
постигать смысл жизни и формировать гу-
манистические смысло-жизненные ориен-
тации.

Все это будет являться основой для
формирования культуры межнациональ-
ных отношений, особенно в процессе про-
фессиональной подготовки медицинских
кадров, как специалистов сферы «чело-
век-человек», поможет обеспечить полно-
ценное межличностное и межнациональ-
ное общение, усилит освоение нацио-
нальных, общечеловеческих ценностей.

В последние десятилетия нравствен-
ные ценности учащейся молодежи все
больше подвергаются давлению и испы-
танию на прочность. С одной стороны,
происходит стремительное падение мора-
ли и нравственности в обществе, наруша-
ется социальная справедливость, возни-
кает враждебность, недоверие между по-
колениями. С другой стороны, усилились
агрессивные тенденции в обществе и миг-
рационные процессы населения. К сожа-
лению, именно в таких условиях прихо-
дится работать и именно в таких соци-
альных условиях осуществляется подго-
товка будущих специалистов.

Формирование культуры межнацио-
нальных отношений представляет собой
сложный и многогранный процесс разви-
тия всех сторон личности будущего спе-
циалиста с учетом многообразных факто-
ров и условий, которые могут способство-
вать или препятствовать эффективности
прилагаемых для этого усилий.

Мы считаем, что культура межнацио-
нальных отношений должна формиро-
ваться в контексте культуры личности.
Определяя культуру как способ жизнеде-
ятельности человеческого сообщества, то

это одновременно процесс и результат,
совокупность социальных норм и особая
знаковая система, которая включает уро-
вень развития общества и отношений
людей между собой, подразумевая свое-
образие жизни наций и народов и универ-
сальные непреходящие ценности.

Необходимым компонентом культуры
личности является нравственность, как
личная форма этического сознания.
Нравственность является одним из изме-
рений духовности человека. Духовность
есть норма здоровой человеческой лич-
ности, где эмоциональная сторона при-
обретает стремление к красоте, воля – к
бескорыстным поступкам, альтруисти-
ческой деятельности, ум – стремление к
идеалам. Духовная культура является
стержнем деонтологически грамотного
мышления и поведения личности, его
нравственного самосознания. Она опира-
ется на общечеловеческие духовные и
нравственные ценности.

Высокая общая культура студенческой
молодежи неразрывно связана с этикой,
дефицит которой, к сожалению, имеет
место. Если человек не стремится понять
это и воспитать в себе восприимчивость
к чужой боли, сострадание и милосердие,
в том числе, и к людям другой националь-
ности, другой религии и веры, то вряд ли
его поступки и деятельность будут нрав-
ственными. Чтобы понять внутренний
мир другого человека, ему самому необ-
ходимо помимо профессиональных зна-
ний обладать эмпатией и нравственной
культурой.

Таким образом, реализуется ценност-
но-смысловой принцип воспитания и об-
разования, который позволяет формиро-
вать культуру межнациональных отноше-
ний в контексте гуманистической пара-
дигмы. Для формирования культуры меж-
национальных отношений у будущих спе-
циалистов необходимо:

– развитие умений диалогического об-
щения в совместной деятельности и со-
трудничестве;

- формирование умений межличностного общения и межличностных отношений, которые являются основой межнациональных отношений;

- развитие толерантности как личностного качества, проявляющееся в снижении агрессивности и враждебности в отношениях с людьми;

- развитие умений межнационального общения.

Новое время диктует и новые правила подготовки специалистов. Значение профессиональных знаний и навыков необходимо в любом случае, но не меньшую роль играют нравственные качества личности.

Меняется жизнь, приходят новые технологии и методы в профессиональную деятельность, но незыблемыми должны оставаться гуманизм и высокие морально-нравственные качества личности, которые будут способствовать вступать в доверительные, открытые межличностные отношения и помогут осуществлять позитивные межнациональные отношения.

В результате практической деятельности по формированию культуры межнациональных отношений в стенах учебных заведений нами, в рамках учебных предметов, применялся ситуационный анализ (case-stude) как технология воспитания культуры межнационального общения студентов на основе этнопедагогического подхода.

Анализ научных работ по данной проблеме позволил нам определить понятие «кейс», как описание конкретной реальной ситуации, отражающей не только одну из проблем межнационального общения, но и актуализирующей комплекс знаний о ценностях культуры этнос-партнеров по общению.

Анализ ситуации вовлекает студента в роль лица принимающего решение, в необходимость выбора модели поведения и общения в поликультурной многонациональной среде.

Основой кейса, в нашем понимании является реальная ситуация, с которой столкнулось реальное лицо.

Проигрываемые в группе ситуации:

- активизируют учебно-познавательную деятельность слушателей;

- развивают мышление будущих специалистов;

- учат их анализу внутренних и внешних условий в оценке альтернатив;

- расширяют этнокультурный кругозор обучающихся;

- учат быть объективными;

- способствуют снижению субъективности восприятия;

- обеспечивают формирование устойчивых навыков рационального поведения в условиях неопределенности.

Решение проблем, лежащих в основе ситуации, обогащает социокультурный опыт личности, мотивирует познавательную поисковую деятельность, побуждает к осмыслению этнокультурного опыта народов.

При использовании данной инновационной технологии обучения не только в медицинском вузе, но в режимном учебном заведении, мы выявили целый ряд дидактических условий, предъявляемых к кейсам:

- кейс должен представлять реальное событие;

- кейс должен быть предметной основой для решения воспитательных и дидактических задач образования студентов/курсантов;

- должен соответствовать цели и задачам воспитания культуры межнационального общения, актуализации коммуникативных функций обучающихся;

- ценностное содержание ситуации должно быть лично значимо для обучающегося и воздействовать на эмоциональную сферу личности;

- должен обеспечить высокую степень участия будущих специалистов в анализе кейса.

Таким образом, получаем, что именно

обучающиеся несут ответственность за эффективное использование ими материала кейсов, за разработанные решения и за выводы, сделанные из ситуации.

Результаты исследования позволяют представить типологию кейсов, применяемых в воспитании культуры межнационального общения, следующим образом:

1. Ситуации моделирования межнационального общения, требующие от обучающегося выбора собственного поведения и стратегии общения в многонациональ-

ном коллективе.

2. Эмоционально-оценочные ситуации межнационального общения, результатом анализа или «проигрывания» которых является субъективная оценка объективной реальности межнациональных отношений.

Ситуации самореализации личности в межнациональном общении – ситуации, назначение которых состоит в разрешении («проигрывании») разнообразных социальных ролей в ситуации межнационального общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рогов, Е. И. Психология общения / Е. И. Рогов. – М.: Владос, 2004. – 336 с.
2. Розин, В. М. Человек культурный. Введение в антропологию / В. М. Розин. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. – 304 с.
3. Ульянова, И. В. Педагогика смысложизненных ориентаций / И. В. Ульянова. – Владимир: Изд-во ВГГУ, 2010. – 245 с.
4. Фомина, Н. А. Смысложизненные ориентации и речевая деятельность студентов, нацеленных на будущее / Н. А. Фомина, Т. В. Рогожкина // Российский научный журнал. – 2013. – № 2(33). – С. 104-111.
5. Торбина, И. И. Диагностирование индивидуальных особенностей и выбор индивидуально-воспитательных воздействий при разработке личностного портрета студента / И. И. Торбина // Российский научный журнал. – 2014. – № 1(39). – С. 232-238.
6. Островская, Л. В. Социокультурные системно-ценностные основы в профессионально-этической подготовке специалистов высшей школы / Л. В. Островская и др. // Российский научный журнал. – 2012. – № 2(27). – С. 120-126.

**РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ
ИМЕНИ В. Ф. МАРГЕЛОВА¹
МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РФ ИМЕНИ В. Я. КИКОТЯ²
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ**

УДК 612.821
ББК 88.23
Психофизиология

психология

**УСПЕШНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ
КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
МО РФ: ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Кандидат психологических наук А. С. Марков¹
Доктор медицинских наук С. В. Булатецкий²

В статье анализируются изменения физиологических показателей курсантов образовательного учреждения МО РФ при ментальном стрессе по критерию успешности профессионального обучения.

Ключевые слова

Адаптация, адаптационный потенциал сердечно-сосудистой системы, гемодинамика, ментальный стресс, успешность профессионального обучения.

С теоретических позиций процесс обучения можно рассматривать с точки зрения общебиологических концепций стресса и адаптации. Любой тип обучения является сочетанием информационных и обменно-энергетических процессов, тесно связанных друг с другом. Нейровегетативные и метаболические изменения, отражающиеся в волновой структуре сердечного ритма, копируют по своей сути стадии адаптации при стрессе и во многом определяют её механизмы [16]. Профессиональное становление военнослужащего к предстоящей практической деятельности с начала обучения в военном вузе характеризуется не только специфическими требованиями к моральным, психическим, личностным, интеллектуальным физическим качествам обучающихся, но и успешностью формирования у них профессионально важных качеств, отвечающих требованиям данной профессии. Успешность профессионального обучения определяется

многими факторами: базовым уровнем знаний, умений и навыков, мотивированностью к восприятию новой информации, заинтересованностью получения образования по будущей специальности, чувством долга, эмоциональной и стрессовой устойчивостью, состоянием здоровья и др. Среди основных задач повышения эффективности процесса профессионального обучения в образовательных учреждениях МО РФ (реализация концепции компетентностного подхода в профессиональном образовании, использование инновационных образовательных технологий, организация учебного процесса, повышение качества преподавания дисциплин и др.) на наш взгляд отдельно следует выделить следующие направления.

Во-первых, – поиск критериев, которые в дополнение к существующему профессиональному отбору позволят не только повысить его результативность, но и будут давать возможность прогнозировать как успешность профессиональной под-

готовки на разных этапах обучения, так и степень сформированности компетенций. Проведенными ранее исследованиями было установлено, что у кандидатов на обучение с разными категориями профессиональной пригодности [3], а также у обучающихся с разным уровнем развития интеллекта [2] и успешностью профессионального обучения [8] при моделировании у них функционального состояния различными видами нагрузочного тестирования возникают носящие компенсаторный характер адаптивные системные реакции, но с разной степенью выраженности изменений уровня функционирования системы кровообращения, суммарного эффекта вегетативной регуляции кровообращения, активности парасимпатического и симпатического отделов автономной нервной системы (АНС), активности регуляторных систем. При соотношении психологического профиля с успешностью формирования профессионально важных качеств было установлено, что у обучающихся с высокой успешностью обучения более развиты интеллектуальные способности, эмоционально-волевые качества и коммуникативные свойства [4]. По результатам исследований других авторов обучающиеся с низкой успеваемостью обладают более высоким уровнем невротизма и более выраженным влиянием симпатического отдела АНС на регуляцию ритма сердца, как в покое, так и при физической нагрузке, нежели лица с высокой успеваемостью [10].

Во-вторых, – необходимость оценки действенности процесса адаптации по состоянию функциональных систем обучающихся, обеспечивающих адаптацию как к определённому виду деятельности, так и к процессу обучения в целом. Условия профессиональной подготовки в образовательных учреждениях МО РФ достаточно специфичны. Учебная и служебная деятельность курсантов, как правило, характеризуется напряжением адаптационных механизмов, связанным с интенсив-

ными нейрогуморальными изменениями и специфическим психологическим содержанием. Адаптация к новым условиям достигается и ценой затрат функциональных ресурсов организма, и за счет определенной биосоциальной платы – «цена» деятельности, которая зависит от физического развития, функционального состояния, индивидуальных адаптационных возможностей и др. Поэтому полезный приспособительный результат долговременной адаптации может быть представлен в виде социального компонента (достижение социально значимых результатов в учебно-служебной деятельности) и гомеостатического компонента (определенный уровень метаболизма в процессе достижения поведенческих результатов) [7]. У обучающихся с низкими адаптационными возможностями значительно возрастает вероятность дезадаптироваться при данных условиях обучения, предъявляющих повышенные требования к адаптационным механизмам.

В-третьих, – выбор методов профилактики возможного нарушения приспособительного поведения как процессу обучения и коррекции функционального состояния обучающегося. Пути и способы коррекции, направленные на повышение адаптивных возможностей курсантов в ходе профессионального обучения, следует определять исходя из сочетания параметров социально значимого поведения и степени изменения гомеостатических функций [6]. Повышение у обучающихся адаптивных возможностей организма и коррекция негативных (стрессовых) состояний может осуществляться различными традиционными способами [13, 14, 15], а оптимизация функционального состояния – путем избирательного управления параметрами реципрокных стресс-реализующей или стресс-лимитирующей систем организма [8, 9, 11].

Проведенное нами ранее исследование позволило выявить различия в вегетативном и миокардиально-гемодинамическом

гомеостазе у курсантов с разными фенотипическими особенностями и функциональным состоянием при ментальном стрессе в процессе профессионального обучения [12]. В дальнейшем полученные в ходе исследования показатели системы кровообращения были соотнесены с результатами изменения уровня глюкозы в крови (ГК), а также с оценками участвующих в исследовании курсантов, полученными ими на зачете по учебной дисциплине.

Целью настоящего исследования был анализ динамики физиологических показателей курсантов образовательного учреждения МО РФ при ментальном стрессе по критерию успешности профессионального обучения.

Материалы и методы. В исследовании участвовал 21 курсант образовательного учреждения МО РФ. Статистические показатели испытуемых: возраст – $20,1 \pm 0,4$ лет; масса тела – $75,3 \pm 6,1$ кг; рост – $178,8 \pm 5,1$ см. Используемые в исследовании физиологические показатели определялись в фоновых условиях (утром, сразу после подъема), перед зачетом по учебной дисциплине и сразу после зачета (моделируемый ментальный стресс). Полученные курсантами на зачете оценки соотносились:

– с уровнем глюкозы в крови, определяемым электрохимическим методом (использовался глюкометр Accu-Chek Performa Nano / Германия / с тест-полосками);

– с индексом адаптационного потенциала сердечно-сосудистой системы (АП), рассчитываемого с помощью уравнения множественной регрессии [1];

– с показателями сердечно-сосудистой системы, определяемыми общепринятыми методами функциональной диагностики: частота сердечных сокращений (ЧСС); систолическое артериальное давление (САД), диастолическое артериальное давление (ДАД), пульсовое давление (ПД), среднединамическое давление (СДД); минутный объем крови (МО); индекс Кердо (ИК), коэффициент экономичности кровообращения (КЭК); тип саморегуляции кровообращения (ТСК). Для их определения были использованы традиционные методы.

Математическая обработка полученных результатов включала исследование внутригрупповых статистических свойств.

Результаты и их обсуждение. Изменение значений физиологических показателей, как проявление ответной реакции регуляторных механизмов на предстоящую интеллектуальную нагрузку, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Изменение физиологических показателей на предстоящую интеллектуальную нагрузку

Показатели	Фоновые условия	Перед зачетом	Δ %
ЧСС, уд/мин	$61,90 \pm 7,63$	$69,5 \pm 8,5$	112,3
САД, мм рт. ст.	$118,6 \pm 9,8$	$127,8 \pm 14,8$	107,8
ДАД, мм рт. ст.	$68,7 \pm 11,0$	$68,8 \pm 8,1$	100,1
ПД, мм рт. ст.	$49,9 \pm 12,0$	$60,4 \pm 13,9$	121,1
СДД, мм рт. ст.	$89,6 \pm 8,7$	$93,5 \pm 9,3$	104,4
МО, л	$3,29 \pm 0,85$	$4,18 \pm 1,1$	127,1
КЭК, у. е.	3054 ± 716	4145 ± 1357	135,7
ТСК, у. е.	111 ± 18	$100,1 \pm 14,9$	90,2
АП, баллы	$1,97 \pm 0,22$	$2,19 \pm 0,32$	111,2
ГК, ммоль/л	$5,03 \pm 0,52$	$5,12 \pm 0,56$	101,8

Анализ представленных в таблице результатов показывает, что предстоящая

интеллектуальная нагрузка (зачет) вызвала у курсантов определенные изменения

в активности регуляторных механизмов: повысилась активность симпатического отдела АНС в механизмах регуляции кровообращения ($\uparrow$ ЧСС, $\downarrow$ САД, $\uparrow$ ПД, $\uparrow$ СДД, $\downarrow$ ТСК), как следствие – увеличились энергетические потребности организма (fMO), более выраженным стало утомление ($\uparrow$ КЭК), снизились функциональные резервы (возможности) организма ($\downarrow$ ТСК) и функциональное состояние в целом ($\uparrow$ АП). Следует отметить, в целом значение ИК, отражающего степень влияния отделов АНС на сердечно-сосудистую систему, повысилось с -11,8 у.е. до -0,08 у.е. (у 17 курсантов – увеличение ИК, у 4 – снижение), что обусловлено повышением активности симпатического отдела АНС. Повышение уровня глюкозы крови было незначительным.

Таким образом, предстоящая интеллектуальная нагрузка вызвала у курсантов оп-

ределенное психоэмоциональное напряжение, повышение активности регуляторных систем и энергетических потребностей организма, снижение функциональных резервов.

Дальнейший сравнительный анализ был проведен между группами курсантов с разной успешностью обучения. По результатам сдачи зачета были сформированы 2 группы: 1-ю группу составили курсанты, получившие оценку «удовлетворительно» («троечники»), 2-ю группу – курсанты, получившие оценку «хорошо» («хорошисты»). Результаты приведены в таблицах 2 и 3.

Изменения исследуемых физиологических показателей в сравниваемых группах курсантов перед зачетом и после зачета в процентном выражении по отношению к фоновым условиям представлены на диаграммах 1 и 2.

Таблица 2

Динамика физиологических показателей в группе «троечников» (n=10)

Показатели	Фоновые условия	Перед зачетом	После зачета
ЧСС, уд/мин	60,7 $\pm$ 7,8	69,7 $\pm$ 7,1	62,6 $\pm$ 4,0
МО, л	3,59 $\pm$ 1,01	4,25 $\pm$ 1,31	3,85 $\pm$ 0,74
ИК, у. е.*	-8,7	-0,8	-5,2
ТСК, у. е.	108,7 $\pm$ 19,9	100,8 $\pm$ 13,5	105,2 $\pm$ 17,1
АП, баллы	1,96 $\pm$ 0,30	2,23 $\pm$ 0,42	2,03 $\pm$ 0,36
ГК, ммоль/л	5,00 $\pm$ 0,67	5,13 $\pm$ 0,68	5,28 $\pm$ 0,91

* – стандартное отклонение среднего значения не рассчитывалось, так как индекс Кердо имел положительные и отрицательные значения

Таблица 3

Динамика физиологических показателей в группе «хорошистов» (n=11)

Показатели	Фоновые условия	Перед зачетом	После зачета
ЧСС, уд/мин	63,0 $\pm$ 7,7	69,4 $\pm$ 10,0	65,3 $\pm$ 11,1
МО, л	3,01 $\pm$ 0,59	4,12 $\pm$ 0,83	3,93 $\pm$ 0,48
ИК, у. е.*	-14,8	0,6	-2,8
ТСК, у. е.	114,8 $\pm$ 17,4	99,4 $\pm$ 16,8	102,8 $\pm$ 16,4
АП, баллы	1,99 $\pm$ 0,13	2,15 $\pm$ 0,22	2,07 $\pm$ 0,18
ГК, ммоль/л	5,05 $\pm$ 0,36	5,11 $\pm$ 0,47	5,26 $\pm$ 0,82

* – стандартное отклонение среднего значения не рассчитывалось, так как индекс Кердо имел положительные и отрицательные значения

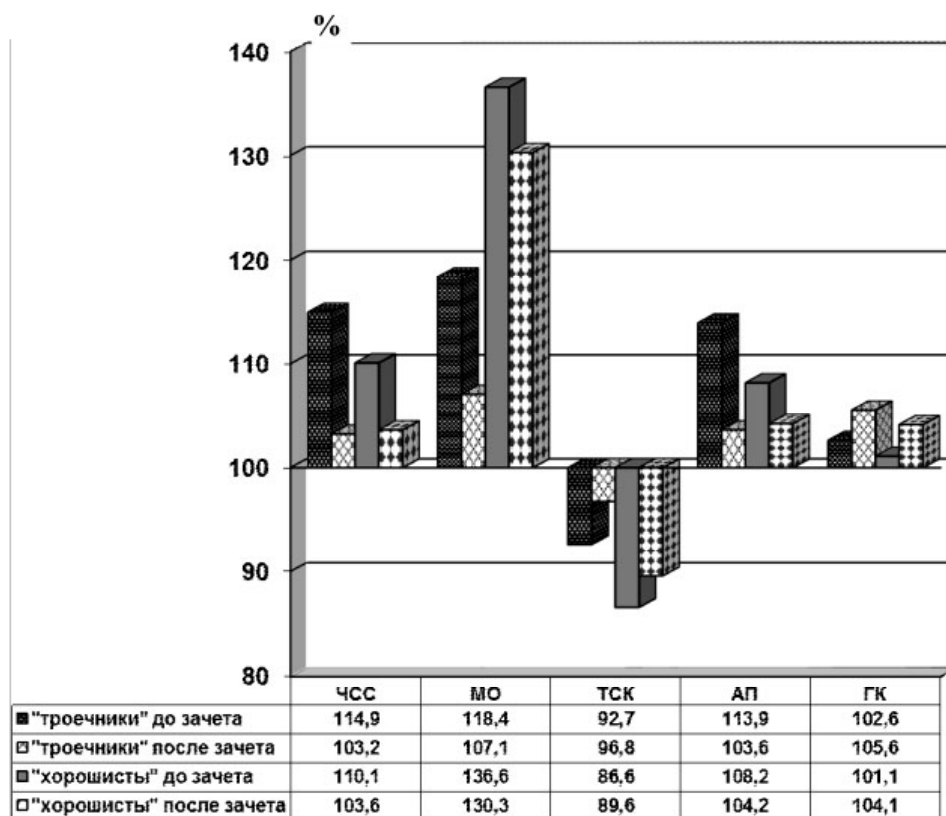

Диаграмма 1. Изменения физиологических показателей при интеллектуальной нагрузке в группах курсантов с разной успешностью обучения

На диаграмме 1 наглядно видны различия вегетативного обеспечения системы кровообращения и глюкозы крови перед и при функциональной нагрузке в группах, отличающихся успешностью обучения. Предстоящая интеллектуальная нагрузка в группе «троечников» вызвала повышение суммарного эффекта регуляции ритма сердца, более выраженное напряжение механизмов адаптации, повышение энергетических потребностей организма и как следствие – снижение функциональных резервов. Следовательно, что в условиях предстоящей интеллектуальной нагрузки в группе «хорошистов» более выражен суммарный эффект вегетативной регуляции кровообращения, что обусловлено повышенной активностью симпатического звена регуляции.

Из диаграммы 2 видно, что степень влияния АНС на сердечно-сосудистую систему на разных этапах исследования в сравниваемых группах различно. В фоновых условиях в группах преобладали парасим-

патические влияния, причем у «хорошистов» активность парасимпатического отдела АНС была более выраженной. Перед зачетом в обеих группах активность отделов АНС была практически одинаковой. После зачета в группах снова преобладала активность парасимпатического отдела АНС, причем в группе «хорошистов» она была более выраженной. Следовательно, изменения вегетативного статуса по ИК в исследуемых группах более выражены в группе «хорошистов». Полученные нами данные подтверждаются результатами предыдущих исследований [5], в соответствии с которыми предстоящая интеллектуальная нагрузка в группе курсантов с «высокой» успеваемостью вызвала более выраженные изменения амплитуды и диапазона регуляторных влияний, и, как следствие, суммарный эффект вегетативной регуляции кровообращения, что связано с повышенной активностью кардиостимулирующего и вазоконстрикторного симпатических центров продолговатого мозга и активностью

Диаграмма 2. Динамика индекса Кердо при интеллектуальной нагрузке в группах с разной успешностью обучения (в у. е.)

центральных эрготропных и гуморально-метаболических механизмов регуляции. Полученные результаты показывают, что в группе с «высокой» успеваемостью преобладают эрготропные функции, а функциональное состояние организма характеризуется более высоким адаптационным потенциалом. Различия в сравниваемых группах, по-видимому, обусловлены не только индивидуальными особенностями в интеллектуальной, личностной и эмоциональной сфере, но и разницей в уровне функциональных резервов организма и его адаптационных возможностей.

В заключение следует отметить, что по результатам исследования логично вытекает тот факт, что ни один из изучаемых физиологических показателей не может быть специфичным в прогнозировании успешности профессионального обучения. Эффективность прогнозирования может быть повышена за счёт использования комплексного подхода, включающего предварительный анализ эндогенных показателей функционального состояния и адаптационного потенциала обучающихся, характеристику экзогенных показателей процесса профессионального обу-

чения, оценку успешности обучения на основе анализа взаимоотношений психического и физиологического уровней – обеспечения учебной деятельности.

Выводы:

1. В группах с разной успешностью профессионального обучения интеллектуальная нагрузка вызывает отличительные особенности изменений физиологических показателей, что обусловлено различным состоянием функциональных резервов организма и умственных возможностей курсантов при которой осуществляемая деятельность имеет разную психофизиологическую «цену».

2. Нагрузочное психофизиологическое тестирование выявило особенности активации регуляторных систем в зависимости от функциональных резервов организма в группах с разной успешностью выполнения интеллектуальной нагрузки.

3. Физиологические особенности достижения высокого результата обучения связаны с исходным состоянием метаболической и вегетативно-сосудистой системой обучающихся, особенностью реакции на интеллектуальную нагрузку и с вегетативным обеспечением деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баевский, Р. М. Оценка адаптационных возможностей организма и риск развития заболеваний / Р. М. Баевский, А. П. Берсенева. – М: Медицина, 1997. – 235 с.
2. Булатецкий, С. В. Влияние уровня интеллекта на корреляционные взаимосвязи спектральных параметров ритма сердца / С. В. Булатецкий // Вестник Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Серия Медицина. – 2003. – № 5(581). – С. 27-31.
3. Булатецкий, С. В. Особенности вегетативной регуляции ритма сердца при интеллектуальной нагрузке у кандидатов на обучение с разными категориями профессиональной пригодности / С. В. Булатецкий // Актуальные проблемы клинической и экспериментальной патологии: межрегиональный тематический сборник научных трудов, посвященный 200-летию со дня рождения российского гения медицины и хирургии Николая Ивановича Пирогова. – Рязань: РязГМУ, 2010. – С. 25-34.
4. Булатецкий, С. В. Психологические особенности адаптации к обучению как критерий профессионального отбора / С. В. Булатецкий // Материалы 2-ой Всероссийской научно-практической конференции «Физиология адаптации». – Волгоград, 2010. – С. 303-306.
5. Булатецкий, С. В. Психофизиологические аспекты успешности профессионального обучения / С. В. Булатецкий // Российский научный журнал. – 2012. – № 6(31). – С. 101-106.
6. Булатецкий, С. В. Психофизиологические механизмы системной организации биосоциальной адаптации курсантов образовательного учреждения МВД России к профессиональному обучению // Российский научный журнал. – 2013. – № 1(32). – С. 101-107.
7. Булатецкий, С. В. Системный анализ процесса адаптации к обучению курсантов образовательного учреждения МВД России: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Рязань, 2001. – 23 с.
8. Булатецкий, С. В. Физиологические механизмы успешности профессиональной подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России: Дис. ... д-ра мед. наук. – Рязань, 2008. – 260 с.
9. Бяловский, Ю. Ю. Вариабельность сердечного ритма и фрактальная нейродинамика в условиях локальных вибромагнитоакустических воздействий / Ю. Ю. Бяловский, С. В. Булатецкий, Ж. В. Сучкова // Физиология человека. – 2005. – Т. 31. – № 4. – С. 50-60.
10. Воронин, Р. М. Физиологические аспекты оценки здоровья и адаптации к военной службе лиц призывного возраста: Дис. ... д-ра мед. наук. – Рязань, 2012. – 287 с.
11. Глушкова, Е. П. Динамика неспецифических адаптационных механизмов в условиях изменения частотных и силовых характеристик локальных магнитных воздействий: Дис. ... канд. мед. наук. – Рязань, 2009. – 133 с.
12. Марков, А. С. Особенности гемодинамики у курсантов образовательного учреждения МО РФ при ментальном стрессе в процессе профессионального обучения / А. С. Марков, С. В. Булатецкий // Российский научный журнал. – 2015. – № 5(48). – С. 115-121.
13. Марков, А. С. Психолого-педагогическая модель профессионального становления курсанта военного вуза обучения / А. С. Марков // Российский научный журнал. – 2013. – № 1(32). – С. 160-165.
14. Чернышёва, О. В. Психофизиология стресса и посттравматического стрессового расстройства у военнослужащих: учебное пособие / О. В. Чернышёва, С. В. Булатецкий. – Рязань, 2015. – 148 с.
15. Щербатых, Ю. В. Психология стресса и методы коррекции / Ю. В. Щербатых. – СПб.: Питер, 2012. – 256 с.
16. Флейшман, А. Н. Медленные колебания гемодинамики: теория, практическое применение в клинической медицине и практике / А. Н. Флейшман. – Новосибирск: Наука, 1999. – 264 с.

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ МЧС РОССИИ**

УДК 378
ББК 74.005.26+74.48
Педагогика

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ
СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ В МНОГОУРОВНЕВОЙ
СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

Кандидат юридических наук Л. С. Муталиева

В статье рассмотрено профессионально-правовое воспитание сотрудников МЧС России в условиях многоуровневой системы образования.

Ключевые слова

Многоуровневая система образования, профессионально-правовое воспитание сотрудников МЧС России, вузы МЧС России

В современных условиях качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях, а также развитие у обучающихся основ правосознания являются одним из факторов формирования правовой культуры и позитивного типа правосознания. Исходя из этого Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) [1] определяют повышение уровня правовой культуры граждан, включая уровень осведомленности и юридической грамотности. Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) [2] являясь федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях, также формирует правосознание и право-

вую культуру, прежде всего, у своих сотрудников. В системе МЧС России действуют высшие учебные заведения, осуществляющие подготовку по программам среднего, высшего профессионального образования, а также подготовку специалистов высшей квалификации: докторантов, адъюнктов, аспирантов, переподготовку и повышение квалификации специалистов различных категорий сотрудников МЧС России. Кроме того, в системе действуют учебные центры ФПС МЧС России, основной задачей которых является профессиональная переподготовка и повышение квалификации специалистов в области обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, безопасности людей на водных объектах. В этих условиях в МЧС России усилия должны быть направлены на развитие правосознания как у отдельного обучающегося в системе МЧС России – как будущего сотрудника МЧС России, так

и у всей общности сотрудников МЧС России. В условиях реформирования всех сфер жизнедеятельности Российского государства и МЧС России особую актуальность и значимость приобретает профессионально-правовое воспитание сотрудников МЧС России [3]. Непрерывный характер и эффективность профессионально-правового воспитания сотрудников МЧС России является одним из условий дальнейшего совершенствования деятельности МЧС России и успешного решения стоящих задач по обеспечению безопасности в чрезвычайных ситуациях.

В научной литературе вопросы формирования правосознания и правовой культуры неоднократно в трудах философов, социологов, историков, юристов, педагогов и психологов. Различные аспекты данной проблемы изучались по следующим направлениям: исследования, посвященные правовой культуре (В. В. Бондуrowsкий, Н. М. Будаев, М. В. Гирская, Н. В. Даничев, Ю. И. Дутов, А. И. Землин, В. Н. Паршин); правовому сознанию (В. Г. Бургун, Г. П. Васянович, А. Ю. Данин, Л. С. Дунаевский, А. П. Елисеев, А. В. Мещерякова); правовому воспитанию (В. П. Алексеев, В. В. Глоба, П. П. Давыдов, Н. Г. Канунникова, В. С. Олейников, О. В. Петрунин, Н. С. Прокоп, М. Г. Саккулин, А. В. Татаркин); проблемам поддержания правопорядка (Н. Ф. Бондаренко, М. И. Дворецкий, С. И. Денисенко, В. Т. Доценко, В. А. Зарубин, В. Л. Згуро, Н. И. Кирышов, А. И. Китов, А. А. Лукьянец, В. В. Майоров, Л. С. Мальцев, К. Д. Нечевин, Л. Н. Охлопков, Э. П. Утлик); различным аспектам правовой подготовки (И. В. Борисенко, А. В. Прощаев, А. М. Столяренко, В. П. Ходжейса, А. С. Щербаков, А. В. Якушин) и др. Ученые отмечают необходимость изучения теории государства и права при формировании правовой культуры и правосознания [4].

В целом различными исследователями изучались отдельные аспекты профессионального и правового воспитания, одна-

ко, в силу изучения ими отдельных аспектов данной проблемы, существует необходимость разработки целостной педагогической концепции профессионально-правового воспитания сотрудников МЧС России в условиях многоуровневой системы образования.

Анализ нормативных правовых актов, федеральных государственных образовательных стандартов и учебных планов показал, что в образовательных учреждениях МЧС России формирование правосознания формируется в рамках среднего, высшего образования, а также в ходе переподготовки и повышения квалификации. Так, в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России с сентября 2013 года действует Кадетский пожарно-спасательный корпус, который осуществляет подготовку учеников 10 и 11 классов. Дисциплиной, направленной на формирование правосознания и правовую культуру является обществознание. В интегрированный учебный предмет «Обществознание» включены отдельные разделы «Экономика» и «Право». Специфика учебного заведения вызвала необходимость увеличения количества учебных часов на дисциплину «ОБЖ». Кроме того начальным элементом профессионального образования является предмет «Специальная дисциплина», который включает в себя разделы «Подготовка пожарного» и «Специальная подготовка спасателя» [5].

В рамках высшего образования в образовательных учреждениях МЧС России осуществляется подготовка специалистов юридического профиля, для специалистов неюридического профиля в учебных планах предусмотрен блок юридических дисциплин, направленных на формирование у них необходимых профессиональных компетенций, и вместе с тем, правосознания и правовой культуры.

Высшие учебные заведения и учебные центры МЧС России предлагают широкий спектр программ переподготовки и повышения квалификации как для специ-

алистов юридического профиля, так и для иных специалистов. При этом осуществляется подготовка не только сотрудников МЧС России, но и специалистов других министерств и ведомств. Таким образом, в настоящее время в МЧС России сложилась и функционирует образовательная среда, направленная на повышение профессионального уровня обучающихся. Возможности данной образовательной среды, по нашему мнению, не в достаточной мере используются для формирования ценностного отношения к праву, как социальному регулятору. Кроме того, формирование правовой культуры должно быть интегрировано в профессиональное образование лиц, обеспечивающих безопасность в чрезвычайных ситуациях. Специфика профессиональной деятельности сотрудников МЧС России связана с высоким риском, тесным взаимодействием с людьми, как с коллегами, так и пострадавшими. Данная специфика требует от сотрудников различных профессий знания психологии, педагогики и действий в строгом соответствии с законом. То есть формирование правосознания неотделимо от формирования профессиональных знаний и должно осуществляться непрерывно не только в период обучения будущего сотрудника, но в ходе его профессиональной деятельности.

Необходимо отметить, что в последние годы в теории и практике юридического образования, правовой подготовки и воспитания сотрудников МЧС России произошли существенные изменения, связанные с реализацией требований Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования; были заново сформулированы цели и задачи, компоненты содержания правовой подготовки в высшей школе МЧС России, что в конечном итоге привело к углублению и улучшению изучения правовых дисциплин и правового воспитания сотрудников МЧС России в целом.

В настоящее время право представля-

ет социальную ценность, в том числе проявляющуюся в воспитании граждан. По мнению ученых, под воспитанием понимается процесс целенаправленного влияния, целью которого выступает накопление человеком необходимого для жизни в обществе социального опыта и формирования у него определенной системы ценностей [6]. Несомненно, что одной из таких ценностей выступает именно право, как необходимый социальный регулятор общественных отношений, обеспечиваемый силой государственного принуждения. Основой профессионально-правового воспитания сотрудников МЧС России является правовое обучение, которое посредством традиционных и инновационных образовательных технологий должно формировать теоретические основы правового сознания и правовой культуры, обеспечивать высокий уровень знаний, правового мышления, формирование научного правового мировоззрения.

К педагогическим условиям профессионально-правового воспитания сотрудников МЧС России в условиях многоуровневого образования необходимо отнести:

- наличие в МЧС России различных уровней подготовки специалистов – довузовская подготовка, высшее образование, переподготовка и повышение квалификации специалистов МЧС России;

- тесное взаимодействие с людьми и высокая степень риска как признаки профессиональной деятельности сотрудников МЧС России требуют от них строго соблюдения принципа законности, что возможно только при сформированности у них профессионального правосознания и правовой культуры;

- необходимость в профессионально-правовом воспитании существует на всех этапах подготовки и деятельности сотрудников МЧС России, что требует необходимого организационного и методического обеспечения;

- требуется соответствующая подготовка лиц, осуществляющих профессиональ-

но-правовое воспитание в системе МЧС России – учителей, преподавателей, руководителей структурных подразделений, работников воспитательных органов.

Таким образом, в настоящее время в МЧС России сложилась многоуровневая образовательная среда, которая является

основой для профессионально-правового воспитания сотрудников. Осуществление профессионально-правового воспитания сотрудников МЧС России с учетом особенностей министерства является необходимым условием его успешного функционирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. – № 151. – 14.07.2011.

2. Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 868 (ред. от 12.03.2015) «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // Собрание законодательства РФ. – 12.07.2004. – № 28. – ст. 2882.

3. Концепция кадровой политики МЧС России на период до 2020 года. – М., 2010. – http://www.mchs.gov.ru/upload/site1/document_file/uMdWtjkw4W.pdf.

4. Тыртышный А. А. Методология исследования теории права и государства как мировоззренческой основы формирования правосознания юристов // Вестник Российского нового университета. – 2013. – № 3. – С. 7-11.

5. <http://www.igps.ru/2009-06-01-23-58-16/2093.html>

6. Ефремов О. Ю. Педагогика. Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2010. – С. 85.

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика

О ВАЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МЕЖДУ ВНОВЬ ПРИОБРЕТАЕМЫМИ И РАНЕЕ ПОЛУЧЕННЫМИ ЗНАНИЯМИ НА ПРИМЕРЕ ЭПЮРЫ МОНЖА

Кандидат технических наук Н. В. Новик

Как известно, процесс усвоения знаний происходит на основе установления связей между старыми и вновь приобретенными знаниями. Поэтому важно обеспечить взаимосвязь знаний в методах обучения.

Предлагается при изучении эпюр Монжа в курсе начертательной геометрии провести аналогии с прямолинейной системой координат на плоскости. Отмечена целесообразность более наглядного представления материала.

Выявлено улучшение усвоения материала обучающимися при предложенной методике.

Ключевые слова

Методы обучения, взаимосвязь знаний, эпюра Монжа

Как известно, процесс усвоения знаний происходит на основе постепенности, последовательности и преемственности. Он заключается в установлении связей между старыми и вновь приобретенными знаниями, между которыми имеются внутренние связи. Поэтому важно обеспечить взаимосвязь знаний в методах обучения.

В большинстве технических высших учебных заведениях на первом курсе студенты изучают курс начертательной геометрии. Очень часто у обучающихся возникают сложности при освоении этой дисциплины. Начертательная геометрия, как и любая геометрия, основана на последовательности вводимых определений, теорем, методов и алгоритмов. Следовательно, неуспеваемость исходных понятий делает невозможным освоение последу-

ющего материала.

В начертательной геометрии изображение фигур дается в виде проекций на горизонтальную, фронтальную и профильную плоскость. Обычно проекции располагаются на эпюрах Монжа. При первых занятиях очень важно, чтобы студент хорошо понял методику изображения на эпюрах Монжа.

Как известно [1], процесс усвоения нового материала идет значительно проще, если провести четкие аналогии с ранее полученными знаниями. В средней школе обучающиеся подробно изучали прямолинейную систему координат. На плоскости прямолинейная система координат образуется двумя взаимно перпендикулярными осями – X и Y . Каждая ось рассматривается как числовая ось с положительными и отрицательными значени-

ями.

Для упрощения процесса понимания при объяснении эпюр Монжа предлагается сначала представить графическую информацию в прямолинейной системе координат на плоскости. Такие графические построения обучающимся хорошо знакомы со школьного курса математики. Целесообразно первый раз вычертить эпюру Монжа, используя эти построения. Связать новое представление графической информации со старыми знаниями обучающегося. Показать, что изображе-

ние на эпюрах – это наложение двумерных систем координат. Для лучшего усвоения материала представляется полезным на первом этапе наложить две проекции – на горизонтальную и фронтальную плоскости.

Для объяснения берется конкретная точка, например, точка $A(20, 10, 30)$. Где 20 – координата «х», 10 – координата «у» и 30 – координата «z». Далее традиционно показывается изометрическое изображение трех плоскостей проекций, положение точки и ее проекций (рис. 1).

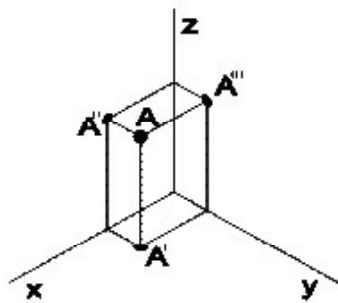

Рисунок 1.

Пространственное изображение точки и ее проекций.

Перед объяснением эпюр Монжа целесообразно построить проекции точек на каждую плоскость проекций отдельно. На фронтальную плоскость, которая остается на месте и оси которой не меняют своего положения: ось X влево и ось Z вверх. На горизонтальную плоскость, которую, чтобы совместить с плоскостью чертежа,

поворачивают на 90 градусов вокруг оси X : ось X остается на месте и направлена влево, ось Y получается направленной вниз. Полученные оси координат и проекции точки A на горизонтальную и профильную плоскость проекций приведены на рисунке 2.

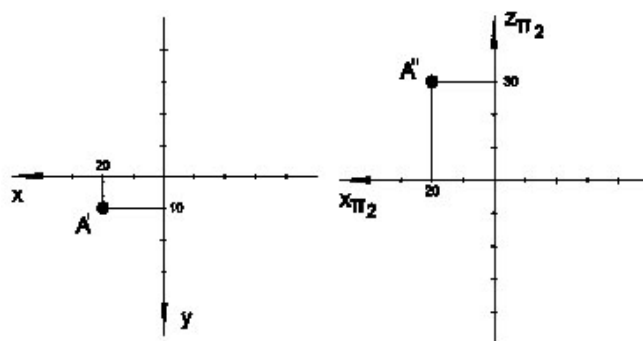

Рисунок 2. Горизонтальная и фронтальная плоскость проекций.

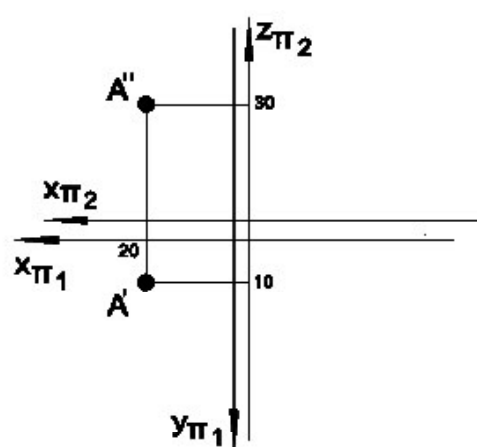

Рисунок 3. Изображение двух плоскостей проекций на эпюре Монжа.

Приведенные представления графической информации аналогичны привычным студентам методам построения графиков, поэтому они легко воспринимаются. Однако расположение осей при таком изображении для обучающихся непривычно, поэтому этот аспект предлагается рассмотреть более детально.

После изображения проекций точки на двух плоскостях проекций, расположенных на разных чертежах, дается подробное изображение на эпюре Монжа. Эпюра Монжа – это проекционный чертеж, составленный из двух или более связанных между собой ортогональных проекций геометрической фигуры.

При традиционном изображении на эпюре Монжа оси не указываются именно по причине их наложения. Как показывает анализ контрольных мероприятий, вопрос совмещения осей является наиболее сложным для обучающихся. При изучении данного метода студенты, как правило, впервые сталкиваются с подобным совмещением осей. Поэтому при первом вычерчивании эпюры необходимо подробно указать направление осей для каждой плоскости проекций (рисунок 3). Целесообразно показать на эпюре расположение положительных и отрицательных значений для каждой оси.

Для лучшего закрепления материала

следует дать обучающимся самостоятельное задание на определение положения горизонтальной и фронтальной проекции точки. Задание должно содержать точки с различными отрицательными, положительными и нулевыми координатам. Например: построить на эпюре Монжа горизонтальные и фронтальные проекции точек: $B(10,40,20)$, $C(20,-20,10)$, $D(30,-10,-20)$, $F(-10,30,-20)$, $K(-20,0,-20)$, $M(-30,0,0)$.

После разбора самостоятельного задания, при успешном усвоении обучающимися пройденного материала, аналогичным образом вводится профильная плоскость проекций. Отдельно дается изображение профильной плоскости проекций, повернутой вокруг оси Z на 90° градусов: ось Z остается на месте и направлена вверх, ось Y направлена вправо. Строится проекция точки A на профильную плоскость (рисунок 4). Далее добавляется изображение профильной плоскости на эпюру Монжа (рисунок 5). Следует обратить внимание на наличие на эпюре двух осей Y . Одна ось Y используется при проецировании на горизонтальную плоскость, другая – при проецировании на профильную плоскость проекций.

Следует также отметить, что столь подробное и наглядное представление изучаемых аспектов также улучшает освоение нового материала обучающимися [3, 4].

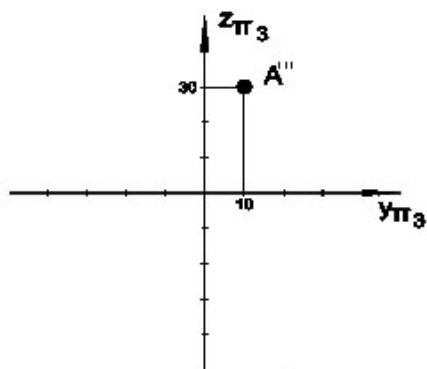

Рисунок 4. Профильная плоскость проекций.

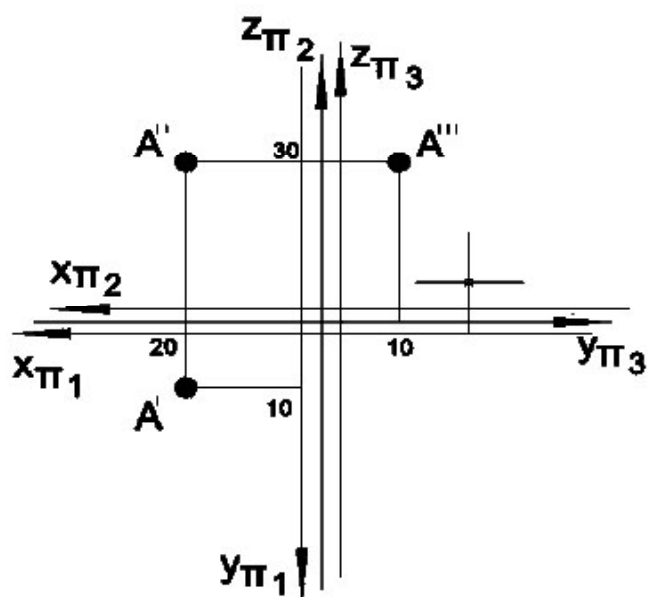

Рисунок 5 (справа). Изображение трех плоскостей проекций на эпюре Монжа.

Как показывает анализ контрольных мероприятий, при предложенном методе последовательного подробного объяснения эпюр Монжа с проведением аналогий с ранее изученным материалом по работе в прямолинейной системе координат, практически все обучающиеся легко усваивают данную тему.

Необходимо отметить важность быст-

рого и качественного усвоения основных понятий дисциплины. В учебных планах студентов первого курса не предусмотрены занятия на повторение пройденного материала, что обычно доступно при обучении в школе. Поэтому обучающиеся, не усвоившие приемы изображения на эпюрах Монжа, не могут понимать следующие разделы начертательной геометрии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреев А. А. Педагогика высшей школы. Новый курс / А. А. Андреев. – М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2002. – 264 с.

2. Филатова О. И. Содержание дисциплины «Инженерная графика» на базе компьютерных технологий / О. И. Филатова, В. И. Якунин // Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]. – 2014. – № 3.

3. Демидов С. Г. Компьютерное моделирование в графической подготовке студентов технического университета // Российский научный журнал. – 2015. – № 1(44). – С. 143-145.

4. Новик Н. В. Применение трехмерной графики при изучении курса начертательной геометрии // Российский научный журнал. – 2014. – № 5(43). – С. 170-174.

психология

УДК 159.923
ББК 88.3-71
Психология

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ НАСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ

Кандидат психологических наук И. А. Новикова

В статье рассмотрены возможности психокоррекции свойств личности, рассматриваемых на основе системно-функциональной модели А. И. Крупнова. Представлена сущность индивидуально-типического подхода к гармонизации личностных свойств, которая продемонстрирована на примере настойчивости. Кратко изложены основные направления психокоррекционной работы по развитию настойчивости у студентов с разными типами ее реализации.

Ключевые слова

Системно-функциональный подход, свойства личности, настойчивость, индивидуально-типические особенности, психокоррекция.

Одной из актуальных проблем современной практической психологии является разработка технологических программ по коррекции и развитию конкретных навыков, умений, способностей, а также черт характера и свойств личности. Такая постановка проблемы требует, с одной стороны, четких эмпирических показателей для разработки подобных программ, а с другой – критериев для определения эффективности предложенных рекомендаций.

На наш взгляд, весьма продуктивный ответ на эти вопросы можно найти в рамках системно-функционального подхода А. И. Крупнова к анализу свойств личности и индивидуальности [6; 11; 16]. Предлагаемая модель строения свойств личности включает две подсистемы – мотивационно-смысловую (целевой, мотивационный, когнитивный и результативный

компоненты) и инструментально-стилевую (динамический, эмоциональный, регуляторный и рефлексивно-оценочный компоненты), каждый из перечисленных компонентов содержит по две переменные, условно названные «гармоническими» и «агармоническими» [6].

Возможности коррекции и саморегуляции системно-функциональных свойств личности наиболее подробно рассмотрены А. И. Крупновым на примере общительности [7]. Динамика переменных инициативности и организованности в ходе тренинга изучались В. И. Байковым [1] и Е. В. Остапец [9]. Мы полагаем, что в условиях работы психологической службы вуза или организации может быть востребован индивидуально-типический подход к психокоррекционной работе. Его суть состоит в том, что в процессе диагностики сначала определяются типологи-

ческие особенности личностного свойства, с учетом которых далее предлагается программа по его гармонизации.

Настойчивость является одним из наиболее изученных свойств личности в рамках системно-функциональной концепции А. И. Крупнова. Причем активно изучаются как типологические особенности настойчивости, так и возможности ее развития, гармонизации и психокоррекции. Так, в диссертации О. Б. Барабаш [2] впервые был проведен целостный поликомпонентный анализ настойчивости как системного качества личности, выделены типы ее реализации. Важным итогом данной работы явилось составление подробных программ коррекции отдельных компонентов настойчивости, которые, однако, не учитывают выявленные ранее типологические особенности.

В нашей работе [8] была предложена типология настойчивости на основе анализа соотношения количественной выраженности соответствующих переменных внутри каждого компонента, а также доминирования переменных в целостной структуре свойства. Для представителей каждого типа были разработаны индивидуально-типологические программы по гармонизации настойчивости, эффективность которых была подтверждена в ходе формирующего эксперимента [8].

В дальнейшем с использованием кластерного анализа было выделено от трех до шести типов реализации настойчивости как таковой, так и в сочетании с другими свойствами личности [5; 10; 12]. В исследованиях, проведенных нами совместно с Д. А. Шляхтой и А. А. Воробьевой [3; 13; 14], было доказано существование четырех достаточно устойчивых вариантов настойчивости как системно-функционального свойства личности: *инструментально-смыслового, избирательно-мотивированно-агармонического* и *слабо-мотивированного*. На основании психологических характеристик каждого типа, учитывающих характер выраженно-

сти, соотношения и доминирования переменных в мотивационно-смысловой и инструментально-стилевой подсистемах, были разработаны индивидуально-типические программы гармонизации и коррекции настойчивости.

Инструментально-смысловой тип характеризуется максимальным уровнем выраженности мотивационно-смысловых характеристик. У представителей этого типа максимально выражены инструментально-гармонические и минимально – инструментально-агармонические переменные. Они очень активны в волевой сфере при преодолении внешних и внутренних препятствий, поэтому им было дано условное название «напористые». На первый взгляд, «напористые» студенты не нуждаются в коррекционной работе, ведь у них прекрасно развиты мотивация и навыки настойчивого поведения. Но именно как следствие их постоянной нацеленности на конкретный результат и желания во что бы то ни стало добиться своего, у них могут возникнуть серьезные проблемы.

Во-первых, многие из них в случае малейшей неудачи в осуществлении задуманного испытывают широкую гамму отрицательных эмоций. Они не всегда умеют переживать свои неудачи спокойно, извлекать из них уроки на будущее, анализировать их причины. Чаще всего во всех неудачах они обвиняют себя, не могут (или не хотят) учитывать обстоятельства, помогающие или мешающие им достигнуть желанного результата. Таким образом, тем из студентов данной группы, у кого показатель астенических эмоций превышает показатель стенических, нужно рекомендовать упражнения по регуляции отрицательных эмоций. Наиболее эффективен в данном случае механизм «рационализации» отрицательных эмоций, в основе действия, которого лежит принцип противоположности эмоционального и рационального. В случае неудачи желательно не торопиться действо-

вать, особенно под влиянием раздражения или нетерпения. Полезно спокойно проанализировать ситуацию, найти ее плюсы и минусы, извлечь полезную информацию на будущее (отрицательный результат порой более информативен, чем положительный), подумать о новых способах достижения задуманного. Речь, конечно, не идет об уничтожении всех отрицательных переживаний, тем более, что недовольство собой, критичность могут быть хорошими стимулами к действию, если они не становятся чрезмерными. Оптимально было бы научиться переводить хотя бы часть энергии, затрачиваемой на переживания, в «конструктивное русло» – на анализ и решение возникшей проблемы.

Во-вторых, настойчивость у представителей данной группы может выражаться в крайне негибких формах: в виде педантизма, упрямства, ригидности, неумения гибко реагировать на изменение ситуации (многие из них привыкли обязательно доводить до конца свои дела, даже если к ним потерян интерес или завершение их не требуется). В таких случаях желательна индивидуальная работа (в виде бесед, заданий по анализу аналогичных ситуаций, обсуждению других способов поведения в них и т. п.) по некоторому ослаблению стремления любым путем достичь своей цели. Нужно стремиться, чтобы в процессе такой работы субъект осознал, что его стремление всегда и несмотря ни на что добиваться своих целей может каким-то образом задевать интересы окружающих; может отнимать у него самого силы и время, затраченные на выполнение потерявших свою актуальность дел. Отметим, что иногда студенты из этой группы становятся «рабами» своих дел, они с трудом переключаются на другие виды активности (например, отдают все время учебе в ущерб личной жизни и т. п.). Для них было бы полезно с помощью психолога проанализировать и осмыслить подобные ситуации.

Избирательный тип настойчивости характеризуется средним уровнем выраженности большинства мотивационно-смысловых переменных. Гармонические переменные инструментально-стилевой подсистемы имеют среднюю выраженность, агармонические – выражены на уровне ниже среднего. Проявление волевой активности не вызывает у представителей данного типа особенных трудностей, хотя им сложно систематически выполнять одни и те же задания. Для этих студентов характерна «избирательность» мотивации и средний уровень динамических проявлений активности в волевой сфере, то есть им подходит название «прагматичные» (они стремятся к реализации тех целей и планов, в которых видят смысл и выгоду для себя).

Соответственно, «прагматичным» студентам не свойственны «крайние» проявления настойчивости, характерные для «напористых». Но, в тоже время у них могут возникать трудности во взаимоотношениях с окружающими из-за внешне подчеркнутого стремления быть независимыми от мнений других людей, быть самостоятельными несмотря ни на что, нежелания поступиться своими интересами в пользу общего дела, учесть интересы других людей. В принципе стремление к самостоятельности и независимости – это очень положительные и социально желательные качества (в противовес иждивенчеству и инфантилизму), их развитие можно только приветствовать. Но если речь идет о нежелании считаться с интересами других людей, игнорировании их мнения, подчеркивании своей индивидуальности за счет унижения других, то возникает повод для психологической работы. Задача психолога – определить природу подобных индивидуалистических и эгоистических проявлений. Возможно, речь идет об обычном «юношеском максимализме», показном желании выделиться, самоутвердиться, которое обычно проходит с возрастом, в общении

со значимыми и уважаемыми людьми. Гораздо серьезнее, если подобное поведение выступает как «психологическая защита» от недоброжелательной социальной среды. В таком случае требуется большой объем психотерапевтической работы не столько по коррекции настойчивости, сколько по коррекции взаимоотношений с другими людьми. Наконец, такое поведение может быть следствием сформировавшейся эгоистической направленности. В данном случае полезно попробовать использовать «принцип разумного эгоизма»: делать что-то полезное для других в собственных интересах. Выполнение подобных заданий (сначала рекомендованных психологом, затем выбранных самим субъектом) помогает осознать, что альтруистические поступки не ущемляют, а обогащают интересы, создают новое поле деятельности, способствуют успеху в личных делах.

Другим направлением коррекционной работы в данной группе может стать преодоление конкретных трудностей, мешающих осуществлению настойчивого поведения. Чаще всего студентам с данным типом настойчивости трудно заставить себя закончить дело, если заранее известен его незначительный результат, и выполнять рутинную работу. Рекомендуется субъективно повысить значение результатов подобных действий – понять, что их выполнение является необходимым «вкладом» в успех более важного, значимого и интересного дела. При выполнении рутинной работы полезно помнить, что она часто служит фундаментом творчества. Желательно научиться произвольно изменять мотивацию своих поступков – мысленно связывать необходимость выполнения, на первый взгляд, незначительной работы с достижением желанной перспективной цели.

У некоторых студентов с данным типом настойчивости наблюдается чрезмерная негативно-эмоциональная реакция на неудачи, аналогичная описанной выше

для «напористых» студентов. В таких случаях рекомендуется психологическая работа по рационализации отрицательных эмоций.

Для *мотивировано-агармонического типа* характерны средние показатели переменных мотивационно-смысловой подсистемы настойчивости, которые уступают по выраженности лишь результатам, полученным для инструментально-смыслового типа. Но, в тоже время, для данного типа характерны максимальные значения большинства инструментально-агармонических переменных. Студентам этого типа не хватает силы, напористости для активного волевого поведения, они испытывают больше всего трудностей, мешающих осуществлению настойчивости. Они стремятся, но не могут достичь желаемого, при этом очень часто им мешают препятствия субъективного характера – тревожность, неверие в свои силы, невысокая самооценка и т. п., поэтому им подходит название «неуверенные».

Психологическую работу с «неуверенными» студентами желательно комплексно проводить сразу по нескольким направлениям. Прежде всего, это коррекция самооценки. С этой целью используется широко распространенный прием – составление списка своих жизненных удач (достижений) и неудач. Задача субъекта состоит в том, чтобы более объективно взглянуть на свои успехи, которые он обычно недооценивает (возможно, сравнивая их с каким-то недостижимым идеалом); сравнить количество уже достигнутых целей с неосуществленными; подумать, какие из нереализованных целей еще возможно достигнуть и как это сделать. Анализ такого списка (самостоятельно или с помощью психолога) помогает большинству испытуемых увидеть себя другими глазами, поверить в свои силы, понять, что при желании и работе над собой можно добиться большего.

Во-вторых, предстоит работа по рации-

анализации отрицательных эмоций и тревожности. Многие студенты с данным типом настойчивости настолько тревожны и сомневаются в положительном результате своих действий, что предпочитают вообще не действовать (чтобы не испытывать неудач). В таких случаях рекомендуется максимально сосредоточиться на самом процессе деятельности (осуществлении запланированной последовательности действий), а не на переживаниях о ее итогах. Причем отрицательный результат в таких случаях не менее ценен, чем положительный. Нужно постараться проанализировать причины неудачи, извлечь из ошибок информацию на будущее, найти новые пути к цели.

В-третьих, студентам данной группы полезно освоить прием «намеренного изменения смысла действий», например, через переоценку значимости мотива, изменение роли, предвидение последствий действия, постановку более конкретных целей, действия в воображаемой ситуации, обращения к внешним стимулам и др. [4].

Как известно, выработку навыков волевого и настойчивого поведения лучше всего осуществлять при решении конкретных или жизненных проблем. Студентам рекомендуется выбрать для себя актуальную цель и разработать план ее достижения. Составление плана и работа по нему способствуют развитию навыков последовательности и систематичности действий, умению предвидеть их последствия, оптимально сочетать разные виды деятельности. Работа по плану предполагает обязательный анализ сделанного (несделанного), своих эмоциональных реакций на успехи и неудачи. Это помогает лучше осознать ошибки, оценить достижения, уточнить планы.

Для *слабо-мотивированного типа* характерны низкие значения большинства переменных мотивационно-смысловой подсистемы, а также минимальные показатели инструментально-гармонических

переменных при более высокой выраженности инструментально-агармонических переменных и трудностей. У представителей этого типа недостаточно развита как мотивационно-потребностная, так и инструментально-динамическая сфера настойчивости. Они недостаточно настойчивы в преодолении трудностей, часто разбрасываются, не могут закончить работу в намеченный срок, им не хватает приемов и навыков волевого поведения, систематичности, постоянства в проявлениях волевой активности, поэтому мы условно назвали их «инертными».

Студенты этого типа спокойнее, чем представители других групп, относятся к препятствиям, мешающим воплотить что-то из задуманного, как правило, у них нет потребности развивать и совершенствовать свою волю и настойчивость. Поэтому психологическая работа со студентами данной группы затруднена. Тем не менее, большинство представителей данной группы все же склонны считать, что проявление настойчивости в учебе, работе, имеет больший смысл, чем в сфере взаимоотношений с другими людьми. Можно предложить им найти какие-либо небольшие дела, результат которых по их мнению зависит от приложения усилий, а не от стечения обстоятельств. При этом целесообразно придерживаться следующей психологической позиции: «в каждой ситуации сделать хотя бы то небольшое, что зависит от меня». Желательно, чтобы в течение некоторого времени студенты попробовали придерживаться такой позиции при выполнении различных дел и зафиксировали, что у них получилось, а что – нет. Анализ эффективности действий, выполненных с данной позиции, возможно, способствует расширению мотивации к проявлению настойчивости, появлению желания быть более активным в регуляции своего поведения. В таких случаях с представителями данной группы можно проводить психологическую работу по индивидуальной

программе: формирование навыков настойчивого поведения (работа с планом), анализ и преодоление отдельных трудностей, регуляция отрицательных эмоций, но в рамках тех сфер жизни и деятельности, который каждый из них выберет

для более активного проявления собственной инициативы и настойчивости.

Продуктивность предлагаемых индивидуально-типических программ была показана при психокоррекции настойчивости [8] и инициативности [15].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Байков И. В. Сравнительная характеристика инициативности до и после коррекционной работы // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2007. – № 1. – С. 27-34.

2. Барабаш О. Б. Психолого-педагогические основы самовоспитания настойчивости в студенческом возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 1992.

3. Воробьева А. А., Новикова И. А., Шляхта Д. А. Типологические особенности настойчивости и любознательности у студентов различных направлений обучения // Акмеология. – 2014. – № 3-4. – С. 54-55.

4. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М.: МГУ, 1991.

5. Каргина Н. В. Сравнительное исследование любознательности, настойчивости и общительности студентов: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005.

6. Крупнов А. И. Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2006. – № 1(3). – С. 63-73.

7. Крупнов А. И. Системная диагностика и коррекция общительности: монография. – М.: РУДН, 2007.

8. Новикова И. А. Индивидуально-типологический подход к исследованию черт личности: Монография. – М.: РИО МГУДТ, 2013.

9. Остапец Е. В. Динамика развития различных переменных организованности личности в ходе тренинга // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2007. – № 1. – С. 64-68.

10. Полянская Е. Н. Индивидуально-типические особенности настойчивости, инициативности и карьерных ориентаций студентов: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008.

11. Системные исследования свойств личности: к 30-летию научной школы А.И. Крупнова в РУДН: коллективная монография / Научн. ред. А. И. Крупнов, С. И. Кудинов, И. А. Новикова. – М., 2014. – 512 с.

12. Фомина Н. А. Свойства личности и особенности речевой деятельности. – Рязань: Узорочье, 2002.

13. Шляхта Д. А. К проблеме устойчивости типов в проявлениях черт характера // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2008. – № 1. – С. 50-57.

14. Шляхта Д. А. Индивидуально-типические особенности активности личности в коммуникативной, волевой и познавательной сферах: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009.

15. Шурухина Г. А. Индивидуально-типические особенности проявления и гармонизации инициативности старших школьников и студентов: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 2011.

16. Krupnov A. I., Novikova I. A., Kozhukhova Y. V. Sistem-Functional Model of Personality Traits // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. – 2013. – Vol. 2. – No 9. – P. 407-413.

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И. КАНТА¹
РОССИЯ, г. КАЛИНИНГРАД
БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ²
РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ, г. БАРАНОВИЧИ

УДК 378: 37.018.46
ББК 74.48
Педагогика высшей школы

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ
В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ**

Доктор педагогических наук В. К. Пельменев¹
Кандидат педагогических наук З. В. Лукашеня²

В статье представлены результаты теоретических, практических и социологических исследований автора по выявлению управленческих задач в функционировании вуза, которые предполагают оказание консультационной помощи в форме консалтинга. Автором приведена выведенная эмпирическим путем характеристика условий, способствующих успешности оказания консалтинговых услуг специалистам вуза.

Ключевые слова

Консалтинг, услуга, коллективный субъект «консультант», консалтинговая служба вуза

Сложности функционирования высших учебных заведений в условиях глобализации и роста конкуренции вызывают объективный рост сферы услуг нематериального производства.

Исследователи к основным имманентным характеристикам понятия «услуга» относят следующие:

- она является продуктом труда независимо от наличия у данной категории вещественно-материальной формы;
- ей присущ персональный (юридический или физический) полезный эффект труда;
- обязательность наличия в процессе ее осуществления контакта производителя и потребителя, который может осуществляться через определенную пространственную и временную протяженность;
- практическая невозможность накопления услуг в нематериальной форме, так как она фиксируется в момент потребления;

– субъективный характер пакета потребительских свойств каждой конкретной услуги [1, с. 21].

Управленческое консультирование (консалтинг) как метод вмешательства в функционирование вуза и оказания услуг может включать в себя информационные услуги, экспертизу (аудит), процесс обучения, научные исследования и др. В зависимости от классификационного основания различают внешний и внутренний, обучающий, экспертный и процессный консалтинг. В конкретных проектах или на разных стадиях могут также применяться комбинации всех видов консультирования, и тогда оно становится экспертно-процессным, процессно-обучающим, экспертно-обучающим и т. д. [3, с. 352].

Управленческое консультирование связывает науку об управлении с практикой управления. По нашему мнению, это важный механизм распространения передо-

вого опыта в области управления образовательной сферой, повышающий профессиональную квалификацию не только руководителей, но и рядовых специалистов. Преимущество консультантов по управлению перед управленцами состоит в независимости и непредвзятости взглядов, в более широком круге компетенций по организации и осуществлению консалтинга на уровне рядового сотрудника организации «высшее учебное заведение». Позитивные изменения в функционировании данной организации произойдут в результате эффекта синергии изменений в реализации функциональных обязанностей каждого специалиста и сотрудника вуза [4, с. 38].

В качестве инфраструктуры, которая содействует оптимизации функционирования современного вуза, нами предлагается «консалтинговая служба», организованная из числа прошедших специальную профессиональную подготовку штатных сотрудников. При необходимости, они сорганизуются в коллективный субъект «консультант» конкретно под реально заявленную проблему управленческого характера, поступившую как запрос для консультирования от конкретного специалиста вуза. Именно он является, по нашему предположению, основным потребителем консалтинговых услуг в вузе и основным реализатором наработанных проектов [5, с. 40].

В процессе исследования консалтинговой функции вуза (социологическое исследование 114 респондентов – административно-руководящих работников 17 вузов России, Беларуси, Польши, Украины, Литвы и Болгарии) нами установлено, что в условиях социально-экономического реформирования общества высшая школа столкнулась с проблемами и задачами управленческого характера, которые ранее находились в компетенции вышестоящих органов. После их предположений по выявлению данных задач и проблем нами было проведено. В соответствии с теоре-

тическими выводами и результатами опроса, к управленческим задачам, требующим консультационных услуг, можно отнести следующие:

- сущностный анализ тенденций развития отраслей народного хозяйства для разработки перспектив развития вуза в рамках открытия новых специальностей, сокращения набора или полного закрытия старых специальностей (отметили 89 % опрошенных);

- корректирование содержания учебного процесса по старым специальностям, разработка содержания обучения по новым специальностям с привлечением в составе коллективного субъекта «консалтинговая служба вуза» менеджеров образовательных организаций, которые относятся к категории потребителей образовательных услуг (указали 89 % участников опроса);

- формирование высокой общей и профессиональной культуры сотрудников вуза и выпускников через запуск механизмов самовоспитания на основе осознания личной свободы и ответственности (считают 84 % респондентов);

- определение приоритетных направлений финансовых расходов и разработка проектов развития учебно-материальной базы вуза в соответствии с появлением новых и коррекцией действующих специальностей, а также изменениями в содержании обучения, соответственно мировым стандартам (полагают 72 % участников опроса);

- подготовка педагогов вуза и будущих специалистов к инновационной деятельности (указали 72 % респондентов);

- сбалансированность развития платных услуг – образовательных и научных – с целью привлечения внебюджетных средств (отметили 64 % респондентов);

- разработка стратегической программы по формированию высокого рейтинга вуза и престижа его специальностей (указали 84 % опрошенных);

- формирование соответствующего

уровня юридической культуры у сотрудников вуза для устранения проблем неоднозначности толкования законов, которые оказывают влияние на функционирование организации «высшее учебное заведение» (считают 64 % участников опроса);

– консультирование проектов и процесса их реализации по режиссуре празднований и создания традиционных церемоний; по оформительскому, ландшафтному и внутреннему дизайну; принятию хозяйственных управленческих решений, не относящихся к учебному процессу (полагают 57 % респондентов).

Консалтинг как услуга, предполагающая контакт с потребителем, требует обязательного обучения персонала, который реализует данную услугу. Основным отличием услуги от физического товара является ее процессуальный характер и обязательность участия в ее производстве человека. Процедуры производства, доставки и потребления в процессе оказания услуги образовательными учреждениями происходят одновременно.

Согласно «Классификационного перечня секторов услуг» (принят ГАТТ в июне 1991 г.), подразделяющему их на 12 разделов, консалтинг образовательных процессов относится одновременно к разделам «Деловые услуги» и «Услуги в области образования» [2]. Управленческое консультирование связано с обработкой и созданием информации, являющейся экономическим ресурсом. Данное обстоятельство позволяет отнести консалтинг образовательных процессов к производственной сфере. Данная услуга является товаром в плане производства объектов интеллектуальной собственности. Продуктивная реализация данного вида услуг позволяет потребителю более эффективно использовать информационные и человеческие ресурсы. Следовательно, консалтинг образовательных процессов является средством, который интенсифицирует профессиональную деятельность и ведет к росту ее продуктивности.

На момент написания данной статьи нами организовано и проведено 39 обучающихся (764 участника), 7 процессно-обучающих (119 участников) и 2 процессных (11 участников) консалтинга по проблемам технологизации профессиональной деятельности специалистов образовательной сферы. По ходу оказания консультационных услуг управленческого типа нами постоянно осуществлялась обратная связь с консультируемыми в форме анкет, эссе, беседы. В процессе ее реализации нам удалось выявить условия-требования, которые, по нашему мнению, способствуют успешности осуществления консалтинговой деятельности.

Тезисно условия успешного оказания консалтинговых услуг специалистам вуза могут быть представлены следующим образом:

– Успех в оказании услуг управленческого характера специалистам высших учебных заведений зависит в большей степени от их заинтересованности и готовности к консалтингу, нежели от квалификации выбранного состава коллективного субъекта «консультант» из числа представителей структуры вуза «консалтинговая служба».

– Для успешности реализации консалтинговой компании по заявке конкретного педагога в ней обязательно участие ведущих специалистов структурного подразделения заказчика, которые реализуют функцию проводника изменений на своем участке профессиональной деятельности. Действия специалистов консалтинговой службы не приведут к успеху, если со стороны рядовых сотрудников вуза не проснется необходимый для реализации консалтинговых процедур энтузиазм и вовлеченность. Со стороны консалтинговой службы вуза необходим мониторинг кадрового состава организации «высшее учебное заведение» по выявлению сотрудников, которые стремятся к успеху и способны предвидеть конкретные результаты своей профессиональной деятельности.

– На этапе подготовки консалтинга необходимо в обязательном порядке определить функциональные подразделения, которые будут задействованы в нем, и составить список конкретных сотрудников, соответствующих квалификации участников по результатам заранее проведенного тестирования сотрудников (выявление в т. ч. нежелающих работать в новой системе функционирования вуза). Хаотичные перераспределения функций уже в процессе реализации консалтинговых процедур, как показывает практика их осуществления, приводят к ненужным конфликтам в коллективе.

– На основании полученной информации оцениваются будущие расходы на «апгрейд» компетенций специалистов вуза с подробной сметой ожидаемых затрат (в т. ч. дополнительные расходы на обучение). Как показывает практика, реальные затраты на консалтинг никогда не исчерпываются той цифрой, которая будет сформирована вначале.

– Перед началом осуществления консалтинговых процедур необходимо добиться совмещения представления консультируемого и консультанта о тех результатах, которые будут получены по окончании консалтинга. Как показала практика консультирования, некоторым сотрудникам вуза было свойственно приписывать консалтинговым услугам свойства, которыми они не обладают и, соответственно, в качестве результатов они ожидали от них эффектов, которые находились не в управленческой сфере. Четкое понимание целей консалтинга всеми его участниками является залогом успешности его осуществления.

– Совпадение представлений консультантов и консультируемых относительно ценностей, взглядов и пр. играет существенную роль в реализации консалтинговых процедур профессиональной деятельности специалистов вуза. В составе коллективного субъекта «консультант», согласно нашим представлениям, могут

находиться представители других структурных подразделений вуза, потребители образовательных услуг и т. п. Если общеорганизационная философия консультируемых и консультантов окажутся чуждыми друг другу, то правильные и разумные консалтинговые проекты в виде рекомендаций и конкретных действий будут внутренне отторгаться и, соответственно, приниматься к исполнению формально. В управленческом консультировании, также как и в обычных человеческих отношениях, должен присутствовать элемент доверия и понимания.

– При осуществлении консалтинга профессиональной деятельности специалистов вуза коллективным субъектом «консультант» язык общения может принимать различные формы для выражения сущности одного и того же явления или понятия. Несмотря на то, что специалисты-профессионалы должны уметь подстраиваться под разные стили общения, существенно важным является заблаговременное согласование данной позиции (в нашем случае, это схемы). Изначальное совпадение смысловых значений обсуждаемых в процессе консалтинга явлений и понятий поможет избежать многих издержек общения.

– Существенное значение на качество консалтинговых услуг оказывает оценка временных ресурсов сотрудников, которые будут задействованы в мероприятии. Необходимо перед началом консалтинга составлять подробный график занятости сотрудников на время его исполнения. Данная работа осуществляется исходя из приоритетов текущего функционирования высшего учебного заведения. Иногда целесообразно совмещать полезное с приятным: консалтинговые мероприятия предлагают проводить загородом в отвлеченной обстановке.

– Важным моментом в реализации консалтинговых процедур является одинаковый темп выполнения предложенных их рамками работ и принятия решений. Лю-

бой консалтинг предполагает отвлечение сотрудников от непосредственных функциональных обязанностей для выполнение разных работ (заполнение анкет, подготовка документов и пр.). Важно, чтобы при этом не парализовалась деятельность по реализации вузом своих ведущих функций, независимо от того, что все основные силы будут задействованы в консалтинге.

– При реализации консалтинга важно определить достоверные причины возникновения консультируемой проблемы. Без этого выбранное управленческое решение не будет соответствовать реально стоящей перед консалтингом задаче. Реализуемая нами практика управленческого консультирования свидетельствует о возможности получения в качестве промежуточного результата консалтинга случаев, когда проблема требует совершенно другого способа решения, чем изначально выбранный. В данном случае акцент оказания консалтинговых услуг смещается от процесса решения конкретной задачи по оказанию помощи специалисту вуза в сторону осознания комплекса проблем функционирования всей организации «высшее учебное заведение» каждым сотрудником.

– Перед началом консалтинга необходимо организовать исследование по выявлению проблем по осуществлению коммуникаций между сотрудниками как внутри консультируемых структурных подразделений, так и на уровне целостной организации «высшее учебное заведение». Это необходимо для того, чтобы не переключаться с консалтинговой деятельности на урегулирование вспыхивающих конфликтов интересов. Как показывает практика осуществления консалтинга, в процессе его проведения все негативные моменты взаимоотношений между сотрудниками обнажаются и обостряются. Недостаточный учет данного фактора не позволит сплотить участников консалтинга в команду, что снизит эффективность выра-

ботки решений. Целесообразно проведение обучающего консалтинга по выработке у сотрудников коммуникационных навыков.

Обозначенные тезисами условия успешности оказания консалтинговых услуг позволяют рассматривать их как сложный вид профессиональной деятельности, адекватный анализ и осмысление которого предполагают обращение к характеристикам гетерогенности, ситуационности, действия в условиях высокой неопределенности, сочетания адаптивного и инновационного реагирования, реализации избыточных возможностей.

Реализация консалтинговых услуг в высшем учебном заведении предполагает направленность совместных усилий коллективного субъекта «консультант» и их непосредственного потребителя (специалист вуза) на осмысление конструктивно развиваемого в консалтинге содержания профессиональной деятельности. Данное осмысление реализуется путем применения схемотехники с использованием приемов различного рода рефлексии (интеллектуальной, личностной, коммуникативной, кооперативной и др.). При этом создаются наиболее оптимальные формы взаимодействия субъектов консалтинга через их смысловое погружение в предметно-коммуникационные, проблемно-конфликтные ситуации, рефлексивное преодоление которых обеспечивает как достижение эвристических решений по обсуждаемой проблеме, так и развитие творческого потенциала участников.

Консалтинг призван создать условия, стимулирующие специалиста вуза к принятию самостоятельных решений. Специалист вуза как клиент консалтинга должен быть способен эффективно взаимодействовать с консультантом и другими участниками в процессе и послеосуществления консультационного проекта. Руководствуясь выработанными в процессе консалтинга ценностными ориентирами, специалист вуза переживает значимость сво-

ей субъектной роли для связанных с ним субъектов и объектов управления по достижению целей функционирования учреждения образования. Управленческое консультирование призвано актуализировать творческий потенциал личности специалиста, побудить его к самоанализу, к принятию ответственности за решение

профессиональной проблемы. Только тогда можно констатировать должный уровень оказания консалтинговых услуг, который через целенаправленное изменение профессиональных функций отдельного специалиста приведет к нужным изменениям в функционировании целостной организации «высшее учебное заведение».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алешникова В. И. Использование услуг профессиональных консультантов. Серия: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Книга 12. – М.: Инфра-М, 1999. – 214 с.

2. КЛАССИФИКАТОР УСЛУГ ГАТС («Классификационный перечень секторов услуг») [Электронный документ]. – <http://www.rospravo.ru/files/sites/pdf>

3. Лукашеня З. В. Осуществление непрерывного образования преподавателя вуза средствами консалтинга профессиональной деятельности. Психология личностного и профессионального развития субъектов непрерывного образования // Материалы XI Международной научно-практической конференции / под ред. Л. М. Митиной. – М., СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 351-354.

4. Лукашеня З. В. Праксеологический подход как методологическое основание реализации консалтинговых процедур // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2014. – № 12. – С. 37-45.

5. Пельменев В. К., Лукашеня З. В. Методика определения успешности реализации консалтинговых процедур // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград). – 2014. – Вып. 11: Педагогические и психологические науки. – С. 39-48.

УДК 159.9: 37.015.3
ББК 88.251.0+74.48
Педагогика, психология

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ОФИЦЕРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И КОМАНДИРОВ¹

Кандидат психологических наук М. В. Селезнева

В статье приведены результаты пилотного исследования идеального образа офицера в представлениях командиров частей и подразделений и преподавателей военного вуза, женщин. Исследование проводилось с помощью методики Т. Лири. Выявлены различия в представлениях тестируемых по типам поведения обучающихся.

Ключевые слова

Личность курсанта, психологическая концепция подготовки офицера, методика диагностики межличностных отношений Т. Лири, адаптивное поведение, деятельность в экстремальных условиях

Многие отечественные и зарубежные психологи подчеркивают важность коммуникативной сферы человека для его личностного и профессионального становления. Именно в общении человек раскрывается наиболее полно, умения общаться во многом определяют социально-психологическую адаптацию человека, благодаря общению человек добивается своих жизненно важных целей, противостоит неблагоприятным условиям среды, формирует представления о себе и своих ценностях [11].

Высококвалифицированная и высоконравственная личность будущего офицера может быть сформирована лишь в процессе учебно-профессиональной подготовки и непосредственного общения с

субъектами образовательной среды военного вуза: со своими сокурсниками, преподавателями и командирами. Общение и педагогическое взаимодействие субъектов образовательной среды приобретает особое значение для формирования и развития личности и субъектности курсантов.

Психологическая концепция подготовки офицера, разработанная академиком РАО генералом Пономаренко В. А., предполагает две составляющие: специалист и профессионал. Причем, они не противопоставляются друг другу. Согласно В. А. Пономаренко, «специалист – это человек, достигший высокого уровня мастерства, позволяющего ему исполнять задание надежно и эффективно с требуемым качеством» [6, с. 204]. Механизмом достижения высоких результатов является

¹ Работа выполняется при финансовой поддержке РГНФ, проект «Развитие субъектности курсантов военного вуза» (грант № 14-06-00575).

репродуктивная активность обучающихся в форме тренажей по заданной программе. Ведущим системообразующим качеством выступает заданность, т. е. нормированность действий. Педагогическим обеспечением механизма тренажа выступает исполнительность, внешние алгоритмы действий, содержанием обучения – стереотипность, а адаптивность поведения является ведущим профессионально важным качеством личности воина любой специальности.

Однако профессия военного специалиста относится к опасным, связанным со способностью действовать не только в стандартных, но и в нестандартных, аварийных ситуациях, где автоматизированные навыки, полезные в обычной деятельности, затрудняют переход от репродуктивного функционирования психики к продуктивному. Здесь модель специалиста является обязательным, но не достаточным условием для исполнения своих воинских обязанностей в условиях реальной угрозы жизни, и требуются интеллект, интуиция, мышление, абстрактное обобщение. Поэтому возникает необходимость развивать у любого исполнителя воинского долга творческое начало [6].

Противоречия и естественные ограничения в образовательной среде военного вуза связаны, прежде всего, с коммуникативным компонентом и лишь отчасти с предметно-пространственным. Для коммуникативного компонента образовательной среды военного вуза характерны ограничения степени личной свободы (активности) субъектов, особенности межличностного общения и коммуникации, связанные со служебной иерархией, строгой регламентацией норм поведения, ограничением в реализации потребностей и интересов, получении информации, общении с родителями и друзьями, меньшая автономия и ориентированность на коллективный результат при изучении военных дисциплин. Нагрузки предметно-пространственного компонента связаны с территориальной

ограниченностью, нарушением «дистанции комфорта». Особенности деятельностного компонента заключаются в том, что военно-профессиональная деятельность всегда носит коллективный характер. Таким образом, коммуникативный компонент образовательной среды военного вуза по своему содержанию отличается от гражданского, и взаимодействие субъектов образовательной среды военного вуза приобретает большое значение [7].

Задача формирования личностных качеств у будущих специалистов военного профиля возлагается в военных вузах на военнослужащих – преподавателей и командиров подразделений, а также на гражданский персонал, в том числе и на преподавателей-женщин, которые составляют половину профессорско-преподавательского состава.

Каждый из преподавателей и командиров военного вуза, будь то военнослужащий или гражданский персонал, имеет свои собственные представления о том, какими личностными чертами должен обладать будущий офицер. Мы исходим из того, преподаватель и командир будут выстраивать траекторию формирования личности курсанта так, как они это осознают в зависимости от своих представлений об идеальном образе офицера.

В целях изучения идеального образа офицера в представлениях военнослужащих-мужчин и преподавателей-женщин в 2015 г. на базе Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В. Ф. Маргелова (РВВДКУ) было проведено пилотное исследование, в котором приняли участие 54 человека. Из них – 26 офицеров, командиров подразделений и частей в воинских званиях от лейтенанта до подполковника, имеющие боевой опыт и без него, мужчины, прибыли из войск для повышения квалификации. Они выступают в пилотном эксперименте в качестве обратной связи, в роли заказчика. Также в пилотном эксперименте приняли участие 28

преподавателей кафедры иностранных и русского языков (ИиРЯ) женского пола с педагогическим стажем в военном вузе от 5 месяцев до 36 лет [8].

Участникам эксперимента было предложено ответить на вопросы личностного опросника Т. Лири. Ранее методика диагностики межличностных отношений (ДМО) Т. Лири в военной среде использовалась В. В. Куликовым на контингенте военнослужащих срочного призыва [10]; А. С. Марковым и Ш. Р. Хисамбеевым [3] для исследования межличностных отношений курсантов как показателя их развивающейся субъектности.

Психодиагностическая методика представляет собой опросник из 128 вопросов. Ответы на вопросы распределяются по восьми октантам в виде секторов круга, каждая октанта выражает тип поведения: авторитарный, эгоистический, агрессивный, подозрительный, подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистический. Глубинные межличностные тенденции образуют два коммуникативных вектора, определяющие обобщенные модусы межличностного поведения. Первый вектор отражает стремление к самостоятельности, доминированию или как противоположность – склонность к зависимости, подчинению. Второй вектор представляет тенденции эмоционального принятия в виде доброжелательности, любви или напротив – отвержения в виде агрессивности, ненависти [11]. Как указывают Л. Ф. Бурлачук [1] и К. Р. Червинская [11], особую ценность для интерпретации результатов психодиагностики по методике ДМО Т. Лири представляют не столько отдельные показатели типов поведения, сколько сочетание октант – соответствующие паттерны.

Полученные в ходе опроса данные были обработаны с помощью аналитической компьютерной программы Excel. Были подсчитаны средние арифметические по восьми октантам. Анализ данных, выводы по типам поведения и соответ-

ствующим им характеристикам личности выстраивались согласно психо-динамическому подходу на основе дерева целей и базы знаний для интерпретации методики Т. Лири. Отношения, существующие между октантами, (дополнения или, напротив, противоречия) трактуются по принципу близости октант друг другу: плавный переход по кругу означает, что два типа поведения могут быть предъявлены вместе, дополняя друг друга [11].

Интерпретация результатов тестирования осуществлялась исходя из следующих принципов:

1) количественный результат по шкале отражает степень выраженности соответствующего типа поведения;

2) распределение шкальных оценок представляет меру гармоничности или дисгармоничности исследуемого аспекта межличностной сферы;

3) распределение оценок по шкалам характеризует меру согласованности или внутренней конфликтности описаний;

4) степень соответствия шкальных распределений, полученных при описании идеального образа офицера военнослужащими, мужчинами и преподавателями-женщинами, как свидетельство наличия или отсутствия значительных различий в их представлениях [там же].

Анализ полученных в ходе проведенной психодиагностики результатов и отображенного на диаграмме профиля личности идеального офицера в представлениях гражданских преподавателей-женщин (рис. 1) дает четыре области с показателями, не выходящими за пределы 4 баллов. На наш взгляд, в данном конкретном исследовании это не свидетельствует об отсутствии должной откровенности у испытуемых, как предполагает Л. Ф. Бурлачук [1]. Хотя, действительно, военная среда характеризуется чрезвычайной закрытостью, однако преподаватели кафедры ИиРЯ принимали участие в эксперименте добровольно и анонимно, выборка была составлена случайным образом.

В целом выделенная область диаграммы у гражданских преподавателей-женщин свидетельствует о том, что в отличие от военнослужащих (рис. 2) они имеют неясные, размытые представления, каким должен быть будущий офицер. Либо они

озабочены в большей мере вопросами обучения, дидактики и не уделяют должного внимания формированию личности курсанта. Такова позиция педагогов, которые считают, воспитание курсанта – исключительно задача командира.

Рис. 1. Диаграмма показателей уровня выраженности шкал по методике Т. Лири в группе преподавателей-женщин

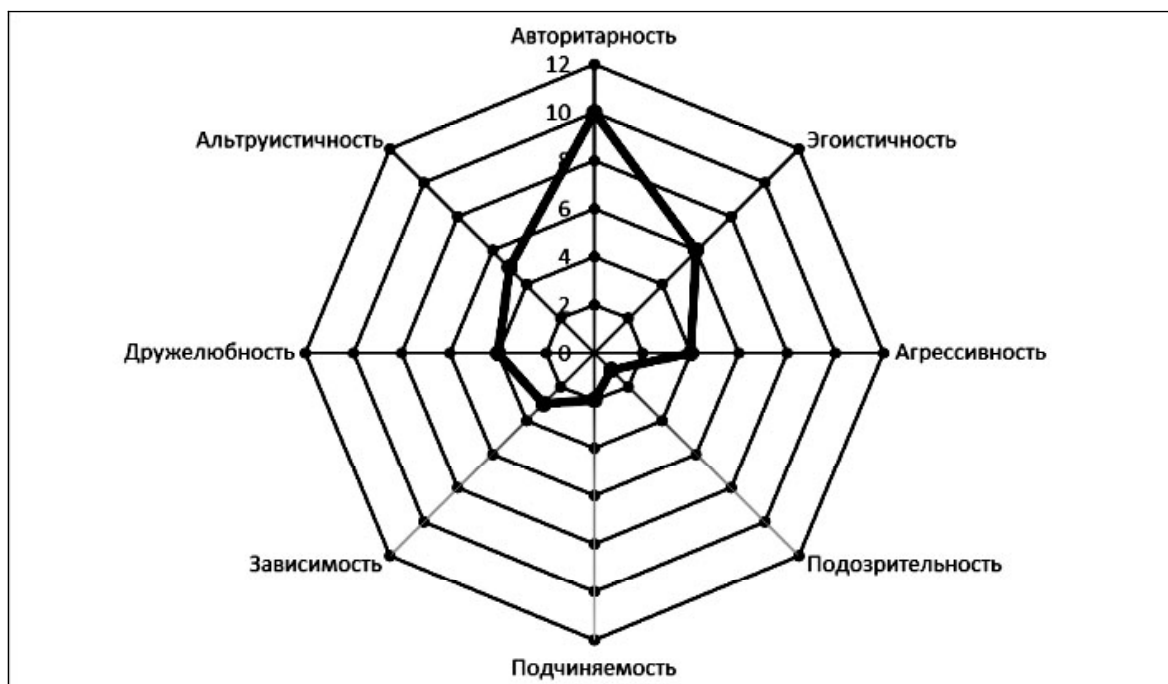

Рис. 2. Диаграмма показателей уровня выраженности шкал по методике Т. Лири в группе военнослужащих, мужчин

В ходе графического представления полученных данных, как офицеров, так и преподавателей-женщин было выявлено неравномерное распределение октант по кругу с выраженным одним пиком в октанте I – *авторитарность*. Однако интервалы выраженности данной октанты различны: у офицеров он находится в пределах 10 баллов, в то время как у преподавателей-женщин – 6 баллов. Более высокие показатели у офицеров соответствуют акцентуации определенных поведенческих стереотипов. Кроме того, на диаграмме с показателями офицеров видно, что следующие по степени выраженности шкалы – это октанты II (6 баллов) и октанты VIII (5 баллов), максимально близко расположенные к октанту I, а значит, согласно семантическим отношениям между октантами, дополняющие и усиливающие октанту I.

Таким образом, представления военнослужащих и преподавателей-женщин об идеальном образе офицера отличаются умеренными значениями и наличием отчетливых акцентов на чертах октанты I – авторитарности и доминантности. Инвариант данной октанты отражает явное проявление силы. Отсутствие выраженности противоположной октанты как показателя склонности к противоположному типу поведения (например, уступчивости, застенчивости) свидетельствует об отсутствии внутреннего конфликта и неприемлемости и даже болезненности такого поведения: Уступить – значит, проявить слабость, почувствовать свою беспомощность! Из этого следует, что командиры и преподаватели-женщины будут стремиться воспитывать курсантов и молодых военнослужащих как целостную личность по доминантному типу, непротиворечивую и свободную от внутренних конфликтов.

Причем, главными чертами характера офицера преподаватели-женщины считают такие свойства, как ответственность, организаторские способности, настойчи-

вость в сочетании с умением располагать к себе и вызывать уважение у окружающих. В то время как командиры из числа военнослужащих, прибывших из войск, выделяют в качестве ведущих черт характера офицера стремление к руководству окружающими, лидерству, основанное на наличии таланта руководителя, настойчивости, ответственности, бесспорной способности вызывать у других уважение вплоть до восхищения. По мнению командиров, офицер должен обладать чувством собственного достоинства, уверенности в себе, стремлением к соревнованию с окружающими, быть независим в поступках и оценках.

Эксплицитное подтверждение тому находим в афоризмах десантника № 1, генерала армии В. Ф. Маргелова, на официальном сайте РВВДКУ:

«ВДВ – это мужество, стойкость, успех, натиск, престиж»;

«Десантник – это концентрированная воля, сильный характер и умение идти на риск»;

«Тот, кто носит, или когда-либо носил голубые погоны с десантными эмблемами, всю жизнь будет с гордостью произносить слова: Я – Десантник!»;

«ВДВ – это мужество высшего класса, храбрость первой категории, боевая готовность номер один».

Для проверки достоверности вывода о различиях в идеальном образе офицера в представлениях военнослужащих и преподавателей-женщин полученные данные были подвергнуты статистическому анализу с помощью компьютерной программы SPSS 17. При этом использовали непараметрический критерий U-Манна-Уитни. Была выдвинута статистическая гипотеза H_1 о том, что показатели в оценке личностных качеств идеального офицера в группе преподавателей-женщин ($n_2=28$) ниже, чем показатели в группе военнослужащих ($n_1=26$).

При использовании непараметрического критерия U-Манна-Уитни помним, что

чем меньше его эмпирическое значение, тем более вероятно, что различия между показателями в представлениях об идеальном образе офицера в двух группах участников эксперимента достоверны. В результате статистического анализа было установлено минимальное эмпирическое значение критерия U-Манна-Уитни в октанте *авторитарность* (83,0) и максимальное – в октанте *подчиняемость* (185,5). Критическое значение критерия U-Манна-Уитни при $p=0,01$ составляет 229. Таким образом, эмпирическое значение критерия U-Манна-Уитни меньше критического значения, принимаем статистическую гипотезу H_1 , уровень статистической значимости данного вывода чрезвычайно высок: $p=0,001$ (в октанте *подчиняемость* $p=0,002$).

На основе статистического вывода можно сделать следующий содержательный вывод: представления об идеальном образе офицера в результате опроса преподавателей-женщин и военнослужащих-мужчин достоверно отличаются по степени выраженности соответствующего типа поведения. Главное отличие заключается в том, что командиры всех степеней стремятся сформировать у подчиненных те личностные качества, которые обуславливают успешность деятельности в *экстремальной* обстановке, в то время как преподаватели-женщины формируют личность курсанта с чертами адаптивного поведения.

Под адаптивностью здесь мы вслед за В. А. Пономаренко понимаем обязательное, но не достаточное условие для исполнения профессиональных обязанностей в условиях реальной угрозы жизни.

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены гендерные различия в представлениях командиров частей и подразделений, с одной стороны, а, с другой, преподавателей военного вуза, женщин, об идеальном образе офицера. Различия в представлениях участников эксперимента установлены по

типам поведения обучающихся. Проблема заключается в том, что среди профессорско-преподавательского состава военного вуза в лице гражданского персонала, женщин, есть определенная доля преподавателей, которые не достаточно знакомы с психологическими особенностями профессиональной деятельности военнослужащего. Данная категория преподавателей имеет неясные, размытые представления о том, какими личностными качествами должен обладать настоящий офицер. Соответственно, такие преподаватели не имеют четких стратегий по формированию личности будущего офицера. Формируемые личностные черты курсанта соответствуют адаптивному поведению.

Так как на развитие личности обучающегося особо влияет субъектность педагога, которая составляет основу его профессионализма и проявляется в коммуникативной деятельности [2], для решения изложенной выше проблемы на теоретическом уровне необходимо, на наш взгляд, разработать концепцию профессиональной субъектности преподавателя военного вуза. В качестве методологической основы целесообразно использовать экзопсихологический подход, разработанный В. И. Пановым [5].

Практические рекомендации, направленные на решение установленной проблемы заключаются в необходимости развивать дифференциально-, ауто- и социально-психологическую компетентность преподавателей, которая выражается в наблюдательности, проницательности, знании закономерностей поведения, деятельности, умении управлять своим состоянием и работоспособностью, самоэффективностью, знании различных стратегий эффективного общения и методов осуществления влияния и воздействия [4].

В рамках психодидактического подхода формирование личности курсанта осуществляется средствами учебной дисциплины. Так, например, на кафедре ИиРЯ в рамках учебной темы «Внешность и чер-

ты характера человека» по дисциплине «Практический курс первого иностранного языка» на иностранном языке обсуждаются вопросы, каким характером дол-

жен обладать военнослужащий, каким образом выстраивать свои межличностные отношения с людьми с различными акцентуациями характера [9].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бурлачук, Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике [Текст] / Л. Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2008. – 688 с.

2. Волкова, Е. Н. Субъектность педагога: теория и практика: Дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07 / Е. Н. Волкова. – М., 1998. – 308 с.

3. Марков, А. С. Исследование межличностных отношений как показателя развития субъектности курсантов [Текст] / А. С. Марков, Ш. Р. Хисамбеев // Российский научный журнал. – 2015. – № 1(44). – С. 174-180.

4. Панов, В. И. Личностно-профессиональная модель развития преподавателей гуманитарных дисциплин в русле акмеологического подхода [Текст] / В. И. Панов, М. В. Селезнева // Российский научный журнал. – 2013. – № 3(34). – С. 143-149.

5. Панов, В. И. Экопсихологическая модель становления субъектности курсантов военного вуза [Текст] / В. И. Панов // Российский научный журнал. – 2014. – № 4(42). – С. 110-122.

6. Пономаренко, В. А. Безопасность полета – боль авиации [Текст] / В. А. Пономаренко. – М.: МПСИ: Флинта, 2007. – 416 с.

7. Селезнева, М. В. Взаимодействие субъектов образовательной среды военного вуза как условие развития субъектности курсантов [Текст]: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / М. В. Селезнева. – М., 2011. – 219 с.

8. Селезнева, М. В. Гендерные различия в образе идеального офицера [Текст] / М. В. Селезнева, М. В. Комаров // Психология личностного и профессионального развития субъектов непрерывного образования: материалы XI межд. науч.-практ. конф. / под ред. Л. М. Митиной. – Психол. ин-т РАО. – М.; СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 423-427.

9. Селезнева, М. В. Практический курс иностранного языка (немецкий). Внешность и черты характера человека [Текст]: учеб. пособие / М. В. Селезнева. – Рязань: РВВДКУ, 2015. – 130 с.

10. Собчик, Л. Н. Диагностика индивидуально-психологических свойств и межличностных отношений [Текст] / Л. Н. Собчик. – СПб.: Питер, 2003. – 384 с.

11. Червинская, К. Р. Методика интерперсональных отношений: опыт эксплицирования знаний эксперта-психолога, интерпретационные схемы: метод. пособие [Текст] / К. Р. Червинская. – СПб.: Речь, 2008. – 160 с.

УДК 159.922.76
ББК 88.729+74.044.6
Психология

ПРЕОДОЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО БАРЬЕРА КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ВКЛЮЧЕНИЯ ДЕТЕЙ С РАС В ОБРАЗОВАНИЕ

Е. Н. Солдатенкова

В статье поставлена актуальная и нерешенная на современный момент времени задача включения детей с РАС в образовательное пространство путем преодоления коммуникативного барьера, являющегося характеристикой развития большинства из них, усугубляющего их дезадаптацию и влекущего к их дезинтеграции. Дана характеристика коммуникации детей с РАС, основанная на историческом экскурсе в изучении этого вопроса и на данных проведенного полевого исследования. Проанализированы технологии по развитию коммуникации детей с РАС. Обозначены принципы, базирующиеся на положениях культурно-исторической психологии и деятельностного подхода, теории системной динамической локализации высших психических функций А. Р. Лурия, позволяющие организовать работу по развитию коммуникации у детей с аутизмом наиболее эффективно.

Ключевые слова

Аутизм, инклюзивное образование, коммуникация, культурно-историческая психология, теория деятельности, теория системной динамической локализации высших психических функций, перестройка способа реализации нарушенной функции, «прямой путь» развития коммуникации, «обходной путь» развития коммуникации, дети с расстройствами аутистического спектра.

Современный этап развития общества ставит перед системой образования глобальную цель, обусловленную политическими, социально-экономическими факторами. Ратификация Конвенции о правах ребенка (13.06.1990), Хартия для лиц с аутизмом (10.05.1992), ратификация Конвенции о правах инвалидов (3.05.2012), не наделяют инвалидов новоизобретенными правами человека, отсутствующими в универсальных

конвенциях в сфере прав человека, но требуют совершенствования действующих и введения новых механизмов обеспечения прав инвалидов и создания условий для их социальной интеграции.

Актуальной становится задача качественного изменения образовательного пространства с целью его соответствия нуждам и потребностям всех детей без исключения.

Особое внимание стоит обратить на

решение данного вопроса для детей с РАС, ведь эта категория детей социально неполноценна не только из-за первичного нарушения (одним из признаков которого являются «качественные нарушения коммуникации, задержка или полная остановка в развитии речи»), а это уже сегрегация, но и из-за «социального вывиха» – отсутствия необходимых условий для ее развития. Данный вопрос хорошо разработан с научной точки зрения в виде оригинального представления о детском аутизме как о своеобразном варианте психического дизонтогенеза (Мнухин С. С., 1947; Лебединская К. С.; Лебединский В. В. и др.), но, несмотря на это, а также, несмотря на постановление Президиума АПН СССР (1989), согласно которому аутизм является самостоятельным вариантом нарушения психического развития и дети с аутизмом нуждаются в специальных подходах и условиях обучения и воспитания, на действующий Закон об образовании лиц с ограниченными возможностями в городе Москве (273-ФЗ от 29.12.2012), на Федеральный государственный образовательный стандарт для обучающихся с ОВЗ, до сих пор непонятно, «как» учить детей с аутизмом, поскольку в документах Министерства образования РФ аутизм упоминается на уровне рекомендаций и проектов.

В данной ситуации множась подходы к коррекции таких детей, в основном представляющие собой кальки зарубежных технологий, отражающие, порой, противоречивые взгляды, не имеющие четкого теоретического обоснования в ряде случаев, затрудняют организацию работы с такими детьми и влияют на их образовательный маршрут и коммуникативные результаты. Часто, педагоги, копируя определенную технологию в работе с таким ребенком, до конца не осознают всех внутрифункциональных связей и тех ресурсов, которые есть у конкретного ребенка с РАС в освоении более универсальной коммуникации, ориентируются

лишь на внешние проявления, тем самым ограничивают потенциальные возможности ребенка в адаптации. И этот ребенок так и остается «иностранцем», «инопланетянином», – «Другим», а его возможности в принятии социокультурного опыта, транслируемого в другой системе координат, так и не реализуются.

Принимая во внимание, что большинство детей с РАС в современном образовании находится, пока, в условиях «вынужденного включения», когда ребенок с РАС помещен в среду, не готовую его понять и с ним взаимодействовать, на первичные коммуникативные проблемы накладываются и поведенческие трудности, в конечном итоге снова ведущие к сегрегации такого ребенка и усложнению коррекционного воздействия, необходимого для преодоления данной проблемы.

На это обращают внимание и зарубежные авторы: нарушения коммуникации «усиливают характерные поведенческие особенности детей с аутизмом» (Питерс, Гилберт, 2002), которые вторично усугубляются при непонимании взрослым желаний и потребностей ребенка, становится понятным то, что коммуникативный барьер является непреодолимым препятствием на пути к социализации ребенка с аутизмом.

В требованиях к АООП НОО обучающихся с ОВЗ (ФГОС для обучающихся с ОВЗ, Приложение №8) указано, что у детей с аутизмом должна быть сформирована «мотивация к взаимодействию со сверстниками и взрослыми», «навыки вербальной и невербальной коммуникации и их использование в различных видах деятельности», «пользование средствами альтернативной коммуникации».

Все это актуализирует проблему изучения коммуникации детей с аутизмом, а также проблему метода, позволяющего формировать коммуникацию у детей с аутизмом как в условиях однородной по своему составу группы, так и в условиях группы неоднородного состава детей ин-

клюдивного класса.

Выделение нарушений коммуникативного взаимодействия в качестве отдельного предмета специального исследования, подтверждающего значение коммуникации в качестве ведущего субъективного фактора патогенеза нарушений психики, происходило постепенно.

Долгий период времени закономерно нарушения коммуникативного взаимодействия не изучались, а позднее, изучались лишь в органической связи с анализом клинической структуры и динамики психопатологических феноменов.

Так, только третий этап в развитии проблемы аутизма – каннеровский (40-80-е годы), был ознаменован первым упоминанием о расстройствах речи, которое L. Kanner (1943) внес в описание симптомо-комплекса РДА.

Он обратил внимание на искаженное развитие речи с только аутизму присущим использованием глагольных форм и местоимений по отношению к собственной личности и выделил «запоздалую эхолалию», проявляющуюся в буквальном повторении вопросов с сохранением не только слов, но и интонаций.

Позднее L. Bender (1952) описала другой параметр – своеобразное «деревянное», «чревоушательное качество» речи, механические модуляции голоса, особенности его высоты и тональности.

B. Hermelin и N. Connor (1970) обратили внимание на то, что дети с аутизмом не обобщают текущий опыт с предшествующими представлениями, но «эхоящик» у них лучше, чем у детей с задержкой развития; текст же со смысловым содержанием запоминается ими не лучше, чем бессмыслица. Они же обратили внимание на снижение уровня сформированности грамматического строя речи.

T. Shapirou и G. Ginsberg (1971) выявили использование эхолалий и одновременное сочетание «жаргона», «неполной» и «зрелой речи».

В. М. Башина объясняла данное явление

тем, что для детей с аутизмом свойственны неравномерность созревания сфер деятельности, нарушение иерархических взаимоотношений между простыми и сложными структурами в пределах каждой функциональной системы, отсутствие явлений вытеснения, как это происходит в норме, примитивных структур более сложными. По этой причине наблюдается хаотическое переслаивание примитивных и сложных функций, что и отличает детей с аутизмом от нормы. И именно в этих явлениях находит свое отражение расщепление развития личности, ее диссоциация.

Современные исследователи (Башина В. М., Симашкова Н. В., 1993; Чуприков А. П., 2013) выделяют следующие радикалы речевых нарушений, присущих именно детям с РАС (то есть не являющихся последствиями задержки развития или речевых нарушений):

- задержка (физиологическая эхолалия, бедность словаря, аграмматизмы...), остановка или регресс (появление речи довербального фонематического уровня) речевого развития без какой-либо компенсации за счет использования жестов: проведенное в рамках Программы изучения проблем аутизма исследование штата Делавэр в США (1995) показало, что 80 % детей с РАС (Lori Frost и Andrew Bondy) характеризуются отсутствием речи;

- речевые нарушения в связи с несформированностью самосознания в виде неправильного употребления местоимений и глагольных форм;

- речевые нарушения кататонической природы (мутизм, скандирование, растянутое или ускоренное произношение, эхолалии, эгоцентрическая речь, вербигерации, затухающая речь);

- расстройства речи, связанные с патологией ассоциативного процесса (нарушения смысловой стороны речи в виде незавершенных, непоследовательных ассоциаций, контаминаций и др.);

- использование обычных слов в нео-

бычном значении (идиосинкратическое использование слов), а также неологизмов;

– неспособность начать и поддержать диалог; нарушения невербальной коммуникации (жестикуляции, мимической экспрессии) в процессе взаимодействия.

Именно эти признаки и являются теми параметрами, которыми целесообразно дополнять традиционные оценочные шкалы коммуникативного развития ребенка, чтобы получить данные по оценке уровня развития коммуникации детей с РАС.

Представленные в литературе характеристики коммуникативных нарушений детей с РАС подтверждаются нами и данными полевого исследования, проведенного базе Центра «Кашенкин Луг» – структурного подразделения Московского Городского Психолого-Педагогического Университета, реализующего важнейшие задачи Правительства Москвы в области включения детей с расстройством аутистического спектра и их семей в инклюзивное образовательное пространство города; объединяющего специалистов, работающих с детьми с РАС, в качестве школы педагогического опыта, сохранившего лучшие традиции российского образования и вобравшего в себя лучший мировой опыт.

В ходе исследования были уточнены данные об уровне сформированности коммуникативных навыков у детей с РАС, дана количественная и качественная оценка этим данным.

В основу положены результаты обследования 102 воспитанников.

Основанием для включения данных в материал исследования было наличие у исследуемого ребенка РАС с типичной симптоматикой или атипичными проявлениями.

Возрастная категория обследуемых колеблется от 3 до 8 лет (период, когда анализируемые нами новообразования должны быть сформированы в соответствии

с нормативными показателями возраста).

Для обследования уровня сформированности уровня развития коммуникативных навыков использовался стандартизированный опросник – Шкала адаптивного поведения Вайнленд (Sparrow, Balla, Cicchetti, 1984). Обоснованность использования данной методики для оценки уровня развития коммуникации детей с РАС обусловлена тем, что к традиционным оценочным шкалам развития коммуникации в ней уже добавлены параметры, характеризующие нарушения коммуникации у детей с РАС.

Модель обследования включала сбор информации по нескольким областям развития (шкалам).

Особо тщательно были проанализированы данные по шкале «Коммуникация», а именно субшкалы:

- рецептивные навыки (то, как ребенок понимает);
- экспрессивные навыки (то, как ребенок говорит);
- письменные навыки (то, как ребенок пишет и читает).

Процедура подсчета результатов осуществлялась по стандартно установленному алгоритму.

Уровень развития детей по каждой из субшкал был выявлен с учетом суммы сырых баллов. На основании суммы сырых баллов был вычислен стандартный балл по каждой области развития («Коммуникация») детей с аутизмом.

Результаты, полученные в ходе обследования каждого ребенка, сравнивались с показателями среднестатистической возрастной нормы.

В ходе исследования были получены следующие статистические данные (см. таблицу 1).

Результаты исследования показали, что у большинства детей с РАС отмечается низкий уровень развития экспрессивной речи: 76 % детей (78 человек). Как правило, это чаще всего неговорящие дети, дети с вокализациями (интонированными или

Таблица 1

Статистическая характеристика материала исследования уровня развития коммуникативных навыков у детей с РАС (данные полевого исследования)

Статистическая характеристика материала исследования			
	Коммуникативные навыки		
Уровни развития коммуникации	Рецептивные навыки (то, как ребенок понимает)	Экспрессивные навыки (то, как ребенок говорит)	Письменные навыки (то, как ребенок пишет и читает)
Низкий уровень	52%(53чел)	76%(78чел)	48%(49чел)
Ниже среднего	23%(23чел)	10%(10чел)	27%(28чел)
Средний уровень	24%(24чел)	13%(13чел)	21%(21чел)
Выше среднего	2%(2чел)	0%(0чел)	2%(2чел)
Высокий уровень	0%(0чел)	1%(1чел)	2%(2чел)

немодулируемыми); ситуативно-обусловленными или не несущими смысловой нагрузки; гиперлексией; дети, чью речь характеризует «птичий язык», нарушения артикуляционного праксиса.

Весьма показателен и высок процент детей с РАС с низким уровнем понимания речи: 52 % (53 человека). Целесообразно к этому числу присовокупить еще 23 % (23 человека), характеризующихся уровнем развития понимания как «Ниже среднего». Итого 75 % обследованных детей с РАС характеризуются сниженной способностью к пониманию коммуникации.

Уровень коммуникативного развития, соответствующий среднестатистической норме отмечается лишь у 13 % (13 человек) детей с РАС. При этом их коммуникация характеризуется автономностью; неиспользованием или неправильным использованием личных местоимений и глагольных форм, обусловленным задержанным становлением сознания Я; кататоническими проявлениями (эгоцентрическая, затухающая, внутренняя речь, скандирование, растянутое или ускоренное произношение, паралингвистически нарушения тональности, темпа и тем-

бра речи...). При этом у некоторых детей, производящих впечатление коммуникативно-сохранных, отмечается использование речи только при определенных условиях, например, в ответ на шепотную речь (у детей с элективным мутизмом) или речь в эмоционально-заряженных ситуациях («аффективная речь»). У многих детей с РАС коммуникативные нарушения отягчены и недостаточностью артикуляционного праксиса.

Приведенные выше данные обосновывают утверждение О. Б. Богдашиной: «люди с аутизмом, не являются «неспособными к общению» — на самом деле они общаются, причем они общаются постоянно. Они не испытывают недостатка в коммуникативном намерении (желании/необходимости влиять на поведение, эмоции, идеи и т. д. тех, с кем они общаются), но при этом они имеют ограниченные возможности в использовании вербальных и невербальных средств» [3].

Высокий показатель по шкале «Письменные навыки» объясняется склонностью детей к гиперлексии (англ. hyperlexia) — гипертрофированным интересом детей с РАС к символам, глобальному запоминанию символов, развитию навыков чте-

ния и письма при одновременно сниженной способности к развитию разговорной речи.

При этом по данным обследования средний уровень сформированности письменных навыков коррелирует со средним уровнем сформированности рецептивных навыков и количественно примерно одинаков (24 % и 21 %). Таков результат отмечается не всегда. В данном случае он обусловлен тем, что с этими детьми была организована работа, направленная на формирование навыка осмысленного использования подписей для коммуникации.

Таким образом, можно заключить, что у большинства детей с РАС дошкольного возраста отмечается:

– отсутствие речевой коммуникации – 78 % респондентов (и 10 % с характеристикой «ниже среднего»);

– снижение уровня понимания речи – 52 % респондентов (и 23 % с характеристикой «ниже среднего»).

У небольшого числа обследуемых отмечается склонность к гиперлексии – 4 % респондентов (2 % с характеристикой «выше среднего» и 2 % с характеристикой «высокий»).

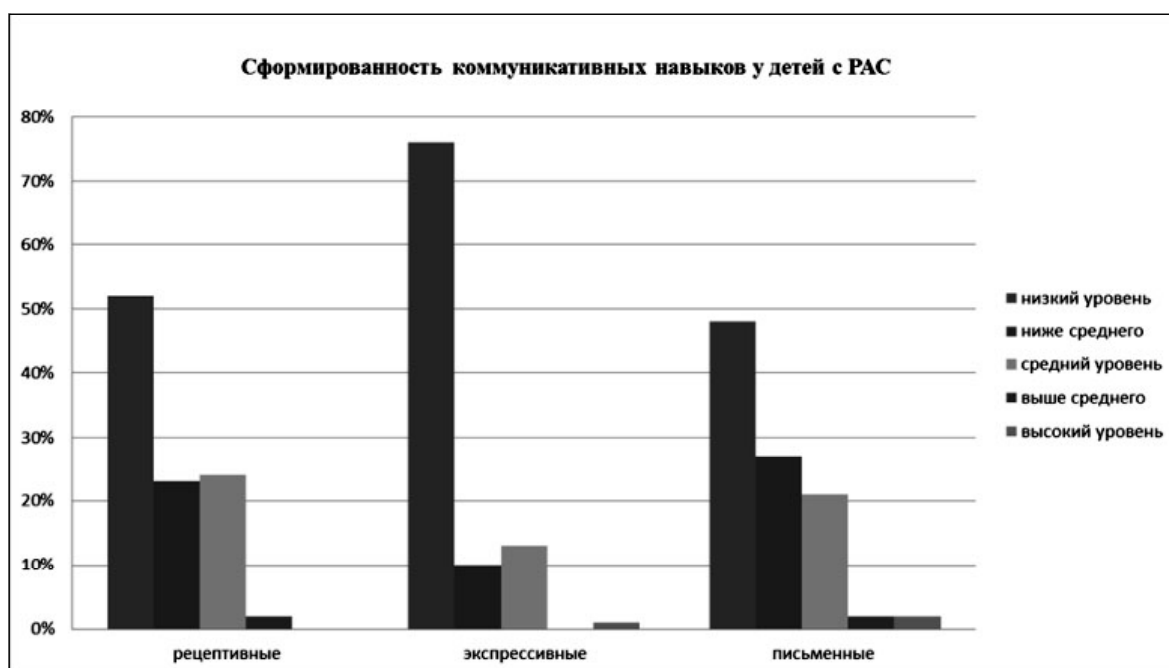

**Диаграмма: Сформированность коммуникативных навыков у детей с РАС
(данные полевого исследования)**

Результаты проведенного исследования привели нас к пониманию необходимости в организации специальных занятий для детей с аутизмом, направленных на развитие коммуникации.

В настоящее время в практике работы с детьми с аутизмом распространены кальки зарубежного опыта – технологии, развивавшиеся в основном в рамках когнитивно-поведенческого подхода. В работе по данным технологиям, как правило, не учитывается субъектность ребен-

ка с аутизмом, а инструментализм в обучении приводит к формализации его деятельности, ее выхолащиванию, невовлеченности ребенка с аутизмом в событийность коммуникативного акта. В условиях обучения отдельными пробами в рамках поведенческого подхода не всегда удается преодолеть и синкретичность мышления таких детей: многие из них, спустя годы обучения, так и не овладевают смысловой составляющей используемых понятий.

Коммуникация при таком обучении не решает своих функциональных задач, а ребенок с аутизмом остается неуверенным пользователем коммуникации: его способы взаимодействия так и продолжают не совпадать с общепринятыми.

В традиции культурно-исторической психологии и деятельностного подхода накоплен богатый практический материал фактов и обоснований, опираясь на которые, возможно достаточно осмысленно развивать коммуникацию у детей с РАС в дошкольном возрасте.

Здесь коммуникация рассматривается не как система реакций, а как система активных целенаправленных действий, ориентированных на выработку системы смыслов, общих значений, которые реализуются с помощью коммуникативных средств.

Так, еще Л. С. Выготский в 1934 году в своей работе «Речь и мышление ребенка» указывал на овладение способами использования знаков в качестве основных причин развития. Среди способов использования знаков он выделял различные уровни обобщения, в том числе и синкреты.

Данные способы обобщения, характерны для детей с РАС: в их основе – случайное впечатление, эмоционально-оценочное сходство, внешняя близость.

Дети с РАС, особенно в дошкольном возрасте, без специально организованного обучения остаются именно на этом уровне.

Например: мальчик всякий раз, испытывая страх, говорит Почтальон.

При этом, анализируя предшествующий опыт ребенка, мы выясняем, что мальчик однажды очень испугался, когда к ним в дом пришел незнакомый человек. Зафиксированная эмоция страха была обозначена словом «почтальон» (а не словом «испугался»), которое произнесла в этой ситуации мама.

При отсутствии у ребенка речи данная трудность проявляется в несформирован-

ности понимания обращенной речи: за звучащим обращением ребенок не видит значений, воспринимая звучащее как шум, фон, не реагируя на обращение.

Дети с РАС в дошкольном возрасте без специально организованного обучения или в условиях инструментального обучения отдельными пробами в своем развитии редко переходят на другие этапы, поэтому останавливаться на них в рамках нашего исследования мы не будем.

О том, что дети с РАС присваивают иные значения, говорят и наблюдения в процессе практической деятельности и данные других исследователей.

Мы уже отмечали «качественно отличные способы взаимодействия...», не совпадающие с общепринятыми [3].

Между тем, элементарное коммуникативное действие предполагает ориентировку в системе значений, одинаковых для включения в коммуникацию людей.

И развитие коммуникации должно быть нацелено на выработку общей системы значений.

Там, где Л. С. Выготский указывает на овладение способами использования знаков в качестве основных причин развития человека, А. Н. Леонтьев отмечает необходимость овладения человеческими действиями и их значением, которые опосредованы знаково-символическими средствами (от жизни деятельности к мозгу, а не наоборот). Он обратил внимание на то, что формирование внутреннего плана действий с представлениями и значениями, организуются сначала внешними (с помощью других людей), а затем внутренними способами. Т. е. по А. Н. Леонтьеву процессы использования субъектом значений исходно формируются во внешних взаимодействиях ребенка с предметным миром и людьми (ориентировка), только потом приобретая внутреннюю форму.

С самого начала осуществляемое вместе со взрослым и под контролем взрослого действие, в том числе и коммуникативное, ребенок получает ориентировку

в особенностях его правильного выполнения (например, в использовании коммуникативных средств: как использовать карточку, как правильно сомкнуть губы при произнесении «П»...). Таким образом, ребенок с РАС начинает выполнять действие самостоятельно только после достаточно длительного учения со взрослым, после этапа совместной дозированной/разделенной/распределенной деятельности.

Поэтому важно:

- не ждать, что ребенок с РАС сделает все по указанию, если ранее этого не делал;

- понимать, что в новом действии есть что-то, что может быть не замечено ребенком и непонято;

- указывать необходимые ориентиры (пассивно-активные действия ребенка в ситуации совместно-распределенной деятельности), чтобы предупредить возникновение ошибочного выполнения и закрепления неправильного навыка;

- не торопить ребенка с усвоением нового действия.

Формирование установок на ориентировку в коммуникативном материале у ребенка с РАС достигается решением следующих задач:

1 уровень ориентировочных действий:

- слухо-зрительное сосредоточение ребенка на звучащей речи и реакции взрослого; сформированность механизма совместного внимания, указательного жеста; возможность подражания как предметным действиям, так и коммуникативным (например, при освоении социальных ритуалов, при использовании социальных жестов («привет», «пока»...)).

2 уровень ориентировочных действий:

- действия по образцу: ребенок выполняет действие после показа взрослым способом его выполнения.

3 уровень ориентировочных действий:

- действия с опорой на речевой опыт: всплывание ассоциаций, припоминание коммуникативных образцов (стереотипной фразы).

4 уровень ориентировочных действий:

- действия по аналогии: ориентировка во внутреннем плане с возможностью трансформации образца.

У детей дошкольного возраста с РАС данный уровень ориентировочных действий, как правило, не сформирован, так как недоразвиты символическая и творческая способности. Поэтому типичны ответы и просьбы ребенка с РАС: «Хочешь конфетку?» (вместо «Я хочу конфетку»)

5 уровень ориентировочных действий:

- ориентировка на «чувство языка» – интуитивное обобщение использования коммуникативных норм на основе знания того, как коммуницируют и догадка об успешности и неуспешности действий.

Этапу предшествуют этапы накопления ориентировочных действий в процессе разных коммуникативных ситуаций.

Обязательным условием формирования ориентировок данного типа является их привязанность к ситуации взаимодействия со взрослым. Образцы педагога должны быть привязаны к ситуации, отражать мотивы поведения ребенка с РАС и иметь для него личностный смысл. Ведь любая ВПФ создается как социальное отношение, конкретное и реальное взаимодействие между индивидами. Важно, чтобы задача, встающая перед ребенком, вызвала эмоциональный отклик, заставляла бы его быть втянутым в диалог. «Ведь переживание ребенка по Выготскому – индикатор вовлеченности ребенка в социальную ситуацию» [4, с. 122]. И это также специфично для отечественной науки коммуникативные средства здесь не даются ребенку в готовом виде, а «создаются ребенком в сотрудничестве», чтобы «ребенок не только овладевал новым для себя средством развития, но и оказался способным самостоятельно использовать это средство» для решения последующих задач [4, с.122].

Также в отечественной психологической науке признано то, что технология работы по развитию коммуникации детей

с аутизмом должна быть строго индивидуализирована. И не только онтогенетически ориентирована, но и патогенетически обоснованна: требуется и анализ структуры дефекта, о котором Л. С. Выготский писал в 1927 году [5, с. 94], отличая структуру от строения. Ведь дети с РАС имеют разные механизмы коммуникативных нарушений, и то, что рекомендовано для развития коммуникации неговорящему ребенку с гиперлексией совсем не подойдет неговорящему ребенку с наличием аффективной речи. И при таких условиях развитие коммуникации в каждом индивидуальном случае потребует разных средств. В том числе и разных коммуникативных средств. Опыт работы по формированию коммуникации у детей с РАС показывает, что выбор коммуникативных средств, с учетом широкого диапазона коммуникативных нарушений, должен быть вариативен и обусловлен возможностями конкретного ребенка. Осуществлять его нужно в процессе развивающей работы с ребенком, ориентированной на формирование более универсальной коммуникации, создавая максимум условий для развития устной речи у ребенка с РАС.

Начинать работу по формированию коммуникации у детей с РАС целесообразно с использования фотографий/картинок, актуально необходимых для ребенка предметов, пропедевтически вводя подписи к ним, что послужит основой для формирования письменной речи, которая в дальнейшем станет вынесенной во вне опорой для развития более универсальной коммуникации, а именно речи устной при соответствующих условиях (работа по развитию слухового внимания, фонетико-фонематического восприятия, артикуляционного праксиса, формирования самоосознания у ребенка с РАС).

Традиционно используемые системы работы с неговорящими детьми с РАС не ориентированы на решение этой задачи: в них не представлены упражнения, направленные на создание вышеобозначен-

ных условий.

Следовательно, они не в полной мере реализуют коммуникативный потенциал ребенка с РАС.

Следует также обратить внимание и на то, что эти техники предполагают инструментальное научение. В этом случае у ребенка с РАС затруднено формирование представлений о том, что слово – носитель смысла, определенного значения. У детей с РАС при таком обучении сохраняются трудности с использованием и пониманием словоформ и местоимений. Даже овладение достаточным набором моделей коммуникативного взаимодействия безотносительно к конкретным действиям в конкретных ситуациях требующих решения практических задач не позволяет детям с РАС в дальнейшем уверенно пользоваться коммуникацией.

Положение о том, что развитие более универсальной формы коммуникации – устной речи, возможно, основано на идее, являющейся фундаментом отечественной науки в виде теории системной динамической локализации высших психических функций А. Р. Лурия и на идее перестройки способа реализации нарушенной функции, а также на склонности детей с аутизмом к гиперлексии.

На основании нашего опыта мы можем утверждать, что «прямые методы работы» [10, с. 451-458] по формированию коммуникации, когда опора для усвоения коммуникативных навыков остается на звучание речи взрослого у детей с РАС, возможны, но в некоторых случаях. Например, при наличии у ребенка с аутизмом аффективной речи. В таком случае дети в эмоционально насыщенных ситуациях могут повторять вслед за взрослым слова. Так, при удержании ребенка взрослым в ответ на проговаривание педагогом «Пусти-пусти», ребенок проговаривает «Пусти». Или «Дай-Дай». «Пока-пока». В данном случае особое внимание стоит уделять тем речевым шаблонам, которые ребенок слышит и осваивает, особое внима-

ние стоит уделить использованию глагольных форм и местоимений: с учетом синкретичности мышления у детей с РАС им необходимо давать готовые речевые образцы, которые они могут использовать в данной ситуации. Например: ситуацию побуждения ребенка к ответу на вопрос взрослого «Ты хочешь конфетку?» следует завершить не тем, что отдаем ребенку конфетку или слышим в ответ «Ты хочешь конфетку?», а задать ребенку правильный образец, проговорить его еще раз совместно с ребенком, побудив ребенка потом его повторить самостоятельно: «Я (с указывающим Я-жестом) хочу конфетку».

Обращая внимание на то, что в дошкольном возрасте у большинства неговорящих детей с аутизмом использование прямого пути недостаточно для развития коммуникации ввиду дефицитности их мозговой организации, предпочтительнее использование «обходного пути» [10, с. 451-458] в становлении коммуникации.

Использование обходного пути в становлении коммуникации связано с начальным формированием письменной речи, в обход устной. В этом случае ведущей становится опора не на звучание речи, а на письменный образ слова, т. е. в качестве ведущих выступают уже внешние опоры, которые в процессе онтогенеза развиваются позднее устной речи. Только после того, как у ребенка будут сформированы акустический образ звука и соотнесенность его с буквой, а также будет сформирована глобально заученная звуковая последовательность/звуковая структура понятия, соотнесенная с ситуацией, можно фиксировать внимание ребенка на устной речи и передать ей роль внешней опоры.

Использование «обходного пути» состоит в том, чтобы задать все возможные траектории коммуникативного развития с помощью различных коммуникативных средств, создать условия, обеспечивающие развитие, не исходящие из анализа внешних проявлений коммуникативных

нарушений, а исходя «из вскрытия реальных каузально-динамических и генетических связей, определяющих внешние проявления» [5, с. 95-97]. Ведь «изменение межфункциональных связей составляет главное и центральное содержание всего процесса психического развития» [6, с. 217].

Использование «обходного пути» в работе по формированию коммуникации требует его произвольного освоения. Готовность ребенка к такой работе складывается в процессе формирования повседневных навыков и ведущего вида деятельности (совместной со взрослым, дозированной-разделенной).

Таким образом, психологическое изучение развития коммуникации детей с РАС – это анализ того:

- как коммуникативные средства включаются в разнообразные взаимные действия взрослого с ребенком;
- как начинают использоваться ребенком в относительно самостоятельных действиях;
- как такие действия приобретают характер уже не совместных действий, а действий для себя и приобретают умственную форму реализации;
- как коммуникативные средства начинают осознаваться ребенком.

Поэтому на всех этапах работы формируем внимание ребенка с РАС к собственной речи, соотнесение ее с эталоном и прогнозирование успешности/неуспешности собственных действий при соотнесении с эталоном (работа по развитию самосознания, формированию самоконтроля, самокоррекции ошибок).

В работе по развитию коммуникации детей с РАС обращаем внимание на коммуникативные характеристики: четкость произношения звукового состава слов, правильность слоговой структуры, умение ребенка согласовывать слова в предложениях, формулировать простые высказывания; преодоление эхолалий; реагирование на попытки установления коммуникации

другими людьми, например, понимание жестов другого человека; реакции в диалоговых ситуациях, например, инициирование и организация диалога; на особенности общения в различных контекстах.

Планируемыми результатами работы по развитию коммуникации детей с РАС должны быть:

- сформированность стереотипов поведения в процессе взаимодействия и совместной деятельности, освоение социальных ритуалов, например, сформированность умения использовать социальные жесты («привет», «пока»...);

- сформированность механизма совместного внимания в ситуациях совместного взаимодействия;

- понимание обращенной речи в достаточном или полном для коммуникации объеме;

- сформированность навыка пользования различными коммуникативными средствами (предмет (для ребенка с сочетанной патологией нарушения зрения), жест, фото, подписи (письменная речь), устная речь) в ситуациях совместного взаимодействия (знание стандартных фраз и оборотов речи для использования (с привлечением при необходимости альтернативных средств коммуникации) в различных социальных ситуациях);

- сформированность навыка самоконтроля за коммуникативным действием, самокоррекция ошибок.

На основании нашего практического опыта мы утверждаем, что учет в практико-ориентированной деятельности по развитию коммуникации детей с РАС положений культурно-исторической теории и деятельностного подхода, теории системной динамической локализации высших

психических функций А. Р. Лурия, а именно ориентировка в данной работе на:

- анализ патогенеза нарушения,

- процессуальность в работе по развитию коммуникации у ребенка с РАС, предполагающей появление новых коммуникативных форм и их изменение,

- формирование самоосознания у ребенка с РАС, навыка самоконтроля за коммуникативным действием,

- формирование субъектности на основе его соучастия в выборе деятельности,

- эмоциональную вовлеченность ребенка с РАС в работу на основании ситуаций, носящих для него положительно окрашенный личностный смысл,

- подбор коммуникативных средств и их использование в различных видах человеческих действий и деятельности ребенком, – формирует у ребенка с РАС интерес к закономерностям функционирования языка и способствует формированию «чувства языка», а овладение умениями использовать коммуникативные средства в различных видах человеческих действий и деятельности, в отличие от овладения достаточным набором моделей, позволяет уверенно пользоваться коммуникацией. Формирование же более универсальной коммуникации за счет перестройки способа реализации нарушенной функции наиболее полно раскрывает потенциал развития неговорящего ребенка с аутизмом, предоставляя ему возможность перенять культурный опыт и стать Человеком, Своим среди Других, создавая условия для преодоления сегрегации таких детей ввиду характера их коммуникативного взаимодействия уже в дошкольном возрасте и их вторичной дезинтеграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алехина С. В. Принципы инклюзии в практике образования // Аутизм и нарушения развития. – 2013. – № 1(40).

2. Башина В. М., Симашкова Н. В. К особенностям коррекции речевых расстройств у больных с ранним детским аутизмом. // Исцеление: Альманах. Для врачей, педагогов

и родителей детей с неврологической инвалидностью. – М., 1993. – С. 161-165.

3. Богдашина О. Б. Communication in Autism: Do we speak the same language? (лекция для студентов, специалистов, родителей детей с аутизмом)

4. Вересов Н. Н. Экспериментально-генетический метод и психология сознания: в поисках утраченного (статья вторая) // Культурно-историческая психология. – 2015. – Т. 11. – № 1. – С. 117-126.

5. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 3. – М.: Педагогика, 1983. – 365 с.

6. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – 417 с.

7. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо-Пресс, 2003. – С. 41-190.

8. Выготский Л. С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства. – М.: Изд-во экспер. дефектол. ин-та, 1936. – 78 с.

9. Выготский Л. С. Мышление и речь: психологические исследования. – Москва; Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934. – 324 с. – <http://psychlib.ru/mgppu/VMr-1934/VMR-001.HTM#>

10. Выготский Л. С. Проблемы дефектологии. – М.: Просвещение, 1995. – С. 451-458.

11. Гилберт К., Питерс Т. Аутизм: медицинское и педагогическое воздействие. – М.: Владос, 2002.

12. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – Москва: Издательство академии педагогических наук РСФСР, 1959. – 496 с.

13. Лурия А. Р. Высшие корковые функции и их нарушение при локальных поражениях мозга. – М.: 1962. – [2-е изд. – 1969].

14. Маланов С. В. Развитие умений и способностей у детей дошкольного возраста. Теоретические и методические материалы. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2001. – 160 с.

15. Чуприков А. П. Расстройства спектра аутизма: медицинская и психолого-педагогическая помощь / А. П. Чуприков, А. М. Хворова. – Изд. 2-е, дополн. – Львов: Мс, 2013. – 272 с.

16. Bender L. Schizophrenia in childhood. A Confirmation of the Diagnosis // Transactions of the American Neurological Association. – 1952. – V. 77. – P. 67-73.

17. Hermelin B. and N.'Connor. Psychological experiments with autistic children. – Oxford: Pergamon Press, 1970.

18. Hermelin B. and O'Connor N. Remembering of words by psychotic and subnormal children // Br. J. Psychol. – 1967. – V. 58. – PP. 213-218.

19. Kanner L. Autistic disturbances of affective contact // Nervous Child. – 1943. – V. 2. – PP. 217-250.

20. Shapiro T., Ginsberg G. The Speech of a Schizophrenic Child From Two to Six // American Journal of Psychiatry. – 1971. – V. 128. – PP. 1408-1413.

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика

**ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ
ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»
(ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ «МЕНЕДЖМЕНТ»)**

Кандидат педагогических наук Н. В. Софронова

В статье рассматриваются особенности организации научно-исследовательской деятельности студентов – будущих менеджеров – в процессе изучения дисциплины «Русский язык и культура речи», анализируются различные методы работы. Особое внимание уделяется разнообразию форм научно-исследовательской деятельности. Работа с терминологией рассматривается как одно из основных направлений научного поиска обучающихся.

Ключевые слова

Русский язык, культура речи, научно-исследовательская работа, формы и методы научно-исследовательской работы, терминология, моделирование.

Сегодня курс «Русский язык и культура речи» – одна из ведущих дисциплин на первом этапе обучения студентов разных специальностей. Свободное владение русским литературным языком, умение общаться, вести диалог и добиваться успеха в процессе коммуникации являются неотъемлемыми составляющими любой профессиональной деятельности. С понятием «русский литературный язык» тесно связано понятие «культура речи». В определенном смысле культура речи человека, манера выражать свои мысли и чувства являются его визитной карточкой. Первое представление о человеке и его первоначальная характеристика, как правило, формируются на основании впечатления, которое возникает от речевой манеры собеседника.

В одной из своих работ Д. С. Лихачев писал: «Вернейший способ узнать чело-

века – его умственное развитие, его моральный облик, его характер – прислушаться к тому, как он говорит... Есть язык народа как показатель его культуры и язык отдельного человека как показатель его личных качеств, качеств человека, который пользуется языком народа. Язык человека – это его мировоззрение и его поведение. Как говорит, так, следовательно, и думает» [4. С. 77].

Таким образом, при подготовке молодых специалистов в высших учебных заведениях дисциплина «Русский язык и культура речи» выполняет коммуникативную, информационную, образовательную, воспитательную и профессионально ориентационную функции.

Культура речи и степень владения русским языком порой оказываются решающими факторами профессионального роста.

Менеджеру важно не только уметь строить высказывание, убедительно отстаивая свою позицию, но и уметь понимать тонкости речи своего собеседника, адекватно реагировать на нее. Ведь культура речи – это и культура мысли, и характеристика интеллектуального, образовательного и профессионального уровня, и свидетельство нравственной цельности человека. Человеку мало грамотно писать и говорить, ему необходимо научиться грамотно думать. Как справедливо заметил испанский писатель XVI века Мигель де Сервантес Сааведра, «говорить не думая – все равно, что стрелять, не целясь» [6. С. 147].

Важным компонентом эффективности обучения является мотивация к активной самостоятельной познавательной деятельности. Заостряется внимание студентов на том, что для успешной профессиональной коммуникации необходимо понимать сущность речевого этикета, знать нормы общения и речевого поведения, а также приобретать коммуникативную компетенцию в самых различных сферах общения.

ФГОС ВПО по направлению подготовки 38.03.03 Управление персоналом среди видов профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники программ бакалавриата, выделяет информационно-аналитическую и проектную деятельности, а их осуществление невозможно без знания основ научного поиска.

«Особую значимость сегодня приобретает именно организация научно-исследовательской деятельности, так как она выступает фактором саморазвития, самоопределения, оказывает существенное влияние на личностно-профессиональное становление. Исследовательский подход к изучению является одним из способов познания человеком окружающего мира, поиска себя, своего места в этом мире. А ведь это одно из главных условий успешной социализации личности» [3].

К сожалению, часто научно-исследовательская деятельность сводится только к подготовке доклада (подчас формальной)

и публичным выступлениям на профессиональную тему. Безусловно, это необходимый компонент научной работы, поскольку наиболее ярко культура речи проявляется в публичном выступлении, успех которого в значительной мере зависит от грамотности и точности речи, ее информационной насыщенности. Однако сведение исследовательской деятельности только к этой форме явно недостаточно.

В рамках изучения дисциплины «Русский язык и культура речи» нами разработана система научно-исследовательской работы, предполагающая использование различных форм, методов и приемов.

Как правило, организация исследования выходит за пределы одного аудиторного занятия, но достижение поставленной цели позволяет обучающемуся получить удовлетворение от проделанной работы.

В наиболее полном виде такое обучение предполагает, что студент определяет проблему; ставит цель и формулирует задачи, предлагает возможные варианты решения; выполняет поставленные задачи и осуществляет проверку выбранного варианта, делает выводы в соответствии с результатами проверки; применяет выводы к новым данным; делает обобщения.

Использование элементов научно-исследовательской деятельности имеет ряд особенностей:

- выбранная для разработки тема (проблема) должна отвечать личным и профессиональным потребностям студента;
- тема (проблема), как правило, выходит за рамки одной дисциплины;
- выбирая проблему, нужно учитывать наличие необходимых средств и материалов.

Значительное внимание при организации научно-исследовательской работы уделяется терминологии, поскольку она играет важную роль в профессиональной коммуникации. «Терминосистема менеджмента представляется сложной интегративной системой, включающей в себя тер-

мины различных терминосистем не только собственно менеджмента, но и экономики (*рынок, конкуренция*), маркетинга (*сбыт продукции*), производственной сферы (*контроль качества*), финансов (*финансовый план*), связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, дериватологическом и грамматическом уровнях. Кроме того, терминологическая система менеджмента, базируясь на группе терминов конкретных сфер управленческой деятельности, использует термины других сопряженных отраслей науки: философии, экономики, психологии и др., а также дисциплин естественно-математического цикла: информатики, математики, кибернетики и др. С учетом формальной структуры в подязыке менеджеров выделяются термины-слова и термины-словосочетания и незначительная доля символ-слов» [5. С. 9-10].

Особую роль в научно-исследовательской работе играет моделирование, благодаря которому студенты учатся обобщению представлять существенные признаки предметов, связи и отношения в реальной действительности.

Использование моделей не является прерогативой точных наук. На дисциплинах гуманитарного цикла моделирование может быть применено для решения разнообразных задач, поскольку есть множество теоретических понятий, тем, требующих структурирования материала, выделения причинно-следственных связей, где образная модель облегчит путь познания и позволит целостно представить явление или систему образов. Говоря о моделировании на дисциплине «Русский язык и культура речи», нельзя не упомянуть имена ученых-педагогов, которые применяли этот метод: В. Ф. Шаталов («Опорные конспекты»), Г. Н. Кудина и З. Н. Новлянская (программа «Литература как предмет эстетического цикла»), В. Б. Носкова (авторские учебные пособия, раскрывающие суть жанровых матриц); Фогельсон (учебно-методические пособия

для учителей «Литература учит») и др.

Данные психолингвистики позволяют использовать в методике развития речи модели речевого акта. Методический принцип опоры на алгоритмы порождения и восприятия речи при формировании речевых умений как раз и вытекает из психолингвистического описания моделей речевой деятельности. Моделирование языковых и речевых явлений – это не только средство отображения языковых единиц и речевых процессов, но и продуктивный метод обучения языку и речи [1. С. 57].

Использование метода моделирования уместно при изучении морфемики, словообразования, орфографии, синтаксиса и пунктуации. Метод моделирования включает разные приемы, например: схема – опора – модель изучаемого языкового материала, изображение его устройства, главных черт, взаимоотношения частей; компакт – производное от опоры сюжетной картинки, её интерпретация, отображение изучаемой темы на этапе закрепления материала при значительном сокращении опорных сигналов с сохранением главного; графический «мини-портрет» изучаемой темы (такая работа обнаруживает не только знание студентом материала, но и понимание характера связей и отношений между ними); крок – «послеловие» к уроку первичного усвоения материала, составление лингвистической схемы-маршрута изученного в классе и восстановленного дома по памяти (такая работа позволяет провести рефлекссию собственной деятельности, формирует учебно-познавательную компетентность); учебный клип – «склеивание» нескольких «кадров» в наглядный лингвистический сюжет (кадрами клипа могут быть все перечисленные ранее средства наглядности или написанные в ходе изучения темы «мини-сочинения», а также опорный конспект с дополнениями) [2].

В соответствии с изучаемыми разделами программы курса можно выделить сле-

дующие направления научно-исследовательской деятельности студентов:

1. В области фонетики и орфоэпии – вариативность произношения гласных и согласных звуков в заимствованных словах; акцентологическая норма и варианты ударения; работа со словарями, анализ тенденций в изменении акцентологической нормы.

Вариант задания: проследите особенности произношения слов разными слоями общества (возрастными и социальными), проанализируйте тенденции. Подготовьте памятку для более эффективного запоминания произношения слов.

Валовой, оптовый, договор, доллар, дотация, квартал, маркетинг, маркетолог, менеджер, менеджмент, обеспечение (программное, финансовое), прибылей (прибыль), средства, документ, вложить (деньги) – вложу – вложил.

2. В области словообразования – анализ и подбор новых профессиональных слов, образованных с помощью современных словообразовательных элементов; образование слов по словообразовательным моделям с характеристикой их стилевой принадлежности.

Вариант задания: подготовьте презентацию на тему «Особенности словообразования терминов менеджмента». Разработайте элементы модели, отражающей основные особенности терминологической системы словообразования.

Примеры терминов: *автократия, аутсорсинг, бенчмаркинг, вакансия, имиджирование, контроллинг, консалтинг, коуч, реинжиниринг.*

3. В области лексики и фразеологии – профессиональная лексика (на основе анализа учебной литературы по дисциплинам предметной подготовки); работа со словарями и справочниками.

Вариант задания: составьте собственный словарь профессиональных терминов по изучаемым дисциплинам. Предложите систему эффективного запоминания лексического значения данных терминов,

особенностей их написания и употребления. Сформулируйте гипотезу о дальнейшем развитии терминологии в области менеджмента.

Примеры терминов: *интранет, коллективный интеллект организации, коучинг, лизинг, маркетинг, матричная структура управления, менеджмент, мультидивизиональная система управления.*

В результате проведенной работы студенты приходят к выводу, что термины менеджмента образуются на основе корней литературной и специальной лексики (чаще иноязычного происхождения) с помощью морфологического, семантического и синтаксического способов, причем наиболее продуктивным является морфологическое словообразование.

4. В области морфологии – трудные случаи и тенденции образования грамматических форм частей речи.

Вариант задания (работа в группах): объедините профессиональные термины в группы по морфологическому признаку. Приведите примеры употребления в речи выбранных вами слов. Подготовьте презентацию-интервью, показывающую особенности употребления слов в речи. Разработайте задания для письменного или устного контроля по данной теме.

Имена существительные: *бизнес-план, менеджер, сотрудник, ресурсосбережение, управление, целеполагание.*

Имена прилагательные: *консалтинговая компания, операционная система, теневая экономика, управленческая решетка.*

Глаголы: *делегировать (полномочия), контролировать, мотивировать (сотрудников).*

5. В области синтаксиса – синтаксических синонимов, имеющих стилистическую окраску и профессиональную направленность.

Вариант задания: прочитайте. Поясните, по возможности более кратко, выбор терминов. Согласны ли Вы с точкой зрения автора? Подберите небольшие тексты профессиональной направленности, вы-

полните краткий синтаксический анализ.

Современные рыночная ситуация характеризуется такими процессами, которые выдвигают особые требования к менеджменту. Рынок стал более динамичным и плохо прогнозируемым. Рыночные условия требуют от организации для ее выживания следующих качеств: творчества (сделать то, до чего другие компании еще не додумались), быстроты (сделать это как можно быстрее, иначе это сделают другие), изменений (уметь перестраиваться в соответствии с изменениями ситуации на рынке), качества (предложить потребителю более качественный продукт (услугу), чем конкуренты, или такой продукт (услугу), потребность в которой потребитель даже не может пока осознать).

6. В области стилистики – анализ публицистических, научных, официально-деловых текстов, содержащих профессиональную лексику; составление текстов разного типа на профессиональную тему с освещением будущей профессии.

Прочитайте высказывания Лидо Энтони «Ли» Якокка, американского менеджера, бывшего президента компании Ford и председателя правления корпорации Chrysler. Выберите те из них, которые наиболее точно, на Ваш взгляд, отражают принципы работы успешного менеджера. Дополните их другими высказываниями Якокка. Сформулируйте эти идеи тезисно (в виде Памятки начинающему менеджеру или Руководства менеджеру).

• • •

Чтобы целесообразно использовать свое время, необходимо твердо осознать, что именно главное в твоей работе, а затем отдать себя целиком осуществлению этого главного.

• • •

Комитеты всегда нужны, так как именно на их заседаниях люди обмениваются знаниями и излагают друг другу свои намерения. Однако, когда комитеты заменяют самостоятельных менеджеров –

а в компании «Форд» теперь больше комитетов, чем в корпорации «Дженерал Моторс», – тогда производительность начинает падать.

• • •

Как я усвоил из уроков Макнамары, твердый порядок письменного изложения какой-либо идеи – это первый шаг к ее претворению в жизнь. В разговоре можно – часто даже не отдавая себе в этом отчета – высказывать всякого рода смутные и нелепые идеи. Когда же вы излагаете свои мысли на бумаге, происходит нечто такое, что побуждает вас вникнуть в конкретные детали. При этом гораздо труднее ввести в заблуждение самого себя или кого-либо другого.

Следует отметить, что лингвистический анализ текста (с дидактическими целями), как и составление плана, создание так называемого формуляра анализируемого текста, – это тоже проявление метода моделирования, но уже при восприятии текста [1. С. 58].

В современной психологической и педагогической литературе указывается, что решение исследовательских задач преимущественно должно осуществляться путём создания специальной развивающей среды, в которой студент находил бы стимулы для самообучения и развития (Э. Де Боно, Б. В. Всесвятский, Дж. Дьюи, И. И. Ильясов и др.) и важная роль здесь отводится диалоговому подходу к обучению, который и лежит в основе разработанной системы.

Если говорить о презентации результатов работы, то иногда целесообразно проводить ее в форме ролевой игры, позволяющей наиболее полно осуществлять общение и решать определенные коммуникативные задачи. Такая форма занятий позволяет овладеть искусством понимания позиции другого человека, победить собственные фобии, повысить уровень самооценки, воссоздать социальные отношения, что особенно важно в профессиональном обучении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архипова Е. В. Основы методики развития речи учащихся: учеб. пособие для студ. пед. вузов / Е. В. Архипова. – М.: Вербум-М, 2004. – 192 с.
2. Гильгенберг Т. Н. Моделирование как способ формирования у школьников ключевых компетенций и целостного представления о картине мира (на материале предметов русский язык и литература) / Т. Н. Гильгенберг // Педагогика: традиции и инновации: материалы междунар. науч. конф. (Челябинск, октябрь 2011 г.). – Т. I. – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 116-119.
3. Инёшина Л. Г. Исследовательская работа как одна из форм формирования языковой компетенции студентов: методическая разработка / Л. Г. Инёшина. – Инфоурок. – Режим доступа: <http://infourok.ru/metodicheskaya-razrabotka-issledovatel'skaya-rabota-kak-odna-iz-form-formirovaniya-yazikovoy-kompetencii-studentov-586575.html>.
4. Лихачёв Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре / Д. С. Лихачёв. – М.: Российский фонд культуры, 2006. – 336 с.
5. Моряхина Н. В. Формирование и функционирование терминологии менеджмента в русском языке / Н. В. Моряхина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2008. – 22 с.
6. Семёнова М. А. Об особенностях преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» в техническом вузе / М. А. Семёнова // Известия Волгоградского государственного технического университета (Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 8). – 2010. – № 9(69). – С.146-149.

УДК 378: 796
ББК 74.48
Педагогика

ЛИЧНОСТЬ ПЕДАГОГА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПОТРЕБНОСТИ К РЕГУЛЯРНЫМ ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ У СТУДЕНТОК ВУЗА

М. В. Сусорова

В статье рассматривается проблема влияния личности преподавателя на развитие потребности к регулярным занятиям физической культурой у студенток вуза. Подводятся результаты анкетирования студенток РГУ имени С. А. Есенина по определению необходимых качеств современного педагога физического воспитания.

Ключевые слова

Влияние личности, компетентность, профессионализм, потребности студентов, мотивация, физическая культура, здоровый образ жизни

Развитие инновационных методов физической культуры, в условиях ФГОС нового поколения, направляют усилия педагогов физического воспитания на развитие личностно-ориентированного подхода. Гуманитарный взгляд на образование по физической культуре, подразумевает развитие у студентов компетентности в сфере культуры. По мнению М. Я. Виленского, «в образовательных ценностях физической культуры зафиксированы критерии, определяющие основу формирования и развития личности» [1, с. 72].

Проблема вовлечения студентов к активной физической деятельности по-прежнему стоит остро. В анкетировании студенток РГУ имени С. А. Есенина участвовало 64 студентки 3 курсов. Опрос выявил, что, 25 % студенток дополнительно занимаются двигательной активностью,

помимо уроков физической культуры, а 75 % студенток занимаются физкультурой только в вузе. Оценивая свой уровень физической подготовленности, всего 23 % студенток назвали его хорошим, 64 % удовлетворительным, и 6 % неудовлетворительным. Рассматривая вопрос формирования мотивации к занятиям физической культурой, необходимо учитывать невысокий уровень физической подготовленности и низкий багаж знаний в области физической культуры будущих студентов. Большая информационная нагрузка, дефицит физической активности, психоэмоциональное состояние современных студентов требуют новых подходов в формировании у студентов мотивации к регулярным физическим занятиям. Личность преподавателя физического воспитания, его педагогическое мастерство играют ведущую роль в развитии у студен-

тов потребностей в регулярных занятиях физической культурой.

В условиях компетентного подхода, приобретает актуальность оздоровительная направленность учебного процесса по физическому воспитанию. Существуют определенные трудности в организации теоретических и практических занятий. С одной стороны недостаточная оснащенность спортивным инвентарем, тренажерами, а с другой низкий уровень знаний студентов в области физической культуры, отсутствие навыков самоконтроля на занятиях физической культурой, недостаточность знаний анатомии и физиологии человека.

Проблему мотивации к дополнительным занятиям можно объяснить с большой учебной нагрузкой, слабой активностью, низким уровнем здоровья, высоким уровнем психоэмоционального напряжения студентов. По анкетированию, проведенному со студентками РГУ имени С. А. Есенина, 46,2 % опрошенных студентов указали на важность физической культуры в развитии эмоциональной устойчивости [5, с. 59]. Отвечая на вопрос, когда наступает сильная усталость во время учебного дня, 57 % студенток ответили, после третьей пары, и только 30 % устают после четырех пар занятий. Эти данные говорят о том, что умственная работоспособность студенток недостаточна. Возможно поэтому, студенческую молодежь волнуют вопросы сохранности резервов организма, регулирования эмоционального состояния, защиты от стресса и перенапряжения при физической и умственной работе. Согласно анкетированию, 44 % опрошенных студенток признали необходимым изучение знаний по профилактике умственного и физического перенапряжения. В современных условиях, учитывая существующие противоречия, на преподавателя физической культуры в вузе возлагается большая ответственность. Решение задач оздоровления студентов, обучения дви-

гательным навыкам и развития физических качеств, привлечения студентов к участию в спортивно-массовых мероприятиях, создания благоприятных внешних и внутренних условий для формирования мотивации студентов к регулярным занятиям физической культурой требует повышенного уровня компетентности педагога.

В условиях подготовки будущих специалистов, все большее значение имеют личностные качества преподавателя. Е. Ю. Самарцева определяет значимые качества учителя, как «характеристики умственной, эмоционально-волевой, нравственной сторон личности, влияющие на продуктивность профессионально-педагогической деятельности учителя» [4, 29].

Заинтересованность студентов в получении теоретических знаний и практических навыков физических упражнений, во многом зависит от квалификации, индивидуальных особенностей личности педагога, желания повышать свое педагогическое мастерство. Анкетирование студенток РГУ имени С. А. Есенина показало, что 60 % студенток выделяют наличие у педагога профессиональных знаний. Для студентов важно, чтобы преподаватель умел хорошо объяснять, зачем делать то или иное упражнение, как делать; 48 % указали на важность личностных качеств, таких, как умение понимать и учитывать желания студентов выполнять определенную деятельность; 48 % студенток назвали необходимым позитивное мышление, умение поднять настроение. Интересно, что определяя портрет педагога по физическому воспитанию, всего 12 % студенток пожелали видеть учителя стройным, и 2 % назвали важным умение преподавателя красиво и легко показывать упражнения. Всего 3 % опрошенных студенток пожелали видеть педагога строгим и требовательным. Современному студенту больше важен факт профессиональной компетентности

преподавателя, его умение объяснять, настраивать на успешную деятельность, доброжелательное отношение к студентам. Стремление студентов к общению с преподавателем физической культуры, развитию позитивных отношений является одним из условий успешного обучения и развития мотивации студентов. По опросу, только 6 % студенток желали видеть преподавателя строгим и требовательным. Учитывая ответы студенческой молодежи, можно предположить, что низкий уровень физической подготовленности, создает определенную неуверенность студентов в успехе занятий, отсюда боязнь критики со стороны преподавателя и повышенная уязвимость к замечаниям. М. В. Буланова-Топоркова указывает, что 40 % студентов испытывают невроз, вызванный авторитарным отношением преподавателя [2, 544]. Следует признать, что деятельность преподавателя физического воспитания, направлена на развитие у студентов позитивного восприятия занятий физической культурой, создание комфортных условий для возникновения обратной связи «учитель – ученик», использование индивидуального подхода в учебном процессе. Бережное отношение к студенту, учет его индивидуальных особенностей, доброжелательность становятся необходимым условием в формировании стойкого интереса к регулярным занятиям.

Учитывая запросы студенческой молодежи, в вузах необходимо внедрение новых форм оздоровительной физической культуры и использование в учебном процессе современных, массовых видов физической активности. Инновационные технологии в физической культуре позволяют включать специализированные занятия такие, как: фитбол-аэробика, танцевальная аэробика, скиппинг, пилатес и др. Занятия по избранному виду спортивной активности способствуют формированию у студентов потребности к регулярным занятиям, развивают интерес и инициа-

тиву, стремление к самовоспитанию. Благодаря участию в любимом виде физической активности, студенты получают больше возможностей для самосовершенствования, накопления специальных знаний по технике, методике, самоконтроле, быстрее других овладевают навыками определения своего физического состояния, становятся более успешными в психоэмоциональном плане. Помимо этого, студенты развивают творческие и коммуникативные навыки.

Развивая у студентов потребность в движении, учитель использует педагогические, психологические, узкопрофессиональные качества, которые являются необходимостью в современных условиях обучения. Изучая проблему влияния личности педагога на развитие потребности студентов вузов к регулярным занятиям физической культурой, можно сделать определенные выводы. Низкий уровень физической подготовленности и здоровья, большие информационные перегрузки отрицательно влияют на психологическое состояние современного студента. В новых условиях возрастает значение личностных, индивидуальных качеств педагога по физическому воспитанию.

Учитывая этот факт, для формирования потребности к регулярным занятиям физической культурой преподаватель физической культуры должен обладать высокими профессиональными и личностными качествами. Нельзя не согласиться со В. А. Сластениным, который выделял из самых необходимых качеств педагога, – «наблюдательность, педагогический такт, педагогическое воображение, уравновешенность, выдержка, профессиональная работоспособность» [3, 576]. Анкетирование студенток РГУ имени С. А. Есенина подтвердило, что личностные качества преподавателя оказывают непосредственное влияние на процесс формирования у студентов потребности к регулярным занятиям физической культурой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виленский М. Я., Конева Е. В. Концепция гуманитарно-ориентированной физической культуры в высшей школе // Исторические, педагогические и медико-биологические аспекты физической культуры и спорта: сб. статей I Всерос. науч.- практ. конф. Заб. ГГПУ. – Чита, 2007. – С. 72.
2. Буланова-Топоркова М. В. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие. – Ростов н/ Д: Феникс, 2002. – С. 544
3. Педагогика / Под. ред. В. А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – с. 576.
4. Самарцева Е. Ю. Профессионально значимые личностные качества учителя элитарной школы // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 11. – С. 29.
5. Сусорова М. В., Киреев С. В., Панева И. В. Проблема мотивации к занятиям физической культурой студенток 1 курса РГУ имени С. А. Есенина // ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Волгоград: ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ, 2014. – С. 59.

УДК 81.373.21

ББК 81.2-3

Языкознание, топонимика

ТОПОНИМИЯ РОССИИ: НАЗВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ)

Кандидат филологических наук Ю. Ю. Гордова

Материалы для Единой информационной системы «Топонимия России» включают в себя статьи об истории и происхождении названий сельских поселений пяти областей России: Московской, Воронежской, Ивановской, Рязанской, Тульской. В статьях обобщаются данные монографий, словарей и научно-популярных книг по топонимике, опубликованных в России в XX-XXI вв. Материалы содержат сведения об упоминании названий сел и деревень в исторических документах, этимологии, словообразовательной модели, наименовании жителей, производных образованиях, близких топонимах других регионов, истории изучения, а также наиболее значимую историко-культурную информацию о населенных пунктах.

Ключевые слова

Топонимика, Единая информационная система «Топонимия России», происхождение географических названий, названия сельских населенных пунктов

В 2014 году при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда сотрудниками Института языкознания РАН была разработана и размещена в сети Интернет Единая информационная система «Топонимия России». Общероссийская база данных создавалась с целью поддержки и продвижения научных исследований по топонимике, представления результатов труда российских ученых широкой общественности, популяризации научных знаний.

Единая база данных содержит информацию о названиях рек, болот, озёр, городов, сёл, деревень, равнин, лесов, полей и других географических объектов Рос-

сии. Она содержит комплекс лингвистической, культурно-исторической и справочно-иллюстрационной информации о географическом названии: его происхождении, структуре, близких топонимах других регионов, производных образованиях, истории изучения, а также наиболее важные сведения о географическом объекте (референте имени). В статьях базы данных аккумулируются результаты многолетних научных изысканий, представленные в топонимической литературе, изданной в России в XX-XXI вв.

В 2014 году в базе названий размещена информация о 210 топонимах России. Среди них названия городов (Елец, Нальчик, Новомичуринск, Омск, Орёл,

Пятигорск, Рязань, Смоленск, Ярославль и др.), сельских населенных пунктов (Золотой Ключ, Некрасовское, Солотча, Янтарный и др.), рек (Гусь, Нерехта, Печора, Селенга, Сетунь и др.), озёр (Байкал, Гаенда, Ёлоото Нур и др.), а также названия территорий, болот, оврагов, вулканов, гор, слобод, улиц. В базу включены и исторические названия: древнерусских городов, утраченных деревень, пересохших рек (Вердерев, Лопасня, Неринск, Переяславль-Рязанский, Тумнев и др.).

Одним из принципов формирования общероссийской базы данных является охват названий различной языковой принадлежности и максимально широкой географии. По мнению авторов, это позволит информационной системе быть востребованной и интересной для самого широкого круга пользователей. Планируется, что база данных будет постоянно обновляться и пополняться новыми топонимами. Принять участие в проекте может любой ученый-топонимист.

В настоящей статье представлены материалы по истории и происхождению названий сельских населенных пунктов. Они отражают состав топонимии пяти областей Центральной России: Московской, Воронежской, Ивановской, Рязанской, Тульской. Для ойконимов приводятся следующие сведения: упоминание в документах, происхождение, словообразовательная модель, наименование жителей, производные, историко-культурная информация, близкие топонимы, литература по топониму.

Агрогóрод – посёлок в Московской области. Название советского времени, отражает профессиональную специализацию жителей посёлка, занимавшихся разработкой и внедрением современных методов полеводства в целях повышения культуры земледелия. В Белоруссии сегодня агрогородки являются одним из типов поселений, наряду с поселками и деревнями, например: агрогородок Велятичи (Минская область).

Словообразовательная модель. Агро- (усечённая форма прил. агрономический) + город («поселение городского типа»).

Наименование жителей: агрогорóдцы, агрогорóдец.

Производные: агрогорóдский, -ая, -ое и агрогородскóй, -ая, -ое.

Близкие топонимы: Агрогородóк (2 поселка в Московской обл.), Агрогородок (село в Карагандинской обл.).

Литература по топониму

Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002. С. 18.

Агро-пúстынь – село Рязанского района Рязанской области, одно из старейших рязанских сёл. Топоним впервые упоминается в отводной грамоте 1506 г. как название монастыря Аграфенина пустынь. Позднее он упоминается в писцовых книгах 1628-1629 гг.: «В Окологордном же стану на Мецерской стороне девич монастырь Огрофенина пустынь... Да к тому же монастырю вотчина подле монастыря с. Пустынь, что был починок Луковицын» [8. С. 10]. По преданию, матерью последнего рязанского князя Ивана Ивановича Агриппиной (народная форма имени – Аграфена) был основан монастырь, получивший название Аграфенина пустынь, где *пустынь* – «уединённая обитель, небольшой монастырь», а *Агрофенина* – прилагательное от имени небесной покровительницы княгини. В монастыре была построена церковь во имя святой мученицы Агриппины (Агрофены). Рядом с монастырем в XVII в. находилось село Пустынь, выросшее на месте починка Луковицына. Со временем за населённым пунктом закрепилось полное наименование монастыря – Аграфенина Пустынь [8. С. 10].

Современная официальная форма топонима – Агро-Пустынь – утвердилась в 30-40-е гг. XX в. Сегодня первая часть названия часто ассоциируется с прилагательным *агрономический* (ср. названия поселений Агрогород, Агрогородок).

Словообразовательная модель. Современная форма топонима: *Агро-*(сокращение от притяж. прил. *Агрофенина*) + *пустынь* («уединенная обитель, небольшой монастырь»)

Наименование жителей: агропустынцы и агропустынцы.

Производные: агропустынский, -ая, -ое, пустынский, -ая, -ое.

Историко-культурная информация. Жители с. Агро-Пустынь считались лучшими пастухами в Мещёрских лесах, за что их прозвали Пустынскими пастухами. Известно и еще одно наименование местных жителей – пустыньские богомазы: в селе издавна существовала артель иконописцев, расписывавших храмы в Рязанской, Московской и Владимирской губерниях [7. С. 19].

Литература по топониму

Димперан Л. В. Аграфенина Пустынь // Рязанская энциклопедия. Т. 1. Рязань, 1999. С. 35-36.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 467.

Никольский А. А. Агро-Пустынь (происхождение назв.) // Рязанская энциклопедия. Т. 3. Рязань, 2002. С. 43.

Никулина З. П. Историко-этимологический анализ топонимов Рязанского Окологородного стана XVI-XVII вв. // Учёные записки / Ряз. гос. пед. ин-т. Рязань, 1958. Т. 21. С. 61.

Смолицкая Г. П. Из топонимии Поочья // Вопросы топонимики СССР. Материалы Топонимической комиссии 1970 / 71 и 1971 / 72 гг. / Отв. ред. Е. М. Поспелов. № 2, 1972. С. 30-32.

Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002. С. 18-19.

Анна – посёлок в Воронежской области. Населенный пункт был основан на берегу реки *Анна*, по которой и получил своё название – первоначально *Аннинский*. Гидроним упоминается в документах с 1685 г., ойконим – с 1701 г. [7. С. 22]. Предположительно в основе гидронима лежит

тюркский апеллятив *ана* «высокий куст» или «ольха»; современная форма *Анна* – позднейшее переосмысление субстратного названия, сблизившее его с общеупотребительным женским именем.

Словообразовательная модель. Аннинский: *Анн-* (основа гидронима *Анна*, из субстр. *Ана*) + *-инский*.

Наименование жителей: аннинцы, аннинец.

Производные: аннинский, -ая, -ое.

Литература по топониму

Прохоров В. А. Вся Воронежская земля. Воронеж, 1973.

Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002. С. 22.

Булычёво – в XVI в. деревня, затем село и пустошь Рязанского края. Впервые Булычёво упоминается в качестве названия деревни и пустоши в 1594 г. [6. С. 104, 105]. Деревня первоначально именовалась *Галино* – по смежному гидрониму *Галина*. В кон. XVII в. становится селом в связи с построением здесь Архангельской церкви, по которой получает третье своё имя – *Архангельское*. Как название пустоши *Булычево* – параллельное имя пустоши *Кропотино*, на месте которой раньше было одноименное поселение.

Топонимы связаны с фамилией *Булычёв*. В нач. XV в. в Радонеже известен *Булычев* Семен [1. С. 54]. В рязанских средневековых документах антропоним не встречается.

Словообразовательная модель: (топоним) *Булычево* ← (фамилия) *Булычев*.

Литература по топониму

Писцовые книги Рязанского края XVI в. / Под ред. В. Н. Сторожева. Подготовка 2 изд. А.И. Цепкова. Т. I. Вып. 1. Рязань: Русское слово, 1996. С. 104, 105.

Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской Епархии: в IV т. Аутентичное издание. Рязань: Изд-во РГПУ, 1996. Т. II. С. 227.

Веселовский С. Б. Ономастикон. Древ-

нерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. С. 54.

Гордова Ю. Ю. Топонимия Рязжской Засечной черты // Рязанский этнографический вестник. Рязань: Областной научно-методический центр народного творчества, 2006. С. 93, 103, 135.

Гремячье – село Новомосковского района Тульской области, расположено на берегу р. Прони, рядом с Пронским водохранилищем, ранее город Гремячий. Как название города *Гремячий* топоним впервые упоминается в разрядных списках 1615 г. в числе городов рязанских [5]. Название поселения связано с названиями реки *Гремячки* и *гремячего* колодца, которые, в свою очередь, восходят к диалектному *гремяч* «ключ, родник» (от *гремять* «громко звучать, раскатываться гулом, звучным стуком, разливаясь резкой дробью, звоном» [2. С. 392]).

Как и в случае с общеупотребительным *ключ* (от *клюк*, *клюкать*), имеющим праславянские корни, апеллятив *гремяч* образован от глагола с общим значением «шуметь», а следовательно, именно такая особенность родника как издаваемый звук легла в основу его номинации и в праславянском языке, и в русских народных говорах.

«Народная этимология» часто связывает топонимы типа *Гремячье*, *Гремячка* с легендами о якобы проходившей здесь битвой с татаро-монголами, когда «всё вокруг гремело».

Словообразовательная модель: (село) *Гремячье* ← (город) *Гремячий* ← (река) *Гремячка* ← *гремячий* колодец ← (местный географический термин) *гремяч*.

Наименование жителей: гремячинцы, гремячинец.

Производные: Гремячий, Гремячевский, Гремячевский район, Гремячевские пещеры.

Близкие топонимы: *Гремячка* (3), н.п. (Рязанская область); *Гремячка* (3), р., лощина (2), овраг (басс. Оки); *Гремячевский*, верх (Рязанская область); *Гремячий* (2),

овраг (Рязанская область); *Гремучей* (2), верх (Рязанская область); *Гремной*, овраг (Рязанская область); *Гремячье*, село (Воронежская область); *Гремячинск*, город (Пермская область); *Гремяч*, село (Украина).

Историко-культурная информация. До наших дней сохранились знаменитые Гремячевские пещеры, которые являлись частью подземных укреплений Гремячевской крепости.

Литература по топониму

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В IV тт. М.: Русский язык, 1989-1991. Т. I. С. 392.

Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер. М.: Наука, 1976. С. 179-184.

Словарь географических названий СССР. М.: Недра, 1983. С. 64.

Малицкий П. И. Приходы и церкви Тульской Епархии. Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. 2-е изд., испр. и доп. Тула: Пересвет, 2010.

Гордова Ю. Ю. Топонимия Рязжской Засечной черты // Рязанский этнографический вестник. Рязань: Областной научно-методический центр народного творчества, 2006. С. 64, 133.

Жабки – село, затем деревня Егорьевского района Московской области. Находится при реке Цне, близ р. Жабка. В 1859 г. – село Жабка, в 1905 г. – село Жабки, в 1929 г. – деревня Жабка, совр. – деревня Жабки.

Название поселения связано с гидронимом *Жабка*, который происходит от местного географического термина *жабка* «небольшая ямка, углубление, выбоина». Варианты термина: *жабина* (смб.), *жабье* (волог.) «топкое болото, гиблое место».

Словообразовательная модель: (ойконим) *Жабки* ← (гидроним) *Жабка* ← (местный географический термин) *жабка*.

Историко-культурная информация. В районе деревни в конце XIX в. и в 70-х гг. XX в. проводились археологические раз-

ведки и раскопки, в ходе которых были найдены памятники эпохи неолита и раннего железного века (РЖВ). Бронзовые находки РЖВ связываются предположительно с племенем мешеры.

Согласно переписи населения 2010 года, в деревне проживает 38 человек.

Ближние топонимы: *Жабка*, река (Рязанская область); *Жабы* / *Жабье*, деревня (Смоленская область); *Жабинка* / *Жабьина*, река (Смоленская область); *Жабинка*, город (Белоруссия); *Жабье*, посёлок (Украина).

Литература по топониму

Гордова Ю. Ю. Топонимия Рязжской Засечной черты // Рязанский этнографический вестник. Рязань: Областной научно-методический центр народного творчества, 2006. С. 57-58.

Словарь географических названий СССР. М.: Недра, 1983. С. 81.

Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер. М.: Наука, 1976. С. 179, 320.

Жостово – деревня в Мытищевском районе Московской области, расположена рядом с Клязминским водохранилищем. Предполагают, что название имеет антропонимическое происхождение и связано с фамилией (или прозвищем) *Жест* (*Жост*). Антропоним известен в русском именослове с XV в., приводится в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского. Прозвище может восходить к *жестыль*, *жостыль* «красная смородина» [7. С. 111].

Наименование жителей: жостовцы, жостовец

Производные: жостовская роспись, жостовский поднос; Жостовская аномалия.

Историко-культурная информация. Жостово – один из центров народного художественного промысла: здесь расписывают металлические подносы, сама роспись получила название жостовской.

Литература по топониму

Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-

пресс, 2002. С. 111.

Марчук – рязанское село, известное с XVII в., образовалось в результате переселения драгунских казаков из Захупотской слободы городка Рязского (совр. г. Рязжск Рязанской области) на урочище Сторожевое. Топоним упоминается в труде богослова И. Добролюбова «Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской Епархии» XIX века [3. С. 314].

Поселение получило свое название по хутору или выселку, на месте которого образовалось. В основе топонима лежит антропоним – фамилия или прозвище украинского типа *Марчук* (ср. *Мирук*, *Бондарук*, *Бондарчук*). Топоним имеет форму *pluraliatantum*, которая традиционна для названий Украины и Белоруссии: *Молчаны* (от *Молчан*), *Ковшары* (от *Ковшар*), *Мохначи* (от *Мохнач*) и др. [4. С. 63]. В рязанской топонимии названия, построенные по такой модели, единичны.

Второе село *Марчуки*, известное в том же районе, скорее всего, образовалось в результате перемещения части населения из старого с. Марчуки на новые земли с дублированием названия населенного пункта. Современное разграничение топонимов – *Марчуки I* и *2* (варианты записи: *1-е* и *2-е*, *I* и *II*).

Словообразовательная модель: *Марчуки* ← форма *pluralia tantum* от антропонима *Марчук*.

Наименование жителей: марчукóвцы, марчукóвец.

Производные: Марчукóвский, -ая, -ое.

Ближний топоним: Марчуги, село (Тульская область).

Литература по топониму

Гордова Ю. Ю. Топонимия Рязжской Засечной черты // Рязанский этнографический вестник. Рязань: Областной научно-методический центр народного творчества, 2006. С. 92, 102.

Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской Епархии: в 4 т. Аутентичное из-

дание. Т. II. Рязань: Изд-во РГПУ, 1996. С. 314.

Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск: Высшая школа, 1968. С. 63.

Нижний Ландех – село в Ивановской области. Название поселения связано с гидронимом *Ландех*. Гидроним имеет субстратное происхождение, его этимология точно не установлена. По мнению А. И. Попова, формант *-ех* является вариантом финно-угорского (древнепермского) *юг* «река», в гидронимах этот элемент называл реку определенной величины или озеро. В научно-популярной литературе гид-

роним объясняется как «низменная заболоченная местность». В целом, название остаётся загадочным и требует дальнейшего исследования.

Производные: ландехский, -ая, -ое.

Близкие топонимы. По форманту (финальной части): *Ландех, Тюлех, Таех, Варех, Люлих, Сезух, Тетрух, Саях.*

Литература по топониму

Гордова Ю.Ю. Топонимический атлас Рязанской области. М.: Наука, 2015. С. 42.

Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002. С. 182-13.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В IV тт. – Т. I. – М.: Русский язык, 1989.

3. Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской Епархии: в 4 т. Аутентичное издание. – Т. II. – Рязань: Изд-во РГПУ, 1996.

4. Жучкевич В. А. Общая топонимика. – Минск: Высшая школа, 1968.

5. Малицкий П. И. Приходы и церкви Тульской Епархии. Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. – 2-е изд., испр. и доп. – Тула: Пересвет, 2010.

6. Писцовые книги Рязанского края XVI в. / Под ред. В. Н. Сторожева. Подготовка 2 изд. А. И. Цепкова. – Т. I. Вып. 1. – Рязань: Русское слово, 1996.

7. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. – М.: Армада-Пресс. 2002.

8. Топонимический словарь Рязанской области / Под ред. А. А. Никольского. – Рязань: ГУП РО «Рязоблтипография», 2004.

УДК 8; 821.161.1
ББК 83.3
Филология

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НАТУРФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ В ЛИТЕРАТУРЕ

Кандидат педагогических наук Л. В. Рыжкова-Гришина

Появление натурфилософских идей в литературе и, прежде всего, в поэзии, уходит в глубокую древность – к зачаткам мифологического мышления, фольклорным формам, первым космогоническим представлениям, философским опытам ученых естественников, астрологов и алхимиков. В разные периоды своей истории человек задавался сложными вопросами, связанными с природным миром, тайной жизни. Он то впадал в мистицизм, то следовал путём материализма; в одно время он начинал ценить прагматизм и логику, в другое – переживал мировоззренческий кризис. Философия и литература (особенно поэзия) наиболее ярко отразили эти неоднозначные натурфилософские поиски.

В статье предпринят краткий обзор развития натурфилософской линии в литературе, начиная с древнерусского периода вплоть до XX века и сегодняшнего дня, который характеризуется очередным кризисом идей и попыткой осознать новый аспект отношений человека и природы

Ключевые слова

Натурфилософия, мифологическое мышление, Древняя Русь, древнерусская литература, русская поэзия, Симеон Полоцкий, М. В. Ломоносов, поэзия Любомудров, Ф. И. Тютчев, А. С. Грибоедов, мировоззренческий кризис начала XX века, разнообразие философских исканий, Н. К. Рерих, «Агни-Йога», активное освоение природы, экологическая проблематика

Истоки натурфилософии обнаруживаются в мифологии и фольклоре разных народов, но прослеживая натурфилософскую линию в литературе, мы с успехом можем говорить о литературе Древней Руси, ярко отразившей интерес к осмыслению природных явлений и «тайн» мироздания в целом.

Ранее в статьях «Натурфилософия древнерусской литературы» [5] и «Начало натурфилософии: происхождение,

связь с другими формами познания» [6] нами было отмечено, что в числе произведений, имеющих натурфилософскую направленность, следует назвать следующие «Сказание об Индийском царстве», «Слово о рахманах», «Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи», «Громник», «Травник», «Физиолог», «Толковая Палея», «Лунник», «О земном устройении», «Назиратель», «Землемерие», «Птичник», «Слово о полку Игореве» и

многие другие. Одни из этих литературных памятников имеют ярко выраженный естественнонаучный характер, другие большое внимание уделяют природе и изображению пейзажа с точки зрения его соответствия душевному состоянию человека. Психологический параллелизм между состоянием человека и природы имеет таким образом глубокие корни, отражающие древнейшую традицию их единства и неразрывной близости, сопереживания и сочувствования.

Постепенно знания о мире накапливались, требовали систематизации и классификации, из натурфилософии выделились различные научные дисциплины, но литература по-прежнему проявляла к ней интерес, поскольку пылливый ум искал ответы на вечные вопросы, на первый взгляд кажущиеся простыми. Можно сказать, что человек по своей природе натурфилософ, потому что ему изначально присуще творческое, преобразующее начало.

Дальнейшее развитие натурфилософской линии в литературе мы находим в сочинениях поэта и астролога *Симеона Полоцкого*, жившего в XVII веке. Тематика его стихов («День и ночь», «4 стихии и их действие», «4 части дня», «Закон природы», «Картина человеческой жизни», «5 чувств суть следующие», «4 преобладающих темперамента», «Знаки семи планет и характер их воздействия» и др.) разнообразна и на удивление многогранна – здесь отражена любовь к родине, нашли место научные размышления, а также рассуждения о природе и человеке, планетах и космосе в целом.

Большой вклад в развитие натурфилософских и естественнонаучных проблем внес XVIII век, ярким представителем которого в России был *М. В. Ломоносов*, оставивший не только собственно естественнонаучные труды («Слово о пользе химии», «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», «Элементы математической химии» и др.), но и литературные сочинения («Слово о

пользе стекла», «Утреннее размышление о божием величестве»). С одной стороны, ученый размышлял о сути материи и различных ее свойствах (например, о движении), занимался физическими и химическими исследованиями, но с другой стороны, как поэт и человек он признавал власть и силу Творца Вселенной.

Мощное развитие натурфилософской линии в поэзии можно наблюдать в творчестве *поэтов-любомудров* (Д. В. Вeneвитинов, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев), которые, как известно, находились под значительным влиянием идей Ф. Шеллинга. Однако, как утверждает А. В. Шапурина, «При всей увлеченности пантеистической натурфилософией Шеллинга, любомудры сохранили самостоятельность в вопросе о сущности природы» [9]. Исследованию философии любомудров посвящена ставшая уже классической монография Е. А. Маймина «Русская философская поэзия», в которой ученый подробно анализирует влияние философии Ф. Шеллинга на творчество этих поэтов, останавливает внимание на лирике Д. В. Вeneвитинова, который пытался постичь тайны природы со всей страстью своей творческой натуры, тщательно изучал древнегреческих авторов, писал статьи о натурфилософии. Так, например, в статье «Анаксагор. Беседа Платона» в уста Платона он вкладывает мысль о том, что *философия есть высшая поэзия*, а самого человека (вслед за Сократом) он называет «малым миром», то есть тем самым микрокосмом, заключающим в себе все природные тайны, подобные космическим.

В статье «О математической философии» Д. В. Вeneвитинов еще более ясно выразил свое отношение к натурфилософским вопросам. Он рассуждает здесь о математике, видя ее «наукой наук» и «законом мира». Он считал, что математика является необходимым условием для развития всех наук, подобно тому, как «пространство время и числа – для всех явлений мира» [2, с. 204].

Дмитрий Веневитинов ясно видел то, что называют противоречивостью в природе, он был уверен в том, что «Царем природы может назваться тот, кто покорил природу; и следственно, чтоб познать свою силу, человек принужден испытать ее в противоречиях – отсюда раскол между мыслью и чувством» [2, с. 210]. Здесь же поэт-философ утверждал, что «всякий человек рожден счастливым, но чтобы познать свое счастье, душа его осуждена к борению с противоречиями мира» [2, с. 209].

В том же XIX веке натурфилософские идеи развивались в творчестве *А. С. Пушкина*, *М. Ю. Лермонтова*, *Ф. И. Тютчева*, *А. А. Фета*. Философия природы *А. С. Пушкина* – это философия «неслыханной простоты», возведенной в ранг совершенства и наивысшей добродетели. *Е. А. Маймин* полагал, что «Природа Пушкина самоценна, она живет собственной и особенной жизнью. В отношении Пушкина к природе нет преднамеренности и заданности» [3, с. 111]. Вместе с тем его поэзия словно открывает красоту в самых простых явлениях и незамысловатых картинах природы, и в этом состоит сила ее воздействия.

Иной представляется натурфилософия *Ф. И. Тютчева*, его стихи содержат философскую глубину и более всего это свойственно пейзажной лирике. Природа *Ф. И. Тютчева* имеет явно выраженный пантеистический характер («Летний вечер», «Осенний вечер»). Подобное отношение к природе, похожее на доверительный разговор с нею, порождало ее очеловечивание, что всецело укладывается в рамки русской поэтической традиции.

Картины природы в это время приобрели не только черты реалистического изображения, но и критическую оценку. *С. А. Фомичев*, анализируя семантику русского пейзажа в произведениях *А. С. Грибоедова*, отмечал: «В самом зимнем пейзаже России, повторяющемся в произведениях Грибоедова с удивительным по-

стоянством, сохраняется след просветительского представления о климате как о факторе, в зависимости от которого складывается судьба нации» [7, с. 305].

По мнению же ученого *В. В. Бурдина*, XIX век связан не только с развитием реалистической традиции, но и с возрождением мифологического мышления, когда вновь появился интерес к устному народному творчеству и когда «Начали вовлекаться в широкий круг чтения собрания русских фольклорных текстов» [1].

Конец XIX – начало XX вв. характеризуется общим кризисом идей как результатом изменившегося общественно-политического строя, слома традиционного уклада жизни, революционных событий 1917 года. В это время всеобщего хаоса, когда одни ценности сменялись другими, на глазах у всех менялись местами герои и злодеи, люди утрачивали смысл жизни, не видели перспектив, теряли надежду на утверждение гармонии, и появлялись настроения отчаяния, в их отношении к природе тоже рождались крайности – ее либо обожествляли, либо декларировали полное ее неприятие и уход от нее. Мировоззренческий кризис стал причиной того, что натурфилософские искания эпохи сосредоточились в этот период в области богоискательства, одни поэты видели в идее Бога (Бога-природы) защиту от «творящегося хаоса» и «прихода тьмы», а другие уходили в урбанистический мир, часто сотканный из неприветливых сюрреалистических красок (*В. Я. Брюсов*, *Н. С. Гумилев*, *О. Э. Мандельштам*, *В. Ф. Ходасевич*, *В. И. Нарбут*). Вместе с тем, в начале XX века появляется увлечение русской народной, дохристианской культурой (*К. Д. Бальмонт*, *С. М. Городецкий*, *А. А. Кондратьев* и др.), возможно, это была другая крайность как попытка найти выход из сложившейся ситуации. Таким образом, поэзия Серебряного века стала своеобразным смысловым узлом эпохи, сосредоточившим в себе все сложные духовные искания.

Кроме того, отношение к природе, как ни странно, отражало и отношение к революционным событиям того времени и связанными с ними общественными переменами. Велимир Хлебников не случайно писал: «Это Разина мятеж, / Долетев до неба Невского, / Увлекает и чертеж / И пространство Лобачевского», таким образом видя в научных открытиях Н. И. Лобачевского символ нового революционного времени. Как известно, Н. И. Лобачевский предположил, что явленный мир может быть совсем не таким, каким кажется, и что параллельные прямые в силу искажения пространства могут пересекаться в необозримых пространствах Вселенной. Безусловно, подобные смелые научные изыскания были расценены научным сообществом как революционные, и поэт вслед за многими не без основания полагал, что эти изыскания, связанные с созданием неевклидовой геометрии, по-настоящему новы, прогрессивны и революционны.

Русская натурфилософская поэзия отразила мировоззренческий кризис, возникший в России после революционных потрясений 1917 года и связанной с ним резкой сменой духовно-нравственной и религиозной парадигмы. Возможно, *именно натурфилософия с широтой и масштабностью ее тематики явилась своего рода психологической защитой, своеобразным замещением прежней системы ценностей и поиском смысла жизни и дающей перспективы во время слома эпох.*

XX век характеризуется большим разнообразием философских и натурфилософских исканий. Обратившись к религиозно-философскому труду «Агни-Йога», создателями которого являются Н. К. Рёрих и Е. И. Рёрих, обнаруживаем здесь те же натурфилософские поиски. Но сами литераторы отрицали свое авторство, ссылаясь на то, что они восприняли этот труд как «надиктованный» им высшими силами. Обратим внимание, что первая книга из четырех была опубли-

кована в России в 1920 году, когда после революционных октябрьских событий прошло всего три года, в стране бушевала гражданская война, происходили колоссальные социальные изменения, смена идейно-эстетической парадигмы и т.д. Одинаковая значимость большого и малого, тождество макро- и микрокосма отражены здесь ярко и образно: «Космос отражается в зрачке каждого глаза» [4, с. 46]. Та же мысль выражена и в другой интерпретации: «Рука Создателя не только в поражающих явлениях, но и в движении былинки» [4, с. 57]. Агни-Йога указывала *причину причин* всего происходящего в мире, и этой причиной, по мнению авторов, является Бог.

Привлекательность «Агни-Йоги» состоит не только в неожиданных и часто парадоксальных суждениях, особого рода афористичности, но в поэтичности и образности высказываний: «Не прибой, не отлив, но золотое течение Космоса влечет ладью» [4, с. 57].

Однако следует сказать, что, объединяя эзотерику Востока и оккультизм Запада, «Агни-Йога» до сих пор вызывает споры среди ученых. Разногласия отражают мнения двух полярных сторон: признание «Агни-Йоги» новым научным этико-философским учением и отрицание ее как не соответствующей современной научной картине мира. Как бы то ни было, натурфилософская составляющая этого труда заставляет обратить на него внимание. Суть натурфилософии «Агни-Йоги» – в приближении к природе, понимании ее законов, попытке даже не постижения ее тайн, а хотя бы возможности услышать их: «В лесу ищите моих указаний, / В горах слушайте мой зов, / В журчании ручья внимайте моему шептанию. / Да разве это человеческое шептание? / Нет, это рокот океана, или же это раскаты грома в вершинах» [4, с. 72]. Мы можем констатировать, что с появлением «Агни-Йоги» натурфилософская литературная мозаика приобрела новые краски и оттенки.

Дальнейшее развитие натурфилософской линии в русской поэзии было связано, скорее, не столько с проникновением в философскую глубину и «тайны мироздания», сколько с отражением материалистического взгляда на природу и было нацелено на освоение ее богатств, ведь это были уже тридцатые годы, прошедшие под знаком только что закончившейся индустриализации и начинающейся коллективизации. Природа в это время рассматривалась с точки зрения ее пользы для человека, что отразилось и в поэзии, а сам человек при этом вступал как «покоритель Вселенной» и т. д. Но, несмотря на веяния эпохи, человек по-прежнему задавал себе «вечные» вопросы о смысле и сути жизни и природы. В работе «Теория космических эр» А. Л. Чижевский вкладывает в уста К. Э. Циолковского следующие слова: «... зачем все это – зачем существует материя, растения, животные, человек и его мозг – тоже материя, – требующий ответа на вопрос: зачем все это? Зачем существует мир, Вселенная: Космос? Зачем?» [8]. Эти темы затем нашли яркое отражение в лирике *Н. А. Заболоцкого*, все творчество которого, кажется, сосредоточено на поисках ответов на самые животрепещущие вопросы бытия.

Великая Отечественная война на время оттеснила натурфилософскую лирику, сделав ее менее актуальной, тема природы в это время целиком и полностью отражала патриотические настроения соотечественников, природа традиционно была на стороне человека, разделяя с ним тяготы и страдания, связанные с войной и бедствиями народа.

Послевоенные годы принесли в лирику природы новые мотивы – наряду с горечью утрат зазвучали ноты торжества жизни, радости любви, обретения смысла жизни ради ее продолжения и обновления. Одновременно с этим зазвучала тема более активного освоения природных богатств, использования ресурсов ради восстановления народного хозяй-

ства, блага и процветания человека, но вместе с тем вновь слышались тревожные ноты о необходимости покорения природы. Появившиеся перекосы в реальной жизни нашли немедленное отражение в поэзии.

Вторая половина XX века породила новый взгляд на природу, диктующий необходимость ее защиты от неразумного вмешательства человека, неумеренного использования ее богатств, возникновения острой экологической проблематики (Л. Н. Мартынов, Ю. В. Друнина А. Д. Дементьев). Это нашло отражение в творчестве многих поэтов, даже у тех, кто никогда не работал в этом направлении.

Обращение к натурфилософской тематике поэтов в конце XX – начале XXI вв. можно объяснить новым нравственно-идеологическим кризисом, сменой политических режимов, породившими непонимание ситуации и растерянность человека, обострившие его страхи, неуверенность перед лицом новой действительности, стремление сохранить прежние ценности и нежелание принимать новые (Н. И. Тряпкин). Кроме того, обострившиеся экологические проблемы усилили опасения человека перед лицом всемирной катастрофы, глобального природного катаклизма (А. А. Вознесенский).

Интерес к натурфилософской тематике, на наш взгляд, неистребим и вечен, поскольку в человеке изначально присутствует творческое начало, он по своей природе натурфилософ, он смотрит на мир и самого себя испытующе и пристрастно, тем более это касается поэтического взгляда. При этом современный человек ищет ответы на те же вопросы, которые задавал себе и человек в глубокой древности, изменились лишь его знания, их количество и качество, в этом мы убеждаемся, глубже ознакомившись с произведениями как самыми ранними, там и созданными в начале XXI века, содержащими в себе натурфилософский компонент.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бурдин В. В. Мифологическое начало в поэзии К.Д. Бальмонта 1890 - 1900 годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1998.
2. Веневитинов Д. В. «С глаголом неба на земле». Стихотворения. Поэмы и драмы в стихах. Проза. Статьи. Письма. Современники о Д. В. Веневитинове. / Сост. Р. В. Андреева, Л. Ф. Попова. Науч. ред., вступ. статья, коммент. д. ф. л. Б. Т. Удодова. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2003. – 352 с.
3. Маймин Е. А. Русская философская поэзия. Поэты-любомудры, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев. – М.: Наука, 1976. – 192 с.
4. Рерих Н. К, Рерих Е. И. Агни-Йога. – Том 1. Зов. Озарение. Община. Агни-Йога. 1924-29. – М.: Сфера, 1999. – 608 с.
5. Рыжкова-Гришина Л. В. Натурфилософия древнерусской литературы // Российский научный журнал. – 2015. – № 2(45). – С. 276 - 280.
6. Рыжкова-Гришина Л. В. Начало натурфилософии: происхождение, связь с другими формами познания // Российский научный журнал. – 2015. – № 5(48). – С. 223-228.
7. Фомичев С. А. Семантика русского пейзажа в произведениях Грибоедова // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. – М.: Наука, 1976. – 460 с. – [С. 302-307].
8. Чижевский А. Л. Теория космических эр. [Электронный ресурс]. – URL: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_93.htm (дата обращения: 12.12.2013).
9. Шапурина А. В. Лирика природы Ф. И. Тютчева: философско-поэтические созерцания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2002.

УДК 8; 821.161.1
ББК 81.053.2
Филология

АРХАИЧНАЯ ЛЕКСИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Кандидат педагогических наук Л. В. Рыжкова-Гришина
Е. Н. Гришина

Русский язык хранит в своей памяти множество слов, ныне почти забытых современниками. Словари архаизмов и малоупотребительных слов хранят эти слова, тем самым возвращая их в нашу речь и давая им новую жизнь, благодаря чему они могут присутствовать в активном словаре, однако их использование на сегодняшний день является недостаточным и не столь частотным, как они того заслуживают. Динамичный век с его требованиями креативно мыслить, быстро действовать, оперативно принимать решения как будто не способствует тому, чтобы наши современники использовали в своей повседневной речи устаревшие слова, не только придающие ей колорит старины, но и словно замедляющие её, придающие ей редкую ныне плавность и напевность. К тому же на современном этапе наблюдается другая тенденция – стремление к сжатости, лаконичности, сокращенности речи, что немедленно отразилось в словаре. Учитывая эту тенденцию, нежелательную и не являющуюся для русского языка благоприятной, нашей задачей является сохранение слов, вышедших из широкого употребления, поскольку они представляют собой важную часть словарного языка в целом

Ключевые слова

Русский язык, устаревшие слова, архаизмы лексические, архаизмы семантические, архаизмы лексико-фонетические, архаизмы лексико-словообразовательные, историзмы

На сегодняшний день существует немного словарей, фиксирующих редкие, устаревшие, малоупотребительные слова (или элементы), хотя в последнее время ситуация стала меняться в лучшую сторону. Тем не менее мы имеем гораздо больше словарей новой, иноязычной лексики, чем устаревших слов, между тем время идет, язык развивается, и то, что ещё сегодня было в употреблении, завтра становится архаизмом.

Так, например, произошло с аббревиа-

турой ЭВМ (электронно-вычислительная машина), её вытеснило слово компьютер. Всем понятно, что *компьютер* – это ЭВМ, но сегодня, скорее всего, так уже никто не скажет.

Подобную лексику хранит художественная литература – и как общеупотребительную речь своего времени, и как средство выразительности, используемую писателями в стилистических целях. Так, например, памятна фраза из старинной песни, которая упоминается в произведении А. П. Че-

хова «Дуэль»: «Отроцы семинарстии у кабака стояху...» [9, с. 232]. Эта песня имеет следующее продолжение: «... взывающе: сивуха, бо, мать преблагословенна! Вниди в нас твое благоутробие...».

Но удивительнее всего тот факт, что слова эти забыты не потому, что это сделано намеренно; их исчезновение произошло, во-первых, по вполне естественным причинам, связанным с развитием языка и изменением жизни общества, во-вторых, по каким-то не до конца понятным причинам, может быть, из-за того лишь, что они на каком-то временном этапе вышли из моды. Известно, что любое время диктует и своеобразную *речевую моду*. В наше время, например, модными и широко употребительными стали слова, вроде: *гламур, менеджер, синопсис, омбудсмен (обдусмен), спичрайтер, хештег* и т. п. Обратим внимание, что почти все эти формы – заимствованные из других языков и для русского человека и всех русскоговорящих они не только неудобопроизносимы, но и режут слух, а также требуют специального пояснения и запоминания, поскольку ни с каким смысловым «гнездом» в нашем сознании они не связываются.

Вместе с тем, внимательно присмотревшись ко многим из этих слов, мы обнаруживаем одну особенность, которая за внешней (инойязычной) оболочкой вдруг открывает древний славянский корень, и эту особенность мы уже можем назвать закономерностью. Получается, что многие древнейшие славянские корни в незапамятные времена перекочевали в другие языки (в те же латинский и греческий), были заимствованы ими, усвоены, оформлены в соответствии со своими законами, на свой лад, а потом вернулись в русский язык в виде новых и якобы иностранных слов. Так произошло, например, со словом *реклама*, которое во всех словарях указано как латинское, а между тем произошло оно от названия древней русской буквы – *рцы*. В этой связи приведем фрагмент из ранее написанной работы:

«Древнерусский корень –*рцы*– проник и в другие языки. Обратим внимание, что корень –*рект*– переводится с латинского как «прямой». Так, слово *речитатив* в словарях указано как итальянское, оно восходит к латинскому «*recitare*» и переводится как «чтение вслух». Но если пойти дальше, вглубь, то оно восходит к нашей древней букве *рцы*.

У всех на слуху модное нынче слово *реклама*, которое с латинского языка переводится, как «кричать». Но те же словари почему-то не указывают, что самого слова *реклама* не было бы на свете, не будь нашей русской буквы *рцы*.

И напоследок расскажем ещё об одном родственном слове – *рекламация*, что с латинского языка переводится как «протест, жалоба». Но мы-то теперь знаем, что в его основе – название нашей русской буквы *рцы*. Поразительно, как богато и плодотворно оказалось старинное русское слово *рцы*, и как оно обогатило человеческую речь» [6, с. 91].

Но в русском языке есть и другие забытые слова, которые вспоминать особенно приятно, потому что когда мы их для себя открываем, мы радуемся неожиданному пониманию их смысла. Подобная история произошла со словом *губерния*, которое, несмотря на то, что сейчас не употребляется, мы все хорошо знаем, поскольку мы используем слово *губернатор* в значении *руководитель области*. А ведь слово *губернатор*, которое во всех словарях отмечено как латинское, в далёком прошлом произошло от славянского слова *кормчий* в значении *рулевой (человек, управляющий кораблем)*, которое, в свою очередь, восходит к слову *корма*, что первоначально значило *рулевое весло*. Позднее кормой стали называть заднюю часть корабля, при этом считается, что подводная часть кормы влияет на управляемость судна.

Так оказалось, что слово *губернатор* имеет славянское происхождение, несмотря на то, что собственно эта форма зву-

чит как заимствованная.

Но архаизмы интересны не только тем, что словно возвращают нас в далёкие эпохи и легко могут объяснить происхождение многих слов, но также и тем, что они часто буквально или образно называют вещи и явления. В своё время нас поразило слово *маестат*, так называется «царский престол», «трон». Конечно, есть такое понятие как *народная этимология*, это неверная просторечная этимология, основанная на словесном сходстве, лексической ассоциации каких-то слов. Хрестоматийный пример: *гульвар* как место для *прогулок*, *гуляния* вместо *бульвар*. Именно его приводит Д. Н. Шмелёв, отмечая, что подобное «обычно связано со стремлением осмыслить новое, не вполне понятное слово путем его сближения с какими-то другими («привычными») словами...» [10, с. 228].

Но в данном случае народная этимология здесь ни при чём, и в слове *маестат* мы явственно слышим либо славянское слово *местность*, либо слово также славянского происхождения *маета*, которое в древности звучало как мая, что означало «мучение, страдание (как физическое, так и моральное), занятие тяжёлым, изнурительным трудом». Некоторые исследователи склонны помещать слово *маестат* в словари иностранных слов, трактуя его как французское. При этом они отмечают, что во французский язык оно пришло из польского; слово *маетность* – *mojetnosc* и *mies* означает *иметь, владеть*; дескать, в старину так назывались личные владения.

Но при этом происхождение слова *место* (обитаемое пространство) не вызывает у лингвистов никакого сомнения, словари фиксируют его как древнерусское «мѣсто», которое восходит к праславянскому *место*. Ему родственны такие слова, как *мещанин* – *обыватель*; *помещик* – *землевладелец*, *поместье* – *земельное владение, имение*.

Как бы то ни было, слово *маестат* (в любом случае) имеет славянские истоки.

И всё же, как нам думается, оно совсем не случайно приобрело такое странное звучание, в котором слышится *маета*. Тяжёлое, видно, дело – царствовать на троне (*маестате*), одна *маета* на этом *месте* (позволим себе такую шутку).

Что такое устаревшие слова русского языка

Устаревшие слова или *архаизмы* – слова определённой эпохи, вышедшие из употребления. Различают архаизмы *лексические, семантические, лексико-фонетические, лексико-словообразовательные*.

Лексические архаизмы – это устаревшие слова, имеющие в современном русском языке соответствия. Например: *выя* – шея, *длань* – рука, *зеницы* – зрачки, *ланиты* – щёки, *сей* – этот.

Я бледные вижу ланиты

И поступь лебяжью ловлю [1, с. 174].

Слова, сохранившиеся в современном русском языке, но употребляемые в другом, устаревшем значении – *семантические* архаизмы. Приведём примеры подобных слов: казалось бы, вполне современное слово *живот*, имеющее значение – часть тела, в которой расположены органы пищеварения, но устаревшее значение этого слова – жизнь. Другие примеры: *суций* – существующий, *присутствие* – государственное учреждение.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой.

И назовёт меня всяк *суций* в ней язык... [4, с. 424].

Среди архаизмов есть и такие слова, которые сохранили старое значение, но изменили звуковое оформление, это *лексико-фонетические архаизмы*. Например: *на востоце* – на востоке, *гистория* – история, *глава* – голова, *зерцало* – зеркало, *номер* – номер, *пиит* – поэт, *руцы* – руки, *нешетный* – несчетный.

Так у русского поэта XVIII века В. П. Петрова читаем:

«И поражают взор очей. / Низвед зеницы, Феб дивится, / Что в зеркалах *нешетных* зрится, / И умножает свет лучей» [5,

с. 363].

Приведём редкий пример лексико-фонетического архаизма из оды Сергея Алексеевича Тучкова «Человеческая жизнь», когда вместо формы *полей* (родительный падеж множественного числа) употреблена другая интересная форма – *поль*:

Пастушки гонят с *поль* овец;
Из рощей птички улетают,
Струи кристальны замерзают –
Се нашей жизни образец [8].

Лексико-словообразовательные архаизмы – это слова, которые тоже сохранили своё значение, но приобрели новое словообразовательное строение. Например: устаревшее слово *ответствовать* приобрело современный облик – *отвечать*; устаревшее слово *бедство* – современное слово *бедствие*; устаревшая форма слова – *нервический*, современная – *нервный* и т. д. Например, у И. С. Тургенева встречается: «Экой ты, брат, *нервический* человек! Посмотри-ка на себя... Побелел, как глина» [7, с. 234].

Другой пример – строки из произведения Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский»: В то время, летами и *бедством* изнурён, Дни кончил Гостомысл, отрадой озарён, Что мог отечества восстановить спокойство... [2].

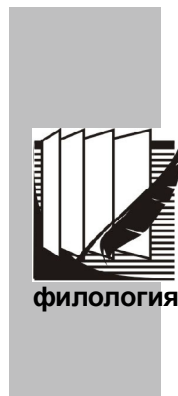
В русском языке существуют ещё и архаизмы *фразеологические*, это устаревшие устойчивые сочетания слов, идиомы, поговорки. Например: *как пить дать*, *ничтоже сумняшеся*, *собаку съест*, *труса праздновать*, *шутка сказать* и т. д.

И днём-то *трус* празднуют,
Паром у них худой [3, с. 496].

Таким образом, архаизмы не только интересны тем, что сохраняют язык в его древнем виде, возвращают нас в далёкие эпохи, могут объяснить происхождение многих слов, емко и образно характеризуют вещи и явления. Наша задача – их изучать, собирать, хранить и использовать, как в языке художественной литературы, так и в своей непосредственной речи, поскольку они – важнейший пласт русской лексики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Блок А. А. Поэзия. Драммы. Проза / Сост., вступит. ст. и примеч. А. Туркова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 800 с.
2. Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/k/knjazhnin_j_b/text_0030.shtml (дата обращения: 15.09.2014).
3. Некрасов Н. А. Стихотворения и поэмы / Предисл. М. Бойко, примеч. А. Гаркави. – М.: Худож. литература, 1980. – 559 с.
4. Пушкин А. С. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. – Т. 3. Кн. 1. Стихотворения 1826 - 1836. Сказки. – М.: Воскресенье, 1995. – 635 с.
5. Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов частью в полном составе, частью в извлечениях, с важнейшими критико-биографическими статьями, библиографическими примечаниями и портретами / Под редакцией С. А. Венгерова. – С.-Петербург: Типография И. А. Ефрона, 1893. – 610 с.
6. Рыжкова-Гришина Л. В. Букварь для взрослых и детей. История русской азбуки. – СПб: Виктория плюс, 2015. – 176 с.
7. Тургенев И. С. Собрание сочинений: Повести и рассказы (1874 - 1883) / Коммент. В. Дузь-Крытченко. – М.: Мир книги, Литература, 2008. – 256 с.
8. Тучков С. А. Стихотворения. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/t/tuchkow_s_a/text_0020.shtml (дата обращения: 21.10.2014).
9. Чехов А. П. Избранное. В трех томах. – Том 2. Рассказы. Повести. – М.: АО «Векта», 1994. – 608 с.
10. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит-ра». – Изд. 2-е, перераб. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

УДК 8; 821.161.1
ББК 81.053.2
Филология

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА В ОТКРЫТОЙ СИСТЕМЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Кандидат педагогических наук Л. В. Рыжкова-Гришина
Е. Н. Гришина

Русский язык, представляющий собой открытую, живую и подвижную систему, находится в непрерывном развитии. Отражая реалии современности, он откликается на все то новое, что появляется в мире, но вместе с тем в определенный момент ряд слов начинает пополнять архаичную лексику, поскольку с уходом из повседневного употребления предметов и явлений устаревают и их обозначения. Так буквально на глазах появляется устаревающая лексика, и процесс этот неизбежен и естественен

Ключевые слова

Русский язык, открытая система русской лексики, устаревшие и устаревающие слова, функции устаревших слов, историзмы, исторические реалии

Наряду с уже устаревшими словами в русском языке есть и такие, которые выходят из употребления, становятся несовременными буквально на наших глазах, это *устаревающие слова*. Словари, ещё вчера фиксируя эти слова как общеупотребительные, сегодня вынуждены помещать рядом с ними пометку «устар.».

Например: слово *пионер* ещё совсем недавно, а именно – в советские годы употреблялось в значении «член всесоюзной детской коммунистической организации», а теперь подросли поколения, которым это нужно объяснять. Та же история со словами *октябренок* – учащийся семи-девяти лет; *комсомол* – коммунистический союз молодежи, комсомолец – член комсомола в СССР; аббревиатурами: *СССР* – Союз Советских Социалистических Республик, *ЦК КПСС* – Центральный Коми-

тет Коммунистической Партии Советского Союза и т. д. Ушли из жизни явления – ушли и их обозначения.

Эти слова называют *историзмами*, так как они отражают историческое развитие общества. Согласно словарю Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, историзмы – «слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением тех реалий, которые они обозначали» [2].

Можно вспомнить такие слова: *боярин, купец, опричник, ямщик, кичка, понёва* и многие другие. Все они отражали исторические реалии своего времени и для нас теперь являются приметами минувшей эпохи, её языковыми атрибутами, ведь именно язык способен сохранить в себе древние корни, исконные формы слов. И в этом смысле историзмы очень важны для нас, так как не только помогают воссоздать колорит времени, но и про-

следить развитие языка в динамике. Принято считать, что историзмы, в отличие от других архаизмов, не имеют синонимов. Так, например, мы не можем подбирать синонимы к словам: большевик, нэпман и др.

И вместе с тем, как уже было сказано, мы можем наблюдать процесс устаревания некоторых слов. Это говорит о том, что *лексика русского языка – это открытая система, которая находится в постоянном движении*. Д. Н. Шмелев отмечал: «Состав лексики русского языка непрерывно менялся на протяжении веков: отдельные слова забывались вследствие исчезновения обозначаемых ими реалий, другие меняли свои значения, наконец, некоторые слова дошли до нашего времени как обозначения тех же предметов и явлений, обозначениями которых они выступали уже в древнейших памятниках письменности» [5, с. 234].

Несомненно, этот процесс будет продолжаться всегда, и мы станем свидетелями ещё не одного слова, которое на наших глазах выйдет из употребления, так как это связано с меняющейся реальностью.

Функции устаревших слов

Конечно, можно сказать: если слова устарели, значит, они не нужны, но это далеко не так. Во-первых, если слова устаревают, это вовсе не значит, что они действительно больше никогда и никому не пригодятся, и что они в русский язык не вернутся, по крайней мере, не пополнят активный словарь. Иногда бывает так, что какое-то, казалось бы, забытое или редко употребляемое слово вдруг возвращается в обиходную речь и даже становится модным. Так произошло, например, со словом *ипотека*.

Надо отметить, что это слово (греческого происхождения) известно уже очень давно и зафиксировано словарями. Это «ссуда, выдаваемая в капиталистических странах под залог недвижимости; залог, служащий обеспечением этой ссуды, не передаётся кредитору, а остаётся в руках

должника» [4]. Такое толкование слова мы взяли из словаря иностранных слов под редакцией проф. И. В. Лёхина и проф. Ф. Н. Петрова 1955 года издания.

Правда, для российской действительности в советскую эпоху ипотека как вид ссуды была явлением нехарактерным и неактуальным, и потому это слово не было, что называется, на слуху. Но изменилась реальность, и слово, почти нам неизвестное, вернулось в язык.

То же самое произошло со словом *ваучер*, возникло явление – появилась и необходимость его обозначить, и слово тут же переключалось из зарубежья на русскую почву. Самое удивительное, что это слово в нашем сознании теперь прочно ассоциируется с вполне определённым историческим периодом, и видимо, так будет и впредь, пока живы его участники и свидетели. Но возможно, со временем оно войдёт в разряд устаревших слов.

Рассмотрим теперь *функции устаревших слов*.

Устаревшие слова используются в художественной, исторической литературе, в публицистике, а также повседневной речи:

- для создания колорита ушедшей эпохи;
- для более точной передачи смысла;
- для речевой характеристики персонажа;
- как средство художественной выразительности;
- в поэзии, публицистических произведениях, ораторской речи – для придания речи оттенка взволнованности или торжественности;
- с целью возвращения подобной лексики в активный словарь;
- для придания комического эффекта.

Так сейчас распространена шутка, которую мы использовали в качестве эпиграфа к новому, готовящемуся в настоящее время «Словарю редких слов и архаизмов»: «Иностранный студент по ошибке купил вместо англо-русского разговорни-

ка словарь архаизмов и надясь претерпел от татей и супостатов хулу и поругание...», авторство которой установить трудно.

Слова, которые употребляются сегодня, имеют разнообразную, порой причудливую историю происхождения, и появились они в русском языке в самые разные эпохи – как в глубокой древности, так и в новейшей истории. Несмотря на это они одинаково важны для нас и имеют равные права на существование. Более того, именно архаизмы приближают нас к минувшим эпохам и могут рассказать о них то, что нам не поведаёт никакой другой источник.

Устаревшая лексика – это огромный пласт русских слов, словосочетаний и синтаксических конструкций, обозначающих самые различные понятия, в том числе:

а) *мифологические, сказочные, легендарные персонажи*: алконост, Баба Яга, баюнок, берегиня, Богумир, Боян, Бус Беляр, василиск, вий, Дед Мороз, Див, Дый, домовой, древеница, дрёма, Жива, Желя, Змей Горыныч, Карна, Кощей Бессмертный (Кашей), Лада, Лель, Марена;

б) *мифологические понятия и географические названия*: амрита (амбра), сурья, Гиперборея, Русколань, Яик;

в) *слова, указывающие на положение в обществе*: барин, боярин (болярин), вельможа, граф, князь, лакей, холоп, челядь;

г) *слова с указанием рода занятий*: бахарь, баян (боян), барышник, бортник, вои, витязь, воевода, губернатор, делатель, древодел, обер-лакей, ратай, ратник;

д) *название домашней утвари, посуды, предметов быта, одежды*: братина, ендова, кичка, понёва.

Устаревшая лексика – это огромный пласт слов, который необходимо сохранить и по возможности – вернуть в нашу повседневную речь на законных основа-

ниях. Безусловно, мы не будем говорить в суе будней, что «мы глаголем», но мы употребим старинное выражение «устаи младенца глаголет истина».

«Устаревшие слова становятся тем самым связующим звеном или волшебным мостиком, соединяющим нас с прошлым. И если мы встретим в какой-нибудь книге такие слова, как *ендова* или *братина*, мы прикоснёмся к древним названиям предметов ушедшего быта, ведь это – старинные названия некоторых видов *посуды*. Если прочитаем слово *светец*, мы поймем, что речь идет о *подставке для лучины*. И тогда фантазия унесёт нас в минувшие времена, когда во всех светёлках и горенках горели такие тоненькие лучины» [3]. А может быть, вспомним, что поэтическая мысль давно запечатлела это слово в строках замечательного русского поэта С. И. Стромиллова: «Догорай, моя лучина – / Догорю с тобой и я!» [1, с. 97]. Строки эти хорошо известны всем, поскольку стали любимой всеми песней, которая иногда воспринимается как народная, хотя автор слов у нее вполне конкретный.

Таким образом, устаревшая лексика представляет собой весьма важный пласт русского языка.

Есть одно удивительное качество у архаизмов, при всем при том, что они называются архаизмами, при ближайшем их рассмотрении они оказываются нам *понятными почти с первого прочтения*, так как генетическая память угадывает и узнает в них родные корни.

Умение пользоваться устаревшей лексикой – это не только свидетельство высокой речевой культуры, но и возвращение в родную речь исконных и всем понятных слов, почти не требующих пояснения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Времена года. Родная природа в поэзии. – 2-е изд. / Сост. Вад. Кузнецов. Послесл. Ю. Селезнева. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 256 с.

2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терми-

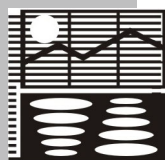
нов. Пособие для учителей. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

3. Рыжкова-Гришина Л. В., Гришина Е. Н. Художественные средства. Изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи: Словарь. – М.: ФЛИНТА, 2015. – 337 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.litres.ru/e-n-grishina/lubov-ryzhkova-grishina/hudozhestvennye-sredstva-izobrazitelno-vyrazitelnye-sredstva-yazyka-i-stilisticheskie-figury-rechi/>

4. Словарь иностранных слов / Под ред. проф. И. В. Лёхина и проф. Ф. Н. Петрова. – Изд. 5-е, стереотип. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 856 с.

5. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1977. – 335 с. – [С. 234].

УДК 339.92
ББК 65.268.4-653
Экономика

экономика

АЗИАТСКИЙ БАНК ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ (АБИИ) – НОВЫЙ ИНСТИТУТ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Доктор исторических наук В. Ф. Ершов

В статье анализируется роль Азиатского Банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в трансформации глобальной финансовой архитектуры. АБИИ рассматривается как новый инструмент внешней политики Китая в сфере перераспределения в свою пользу геополитического финансово-экономического баланса. Участие России в АБИИ имеет существенное значение в контексте процессов экономической интеграции стран БРИКС и расширения двустороннего сотрудничества России и КНР, что было подтверждено в ходе встреч на высшем уровне и в рамках экспертных сообществ государств-участников БРИКС.

Ключевые слова

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, мировые финансы, международные банки, банки Китая, российско-китайское сотрудничество, БРИКС

Актуальность темы исследования определена тем обстоятельством, что в настоящее время Российская Федерация и Китайская Народная Республика последовательно расширяют сотрудничество в сфере торговли, промышленности, науки, банковского взаимодействия и во многих других интеллектуальных и высокотехнологичных сферах; наши страны координируют свои усилия в решении вопросов региональной повестки дня (в рамках Шанхайской организации сотрудничества – ШОС) при определении стратегии на глобальном финансово-экономическом рынке (в контексте системы договоренностей группы государств БРИКС).

Президент России В. В. Путин в «Послании Председателю КНР Си Цзиньпи-

ну с Поздравлением по случаю 65-летней годовщины образования Китайской Народной Республики» отметил, что российско-китайские отношения вышли на беспрецедентно высокий уровень всеобъемлющего сотрудничества и стратегического взаимодействия. «Высоко ценю доверие и взаимопонимание, установившиеся между нами, – сказал В. В. Путин. – Уверен, что совместными усилиями мы обеспечим дальнейшее наращивание всего комплекса взаимовыгодных связей между Россией и КНР. Это в полной мере отвечает интересам наших дружественных народов, способствует укреплению стабильности и безопасности в мире» [3].

Политическая партия «Единая Россия» в своей деятельности уделяет большое внимание развитию экономического со-

трудничества на евразийском пространстве с государствами БРИКС, в том числе с КНР, которая является стратегическим партнером Российской Федерации. Представители партии «Единая Россия» приняли участие в работе XXII Заседания Постоянного Комитета (ПК) Международной конференции азиатских политических партий (МКАПП), состоявшегося в июне 2014 года во Владивостоке.

Создание Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) показывает возможность перераспределения геополитического баланса финансово-экономических сил в мире в сторону большего влияния КНР. Китай также был разочарован низкими темпами реформ и наличием ряда других административных и правовых проблем в таких крупных международных финансовых организациях как МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития (АБР), считая, что они в своей деятельности руководствуются в первую очередь интересами США, Японии и Евросоюза и неадекватно отражают сложившуюся новую мировую финансовую архитектуру.

Международный Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (Asia Infrastructure Investment Bank) был создан в октябре 2014 года; его основным учредителем выступает КНР, которая поставила своей целью расширение финансового влияния в мире и интеграцию валютно-финансовой системы Китая в глобальное финансово-экономическое пространство. В Азиатский банк инфраструктурных инвестиций вошли также еще 20 стран Азии: Бангладеш, Бруней, Индия, Камбоджа, Казахстан, Лаос, Кувейт, Монголия, Малайзия, Непал, Мьянма, Пакистан, Оман, Филиппины, Катар, Шри-Ланка, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, Узбекистан. Позднее о своем желании присоединиться к банку заявила Индонезия.

Создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций способно серьезно пошатнуть доминирующую позицию

мировых финансовых институтов в регионе. В феврале 2014 года Азиатский банк развития (АБР) поддержал инициативу КНР по созданию регионального банка инфраструктурных инвестиций [7]. Свыше 10 стран Азиатско-Тихоокеанского региона подписали «Меморандум о взаимопонимании» по вопросу создания в Азии нового крупного финансового центра – АБИИ [9].

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, идею которого впервые предложил глава КНР Си Цзиньпин в октябре 2014 года, является важнейшим финансовым институтом китайской банковской системы и ключевым инструментом в стремлении Китая усилить свое финансово-экономическое влияние в Азиатском регионе. В настоящее время завершается процесс институционализации АБИИ, формируется его нормативно-правовая база, определена стратегическая концепция развития [10].

Большие финансово-экономические перспективы АБИИ были отмечены в специальном докладе ООН, подготовленном финансовыми экспертами США и Евросоюза и содержавшем прогноз быстрого масштабного роста объема внешних инвестиций, исходящих из Китая, который должен уже в этом году превзойти объем входящих инвестиций в КНР. Уставной капитал АБИИ составляет 100 млрд. долларов, что вполне сравнимо с капиталом другого азиатского финансового гиганта – Азиатского банка развития, который находится в объеме 165 млрд. долларов. (Япония располагает 15, 7 % акций АБР, США – 15 %, Китай – 5,5 %) [2].

Россия приняла решение вступить в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, что является очередным значимым шагом на пути финансово-экономической интеграции государств группы БРИКС. Участие Российской Федерации в реализации долгосрочных инвестиционных проектов АБИИ позволит существенно увеличить ее финансовое влияние в

Азиатско-Тихоокеанском регионе, привлечь значительные денежные средства на отечественный внутренний рынок, укрепить банковское деловое партнерство с Китайской Народной Республикой. Вице-премьер РФ Игорь Шувалов на Азиатском экономическом Форуме, проходившем в китайской провинции Хайнань в марте 2015 года, заявил о вступлении России в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и ее устойчивом намерении всемерно развивать торгово-экономическое и межбанковское взаимодействие с КНР, углублять научно-технологическое сотрудничество: «Хотел бы проинформировать о принятом решении Президентом России Владимиром Путиным об участии в капитале Банка инфраструктурных инвестиций» [5].

АБИИ на поле международного финансового бизнеса становится соперником Всемирного банка, центральный офис которого находится в Вашингтоне. США заняли негативную позицию в отношении АБИИ, призвав западные страны воздержаться от членства в нем. Тем не менее, ряд западных стран планируют вступить в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, среди них: Франция, Италия и Германия. Первой западной страной, которая подала заявку на членство в АБИИ, стала Великобритания. МИД Китая приветствует такую позицию Великобритании, в то же время официальный Вашингтон заявил, что Лондон «постоянно подстраивается под Китай». Решение ряда европейских стран, экономических и военно-политических союзников США, о вступлении в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций стало значительной потерей для североамериканской финансовой системы, которая приобретает серьезного конкурента на глобальном банковском инвестиционном рынке.

Создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) обозначило вопрос обострения соперничества США и КНР относительно того, кто бу-

дет устанавливать «экономические правила и правила торговли» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. О своем намерении вступить в АБИИ заявила Австралия, ключевой союзник США в АТР, которая ранее под влиянием Вашингтона отказывалась от участия в работе банка. Агентство Синьхуа сообщило, что Швейцария, Республика Корея и Люксембург также рассматривают возможность вступления в банк.

В конкурентной борьбе за влияние на глобальном финансовом рынке США стремятся оказывать экономическое воздействие, повышая стандарты кредитования. В то же время возможности военно-политического давления на АБИИ у США весьма ограничены в Азиатском регионе, который Китай считает сферой своих интересов и не допускает агрессивного вмешательства по примеру Юго-Восточной Европы, Северной Африки или Ближнего Востока. АБИИ в своем стремлении стать лидером в Азиатско-Тихоокеанском регионе вынужден будет вступить также в конкуренцию с таким крупным кредитором, занимающим серьезные позиции в азиатском финансово-экономическом пространстве, как Азиатский банк развития. Сильным конкурентным преимуществом АБИИ является большой объем финансовых средств, которым он обладает уже с момента своего создания.

Вашингтон рассматривает АБИИ как серьезного конкурента своим финансовым институтам и как мощное средство влияния Китая в АТР, инструмент проведения Пекином политики «мягкой силы» в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который в соответствии с новой стратегической доктриной Пентагона является для США в настоящее время приоритетным в финансово-экономическом и военно-политическом отношении.

Основной конкурент АБИИ в регионе – Азиатский банк развития, по собственным данным в конце 2012 года обладал общей величиной капитализации в 65

млрд. долларов, при акционерном капитале в 163 млрд. долларов. Тем не менее, в настоящее время деятельность Азиатского банка развития, крупного регионального финансового института, обеспечивает лишь около 3 % общих инфраструктурных потребностей стран Азиатско-Тихоокеанского региона [1], что создает большие финансово-экономические перспективы для расширения инвестиционной деятельности АБИИ, способного занять свободную нишу.

В настоящее время от вступления в АБИИ воздерживается Япония, которая является главным конкурентом Китая на азиатском финансовом рынке. К тому же Япония вложила большие финансовые активы в Азиатский банк развития, который реально является средством распространения ее экономического влияния в АТР (Штаб-квартира Азиатского банка развития находится в Маниле; согласно уставу, его обязательно возглавляет финансист из Японии). В то же время Азиатский банк развития уже установил отношения делового сотрудничества с АБИИ, поскольку, как отметил директор АБР Такехико Накао, японские финансовые институты не могут игнорировать появление такого крупного нового финансового учреждения в Азии. Президент Всемирного банка Ким Чжим Ен дал положительную оценку факту создания КНР новой крупной финансовой структуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Привлечение в качестве акционеров не только правительств государств АТР, но и коммерческих структур, обладающих значительными средствами, позволит многократно увеличить уставной капитал АБИИ, обеспечив его самостоятельность на финансово-промышленном рынке региона. Для большинства стран Восточной Азии характерно проведение политики накопления значительных финансовых резервов и высокая норма сбережений, что обеспечивает высокий уровень предложения денежных средств, которые мо-

гут быть направлены на реализацию долгосрочных инвестиционных проектов в коммерчески выгодных вариантах.

Многие крупные финансово-экономические центры силы, как европейские страны, так и государства Азиатско-Тихоокеанского региона проявляют большую экономическую заинтересованность в создании такого многостороннего кредитора, каким является Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, поскольку создаваемая КНР новая финансовая структура станет значительным фактором влияния на глобальном финансовом рынке. Инвестиционная политика АБИИ будет состоять в долгосрочном кредитовании строительства дорожной системы, в финансировании телекоммуникационной инфраструктуры и в поддержке общего комплекса креативных инфраструктурных реформ в бедных регионах Азии. Новая финансовая структура, находящаяся под контролем КНР, призвана содействовать реализации долгосрочных приоритетных инфраструктурных проектов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, способствуя сокращению в перспективе разрыва уровня экономико-технологического развития государств региона, и таким образом содействуя расширению и углублению интеграционных процессов в АТР [11].

Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в сентябре 2015 года в Университете в Астане, огласил Концепцию Экономической зоны Великого Шелкового пути (ЭЗВШП) и Морского Шелкового пути для XXI века (МШП – 2), предложив «объединить усилия и на основе инновационных методов взаимодействия создать Экономическую зону Великого Шелкового пути, сделать поддерживаемые между евроазиатскими странами экономические связи более тесными» [8, с. 169]. На начальном этапе своей деятельности АБИИ намерен сфокусироваться на создании варианта нового Шелкового пути – комплекса перспективных торговых маршрутов в Европу, что позволит

КНР значительно укрепить свои позиции на европейском торговом рынке, снизить себестоимость товаров и, соответственно, повысить их конкурентоспособность. АБИИ также намерен финансировать новый стратегический транспортный проект – строительство прямого железнодорожного сообщения между Китаем и Багдадом, который содержит и элемент политической составляющей. В рамках развития коммуникационных линий между Россией и Китаем предполагается строительство высокоскоростной железной дороги из Пекина в Москву (стоимость проекта – 1,5 триллиона юаней), путешествие по которой будет занимать всего два дня, а не пять дней, как в настоящее время.

В соответствии с оценками экспертов Азиатского банка развития ежегодная суммарная потребность стран Азиатско-Тихоокеанского региона на развитие инфраструктуры составляет 800 млрд. долларов, эксперты ОЭСР называют еще большую сумму – 50 трл. долларов в течение ближайшего десятилетия [1]. АБИИ предполагает предоставлять по 10 млрд. долларов в год на реализацию инвестиционных проектов в АТР, что создаст дополнительные возможности для финансово-экономического развития стран региона, а также и для европейских участников банка. Среди важных операционных задач АБИИ – обеспечить высокие стандарты управления капиталом и предоставить социальные гарантии, соответствующие международным качественным характеристикам банковской деятельности. Чтобы завоевать место на современном рынке инвестиций, выдержав конкурентную борьбу с АБР и Валютным фондом, АБИИ должен гарантировать перспективный и исключительно коммерческий подход к принятию решений о вложении средств, а также обеспечить высокий уровень квалификации своих сотрудников, высшего менеджмента банка, финансовых экспертов и др. В случае обеспечения данных условий, АБИИ сможет инвестировать не

только в долгосрочные проекты в наименее развитых странах с целью повышения их уровня экономического развития, но и в наиболее коммерчески выгодные кратко- и среднесрочные инвестиционные проекты.

Альтернативой амбициозному проекту АБИИ могло бы стать создание целевого инфраструктурного Фонда в рамках АБР, с возможностью привлечения в качестве акционеров правительств и бизнес-структур стран АТР, но в этом случае был бы утрачен главный смысл АБИИ и правительственной экономической политики КНР – выход на глобальный финансовый рынок в качестве самостоятельного игрока, равноценного по силе МВФ и другим североамериканским и европейским банкам, валютно-финансовым ТНК.

В настоящее время успешно расширяется российско-китайское межбанковское сотрудничество. Россия и Китай проводят модернизационные управленческие реформы, направленные на интеграцию в мировое финансово-экономическое пространство. Сегодня именно расширение межбанковского взаимодействия между российскими и китайскими финансовыми институтами может стать одним из факторов экономического и технологического развития России в 21 веке и позволит укрепить ее позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе [6, с. 322].

Современный этап деловых отношений между Российской Федерацией и Китаем характеризуется последовательным расширением торгово-экономического сотрудничества, быстрым ростом объема взаимных инвестиций, принятием к реализации масштабных промышленных и энергетических проектов (газопроводы «Сила Сибири» и «Сила Сибири – 2») и усилением взаимодействия в банковской сфере, в том числе в формате группы БРИКС. Банковские системы России и КНР устанавливают все более тесные контакты в сфере финансового институционального строительства, создают инфра-

структуру на рынках инновационного банковского сервиса, принимают долговременные инвестиционные программы. В то же время современные банковские секторы России и Китая интенсивно развиваются в режиме глубокой модернизации и максимально расширяют сферу своей деятельности, стремясь интегрироваться в глобальную финансовую систему, став значимыми акторами на мировом рынке банковского сервиса. Данное конструктивное сотрудничество финансовых систем России и КНР является стимулом инновационного развития реального сектора экономики, способствует повышению деловой банковской культуры и внедрению достижений научно-технического прогресса (НИОКР) и др.

В 2011 году в рамках реализации «Проекта стратегического партнерства Российской Федерации и Китайской Народной Республики» был создан совместный Российско-Китайский инвестиционный Фонд (РКИФ) в целях организации финансовой и научно-исследовательской поддержки сотрудничества двух стран в области реализации долгосрочных совместных инвестиционных программ в технологической и инфраструктурной сферах.

В 2012 году в Пекине руководством России и Китая был подписан «Меморандум о создании управляющей компании Российско-Китайского инвестиционного Фонда и основных принципах его деятельности», что в значительной степени интенсифицировало дальнейший процесс инвестиционного и межбанковского сотрудничества. Согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» отечественная финансово-экономическая система должна совершить значительный качественный и количественный рывок, обеспечив финансовыми ресурсами перспективное инвестиционное развитие промышленности и бизнеса, поддержать социальную сферу, осуществить материальное обеспечение

фундаментальной науки и, таким образом, стать действенным инструментом расширения финансово-экономического влияния России в геополитическом измерении. При этом особое значение приобретают структуры российской банковской системы, действующие в Китае и способствующие интеграции российского бизнеса и промышленности на огромный рынок Азиатско-Тихоокеанского региона.

Свои представительства в Пекине открыли ряд российских банков и финансовых организаций, в том числе ВТБ, ООО «Восточный Мост», МДМ-банк и др. В декабре 2012 года Центральный банк РФ и Государственный банк развития Китая подписали «Соглашение о сотрудничестве», в соответствии с которым предполагается выделить 2 млрд. долларов на финансирование совместных договорных инвестиционных проектов. В программе расширения финансово-экономического партнерства принимают участие ведущие финансовые институты КНР – Банк Китая, Строительный банк Китая, Торгово-Промышленный банк Китая, Банк коммуникаций и др. Таким образом, современные китайские финансовые институты стремятся интегрироваться на российский финансовый рынок, считая его перспективным для долгосрочного инновационного экономического сотрудничества. В то же время китайские финансово-экономические партнеры проявляют большую заинтересованность в привлечении на свой финансовый рынок российского банковского инвестиционного капитала, который, по их мнению, способен сыграть существенную роль в обеспечении денежными ресурсами процесса дальнейшей модернизации промышленности, науки и банковского сектора КНР.

Создание АБИИ находится в контексте реорганизации китайской внешнеэкономической политики «Вихря» и «Взаимосвязанности», целью которой является превращение Азиатско-Тихоокеанского региона в сферу устойчивого финансово-

экономического влияния КНР. Соответственно, при этом будет происходить последовательное снижение роли западных финансовых институтов в АТР, формирование в данном регионе самостоятельной банковской инфраструктуры под эгидой китайского АБИИ. Процесс финансовой институционализации в Азиатском регионе и возникновение там новых крупных банковских центров находится в контексте общего процесса образования многополярного мира в XXI веке. Возникновение АБИИ как нового влиятельного финансового института, деятельность которого распространяется в том числе и на часть евразийского пространства, имеет для России большое положительное значение: инвестирование КНР программ научно-технического развития, реального сектора экономики РФ, финансовой сферы, дорожно-транспортной системы станет значимым фактором модернизационного развития, а также поможет преодолеть негативное влияние западных экономических санкций. Межбанковское сотрудничество России и КНР, имеет также большие перспективы и в плане формирования рынка труда, для укрепления курса национальных валют, для расширения гуманитарного и интеллектуального сотрудничества. Деятельность АБИИ способствует дальнейшему успешному формированию общей финансовой системы стран группы БРИКС, повышает их финансовую независимость на глобальном экономическом рынке.

В современных условиях группировка БРИКС стала финансово-экономическим и политическим объединением нового типа: в условиях глобализации, происходит последовательное укрепление координации действий между рядом ее региональных и субрегиональных объектов, что способствует повышению их роли в международном экономическом пространстве, формируя многоуровневую систему управления мировой экономикой и глобальной финансовой системой [4, с. 35].

Вопросы дальнейшего развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества получили конструктивное обсуждение в ходе работы VII Саммита Содружества стран БРИКС, который прошел в Уфе 8-9 июля 2015 года. В частности, был подписан «Меморандум о намерениях по сотрудничеству с Новым Банком развития», приняты Уфимская Декларация и План действий с масштабными задачами по работе БРИКС на долгосрочную перспективу; при этом одним из важнейших направлений сотрудничества является интенсификация делового взаимодействия банковских систем России и Китая, утверждение широкого комплекса инвестиционных проектов. На заседаниях Делового совета БРИКС обсуждались итоги недавно прошедшего в Санкт-Петербурге Международного экономического Форума, в том числе темы межбанковского взаимодействия, расширения инвестиций в институциональную структуру финансовой системы БРИКС.

Важным итогом VII Саммита БРИКС стало создание в рамках сообщества собственной структуры финансовых организаций – Нового Банка развития, который сосредоточится на финансировании крупномасштабных совместных проектов в энергетике и транспортной инфраструктуре, в области индустриального развития, будет тесно взаимодействовать с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, ведущими национальными банками государств БРИКС. В рамках финансовой системы государств БРИКС создан Пул условных валютных резервов, что повышает уровень устойчивости национальных валют стран-членов БРИКС, снижает возможность внешних негативных влияний (санкций) на финансовые институты Содружества. На Саммите была подписана Уфимская Декларация, в соответствии с которой страны БРИКС берут курс на переход в рамках Содружества на торговлю в национальных валютах.

Подводя итоги VII Саммита БРИКС,

Президент России В. В. Путин отметил: «Мы подробно обсудили весь спектр вопросов сотрудничества в рамках нашего Объединения, утвердили Уфимскую декларацию и План действий с масштабными задачами по работе БРИКС на следующий год и на долгосрочную перспективу. Лидеры наших государств условились и далее осуществлять в рамках БРИКС тесную координацию по вопросам внешней политики. Наши страны продолжают взаимодействие в ООН, в ее региональных и отраслевых структурах и других крупных многосторонних организациях и форумах».

В настоящее время в России специалистами разрабатывается перечень долгосрочных конкретных проектов, «Дорожная карта» инвестиционного сотрудничества с финансовыми институтами стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, деятельность которого на банковском рынке должна способствовать укреплению национальных валют государств БРИКС, расширению системы финансовых взаиморасчетов, и в стратегической перспективе – формированию экономической основы многополярного мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арапова Е. А. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций: альтернативы создания // Портал МГИМО. – <http://www.mgimo.ru/news/experts/document249016.phtml>
2. Китай создаст конкурента Всемирного банка и Азиатского банка развития. – <http://ekd.me/2014/06/asian-infrastructure-investment-bank/>
3. НТВ.Ru – <http://www.ntv.ru/novost/1225877#x223WelbTo4w>
4. Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII Саммиту БРИКС / Под ред. В. А. Садовниченко, Ю. В. Яковлева, А. А. Акаева. – М., 2014.
5. Россия присоединится к китайскому аналогу МВФ // lenta.ru, 17.08.2015. – <http://lenta.ru/news/2015/03/28/aiib/>
6. Рудько-Силиванов В. В., Зубрилова Н. В. Масштабное сотрудничество России и Китая в условиях глобализации мировой экономики. – М., 2012.
7. Страны Азии создали альтернативу Всемирному банку // РИА Новости. 25.10. 2014.
8. Тавровский Ю. В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. – М., 2015.
9. «China, 20 other countries initiate new Asian bank» // Mail Onlain. – 2014. – 24 October.
10. China leaves door open for Australian turn around on Asia bank // The Australian Review. – 2014. – 24 October
11. The Guardian view on the Asian Infrastructure Bank: the US should work with it, not oppose it // The Guardian. – 2014. – 27 October.

УДК 343.102
ББК 67.410.201
Право

О НЕКОТОРЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Кандидат юридических наук Л. М. Бабкин
Кандидат юридических наук Н. Н. Лыткин
Доктор медицинских наук С. В. Булатецкий
Кандидат юридических наук Л. В. Пинчук

В статье рассматриваются некоторые вопросы полномочий прокурора в досудебном производстве с учетом произошедших за последнее время изменений его процессуального статуса в уголовном процессе.

Ключевые слова

Правоохранительные органы, досудебное производство, уголовное преследование, прокурор, функции, полномочия, принципы.

Проводимые в нашем государстве реформы правоохранительных органов, да и самой правовой системы в целом актуализируют исследование и изучение проблемных и наиболее интересных институтов уголовно-процессуального права [1]. Одним из предметов, который, бесспорно, заслуживает достаточно тщательного изучения и исследования является институт уголовного преследования, а в частности динамично изменяющийся в его рамках процессуальный статус одного из основных участников уголовного судопроизводства – прокурора, его роль, задачи, функции и особенно важно – полномочия.

Федеральными законами от 05.06.2007 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и от 06.06.2007 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ» изменено процес-

суальное положение прокурора в уголовном процессе, и в первую очередь соотношение его статуса, полномочий и функций с положением органов предварительного следствия и дознания. Подобные нововведения стали основанием для рождения различного рода дискуссионных вопросов и противоречий: есть ли у прокурора возможность непосредственно участвовать при расследовании по уголовным делам; закреплены ли за прокурорами какие-либо командные полномочия относительно органов предварительного расследования; остался ли у прокурора надзор за следствием; может ли прокурор давать обязательные для исполнения указания органам предварительного расследования; какое отношение теперь имеет прокурор к возбуждению уголовного дела и какие полномочия у него остались в этой связи и т. д.

Можно выделить основные изменения,

в какой-то мере ослабляющие процессуальный статус прокурора: следственный аппарат органов прокуратуры выделен в самостоятельное ведомство; в связи с вышеупомянутым изменением надзорные полномочия в их большей части переданы руководителю следственного органа; прокурор утрачивает руководящую роль в уголовном преследовании; его полномочия по непосредственному осуществлению уголовного преследования заметно сокращаются (в частности прокурор лишен возможности возбуждать уголовные дела, а также осуществлять расследования в полном объеме либо в части производства отдельных следственных и иных процессуальных действий). Прокурор отныне не руководит предварительным следствием, а лишь осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. В судебных стадиях прокурор продолжает выполнять функцию уголовного преследования путем поддержания государственного обвинения [3].

Проблемы процессуального статуса прокурора, его роли и полномочий, как субъекта уголовного преследования в условиях проводимой реформы правоохранительных органов с каждым годом все более актуализируются, что создает исключительную значимость в рассмотрении этого вопроса, как в общетеоретическом аспекте, так и в практическом понимании.

Современные ученые-процессуалисты характеризуют процессуальное положение прокурора на досудебном этапе уголовного судопроизводства, исходя из следующих оснований:

- необходимостью государства соединения в компетенции прокурора правоохранительной, правозащитной и обвинительной функций, вытекающих из соответствующих выполняемых им задач;

- необходимостью обеспечения на досудебных стадиях уголовного судопроизводства основных принципов уголовного процесса: состязательности (ст. 15 УПК

РФ), презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), разумных сроков уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), законности (ст. 7 УПК РФ), неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ) и др.

Некоторые исследователи предлагают делить полномочия прокурора в досудебном производстве в зависимости от их цели: выявление нарушений закона либо их устранение; другие – в зависимости от функции прокурора: осуществление уголовного преследования или надзора.

Более успешное деление полномочий прокурора, на наш взгляд, в свое время привели Б. В. Коробейников и В. И. Басков (2001), предложившие группировать их в зависимости от: 1) осуществления властно-распорядительных функций; 2) функции надзора за соблюдением законов; 3) полномочий, направленных на его непосредственное участие в уголовном процессе.

Проанализировав нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие процессуальный статус прокурора, в частности нормы УПК РФ, затрагивающие осуществление прокурором полномочий на досудебном уголовном судопроизводстве, можно выделить следующие группы полномочий.

1. Полномочия прокурора связанные с реализацией обвинения:

- а) п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ – полномочия, связанные с вынесением мотивированного постановления о направлении выявленных материалов в органы дознания или следственные органы для решения вопроса об осуществлении уголовного преследования по фактам обнаруженных нарушений закона. Данный аспект деятельности прокурора является основным полномочием по осуществлению уголовного преследования на этапе досудебного производства.

- б) ч. 4 ст. 146 УПК РФ – полномочие, связанное с вынесением мотивированного постановления об отмене постановления должностного лица органа следствия

или дознания о возбуждении уголовного дела.

Рассматриваемое полномочие позволяет прокурору своевременно реагировать на незаконные и необоснованное возбуждение уголовного дела, либо возбуждение уголовного дела без достаточных тому оснований.

в) п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ – полномочие, связанное с вынесением постановления об отмене постановления нижестоящего прокурора в связи с его необоснованностью, а также постановления должностного лица органа дознания в виду его незаконности и необоснованности. Указанное полномочие непосредственно связано с базовыми принципами организации прокуратуры – централизации и единства, основываясь на которых деятельность прокуратуры в РФ строится на системе централизованной вертикали в соответствии с которой правовой статус вышестоящего прокурора является приоритетным по юридической силе к компетенции нижестоящего прокурора или органа прокуратуры. Существуют приказы Генерального прокурора от 06.09.2007 года № 137 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», от 02.06.2011 года № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», от 03.07.2013 года № 262 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме», регламентирующих осуществление надзора за законностью процессуальных решений органов дознания и предварительного следствия.

г) ч. 5 ст. 21 УПК РФ – полномочия связанные с принятием постановления об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым или подозреваемым и его заключении либо с отказом в его удовлетворении. В случае удовлетворения ходатайства и последующем заключении

соглашения о сотрудничестве прокурор указывает в нем смягчающие обстоятельства, которые применяются к лицу в случае выполнения им условий соглашения, а также нормы закона, предусматривающей указанные смягчающие обстоятельства. В случае решения об утверждении обвинительного заключения, прокурор выносит представление об осуществлении особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по рассматриваемому уголовному делу. В соответствии с ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ прокурор обязан указывать в представлении: объем содействия, которое оказывал обвиняемый в соответствии с соглашением, результативность данного содействия, преступление, которое было раскрыто, а также характер и уровень опасности, которой подвергалось лицо при сотрудничестве, опасности для его родственников и близких лиц.

д) полномочия, связанные с утверждением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления по расследуемому уголовному делу, либо с принятием решения о возвращении расследуемого дела следователю и дознавателю для осуществления дополнительного расследования, пересоставления обвинительного акта, обвинительного заключения или обвинительного постановления, изменения объема, предъявленных обвинений либо квалификации преступления, а также устранения выявленных нарушений и недостатков при производстве предварительного расследования по уголовному делу.

Завершая рассмотрение данной группы полномочий нельзя оставить без внимания вопрос об изъятии из компетенции прокурора в целях реализации своей функции уголовного преследования права по возбуждению уголовного дела. Так, Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием дея-

тельности органов предварительного следствия» лишает прокурора права на возбуждение уголовного дела, что породило множество дискуссий и обсуждений в процессуальной науке среди ученых-процессуалистов.

Говоря о лишении прокурора права по возбуждению уголовного дела, необходимо отметить, что законодатель в компенсационном порядке возмещения утраченного вводит в п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ новое полномочие прокурора, связанное с вынесением мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса об осуществлении уголовного преследования по фактам обнаруженных нарушений закона. Данное предписание содержится в ст. 140 УПК РФ и является одним из поводов для возбуждения уголовного дела, тем самым законодатель как бы заменяет рассматриваемые полномочия и вместо одного предоставляет, по его мнению, – равноценное другое, но, как уже было отмечено, указанное обстоятельство породило большое количество споров в доктрине уголовного процесса [2].

2. Организационно-распорядительные полномочия:

а) ч. 4 ст. 21 УПК РФ – полномочия прокурора связанные с вынесением требования, направлением запроса или поручения в организации, предприятия и учреждения в связи с реализацией им функций уголовного преследования. Данные полномочия по своей сути являются обеспечительными и направлены на получение информации либо выполнения указаний прокурора в целях осуществления успешного расследования уголовного дела, что достигается обязанностью упомянутых субъектов неукоснительно выполнять все указания прокурора.

б) п. 10 Приказа Генерального прокурора РФ № 137, п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ – полномочия прокурора, связанные с вынесением письменных указаний дознава-

телю для производства процессуальных действий и направления расследования по делу. Подобные указания прокурор полномочен давать при расследовании каждого дела, находящегося в производстве дознавателя, а также по любому следственному действию, к примеру, о производстве судебных экспертиз, избрании мер пресечения, розыске лиц, совершивших преступления, о направлении уголовного дела в суд.

К рассматриваемой группе руководящих полномочий необходимо также отнести: полномочия, связанные с отстранением дознавателя от производства расследования по делу, разрешением отводов, заявленных дознавателю, с изъятием уголовных дел у органа дознания и передачей их в следствие и некоторые другие полномочия.

3. Надзорные полномочия:

а) п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ – право требования от органов предварительного расследования устранить нарушения законов и нормативно-правовых актов, допущенных ими при производстве следственных и иных действий в процессе расследования уголовного дела. Необходимо отметить, что прокурор обязан указать конкретных должностных лиц, допустивших выявленные нарушения, раскрыть сами нарушения, перечислить правовые предписания, которые они затрагивают и указать негативные последствия их совершения. В завершающей части требования прокурор излагает предложения по устранению нарушений.

б) ч. 7 ст. 37 УПК РФ – полномочия, связанные с рассмотрением и принятием решения по представленной руководителем следственного органа информации следователя о несогласии с указаниями прокурора об устранении выявленных нарушений закона в процессе расследования. При возникновении такой ситуации требование прокурора «замораживается» и не подлежит исполнению, в данном случае прокурор имеет правомочие не

согласиться с предоставленными возражениями и принять новое решение, направив его вышестоящему руководителю следственного органа, при получении возражений вновь, прокурор направляет информацию по спорной ситуации Генеральному прокурору, который принимает окончательное решение.

в) ч. 4 ст. 20 УПК РФ – полномочия, связанные с выражением согласия дознавателю на возбуждение уголовного дела частного или частно-публичного обвинения; ч. 3 ст. 144 УПК РФ – принятие решения по ходатайству дознавателя на продление до 30 суток срока проверки сообщения о преступлении. Первое полномочие вытекает из процессуальной функции прокурора по осуществлению уголовного преследования и заключается в оценке обоснованности решения дознавателя о возбуждении подобного рода уголовных дел, при отсутствии письменного заявления потерпевшего либо его законного представителя; и одновременно надзорной функции, связанной с проверкой исполнения дознавателем предписаний закона. Второе правомочие представляет осуществление им надзорной функции за деятельностью дознавателя, связанной с проверкой своевременности, обоснованности и законности в принятии процессуальных решений по каждому сообщению о преступлении, отнесенному к его компетенции, тем самым это одновременно является правовым средством обеспечения прав, свобод и законных интересов других участников уголовного процесса, вовлеченных в уголовное судопроизводство в связи совершенным преступлением.

г) ч. 2 ст. 10 УПК РФ – полномочия, связанные с немедленным освобождением любого незаконно лишеного свободы либо задержанного, а также помещенного на психиатрическое или медицинское стационарное лечение, либо содержащегося под стражей больше срока, установленного законом. В соответствии с п. 1.4 Приказ Генпрокуратуры РФ от

02.06.2011 № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» прокуроры обязаны пресекать все случаи незаконного и необоснованного применения мер пресечения и процессуального принуждения.

д) п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ – полномочия, связанные с утверждением постановления дознавателя о прекращении производства по уголовному делу. Указанное полномочие имеет одновременно надзорную и организационно-распорядительную процессуальную природу и свидетельствует о непосредственном участии прокурора в определении судьбы уголовного дела, что осуществляется в порядке реализации им функции уголовного преследования. К рассматриваемой группе полномочий прокурора относятся и такие полномочия как: проверка исполнения законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, а также участие в заседаниях суда при разрешении на досудебном этапе вопросов в порядке ст.ст. 29, 125 и 165 УПК РФ.

Среди полномочий прокурора можно выделить и такие которые нельзя отнести к какой-либо из выше упомянутых групп, поэтому условно назовем эту группу полномочий как «иные полномочия прокурора на досудебном этапе»:

а) п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ – направление вышестоящему прокурору уголовного дела для утверждения обвинительного заключения, в случае если оно подсудно вышестоящему суду;

б) полномочие по отмене меры пресечения в случае, предусмотренном ч. 2 ст. 221 УПК РФ;

в) п. 2 ч. 1 ст. 226, п. 2 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ – возвращение уголовного дела дознавателю для пересоставления обвинительного акта или обвинительного постановления;

г) п. 4 ч. 1 ст. 226 УПК РФ – направление уголовного дела, находящегося в производстве дознания, для его последующе-

го производства в органах предварительного следствия;

д) ч. 2 ст. 226, ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ – переквалификация обвинения на менее тяжкое либо изменение его объема;

е) п. 3. ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ – в предусмотренных случаях направление уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке.

Анализируя в совокупности все вышеуказанные полномочия прокурора в ходе досудебного производства по уголовному делу можно сделать вывод, что они в полной мере отражают и подтверждают функции прокурора по осуществлению уголовного преследования, а также надзорную, правозащитную и правовосстановительную функции в уголовном процессе.

Вместе с тем, на наш взгляд, для придания полноценности рассматриваемым функциям и большей свободы действий и самостоятельности прокурору, представляется необходимым вернуть в круг его компетенции полномочие по возбуждению уголовного дела (без права непосредственного участия в производстве предварительного расследования, оставив при этом только осуществление надзора), так как данное обстоятельство позволит оптимизировать участие прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса, что в свою очередь положительно отразится на течении сроков рассмотрения заявлений о преступлении, ибо иногда

органы предварительного следствия по различным причинам необоснованно отказывают в возбуждении уголовного дела, а это вызывает справедливые жалобы, которые среди прочих должностных лиц приходится рассматривать прокурору и принимать по ним соответствующие решения, в том числе об отмене такого постановления (ч. 6 ст. 148 УПК РФ), что в свою очередь позволит избежать коллизий, возникающих при осуществлении прокурорского надзора за органами предварительного расследования, ибо после отмены прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела собранные материалы возвращаются и их вновь рассматривают, как правило, эти же органы и должностные лица, принимавшие первоначально решение и у них уже выработаны определенный настрой и отношение к этим материалам и по возможности они будут придерживаться ранее принятой точки зрения, а у пострадавшего при этом от совершенного в отношении него деяния начинается второй круг «хождения по мукам», которого можно было бы избежать при предоставлении полномочия прокурору возбуждать уголовное дело по материалам так называемой доследственной проверки одновременно с отменой постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного соответствующим должностным лицом предварительного следствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бабкин, Л. М. Международное взаимодействие и сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации по борьбе с деяниями коррупционной направленности / Л. М. Бабкин, С. В. Булатецкий, А. Е. Родин, Г. С. Шкабин // Российский научный журнал. – 2015. – № 3(46). – С. 254-259.

2. Кругликов, А. П. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования / А. П. Кругликов // Законность. – 2012. – № 1. – С. 12-16.

3. Лыткин, Н. Н. Перспективы развития следственных органов в современной России / Н. Н. Лыткин // Досудебное производство в уголовном процессе: проблемы теории и практики: материалы круглого стола: сборник статей. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2013. – С. 21-24.

УДК 343.72
ББК 67.408.121.2+67.408.135
Право

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Кандидат юридических наук Э. Ю. Бадалянц

В статье рассматриваются вопросы, связанные объективными и субъективными признаками мошенничества в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова

Преступление, уголовное законодательство, компьютерная информация, имущество, хищение, мошенничество

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ в УК РФ введены шесть новых статей, уточняющих мошенничество, к которым, в том числе, относится и мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ «Мошенничество в сфере компьютерной информации»). Указанные изменения были вызваны необходимостью дифференцировать меры уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших мошеннические действия в сфере компьютерной информации [1].

Полное и объективное использование ст. 159⁶ УК РФ и отграничение от смежных составов требует подробного анализа состава данного преступления.

Состав преступления, предусмотренный ст. 159⁶ УК РФ, следует отграничивать от смежных составов по предмету, средствам и способам совершения деяния, наступившим общественно опасным последствиям и целям совершения общественно опасного деяния.

Данная норма охватывает общественные отношения в сфере охраны собственности и в сфере компьютерной информации. Она сопряжена с такими понятиями, как «информация», «информационные технологии».

Для статьи 156⁶ УК РФ необходимо определить обязательные признаки мошенничества.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что ст. 159¹-159⁶ УК РФ необходимо рассматривать как специальные разновидности общего состава мошенничества, закрепленного в ст. 159 УК РФ «Мошенничество» [2].

Мошенничество в сфере компьютерной информации имеет свои особенности, обусловленные использованием информационных технологий.

Предметами преступного посягательства по статье 159⁶ УК РФ являются имущество, право на чужое имущество и компьютерная информация.

Следуя логике постановления Пле-

нума Верховного Суда РФ № 51 от 27.12.2007 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» деяния, сопряженные с неправомерным внедрением в чужую информационную систему или с иным неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации кредитных учреждений либо с созданием заведомо вредоносных программ для внесения изменений в существующие программы, использованием или распространением вредоносных программ, следует квалификации по статье 159 УК РФ, а в зависимости от обстоятельств дела, по статьям 272 или 273 УК РФ, если в результате неправомерного доступа к компьютерной информации произошло уничтожение, блокирование, модификация либо копирование информации [3].

Объективная сторона мошенничества (ст. 159 УК РФ) предполагает два способа совершения общественно опасного деяния – обман и злоупотребление доверием. Изучаемая норма – способы обмана и злоупотребления доверием не предусматривает. Объективная сторона статьи 159⁶ УК РФ характеризуется следующими специальными способами совершения: ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации, иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Указанные способы исключают непосредственный контакт субъекта и потерпевшего.

Особенность объективной стороны преступления состоит в том, что лицо совершает хищение чужого имущества путем незаконного вмешательства в функционирование компьютерной информации или информации телекоммуникационных сетей. Лицо воздействует на компьютерную информацию, которая хранится и используется в двух видах информационных систем: компьютерной или телекоммуникационной сети. Таким обра-

зом, воздействие на предмет преступления субъект осуществляет посредством технических и программных средств.

Следует отметить, что речь идет о компьютерной информации, с помощью которой субъект завладевает имуществом или приобретает право на имущество. Следовательно, необходимо выделить дополнительный объект преступления – компьютерную информацию.

Дополнительная квалификация мошенничества в сети Интернет по ст. 272 или 273 УК РФ необходима лишь в тех случаях, когда с целью получения чужого имущества или права на него были совершены preparatory действия в виде неправомерного доступа к компьютерной информации или создания, использования, распространения вредоносных программ, которые повлекли за собой наступление последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования информации, нарушение работы компьютера, и умысел лица был направлен на достижение этих последствий.

По объективной стороне рассматриваемый состав отличается от ст. 274 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей». В данной норме уничтожение, блокирование, модификация либо копирование компьютерной информации является следствием нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

По способу совершения объективная сторона рассматриваемого состава преступления отличается от объективных признаков, предусмотренных ст. ст. 159, 159¹, 159², 159³, 159⁴, 159⁵ УК РФ. Характеризуя способы совершения, законодатель использовал различные формулировки.

Объективная сторона мошенничества в сфере кредитования характеризуется

представлением банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений (ст. 159¹ УК РФ).

Мошеннические действия при получении выплат (пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами), субъект совершает двумя способами: 1. представляет заведомо ложные и (или) недостоверные сведения; 2. умалчивает о фактах, которые влекут прекращение указанных выплат (ст. 159² УК РФ).

Мошенничество с использованием платежных карт характеризуется обманом уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации (ст. 159³ УК РФ).

Изъятие имущества в предпринимательской сфере происходит путем преднамеренного неисполнения договорных обязательств (ст. 159⁴ УК РФ).

Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования наступает, если хищение чужого имущества совершается путем обмана относительно наступления страхового случая или размера страхового возмещения (ст. 159⁵ УК РФ).

Хищение, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу банковской карты, может быть связано с вводом незаконно полученной компьютерной информации, составляющей банковскую тайну. При этом предварительно могут осуществляться действия, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации и ее копированием. Такие действия квалифицируются по ст. 159⁶ УК РФ. Если хищение средств по поддельной банковской карте осуществлено без участия работника банка или торговой организации, суд может признать виновным лицо по совокупности ст. ст. 158, 183, 272 УК РФ.

Не является мошенничеством хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или под-

дельной кредитной (расчетной) карты, если выдача наличных денежных средств осуществляется посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать по соответствующей части ст. 158 УК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 51 от 27.12.2007 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъясняет, что использование *похищенной или поддельной кредитной либо расчетной карты следует квалифицировать как мошенничество только в тех случаях, когда лицо путем обмана или злоупотребления доверием ввело в заблуждение уполномоченного работника кредитной, торговой или сервисной организации* (например, в случаях, когда при использовании банковской карты для оплаты товаров или услуг виновный ставит подпись в чеке на покупку вместо законного владельца карты либо предъявит поддельный паспорт на его имя) [4].

Если хищение совершено путем обмана сотрудника банка, торговой или иной организации, имеет место конкуренция норм (ст. ст. 159³ и 159⁶ УК РФ). При этом деяния, предусмотренные ст. ст. 183, 272 УК РФ, не требуют дополнительной квалификации по данным статьям при привлечении к ответственности по ст. 159⁶ УК РФ, так как эти правонарушения являются способом мошенничества в сфере компьютерной информации.

В настоящее время отсутствует разъяснение со стороны Верховного Суда РФ о том, как именно квалифицировать вышеуказанные действия – по ст. 159³ УК РФ или по ст. 159⁶ УК РФ в случае, если доказана причастность лица к неправомерному доступу и использованию компьютерной информации, составляющей банковскую тайну, посредством поддельной или чужой банковской карты.

Следует отметить, что действия, связанные с получением чужих кредитных

карт работниками магазина при помощи программного обеспечения и соглашения с банком, некоторые суды квалифицируют не как мошенничество с использованием кредитных карт, а как мошенничество в сфере компьютерной информации. Суды в этом случае полагают, что в результате неправомерного использования программного обеспечения работниками магазина происходит *модификация компьютерной информации* относительно реальных данных лица, не имеющего намерения получить кредитную карту (ст. 159⁶ УК РФ).

Следует отметить, что так называемые «интернет-мошенничества» не охватываются признаками ст. 159⁶ УК РФ.

Преступление, предусмотренное статьей 159⁶ УК РФ, относится к категории умышленных и может быть совершено только с прямым умыслом.

Из анализа санкций статей 159 и 159⁶

УК РФ следует, что законодатель рассценивает мошенничество в сфере компьютерной информации как менее опасное преступление и устанавливает за него менее строгие наказания.

Автор разделяет точку зрения М. Г. Чекунова, что мошенничество в сфере компьютерной информации не совпадает по объективной стороне с обычным мошенничеством (ст. 159 УК РФ) и представляет собой самостоятельный способ хищения. Указанное преступление совершается не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного субъекта, а путем тайного получения доступа к компьютерной системе и совершения тайных действий, которые в результате приводят к хищению чужого имущества или приобретению права на чужое имущество. Таким образом, имеют место признаки статьи 158 УК РФ «Кража», то есть тайное хищение чужого имущества [5. С. 31].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.

2. Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.

3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: пост. Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27.12. 2007 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.

4. Там же.

5. Чекунов И. Г. Компьютерная преступность: законодательная и правоприменительная проблемы компьютерного мошенничества // Российский следователь. – 2015. – № 17. – С. 31.

УДК 347.6
ББК 67.404.53
Право

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ПРОЦЕДУР МЕДИАЦИИ В СФЕРЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Кандидат педагогических наук Е. А. Волкова

В данной статье предложено реализовать процедуру медиации в сфере суррогатного материнства.

Ключевые слова

Биомедицинские технологии, медиативное соглашение, процедура медиации, инструменты медиации, принципы медиации, суррогатное материнство, договор суррогатного материнства, суррогатная мать, родители-заказчики

На данный момент происходит множество трансформаций в социально-правовой сфере Российской Федерации. Это соответственно, обуславливает множество пробелов в становлении правовой системы, в тех или иных общественных отношениях. К таким мы можем отнести институты: биомедицинских технологий, суррогатного материнства, медиации, налогового консультирования и так далее. Как и все, что только начинает развиваться имеет недочеты, так как, научный прогресс, воплощение научных разработок, а так же зарубежного опыта, носит, первостепенное значение в развитии правовой системы Российской Федерации [8. С. 125].

Но, как и любое общество, так и законодатель (который призван регулировать общественные правоотношения), воспринимает любое новшество в «штыки». В результате нормативно-правовые акты не работают, не защищают права участников, а что самое худшее порой и права детей

[3. С. 86].

Складывающиеся на деле медиативные процедуры, говорят о том, что способ альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника с трудом трансформируется в нашу процессуальную систему.

Соответственно институт медиации, не может полноправно являться помощником, при досудебном урегулировании споров в медицине, а именно в трансплантации органов и тканей человека, при применении метода вспомогательных репродуктивных технологий (суррогатного материнства), а так же в различных других сферах медицины, так как сам еще не стал твердо «на ноги».

Но это не повод оставить мысли о том, что они могли бы друг друга дополнять и помогать становлению данных правовых институтов.

Мысль о введении медиативных процедур в медицинское право и проблемы взаимосвязи в данной области была выс-

казана С. И. Помазковой [7]. Л. В. Канунникова при финансовой поддержке гранта РГНФ, тоже осуществляла научные исследования в данной отрасли. Л. В. Канунникова приходит к выводу, что медиация является методом защиты прав граждан и позволяет снизить напряженность отношений в сфере медицины, а соответственно и повысить качество медицинской помощи [4].

На данный момент при использовании метода лечения бесплодия, а именно суррогатного материнства заключается договор между суррогатной матерью и родителями заказчиками. Данный договор можно отнести к виду смешанных договоров, договору подряда, договору оказания услуг и так далее. Полемика разных ученых-юристов касательно вида договора суррогатного материнства и его вообще возможного существования не закончится никогда, до тех пор пока законодатель не выработает точного представления о суррогатном материнстве и не закрепит отношение к данному виду вспомогательных репродуктивных технологий на бумаге.

Д. В. Огородов, М. Ю. Челышев в исследовании смешанных договоров, приходят к выводу, что к смешанным договорам относится и договор суррогатного материнства [6]. Тогда как, Косова О. Ю. в своей статье говорит о том, что суррогатный договор по сути своей является ничтожной сделкой [5. С. 49]. Данное мнение в своих трудах поддерживают ряд авторов: Борисова Т. Е., Шепелева О. В., Самойлова В. В. и другие

Вообще, безнравственно в данном случае, кажется заключение договора. Так как исполнение его изначально вызывает сомнения. Пользуясь тем, что исполнение договора на практике невозможно отследить, это в свою очередь является основой для развития мошенничества в данном правовом институте.

Множественные материалы судебной практики показывают, что в случае не вы-

полнения договора суррогатной матерью, либо родителями-заказчиками, суд отказывает в принятии искового заявления.

В таком случае кажется разумным применять в договоре суррогатного материнства «медиативную оговорку» [2]. Медиативная оговорка предполагает, что в случае столкновения интересов сторон договора суррогатного материнства, стороны разрешают конфликт путем проведения медиативной процедуры. При проведении медиации, стороны могут сесть за стол переговоров или прийти к компромиссу.

В Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в ст. 2 сказано о том, что соглашение о проведении медиации может быть произведено и до возникновения споров и в случае их возможного конфликта.

Исходя из практики медиации в области семейного права, как правило к данной процедуре обращаются граждане и в том случае, когда с точки зрения права спора нет или конфликтная ситуация может произойти, но спустя какое – то время.

Проводя аналогию, кажется возможным применять не только медиативные оговорки в договоре суррогатного материнства, но и проводить медиативную процедуру, с целью заключения медиативного соглашения об оказании услуг суррогатного материнства.

Процедура медиации проводится с соблюдения принципов взаимного волеизъявления, добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В этом и есть основная выгода применения данного метода, как гаранта выполнения условий договоренности, так как, данная процедура является добровольной, а в процессе медиации медиатор является

беспристрастной фигурой, согласно принципу беспристрастности и независимости медиатора. В связи с чем с одной, так и с другой стороны не возможны мошеннические действия в сговоре с медиатором.

Во-вторых заключенное медиативное соглашение, по завершении медиативной процедуры соответственно выигрывает договор суррогатного материнства, тем, что в медиативном соглашении соблюдаются интересы двух сторон, а следовательно интересы суррогатной матери и родителей-заказчиков. В случае несоблюдения интересов одной из сторон, данная сторона просто отказывается подписывать медиативное соглашение.

Соответственно, есть риск не выполнения медиативного соглашения, но еще больший риск не выполнения договора суррогатного материнства. Так как заключение договора суррогатного материнства это всего лишь формальность. При заключении медиативного соглашения, меньше шансов столкнутся с мошенниками и лицами, которые не до конца уверены в принятом ими же решении, но при уже подписанном договоре. Медиаторы получают специальное образование и обучены управлять социальными процессами и определять истинные интересы сторон (порой латентные), при помощи специальных медиативных инструментов проведения медиации.

В случае возникновения спора, после рождения ребенка, между суррогатной матерью и родителями-заказчиками на помощь приходит медиативное соглашение. В медиативном соглашении, во-первых прописывается медиативная оговорка о встрече и проведении медиации, в случае возникновения не исполнения соглашения, а во-вторых ряд мероприятий, кото-

рый может содержать по шаговую инструкцию, какие действия предпринять в случае возникновения проблем в выполнении договоренностей (например: обращение суррогатной матери или родителей-заказчиков к семейному или клиническому психологу).

Было бы логичным создавать медиативные кабинеты в медицинских учреждениях, которые реализуют вспомогательные репродуктивные технологии.

На основании выше изложенного и для совершенствования гражданского законодательства, кажется логичным внести изменения в Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в ст. 1 п. 2, с целью закрепления медиативной процедуры в сфере медицинской деятельности.

Так же, необходимо внести изменения в ст. 55, п. 9 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) **по договору или медиативному соглашению**, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями...» [1].

Конечно право выбора заключать договор или использовать медиативное соглашение необходимо оставить участникам метода вспомогательных репродуктивных технологий, но важно знать что при проведении медиативных процедур между суррогатной матерью и родителями-заказчиками устанавливается эмпатия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 13.07.2015, с изм. от 30.09.2015).
2. Федеральный закон от 27 июля 2010г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре

урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

3. Зелик В. А. Наши дети в опасности // Социально-экономический ежегодник – 2013: Сборник научных статей. – Краснодар, 2013. – С. 85-87.

4. Каннунникова Л. В. Медиация как современный инструмент досудебного разрешения споров между медицинскими организациями и пациентами. – [Электронный ресурс]. – www.Consultant.ru

5. Косова О. Ю. Семейный кодекс и некоторые вопросы урегулирования брачно-семейных отношений // Правоведение. – 1996. – №2. – С. 46-53.

6. Огородов Д. В., Челышев М. Ю. К вопросу о видах смешанных договоров в частном праве. – [Электронный ресурс]. – www.Consultant.ru

7. Помазкова С. И. Проблемы применения процедуры медиации при урегулировании и разрешении споров в сфере медицинской деятельности. – [Электронный ресурс]. – www.Consultant.ru

8. Чапурко Т. М. Политико-правовой взгляд на перспективы образованности несовершеннолетних в России и их социально-информационную безопасность // Вестник Алтайской академии экономики и права (Барнаул: Издательство Алтайской академии экономики и права). – 2015. – № 3(41). – С. 123-126.

УДК 343.22

ББК 67.408.33

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ПРИЗНАНИЕ ЛИЦА РАНЕЕ ОТБЫВАВШИМ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ: НОВЕЛЛЫ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ

Кандидат юридических наук М. Л. Греков

В статье исследуется история и современное состояние судебного толкования уголовно-правовой категории «ранее отбывавшее лишение свободы» с учетом новелл, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений». В заключении статьи делаются предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова

Лишение свободы, наказание, колонии, тюрьмы, осужденные, ранее отбывавшие, ранее не отбывавшие, суд, толкование

Признание лица ранее отбывавшим или не отбывавшим лишение свободы имеет чрезвычайно важное значение для правильного определения осужденному виду исправительного учреждения. Несмотря на кажущуюся простоту, установление данного факта может представлять определенные затруднения как в теоретическом, так и практическом плане. Проследим, как проходила трансформация данной правовой категории со времени начала действия УК РФ 1996 г и УИК РФ 1997 г.

Первоначально, т. е. до внесения изменений и дополнений в УК и УИК Федеральным законом от 09.03.2001 г. [1] в ст. 58 УК и ст. 74 УИК, наряду с формулировкой «лицо, ранее не отбывавшее лишение свободы» применялась также «лицо, впервые осужденное к лишению свободы». Причем первая из них использовалась для назначения осужденным таких

видов исправительных учреждений, как колонии-поселения и исправительные колонии общего режима. Вторая же – при назначении колоний строгого режима. Совершенно очевидно, что данные категории существенно отличаются друг от друга. К примеру, лицо могло быть осуждено к лишению свободы не впервые, а второй раз, однако по различным причинам ранее его не отбывать (например, при применении условного осуждения, амнистии, помилования, отсрочки отбывания наказания), и такому лицу суд не мог назначить колонию-поселение. После 9 марта 2001 г. и по настоящее время для назначения вида исправительного учреждения имеет значение лишь факт отбывания лицом ранее лишения свободы.

В соответствии с ранее действовавшим п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.11.2001 г. № 14 «О практике назначения судами видов исправитель-

ных учреждений» [2] «ранее отбывавшим лишение свободы следует считать лицо, которое за совершенное им в прошлом преступление было осуждено к наказанию в виде лишения свободы и отбывало его в исправительной колонии, тюрьме, лечебном исправительном учреждении, лечебно-профилактическом учреждении (статья 74 УИК РФ) либо в следственном изоляторе для производства следственных действий, участия в судебном разбирательстве или в связи с оставлением для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (статьи 77, 77.1 и 77.2 УИК РФ), если судимость за это преступление не была снята или погашена на момент совершения нового преступления».

Заметим, что в перечне видов учреждений, в которых может отбывать наказание осужденный, указанном в п. 9 названного Постановления, отсутствовали воспитательные колонии. Почему Верховный Суд не упомянул про них? Ведь воспитательные колонии согласно ч. 1 ст. 74 УИК РФ являются исправительными учреждениями, в которых исполняется уголовное наказание в виде лишения свободы. Если всецело руководствоваться позицией Верховного Суда, то получалось, что лицо, отбывавшее лишение свободы в воспитательной колонии, считалось ранее не отбывавшим лишение свободы.

В то же время, данный факт не был отражен в п. 10 рассматриваемого Постановления, в котором как раз и говорилось о тех лицах, которые не могут рассматриваться как ранее отбывавшие лишение свободы. Таким образом, с одной стороны, ранее отбывавшие лишение свободы в воспитательной колонии не включались в перечень лиц, считающихся ранее отбывавшими лишение свободы, а с другой стороны, они не включались и в перечень лиц, считавшихся ранее не отбывавшими лишение свободы.

В настоящее время в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и из-

менения судами видов исправительных учреждений» этот вопрос решен однозначно – отбывание лишения свободы в воспитательной колонии влечет за собой признание лица ранее отбывавшим лишение свободы [3].

Проанализировав статью 58 УК РФ, мы находим только один случай, когда для назначения вида исправительного учреждения требуется отбывание осужденным ранее лишения свободы. Это случай назначения колонии строгого режима в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ, в котором сказано: «мужчинам ... при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение свободы, – в исправительных колониях строгого режима».

На основании п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет, не учитываются при признании рецидива. Так как для направления в колонию строгого режима требуется наличие двух условий: 1) рецидив и 2) отбывание ранее лишения свободы, то в случае отбывания ранее лишения свободы в воспитательной колонии будет исключаться первое условие, т. е. рецидив. Таким образом, лицо, отбывавшее лишение свободы в воспитательной колонии, в любом случае не подлежит направлению в колонию строгого режима, т. к. отсутствует рецидив.

Возможно, именно это обстоятельство в своё время явилось причиной исключения воспитательной колонии из перечня учреждений, предусмотренных в п. 9 рассматриваемого Постановления Пленума Верховного Суда. В пользу данного предположения косвенно свидетельствует п. 8 указанного Постановления: «...В случае осуждения к лишению свободы за тяжкое преступление лица мужского пола, ранее отбывавшего лишение свободы, но действия которого не содержали рецидива или опасного рецидива преступлений (например, если лишение свободы отбывалось за преступление, совершенное по

неосторожности или в несовершеннолетнем возрасте), вид исправительного учреждения назначается ему в соответствии с пунктом «б» части первой статьи 58 УК РФ, так как обязательным условием назначения исправительной колонии строгого режима является совершение преступления при рецидиве или опасном рецидиве преступлений». Похожая трактовка присутствует и в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9: «В случае осуждения к лишению свободы за умышленные преступления небольшой и (или) средней тяжести либо за тяжкое преступление лица мужского пола, ранее отбывавшего лишение свободы, при отсутствии рецидива преступлений (например, если лишение свободы отбывалось за преступление, совершенное по неосторожности или в несовершеннолетнем возрасте) отбывание наказания назначается в исправительной колонии общего режима».

В этих пунктах Верховный Суд фактически восполнил имеющийся и по сей день в ст. 58 УК РФ пробел, ведь п. «б» ч. 1 ст. 58 УК говорит, что колония общего режима назначается «мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы...», а ведь лицо лишение свободы отбывало. Данную позицию Верховного Суда можно признать правильной, т. к. данный пробел восполняется нормативным толкованием п. «б» ч. 1 ст. 58 УК, данным в ч. 4 ст. 74 УИК РФ: «В исправительных колониях общего режима отбывают наказание осужденные мужчины, кроме перечисленных в частях пятой, шестой и седьмой настоящей статьи, а также осужденные женщины». Уголовно-исполнительный кодекс тем самым разъясняет, что все остальные категории осужденных, не подпадающие под ч. 5, 6, 7 ст. 74 УИК (т. е. направляемые в колонии строгого и особого режимов и тюрьмы).

Видимо в колонию общего режима сле-

дует направлять и осужденных за совершение неосторожных преступлений, а также умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее отбывавших лишение свободы в колонии-поселении за совершение неосторожного преступления, либо в воспитательной колонии за совершение любого преступления. Это следует из ч. 4 ст. 74 УИК, однако прямо не следует из ст. 58 УК РФ.

Между тем, исходя из буквального толкования ст. 58 УК, лицо должно не отбывать ранее лишение свободы как обязательное условие направления его в колонию-поселение и колонию общего режима, а также в случае совершения особо тяжкого преступления – и в колонию строгого режима. Если же ранее лицо отбывало лишение свободы в воспитательной колонии, в соответствии вышеуказанным Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9, оно считается ранее отбывавшим лишение свободы. Получается, что в случае совершения им неосторожного преступления либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести данное лицо не может быть направлено в колонию-поселение как ранее не отбывавшее лишение свободы лицо. Однако все эти доводы базируются на толковании закона, данного Верховным Судом РФ. Вместе с тем, иногда Пленум Верховного Суда принимает новое Постановление, которое толкует одно и то же положение закона диаметрально противоположно толкованию, данному им же в ранее действовавшем Постановлении. Например, в ныне действующем Постановлении № 9 от 29 мая 2014 г. сказано, что «лицо, осуждавшееся к наказанию в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы или принудительных работ, которому по основаниям, предусмотренным ч. 5 ст. 46, ч. 3 статьи 49, ч. 4 статьи 50, ч. 5 статьи 53 и ч. 6 статьи 53.1 УК РФ, эти виды наказания были заменены лишением свободы, которое лицо отбыв-

вало в исправительном учреждении, считается ранее отбывавшим лишение свободы», в то время как в ранее действовавшем Постановлении Пленума такое лицо, наоборот, считалось ранее не отбывавшим.

Для исключения проблем в различии толкования данных норм Пленумом Верховного Суда требуется внести изменения в ст. 58 УК РФ и ст. 74 УИК РФ. Однако прежде всего необходимо определиться, следует ли присвоить статус ранее не отбывавшего лишение свободы лица тому, кто отбывал это наказание в воспитательной колонии, либо все-таки считать его ранее отбывавшим лишение свободы. С одной стороны, в свете имеющей место тенденции гуманизации уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних, можно было бы закрепить в ст. 58 УК РФ положение о том, что при признании лица ранее отбывавшим лишение свободы не учитывается отбывание этого наказания в воспитательной колонии. С другой стороны, такой шаг был бы очень вреден с точки зрения исправительной педагогики, ведь лицо фактически отбывало лишение свободы, хотя и в воспитательной колонии. Направление такого лица в

колонию-поселение приведет к тому, что в одной колонии окажутся как фактически отбывавшие, так и ранее не отбывавшие лишение свободы. А это неминуемо приведет к негативному влиянию на последних, так как в пределах колонии-поселения невозможно организовать раздельное содержание осужденных.

Как нам представляется, ничего страшного или негуманного в признании ранее отбывавшими лишение свободы лиц, которые отбывали это наказание в воспитательной колонии, нет. В колонию строгого режима они направлены быть не могут, т. к. в их действиях будет отсутствовать рецидив. В колонию-поселение тоже не могут, т. к. они ранее отбывали лишение свободы. Остается колония общего режима. В связи с изложенным нам представляется, что следует прямо закрепить в ст. 58 УК положение о том, что осужденные, ранее отбывавшие лишение свободы в колонии-поселении, подлежат направлению в колонию общего режима. В соответствии с ч. 2 ст. 74 УИК таких осужденных целесообразно содержать в изолированном участке, отдельно от других осужденных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 11. – Ст. 1002.

2. О практике назначения судами видов исправительных учреждений. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.11.2001 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 1.

3. О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 7.

УДК 343.72
ББК 67.408.121.2
Право

К ВОПРОСУ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ МОШЕННИЧЕСТВЕ

Кандидат юридических наук С. В. Ищенко
Кандидат юридических наук С. В. Помазан

В представленной статье рассматриваются результаты применения статей 159.1-159.6 УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за различные виды мошенничества, проблемы уголовной и административной ответственности за правонарушения в сфере предпринимательства.

Ключевые слова

Мошенничество, предпринимательская деятельность, уголовная ответственность за экономические преступления, административные правонарушения в области предпринимательской деятельности

В ноябре 2012 года УК РФ был дополнен рядом специальных статей, предусматривающих уголовную ответственность за различные виды мошенничества (статьи 159.1, 159.2, 159.3, 159.4, 159.5, 159.6 УК РФ). Перечисленные статьи в своих составах предусматривают мошенничество и различаются специальным субъектом (заемщик, получатель социальных выплат), способом совершения преступления (с использованием кредитных карт) и совсем не определенной в уголовном праве «сферой совершения» (в сфере предпринимательской деятельности, страхования, компьютерной информации). В результате создана искусственная конкуренция основного и специальных составов, что усложняет квалификацию преступлений по данным статьям УК РФ, а использование в тексте уголовного закона понятий, не имеющих легальных определений, расширяет сферу усмотрения правоприменителя что, зачастую, создает почву для

коррупции.

Особые возражения вызвала статья 159.4 УК РФ, предусматривавшая ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности и, по сути, более мягкое наказание для предпринимателей в отличие от всех остальных граждан. Последняя должна прекратить свое действие в соответствии с решением Конституционного суда РФ от 11.12. 2014 г. в котором указано, что мошенничество в «крупном и особо крупном» размере для предпринимателей начинается с суммы в шесть раз более высокой, чем для «обычных» мошенников по ст. 159 УК (6 млн. руб. против 1 млн. руб.), но предполагает вдвое более мягкое наказание (пять лет лишения свободы против 10) и отвод законодателю полгода на исправление нормы или она утратит силу. В отведенный срок изменения не были внесены и статья не действует с 11 июня текущего года. Тем не менее, не прекращаются попытки реани-

мировать рассматриваемую статью. Бизнес-омбудсмен Борис Титов выразил надежду, что будет найдено правильное решение, так как возвращение статьи о предпринимательском мошенничестве «важно и актуально для интересов бизнеса»¹. Поступают предложения вернуть ст. 159.4 в УК РФ, выдвигаются новые варианты специальной нормы. За возвращение в уголовный кодекс статьи о предпринимательском мошенничестве, высказывались и участники круглого стола, состоявшегося на площадке «Деловой России». Предлагаются такие решения как: суд присяжных по делам о мошенничестве, передача от судов прокурорам полномочий по решению вопросов о мере пресечения и т. д.

Прежде чем всерьез рассматривать перечисленные предложения, необходимо разобраться, чем руководствуются их авторы. Почему уголовная ответственность предпринимателей должна отличаться? Не создаем ли мы искусственно категорию населения, которой можно больше чем всем остальным?

Обращаясь к тексту Конституции РФ, определяющей права и свободы человека и гражданина, очевидно, что никаких исключений не делается. В первую очередь исходя из конституционного принципа о равноправии граждан. Законодатель включил его в содержание основ конституционного строя, учитывая важность этого принципа. В ч. 2 ст. 6 Конституции закрепляется: «Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации». Данное положение дополняется ст. 19 Конституции РФ, которая устанавливает, что все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям,

а также других обстоятельств.

Кроме того, всем гражданам одинаково гарантирована свобода предпринимательской деятельности, создаются условия для ее осуществления. Часть 1 ст. 34 Конституции РФ устанавливает, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Ограничения в пользовании этой свободой деятельности обусловлены необходимостью защитить законные права и интересы других лиц, закрепленные в нормах гражданского, трудового, коммерческого и уголовного права.

Представляется, что законодателю следует задуматься о необходимости наделяния особыми правами (или более мягкой ответственности) отдельной группы субъектов, поскольку, как правило, это влечет и повышенную ответственность за нарушение прав окружающих (госслужащие, сотрудники правоохранительных органов и т. д.). По нашему мнению, подобная ситуация ведет к коррупционным проявлениям в сфере рассматриваемых отношений.

Законодательные инициативы в области уголовного права последних лет часто оцениваются неоднозначно и зачастую страдают поспешностью и непродуманностью. Раздел VIII УК РФ самый объемный и содержит 65 статей, предусматривающих уголовную ответственность за экономические преступления. А последняя попытка разделить мошенничество на семь смежных составов не дала очевидных положительных результатов и серьезно осложнила правоприменение. Об этом свидетельствуют показатели статистики МВД РФ: в 2014 году зарегистрировано 733490 преступлений, совершенных в крупном (значительном) либо сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размерах, что на 16,3 % выше уровня прошлого года².

За 9 месяцев текущего года по сравнению с аналогичным периодом 2014 года

на 3,3 % возросло число преступлений экономической направленности. Всего выявлено 96 700 нарушений закона по этой категории, их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 5,5 %. Материальный ущерб от них (по оконченным уголовным делам) составил 169,7 млрд. руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 63,4 %³.

За указанный период зарегистрировано 619964 преступлений, сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размере, что на 15,9 % выше уровня прошлого года. В том числе за указанный период зарегистрировано преступлений, квалифицированных как мошенничество (ст. ст. 159-159.6 УК РФ) – 142550, что на 17,2 % выше показателя аналогичного периода прошлого года.

На наш взгляд, очевидно, что принятыми законодательными мерами положительный эффект не достигнут. К тому же, введение рассматриваемых норм трудно объяснить с точки зрения социальной справедливости.

Существует большое количество научных исследований, содержащих сравнительный анализ норм, предусматривающих уголовную ответственность за мошенничество в отечественном и зарубежном законодательстве. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что в уголовном праве многих стран нормы об ответственности за мошенничество дополнены перечислением различных обстоятельств: мошенничество при капиталовложениях и кредитовании, мошенничество при получении субсидии, компьютерное мошенничество, (например § 263, 264, 264 Уголовного кодекса Германии), а также то, что зарубежное законодательство устанавливает единые стандарты в охране государственной и частной собственности от мошенничества. В европейском законодательстве обычно устанавливают широкие пределы между максимумом и минимумом наказаний, положенных за мошенничество.

Даже римское право, ставившее своим принципом стеснение суда в праве выбора различных наказаний за определенное преступление, в делах о мошенничестве ставит для судьи стеснение только в максимуме, позволяя ему применять любой минимум наказания⁴.

Что же касается отечественного законодателя, то по-прежнему не понятны его цели. Смягчить уголовное наказание для специального субъекта преступления – предпринимателя? Признать, что мошенник-предприниматель представляет в два раза меньшую общественную опасность, чем обычный уголовник? Может быть, цель заключалась в том, чтобы снизив уголовное наказание, предоставить предпринимателям лучшие гарантии защиты от хорошо известного пресса со стороны правоохранительных органов? Но боюсь, что в подобных рассуждениях есть серьезная логическая погрешность. Законодательная защита должна быть предоставлена от произвола и ошибочных решений правоприменителя, а не от справедливого воздаяния со стороны закона. Сейчас же вышло на оборот. Следователь (дознатель) получил возможность выбирать: возбудить уголовное дело по факту мошенничества по ст. 159 УК РФ или привлечь предпринимателя по относительно мягкой «предпринимательской» статье. Но в любом случае это может быть мошенничество в особо крупных размерах. Особенно в случаях, когда речь идет о проблемах с бюджетными деньгами. Предоставляя такую возможность выбора правоприменителю, неизбежно получаем средства для давления и лазейки для коррупции.

Очевидно, что норма ст. 159.4 УК РФ является специальной по отношению к ст. 159 УК РФ и должна применяться во всех без исключения случаях, когда предъявляется обвинение в мошенничестве предпринимателю, не исполнившему своих договорных обязательств. И неважно перед кем такие обязательства не исполнены – перед государством, перед другим

предпринимателем или перед гражданином. Все формы собственности у нас согласно ст. 8 Конституции РФ защищены одинаково, а в силу части 1 статьи 19 Конституции все равны перед законом и судом. Иначе, исходя из положений Конституции РФ, возникает вопрос о несоответствии размера максимальной санкции ст. 159 УК РФ «Мошенничество» конституционным требованиям.

Кодекс об административных правонарушениях помимо статей 7.27. (Мелкое хищение) и 7.27.1. (Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) содержит главу 14 (Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций), включающую 70 составов административных правонарушений в рассматриваемой сфере. Так, например, статья 7.27 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за мелкое хищение чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями 2, 3, 4 ст. 159, частями 2, 3, 4 ст. 159.1, частями 2, 3, 4 ст. 159.2, частями 2, 3, 4 ст. 159.3, частями 2, 3 ст. 159.4, частями 2, 3, 4 ст. 159.5, частями 2, 3, 4 ст. 159.6 и частями 2, 3 ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации⁵, и влечет наложение административного штрафа в размере до пятикратной стоимости похищенного имущества, но не менее одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток.

Перечисленные в ст. 7.27 КоАП РФ при-

знаки преступления, предусмотренные в ст. 159 УК РФ включают: ч. 2 – мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину, ч. 3 – мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере (стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей), ч. 4 – мошенничество, совершенное организованной группой либо особо крупном размере (признается стоимость имущества, превышающая один миллион рублей) или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение. А основной состав уголовно-наказуемого мошенничества определен как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Соответственно административно-наказуемое мелкое мошенничество ограничивается суммой ущерба в тысячу рублей. Все остальные виды мошенничества уже преступления.

Для решения проблемы ответственности в рассматриваемой сфере предлагается стоимостью имущества, похищенного в результате административного правонарушения повысить до 5000 рублей. Исключить из УК РФ специальные нормы мошенничества (159.1–159.6 УК РФ) не давшие положительного результата применения за истекшие три года. По нашему мнению, баланс между льготными условиями для предпринимателей и принципом равенства, невозможно обеспечить уголовно-правовыми средствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Берсенева Т. Бизнес просит Госдуму ввести в УК новую статью о предпринимательском мошенничестве. – <http://pravo.ru/review/view/121828/>

² Состояние преступности янв.-дек. 2014 г. – <https://mvd.ru/folder/101762/item/6517451/>

³ Состояние преступности – янв.-сент. 2015 года. – <https://mvd.ru/folder/101762/item/6629353/>

⁴ Мошенничество по действующему русскому праву. И. Я. Фойницкий. – С.-Петербург, 1871 г. // Allpravo.Ru – 2005 г.

⁵ Кодекс РФ об адм. правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 05.10.2015).

УДК 343.2/.7
ББК 67.408.122.18
Право

ЮРИДИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ДОГОВОРА ПРИСОЕДИНЕНИЯ (КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА) ПО ПРИЗНАКАМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 177 УК РФ

Л. С. Капица
Кандидат юридических наук Д. В. Бушков

В статье рассмотрены вопросы наличия правоприменительной практики по тем видам договоров, которые можно отнести и к договору присоединения, в соответствии с признаками состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ.

Ключевые слова

Договор присоединения, публичный договор, кредитный договор, состав преступления, кредиторская задолженность, экономические преступления, квалификация преступлений

Преступления в сфере экономической деятельности посягают на нормальный порядок экономических отношений в сфере потребления, распределения, обмена и производства материальных благ и услуг. В практике нередко, субъекты правоотношений не исполняют возникшие, вследствие договорных отношений, в том числе, в порядке заключения договоров присоединения обязательств. В случаях, когда сумма долговых обязательств, превышает один миллион рублей (примечание к статье 169 УК РФ), ответственность может наступать по ст. 177 УК РФ, предусматривающей ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности.

Одним из признаков состава рассматриваемого преступления, является наличие вступившего в законную силу судебного акта, принятого по спору в рамках

гражданского судопроизводства. Однако, законодатель не раскрывает понятия кредиторской задолженности, отсылая тем самым к нормам гражданского законодательства, регулирующим порядок возникновения обязательств, вследствие не исполнения договора.

Одной из форм договорных отношений является договор присоединения.

Как показывает практика, суды не уделяют должного внимания квалификации договоров присоединения. Таким образом, мы делаем вывод о том, что признаки договора присоединения, как особого вида договора не выделяются судами, а это в свою очередь, может повлиять на правильное разрешение уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ.

Цивилисты, изучающие договор присоединения, отмечают, что нормы этого

вида договора в судебных решениях встречаются в общей массе иных норм, приводимых судьями в обоснование решений. Данное обстоятельство не позволяет судить о наличии глубокой оценки суда характерных особенностей договора присоединения.

Обратимся к нормам Гражданского кодекса, определяющим договор присоединения как «договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору» (п. 1 ст. 428 ГК РФ).

Во многих комментариях к Гражданскому кодексу толкуется данная норма следующим образом «особенность договора заключается в неукоснительном подчинении присоединяющейся стороны определенному порядку, который установил субъект права».

Если обратить внимание на правопорядок, устанавливаемый субъектом права, то стоит отметить, что данная сторона договора (назовем ее основной стороной договора) будет являться более сильной по отношению к присоединяющейся (назовем ее присоединяющейся стороной). Так, основная сторона договора имеет возможность конкретизировать (уточнять) условия договора в безальтернативной для присоединяющейся стороны форме. Выбор условий закреплен за основной стороной. Если мы обратимся к судебной практике, то встретим такое определение «к предложенному одной стороной договору со стандартными условиями вторая сторона просто присоединяется, не влияя на его условия». Данное определение дает право говорить об отсутствии воли одного из субъектов к заключению договора, а значит принцип свободы договора в данных условиях отсутствует. Если мы говорим, что основная сторона договора предлагает на выбор присоединяющейся стороне условия, то есть предоставляет свободу в выборе условий, то мы скорее будем

говорить о свободе в рамках договора, а не о свободе заключения договора.

Прежде чем мы перейдем рассматривать арбитражную практику, являющуюся криминообразующей при квалификации действий участника договорных отношений по ст. 177 УК РФ, определим, что означают альтернативные или индивидуальные условия для квалификации договора присоединения. В любом случае, альтернативные условия следует согласовывать между сторонами. Но мы отметим, что индивидуализация может признаваться стандартными условиями договора, при наличии спора между сторонами. Таким образом, индивидуальные условия в рамках стандартного договора могут в целом квалифицироваться как договор присоединения если конкретизируют предмет договора и содержат те условия, которые ранее предложены основной стороной договора [11].

Конкретизированные условия следует в данном случае понимать как обозначенные основной стороной договора в тех пределах, в которых требуется для заключения договора присоединения.

Арбитражная практика поэтому превагирует защитой интересов слабой (присоединяющейся) стороны договора. Единообразного подхода к критериям определения договора присоединения нет. Хотя некоторые судебные решения говорят об обратном. Рассмотрим постановление суда, в котором сделан вывод о том, что договор присоединения характеризуется как таковой благодаря порядку его заключения и порядка разработки его условий [5].

Обратимся к другому критерию договора присоединения, по которому зачастую суды также не могут прийти к тождественности.

Первые выводы суда строятся на тех доводах, что договор присоединения – безоговорочный акцепт для одной стороны. По своей сути, по мнению одних, договор присоединения есть сделка, по кото-

рой условия индивидуально определенные и стандартные продиктованы одной стороной и безоговорочно приняты другой. Претензии и разногласия являются не допустимыми условиями заключения договора [2]. Итогом согласования воли присоединяющейся стороны отводится малая часть – решение о присоединении к договору [9]. Таким образом, стандартная форма договора не может подлежать изменению (за исключением случаев, когда это прямо предусмотрено законом) в виде дополнительного соглашения [6].

Ряд судебных решений содержит мнение о том, что некоторые условия в договоре присоединения могут быть согласованы, так как законодатель напрямую допускает такую возможность (п. 2 ст. 428 ГК РФ содержит норму о наличии индивидуальных условий). Оговорку можно сделать только относительно определенных обстоятельств благодаря которым закон допускает наличие индивидуальных условий договора. Именно эти обстоятельства и условия оспаривает по обыкновению присоединяющаяся сторона, поскольку они носят обременительный характер. Также суд указывает, что изменение договора по таким основаниям происходит на стадии его исполнения, а не на стадии его заключения, что не мало важно для квалификации договора как договора присоединения.

Ученые склоняются к иной позиции. Они придерживаются мнения о том, что изменению или отмене подлежат только те условия, которые стороны согласовали в индивидуальном порядке, остальные – формулярные условия – остаются неизменными при любом спорном вопросе.

Обратимся к норме закона относительно данной позиции. Так, п. 2, 3 ст. 428 ГК РФ прямо предусматривает обязанности применения правил, предусматривающих изменение и расторжение договора присоединения при наличии явно обременительных условий для присоединившейся стороны.

При определении условий заключения договора суды также не имеют единой позиции. В данном вопросе наличествует также два подхода.

Во-первых, суды обращают внимание, что все без исключения условия договора определяются одной стороной [12]. Сторона, присоединяющаяся к договору, может либо принять его целиком, либо полностью отказаться от заключения [1].

Во-вторых, суды предусматривают возможность для присоединяющейся стороны, конкретизировать ряд заранее определенных условий [4].

По нашему мнению второй подход является более правильным относительно принципа свободы договора для присоединяющейся стороны только в определенных рамках.

Если от общего переходить к частному, то мы заметим, что арбитражная практика чаще применяет нормы о договорах присоединения по договорам энергоснабжения и кредитным договорам. Остальные договорные формы зачастую таковыми не признаются, хотя имеют признаки договора присоединения.

Остановимся на кредитных договорах подробнее. Так, первоначально суд квалифицирует кредитный договор как договор присоединения без должной оценки порядка согласования такого договора. Это происходит потому, что условия кредитного договора определены в стандартных формах [10].

Существует и иная позиция относительно рассматриваемого вида договора. Так ФАС Поволжского округа приходит к выводу, что типовая форма кредитного договора может не содержать существенных условий, таких как размер кредита, процентная ставка, сроки погашения, наименование и количества имущества, если есть необходимость залогового обязательства и прочие. В таком случае кредитный договор не может быть признан договором присоединения [7].

Арбитражный суд того же округа в од-

ном из решений указал, что кредитный договор и договор залога не являются договорами присоединения, поскольку банковские бланки договора не определяют согласованных сторонами существенных условий договора [8].

Сами сотрудники банковской сферы не признают кредитный договор в качестве договора присоединения, поскольку первый не содержит существенных условий. Обратимся к мнению сотрудников Ассоциации российских банков. Они утверждают «кредитный договор нельзя квалифицировать как договор присоединения.

Он не носит публичного характера (ст. 426 ГК РФ), ведь банк не обязан предоставлять кредит каждому, кто к нему обратится. Обязанность предоставить кредит возникает только после заключения договора» [3].

Подводя итог вышесказанному, мы определим, что при квалификации договора присоединения в российской правоприменительной практике не сложилось единой позиции, что делает невозможным его должную квалификацию при определении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вопрос № 560 // Практика применения Гражданского кодекса РФ, части первой (под. общ. ред. В. А. Белова). – М.: Юрайт, 2014.
2. п. 55 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01.07.1996 № 6/8
3. Письмо Ассоциации российских банков от 16.05.2011 № А-01/5-338.
4. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.07.2010 № 18АП-5728/2010 по делу № А07-1936/2010.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.05.2010 № 09АП-11457/2010.
6. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2011 по делу № А72-5542/2010.
7. Постановление ФАС Поволжского округа от 20.06.2011 по делу № А72-5542/2010.
8. Постановление ФАС Поволжского округа от 24.02.2010 по делу № А65-17195/2009.
9. Постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.11.2009 № 13АП-13381/2009, Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27.09.2010 № 07АП-8071/10.
10. Постановления ФАС Волго-Вятского округа от 22.11.2010 по делу № А79-5156/2010, Поволжского округа от 27.12.2010 по делу № А65-16362/2010, Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.07.2011 № 05АП-4383/11, Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2011 № 19АП-1364/11.
11. Савельев А. И. Договор присоединения в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2010. – № 5. – СПС «Гарант», 07.09.2011.
12. Цыпленкова А. В. Договор присоединения как особая категория гражданского права: Автореф. дис. ... к. ю. н. – М., 2012. – С. 10.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996г. № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015г., с изм. от 16.07.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954

УДК 343.102
ББК 67.410.212.2
Право

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧИМОСТЬ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Кандидат юридических наук Т. З. Киёк
Е. Н. Киёк

В статье раскрывается понятие следственных действий, основанное на мнении различных специалистов, предлагающих различное толкование данного понятия, а также исследуются признаки дающее разграничения между следственными и процессуальными действиями.

Ключевые слова

следователь, следственное действие, процессуальное действие, понятие, признаки

Основное содержание предварительного расследования объединяют следственные действия.

Законодатель не дает четкого понятия следственных действий. Отдельные авторы к числу следственных действий относят все процессуальные действия следователя, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством РФ.

Так, Г. М. Миньковский предлагает рассматривать понятие следственного действия в широком и узком смысле слова. В широком смысле – это любые процессуальные действия, в том числе:

- определяющие движение уголовного дела и процессуальное положение участников уголовного судопроизводства (возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения);

- обеспечивающие возможность сбора доказательственной базы и явку участников уголовного процесса (временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество);

- реализующие процессуальные права участников уголовного судопроизводства (разрешение ходатайств, предъявление материалов уголовного дела для ознакомления в порядке статьи 216-217 Уголовно-процессуального кодекса РФ);

- действия, направленные на фиксацию, собирание, проверку и оценку доказательств (допрос, очная ставка, осмотр, выемка, обыск);

- состоящие в использовании доказательств, для формулирования и обоснования выводов о результатах производства по уголовному делу (составление обвинительного заключения, приговора).

В узком смысле – это действия, направленные на фиксацию, собирание, проверку и оценку доказательств [7].

Другой точки зрения придерживается профессор А. П. Рыжаков, который дал следующее определение: процессуальные действия по собиранию, исследованию и проверке доказательств, проводимые в стадии предварительного расследования, на-

зываются следственными действиями [8].

По мнению И. Е. Быховского следственное действие – это вид познавательной деятельности следователя, осуществляемой в соответствии и на основании регламентированным уголовно-процессуальным порядком обнаружения, исследования, фиксации и изъятия доказательств [1].

Позиция этой группы авторов представляется более правильной и основанной на законе. Анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации показывает, что законодатель относит к категории следственных не все процессуальные действия, а лишь те из них, которые связаны с собиранием доказательств.

И. Е. Быховский указывает, что в основе выделения следственных действий в самостоятельный класс лежат три признака:

- 1 познавательный характер этой деятельности;
- 2 его осуществление в стадии предварительного расследования;
- 3 наличие в законе регламентаций, определяющих порядок обнаружения, фиксации и исследования доказательств.

Таким образом, можно сформулировать, что следственные действия – это процессуальные действия познавательного характера, регламентированные уголовно-процессуальным законодательством, и направленные на обнаружение, фиксацию, изъятие, исследование и проверку доказательств по уголовному делу.

От законности и обоснованности проведенных следственных действий зависит, будут ли они признаны допустимыми и использованы в процессе доказывания [3].

Законными и обоснованными могут быть признаны только те следственные и процессуальные действия, для производства которых имеются фактические основания [4]. Само понятие фактического основания производства следственного действия в литературе понимается неоднозначно. Так, Г. П. Химичева и О. В. Хими-

чева полагают, что фактическим основанием проведения следственного действия является наличие достаточных данных, свидетельствующих о необходимости производства именно этого действия [12].

На наш взгляд, более точен С. А. Шейфер, который пишет, что «фактические основания проведения следственного действия – это данные, указывающие на возможность извлечения искомой информации из предусмотренных законом источников» [12].

С. В. Ефремова полагает, что нормативная модель фактических оснований большей части следственных и процессуальных действий включает в себя три элемента: источник, из которого может быть извлечена необходимая информация; цель следственного действия; фактические данные, обоснованно указывающие на возможность достижения необходимой цели. С. В. Ефремова справедливо указывает, что следственное действие может быть эффективно произведено лишь при наличии всех трех указанных выше составляющих, образующих его первопричины, а отсутствие хотя бы одного из них делает следственное действие незаконным и необоснованным [2].

Говоря о сущности следственных действий особое внимание следует обратить на следующее:

1. следственные действия являются основным способом обнаружения, фиксации, собирания, исследования, проверки доказательств, установленных уголовно-процессуальным законом Российской Федерации;
2. с их помощью обеспечивается полнота, всесторонность и объективность расследования уголовного дела – одно из важнейших требований уголовного судопроизводства [11];
3. наличие подробных регламентаций порядка производства и фиксации хода и результатов следственных действий, обеспечивает гарантии прав и законных интересов лиц, участвующих в их производ-

стве [10];

4. как и другие процессуальные действия, они способствуют реализации задач уголовного судопроизводства, указанных в ст. 6 УПК РФ, а также соблюдения принципов уголовного судопроизводства;

5. соби́рание с помощью следственных действий доказательственной базы способствует принятию не только основных решений по уголовному делу, но и всех иных выводов и решений в процессе расследования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что следственные действия характеризуются рядом признаков:

Во-первых, это действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Во-вторых, детально определены законом.

В-третьих, в ходе следственных действий формируется доказательственная база, для принятия законного и обоснованного решения по уголовному делу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий // Журнал российского права. – 2005. – № 6. – С. 26.

2. Ефремова С. В. Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса // Закон и порядок. – Самара, 2004. – С. 12.

3. Зелик В. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противостояния наркотизму в России: Дис. ... канд. юридических наук. – Краснодар, 2001.

4. Зелик В. А., Романов М. Ю. Механизм борьбы за безопасность на российских дорогах в контексте федеральной целевой программы на 2013-2020 годы // Общество и право. – 2013. – № 3(45). – С. 236-240.

5. Капица В. С. Типичные следственные ситуации начала расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды. Некоторые особенности производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий на первоначальном этапе расследования данных преступлений // Закон и право. – 2014. – № 12. – С. 108-110.

6. Капица Т. А., Капица В. С. Некоторые особенности организации и тактики обыска по делам об убийстве матерью новорожденного ребенка // Современное право. – 2014. – № 12-1. – С. 53-56.

7. Миньковский Г. М. Теория доказательств в уголовном процессе. – М.: Проспект, 2006. – С. 12-13.

8. Рыжаков А. П. Уголовный процесс. – М.: Дело и Сервис, 2011.

9. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. Г. П. Химичевой, О. В. Химичевой. – М.: Юнити-Дана, 2004. – С. 102.

10. Устименко Р. Г., Зелик В. А. Соотношение состава превышения должностных полномочий со смежными составами преступления. // Социально-экономический ежегодник 2013. Сборник научных статей. – Краснодар, 2013.

11. Чапурко Т. М., Зелик В. А. О современных политико-правовых направлениях трансформации антикоррупционных действий в России // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Российская криминологическая ассоциация. Сборник научных статей. – Москва, 2015. – С. 112-117.

12. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. – М.: Норма, 2009.

13. Чапурко Т. М. Государственная политика в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних // Власть. – 2008. – № 6.

УДК 349.2
ББК 67.405.1
Право

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ЗНАЧИМЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ

Кандидат юридических наук Т. З. Киёк
Кандидат юридических наук И. В. Черепанова

В статье рассматриваются вопросы использования прокурорами полномочий по возбуждению дел об административных правонарушениях за нарушение трудового законодательства и связанные с этим проблемы правоприменения.

Ключевые слова

Прокурор, административная ответственность, трудовые права, работодатель.

Актуальность рассматриваемой темы определяется распространенностью нарушений трудовых прав граждан. По мнению Н. Пластининой, «практически нет таких предприятий, на которых не было бы выявлено ни одного нарушения Трудового кодекса Российской Федерации» (далее – ТК РФ) [8].

Конституция Российской Федерации гарантировала основные трудовые права граждан, такие, как свобода распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию; право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены; на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда; на защиту от безработицы; на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным зако-

ном способов их разрешения, включая право на забастовку; на отдых. Работающему по трудовому договору гражданину гарантированы установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск [2].

Надзор за соблюдением указанных конституционных норм осуществляет прокуратура Российской Федерации, применяя все предоставленные Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) полномочия.

К их числу в соответствии с п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре относится возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования в соответствии с полномочиями, установленными Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и другими фе-

деральными законами [10].

Применение указанных полномочий позволяет прокурорам своевременно реагировать на выявляемые нарушения трудовых прав граждан, таким образом решать стоящие перед ними задачи обеспечения своевременного и полного выявления нарушения трудовых прав граждан и принятия эффективных и адекватных мер реагирования, направленных на устранение таких нарушений. Кроме того, такая работа прокурора способна оказывать профилактическое воздействие на потенциальных нарушителей законодательства в указанной сфере, особенно в тех случаях, когда ее результаты получают свое отражение в средствах массовой информации [3].

В соответствии со статьей 362 ТК РФ руководители и иные должностные лица организаций, а также работодатели – физические лица, виновные в нарушении трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, несут ответственность в случаях и порядке, которые установлены кодексом и иными федеральными законами.

В соответствии со ст. 20 ТК РФ, сторонами трудовых отношений являются работник и работодатель. Кодекс определяет работника как физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем. В качестве работодателя рассматривается физическое лицо либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником. В случаях, предусмотренных федеральными законами, в качестве работодателя может выступать иной субъект, наделенный правом заключать трудовые договоры.

В ТК РФ достаточно подробно раскрыто содержание понятия «работодатель». Так, в соответствии со ст. 20 ТК РФ, права и обязанности работодателя в трудовых отношениях осуществляются: физическим лицом, являющимся работодателем; органами управления юридического лица (организации) или уполномо-

моченными ими лицами, иными лицами, уполномоченными на это в соответствии с федеральным законом, в порядке, установленном ТК РФ, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, учредительными документами юридического лица (организации) и локальными нормативными актами.

Следует отметить, что крайне важная для защиты прав работников на оплату труда новация внесена в ст. 20 ТК РФ Федеральным законом от 02.04.2014 № 55-ФЗ «О внесении изменений в статью 10 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» и Трудовой кодекс Российской Федерации». Указанным законом определено, что по вытекающим из трудовых отношений обязательствам работодателя – юридического лица субсидиарную ответственность несут собственник имущества, учредитель (участник) юридического лица в случаях, в которых федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации установлена субсидиарная ответственность собственника имущества, учредителя (участника) по обязательствам юридического лица.

Такая новация призвана обеспечить возможность взыскания задолженности по социальным выплатам и заработной плате в случае банкротства предприятий [7].

К числу лиц, на которые может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам признанного несостоятельным (банкротом) юридического лица, относятся, в частности, лицо, имеющее в собственности или доверительном управлении контрольный пакет акций ак-

ционерного общества, собственник имущества унитарного предприятия, давший обязательные для него указания, и т.п.

Как представляется, прокурор при возбуждении дел об административных правонарушениях в сфере защиты трудовых прав граждан также должен учитывать указанные обстоятельства и применять наряду с административной ответственностью и еще и меры, направленные на взыскание причиненного незаконными действиями работодателя в случае банкротства предприятий.

Как показывает практика, прокуроры повсеместно сталкиваются с нарушением работодателями установленных ст. 22 ТК РФ обязанностей соблюдать трудовое законодательство и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, локальные нормативные акты, условия коллективного договора, соглашений и трудовых договоров; предоставлять работникам работу, обусловленную трудовым договором; обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда; обеспечивать работников оборудованием, инструментами, технической документацией и иными средствами, необходимыми для исполнения ими трудовых обязанностей; выплачивать в полном размере причитающуюся работникам заработную плату в сроки, установленные в соответствии с ТК РФ, коллективным договором, правилами внутреннего трудового распорядка, трудовыми договорами; вести коллективные переговоры, а также заключать коллективный договор; предоставлять представителям работников полную и достоверную информацию, необходимую для заключения коллективного договора, соглашения и контроля за их выполнением; своевременно выполнять предписания федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и

иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, других федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственный контроль (надзор) в установленной сфере деятельности; принимать меры по устранению выявленных нарушений; создавать условия, обеспечивающие участие работников в управлении организацией и исполнять иные обязанности, предусмотренные трудовым законодательством.

Невыполнение работодателями установленных трудовым законодательством обязанностей влечет наступление ответственности.

Статьей 419 ТК РФ предусмотрено, что за нарушение трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права может наступать дисциплинарная, материальная, административная, гражданско-правовая и уголовная ответственность.

Кроме того, в ряде норм ТК РФ предусмотрена возможность привлечения к ответственности за нарушения отдельных его требований, например, таких, как нарушение права на оплату труда (ст. 142 ТК РФ – ответственность работодателя за нарушение сроков выплаты заработной платы и иных сумм, причитающихся работнику). В соответствии с данной статьей работодатель и (или) уполномоченные им в установленном порядке представители работодателя, допустившие задержку выплаты работникам заработной платы и другие нарушения оплаты труда, несут ответственность в соответствии с ТК РФ и иными федеральными законами.

В связи с этим необходимо выделить случаи, когда невыполнение работодателями установленных трудовым законодательством обязанностей повлечет административную ответственность.

Как правило, выявленные прокурором нарушения трудовых прав граждан являются основаниями для возбуждения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных гла-

вой 5 КоАП РФ (административные правонарушения, посягающие на права граждан).

К ним относятся статьи указанной главы КоАП РФ, устанавливающие административные наказания за правонарушения, связанные с нарушением порядка заключения и исполнения коллективных договоров, соглашений, необоснованное применение дисциплинарных взысканий в связи с реализацией работником своих трудовых прав, нарушением работодателем конституционных гарантий соблюдения прав работников при заключении трудовых договоров. В частности, прокурор вправе возбуждать производство по делам об административных правонарушениях в отношении работодателей в случае: уклонения от участия в переговорах о заключении коллективного договора, соглашения либо нарушение установленного срока их заключения (ст. 5.28 КоАП РФ); непредоставление информации, необходимой для проведения коллективных переговоров и осуществления контроля за соблюдением коллективного договора, соглашения (ст. 5.29 КоАП РФ); необоснованный отказ от заключения коллективного договора, соглашения (ст. 5.30 КоАП РФ); нарушение или невыполнение обязательств по коллективному договору, соглашению (ст. 5.31 КоАП РФ); уклонение от получения требований работников и от участия в примирительных процедурах (ст. 5.32 КоАП РФ); невыполнение соглашения (ст. 5.33 КоАП РФ); увольнение работников в связи с коллективным трудовым спором и объявлением забастовки (ст. 5.34 КоАП РФ); принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке (ст. 5.40 КоАП РФ); нарушение прав инвалидов в области трудоустройства и занятости (ст. 5.42 КоАП РФ); дискриминация (ст. 5.62 КоАП РФ).

К примеру, согласно ст. 41 ТК РФ с учетом финансово-экономического положения работодателя в коллективном договоре могут устанавливаться льготы и пре-

имущества для работников, условия труда, более благоприятные по сравнению с установленными законами, иными нормативными правовыми актами. Следовательно, в случае наличия в коллективном договоре указанных льгот и преимуществ, их применение обязательно для работодателей – участников коллективного договора (соглашения). Например, в ряде субъектов Российской Федерации действуют региональные соглашения, устанавливающие повышенный по сравнению с установленным Федеральным законом от 19.06.2000 № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» размер заработной платы работников некоторых отраслей. Невыполнение работодателями содержащегося в договорах (соглашениях) требования о повышении исчисления указанного минимального размера оплаты труда влечет ответственность, предусмотренную ст. 5.31 КоАП РФ.

Анализ проводимой прокурорами всех уровней работы по выявлению нарушений трудовых прав граждан и привлечению в связи с этим работодателей и иных должностных лиц к административной ответственности в рассматриваемой сфере позволил выделить ряд составов административных правонарушений, предусмотренных иными статьями Раздела второго Особенной части КоАП РФ, также применяемых для устранения нарушений именно трудовых прав граждан [9].

К таким составам административных правонарушений, применение которых позволит прокурору максимально полно и эффективно реагировать на выявляемые в сфере защиты трудовых прав граждан нарушения можно отнести: нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (ст. 6.3 КоАП РФ); несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления, веществами, разрушающими озоновый слой, или иными опасными ве-

шествами (ст. 8.2 КоАП РФ); нарушение требований промышленной безопасности или условий лицензий на осуществление видов деятельности в области промышленной безопасности опасных производственных объектов (ст. 9.1 КоАП РФ); нарушение должностным лицом, ответственным за представление статистической информации, необходимой для проведения государственных статистических наблюдений, порядка ее представления, а равно представление недостоверной статистической информации (ст. 13.19 КоАП РФ); фиктивное или преднамеренное банкротство (ст. 14.12 КоАП РФ); неправомерные действия при банкротстве (ст. 14.13 КоАП РФ); осуществление дисквалифицированным лицом деятельности по управлению юридическим лицом (ст. 14.23 КоАП РФ); нарушение установленного законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании срока регистрации (ст. 15.32 КоАП РФ); нарушение установленных законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании порядка и сроков представления документов и (или) иных сведений в органы государственных внебюджетных фондов (ст. 15.33 КоАП РФ); сокрытие страхового случая (ст. 15.34 КоАП РФ); невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении (ст. 17.7 КоАП РФ).

Также в рассматриваемой сфере применяются нормы, устанавливающие ответственность в сфере государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

Чаще всего прокурором в случае выявления работодателями нарушений трудовых прав граждан рассматривается вопрос о возбуждении производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.27 КоАП РФ, ус-

танавливающей ответственность за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права в виде административного штрафа, налагаемого на должностных лиц; лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и юридических лиц. В качестве альтернативы для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей установлено административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

Объективная сторона данного правонарушения выражается в действиях или бездействии, направленных на нарушение или невыполнение норм действующего трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. Как правило, ответственность по указанной статье наступает для работодателей в случае невыполнения ими установленных ст. 22 ТК РФ обязанностей.

Субъектом рассматриваемого правонарушения является работодатель (должностное лицо – руководитель организации независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, индивидуальный предприниматель, юридическое лицо).

В качестве альтернативной административному штрафу санкции предусмотрено административное приостановление деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица на срок до 90 суток

Кроме того, ч. 2 данной статьи в качестве субъекта ответственности в виде дисквалификации предусматривает должностное лицо, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное административное правонарушение. При применении дисквалификации следует учитывать, что в ст. 3.11 КоАП определен перечень лиц, которым этот вид наказания может быть назначен. Применение данного наказания возможно в том случае, если должностное лицо было подвер-

гнуто наказанию за аналогичное административное правонарушение. При этом важно учитывать позицию, изложенную в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в соответствии с которой под аналогичным правонарушением, указанным в части 2 статьи 5.27 КоАП РФ, следует понимать совершение должностным лицом такого же, а не любого нарушения законодательства (например, первый раз должностное лицо не произвело расчет при увольнении одного, а позднее – при увольнении другого работника).

С субъективной стороны данное правонарушение характеризуется прямым умыслом или неосторожностью. Объективная сторона данного правонарушения выражается в действиях или бездействии, направленных на нарушение или невыполнение норм действующего трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

Рассмотрение дел по ч. 1 данной статьи осуществляют должностные лица федерального органа исполнительной власти, осуществляющего государственный надзор за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (Ст. 23.12 КоАП РФ) и судьи (в случае передачи на рассмотрение судье дела об административном правонарушении для применения наказания в виде административного приостановления деятельности), а по ч. 2 – судьи (Ст. 23.1 КоАП РФ), поскольку речь идет о применении такого вида административного наказания, как дисквалификация.

Ведение перечня дисквалифицированных лиц и выдача соответствующей информации возложены в соответствии с п.п. 5.5.13 Постановления Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 «Об ут-

верждении Положения о Федеральной налоговой службе» на Федеральную налоговую службу. Постановлением Правительства РФ от 03.07.2014 № 615 «Об установлении размера платы за предоставление сведений из реестра дисквалифицированных лиц, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» установлено, что сведения, содержащиеся в реестре дисквалифицированных лиц, в виде выписки о конкретном дисквалифицированном лице либо справки об отсутствии запрашиваемой информации предоставляются заинтересованным лицам.

При решении вопроса о возбуждении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.27 КоАП РФ, следует также учитывать, что в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 421-ФЗ с 1 января 2015 года рассматриваемая статья изложена в новой редакции. Кроме того, КоАП РФ дополнен ст. 5.27.1, устанавливающей административную ответственность за нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации.

Изменения коснулись, прежде всего, диспозиций статьи 5.27 КоАП РФ. В качестве отдельного состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 указанной статьи, выделено фактическое допущение к работе лицом, не уполномоченным на это работодателем, в случае, если работодатель или его уполномоченный на это представитель отказывается признать отношения, возникшие между лицом, фактически допущенным к работе, и данным работодателем, трудовыми отношениями (не заключает с лицом, фактически допущенным к работе, трудовой договор). Поскольку санкция указанной части ст. 5.27 КоАП РФ предусматривает ответственность не только должностных лиц, но и граждан, не под-

падающих под содержащееся в ст. 2.4 КоАП РФ определение понятия «должностное лицо», можно сделать вывод, что КоАП РФ с 01.01.2015 существенно расширил круг субъектов административной ответственности за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права за счет лиц, формально не наделенных управленческими функциями, однако наделенных полномочиями по допуску (фактическому допуску) к работе.

Такая новация необходима в силу отсутствия в трудовом законодательстве перечня лиц, уполномоченных осуществлять допуск (фактический допуск) к работе, а также имеющейся правовой неопределенности в вопросе установления начала периода фактического допуска к работе (начала трудовых отношений).

Часть третья ст. 5.27 КоАП РФ в новой редакции устанавливает ответственность должностных лиц, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за уклонение или ненадлежащее оформление трудового договора либо заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем.

Как представляется, введение отдельной нормы, устанавливающей административную ответственность за указанные деяния подчеркивает необходимость защиты прав работников именно на стадии заключения трудового договора, именно тогда, когда правовая защищенность работника наиболее уязвима с точки зрения действующих норм ТК РФ и ГК РФ, содержащих положения о договоре (трудовом договоре). Сложившаяся судебная практика свидетельствует о том, что не во всех случаях работник может доказать наличие трудовых отношений с работодателем, уклоняющимся от заключения трудового договора и выплаты заработка. В то же время, при наличии доказательств, свидетельских показаний и иных фактических данных в судебном заседании уда-

ется доказать наличие фактических трудовых отношений. В качестве достоверных данных, указывающих на наличие фактических трудовых отношений, суды рассматривают осуществление работником трудовых функций по фиксированному рабочему графику, наличию начала и конца рабочей смены, обеденного перерыва, осуществление оплаты не по итогам работы, а путем выдачи фиксированных сумм через определенные промежутки времени (еженедельно, 1-2 раза в месяц), выполнение трудовых функций в конкретном помещении, на территории и т. п.

Представляется, что указанные обстоятельства необходимо устанавливать и при рассмотрении вопроса об административной ответственности работодателя. Однако в данной деятельности правоприменителям необходимо неукоснительно соблюдать основополагающие принципы законодательства об административных правонарушениях, установленные ст. ст. 1.4 – 1.6 КоАП РФ (равенства перед законом, презумпции невиновности и обеспечения законности при применении мер административного принуждения).

Некоторые вопросы применения указанных норм на практике отражены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». Так, согласно п. 57 постановления, приостановление работы в случае задержки выплаты заработной платы на срок более 15 дней допускается не только в случае, когда задержка выплаты произошла по вине работодателя, но и при отсутствии таковой.

При решении вопроса о привлечении к административной ответственности в связи с невыплатой заработной платы целесообразно руководствоваться примечанием к ст. 145-1 УК РФ, в соответствии с которым под частичной невыплатой заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат в настоящей статье понимается осу-

ществование платежа в размере менее половины подлежащей выплате суммы.

Определенные трудности в некоторых ситуациях вызывает вопрос разграничения уголовной и административной ответственности, в особенности, в том случае, когда работодатель привлекался сначала к административной ответственности за задержку выплаты заработной платы.

Такой достаточно обширный охват норм, предусматривающих ответствен-

ность не только непосредственно за нарушение норм ТК РФ, но и за нарушение иных законов, регулирующих трудовые и иные смежные с ними отношения, позволяет прокурорам выполнять поставленные перед ним задачи своевременного выявления и устранения нарушений действующего законодательства, привлечения виновных лиц к установленной законом ответственности, принятия мер к восстановлению нарушенных прав граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Воробьев С. Д. Защита трудовых прав граждан органами прокуратуры // Законность. – 2014. – № 4.

2. Волкова Е. А., Ревякина А. В. Суррогатное материнство в России: в свете последних изменений законодательства РФ // Теоретические и практические аспекты развития современной цивилистической науки. – Краснодар, 2013. – С. 44-47.

3. Зелик В. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противостояния наркотизму в России: Дис. ... канд. юридических наук. – Краснодар, 2001.

4. Зелик В. А. Наркотизация несовершеннолетних – угроза национальной безопасности // Современные проблемы уголовной политики. Материалы V международной научно-практической конференции / Под ред А. Н. Ильяшенко. – Краснодар, 2014.

5. Капица В. С. Некоторые аспекты взаимодействия следователя и оперативных работников при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам национальной, расовой и религиозной ненависти или вражды // Социально-экономический ежегодник-2014. – Краснодар, 2014.

6. Петров И. В. Некоторые аспекты построения системы управления карьерой на предприятии // Механизм экономико-правового обеспечения национальной безопасности: опыт, проблемы, перспективы. – Краснодар, 2013

7. Петров И. В. Нематериальные блага и их защита // Материалы круглого стола «Реформа гражданского кодекса РФ, новации, тенденции, проблемы». – Краснодар^ КубГАУ, 2013.

8. Пластинина Н. Нарушения, выявляемые государственной инспекцией труда: анализ и профилактика // Трудовое право. – 2013. – № 5.

9. Устименко Р. Г., Зелик В. А. Соотношение состава превышения должностных полномочий со смежными составами преступления // Социально-экономический ежегодник 2013: Сборник научных статей. – Краснодар, 2013.

10. Чапурко Т. М., Зелик В. А. О современных политико-правовых направлениях трансформации антикоррупционных действий в России. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Российская криминологическая ассоциация: Сборник научных статей. – Москва, 2015. – С. 112-117.

11. Чапурко Т. М. Государственная политика в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних // Власть. – 2008. – № 6.

12. Чапурко Т. М., Зелик В. А. Политико-правовые вопросы трансформации процессов государственного регулирования миграции рабочей силы в России. // Современное право. – 2014. – № 12-1.

УДК 343.9.018
ББК 67.521.5
Право

МЕТОД ПОЛИГРАФНЫХ ПРОВЕРОК И ПСИХО- ГРАФОЛОГИЯ КАК ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ СВОЙСТВ И СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

А. Н. Куфтерин

Доктор медицинских наук С. В. Булатецкий

Кандидат психологических наук И. В. Хамидова

Кандидат педагогических наук Е. А. Лопатин

В статье рассматриваются вопросы использования возможностей полиграфных проверок и психографологии как психофизиологических методов диагностики свойств и состояний личности. Авторы утверждают, что результаты метода полиграфных проверок и психографологии меньше зависят от субъективного влияния человека, чем результаты традиционных методов психологического тестирования.

Ключевые слова

Психографология, психодиагностика, личность, свойства и состояния личности, полиграф

Актуальность темы обусловлена имеющейся на современном этапе развития психодиагностики проблеме поиска наиболее эффективных методов исследования свойств и состояний личности, свободных от субъективного влияния испытуемого, а также существующей в отечественной юридической науке тенденцией к детальному, подробному исследованию как личности преступника, так и личности сотрудника правоохранительных органов [9].

Реакция организма на тестирование – система комплексная, и вычленение из нее каких-либо составляющих не дает исчерпывающего ответа на вопрос о том, какие механизмы лежат в ее основе. Математи-

чески это можно отобразить в виде равенства: $ЭН = УМ + ФСО$, где ЭН – эмоциональное напряжение, УМ – уровень мотивации, ФСО – функциональное состояние организма, обследуемого [19]. В настоящее время сфера исследований, направленных на поиск методов более независимых от субъективного влияния человека, альтернативных традиционным психодиагностическим методикам, склоняется в сторону методик, связанных с изучением влияния свойств и состояний личности на почерк человека и методик, изучающих психофизиологические параметры организма, доступные для регистрации приборами [4, 5, 6, 7, 8, 14]. Таки-ми методами могут стать психографоло-

гия и метод психологического тестирования с применением полиграфа. Вопросам, связанным с особенностями психофизиологического исследования свойств и состояний личности и применения полиграфа (детектора лжи) в этих же целях, посвящено значительное количество работ [1, 9-13, 15, 16, 18, 20].

Труды отечественных ученых представляют множество мнений о взаимосвязи свойств, состояний личности и почерка, высказанных представителями различных отраслей науки [10, 12, 15, 16, 18, 20]. На основании анализа образцов почерка и ответов на вопросы психологических тестов, представленных испытуемым, отдельными авторами были предприняты попытки статистически выявить общие закономерности относительно психологических свойств личности респондентов и их эмоционального состояния в зависимости от наличия в образцах их почерка тех или иных его признаков. Можно сказать, что такие попытки увенчались успехом. Так Е. С. Симакова [20] доказала взаимосвязь особенностей почерка человека с особенностями свойств и состояний его личности. Она изложила свое осмысление возможности связи психологических процессов, происходящих в личности человека, с его физиологическими процессами и, как результат, выявила проявления личностных характеристик человека в особенностях процесса выполнения им рукописей.

Письмо как один из видов деятельности человека обеспечивается определенной системой навыков. Физиологической основой навыков являются сложные условные рефлексы, образующие в коре больших полушарий головного мозга прочно сложившуюся систему временных нервных связей, названных И. П. Павловым динамическим стереотипом. С точки зрения теории функциональных систем П. К. Анохина процесс письма организуется в рамках формирования в организме человека письменно-двигательной функцио-

нальной системы, то есть динамического подбора необходимых рабочих органов и регулирующих их деятельность нервных центров, установления взаимосвязей между ними. Слаженная работа всех частей письменно-двигательной функциональной системы, объединенных прямыми и обратными связями в кибернетическую систему, приводит к запрограммированному результату деятельности – рукописи.

Письменная речь и почерк каждого пишущего обладают такими важными с графологической точки зрения свойствами, как индивидуальность и относительная устойчивость. Причем выраженность индивидуальности и степень устойчивости почерка позволяют использовать его особенности в целях идентификации пишущего, а также для установления свойств и состояний его личности. Индивидуальность почерка – присущий только данному пишущему человеку комплекс особенностей письменно-двигательного навыка, зафиксированный в рукописи. Своеобразие письменно-двигательного навыка, проявляющегося в почерке, вызвано сочетанием различных факторов, которые влияют на формирование почерка (анатомические и психические особенности человека, подражание, методика обучения письму, условия обучения и т. п.). Индивидуальность почерка выражается в степени и характере его отклонений от стандартных прописей, а также в степени сохранения соответствия последним.

Психографология сравнительно молодая наука, один из ее основоположников И. Ф. Моргенштерн понимал под словом «графология» [16] отрасль психологии, которая занимается изучением соотношений между почерком человека и его индивидуальными личностными особенностями, называемыми характером, науку об определении внутреннего мира человека по его почерку.

Традиционные методики психодиагностики и даже современные их модифика-

ции с использованием компьютерных технологий, какими бы они не были совершенными не могут помочь психологу максимально эффективно преодолеть противодействие опытного сотрудника правоохранительных органов и ограничить влияние обследуемого на результаты психологических тестов, являющихся основой для профессионального отбора в резерв кадров на выдвижение, формирования групп риска, включающих в себя неблагополучных сотрудников и т. п. В этой связи закономерен вопрос: «Как же быть, если обследуемый обладает хотя бы минимально необходимыми знаниями для успешного прохождения тестов (то есть их фальсификации)?». Ответ на этот вопрос появился несколько десятилетий назад, и состоит в использовании полиграфных устройств при проведении психофизиологических обследований, данное направление является весьма перспективным и для применения в психодиагностике, в частности прохождении психологических тестов под контролем «детектора лжи» (полиграфа).

Полиграф (*polygraph*, от греч. *poly* – много и *graph* – писать) – техническое средство, используемое при проведении инструментальных психофизиологических исследований для синхронной регистрации параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, электрического сопротивления кожи, а также, при наличии необходимости и возможности, других физиологических параметров с последующим представлением результатов регистрации этих параметров в аналоговом или цифровом виде, предназначенном для оценки достоверности полученной информации [17]. Первый российский полиграф был создан в Краснодаре в 1959 г. в лаборатории функциональной диагностики краснодарской краевой психоневрологической больницы В. А. Варламовым. Устройство использовалось для выявления симуляции той или иной патологии у граждан, стремящихся полу-

чить справку о наличии психического заболевания.

В настоящее время основной целью специальных психофизиологических исследований (далее – «СПФИ») является выявление негативной скрываемой информации, имеющей значение для общей оценки обследуемого или оценки достоверности полученных от него данных. СПФИ представляют собой проводимую по специальным методикам беседу с фиксацией психофизиологических реакций обследуемого на задаваемые вопросы. Например, основной задачей СПФИ, осуществляемых с целью профессионального отбора на службу в органы внутренних дел, является получение информации по следующим направлениям [14]: выявление отрицательных мотивов поступления на службу; выявление расстройств поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ; уточнение анкетных данных (наличие второго гражданства, использование фальшивых документов и т.д.); выявление возможных контактов с криминальными элементами или разведывательными службами зарубежных стран; выявление наличия вредных наклонностей и некоторых особенностей поведения (склонность к садизму и т. д.); выявление фактов совершения в прошлом антисоциальных поступков и различных преступлений (привлечение к административной или уголовной ответственности).

Авторы считают, что применение полиграфа также может повысить эффективность процедуры психологического тестирования. Использование полиграфа делает результаты тестов более достоверными, так как в открытых источниках трудно найти методики психологических тестов с расшифровкой всех шкал, и шкалы лжи в том числе. Подобрать же методику с целью недостоверно пройти обследование на полиграфе практически невозможно так, как при данном виде обследования могут регистрироваться более де-

сяти различных параметров человеческого организма, контролировать которые сознательно человек не в состоянии.

Дополнением к применению полиграфа может стать метод психографологии. В нашей стране изучением индивидуальных особенностей почерка и влияния на него психофизиологического состояния пишущего занимались криминалисты [2, 3, 10]. Ими была проведена большая исследовательская работа по формированию научных основ судебного почерковедения. В основном это касалось вопросов идентификации личности по выполненной рукописи. Однако необходимо подчеркнуть, что проблема установления взаимосвязи психологических свойств личности человека при выполнении им рукописного материала, их обусловленности друг другом и взаимовлиянии всегда интересовали отечественных криминалистов. В связи с этим мы имеем вполне определенные достижения касающиеся психографологии, в частности в разработке криминалистических методик выявления по признакам почерка особых психологических состояний пишущего при выполнении рукописи.

Авторы считают, что изучение свойств личности по почерку существенно в тех случаях, когда возможности непосредственного изучения личности ограничены, невозможны или их результаты подвержены субъективному влиянию испытуемого; когда некоторые психологические параметры личности с большей надежностью могут быть определены именно по почерку и дают возможность судить о свойствах и состояниях личности в момент выполнения рукописи.

Профессия сотрудника правоохранительных органов предъявляет к определенным свойствам личности, характера, темперамента высокие требования (исполнительность, дисциплинированность, эмоциональная устойчивость, работоспособность, честность, сила воли, требования к выдержке, самообладанию, к быст-

роте реакций и т. п.). При этом необходимым условием успешной работы правоохранительной системы становится качественный профессиональный отбор кандидатов на службу, пригодных для данной профессии, обладающих определенными психологическими качествами. Этот отбор и осуществляется психологической службой посредством применения разнообразных психодиагностических методик. Таким образом психографология могла бы стать одной из альтернативных методик в деятельности психологической службы правоохранительных органов, а именно в психодиагностическом ее направлении, как один из немногих методов, дающих информацию о человеке в его отсутствие, или при нем самом, когда он не подозревает о том, что производится психодиагностическая процедура исследования его личности (например, по рукописному тексту заявления о приеме на работу). Тем самым устраняется субъективное влияние человека на результаты его психологического тестирования и повышается объективность оценки.

Все вышеизложенное, безусловно, свидетельствует о перспективности разработки и применения психографологии, как диагностического метода в психологии. Особенно эффективным будет совместное применение психографологии и полиграфа при психологических обследованиях сотрудников правоохранительных органов.

Авторы статьи считают, что, во-первых, имеется необходимость в поиске, разработке и внедрения в практику психодиагностики методик исследования свойств личности, позволяющих проводить психологическое тестирование сотрудников правоохранительных органов, обладающих знаниями психологии, позволяющими влиять на результаты тестирования.

Во-вторых, традиционные психологические методики тестирования нередко теряют свою актуальность, так как легко

доступны для ознакомления из открытых источников, а также из свободно распространяемых в сети «интернет» компьютерных тестов с автоматизированной обработкой результатов, что позволяет испытуемым подготовиться к процедуре психологического тестирования и скрыть некоторые особенности свойств и состояний своей личности, сознательно повлиять на показатели шкалы лжи психологических тестов.

В-третьих, одним из актуальных направлений в современной прикладной психофизиологии может стать использование полиграфа при проведении процедуры психологического тестирования для контроля достоверности ответов испытуемого на вопросы эксперта (дополнительные возможности в этом плане могут быть получены путем использования психографологии – в целях проведения негласной психодиагностики личности, позволяющей устранить влияние обследуемого на процедуру тестирования.

В-четвертых, использование психографологических методик дает статистически достоверную диагностическую инфор-

мацию о наиболее важных свойствах личности (особенностях характера, темперамента) испытуемого, а применение полиграфа при проведении психологических тестов значительно повышает их достоверность.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что данные эмпирических исследований закономерностей соответствия графологических признаков почерка психологическим качествам человека с помощью психодиагностических методик в целом подтверждают гипотезу о том, что существует зависимость между психологическими особенностями личности человека и его почерком как письменно-двигательным навыком [10, 11, 12, 20]. Поэтому применение психографологических методик для диагностики свойств и состояний личности сотрудников правоохранительных органов в деятельности психологической службы является принципиально возможным. Совместное применение психографологии и полиграфа позволит значительно повысить достоверность и качество результатов при проведении психологического тестирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ахшарумов, Д. Н. Графология / Д. Н. Ахшарумов, Ф. Ф. Тишков. – Рига, 1894. – 139 с.

2. Берзин, В. Ф. О методике решения судебно-почерковедческих идентификационных задач / В. Ф. Берзин, З. А. Ковальчук, З. С. Меленевская // Криминалистика и судебная экспертиза (Киев). – 1987. – № 34. – С. 56-59.

3. Бродская, А. Б. Особенности методики исследования рукописных текстов с большой вариационностью признаков почерка / А. Б. Бродская // Криминалистика и судебная экспертиза (Киев). – 1968. – № 5. – С. 176-179.

4. Булатецкий, С. В. Корреляционные взаимосвязи спектральных параметров ритма сердца при проведении психоэмоциональной пробы у лиц с различным уровнем интеллекта / С. В. Булатецкий, Ю. Ю. Бяловский // Вестник новых медицинских технологий. – 2003. – Т. X. – № 1-2. – С. 20-22.

5. Булатецкий, С. В. Критериальные особенности variability сердечного ритма при психоэмоциональной пробе в группах с различной степенью выраженности формируемых профессионально важных качеств / С. В. Булатецкий // Вестник Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Серия Медицина. – 2003. – № 5(581). – С. 23-27.

6. Булатецкий, С. В. Перспективы применения математического анализа ритма сер-

дца в системе научного психофизиологического прогнозирования успешности профессионального обучения / С. В. Булатецкий. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2005. – 218 с.

7. Булатецкий, С. В. Психофизиология индивидуальных различий по критериям регуляции ритма сердца и индивидуально-типологических свойств личности / С. В. Булатецкий, Е. П. Глушкова // Российский научный журнал. – 2015. – № 3(46). – С. 293-298.

8. Булатецкий, С. В. Физиологические механизмы успешности профессиональной подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России: Дис. ... д-ра мед. наук. – Рязань, 2008. – 301 с.

9. Куфтерин, А. Н., Булатецкий, С. В., Хамидова, И. В., Лопатин, Е. А. Возможности использования психографологии в диагностике свойств и состояний личности сотрудников правоохранительных органов // Российский научный журнал. – 2015. – № 5 (48). – С. 288-293.

10. Вул, С. М. О возможности установления факта выполнения рукописи в состоянии физической усталости / С. М. Вул // Криминалистика и судебная экспертиза (Киев). – 1970. – № 7. – С. 155-163.

11. Зуев-Инсаров, Д. М. Почерк и личность / Д. М. Зуев-Инсаров. – М.: СТ, 1993. – 112 с.

12. Куфтерин, А. Н. Психографология в диагностике личностных особенностей сотрудников правоохранительных органов и правонарушителей / А. Н. Куфтерин // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: Сб. науч. тр. – Рязань, Академия права и управления ФСИН РФ, 2007. – Вып. 2. – С. 251-254.

13. Куфтерин, А. Н. Возможности применения полиграфа в деятельности органов внутренних дел / А. Н. Куфтерин // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: Материалы V Международной научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе 2-3 марта 2011 г. – Москва: ЭКЦ МВД РФ, 2011. – С. 72-76.

14. Мазов, Е. И. Современные технологии при профессиональном психофизиологическом отборе кандидатов на службу в ОВД РФ / Е. И. Мазов, О. Е. Башкина, С. В. Булатецкий // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. – 2010. – Вып. 4. – С. 12-14.

15. Моргенштерн, И. Ф. Внутренний мир в почерке псевдогероев и псевдогениев / И. Ф. Моргенштерн. – СПб.: Рассвет, 1908. – 56 с.

16. Моргенштерн, И. Ф. Психографология / И. Ф. Моргенштерн. – СПб.: Питер, 1994. – 218 с.

17. Оглоблин, С. И. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс / С. И. Оглоблин, А. Ю. Молчанов. – Ярославль: Ньюанс, 2004. – 464 с.

18. Попялковский, М. И. Графопсихологический анализ преступления А. Гилевича / М. И. Попялковский // Вестник полиции (СПб). – 1916. – № 25. – С. 678-679.

19. Психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности / Н. И. Мягих [и др.]. – М.: ЦОКР МВД России, 2006. – 176 с.

20. Симакова, Е. С. Отражение в почерке психологических свойств и состояний личности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2003. – 204 с.

УДК 342.102
ББК 67.401.133
Право

СЫСК В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРЕОДОЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Доктор исторических наук О. И. Мальчук

В статье речь пойдет об обеспечении порядка внутри государства.

Ключевые слова

Сыск, государство, территории, борьба за власть

Российская история богата тайнами. Огромные территории, уникальные по своим масштабам ресурсы и удивительный интеллектуальный потенциал русского народа, всегда притягивали в Россию иностранные спецслужбы, авантюристов и мошенников, что заставляло иметь и постоянно совершенствовать разведку и контрразведку. «Зело берегитесь шпионов на Воронеже» – произнес Петр I в 1703 г.¹

С возникновением государства одной из его функций являлось обеспечение его интересов, защита территории, выявление и противостояние внешним угрозам, а также своевременное выявление таких угроз². Наряду с созданием вооруженных сил для обороны необходимо было иметь возможности заблаговременного установления угроз. Это потребовало наличия определенных структур, которые бы выявляли такие угрозы. Несомненно, что эта деятельность, как правило, должна была проводиться и проводилась негласно, тайно. Она явилась прообразом оперативно-розыскной негласной деятельности государства. Возможности такой деятельнос-

ти использовались и для противостояния аналогичной работы других государств. Оперативно-розыскные мероприятия в рамках такой деятельности осуществлялись, разумеется, без какой-либо гласной, законодательной регламентации.

Наряду с этой перед государством возникла и другая важная задача – задача обеспечения порядка внутри государства, задача борьбы с преступлениями разного вида и характера.

Постановка этих задач перед государством объективно обусловила возникновение и развитие оперативно-розыскных мероприятий. Как заметил В. С. Измолик, история сыска по сути начинается с момента возникновения государства. Борьба за власть, стремление ее удержать, постоянная угроза мятежей, других преступлений заставили правителей обращать особое внимание, наряду с армией, на службу государственной безопасности, правопорядка. Так же очень рано возникают и основные ее компоненты: подслушивание, подглядывание и донос как способы получения информации³.

Следует отметить, что факты исполь-

зования специальных негласных сил и средств при проведении различных разведывательных комбинаций князьями Святославом Игоревичем, Александром Невским, Дмитрием Иоанновичем (Донским) упоминаются в летописях Древней Руси⁴.

История государства и права России свидетельствует о том, что на первоначальном этапе становления российской государственности правоохранительная функция ограничивалась в основном отправление правосудия, а установление преступника и обнаружение похищенного имущества было возложено на самих потерпевших. На Руси еще не было специальных органов или уполномоченных лиц, выполняющих полицейские функции. Охрана граждан от посягательств на их жизнь или имущество лежала на каждой отдельной личности. И лишь при исключительных обстоятельствах, принимающих характер массовых волнений и бедствий, государство в лице своих представителей принимало на себя функцию охраны населения и восстановления порядка. Так, в 1024 году в Ростовской земле по случаю голода возникли беспорядки, которые были прекращены князем Ярославом, поспешившим для этого из Новгорода. Затем во второй половине XI в. в Ростовской и Белозерской землях также вспыхнули волнения по поводу голода. Воевода черниговского князя Ян успокоил волнения.

Древнерусское право изначально основывалось на искомом, частном характере судебного разрешения конфликтов для защиты нарушенных интересов, который предусматривал необходимость не только инициативного обращения потерпевшего от преступления с жалобой, но и возлагал на него бремя установления преступника и доказывания его вины. Обращаясь в княжеский суд, истец должен был сразу указать и на виновное лицо. Данное обстоятельство не вызывало необходимости в существовании специальных долж-

ностных лиц, наделенных полномочиями раскрытия и расследования преступлений.

По этому вопросу в современной историко-юридической литературе известна и иная точка зрения, согласно которой таких должностных лиц можно выделить среди представителей княжеской администрации. Так, упоминаемые в Русской Правде «вирники» не только осуществляли суд и взимание судебных штрафов, но и избличали преступников, осуществляя их розыск. Другой же представитель княжеской администрации – «емец», выполнял функции поимщика вора, даже назывался первым сыскным агентом в истории русского права. С таким выводом вряд ли можно согласиться, поскольку в памятниках русского права отсутствует четкое деление обязанностей различных слуг князя, выполнявших судебные функции, а неразвитость судебно-правовых отношений, вероятно, и не требовала конкретизации должностных полномочий.

Исследуя терминологию административно-судебных учреждений Древней Руси, В. О. Ключевский отмечал, что этот вопрос самый запутанный и трудный отдел древнерусской терминологии, содержащий значительное количество неразъясненных слов. Например, тиуны, по результатам его исследований, происходящие из касты дворцовых слуг, могли выполнять самые различные должности, хотя главным их назначением чаще всего было отправление правосудия и сбор судебных пошлин. Емец, по мнению Ключевского, – чиновник, который арестует (емлет) виновного или подозреваемого, названный впоследствии доводчиком⁵. Доводчиком же назывался судебный чиновник, состоящий при тиуне, обязанность которого состояла в производстве судебного следствия, аресте преступников, содержании их под стражей, проведении допросов (в том числе под пыткой), т. е. он выполнял функции и прокурора, и следователя.

Основной источник права Древней Руси – Русская Правда – закрепила несколько правил, регламентирующих процесс раскрытия и расследования преступлений, которые можно отнести к числу первых уголовно-процессуальных норм.

Одним из таких правил была необходимость осуществления «закличи», т. е. официального объявления о совершенном преступлении, которое производилось в людном месте, как правило, на торговой площади, с требованием возврата похищенного в течение трех дней. Осуществление «закличи», выражаясь современным языком, можно признать начальной стадией уголовного процесса. По своему юридическому значению «закличь» можно сравнить с возбуждением уголовного дела, поскольку лицо, у которого обнаруживалась пропажа, по истечении трех дней с момента «закличи» признавался Русской Правдой ответчиком.

Своеобразным приемом установления виновного был так называемый «свод», суть которого заключалась в обязанности лица, обнаружившего похищенную вещь, указать на того человека, у которого она приобретена. «Свод» мог продолжаться до тех пор, пока не доходил до человека, не способного дать объяснение о месте ее законного приобретения, а поэтому он признавался ответчиком. По своему содержанию «свод» с определенной долей условности можно сравнить с современной очной ставкой.

Более других близок к современным криминалистическим и оперативно-розыскным методам третий из числа закрепленных в Русской Правде приемов – «гонение по следу». Этот прием заключается в поиске и преследовании злоумышленника по оставленным им следам. «Гонение по следу» влекло за собой для общины, в которой терялись следы убийцы или вора, необходимость самой разыскать преступника и выдать его властям.

Рассматривая сущность «закличи», «свода» и «гонения по следу», исследова-

тели по-разному определяют их юридический статус. Одни их называют особыми формами досудебного установления отношений между истцами и ответчиками, другие – формами розыска, методами зарождающегося уголовного сыска, первыми начальными формами процесса, специфической процессуальной формой досудебной подготовки дела⁶. Однако наиболее правильно называть их процессуальными формами раскрытия преступлений⁷. Действительно, закрепленные в Русской Правде приемы, прежде всего, регулируют уголовно-процессуальные отношения, возникшие в процессе преследования преступника, а потому их правильнее относить к числу следственных действий, обеспечивающих установление виновности лица, а не к оперативно-розыскным мероприятиям.

Поскольку общепризнанно, что Русская Правда является сборником древнерусского обычного права, есть все основания полагать, что как «свод», так и «гонение следа», как правовые обычаи, существовали уже задолго до записи их в Русской Правде, где они были всего лишь санкционированы государством в виде правовых норм⁸.

По мере формирования централизованного Российского государства и усложнения общественной жизни происходило усиление государственных органов в борьбе с преступностью. Состязательный процесс постепенно начинает вытеснять новый порядок уголовного преследования преступников, получивший название розыскного процесса или сыска. Сущность розыскного процесса или сыска заключается в инициативном проведении расследования государственными органами по ставшим известными фактам совершения преступления. Отличие розыскного процесса от прежнего порядка уголовного преследования состояло в том, что он начинался вне зависимости от наличия жалобы потерпевшего. Установление злоумышленника и сбор доказательств осу-

ществлялись должностными лицами судебных органов, гласность и устность производства сменялась негласностью и письменностью.

Сыскное производство вначале применялось для преследования государственных преступников, раскрытия и расследования наиболее тяжких преступлений, а затем постепенно распространилось и на другие дела. Сыскные начала в судопроизводстве обнаруживаются еще в Псковской Судной грамоте 1467 г., которая требует обязательного участия официального представителя власти в расследовании дел о кражах. Более четкое разграничение состязательного суда от розыскного процесса было закреплено в Судебнике 1497 г., затем получило свое дальнейшее развитие в Судебнике 1550 года и окончательно оформились уже в Соборном Уложении 1649 г.

Отдельные элементы ОРД появились уже в деятельности сыскных и судебных органов в период царствования Ивана Грозного, создавшего прообраз сыскных подразделений полиции, заложившего основы розыска. В середине XVI в. в центральных органах управления на основе Разбойной избы Боярской думы был сформирован Разбойный приказ, на который возлагалась организация борьбы с преступностью. В 1619 г. был создан Сыскной приказ, ведавший розыском преступников, в котором весьма активно использовалась информация граждан о месте их нахождения⁹.

В заключение отметим, что сыск или розыск следует понимать в двух смыслах. Во первых, это определенная деятельность уполномоченных на то лиц, имеющая свои специфические задачи и цели. Во вторых, это система специальных органов, учреждений, занимающихся этой деятельностью.

Прежде всего, следует оговориться, что термин «сыск» и «розыск» – суть тождественны между собой и являются синонимами. Все различие между ними зак-

лючается в отношениях типа «устаревшее слово» и «современное слово».

Именно так, то есть как устаревшее слово, обозначается слово «сыск» в словаре русского языка С. И. Ожегова. Причем сыск определяется как «выслеживание и розыск преступников». Как синонимы эти слова употребляются в Толковом словаре В. Даля. В. Даль под словом «сыскивать» понимает: искать, стараться найти¹⁰.

У С. И. Ожегова под розыском понимается: деятельность специальных органов по установлению местонахождения уклоняющихся от суда обвиняемых, осужденных лиц, а также лиц, пропавших без вести¹¹. В энциклопедическом словаре розыск определяется как деятельность компетентных органов по установлению места нахождения обвиняемого, подсудимого, уклоняющегося от явки, осужденного, уклоняющегося от исполнения приговора, а также по обнаружению лиц, бежавших из мест лишения свободы, лиц, пропавших без вести¹².

Иногда розыск понимают в узком и широком смысле. При этом в узком смысле понимается деятельность по розыску известных, но скрывающихся от компетентных органов лиц. В широком смысле – это розыск в отношении неизвестных объектов, например лиц, совершивших преступления, скрывшихся с места происшествия и неизвестных компетентным органам.

Таким образом, процесс образования Русского централизованного государства приводил к столкновению со старыми феодальными формами управления, подготавливая постепенное отмирание дворцово-вотчинной системы. Это подготавливало переход к новой системе управления – приказной, выраставшей из прежней. Этот процесс начался в конце XV века, но как система приказное управление оформилось только во второй половине XVI в. Тогда же утвердился и сам термин «приказ».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алексеев М. Лексика русской разведки (исторический обзор). – М.: Международные отношения, 1996. – С. 76.

² Винниченко Н. А., Захарцев С. И., Рохлин В. И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004.

³ Жандармы России / Сост. В. С. Измолик. – СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 3.

⁴ Юдин Е. Г. Некоторые вопросы истории развития оперативно-розыскной деятельности и ее правовой основы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 5. – <http://www.center-bereg.ru/m3461.html>

⁵ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

⁶ Елинский В. И., Исаков В. М. Становление и развитие уголовного сыска в России (X – нач. XX вв.). – М., 1998.

⁷ Оперативно-розыскная деятельность. Учебник / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М., 2001.

⁸ Гибов В. В. Сыскная полиция в механизме Российского государства. Теоретический и историко-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998.

⁹ Юдин Е. Г. Некоторые вопросы истории развития оперативно-розыскной деятельности и ее правовой основы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 5. – <http://www.center-bereg.ru/m3461.html>

¹⁰ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1982.

¹¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1978.

¹² Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987.

УДК 343.3
ББК 67.401.132+67.408.141.9
Право

ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В РОССИИ В XVI-XVIII ВЕКАХ

Доктор исторических наук О. И. Мальчук

В данной статье пойдет речь о защите информации и государственной тайне.

Ключевые слова

Государство, защита информации, система

Тайны сопровождают человечество на всем пути его исторического развития, определяя условия отношений между индивидами и их группами. Их происхождение и существование непосредственно связано со статусом и интересами личности, правами человека. В легальной интерпретации тайна – это информация доступ к которой ограничен. Древнерусское слово «тайна» имеет родственное слово – глагол «таить», который в словарях русского языка трактуется как «скрывать от других, содержать в секретности, в неведении от кого-либо...»¹. Итак, одним из основных признаков защищаемой информации являются ограничения, вводимые собственником информации на ее распространение и использование.

Защита государственной тайны, специальные режимы – это одна из важнейших превентивных мер, направленных на сохранение приоритетов национальной безопасности России. Задачи обеспечения безопасности государства определяют необходимость защиты его информационных ресурсов от утечки важной политической, эко-

номической, научно-технической и военной информации. Это необходимое сегодня исключение из общего принципа открытости информации, ограничение свободы информационного обмена: поиска, получения, хранения и распространения информации. Государственная тайна является одним из важнейших инструментов, с помощью которого обеспечивается безопасность государства и достигается защищенность национальных интересов страны².

Проводимая в России судебно-правовая реформа не сводится только к реформированию судебных органов. Одним из ключевых ее направлений является оптимизация правового статуса правоохранительных органов и учреждений, совершенствование нормативной регламентации их деятельности³. Совершенствование той или иной деятельности невозможно без изучения истории ее становления.

Российская история богата тайнами. Огромные территории, уникальные по своим масштабам ресурсы и удивительный интеллектуальный потенциал русского народа, всегда притягивали в Россию

иностранные спецслужбы, авантюристов и мошенников, что заставляло иметь и постоянно совершенствовать разведку и контрразведку. «Зело берегитесь шпионов на Воронеже» – произнес Петр I в 1703 г.⁴

Говоря о зарождении защиты государственной тайны отметим, что с середины XVI века правовая система России вступила в период сословно-представительной монархии, длившейся до середины XVII века. Этот период в развитии права является началом второго, «уголовно-правового» и соответственно концом «внеправового» этапов. Для его характеристики необходимо обратиться к понятию «государственная тайна» как сведений, имеющих важное государственное значение и охраняемых государством⁵, отталкиваясь от которого и не имея даже конкретных перечней можно констатировать наличие сведений, ее составляющих, с учетом той специфики, что соответствующая вышеперечисленным признакам информация выступала в качестве предмета преступления против государственной безопасности. По этой причине выводы о характере сведений, отнесенных к государственной тайне, можно было делать в основном на анализе существовавших в то время уголовных законов.

Впервые и достаточно подробно, в форме интересных казусов ответственность за измену и, выражаясь современным языком, информационное пособничество военному противнику была установлена в Соборном уложении 1649 года, важными источниками которого явились Губные грамоты и Уставная книга Разбойного приказа. Этот кодекс в немалой степени определил правовую систему Российского государства на многие последующие десятилетия. Что касается защищаемых государством сведений, из главы 7, статьи 20 следует, что «вести», касающиеся государственных дел и «государевых ратных людей», являются информацией, представляющей интерес для государства, и, как следствие, разглашение которой влечет за собой наказание, и соот-

ветствующей признакам государственной тайны согласно определению, данному выше⁶. Обращает на себя внимание и то, что толчком для формирования такой специфичной категории сведений явились военные действия, во время которых их разглашение наносило невосполнимый урон. Руководствуясь такими узкими целями, законодатель счел необходимым их защищать на государственном уровне. При этом нет даже малейшего намека на то, что в принципе деятельность государства во всех сферах человеческой жизни должна носить для ее эффективного осуществления определенную степень секретности. По-видимому, в то время такая проблема не стояла или она не была достаточно разработана, что и наложило отпечаток на редакцию рассматриваемой статьи Соборного уложения.

Следующим документом, который сделал шаг вперед в разработке исследуемой темы, стал Артикул воинский 1715 года. С дальнейшим укреплением абсолютизма детальную регламентацию получают государственные преступления. Понимая опасность этих видов преступлений, законодатель предписывал наказывать виновных прямо на месте преступления. Чаще всего смертной казнью каралась измена. Из всего документа, «являющегося орудием в руках господствующего класса»⁷, для того, чтобы понять, что же все-таки тогда являлось защищаемой информацией, необходимо проанализировать два артикула из глав 16 – 125 и 128. В первом запрещалось объявлять «неприятелю пароль или лозунг»⁸. В артикуле 128 разъясняется, что «как офицеры, так и рядовые не дерзают о воинских делах, о войске, о крепости что писать, ниже о том с другими корреспондовать»⁹. Нельзя не отметить тот факт, что понятием государственной тайны начинается охватываться все более широкий круг сведений, в который на данном этапе уже включены «воинское дело», «войска», «крепости», «пароли и лозунги». Но все же этот процесс идет, не меняя русла – военной

области. На тот момент существует лишь детализация и конкретизация в законе тех случаев, которые имеют наиболее частый характер проявления. На основании сложившейся практики и сформировавшихся взглядов о самых опасных и вредоносных в статью более раннего закона, который продолжал действовать, были внесены изменения, которые и дали в результате артикулы главы 16 петровского нормативного акта. Очень сложно, например, провести четкую границу между «паролем» и «лозунгом», «воинскими делами» и «войском» с «крепостью», учитывая также, что они не подвергались расшифровке в других законах. Но при Петре I «преступление рассматривалось не только как нарушение законов, но и как действие, причинившее вред государству, даже если об этом деянии ничего не говорилось в законе»¹⁰, поэтому очертить границы государственной тайны как сведений, защищаемых государством, было практически невозможно, так как любая информация, разглашение которой представляло угрозу для монархии, могла быть по праву к ней отнесена.

Следует отметить, что исследование эволюции защиты государственной тай-

ны, несомненно, имеет социально-политическую и теоретико-методологическую актуальность. Вопросы защиты государственной тайны приобрели особую значимость в последние годы – в период глубоких социально-экономических преобразований в Российской Федерации, когда, с одной стороны, появляются новые угрозы безопасности государства, а, с другой стороны, сложившиеся ранее режимы защиты государственной тайны перестают работать должным образом.

В этих условиях все большее значение имеют проводимые исследования норм, регулирующих вопросы, связанные с определением и защитой государственной тайны, правовым институтом тайны в целом. Актуальность таких исследований обусловлена тем, что правовой институт тайны, как совершенно справедливо отмечается в литературе, является одним из важнейших институтов, определяющих соотношение интересов личности, общества и государства, частного и публичного начала права, основания и пределы вмешательства государства в негосударственную сферу, степень информационной защищенности в Российской Федерации¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1991.

² Фатьянов А. А. Тайна и право (основные системы ограничения на доступ к информации в российском праве). – М., 1999. – С. 123-133.

³ Филиппов М. И. Организация и правовые основы управленческой деятельности руководителя службы судебных приставов субъекта Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004. – С. 11.

⁴ Алексеев М. Лексика русской разведки (исторический обзор). – М.: Международные отношения, 1996. – С. 76.

⁵ Юридическая энциклопедия. – М., 2001. – С. 197.

⁶ Российское законодательство X – XX веков / Под редакцией П. Р. Вапренина. – М., 1985. – Том 3. – С. 95.

⁷ Титов Ю. П. История государства и права: Учебник. – М.: Былина, 1996. – С. 166.

⁸ Российское законодательство X – XX веков / Под редакцией П. Р. Вапренина. – М.: Юридическая литература, 1986. – Том 4. – С. 350.

⁹ Там же. – С. 351.

¹⁰ Титов Ю. П. История государства и права: Учебник. – М., 1996. – С. 167.

¹¹ Панченко П. Н. Институт тайны: правоохранные аспекты // Гос-во и право. – 1998. – № 8. – С. 24.

УДК 343.234
ББК 67.408.031
Право

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Кандидат юридических наук Р. М. Мелтонян

Статья посвящена одному из оснований института освобождения от уголовной ответственности – деятельному раскаянию. В настоящей статье это «явление» рассматривается как комплекс позитивных посткриминальных мероприятий, направленных на устранение общественной опасности деяния, и соответственно, поощряемых государством смягчением или полным устранением уголовно-правового обременения. Сделана попытка аргументации, что совершение социально одобряемых действий после преступного поведения (в том числе и возмещение ущерба и заглаживание вреда) должно быть осуществлено, в большинстве своем только лицом, нарушившим уголовный запрет, а не другими лицами (пусть даже с его согласия или одобрения). В этом сакральный смысл этого правового явления, и перспективы развития института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием видятся только в этом ключе.

Ключевые слова

Освобождение от уголовной ответственности, основание освобождения от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, возмещение ущерба и заглаживание вреда

О общеизвестно, что совокупность институтов уголовного права основывается (во всяком случае – должна основываться) на основополагающих принципах этой отрасли правовой действительности, то есть опирается на положения, которые получили официальный статус таковых в соответствующих нормах закона. Эти принципы взаимосвязаны, вытекают один из другого, поддерживают и уравнивают друг друга, распространяют свое действие на всех субъектов уголовного права, определяют содержание уголовно-правовых норм и институтов.

В этом смысле исключением не является и институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, существование норм о котором в уголовном и уголовно-процессуальном источниках основывается на идеях законности, справедливости и гуманизма.

Так, принцип законности проявляется в неукоснительном соблюдении установленных нормами уголовного и уголовно-процессуального законов довольно специфического порядка освобождения виновного лица от уголовной ответственности. Справедливость обуславливается возможностью устранения государством (читай

– судом, органами предварительного следствия или дознания) уголовно-правового обременения, однако при условии, что лицо, совершившее преступление, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред от своих преступных действий. Надо сказать, что в рассматриваемом контексте, справедливость воздаяния за деяние как реакция государства равнозначна соразмерности применения соответствующих деянию мер воздействия, имеющих в арсенале уголовного права [4].

В наибольшей степени в рассматриваемом институте проявляется принцип гуманизма. Безусловно, уголовное законодательство должно обеспечивать безопасность каждого человека, в том числе и оступившегося, предоставляя ему взамен (разумеется, при наличии социально одобряемого постпреступного поведения) возможность быть освобожденным от ответственности. С этим принципом связан и сопутствующий ему принцип экономии уголовной репрессии, в последнее время получающий довольно широкое освещение в юридической печати, и что очень важно, в тесном сочетании с термином «эффективность».

Да, специалистам известно, что освобождение от уголовной ответственности реализуется путем прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Согласно данным официальной статистики, в связи с деятельным раскаянием и по другим нереабилитирующим основаниям суды ежегодно прекращают уголовные дела в отношении более 200 тысяч лиц. Так, в 2014 году число лиц, в отношении которых судами были прекращены уголовные дела по названным основаниям составило 215418 человек, что составило без малого четверть (22,5 %) от числа лиц, уголовные дела в отношении которых были рассмотрены судами по существу.

Таким образом приведенные данные свидетельствуют, что на долю институтов освобождения от уголовной ответствен-

ности, в том числе и в связи с деятельным раскаянием выпадает решение существенных задач, стоящих перед уголовным законом, где наиболее важными являются: уменьшение уровня репрессивности уголовной политики; уменьшение материальных затрат на содержание органов уголовной юстиции; «разгрузка» в необходимых пределах следственных изоляторов и мест лишения свободы и др.

Вместе с тем, также очевидно и другое. За время действия УК РФ более половины лиц, ранее освобождавшихся от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, были осуждены за вновь совершенные ими преступления. Такое «положение вещей» вряд ли позитивно сказывается на понимании эффективности институтов освобождения от уголовной ответственности в целом. Более того, такое освобождение приводит и к элементам «фальсификации» других институтов уголовного права, например, уровня уголовно-правового рецидива лиц, совершивших новые умышленные преступления, поскольку при определении последнего не учитываются умышленные преступления, в связи с которыми виновные лица освобождались от уголовной ответственности

Имея в виду сказанное, резонно задать вопрос, а имело ли место раскаяние за совершенное в прошлом преступление и, если оно (раскаяние) было, то насколько «искренним и чистосердечным», если лицо вновь становилось (становится) на преступный путь? Понятно, что ответ на этот вопрос лежит, может быть в плоскости не только (не столько!) уголовного и уголовно-процессуального отраслей права, но тем не менее.

Таким образом очевидно, что в контексте анализа проблемы есть вопросы, ответы на отдельные из которых даны вполне определенно. В частности, Пленум Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года «О применении судами законодательства, регламентирую-

щего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» дал однозначный и положительный ответ на вопрос о возможности освобождения лица от уголовной ответственности за совершенное преступление, если оно юридически не признано виновным в совершении этого преступления. Не остался без разрешения и вопрос об отсутствии необходимости выполнения лицом всех перечисленных в законе действий, то есть достаточности выполнения тех из указанных действий, которые лицо объективно имеет возможность совершить.

Таким образом, даже далеко не глубокий анализ института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием дает основание полагать, что он содержит как вполне определённые («ясные» — с позиции правоприменителя) категории, так и нуждающиеся в разъяснении «неопределённости», которые несмотря на то, что расширяют возможности применения ст. 75 УК РФ, вместе с тем могут вызвать неосновательные суждения, на чем несколько подробно мы остановимся ниже.

Очевидно, что все эти «неопределённости», так или иначе связанные с признаками деятельного раскаяния, их объемом, строгостью, временными границами с одной стороны и конкретным поведением лица с другой. Так же очевидно, что эти вопросы требуют своего решения.

Надо сказать, что одним из этих вариантов (походов) решения этих «неопределённостей» представляется выработка механизма единообразного понимания деятельного раскаяния как института, его закрепление в нормах уголовного закона, а также унификация его признаков.

Возможно ли это? Думается, что да. Во-первых, такое понятие как деятельное раскаяние возникло не на пустом месте и его развитию, равно как и развитию одноименного института освобождения от уголовной ответственности предшествовала история становления механизмов

регулирования субъектами правоотношений посткриминального поведения. Приведем несколько мнений.

Деятельное раскаяние есть: «постпреступное поведение, состоящее в предотвращении вредных последствий содеянного, заглаживании нанесенного ущерба, явке с повинной и активном способствовании раскрытию совершенного преступления» [5]. Деятельное раскаяние есть комплекс позитивных посткриминальных мероприятий, направленных к устранению общественной опасности деяния [3]. Деятельное раскаяние есть «поощряемое государством смягчение ответственности или освобождение от нее, добровольное, положительное поведение виновного после совершения преступления, направленное на снижение или полное устранение вредных последствий содеянного, а также на оказание содействия правоохранительным органам в раскрытии совершенного преступления» [2]. Деятельное раскаяние есть «указанные в законе активные добровольные действия, посредством которых лицо, совершившее преступление, руководствуясь любыми внутренними побуждениями, предотвращает, устраняет или уменьшает тяжесть вредных последствий содеянного либо оказывает помощь правоохранительным органам в раскрытии и расследовании этого и других преступлений, что влечет за собой в случаях, предусмотренных законом, освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания» [1].

Даже из приведенных доводов становится очевидным, что институт «деятельное раскаяние» есть вполне самостоятельный институт, обладающий «жизнеспособностью» и представляющий из себя активные, добровольные действия лица признавшего свою вину в содеянном, раскаивающегося и имеющего желание устранить вредные последствия совершенного им правонарушения.

Разумеется, деятельное раскаяние, вне зависимости от конкретной формы выра-

жения, всегда имеет место после завершения всех действий, которые виновный считал необходимыми, и наступления предусмотренных законом последствий. Если виновный успевает предотвратить обязательные последствия, в его действиях есть признаки добровольного отказа от преступления [5]. Именно такая строгая временная граница деятельного раскаяния дала жизнь термину «посткриминальное (постпреступное) поведение». По определению Р. А. Сабитова, это «предусмотренное уголовным законом непреступное, общественно-полезное или социально опасное (вредное), сознательное, волевое проявление активности или бездействия лица после совершения им преступления... влекущее уголовно-правовые последствия» [6].

Таким образом, отграничение деятельного раскаяния от иных уголовно-правовых институтов, прежде всего имеющих законодательное закрепление, в том числе и института добровольного отказа от совершения преступления, отчетливо подчеркивает необходимость (важность) законодательной регламентации института деятельного раскаяния, с указанием в тексте закона его признаков и целей.

Как представляется, признаки деятельного раскаяния могли бы содержать такие «компоненты» как осознание лицом своей вины в содеянном, сожаление о невозможности изменить содеянное; стремление лично исправить допущенное (совершенное); содействие компетентным органам в раскрытии и расследовании преступления.

Что касается целей деятельного раскаяния, как основания одноименного освобождения от уголовной ответственности, то думается, что она (цель) могла бы быть представлена необходимостью обеспечения определенного баланса между мерами уголовно-правового характера и наказанием, усиления частных начал в уголовном праве (разумеется, не в ущерб публичным!). Складывающиеся сегодня про-

цессы дают основание полагать, что такое усиление обязательно будет происходить в ближайшие годы, ибо, в противном случае, уголовная юстиция просто захлебнется в потоке мелких уголовных дел и перестанет эффективно защищать общественные отношения от реально общественно-опасных деяний.

О затронутом выше и несколько подробнее. Безусловно, «вопросом вопросов», подлежащих обсуждению в рамках институтов освобождения от уголовной ответственности, включая институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием – возможность возмещения ущерба и (или) заглаживание вреда не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия или одобрения) другими лицами, если само лицо не имеет реальной возможности для выполнения этих действий. Надо сказать, эта позиция Верховного суда РФ соотносится с идеей о том, что возможность освобождения от уголовной ответственности связана с утратой общественной опасности самим освобожденным лицом или совершенным им преступлением и т. д.

Конечно, характеризуя деятельное раскаяние и одноименный институт освобождения от уголовной ответственности, необходимо руководствоваться рядом соображений, в перечне которых и возможность выполнения перечисленных в законе действий, направленных на возмещение ущерба и заглаживание вреда. Вместе с тем, если при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) ущерб, может быть возмещен и, соответственно, вред может быть заглажен не только лицом, нарушившим уголовно-правовой запрет, но и другими лицами, включая и организации (в случае совершения преступлений, предусмотренных ст. 199 и 199.1 УК РФ), то освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в случаях возме-

щения ущерба и (или) заглаживание вреда не виновным, а третьими лицами, по этому основанию в большинстве своем представляется невозможным. Подобное освобождение «размывает» сакральный смысл термина «раскаяние», то есть сожаления о совершенном поступке. А ведь именно такой поступок лица, обусловленный признанием вины в полном объеме, и искренним сожалением о происшедшем и, соответственно, деятельными, по смыслу ст. 75 УК РФ «процедурами» может быть положен в основу освобождения от

уголовной ответственности как акта уголовно-правового поощрения, а не компромисса, отчетливо прослеживаемого содержаниями ст. 76, 76.1 УК РФ.

Таким образом, деятельное раскаяние и одноименный институт освобождения от уголовной ответственности содержат определенные проблемы. Они сопряжены с понятийным аппаратом, особенностями нормативно-правового регулирования и возможностями указанного освобождения, а также с пробелами и противоречиями в нормативно-правовой среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности. – М., 2004. – С. 75, 77.
2. Крепышев А. М. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000. – С. 15.
3. Кушнарев В. А. Проблемы толкования норм уголовного права о деятельном раскаянии // Юридический мир. – 2002. – № 1. – С. 45.
4. Мелтонян Р. М. К вопросу о справедливом воздаянии за совершенные деяния // Преступность в западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений // Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2013. – С. 167.
5. Никулин С. И. Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел в борьбе с преступностью. – М., 1985. – С. 6.
6. Сабитов Р. А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). – Томск, 1985. – С. 22
7. Тер-Акопов А. А. Добровольный отказ от преступления. – М., 1982. – С. 75-76.

УДК 343.347
ББК 67.408.111
Право

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ: ПРОБЛЕМЫ ЛАТЕНТНОСТИ

И. А. Никулина

В своей работе автор рассматривает латентную преступность, проблемы ее выявления и профилактики в сфере медицины.

Ключевые слова

Медицина, профилактика, предупреждение, преступление, латентность

Латентная (от латинского *latens* (*latentis*) – скрытый, невидимый) преступность – реальная, но скрытая или незарегистрированная часть физически совершенных преступлений. Разница между учтенной преступностью и фактической и составляет латентную преступность.

Существование латентной преступности – это объективная криминологическая закономерность, существующая в любом государстве, не составляет исключения и Россия.

На существование латентной преступности было обращено внимание еще в начале XIX века. Указания на нее содержатся в работах А. Ж. Кетле, который говорил о том, что известна только часть всех совершающихся преступлений [1].

Глубокое изучение латентной преступности началось только в семидесятых годах прошлого столетия, когда было обращено внимание ученых на проблемы ее выявления, анализа и измерения. Данной проблематике посвящены работы А. А. Герцензона [2], А. С. Шляпочникова [3], Ю. Д. Блувштейна [4], Ф. М. Захаревича, который касаясь вопроса статистического учета писал: «Увеличение цифры преступлений, оказывающихся в статистической таблице, часто есть только выражение луч-

шей системы, принятой для открытия их. Число арестантов, переданных в руки правосудия, не есть еще средство, вполне достаточное для числа преступлений, истинно совершаемых подобно тому, как число рыб, пойманных неводом, не указывает число рыб, плавающих в реке...» [5].

В июне 1993 года проблемы латентной преступности рассматривались на международном семинаре «Латентная преступность: познание, политика, стратегия».

Однако на сегодняшний день степень разработанности данной проблемы нельзя считать достаточной, так как неразрешенными остаются ряд вопросов, связанных в частности с определением латентной преступности в области медицины, причинами и способами ее измерения и устранения.

Масштаб латентной преступности до настоящего времени остается неизвестным для криминологии.

Отсутствие достоверной информации о преступности не позволяет более точно прогнозировать ее развитие, планировать ресурсы, средства и приоритетные направления борьбы с ней. Все это обуславливает актуальность изучения скрытой или латентной преступности.

Неразрешенным остается вопрос, что

же следует отнести к латентной преступности в сфере медицины? Каким должно быть ее отражение в статистике правоохранительных органов?

Основным вопросом латентности преступлений в сфере медицины остается вопрос выявления преступлений и их учета.

По мнению Ельскене Т. Ю., практика правоохранительной деятельности знает многочисленные факты формальной выявленности и учтенности преступлений без фактического установления и привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении [6]. То есть, по мнению некоторых авторов, к латентной преступности следует отнести случаи выявленных преступлений, по которым были проведены проверки и вынесены постановления о возбуждении уголовного дела, однако юридических последствий, то есть привлечения лиц к уголовной ответственности не произошло. Данную проблему авторы связывают с недостаточной компетентностью сотрудников правоохранительных органов при сборе материалов доследственных проверок и некачественного расследования уголовных дел в силу каких-либо субъективных обстоятельств.

С указанной позицией трудно согласиться. Факт совершения деяния был выявлен и установлен, что нашло свое документальное отражение. Не наступление юридических последствий следует отнести к качеству работы по указанному виду преступлений, но никак не к латентности преступности.

Наглядным примером латентной преступности в сфере здравоохранения может служить анализ следственной практики: в случае смерти пациента в лечебном учреждении на место происшествия следственно-оперативная группа и судебный врач-эксперт не выезжает, труп и медицинская документация не осматриваются, то есть не собираются и не закрепляются доказательства, которые в дальнейшем могут быть утеряны, либо умышленно уничтожены. Как было указано в проведенном нами ранее исследовании [7] независимо от того,

где произошла смерть человека, дома или в медицинском учреждении, где он наблюдался, заполняется медицинское свидетельство о смерти по форме № 013/у, утвержденное приказом Минздрава Российской Федерации от 06.06.2013 г. № 354н. В этом свидетельстве указывается причина смерти, окончательный диагноз, установленный врачом и окончательное заключение патологоанатома. Согласно приказу Минздрава РФ от 06.09.2013 г. № 354н «О порядке проведения патологоанатомических вскрытий», вскрытие трупов больных производится только при представлении в морг одновременно с трупом истории болезни или родов, оформленных в установленном порядке. Указанные документы должны содержать заключительный клинический диагноз с датой его установления, посмертный эпикриз, подлинники материалов проведенных исследований (рентгенограммы, ЭКГ, лабораторные анализы, карты анестезиологических и реанимационных пособий и другие имевшие место исследования), визу главного врача или его заместителя с указанием цели направления на патологоанатомическое вскрытие, судебно-медицинское исследование, сохранение и др. И, несмотря на то, что в большинстве случаев вскрытие производится в отделениях лечебно-профилактических учреждений и патологоанатомы являются коллегами врачей данного учреждения, иногда их заключения не совпадают.

Сведения о расхождении заключительного клинического диагноза и патологоанатомического диагноза, а также о выявленных дефектах оказания медицинской помощи вносятся врачом-патологоанатомом в протокол патологоанатомического вскрытия и направляются в медицинскую организацию, врач (фельдшер) которой выдал направление на патологоанатомическое вскрытие [8]. Обсуждение наступившей смерти пациента не выносится для обсуждения за пределы того лечебного учреждения, где получал лечение пациент. Приведенный пример говорит о несовершенстве

работы проводимой с официальными документами в медицинских учреждениях.

Работа правоохранительных органов, связанная с выездом на место происшествия, регламентируется действующим уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными приказами, в частности работа следственно-оперативной группы регламентирована Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 августа 2014 г. N 736 г. Москва.

«Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». Согласно данного приказа работа следственно-оперативной группы проводится только по заявленным и выявленным преступлениям. Работники медицинских учреждений сообщают о летальных исходах только в том случае, если на теле пострадавшего имелись травмы криминального характера. В остальных случаях вся информация остается внутри медицинского учреждения, что делает невозможным работу по выявлению преступлений в данной сфере. Единственный случай, когда сотрудники правоохранительных органов начинают проводить проверку – обращение родственника умершего гражданина с просьбой о проведении проверки по факту смерти, когда заключение медиков вызывает у них сомнение. В данном случае латентное преступление подлежит регистрации и проверке.

Особое внимание при изучении проблем латентной преступности следует уделить вопросу обращения граждан с заявлениями о совершенных в отношении них противоправных деяний в сфере медицины, которые сотрудниками правоохранительных органов умышленно не регистрируются в целях создания видимых успехов в борьбе с преступностью, либо сотрудники правоохранительных органов не сообщают о преступлении в силу неправильной фактичес-

кой, либо правовой оценки деяния.

В данном случае, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть вопрос не только о дисциплинарной ответственности указанных сотрудников за искажение статистической отчетности и укрывательство преступлений, а именно об уголовной ответственности, так как на данном этапе происходит нарушение прав гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

Последствия латентной преступности в сфере здравоохранения следует рассматривать в качестве одной из основных характеристик латентной преступности. При этом социальный и моральный ущерб от латентной части преступности, по своим масштабам не уступает, а скорее превышает аналогичные последствия зарегистрированной части преступности. Несомненно, что своевременно принимаемые меры могут ослабить отрицательные последствия преступности, однако минимизировать, а тем более предотвратить последствия латентной преступности не всегда возможно. Это обусловлено, прежде всего, качественными признаками, отличающими латентную преступность от регистрируемой. В большинстве случаев последствия латентной преступности скрыты и, соответственно, оценка их правоохранительными органами затруднена или вовсе не возможна. Ущерб, как физический, материальный, так и морально-психологический от регистрируемой преступности огромен, однако он ни никак не может сравниться с вредом, который наносит нашей стране, гражданам нашей страны латентная преступность. Жизнь и здоровье человека – главная ценность государства.

Однако у латентной преступности в сфере медицины существует обратная сторона – латентная виктимность.

Поведение жертвы в механизме индивидуального преступного поведения играет далеко не последнюю роль. В латентной преступности в сфере здравоохранения четко прослеживается коррупционная цепочка «пациент – врач».

Пациент, либо его родственник переходят в разряд потерпевших (заявителей о совершенном в отношении них, либо родственников преступлений), то есть становятся известными правоохранительным органам и органам правосудия; отстаивают свои права, а другие не желают их отстаивать и, следовательно, остаются в числе латентных, оказывая негативное влияние на формирование преступных намерений лиц, склонных и склоняющих к совершению преступлений.

Таким образом, латентные жертвы выступают в качестве обстоятельств, влияющих на самодетерминацию преступности. При этом преступники предполагают, что жертва не будет обращаться в полицию по поводу такого преступления, так как преступления в сфере здравоохранения связаны с жизнью и здоровьем граждан, которые в дальнейшем вынуждены вернуться к тем же специалистам. Вследствие этого, такие потерпевшие считают, что подача заявления может причинить им больше вреда, чем ущерб, от совершенного в отношении них преступления. В результате, данный контингент граждан способствует эскалации латентной виктимности.

Необходимо формирование нравственного правового сознания граждан с использованием средств массовой информации, агитационных (разъяснительных) материалов в форме буклетов, брошюр, плакатов,

другой наглядной агитации, использованием средств телевидения – социальных роликов и просветительских программ, при помощи которых необходимо довести до сознания населения пагубность коррупционного поведения в общении с сотрудниками медицинских учреждений. К числу основных целей информационно-пропагандистского обеспечения можно отнести создание у населения страны максимально положительного имиджа российской системы здравоохранения. Изменение правосознания граждан, в первую очередь, повлияет на латентность преступности в сфере здравоохранения.

Таким образом, латентная преступность в сфере медицины имеет достаточно большую специфику причин, условий и факторов латентности. Так основной причиной латентности преступлений в сфере здравоохранения является, по нашему мнению, несовершенство методик, приемов и способов выявления подобных преступлений.

Нельзя не отметить, что в последние годы заметно возросло внимание к изучению данной проблематики. Сегодня управление социальными процессами в сфере предупреждения латентных преступлений, являющееся одной из тех важнейших функций государства и общества, нуждается в дальнейшем совершенствовании правовых основ, что требует серьезного научного анализа этих процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кетле А. Социальная физика, или опыт исследования человеческих способностей. – Киев, 1911. – С. 262.
2. Советская уголовная статистика. Учебное пособие / Герцензон А. А. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. изд-во НКЮ ССР, 1937. – 264 с.
3. Кондрашов Н., Шляпошников А. Актуальные вопросы совершенствования уголовной статистики // Советская юстиция. – 1964. – № 21. – С. 22-24.
4. Блувштейн Ю. Д. О некоторых возможностях измерения латентной преступности // Проблемы криминологии. М-лы Всесоюзной научной конф. – М., 1973. – С. 309-321.
5. Захаревич Ф. М. Опыт юридич. статистики // Журн. МВД. – 1853. – Ч. 41. – С. 258.
6. Ельские Ю. Т. Понятие латентной преступности // Российский следователь. – 2005. – № 9. – С. 42-45.
7. Никулина И. А. Специально-криминологические и индивидуально-профилактические меры предупреждения коррупционных преступлений в сфере медицины // Российский научный журнал. – 2015. – № 5(48). – С. 294-299.
8. Приказ Минздрава РФ от 06.06.2013 г. № 354н «О порядке проведения патологоанатомических вскрытий» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru>.

**ВОРОНЕЖСКИЙ ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ
СЛУЖБЫ МИНИСТЕРСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДЕЛАМ
ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ
И ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ
(ВОРОНЕЖСКИЙ ИНСТИТУТ ГПС МЧС РОССИИ)**

УДК 347.122
ББК 67.408.131
Право

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МЧС РОССИИ**

**Кандидат технических наук Г. И. Сметанкина
Кандидат юридических наук С. А. Шуткина**

Рассматриваются вопросы правового регулирования обеспечения защищенности критически важных для национальной безопасности объектов инфраструктуры и населения страны.

Ключевые слова

Правовое регулирование, чрезвычайная ситуация, законодательные акты, нормативные документы

Риск возникновения чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации продолжает оставаться высоким. Количество чрезвычайных ситуаций имеет тенденцию к увеличению: возрастает материальный ущерб, потери среди населения, ухудшается экологическая обстановка и условия жизнедеятельности людей.

Усиление антропогенного воздействия на окружающую среду, имеющиеся глобальные изменения климата на планете определяют необходимость не только в долгосрочном прогнозировании чрезвычайных ситуаций, мониторинга основных источников техногенной и природной опасности и предупреждения (снижения рисков возникновения) чрезвычайных ситуаций, но и необходимость разработки механизма правового регулирования обеспечения защищенности критически

важных для национальной безопасности объектов инфраструктуры и населения страны.

В истории России правовое регулирование общественных отношений в области защиты населения и территорий от ЧС всегда относилось к числу важнейших национальных задач, непосредственное исполнение которых возлагалось на первых лиц органов власти [2].

Правовое регулирование отношений по защите населения и территорий в чрезвычайных ситуациях – это совокупность норм и правил, устанавливаемых законодательно с помощью нормативных правовых актов, регулирующих отношения в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Правовое регулирование защиты населения и территорий от ЧС отвечает следующим признакам:

1. Правовое регулирование в рассматриваемой сфере является разновидностью социального регулирования;

2. Имеет целенаправленный характер – нацелено на упорядочение общественных отношений, их охрану и защиту, вытеснения и блокировки деструктивных форм проявления поведения и деятельности субъектов права, стимулирования социального развития;

3. С помощью правового регулирования отношения между субъектами приобретают определенные правовые формы, имеющие изначально государственно-властный характер. Специфика правового регулирования защиты населения и территорий от ЧС заключается, с одной стороны, в указании видов и объема гарантированного возможного поведения и, с другой стороны, в предписании видов и объема должного поведения;

4. Правовое регулирование носит конкретный характер, потому что всегда связано с реальными отношениями;

5. Правовое регулирование имеет целенаправленный характер – направлено на удовлетворение законных интересов субъектов права;

6. Правовое регулирование осуществляется с помощью правовых средств, обеспечивающих его эффективность (в качестве правовых средств выступают нормы и принципы права, правоприменительные акты, договоры, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения и наказания, акты реализации прав и обязанностей и т. д.);

7. Правовое регулирование гарантирует доведение норм права к их выполнению. В соответствии с положениями Конституции РФ (ст. 15 ч. 3) любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения [3].

Правовое регулирование отношений в

области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права и осуществляется федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Органы местного самоуправления в пределах своих полномочий могут принимать муниципальные правовые акты, регулирующие отношения, возникающие в связи с защитой населения и территорий от чрезвычайных ситуаций [4].

На сегодняшний день законодательной основой защиты населения и территорий от ЧС военного и мирного времени служат два основных федеральных закона:

1. ФЗ РФ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» № 68-ФЗ от 21.12.1994. Настоящий закон определяет общие для России организационно-правовые нормы в области защиты граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории РФ, всего земельного, водного, воздушного пространства в пределах РФ или его части, объектов производственного и социального назначения, а также окружающей природной среды от ЧС природного и техногенного характера.

2. ФЗ «О гражданской обороне» № 28-ФЗ от 12.02.1998. Данный Федеральный закон определяет задачи в области гражданской обороны и правовые основы их осуществления, полномочия органов государственной власти РФ, органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, а также силы и средства гражданской обороны.

Так же, можно упомянуть такие федеральные законы как ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» № 151-ФЗ от 22.08.1995; ФЗ «О по-

жарной безопасности» № 69-ФЗ от 21.12.1994; ФЗ «Об обороне» № 61-ФЗ от 31.05.1996; ФЗ «О радиационной безопасности населения» № 3-ФЗ от 09.01.1996; ФКЗ «О чрезвычайном положении» № 3-ФКЗ от 30.05.2001 и др.

В развитие этих законодательных актов и нормативных документов, в целях реализации их требований разработано, принято и действует большое количество подзаконных нормативных правовых до-

кументов, определяющих все стороны данной проблемы.

Таким образом, в РФ постепенно формируется единая нормативная правовая база в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а также опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий, в которой четко прослеживаются основные направления государственной политики в данной области.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (ред. от 02.07.2013 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 35. – Ст. 3649.

2. Федулов Г. В. Защита населения от чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.

3. Сметанкина Г. И., Шуткина С. А. Правовое регулирование деятельности добровольной пожарной охраны // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. – Воронеж: ВИ ГПС МЧС России, 2015.

4. Сметанкина Г. И., Шуткина С. А. Правовые основы совершенствования государственной надзорной деятельности в области пожарной безопасности // Материалы VII международной научно-практической конференции «Наука сегодня». – Вологда, 28 октября 2015.

УДК 347.266
ББК 67.407.1
Земельное право

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СЕРВИТУТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Кандидат юридических наук Ю. Е. Терновая

В статье проводится краткое исследование вопросов законодательного закрепления сервитутных отношений в российском дореволюционном законодательстве. Несмотря на отсутствие данного термина в нормативно-правовых актах рассматриваемой эпохи, правоотношения, являющиеся по своей правовой природе сервитутными, известны российскому дореволюционному законодательству и получили в общем виде правовую регламентацию в ряде нормативных актов эпохи.

Ключевые слова

Сервитут, земельные правоотношения, право собственности на землю, землепользование, землевладение

В России развитие правовой регламентации сервитутных отношений имеет ряд ярких особенностей, что обусловлено целым комплексом причин. Так, в России длительное время по сравнению с Западной Европой существовал общинный строй землепользования. Коллективная форма хозяйствования базировалась на традиционных началах определения роли каждого члена общины в процессе землепользования.

Последующий распад общинного землевладения и дробление земель привели к формированию системы частной поземельной собственности в форме крупных помещичьих землевладений.

Именно эти два фактора решающим образом повлияли на то, что правовая регламентация сервитутных отношений длительное время оставалась за пределами

внимания законодателя.

Тем не менее, отдельные исключения все же были. Так, например, нередко были случаи, когда имение и угодья жаловались правительством разным лицам, либо оно сохраняло за собой право угодий. Отдельные виды угодий могли переходить в собственность третьих лиц в процессе гражданского оборота либо имение в целом дробилось на несколько земельных участков.

Кроме того активный рост и развитие городов также способствовали развитию сервитутных отношений. В Уложении Алексея Михайловича присутствовали почти все сервитуты, признаваемые позже русским законодательством начала XX века. Естественно, что процесс развития и совершенствования сервитутного права был значительно стимулирован падением крепостного права и развитием бур-

жуазных отношений во второй половине XIX века.

Иными словами, невзирая на некоторые особенности исторического развития, и в России господствующей стала тенденция перехода от общинного крестьянского землевладения к частному мелкоземельному, а значит, сервитуты явились естественным следствием развития экономических отношений. И. Горонович в своем «Исследовании о сервитутах» подчеркивал, что освобождение крестьян, наделение их землей сопровождалось возникновением общих выгонов и выпасов, общих водопоев, прогонов к водопою и пастбищам. Так, случаи временного пользования чужой недвижимостью преобразовывались в постоянные сервитуты. Крестьяне, став собственниками, с необходимостью включались в естественный процесс развития сервитутных отношений [2. С. 47].

Отдельные положения о сервитутных отношениях стали все чаще получать правовую регламентацию. Соборное уложение 1649 г. (гл. 10) [3. С. 186] предусматривало ограничения правомочий соседа в интересах других лиц. Так, запрещалось возводить строения на меже или близко к меже своего соседа (ст. 277), ставить печи и кухни близко к стене своего соседа (ст. 278) выметать сор из постройки или «чинить какую-либо пакость» на постройку соседа, если она ниже по высоте (ст. 279) и т. д. Эти права носили отрицательный характер, т. к. запрещали соседу совершать определенного рода действия. Положительный ха-

рактер носили права, предусмотренные ст. 239-241 гл. 10 Соборного уложения: право прохода и проезда через чужие леса, пашни, водные объекты.

В XVIII-XIX веках появляется все больше норм, регулирующих сервитутные отношения. Закон о постройке домов в Петербурге от 1737 г. [3. С. 147], Устав Лесной [4. С. 136], Строительный устав 1857 г. закрепляют виды сельских и домовых (городских) сервитутов. С 1 января 1835 г. регулирование сервитутов осуществляется на основании главы «О праве собственности неполном» Свода законов гражданских. В ст. 433-446 вводились новые правовые категории «право участия частного» и «права участия общего». По вопросу правовой природы данных категорий сформировалось три основных точки зрения. Представители первой относили обе категории к понятию сервитут. Сторонниками ее считаются К. Г. Абрамович, И. Горонович. Сторонники второй точки зрения (К. Победоносцев, А. Гуляев) относили к сервитутам только пользование чужими земельными угодьями.

Таким образом, несмотря на тот факт, что термин «сервитут» не использовался в российском дореволюционном законодательстве, в отдельных правовых актах сервитутные отношения нашли свое отражение. Так, регулировались такие виды как право прохода, проезда, право постройки к чужой стене, право иметь вид на чужую собственность, право угодий. В Судебных уставах 1864 г. Получили закрепление и процессуальные аспекты защиты сервитутных прав [1. С. 16].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бирюков А. А. Сервитуты в российском гражданском законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004.
2. Горонович И. Исследование о сервитутах // Доклад в Киевском научном обществе. – СПб., 1883.
3. Отечественное законодательство XIX-XX веков. Часть 1. / Под ред. О. И. Чисткова. – М., 1999.
4. Свод законов Российской империи. – Т. VIII.

УДК 523.68
ББК 22.655.3
Астрономия

ОПТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА МАЛЫХ ТЕЛ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ И ИХ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЛАБОРАТОРИИ

Кандидат технических наук А. К. Муртазов

Приведен краткий обзор фотометрических и спектральных свойств малых тел Солнечной системы. Показано, что основная их масса имеет малое альbedo, красноватый цвет, большие фазовые коэффициенты. Подобные свойства делают их при малых размерах малозаметными и труднодоступными для обнаружения и решения вопроса об опасности для Земли.

Сравнительный анализ этих свойств и оптических свойств земных древних горных пород и метеоритов может дать возможность оценить блеск малых опасных для Земли метеороидов и оптимизировать условия их поиска и обнаружения.

В работе описаны методика исследования оптических свойств различных поверхностей и моделей космических объектов в лаборатории. Приведена блок-схема установки для ее реализации. Кратко описаны некоторые результаты.

Ключевые слова

Астероиды, метеороиды, оптические свойства, физическое моделирование

1. Введение

К малым телам Солнечной системы в настоящее время относят астероиды, метеороиды, ядра комет, метеорное вещество. При определенных условиях часть из них может оказаться опасной для Земли. В связи с этим задача поиска и оценки опасности от таких тел является сейчас весьма актуальной.

По состоянию на 11 января 2015 г. в базе данных Minor Planet Center насчитывалось 670 474 объекта. Для 422 636 точно определены орбиты и им присвоен официальный номер. Более 19 000 из них имеют официально утверждённые наименования. Предполагается, что в Солнеч-

ной системе может находиться от 1,1 до 1,9 миллиона объектов размерами более 1 км. Практически все периодические околоземные астероиды размерами 100-1000 м также известны. Наибольшую опасность для Земли могут представлять ввиду трудностей их обнаружения тела размерами менее 100 м. Последствия столкновения таких тел с Землей показало падение Челябинского метеороида (размерами 15-17 м) 2013 г.

Изучение фотометрических и спектральных свойств поверхностей малых тел Солнечной системы (астероидов, метеороидов, ядер комет) дает возможность оценить видимый блеск опасных объек-

тов при различной геометрии их видимости. Это может способствовать как можно более раннему обнаружению их оптическими средствами, оценке опасности и выработке способов защиты.

Анализ фотометрических свойств астероидов позволил сделать следующие выводы.

Значения геометрического альbedo в области V для большинства астероидов заключены в пределах от 0.06 до 0.20 (хотя встречаются и значения вплоть до 0.60).

Показатели цвета $B-V=0.65-0.86$, показатели цвета $V-R=0.38-0.57$.

Ядра комет в среднем являются более красными и более темными, чем астероиды. Значения $B-V$ для них находятся в области 0.65-1.25.

Фазовые коэффициенты основной части астероидов изменяются от 0.024 до 0.20 звездных величин/град., исключая более низкие фазовые коэффициенты ледяных астероидов.

Среди всех астероидов, в среднем, фазовые коэффициенты троянцев выше, чем астероидов главного пояса, а кентавров – выше троянцев.

Такие свойства астероидов делают их малозаметными, что наряду с небольшими размерами является одним из главных препятствий обнаружения опасных астероидов и, главным образом, дециметровых метеороидов на больших расстояниях от Земли.

В связи с этим сравнительный анализ этих свойств и оптических свойств земных древних горных пород и метеоритов при использовании метода физического моделирования оптических свойств безатмосферных космических тел и искусственных космических объектов может дать возможность оценить блеск малых опасных для Земли объектов и оптимизировать условия их поиска и обнаружения.

2. Фотометрические свойства астероидов

В настоящее время подавляющее число фотометрических цветовых наблюде-

ний проводятся с использованием ПЗС-приемников, что значительно повышает производительность и скорость обработки информации, поступающей от этого метода оптического мониторинга различных астрономических объектов. Основная масса наблюдений производится в полосах $B(\lambda_m=440 \text{ нм})$, $V(\lambda_m=550 \text{ нм})$ и $R(\lambda_m=720 \text{ нм})$ многоцветной фотометрической системы.

Данные фотометрии астероидов в разных цветовых полосах (показатели цвета $B-V$, $V-R$ и т. д.) позволяют судить о цвете астероидов, а геометрическое альbedo a , характеризует отражательную способность поверхности астероидов.

Многочисленные измерения спектров астероидов различных групп позволили составить целый ряд классификаций, подразделяющих астероиды на таксонометрические типы, сопоставив их с цветами классификации Джонсона.

В 1975 г. К. Р. Чепменом (*C. R. Chapman*), Д. Моррисоном (*D. Morrison*) и Б. Целлнером (*B. Zellner*) была разработана система классификации астероидов, которая основывалась на их показателях цвета, альbedo и общих характеристиках спектров. Первоначально включала только три типа астероидов: класс С – углеродные (75 % известных астероидов); класс S – силикатные (17 % известных астероидов); класс М – металлические (большинство остальных). В дальнейшем классификация была уточнена и расширена еще на 12 классов, в которых учитывались различные спектральные особенности малых планет.

Классификация Толена (*Tholen*) предложена в 1984 г. В основе – данные широкополосных измерений спектра в области 310-1060 нм и альbedo. Выделено 14 типов астероидов, относящихся к 3 группам.

– Группа углеродных астероидов (С-группа) – включает в себя темные углеродные астероиды, обладающие очень низкой отражающей способностью. К ней относится 75 % всех известных астерои-

дов. В нее входят: класс С (к этому классу принадлежит большинство типичных астероидов группы и до 75 % от общего числа астероидов); класс В; класс F; класс G.

– Группа кремниевых астероидов (S-группа) – включает в себя кремниевые (каменные) астероиды. К этому классу относится около 17 % от общего числа астероидов.

– Группа железных астероидов (X-группа) – здесь объединены несколько классов астероидов, с аналогичными спектрами, но, вероятно, разного состава. В группу входят объекты с высоким содержанием металлов (класс M). Это третья по распространённости группа астероидов.

Кроме того, здесь существует еще ряд более мелких классов.

Классификация SMASS (*Small Main-Belt Asteroid Spectroscopic Survey*) – узкополосная спектроскопия астероидов в области 440-920 нм без учета альбедо. В ней большинство астероидов распределены по трём большим классам (C, S и

X), остальные попадают в более мелкие классы.

Цвета естественных небесных тел, из которых образуется мусор, практически все красноватые и буро-серые.

Для иллюстрации приведем здесь данные для астероидов основных типов по классификации Чепмена (*Lupishko et al., 2007*). Эти данные показывают, что показатели цвета основных типов астероидов в видимой области спектра составляют $B-V=0.69\pm0.06$ с точностью 0.03 ± 0.09 . Их отражательная способность варьируется в достаточно широком диапазоне: геометрические альбедо изменяется 0.06 ± 0.02 для C-астероидов до 0.48 ± 0.05 для E-астероидов (хотя количество E-астероидов существенно меньше, чем C-астероидов). Фазовый коэффициент β основных типов астероидов также достаточно велик – от 0.024 до 0.043 с точностью 0.002. Это означает, что основная масса астероидов выглядит более красной, чем Солнце ($B-V=0.64$), и их блеск заметно падает с увеличением фазового угла.

Таблица 4.3

Оптические параметры астероидов основных типов (*Lupishko et al., 2007*)

Тип астероида	Визуальное альбедо α_v	$B-V$	$V-I$	Фазовый коэффициент β
C	0.06 ± 0.02	0.69 ± 0.03	0.73 ± 0.07	0.043 ± 0.001
M	0.17 ± 0.04	0.72 ± 0.09	0.82 ± 0.06	0.032 ± 0.001
S	0.20 ± 0.07	0.86 ± 0.04	0.90 ± 0.08	0.030 ± 0.002
E	0.48 ± 0.05	0.72 ± 0.04	0.80 ± 0.05	0.024 ± 0.002

Для 25-300 км астероидов классификации Толена C/G/B/F/P/D типов среднее геометрическое альбедо составило (*Pravec, et al., 2012*) $\alpha_v=0.057$ при стандартной ошибке 0.013. Для 0,6-200 км астероидов S/A/L типов альбедо в среднем равно 0.197 со стандартным отклонением 0.051. Показатели цвета $V-R$ для широкой группы астероидов S/Q/A/C/D/T/X/Xc/Xe/V типов изменяются от 0.38 (C) до 0.567 (A) со стан-

дартной ошибкой 0.05 ± 0.008 .

В работе Chien-Hsien Lin, et al. (2014) представлена цветовая диаграмма основных таксонометрических типов астероидов (рис. 1), показывающая, что показатель цвета астероидов $B-V$ занимает на ней область 0.5 ± 1.1 , а показатель цвета $V-R$ зону 0.15 ± 0.6 . Околоземный астероид NEA 297274 находится в середине этой области между S- and C-, X-астероидами.

Цветовая диаграмма объектов пояса Койпера, также представленная на рис. 1 (Doressoundiram *et al.*, 2002), показывает, что эти объекты имеют в основном более красный цвет, чем астероиды основных классов. Их показатели цвета заключены в области $B-V=0.65\pm 1.25$ и $V-R=0.3\pm 0.8$.

Астероиды-Троянцы орбиты Юпитера по цветовым показателям находятся, похоже, в середине цветовой диаграммы. Показатели цвета, измеренные при исследовании оппозиционного эффекта Троян-

цев D-типа 588 Achilles (точка Лагранжа L4), 884 Priamus (L5) и 1143 Odysseus (L4), составляют $B-V=0.70\pm 0.03$; 0.82 ± 0.03 ; 0.74 ± 0.03 (Shevchenko, *et al.* 2012).

Что касается околоземных астероидов, то есть предположение о преобладании среди них объектов S и Q-классов (в классификации Толена) с достаточно высоким альбедо (Binzel, *et al.*, 2004), и показателями цвета, относящимся к середине цветовой диаграммы (Lin Chien-Hsien, *et al.*, 2014).

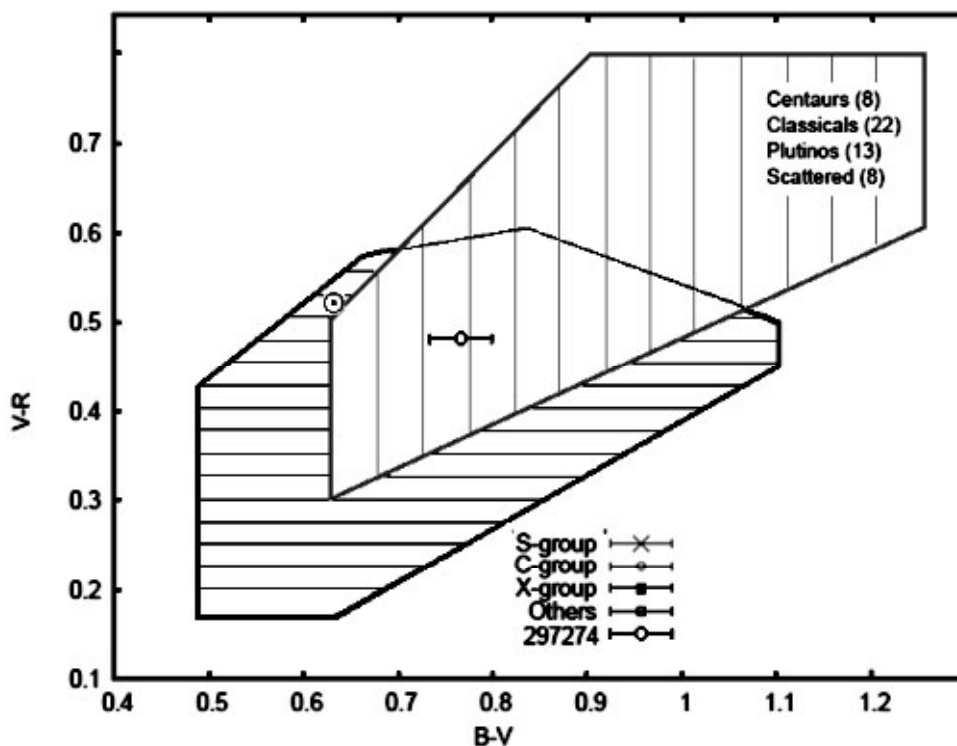

Рис. 1. Положение астероидов различных классов на цветовой диаграмме в сравнении с положением Солнца и околоземного астероида 297274

Важным показателем, отчасти характеризующим неровность поверхностей астероидов, является фазовый коэффициент, определяющий величину наклона фазовой функции малых планет.

В работах (Rabinowitz, *et al.*, 2006, 2007) представлены результаты измерений наклонов фазовых кривых 18 транснептуновых объектов (TNOs), 7 Кентавров и TNOs, сравнимых с Плутоном. Наклоны фазовых кривых первых двух групп превысили значения 0.029 ± 0.001 зв. величин/

град. Однако, крупные TNOs (136199) Eris, (136472) 2005 FY9, и (136108) 2003 EL61 имели фазовый коэффициент, меньший 0.10 зв. величин/град., что является отличительной особенностью крупных транснептуновых объектов с нейтральными цветами, высокими альбедо и ледяной поверхностью.

И. Бельская и др. (Belskaya, *et al.*, 2008) приводят значения фазовых коэффициентов ряда объектов пояса Койпера и Кентавров: от 0.045 до 0.20 зв. величин/град.

Они отмечают, что величина наклона фазовой кривой блеска астероида может зависеть от диапазона фазовых углов, в котором фазовая зависимость аппроксимируется прямой. Это иллюстрируется фазовым коэффициентом классического объекта пояса Койпера 20000 Varuna, который по различным расчетам изменяется от 0.33 до 0.11 зв. величины/град.

Фазовые зависимости блеска троянцев, полученные в максимально возможном при наблюдениях с Земли диапазоне фазовых углов $0^{\circ}.1-12^{\circ}$, имеют близкие наклоны линейных частей 0.043 ± 0.003 во всех трёх фильтрах и показывают линейный рост блеска, вплоть до минимальных значений фазового угла (Shevchenko, et al. 2012).

Исключение составляют поверхности малых тел, покрытых льдами, таких как карликовые планеты пояса Койпера Eris и Haumea. Они характеризуются достаточно высоким альбедо и низким фазовым коэффициентом, близким к фазовым коэффициентам идеальных поверхностей.

Приведенный здесь анализ показывает, что альбедо большинства известных астероидов варьируется от 0,06 до 0,6, показатели цвета $B-V$ имеют значения $0.65 \div 0.86$, а показатели цвета, включающие красную область спектра, $V-R = 0.380 \div 0.567$. Исключение составляет, по видимому, астероид А-типа из Главного пояса 1562 Gondolatsch, имеющий при альбедо $\alpha_V = 0.25$ показатель цвета $B-V = 1.04$, более характерный для ядер комет (Lagerkvist, et al., 1998).

Показатели цвета ядер комет $B-V = 0.65 \div 1.25$ (I. Toth, 2006), то есть они в среднем имеют более красный цвет, чем астероиды.

Фазовые коэффициенты большинства астероидов изменяются в пределах от 0.024 до 0.20 звездной величины/градус (Murtazov, 2014).

При этом можно отметить, фазовые коэффициенты астероидов-Троянцев в среднем вдвое выше, чем фазовые коэффициенты астероидов Главного пояса. А

фазовые коэффициенты Кентавров – выше, чем у Троянцев.

Подобные свойства малых тел делают их малозаметными и являются одним из препятствий для обнаружения и идентификации опасных для Земли астероидов и метеороидов оптическими средствами.

3. Спектры астероидов

Исследование спектров малых тел Солнечной системы дает много информации, прежде всего о химическом составе их поверхностных слоев, и, совместно с анализом фазовых кривых, может представить достаточно полную характеристику их оптических свойств (Бусаев, 2011).

Вид спектров астероидов определяется тремя основными параметрами (Tholen, Barucci, 1989): 1) наличием более-менее глубокой полосы поглощения в UV-области, вызванной взаимодействием света с ионами железа Fe^{2+} в кристаллической решетке поверхностного слоя астероида; 2) наклоном спектра в длинноволновую сторону, величина наклона зависит от наличия или отсутствия вещества, такого как металл (Fe-Ni) или органика, которое вызывает покраснение спектра; 3) присутствием или отсутствием полосы поглощения в области от 0.7 мкм с минимумом обычно около 1 мкм, связанной с силикатами. Эти особенности хорошо заметны на рис. 2а, где приведено сравнение между цветами из обзора ECAS (Eight-Color Asteroid Survey), на котором основана таксонометрия Толена, и SMASSII (Small Main-Belt Asteroid Spectroscopic Survey) спектров астероидов. На этом же рисунке (b) приведены усредненные отражательные спектры астероидов, на которых основана классификация Толена (Астер. опасность, 1996).

Интерпретация таксономических классов может быть сделана либо путем сравнения с метеоритным аналогами, либо путем получения спектра астероидов с высоким разрешением и отождествлением в них, скажем, полос поглощения, ха-

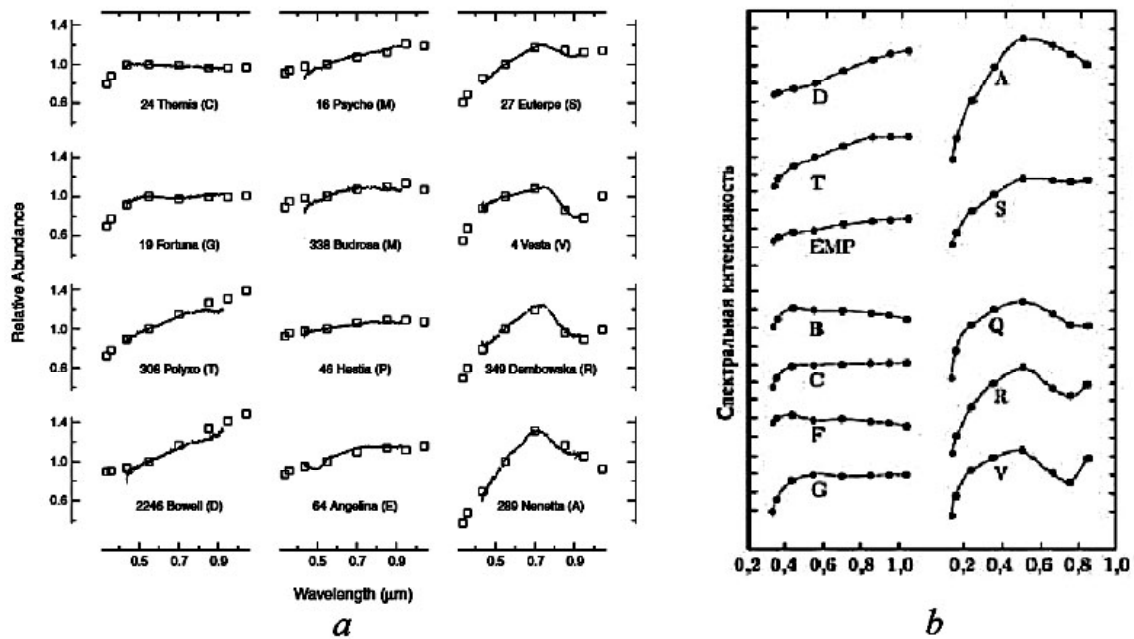

Рис. 2. Сравнение цветов обзора ECAS (квадраты) со спектрами астероидов из обзора SMASII (линии) для избранных астероидов классификации Толена (a); усредненные отражательные спектры астероидов в классификации Толена (b)

рактрных для определенных минералов. В последнем случае необходимо иметь, хотя бы качественное понимание минералогического значения параметров этих деталей (таких, как длина волны центра полосы, ширина, симметрия и т.п.). Многие характеристики полос поглощения являются функциями только химии минерала и не подвержены воздействию физических особенностей поверхностного слоя – размера частиц, упаковки, оптической толщины и т. д. (*Астер. опасность, 1996*), что может дать возможность отождествления минералов на поверхности астероидов.

Основные особенности спектров астероидов определяются тремя классами минералов: никель-железосодержащие минералы, силикаты разных типов, непрозрачные материалы (углерод, углеродные соединения, магнетит). Из этих минералов Fe²⁺-содержащие силикаты показывают наиболее понятные и легко интерпретируемые диагностически спектральные полосы (*Лутишко, Бельская 1991*).

Это хорошо иллюстрируется рис. 3 (*Lin, et al., 2014*), где на плоскости «спектр

относительная спектральная отражательная способность» изображена четко выраженная область, которую занимают каменные S-астероиды.

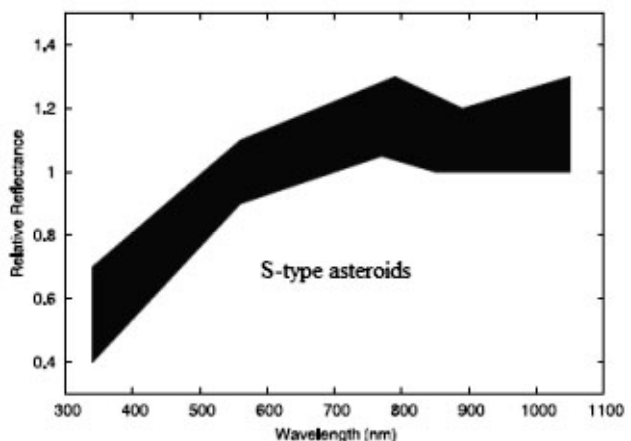

Рис. 3. Общий вид спектра для астероидов S-типа (*Lin, et al., 2014*)

Известно, что хондриты составляют примерно 85% из числа всех каменных метеоритов, причем 92% всех выпавших метеоритов относятся к классу каменных. Основу каменных метеоритов составляют железо-магнезиальные силикаты и железо-никелевый сплав (твердый раствор). Около 2% падений составляют железока-

менные метеориты, состоящие из примерно равных по весу количеств никелистого железа и силикатов. Наконец, около 6% упавших метеоритов принадлежит к классу железных, состоящих почти целиком из никелистого железа.

Соответственно, спектры каменных метеоритов и S-астероидов показывают одинаковые особенности (рис. 4 – *Hiroi et al., 1993*). Здесь показан спектр железного метеорита *Mundrabilla* (Западная Австралия,

1911 г.) в сравнении со спектром S-астероида *Massalia* и каменного метеорита *Yamato82111* (Антарктида, 1982). На спектрах астероида и каменного метеорита хорошо видны полосы поглощения в области $0.7\div 1.2$ мк и $1.9\div 2.1$ мк, отсутствующие в спектре железного метеорита. Таким образом, эти полосы поглощения являются индикатором поверхностей, содержащих силикаты, к которым относятся S-астероиды и каменные метеориты и метеороиды.

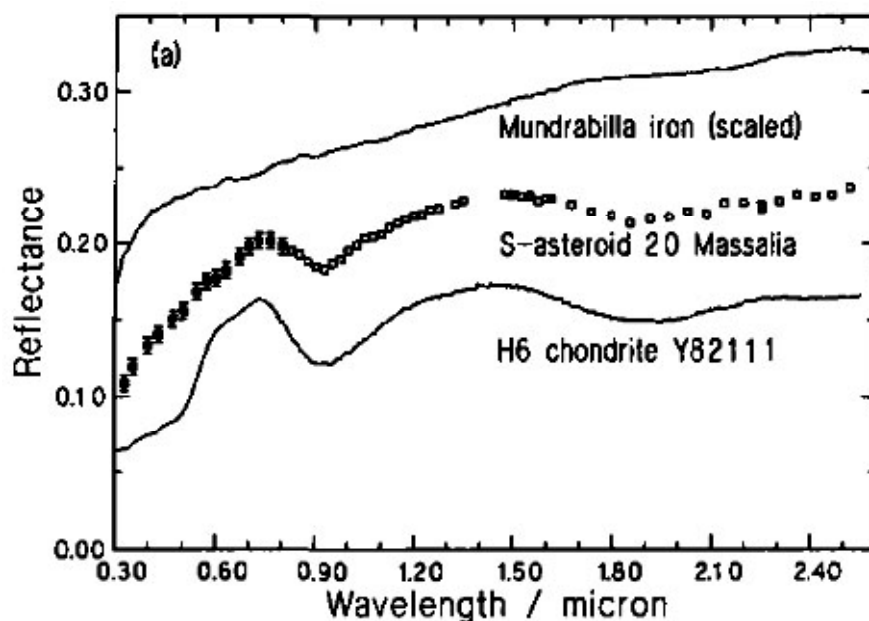

Рис. 4. Сравнение спектров железного метеорита *Mundrabilla*, хондрита H6 (Y82111) и S-астероида 20 *Massalia* (*Hiroi et al., 1993*)

Кроме того, наличие таких полос может позволить оценить возраст космического тела. На рис. 5 (*Vernazza et al., 2008*)

приведены видимые и ИК-спектры околоземных астероидов и обыкновенных хондритов с повышенным содержанием

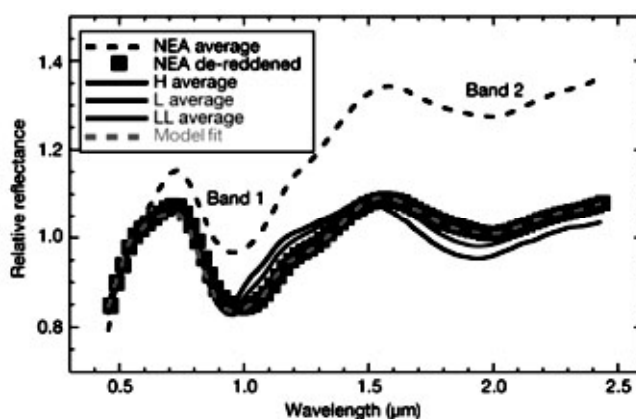

Рис. 5. Сравнение видимых и ИК-спектров большинства околоземных астероидов со спектрами обыкновенных хондритов H, L and LL (*Vernazza et al., 2008*)

железа (H) и без него (L, LL).

Обе популяции имеют похожие спектральные характеристики, демонстрирующие широкие полосы поглощения (*band 1* и *band 2*) вследствие присутствия оливина и пироксена. У ОЗА эти полосы обычно накладываются на континуум, показывающий увеличение спектрального отражения с длиной волны.

Астероиды с таким спектром классифицируются как астероиды S-типа, тогда как обыкновенные хондриты с нейтральным наклоном относятся к Q-типу (*Tholen classification*). Процесс воздействия условий космического пространства также как и для Луны вызывает покраснение и потемнение поверхности астероидов Q-типа, приближая их спектр к спектру астероидов S-типа.

Таким образом, изучение спектров астероидов и сравнительный анализ спектров астероидов и метеоритов могут дать возможность не только определить минералогический состав первых, но и оценить время воздействия на астероиды космических факторов. Это приводит к оценке времени образования тел Солнечной системы и эволюции малых тел Солнечной системы.

5. Моделирование оптических свойств малых тел в лаборатории

Задача моделирования оптических свойств космических тел различной структуры поверхности всегда была достаточно актуальной. В разное время в лаборатории моделировались кривые блеска астероидов и искусственных спутников Земли (*Кошкин, 1988; Barucci, et al., 1982*), проводилось отождествление элементов конструкции ИСЗ по сравнительному анализу их спектральных или фотометрических наблюдений и лабораторных измерений (*Муртазов, 2004*), сравнение спектров астероидов, метеоритов и земных горных пород (*Oetking, 1966*).

В настоящее время наблюдается повышение интереса к моделированию оптических параметров поверхностей астеро-

идов и метеоритов, и сравнения их результатов с результатами исследований оптических свойств земных минералов (*Deau, 2013; Kaasalainen, 2003; Oetking, 1966*).

Нами была разработана методика физического моделирования оптических свойств поверхностей безатмосферных небесных тел и ИСЗ, результаты которой использовались для идентификации подобных поверхностей по данным спектрофотометрических наблюдений, а также в экспертных системах различного назначения (*Курышев, Муртазов, 1985, 1990; Муртазов, 1983, 1990, 2004*).

5. 1. Методика проведения моделирования

При разработке методики и аппаратуры для моделирования оптических характеристик космических объектов и их поверхностей потребовался учет как условий освещения их Солнцем, так и условий видимости с Земли.

Эти требования к впервые были сформулированы в следующем виде (*Курышев, Муртазов, 1985, 1990*).

– конечность видимого с объекта радиуса солнечного диска (0.0093 рад с расстояния 1 а. е.);

– параллельность падающих на космическую поверхность лучей ввиду достаточной удаленности Солнца;

– максимум излучения, освещающего объект, приходится на желто-зеленую область спектра с $\lambda_m = 475$ нм и наблюдается при $\lambda_m = 555$ нм с поверхности Земли;

– изображение любого астрономического объекта в астрономическом инструменте точечное. В случае близкого и крупного объекта (например, МКС) важно, чтобы весь объект помещался в полевую диафрагму фотометра.

В лабораторных условиях модель космического тела или поверхность освещалась параллельным пучком излучения, сформированного при спектральных измерениях монохроматором. Фотометрические измерения велись в цветовой си-

стеме, близкой к астрономической визуальной системе V . Рассеянное излучение регистрировалось фотоэлектрическим фотометром (в современном варианте –

ПЗС-камерой) применяемом в астрономических наблюдениях. Блок-схема установки для моделирования представлена на рис. 6.

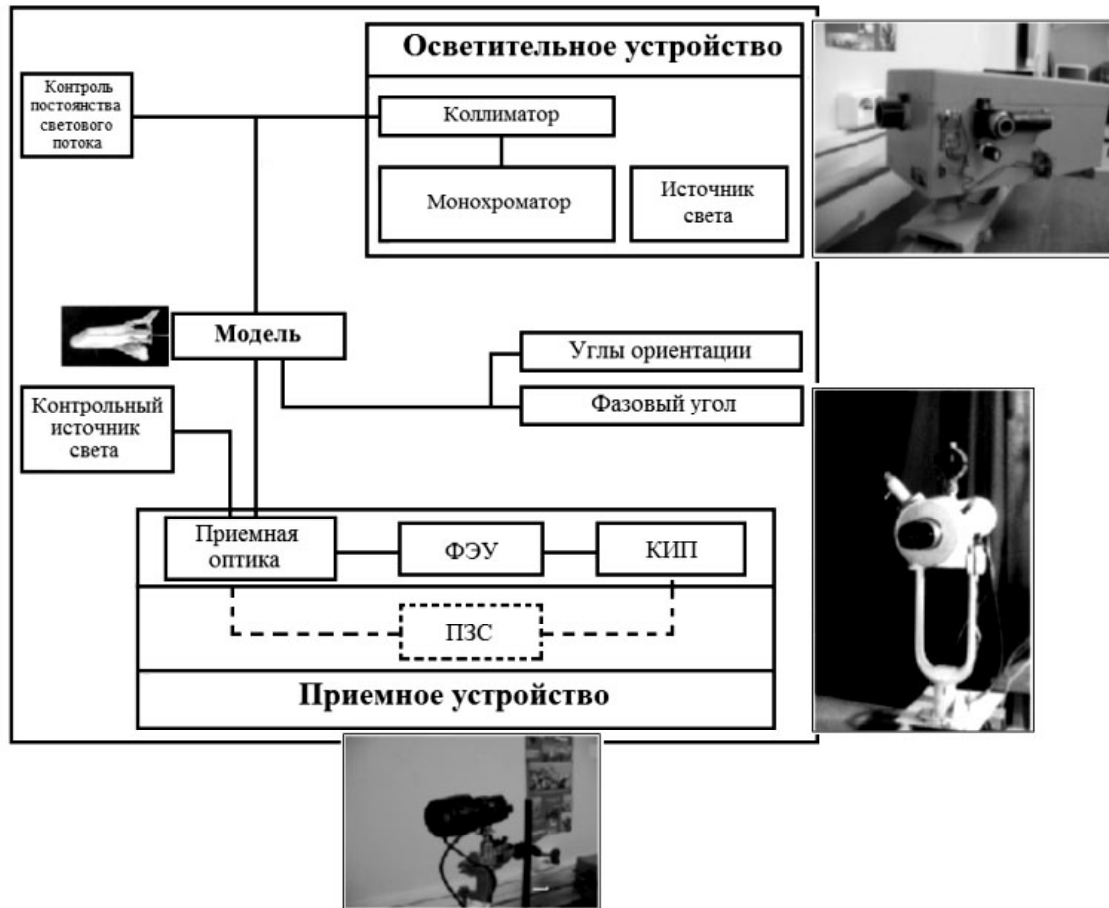

Рис. 6. Блок-схема установки для моделирования оптических свойств безатмосферных космических тел (справа сверху – осветительное устройство для спектральных измерений – малогабаритный монохроматор; справа снизу приемное устройство – фотоэлектрический фотометр; внизу приемное устройство – ПЗС-камера Watec-902H)

Измерения проводились в сферической системе координат с центром на наблюдаемом объекте (модели) (Муртазов, 2006; Murtazov, 2013). В ней ϕ_s , ϕ_N – широты Солнца и земного наблюдателя относительно экватора системы, $\Delta\nu$ – разность их долгот. В лаборатории эти величины соответствовали широтам и разности долгот источника и приемника излучения.

Фазовый угол φ объекта (угол с вершиной при модели между направлениями на источник и приемник света) определяет

ся тогда выражением

$$\cos \varphi = \sin \phi_s \sin \phi_N + \cos \phi_s \cos \phi_N. \quad (1)$$

а) Определение спектральной яркости поверхности

Из законов рассеяния излучения диффузными поверхностями известно, что поток, попадающий в приемник излучения, пропорционален яркости поверхности в наблюдаемой площадке. Для случая, реализованного в наших измерениях в системе координат, это выразится

$$d\Phi(\lambda) = b(\lambda) \sin \phi_N d\omega dS, \quad (2)$$

где $b(\lambda)$ и dS – яркость и площадь освещенной поверхности.

щенной площадки, $d\omega$ – телесный угол объектива приемного устройства, под которым он виден с образца поверхности.

Если теперь регистрируется поток $d\Phi_0$ от какого-либо ортотропного (рассеивающего по закону Ламберта) стандартного образца плоской поверхности, поставленной в такие же условия видимости, то

$$d\Phi_0(\lambda) = b_0(\lambda) \sin \phi_N d\omega dS, \quad (3)$$

$$\text{откуда } b(\lambda) = b_0(\lambda) [d\Phi(\lambda)/d\Phi_0(\lambda)]. \quad (4)$$

Далее, поскольку на выходе приемного устройства измеряется фототок (усиленный) ФЭУ, вызванный падающим на него световым потоком, то напряжение на нагрузке УПТ

$$dU = kd\Phi, \quad (5)$$

где k – передаточный коэффициент приемного устройства.

Тогда измеряемая яркость образца поверхности

$$b(\lambda) = b_0(\lambda) [dU(\lambda)/dU_0(\lambda)]. \quad (6)$$

Следует отметить, что полученные значения $b(\lambda)$ характеризуют спектральную яркость образца в направлении, в котором производятся измерения (характеризуемом углами $\phi_s, \phi_N, \Delta\theta$), то есть фактически индикатрису рассеяния $b_\lambda(\phi)$. Поскольку измерения проводились относительно баритового экрана с почти ортотропной поверхностью (тщательно определенной индикатрисой рассеяния) и геометрическим альбедо $\alpha_0(\lambda)$, близким к 1 в области 400-800 нм, яркость $b(\lambda)$, приведенная к нормальным углам падения и рассеяния, характеризует спектральное альбедо $\alpha(\lambda)$ исследуемой поверхности. Альбедо поверхности в области длин волн $\Delta\lambda(\lambda_1, \lambda_2)$ найдется как

$$\alpha = \int_{\lambda_1}^{\lambda_2} \alpha(\lambda) d\lambda. \quad (7)$$

Описанная методика применялась для получения индикатрис рассеяния и определения спектрального альбедо диффузных поверхностей.

Для определения спектрального коэффициента отражения r_λ зеркальной поверхности использовались два способа.

Первый способ связан с непосред-

ственной нормировкой излучения по потоку $d\Phi_0(\lambda, S, i)$, падающему от осветительного устройства на исследуемую поверхность, и соответствующего ему значению напряжения $dU_0(\lambda, S, i)$ на выходе приемного устройства. Здесь S – площадь освещенного участка поверхности, i – угол падения. В этом случае расчет спектрального коэффициента отражения проводился по соотношению

$$r_\lambda = dU(\lambda, S, i, \phi, d)/dU_0(\lambda, S, i), \quad (8)$$

где в значения $dU(\lambda, S, i, \phi, d)$ вносились поправки за расстояние d от поверхности до приемного устройства и за угол рассеяния, который при измерениях зеркальной составляющей совпадает с фазовым углом ϕ .

Во втором способе использовался вторичный стандарт, для которого $r_0(\lambda)$ определялся по (3). Тогда аналогично случаю диффузного рассеяния спектральный коэффициент отражения зеркальной поверхности

$$r(\lambda, \phi) = [dU(\lambda, \phi)/dU_0(\lambda, \phi)]r_0(\lambda, \phi). \quad (9)$$

Таким образом, получены значения спектрального альбедо α_λ диффузной поверхности и спектрального коэффициента отражения излучения зеркальной поверхностью модели относительно источника света установки.

Относительно Солнца спектральная яркость поверхности для этих случаев определялась из

$$B_\lambda = \int_{\lambda_1}^{\lambda_2} b_\lambda E_\lambda d\lambda, \quad (10)$$

где E_λ – солнечная спектральная освещенность исследуемой поверхности.

б) Определение относительной величины светового потока, рассеянного моделью астрономического тела

В данном случае приемным устройством регистрируется поток $d\Phi(\lambda)$, рассеянный моделью в направлении наблюдателя (заданное углами ϕ_N и $\Delta\theta$) в телесный угол $d\omega$

$$d\Phi(\lambda) = \sum_{i=1}^n b_i(\lambda) \sin \phi_N dS_i d\omega, \quad (11)$$

где $b_i(\lambda)$ и dS_i – яркость и площадь i -го

элемента поверхности ИСЗ.

Этот случай является реализацией спектрофотометрических наблюдений астероидов и ИСЗ, когда регистрируется излучение от всего объекта, попадающее в объектив телескопа.

5. 2. Некоторые результаты

5. 2. 1. В фотометрии малых тел Солнечной системы широко используется зависимость между блеском объекта и его фазовым углом φ , определяемым фазовой функцией $F(\varphi)$. На вид фазовой функции заметное влияние оказывают микро- и макроструктура поверхности небесного тела. Наличие этих структур приводит к взаимному затенению частиц поверхности друг другом, появлению эффекта про-

тивостояния при малых фазовых углах. Эффекты затенения могут быть в некоторых случаях заметно определять вид фазовой функции.

Нами проведена лабораторная фотометрия цилиндрического астероида с шероховатой поверхностью, подобной поверхности астероидов и Луны, с довольно высоким (до 0.5) альбедо в видимой области (Муртазов, 1983). Наклон фазовой кривой этой модели больше, нежели у идеальных поверхностей Ламберта (F_L), у которых отсутствуют шероховатости, и поверхностей Ломмеля-Зеелигера (F_{L-Z}), для которых влияние шероховатости частично учитывается. Расхождение с ними увеличивается по экспоненциальному закону с фазовым углом (рис. 7).

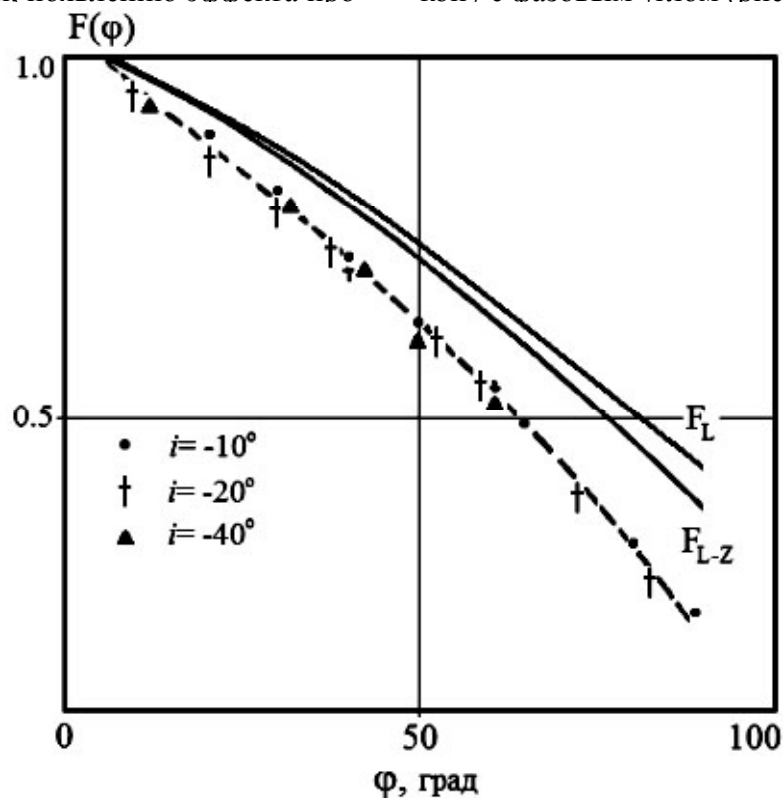

Рис. 7. Фазовая кривая шероховатой модели астероидов для различных углов падения i в сравнении с фазовыми функциями поверхностей Ламберта и Ломмеля-Зеелигера

Физическое моделирование оптических свойств техногенных поверхностей - покрытий поверхностей ИСЗ, - дало целый ряд новых интересных результатов (Курышев, Муртазов, 1990; Муртазов, 2004; Murtazov, 2006, 2013).

5. 2. 2. Сравнение фазовых кривых техногенных поверхностей с фазовыми кривыми астероидов показало их заметное различие, что обусловлено различными механизмами рассеяния ими света.

На рис. 8 (Murtazov, 2013, 2014) приве-

дены фазовые кривые зеркальных цилиндрических моделей ИСЗ (6, 7), цилиндрических моделей, покрытых стеклотканью, а также цилиндрических моделей с поверхностями, покрытыми CaCO_3 (4) и протравленными (5). Для сравнения при-

ведена фазовая кривая диффузного ламбертовского цилиндра и кривые, рассчитанные для лунной поверхности по функции Хапке (Hapke, 1963) для различных параметров упаковки h .

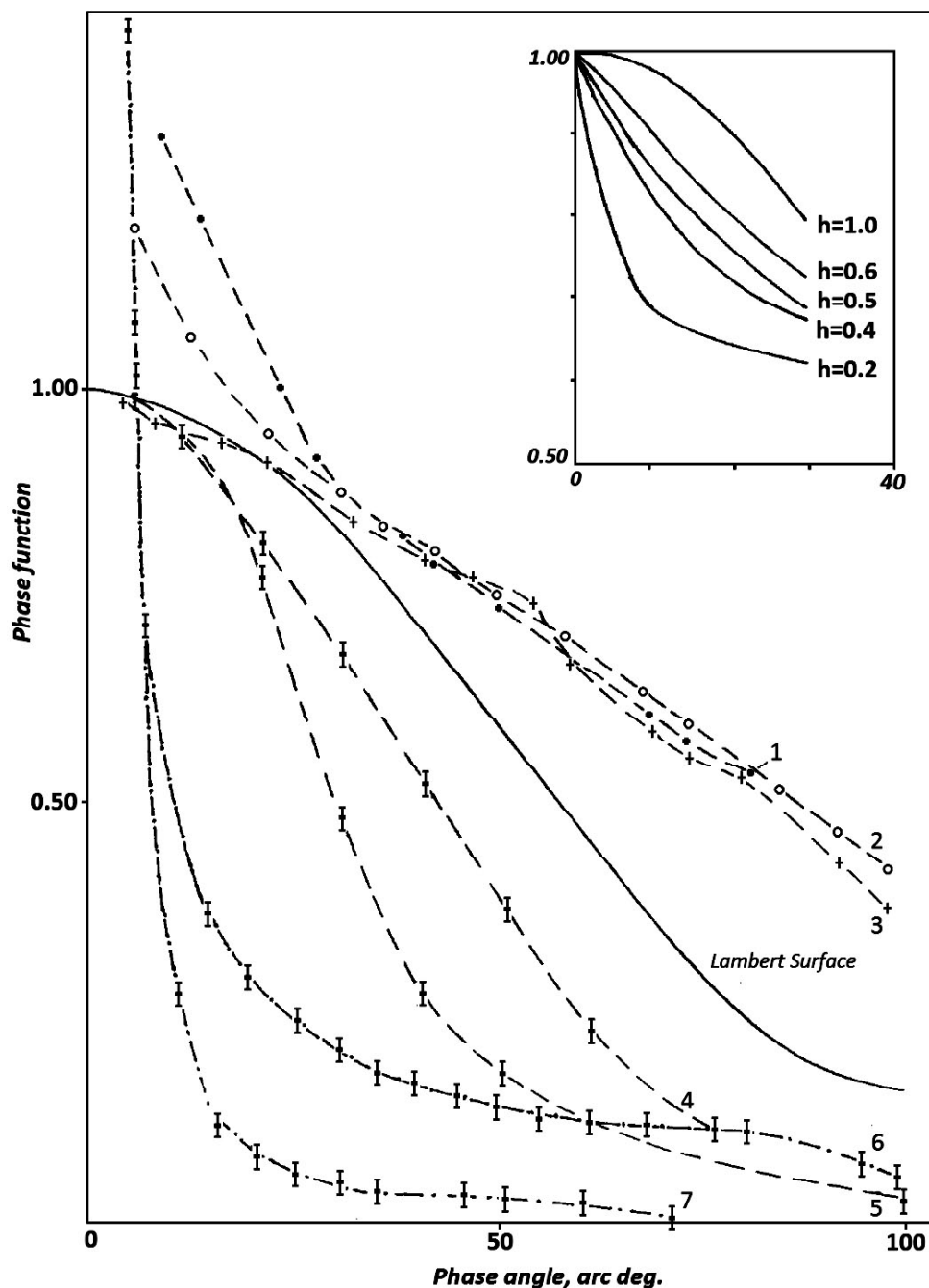

Рис. 8. Фазовые кривые некоторых материалов покрытий поверхностей космического мусора в сравнении с фазовыми кривыми идеальных рассеивателей (сплошная линия) и лунной поверхности (врезка)

Значения β ($\Delta m/\text{град}$), определенные для покрытий поверхностей ИСЗ и поверхностей техногенного мусора, приведены в табл. 1. Эти данные показывают, что поверхности техногенных тел в ОКП имеют ламбертовский характер рассеяния излучения и значение наклона их фазовых функций составляет $\beta=0.010\div 0.013$ зв. вел./град.

Рассеяние света поверхностями астероидов ввиду их шероховатостей не ортотропно, следствием чего является большой наклон их фазовых функций, превышающий во всех случаях наклон фазовых функций покрытий поверхностей ИСЗ.

Исследования показали, что наклон фазовых кривых безатмосферных тел Солнечной системы, по крайней мере, в

два раза больше наклона фазовых кривых техногенных поверхностей.

Это дало возможность сформулировать критерий различия техногенных и естественных поверхностей, который можно сформулировать следующим образом: при близких по значению показателях цвета $B-V$, $V-R$ наблюдаемых объектов наклон фазовых функций поверхностей естественных объектов как минимум в два раза больше наклона фазовых функций поверхностей техногенных объектов (Murtazov, 2013; Murtazov, 2014).

Таким образом, был сформулирован критерий, на основании которого можно идентифицировать эти поверхности по данным фотометрического мониторинга оптическими системами.

Таблица 1

Средние значения наклонов фазовых кривых техногенных поверхностей в сравнении с идеальными рассеивателями и естественными поверхностями

Поверхность	Геометрическое альbedo	Показатель цвета $B-V$	Фазовый коэффициент
Элемент кремниевой СБ, зерк.	$0.05\div 0.10$	$-0.3\div -0.5$	0.013
Белая краска, зерк., диф.	~ 0.80	$0.1\div 0.5$	0.013
Ткани, диф.	$0.15\div 0.25$	$0.2\div 1.2$	0.013
Стеклоткани, диф.	$0.25\div 0.75$	$0\div 1.2$	$0.010\div 0.012$
Майлар, зерк.	0.80	~ 0	0.013
Астероиды, диф.	$0.06\div 0.60$	$0.65\div 0.86$	$0.024\div 0.20$

5. 2. 3. Сравнение спектров рассеяния солнечного излучения поверхностями естественных небесных тел со спектрами земных пород и метеоритов достаточно широко распространено и дает много информации. Для примера на рис. 9 представлены спектры отражения некоторых астероидов и углистых хондритов C_2-C_4

по данным (Chapman, et al., 1975) и предварительные сглаженные спектры образцов кварцита и фосфорита.

Спектры последних получены нами в экспериментах по моделированию спектральных свойств астрономических объектов в лаборатории. В качестве осветительного устройства использовался

универсальный малогабаритный монохроматор МУМ с вогнутой дифракционной решеткой с обратной линейной дисперсией 4 нм/мм. Приемное устройство –

широко применяемая в астрономических наблюдениях ПЗС-камера Watec-902H (1/2 – матрица с разрешением с разрешением 570 ТВЛ).

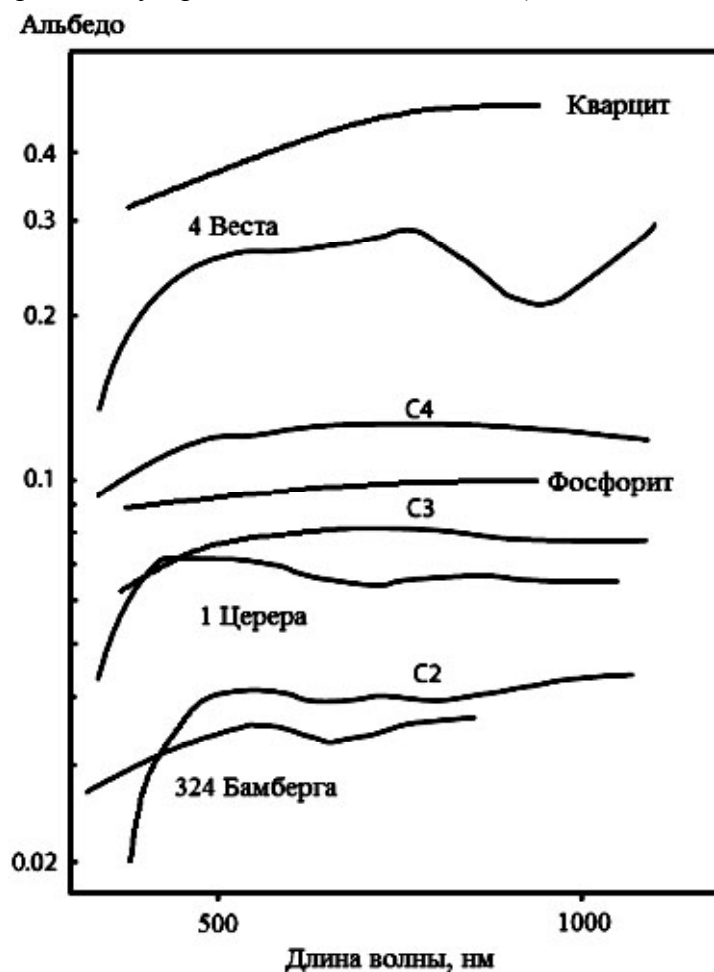

Рис. 9. Спектральное геометрическое альbedo некоторых астероидов в альbedo сравнении углистых хондритами (Charman, et al., 1975) и земных минералов фосфорита и кварцита

6. Заключение

Обзор фотометрических и спектральных свойств малых тел Солнечной системы показывает, что основная их масса имеет малое альbedo, красноватый цвет, большие фазовые коэффициенты. Это делает их при малых размерах малозаметными и труднодоступными для обнаружения и решения вопроса об опасности для Земли.

Методика исследования оптических свойств различных поверхностей и моделей космических объектов в лаборатории позволяет проводить эксперименты как по определению спектральных яркостей раз-

личных поверхностей (далее при сравнении с эталонной поверхностью рассчитываются спектральные альbedo и общее геометрическое альbedo), так и по моделированию спектральных кривых блеска астероидов и искусственных спутников.

Таким образом, сравнительный анализ оптических свойств малых тел и оптических свойств земных древних горных пород и выпавших метеоритов может дать возможность оценить ожидаемый блеск малых опасных для Земли метеороидов при различных геометрических условиях видимости и оптимизировать условия их поиска и обнаружения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Астероидно-кометная опасность / Под ред. А. Г. Сокольского. – СПб: ИТА, МИ-ПАО, 1996. – 244 с.
2. Бусарев В. В. Спектрофотометрия астероидов и ее приложения. Попытка заглянуть в далекое прошлое. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 260 с.
3. Кошкин Н. И. Лабораторное моделирование кривых блеска астероидов // *Астрономический вестник*. – 1988. – Т. 22. – С. 159-166.
4. Курышев В. И., Муртазов А. К., Верецагин С. И. Моделирование фотометрических характеристик астрономических объектов // *Известия вузов СССР. Приборостроение*. – 1985. – Т. XXVIII. – С. 81-85.
5. Курышев В. И., Муртазов А. К. Физическое моделирование спектральных характеристик астрономических тел // *Наблюдения ИНТ*. – 1990. – № 87. – С. 103-112.
6. Лупишко Д. Ф., Бельская И. Н. Вещество поверхности астероидов // *Астрон. вестн.* – 1991. – № 25. – С. 5-26.
7. Муртазов А. К. Измерения спектрального состава излучения, рассеянного покрытиями ГСС // *Наблюдения ИНТ*. – 1990. – № 85. – С. 43-46.
8. Муртазов А. К. Экология околоземного космического пространства. – М.: Физматлит, 2004. – 304 с.
9. Шкуратов Ю. Г., Петров Д. В., Станкевич Д. Г., Зубко Е. С., Гринько Е. С. Рассеяние света поверхностями сложной структуры // *200 лет астрономии в Харьковском университете / Под ред. Ю. Г. Шкуратова*. – Харьков, 2008. – С. 75-92.
10. Barucci M. A., Casacchia R., Fulchignoni M., Burchi R., Dipaolantonio A., Giuliani C. Laboratory simulation of photometric light curves of the asteroids // *Moon and the Planets*. – 1982. – V. 27. – PP. 387-395.
11. Belskaya I. N., Levasseur-Regourd A.-C., Shkuratov Y. G., Muinonen K. Surface Properties of Kuiper Belt Objects and Centaurs from Photometry and Polarimetry // *The Solar system beyond Neptune (Barucci A. M. et al., Eds), Univ. Arizona Press, 2008*. – PP. 115-127.
12. Binzel R. P., Rivkin A. S., Scott S. J., Harris A. W., Bus S. J., Burbine T. H. Observed spectral properties of Near-Earth Objects: results for population distribution, source regions and space weathering processes. // *Icarus*. – 2004. – V. 170. – PP. 259-294.
13. Bus S. J., Vilas F., Barucci M. A. Visible-Wavelength Spectroscopy of Asteroids // *Asteroids III. Ed. W. F. Bottke, A. Celino, P. Paolicchi and R. P. Binzel*. – University of Arizona Press, 2002. – P. 169.
14. Chapman C. R., Morrison D., Zellner B. Surface properties of asteroids: A synthesis of polarimetry, radiometry, and spectrophotometry // *Icarus*. – 1975. – V. 25:1. – PP. 104-130.
15. Deau E., Flandes A., Spilker L. J., Petazzoni J. Re-analysis of previous laboratory phase curves: 1. Variations of the opposition effect morphology with the textural properties, and an application to planetary surfaces // *Icarus*. – 2013. – V. 226. – Issue 2. – PP. 1465-1488.
16. Doressoundiram A., et al. The color distribution in the Edgeworth-Kuiper Belt // *Astron. J.* – 2002. – V. 124. – PP. 2279-2296.
17. Hapke B. W. A theoretical photometric function for the lunar surface // *Journal of geophysical research*. – 1963. – V. 68. – PP. 4571-4586.
18. Hiroi T., Bell J. F., Takeda H., Pieters C. M. Modeling of S-type asteroid spectra using primitive achondrites and iron meteorites // *Icarus*. – 1993. – V. 102. – PP. 107-116.
19. Kaasalainen S. Laboratory photometry of planetary regolith analogs – I. Effects of grain and packing properties on opposition effect // *Astronomy&Astrophys.* – 2003. – V. 409:2. – PP. 765-769.

20. Lagerkvist C.-I., Belskaya I., Erikson A., Schevchenko V., Mottola S., Chiorny V., Magnusson P., Nathues A., and Piironen J. Physical studies of asteroids. XXXIII. The spin rate of M-type asteroids. // *Astron. Astrophys. Suppl.* – 1998. – Ser. 131. – PP. 55-62.
21. Lin Chien-Hsien, et al. Detection of large color variation in the potentially hazardous asteroid (297274) 1996 SK. // *RAA.* – 2014. – V. 14:3. – PP. 311-318.
22. Lupishko D. F. et al. Asteroid photometry // *Kinematics and Physics of Celestial Bodies.* – 2007. – V. 23:6. – PP. 323-336.
23. Murtazov A. K. Direct photometric problem of optical monitoring of objects in circumterrestrial space // *Russian Physics Journal.* (NY: Springer). – 2006. – V. 49. – N 11. – PP. 1224-1229.
24. Murtazov A. K. Physical simulation of space objects' spectral characteristics for solving the reverse problem of their photometry // *American Journal of Modern Physics.* (Science PG). – 2013. – V. 2:6. – PP. 282-286.
25. Murtazov A. K. (2014). Comparison between space debris and asteroids' photometric properties // Abstracts of International Conference «Asteroids, Comets, Meteors». Helsinki, 2014. June 30-July 4, (Abstr. 9463). – Book of abstracts. – P. 400.
26. Oetking P. Photometric Studies of Diffuse Reflecting Surfaces with Applications to the Brightness of the Moon // *Journal of Geophysical Research.* – 1966. – V. 71. – PP. 2505-2513.
27. Pravec P., Harris A.W., Kusnirak P., Galad A., Hornoch K. Absolute magnitudes of asteroids and a revision of asteroid albedo estimates from WISE thermal observations // *Icarus.* – 2012. – V. 221:1. – PP. 365-387.
28. Rabinowitz D. Photometric observations constraining the size, shape and albedo of 2003 EL61, a rapidly rotating, Pluto-sized object in the Kuiper belt // *Astrophys. J.* – 2006. – V. 639. – PP.1238-1251.
29. Rabinowitz D., Schaefer B., and Tourtellote S. The diverse solar phase curves of distant icy bodies. Part 1: Photometric observations of 18 trans-neptunian objects, 7 Centaurs, and Nereid. // *Astron. J.* – 2007. – V. 133. – PP. 26-43.
30. Shevchenko V. G., Belskaya I. N., Slyusarev I. G., Krugly Yu. N., Chiorny V. G., Gaftonyuk N. M., Donchev Z., Ivanova V., Ibrahimov M. A., Ehgamberdiev Sh. A., Molotov I. E. Opposition effect of Trojan asteroids. // *Icarus.* – 2012. – V. 217. – PP. 202-208.
31. Tholen D. J., Barucci M. A. Asteroid taxonomy // *Asteroids II* (R. P. Binzel et al., eds.). – Univ. of Arizona, Tucson, 1989. – PP. 298-315.
32. Toth I. Connections between asteroids and cometary nuclei. Asteroids, Comets, and Meteors. Proceedings of IAU Symposium 229 / Ed. by Daniela Lazzaro, et al. Cambridge University Press, 2006. – PP. 67-96.
33. Vernazza P., Binzel R. P., Thomas C. A., DeMeo F. E., Bus S. J., Rivkin A. S., Tokunaga A. T. Compositional differences between meteorites and near-Earth asteroids // *Nature.* – 2008. – V. 454. – PP. 858-860.

биология

УДК 598.8: 591.5
ББК 28.081
Биология: экология

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОГЕННОЙ ЭЛИМИНАЦИИ ПОЗВОНОЧНЫХ ЖИВОТНЫХ В Г. РЯЗАНИ

Кандидат технических наук М. В. Ленков¹
Доктор сельскохозяйственных наук Е. С. Иванов¹
Кандидат биологических наук А. В. Барановский²

В статье рассматривается проблема воздействия автомобильного транспорта на фауну позвоночных животных в г. Рязани. Авторы приводят количественные данные техногенной элиминации крупных фаунистических таксонов, выделяют наиболее уязвимые виды и обосновывают факторы, определяющие воздействие автомобильного транспорта на разные экологические группы живых организмов. Приводятся рекомендации по планированию дорожно-транспортной сети, предназначенные для уменьшения потерь среди животных.

Ключевые слова

Техногенная элиминация позвоночных, автодороги, негативная роль автотранспорта, уязвимые виды фауны

Введение

Глобальное расширение сети автодорог позволило некоторым зоологам рассматривать их как самостоятельную экологическую систему [5], как своеобразный антропогенный «ландшафт» [4]. Автомобильный транспорт является одним из факторов антропогенной смертности животных. Его негативное воздействие связано не только с густой сетью автодорог и плотным потоком автомобильного транспорта, но и с тяготением ряда видов фауны к дорогам, предоставляющим животным те или иные ресурсы – обычно пищу, аналогии свойственных им в природе микростаций, более благоприятный микроклимат, защиту от естественных врагов, трофические ассоциации с техникой и результатами ее деятельности и т. д. [6]. Масштабы

техногенной элиминации животных на автодорогах еще малоизученны. Однако уже выявлены некоторые общие закономерности, в частности, касающиеся видового состава наиболее уязвимых представителей, особенностей самих дорог, делающих их более или менее опасными для фауны и т. д. [7]. Однако для того, чтобы было возможно разработать научно обоснованные рекомендации по снижению элиминации животных на автодорогах, необходимо провести еще много исследований, в частности, регионального характера. Этим и определяется актуальность предпринятого нами в г. Рязани изучения воздействия дорог на животных.

Материал и методы

С 2006 по 2015 г. мы проводили учет всех животных, погибавших на дорогах

г. Рязани и ближайших окрестностей. В случае плохой сохранности обнаруженных остатков определение производили не до вида, а до более высоких таксономических категорий.

Исследования проводили на нескольких маршрутах различной длины, от 1,5 до 6 км, которые посещали не реже 2 раз в неделю. Кроме того, учитывали также объекты, встреченные за пределами данных маршрутов, и опросные данные, часть из которых подтверждена фотографиями.

Во время учетов и в иное время регистрировали, какие животные посещают обочины дорог, питаются сбитыми автомобилями насекомыми (и иными животными), а также антропогенными источниками корма.

Результаты и обсуждение

За период исследования нами были отмечены факты гибели на автодорогах 5 видов земноводных, 2 видов пресмыкающихся, 23 видов птиц, 9 видов и более крупных таксонов млекопитающих (таблица).

Среди земноводных больше всего регистраций пришлось на чесночницу, видимо, в связи с широким распространением этого вида, наименее зависящего от влажности заселяемых стадий. На втором месте оказались «бурые лягушки» – остромордая и травяная, на третьем – зеленая жаба. Все эти амфибии слабо связаны с водоемами. Среди группы околородных земноводных случаи гибели на автодорогах были отмечены только для озерной лягушки (0,25 от видового состава группы).

Отряд пресмыкающихся, представленный в области 6 видами, в г. Рязани включает 3 вида, из которых один – живородящая ящерица – в городе очень редок. Остальные два были отмечены нами погибшими на автодорогах примерно в равном количестве. Учитывая, что численность ужа намного ниже, чем прыткой ящерицы, его уязвимость перед воздействием

транспорта существенно больше.

Среди птиц в Рязани чаще всего погибают от столкновения с транспортом сизые голуби, грачи, домовые и полевые воробьи, зяблики. На остальные виды приходились лишь единичные регистрации.

Специальные исследования показали, что гибель последних в основном происходит в результате нескольких основных причин: а) птицы не успевают вовремя покинуть дорогу и, взлетая в последний момент, сбиваются передней частью автомобиля; б) птицы взлетают по ходу движения машины, а потом сворачивают на проезжую часть и попадают прямо на лобовое стекло или кузов этой или встречной машины; в) перелетая с одной стороны дороги на другую птица ударяется о кабину или кузов; д) плохая видимость на дорогах из-за погодных условий увеличивает вероятность возникновения критической ситуации для птиц, находящихся в придорожной полосе [7]. В первую очередь погибают молодые особи, представители видов, трофически и топически связанных с дорогой и придорожными зонами, стайные птицы [1,7]. Отмечено также, что гибель происходит неравномерно, существуют наиболее опасные для птиц участки, особую опасность для многих видов представляет неравномерность скоростного режима транспорта [1].

Более половины погибших на автодорогах города млекопитающих представлены кошками, как домашними, так и бродячими. На втором месте с большим отрывом находятся собаки. Кроме того, среди отряда хищных отмечена гибель трех особей лисицы. Вторым уязвимым отрядом оказались грызуны. В меньшей степени от транспорта страдали насекомоядные – еж и землеройки.

Анализ полученных данных позволил определить основные факторы, определяющие уровень смертности животных под воздействием транспорта. Для пойкилотермных животных это расположение дорог, пересекающих миграционные пути

Таблица

Особенности элиминации позвоночных на автодорогах г. Рязани, 1998-2015

Распределение погибших на автодорогах животных по таксонам, доля от всех погибших представителей группы			
Птицы, n = 89	Доля, %	Земноводные, пресмыкающиеся, n = 130 млекопитающие, n = 227	Доля, %
Болотная сова	1,1		
Обыкновенный козодой	1,1	Жаба зеленая	13,8
Домашняя курица	3,4	Лягушка озерная	8,5
Камышница	1,1	Лягушка остромордая	18,5
Кулик ср.	1,1	Лягушка травяная	18,5
Сизый голубь	33,7	Чесночница	21,5
Черный стриж	2,2	Уж	10,0
Ласточка-береговушка	1,1	Ящерица прыткая	9,2
Варакушка	1,1		
Обыкновенная каменка	1,1		
Зарянка	2,2		
Обыкновенная горихвостка	1,1		
Белобровик	1,1	Еж	2,2
Серая ворона	4,5	Землеройка ср.	2,6
Грач	9,0	Полевка ср.	8,8
Мухоловка-пеструшка	1,1	Мышь полевая	5,3
Серая славка	1,1	Мышь домовая	6,6
Домовый воробей	10,1	Крыса серая	5,7
Полевой воробей	10,1	Кошка	55,5
Зяблик	9,0	Собака	10,6
Коноплянка	1,1	Лисица	2,6
Обыкновенная овсянка	1,1		
Большая синица	1,1		

животных, особенности рельефа и микроклимата, привлекающие животных на дорожное полотно. В частности, дорожные насыпи со склонами южной экспозиции служат местами поселения ящериц, в ночное время асфальтовые покрытия часто теплее, чем окружающий грунт и т. д.

Среди птиц и млекопитающих обычно на дорогах погибают те виды, которые так или иначе связаны с этой стацией по трофическому или топическому каналам. Т.е. в первую очередь гибнут животные, кормящиеся на обочинах дорог насекомыми, просыпанным зерном, трупами ранее погибших животных и т. д., или населяющие придорожные заросли кустарников, лесополосы и другие биотопы.

Синантропные птицы погибают от транспорта значительно чаще несинантропных. Однако при сравнении частоты

гибели птиц на дорогах с данными по численности этих же видов в регионе в целом и конкретно в придорожных станциях, получается прямо противоположная картина. Синантропные птицы гибнут на дорогах относительно реже несинантропных, если учесть, что первые проводят на дороге и в придорожной полосе многократно больше времени, чем вторые. То же характерно и при анализе состава погибающих на дорогах млекопитающих. Например, домашние и бродячие собаки гибнут в четыре и более раз чаще, чем наиболее родственные им представители дикой фауны – лисицы. Однако в Рязани численность собак превышает численность лисиц отнюдь не в четыре раза, а по крайней мере на два порядка. Таким образом, очевидно существование поведенческих адаптаций синантропных ви-

дов птиц и млекопитающих к движущемуся транспорту. На факт таких адаптаций указывают также данные о повышенной смертности молодых особей.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что элиминация позвоночных на автомобильных дорогах может быть значительно снижена при учете вышеперечисленных факторов на этапе планирования дорожной сети. Однако, поскольку эта сеть в целом, уже сформирована, единственным доступным и недорогим механизмом может служить целенаправленное воздействие на прилегающие к дорогам территории. В частности, замена придорожных кустарников высокими деревьями способствует изменению видового состава гнездящихся птиц и «поднимает» пересекающих дорогу особей выше кузова автомобиля. Если же в озеленении используются и кустарники, они должны располагаться во внешней по отношению к дороге полосе, а деревья – во внутренней, но не наоборот. Наличие посреди дороги разделительной полосы с травой (в меньшей степени – с открытой землей) привлекает насекомых, также сбиваемых автомобилями, и птиц. Для последних особенно опасна «неокультуренная» разделительная полоса. Ее фитоценоз обычно формируется стихийно и включает значительную долю рудеральных представителей, семена которых являются основными и наиболее привлекательными кормовыми объектами многих синантропных и диких птиц (сизый голубь, воробьи, обыкновенная овсянка, вьюрковые), а значительная высота сорных трав способствует привлечению птиц высокотравно-кустарникового яруса (славки, камышевки и др.) [2, 3]. С какой бы стороны птицы не подлетали к разделительной полосе с травянистой или кустарниковой растительностью, они попадают в опасный высотный интервал, вывести их из которого можно также при помощи озеленения этой полосы высокими деревьями (без кустарникового яруса). Идеальным с данной точ-

ки зрения служит механическое барьерное ограждение, разделяющее дороги, которое также препятствует ее пересечению крупными млекопитающими и локализует пути миграции последних. Важным условием снижения элиминации позвоночных на автодорогах является контроль скоростного режима техники, особенно его равномерности, что способствует предсказуемости дорожной ситуации для животных. Поэтому на наиболее опасных участках целесообразны введение режима ограничения скорости, а также расстановка соответствующих дорожных знаков.

Выводы

1. Многолетние исследования показали, что в г. Рязани автомобильные дороги являются существенным фактором элиминации позвоночных.

2. Среди погибших животных количественно преобладают синантропные виды, но, учитывая показатели численности, они оказываются относительно менее уязвимыми, благодаря наличию поведенческих адаптаций.

3. Повышению риска гибели животных на автодорогах способствуют привлекающие факторы – наличие у животных трофических и топических связей с придорожными территориями и дорожным полотном.

4. Целенаправленная планировка дорожной сети и, в случае уже сформированной, придорожных и разделительных полос, могут значительно снижать показатели элиминации позвоночных, требуя относительно небольших материальных вложений. Мы рекомендуем: в практике фитодизайна придорожных территорий и разделительных полос осуществлять подбор и размещение видов и жизненных форм растений с учетом создания наиболее безопасной для животных структуры местообитаний, учитывать наличие сравнительно безопасных и более опасных для представителей фауны участков дорог при планировании скоростного режима движения автотранспорта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Атлас гнездящихся птиц города Воронежа / Нумеров А. Д., Венгеров П. Д., Киселев О. Г. и др. – Воронеж: Научная книга, 2013. – 364 с.
2. Барановский А. В. Сравнительная биология птиц семейств дроздовых и мухоловковых (на примере города Рязани) / А. В. Барановский: Монография. – Lap Lambert Academic Publishing, 2013. – 185 с.
3. Барановский А. В. Биоразнообразие и экологическая сегрегация мелких зерноядных птиц в урбоценозах г. Рязань / А. В. Барановский, Е. С. Иванов: Монография. – Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина, 2015. – 213 с.
4. Лысенков Е. В. Автодороги и население птиц / Е. В. Лысенков, А. С. Лапшин, Е. Н. Пятаева // Мордовский орнитологический вестник (Саранск). – 2000. – № 2. – С. 61-68.
5. Нанкинов Д. Н. Исследование гибели птиц на автомобильных дорогах / Д. Н. Нанкинов, Н. М. Тодоров // Экология. – 1983. – № 5. – С. 62-68.
6. Резанов А. Г. Трофические связи птиц с транспортными магистралями и наземным транспортом / А. Г. Резанов, А. А. Резанов // Русский орнитологический журнал. 2009. – Т. 18. – № 481. – С. 723-742.
7. Шевцов А. С. Элиминация позвоночных животных на автомобильных дорогах Центрального Предкавказья / А. С. Шевцов, А. Н. Хохлов, М. П. Ильях // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2011. – Т. 74. – С. 115-122.

УДК 612.821
ББК 53.542
Медицина

медицина

ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ ПЕРЕМЕННОГО МАГНИТНОГО ПОЛЯ НА АКТИВНОСТЬ СТРЕСС- ЛИМИТИРУЮЩЕЙ И СТРЕСС-РЕАЛИЗУЮЩЕЙ СИСТЕМ

Кандидат медицинских наук Е. П. Глушкова¹
Доктор медицинских наук С. В. Булатецкий²

В статье рассматриваются возможности использования переменного магнитного поля аппаратов импульсной магнитотерапии в избирательном управлении активностью стресс-лимитирующей и стресс-реализующей систем.

Ключевые слова

Адаптационные механизмы, магнитотерапия, магнитное поле, функциональное состояние, электромагнитное воздействие

Применение немедикаментозных методов воздействия на регуляторные механизмы и функциональное состояние человека является одной из актуальных проблем адаптационной медицины. Адаптация человека к действующим факторам внешней среды обеспечивается изменением активности сохранительных (стресс-лимитирующих) или реципрочно организованных защитных (стресс-реализующих) механизмов адаптации [3, 4, 5, 6]. Это могут быть врожденные и приобретенные функциональные системы, исполнительные механизмы, которых формируют реципрочные, антагонистически организованные результаты, что обеспечивает наиболее адекватное приспособление организма к различным внешним воздействиям. Стресс-реализующая система (СРС) ответственна за обеспечение и сохранение гомеостаза путем активизации и координации

деятельности других регуляторных и различных исполнительных систем, участвующих в формировании их адаптивных реакций в ответ на действие разнообразных стрессоров. Возникающая под влиянием разнообразных возмущающих воздействий активизация разных звеньев СРС не только повышает функции и метаболизм многих структур органов и тканей организма, но и быстро вызывает реализацию гормональных, метаболических, поведенческих, висцеральных и иммунных реакций. В ответ на действие различных стрессоров происходит активизация не только СРС, но и стресс-лимитирующей системы (СЛС), которая через активизацию как центральных, так и периферических стресс-лимитирующих структур и механизмов ослабляет стресс-реакции, реализующиеся на различных уровнях организации организма, обеспечивает включение срочных и долговременных

механизмов их адаптации и повышение их резистентности.

Системы организма как биологические объекты обладают разной чувствительностью к электромагнитным полям [11]. Реакция организма на электромагнитное воздействие представляет собой сложный системный феномен, включающий механизмы разных уровней и имеющий собственную функциональную организацию [2]. Концепция общего адаптационного синдрома (Г. Селье), возникающего при любом воздействии, позволяет предполагать, что локальные физиотерапевтические воздействия магнитным полем вызывают не только преимущественно местный эффект, но и интегральные, общеорганизменные изменения [4]. Проведенными исследованиями установлена избирательность (в зависимости от локализации и параметров воздействия) влияния переменного магнитного поля (ПеМП) на парасимпатический и симпатический отделы автономной нервной системы (АНС), состояние неспецифических адаптационных механизмов, нейрогуморальную и метаболическую регуляцию, что может использоваться для изменения функционального состояния организма человека [1, 4, 7, 9].

Целью данного исследования было изучение избирательности действия переменного магнитного поля (ПеМП) на активность стресс-лимитирующей и стресс-реализующей систем на основе анализа динамики показателей неспецифических механизмов адаптации человека к электромагнитным воздействиям.

Материалы и методы. В исследованиях добровольно участвовало 168 человек мужского пола в возрасте от 18 до 22 лет. Использованы сертифицированные аппараты импульсной магнитотерапии АЛМАГ-01, ПОЛИМАГ-01. В исследовании в различном сочетании применялись следующие параметры локального воздействия ПеМП: локализация индукторов – область проекции надпочечников и шей-

ный отдел спинного мозга; экспозиция – 3, 7, 14 и 21 мин; частота ПеМП – 3, 10 и 27 Гц; амплитудное значение магнитной индукции – 5, 10 и 20 мТл. Активность неспецифических адаптационных механизмов определялась по результатам биохимического исследования крови (анализатор FR-901 «Labsystems») и по показателям variability сердечного ритма (ВСР). Математический анализ ритма сердца проводился по 5-минутным записям ЭКГ аппаратно-программным комплексом «Варикард-1.41» в фоновых условиях и после воздействия переменным магнитным полем. Динамические ряды кардио-интервалов обрабатывались статистическим, автокорреляционным и спектральным анализом, на основании чего были получены числовые значения параметров ВСР у каждого испытуемого. Математическая обработка полученных результатов включала исследование внутригрупповых статистических свойств и межгрупповых различий. Для оценки изменений функционального состояния после воздействия ПеМП использовались внутри- и межсистемные взаимоотношения между показателями волновой структуры сердечного ритма. В качестве показателя сопряжения корреляционных связей между исследуемыми показателями использован непараметрический показатель ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. Проведенными ранее исследованиями [3] установлено, что пространственные различия в локализации индукторов аппарата АЛМАГ-01 при 10-дневном курсовом магнитном воздействии по 7 минут обуславливают противоположную активность неспецифических адаптационных механизмов – при локализации индукторов в проекции надпочечников происходит торможение стресс-реализующей и активация стресс-лимитирующей систем, а при шейной локализации наблюдается противоположный эффект. Исходя из этого были определены параметры однократного воздей-

ствия ПеМП аппарата АЛМАГ-01 – экспозиция 7 мин, расположение индукторов в области верхнего полюса почек и по зад-

ней поверхности шеи. Полученные результаты и величина их изменений представлены в таблице 1 и на диаграмме 1.

Таблица 1

Динамика некоторых показателей ВСР при применении аппарата АЛМАГ-01

Показатели ВСР	Локализация индукторов аппарата АЛМАГ -01 (время воздействия 7 минут)			
	Шейный отдел спинного мозга		Надпочечники	
	фоновые условия	после воздействия	фоновые условия	после воздействия
ЧСС, уд/мин	74,0 ± 4,5	74,7 ± 4,3	70,4 ± 2,7	71,6 ± 2,8
MxDMn, мс	269 ± 30	217 ± 35***	265 ± 36	271 ± 29
RMSSD, с	49,6 ± 10,2	46,1 ± 11,4	50,0 ± 7,2	49,7 ± 7,3
SDNN, с	54,9 ± 7,2	43,2 ± 7,6***	50,7 ± 6,6	53,5 ± 6,1
Коэффициент вариации (CV), %	6,33 ± 0,50	4,92 ± 0,56***	5,78 ± 0,64	6,25 ± 0,59
Стресс-индекс (SI), усл. ед.	154 ± 50	295 ± 101*	148 ± 37	123 ± 28
Суммарная мощность спектра (TP), мс^2	2887 ± 667	2410 ± 755	2630 ± 589	3172 ± 567
Суммарная мощность HF, мс^2	1346 ± 471	1161 ± 468	1261 ± 262	1359 ± 391
Суммарная мощность LF, мс^2	933 ± 136	752 ± 178	724 ± 244	1009 ± 298
Суммарная мощность VLF, мс^2	341 ± 77	300 ± 65	253 ± 37	399 ± 116
LF/HF	1,37 ± 0,35	1,17 ± 0,22	0,63 ± 0,14	1,08 ± 0,36
IC	1,88 ± 0,48	1,71 ± 0,35	0,89 ± 0,17	1,52 ± 0,44
ПАРС	4,3 ± 0,5	4,0 ± 0,6	3,7 ± 0,5	3,9 ± 0,6

Примечание: * – $p < 0,05$; *** – $p < 0,005$

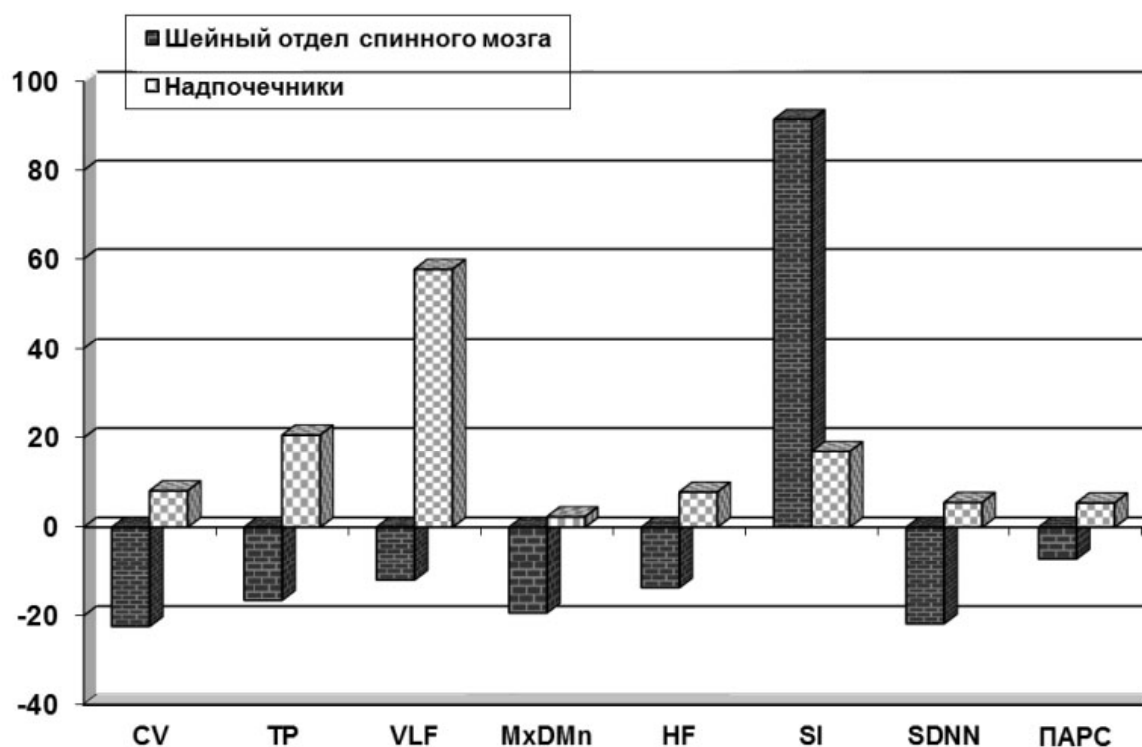

Диаграмма 1. Изменение некоторых показателей ВСР (в процентах к фоновым условиям) при применении ПеМП аппарата АЛМАГ-01

Полученные результаты свидетельствуют о том, что изменения вегетативной регуляции ритма сердца при воздействии на область шейного отдела спинного мозга происходят в виде увеличения симпатической активации, усиливающей энергетические процессы, и уменьшения парасимпатической (трофотропной) активности АНС. Подобные изменения носят нервно-рефлекторный характер, т. к. в шейном отделе позвоночника сосредоточены центральные нейроны симпатического отдела АНС и шейные ганглии, содержащие как афферентные, так и эфферентные нейроны АНС.

При воздействии на проекцию надпочечников наблюдается противоположный эффект.

Учитывая, что волновые диапазоны ВСР являются производными процессов информации, регуляции, метаболизма и функциональной деятельности гемодинамики и, в конечном итоге, определяют процессы ауторегуляции [10], был проведен корреляционный анализ между частотой сердечных сокращений (HR) и волновыми параметрами сердечного ритма (HF, LF, VLF) при разной экспозиции ПемП аппарата АЛМАГ-01 на проекцию надпочечников (рис. 1).

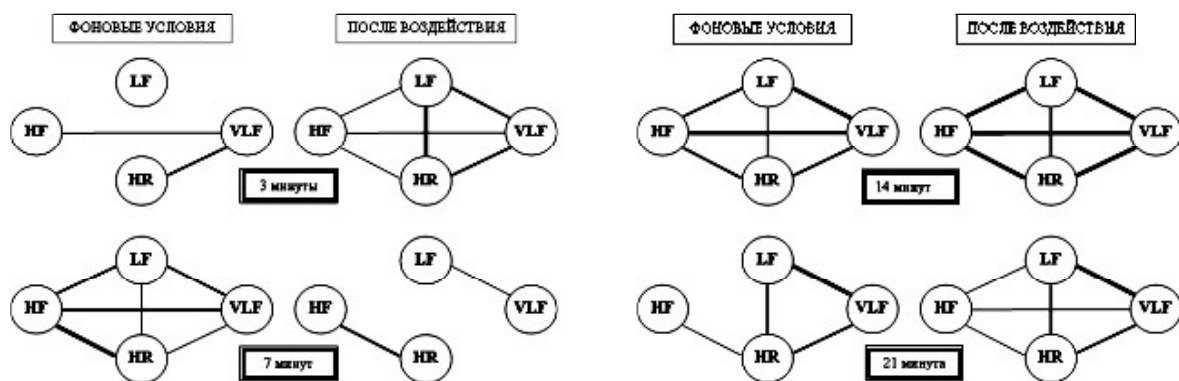

Рисунок 1 – Корреляционные связи в группах с разной длительностью воздействия ПемП аппарата АЛМАГ-01 на области проекции надпочечников

Анализ корреляционных плеяд показывает, что только 7-минутная экспозиция при поясничной локализации индукторов вызывает уменьшение числа и силы корреляционных связей. Это свидетельствует об увеличении количества степеней свободы, снижении напряжения в системе (в данном случае – в системе регуляции ритма сердца), когда отдельные элементы мало взаимодействуют друг другу в результате повышения функциональных резервов.

Дальнейшее исследование проводилось с использованием аппарата ПОЛИМАГ-01 с учетом уже полученных результатов и было направлено на избирательную активацию ПемП стресс-лимитирующей или стресс-реализующей систем. Параметры воздействия и локализация задавались с учетом данных, полученных при исполь-

зовании аппарата АЛМАГ-01. Активность неспецифических механизмов адаптации физиологических систем определялась по результатам биохимического исследования крови в фоновых условиях и после воздействия на надпочечники ПемП аппарата ПОЛИМАГ-01. Обобщенная динамика приведена в таблице 2.

Полученные результаты показывают, что применение в исследованиях одних и тех же параметров ПемП, генерируемых аппаратами АЛМАГ-01 и ПОЛИМАГ-01 вызывало однотипные изменения в физиологических системах и неспецифических адаптационных механизмах, как по результатам математического анализа ритма сердца, так и при исследовании биохимических показателей крови. Это объясняется тем, что в терапевтических дозах магнитные поля вызывают ориен-

Таблица 2

**Избирательность действия ПеМП на физиологические системы
и неспецифические механизмы адаптации**

Показатель	ПеМП 20 мТл 3 Гц; время – 7 мин; поясничная локализация индукторов	ПеМП 4 мТл 3 Гц; время – 7 мин; шейная локализация индукторов
Стресс-лимитирующие гормоны	↑	↓
Стресс-реализующие гормоны	↓	↑
Прооксиданты	↓	↑
Антиоксиданты	↑	↓
Противосвертывающая система	↑	↓
Свертывающая система	↓	↑
Система фибринолиза	↑	↓
Антифибринолизинговая система	↓	↑
Хелперная активность	↓	↑
Супрессорная активность	↑	↓
Неспецифическая резистентность	↓	↑
Состояние неспецифических механизмов адаптации	Стимуляция СЛС	Стимуляция СРС

тационные и концентрационные изменения биологически активных макромолекул, что отражается на кинетике биохимических реакций и скорости биофизических процессов. Кроме того, низкочастотные ПеМП активно влияют на местные метаболические и микроциркуляторные процессы в тканях. Также установлено, что стресс-система и иммунная система связаны двусторонними связями: влиянием нейрональных структур на иммунокомпетентные органы и клетки, с одной стороны, и влиянием иммунной системы на стресс-систему – с другой. Благодаря этим связям гипоталамус (ключевая структура центрального аппарата регуляции иммунной системы) и стресс-системы быстро реагируют на нарушение гомеостаза и дают начало сложному эффекторному пути передачи регуляторных влияний на иммунокомпетентные органы и клетки [8]. Наряду с нервной и эндокринной системами система иммунобиологического надзора является одной из глав-

ных регулирующих систем, участвующей в развитии общего адаптационного синдрома на всех его этапах. Все указанные системы работают как единый структурно-функциональный блок.

Гомеостатические результаты, достигаемые в ходе адаптивной деятельности, определяют оптимальное для нормальной жизнедеятельности течение различных метаболических процессов в тканях организма. В нашем исследовании при поясничной локализации индукторов и параметрах воздействия ПеМП – амплитуда магнитной индукции 20 мТл, частота импульсов поля 3 Гц, экспозиция 7 минут – выявлена динамика в сторону повышения уровня стресс-лимитирующего медиатора (серотонин), супрессорной активности, активация системы фибринолиза, антиоксидантов, показателей противосвертывающей системы крови. При этом происходило снижение уровня стресс-реализующих гормонов (адреналин, норадреналин), хелперной активности, прооксидан-

тов, показателей свертывающей системы крови. Эти изменения сопровождались депрессией иммунных механизмов и снижением активности механизмов неспецифической резистентности. Очень важным обстоятельством являлось то, что реакция системы гемостаза на магнитное воздействие не сопровождалась потреблением прокоагулянтов – это указывало на функциональный (регуляторный) характер возникающих изменений. Стимулирующий характер реакции со стороны иммунной системы подтверждается и отсутствием каких-либо изменений со стороны концентрации основных классов иммуноглобулинов крови. Полученные при данных параметра воздействия ПеМП результаты свидетельствуют об увеличении активности неспецифических механизмов адаптации стресс-лимитирующей направленности и активизации «сохранительных» функциональных систем. При шейной локализации индукторов аппарата ПОЛИМАГ-01 и параметрами воздействия ПеМП – амплитуда магнитной индукции 4 мТл, частота импульсов поля 3 Гц, экспозиция 7 минут – выявлена противоположная динамика. Это обусловлено запуском реципрочно организованных «защитных» функциональных систем, что совпадает с результатами других исследований, согласно которым системная организация неспецифических адаптационных реак-

ций на локальные физиотерапевтические воздействия строится по реципрочному принципу [3].

Проведенное исследование дало возможность проанализировать динамику неспецифических механизмов адаптации, изменяющих в сторону улучшения или ухудшения системную организацию адаптивных процессов.

Выводы:

1. Реакция организма на электромагнитное воздействие – сложный системный феномен, включающий механизмы разных уровней и имеющий собственную функциональную организацию.

2. Физиологическую значимость используемых параметров ПеМП наиболее адекватно оценивать через соотношение активности стресс-реализующей и стресс-лимитирующей систем.

3. Пространственно-временные параметры ПеМП должны обеспечивать минимальную активацию стресс-реализующей системы и в наибольшей степени активировать стресс-лимитирующую систему.

4. Противоположная направленность электромагнитного воздействия на гормональные, гемостатические, антиоксидантные и иммунные механизмы при различной локализации индукторов и параметрах ПеМП обусловлена существующими реципрочными механизмами адаптации к факторам внешней среды.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Булатецкий, С. В. Анализ структурных особенностей системной организации регуляции ритма сердца как способ оценки эффективности магнитотерапевтического воздействия / С. В. Булатецкий // Актуальные вопросы клинической и экспериментальной патологии: межрегиональный сборник научных трудов. – Рязань, РязГМУ, 2005. – С. 15-20.

2. Булатецкий, С. В. Динамика неспецифических адаптационных механизмов как критерий оптимизации магнитных воздействий / С. В. Булатецкий, Ю. Ю. Бяловский, Е. П. Глушкова // Российский медико-биологический вестник им. акад. И. П. Павлова. – 2013. – № 2. – С. 49-53.

3. Булатецкий, С. В. Физиологические механизмы успешности профессиональной подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России: Дис. ... д-ра мед. наук. – Рязань, 2008. – 260 с.

4. Бяловский, Ю. Ю. Вариабельность сердечного ритма и фрактальная нейродинамика в условиях локальных вибромагнитоакустических воздействий / Ю. Ю. Бяловский, С. В. Булатецкий, Ж. В. Сучкова // Физиология человека. – 2005. – Т. 31. – № 4. – С. 50-60.
5. Бяловский, Ю. Ю. Неспецифические адаптационные механизмы в оптимизации тренирующих и реабилитационных мероприятий / Ю. Ю. Бяловский, С. В. Булатецкий, А. Н. Абросимов. – Рязань: РязГМУ, 2006. – 384 с.
6. Бяловский, Ю. Ю. Фрактальная нейродинамика в условиях локальных физиотерапевтических воздействий / Ю. Ю. Бяловский, С. В. Булатецкий // Российский медико-биологический вестник им. акад. И. П. Павлова. – 2008. – № 1. – С. 6-9.
7. Глушкова, Е. П. Некоторые аспекты использования локальных магнитных воздействий для изменения функционального состояния организма человека / Е. П. Глушкова, С. В. Булатецкий // Клинико-патофизиологические проблемы медицины: межрегиональный сборник научных трудов. – Рязань: РязГМУ, 2006. – С. 76-78.
8. Крыжановский, Г. Н. Нейроиммунопатология / Г. Н. Крыжановский, С. В. Магаева, С. В. Макаров. – М., 1997. – 283 с.
9. Сучкова, Ж. В. Динамика вариабельности сердечного ритма при разной локализации и длительности магнитных воздействий / Ж. В. Сучкова, Ю. Ю. Бяловский, С. В. Булатецкий // Реабилитология. Сб. научных трудов. – № 2. – М.: Изд-во РГМУ, 2004. – С. 195-198.
10. Флейшман, А. Н. Медленные колебания гемодинамики: теория, практическое применение в клинической медицине и практике / А. Н. Флейшман. – Новосибирск: Наука, 1999. – 264 с.
11. Экспериментальная магнитобиология: воздействие полей сложной структуры: монография / М. В. Грязев [и др.]. – Тверь; Тула: ООО Изд-во «Триада», 2007. – 112 с.

медицина

УДК 616.248
ББК 54.122
Медицина

КЛИНИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ МИКОГЕННОЙ СЕНСИБИЛИЗАЦИИ У КОМОРБИДНЫХ ПАЦИЕНТОВ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМОЙ И ОНИХОМИКОЗОМ СТОП

М. В. Жучков¹

Доктор медицинских наук Д. Р. Ракита²

Кандидат медицинских наук Н. П. Ермошина³

В данной исследовательской работе было подтверждено прогностическое значение некоторых клинических предикторов микогенной сенсibilизации у коморбидных пациентов персистирующей бронхиальной астмой и синдромом хронической руброфитии. Выявление врачом данных клинических предикторов у «постели больного» бронхиальной астмой, позволяет не прибегая к трудоемким и дорогостоящим лабораторным исследованиям, определить степень влияния сопутствующего синдрома хронической руброфитии на тяжесть течения респираторной патологии.

Ключевые слова

Микогенная сенсibilизация, бронхиальная астма, онихомикоз, коморбидность, клинические предикторы

Высокие популяционные показатели заболеваемости бронхиальной астмой и микотической патологией стопы, идентичная тенденция к преобладанию среди пациентов лиц старше 50 лет, сходный персистирующий характер течения обеих болезней, создают благоприятные условия для возрастания соответствующей дерматореспираторной коморбидности [1, 3, 7]. Бронхиальная астма по определению экспертов Глобальной инициативы по данному заболеванию (GINA) является хроническим воспалительным заболеванием дыхательных путей в патогенезе которого играют роль многие клетки и клеточные элементы [1, 3]. Согласно тому же определению персистирование данного респираторного за-

болевания связано с бронхиальной гиперреактивностью, которая в свою очередь, может возникать в ответ на различные экзогенные и эндогенные стимулы, действующие на респираторный тракт. Наличие сопутствующего очага грибковой инфекции у пациентов с персистирующей клинической формой бронхиальной астмы (БА) является одним из тех «стимулов», который может не только инициировать респираторное воспаление, но и способствовать его персистированию в дыхательных путях у таких коморбидных больных [2, 4, 15]. Изучение возможностей влияния грибковых аллергенов на тяжесть сопутствующей респираторной патологии началось давно [5, 7, 11], но, до настоящего времени, ограничивалось в основ-

ном только изучением влияния микогенных аэроаллергенов на тяжесть воспаления в дыхательных путях при бронхиальной астме [1]. Именно поэтому в сознании практикующих врачей микогенная сенсibilизация у пациентов бронхиальной астмой всегда ассоциируется с такими микромицетами как *Aspergillus spp.*, *Cladosporium spp.* и др. [2]. История изучения влияния дерматофитийной сенсibilизации на тяжесть течения данной респираторной патологии берет свое начало с 1930 года [14, 18, 19, 24]. Именно в этом году двумя известными американскими дерматологами Марионом Балдуrom Сульцбергером и Фредом Вайсом, было проведено ретроспективное исследование в котором был проведен анализ ограниченного числа коморбидных пациентов респираторной и грибковой патологией. После чего авторами впервые была выдвинута гипотеза о значительной роли *Trichophyton* – ассоциированной микогенной аллергии в иммунопатогенезе бронхиальной астмы у пациентов, страдающих микозом стоп. Эта работа положила начало целой череде научных изысканий того времени, но только спустя несколько десятков лет данные Сульцбергера и Вайса были окончательно подтверждены не только с клинических [9, 16, 21], но и с иммунопатологических позиций [22].

В настоящее время, клиническое значение *Trichophyton spp.* – ассоциированной сенсibilизации у коморбидных пациентов страдающих бронхиальной астмой и грибковой патологией стопы не вызывает сомнений. Но, выявление среди когорты таких коморбидных больных, пациентов имеющих именно такого рода дерматофитийную сенсibilизацию, в условиях реальной клинической практики, весьма сложная задача. Причин такой сложности две. Во-первых, распространенность грибковой патологии стопы среди пациентов бронхиальной астмой несколько выше, чем в общей популяции, но далеко не у каждого такого пациента име-

ет место клинически значимая микогенная сенсibilизация. А, во-вторых, лабораторная верификация дерматофитийной сенсibilизации (определение специфических иммуноглобулинов класса E) является весьма затратной и трудоемкой задачей для специалистов лечебных учреждений.

Именно поэтому **целью** нашего исследования стало изучение клинических предикторов микогенной сенсibilизации у коморбидных пациентов бронхиальной астмой и ониомикозом стоп.

Материалы и методы. Все пациенты, включенные в данное исследование были разделены на две группы. Первую группу в нашем исследовании составили 108 коморбидных пациентов страдающих персистирующей клинической формой бронхиальной астмы и различными вариантами грибковой патологии стопы, ассоциированной с *Tr.rubrum*. Кроме того, обязательным требованием включения пациентов в первую группу являлось наличие лабораторно верифицированной трихофитийной сенсibilизации. Для потребностей настоящего исследования в качестве маркера дерматофитийной сенсibilизации использовалось обнаружение в плазме крови специфических IgE, как наиболее чувствительного и специфичного в данном случае метода. Вторую группу в исследовании составили 110 коморбидных пациентов, страдающих персистирующей клинической формой бронхиальной астмы и различными клиническими вариантами грибковой подологической патологии ассоциированной с *Tr.rubrum*, у которых не была выявлена лабораторно трихофитийная сенсibilизация (т.е. в плазме крови этих пациентов не было обнаружено специфических IgE).

Средний возраст пациентов составил 51,6±5,2 года. Среди всех пациентов, включенных в исследование, мужчины составляли 41,7% (n=91), а женщины 58,3% (n=127). Наличие клинически и лабораторно верифицированного онио-

микоза у пациентов выло, наряду с наличием бронхиальной астмы основным критерием включения. Структура клинических форм онихомикоза, среди пациентов в исследовании по классификации А. М. Ариевича (1969), была следующей: пациенты с гипертрофической формой онихомикоза составляли 59,2 % (n=129) респондентов в исследовании, нормотрофической 35,8% (n=78), а онихолитической 5,0% (n=11). Рост культуры *Tr.gubrum* на питательной среде «Декстрозный агар Сабуро с хлорамфениколом» (CONDA Pronadisa, Испания), являлся еще одним критерием включения пациентов в наше исследование.

Основным инструментом для оценки контроля симптомов астмы в исследовании являлся валидизированный опросник, рекомендованный рабочей группой экспертов GINA в 2002 и в 2006 году АСТ (Asthma Control Test) [7]. В целях унификации методологии, в данном исследовании опросник АСТ использовался только самими пациентами.

В качестве способа оценки грибковой сенсibilизации среди коморбидных пациентов в нашем исследовании использовалось определение содержания специфических иммуноглобулинов класса Е к *Tr.gubrum* в сыворотке крови больного с помощью иммуноферментного анализа (ИФА). Данное иммунологическое исследование проводилось с помощью «Набора реагентов для качественного иммуноферментного определения аллергенспецифических IgE – антител в сыворотке крови (IgE-АТ-ИФА)» (производство: ООО НПО «ИмуноТэкс», Россия). Указанные тест-системы для проведения ИФА разработаны в соответствии с ТУ 9398-007-73678649-2011 и имеют регистрационное удостоверение, выданное Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения и социального развития № ФСР2012/13307 от 11 апреля 2012 года. ИФА в нашем исследовании проводился с помощью аппарата «Фотометр для мик-

ропланшетов iMark (Bio-Rad, США) (Регистрационное удостоверение № ФСЗ 2009/03400 от 11.01.2009). Показатели, получаемые при проведении ИФА с помощью указанного фотометра вертикального сканирования интерпретировались для потребностей нашего исследования следующим образом: при показателях величины оптической плотности менее 50 КЕ/л – результат считался отрицательным (грибковой сенсibilизации к антигенам *Tr.gubrum* не выявлено); при показателях 50 - 100 КЕ/л – «легкая степень» сенсibilизации; при показателях 100 - 200 КЕ/л – «умеренная степень» сенсibilизации; 200 - 400 КЕ/л – «высокая степень» сенсibilизации; при показателях величины оптической плотности свыше 400 КЕ/л при проведении исследования на длине волны 450 нм результат трактовался как «очень высокая степень» грибковой сенсibilизации. Указанные выше формулировки были разработаны исключительно для потребностей данного исследования с целью упрощения клинической трактовки выявленных изменений и проведения более корректного сравнительного анализа степени грибковой сенсibilизации среди различных категорий коморбидных пациентов.

Критериями исключения пациентов из данного исследования были: обнаружение у пациентов клинико-функциональных признаков хронической обструктивной болезни легких, выявленная сопутствующая респираторная патология, сопровождающаяся транзиторными или постоянными нарушениями функции внешнего дыхания по обструктивному типу (трахеобронхиальная дискинезия, саркоидоз и пр.), клинические и анамнестические признаки вульвовагинального и орофарингеального кандидоза, наличие у больных с астмой клинически значимой пищевой, бытовой, пылевой сенсibilизацией, наличие у пациентов ВИЧ-инфекции и иных приобретенных и/или врожденных иммунологических дефицитов и аббера-

ций в системе иммунного надзора (синдром Джоба и др.).

Результаты исследования. Как было указано выше, для потребностей данного исследования, в качестве лабораторного теста определяющего микогенную сенсibilизацию у коморбидных больных страдающих астмой был выбран метод, полуколичественного определения в плазме крови специфических IgE к антигенам *Tr.rubrum*. Презумпция гуморального иммунного ответа среди возможных иммунологических реакций макроорганизма на проникновение грибов-дерматофитов, дает этому методу лабораторной диагностики явные преимущества над, например, реакцией торможения миграции лейкоцитов, реакцией стимуляции лизоцима в агаровом геле и др. [15, 20]. Выбор «модели пациента» на которой, в данном исследовании, проводилась проверка гипотезы о прогностической значимости тех или иных клинических симптомов, которые могут быть клиническими маркерами микогенной сенсibilизации, был сделан не случайно. Этот выбор пал на коморбидных больных пациентов с персистирующей бронхиальной астмой и рубромикозом стоп был сделан в силу двух обстоятельств. Во-первых, он был определен тем фактом, что официальные лабораторные тест-системы для обнаружения специфических IgE к другим (не руброфитийным) возбудителям онихомикоза в России отсутствуют [21]. Во-вторых, чрезвычайно высокой распространенностью *Tr.rubrum*-ассоциированных онихий, по сравнению с другими этиологическими вариантами онихомикоза [23].

Учитывая крайне низкую доступность лабораторной верификации микогенной сенсibilизации методом определения специфических IgE к *Tr.rubrum* у коморбидных пациентов страдающих бронхиальной астмой в практическом здравоохранении России, главной целью нашего исследования была проверка гипотезы о прогностической значимости некоторых

клинических признаков, потенциально претендующих на то, что бы стать маркерами микогенной сенсibilизации у пациентов астмой. Знание такого рода клинических маркеров, должно позволить лечащему врачу непосредственно у «постели больного» бронхиальной астмой оценивать вероятность наличия у него «микогенной сенсibilизации» к основному возбудителю онихомикоза и основываясь на этом принимать соответствующие клинические решения. Проверка гипотезы о наличии определенных клинических маркеров грибковой сенсibilизации у коморбидных пациентов, осуществлялась в исследовании с помощью сравнительной оценки количественных параметров определяющих «предполагаемый клинический маркер» и «степени» грибковой сенсibilизации (полуколичественного определения в плазме крови уровня специфических IgE к *Tr.rubrum*) у подгрупп пациентов.

В качестве «кандидатов» в клинические маркеры для потребностей данного исследования рассматривались следующие:

1. Высокие градации индекса КИОТОС (Клинический индекс оценки тяжести онихомикоза А. Ю. Сергеева);
2. Анамнестическая длительность грибковой патологии стопы;
3. Указание на наличие у пациента аллергической реакции в анамнезе в ответ на прием бета-лактамов антибактериальных препаратов;
4. Анамнестически определяемое абсолютное количество эпизодов интертригиозного микоза стоп при наличии синдрома хронической руброфитии;
5. Наличие в анамнезе у пациента различных клинических вариантов id-реакции;

Для потребностей данного исследования был разработан так называемый «двухступенчатый алгоритм» при последовательной оценке которого, авторы имели возможность говорить об обсуждаемом клиническом критерии, как о клиничес-

ком «маркере микогенной сенсibilизации» у коморбидных пациентов страдающих бронхиальной астмой и синдромом хронической руброфитии (СХР). Данный алгоритм предусматривал на первой ступени: сравнительную оценку частоты встречаемости обсуждаемого клинического критерия в первой и второй группах пациентов. Основным условием, которое должно было соблюдаться в данном случае – большая частота встречаемости определенного критерия в первой группе коморбидных больных, по сравнению со второй. Чем выше разница в данном показателе между группами, тем выше прогностическая значимость данного критерия, как клинического маркера микогенной сенсibilизации. На второй ступени оценки «двуступенчатого алгоритма» учитывался характер (линейный) возрастания концентрации специфических IgE к *Tr. rubrum* после 50 КЕ/л, при кратном увеличении величины обсуждаемого клинического критерия (т. е. формирование положительной «линейной» корреляции между исследуемыми параметрами).

Выявление соответствия сразу по «двум ступеням» указанного алгоритма, с высокой долей вероятности позволяло называть указанный клинический критерий – маркером микогенной сенсibilизации у данной категории пациентов.

1. Границы расчетной величины индекса КИОТОС у пациентов с онихомикозом в целом составляют от 0 до 30 баллов. Исходя из формулы расчета индекса, несложно понять, что величина КИОТОС в 16 баллов, может быть условно определена как «точка отсчета» после которой у пациентов констатируется увеличение степени тяжести субъонгвинального гиперкератоза. Во всех российских и международных клинических рекомендациях с этой «отправной точки» пациентам рекомендуется системная антифунгальная терапия в добавление к местным антимикотикам. Именно поэтому, для потребностей данного исследования именно этот

условный «математический рубеж» значения индекса КИОТОС составляющих 16 баллов, был принят в качестве целевого критерия.

В результате исследования было выявлено, что доля коморбидных больных бронхиальной астмой с величиной индекса КИОТОС свыше 16 баллов была существенно больше в первой группе пациентов, по сравнению со второй. Доля пациентов со значением КИОТОС свыше 16 баллов среди первой группы составила 75,0 % (n=81), во второй группе аналогичный показатель составил 58,18 % (n=64) при $p < 0,01$. Кроме того, у больных первой группы концентрация специфических IgE увеличивалась по мере возрастания значения индекса КИОТОС.

2. Для потребностей данного исследования в качестве клинического критерия анамнестической длительности грибкового процесса, была условно выбрана величина в пять лет. Такая величина была выбрана, прежде всего, из-за отсутствия возможности у абсолютного большинства пациентов (в т.ч. в возрасте старше 50 лет), в силу когнитивных особенностей, анамнестически выяснить точную длительность грибкового анамнеза.

Удельный вес пациентов со длительностью грибкового процесса в области стоп более 5 лет в первой группе составлял 82,41 % (n=89), в то время как во второй группе доля таких пациентов составляла только 51,81 % (n=57). Средняя длительность анамнеза грибкового заболевания в первой группе пациентов составляла 29,5±4,1 года, а во второй группе коморбидных больных астмой и СХР 8,7±3,2 года. У всех пациентов были выявлены статистически достоверные положительные корреляционные изменения между длительностью микотического анамнеза и значением концентрации специфических IgE к возбудителю рубромикоза.

3. Несмотря на то, что, сегодня, имеются результаты исследований, подтверждающих иммунологический феномен

«перекрестной» сенсibilизации между антигенами возбудителей руброфитии и антибактериальными препаратами (АБП) грибкового происхождения, а так же работы, подтверждающие клиническое значение этой сенсibilизации для пациентов грибковой патологией кожи [1,8], данный клинический признак весьма трудно стандартизируется и не может быть измерен количественно. В анамнезе у пациентов в нашем исследовании отмечались две клинических формы кожных аллергических реакции: распространенная крапивница и/или ангионевротический отек (n=31) и эритематозная токсикодермия (n=14). Доля таких пациентов в первой группе составляла 34,3 % (n=37), а во второй группе 7,3 % (n=8). У большей части коморбидных пациентов астмой и руброфитией с имевшимся указанием на аллергические реакции в ответ на прием АБП, показатели концентрации специфических IgE в плазме крови превышали 200 КЕ/л, т.е. имелась «тяжелая» сенсibilизация к *Tr.rubrum*. Поэтому, не смотря на все объективные сложности оценки и количественного определения данного клинического параметра, не учитывать его, как один из маркеров микогенной сенсibilизации у коморбидных пациентов, в данном исследовании было бы не корректно.

4. Синдром хронической руброфитии, представляет собой весьма динамичный грибковый процесс колонизации *Tr.rubrum* на коже (стопы) и ее придатках. Эпизоды интертригинозного микоза стоп в случае аутоинокуляции грибковых клеток на гладкую кожу стоп или в межпальцевую зону являются неотъемлемой частью течения СХР. Эпизоды интертригинозного микоза стоп всегда ассоциированы со значительным «воспалительным ответом» макроорганизма на внедрение микроорганизма, а значит с большим «ответом» иммунной системы на проникновение грибковой клетки в дерму [6, 18]. Именно поэтому эпизоды интертригинозного микоза рассматриваются не только как форма

грибковой инфекции, но и как вариант особого иммунологического ответа на грибковую инвазию в межпальцевую складку [7, 24]. Поэтому, число эпизодов интертригинозного микоза у коморбидных больных с персистирующей бронхиальной астмой и СХР может быть маркером высокой степени микогенной сенсibilизации, а значит предиктором более тяжелого течения респираторной патологии. В первой группе удельный вес пациентов с эпизодами грибкового *intertrigo* составлял 87,01 % (n=94), а во второй группе 70,9 % (n=78).

У всех пациентов первой группы по мере анамнестического увеличения количества эпизодов грибкового *intertrigo* стоп в течение календарного года (при условии отсутствия специфического антимикотического лечения), наряду с ухудшением показателей контроля симптомов респираторного заболевания, наблюдалось увеличение концентрации специфических IgE, а значит и уровня микогенной сенсibilизации.

5. Доля пациентов с выявленной дисгидротической id-реакцией в первой группе коморбидных больных астмой составило 3,7 % (n=4). Во второй группе таких пациентов не было выявлено.

Более того, в результате исследования было выявлено, что у всех этих четырех пациентов уровень специфических IgE к *Tr.rubrum* был выше 400 КЕ/л, что говорит об очень высокой сенсibilизации у этих больных и высочайшей прогностической значимости данного параметра как предиктора сенсibilизации. Выявленные изменения породили у авторов сомнения в возможности наличия у данной категории пациентов атопической бронхиальной астмы и/или иных атопических состояний ассоциированных с гиперпродукцией IgE. Но, дополнительные исследования не подтвердили наличие такой сопутствующей патологии. Кроме того, показатели контроля симптомов астмы среди этих четырех пациентов, были самыми низки-

ми. Так, средний показатель ОФВ1 среди них составлял $43,9 \pm 1,3\%$ от должных значений, а средний параметр ПСВ всего $47,4 \pm 0,9\%$ от должного.

Выводы. В исследовании были выявлены следующие клинические предикторы микогенной сенсибилизации у коморбидных пациентов персистирующей бронхиальной астмой и онихомикозом стоп (в рамках СХР): 1. значение индекса КИОТОС более 16 баллов; 2. анамнестическая длительность грибковой патологии стопы более 5 лет; 3. указание на наличие у пациента аллергической реакции в анамнезе в ответ на прием бета-лактамов антибактериальных препаратов; 4. более 4-х в году эпизодов интертригинозного микоза стоп, определяемых анамнестически; 5. наличие в анамнезе у пациента различных клинических вариантов id-реакции (прежде всего дисгидротических).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Akiyama K. The role of fungal allergy in bronchial asthma / K. Akiyama // Nippon. Ishinkin Gakkai Zasshi. – 2000. – Vol. 41. – № 3. – P. 149-155.

2. Aspergillus and asthma – any link? / C. M. Hogaboam [et al.] // Med. Mycol. – 2005. – Vol. 43. – Suppl. 1. – P. 197-202.

3. Barley E. A. Asthma health status measurement in clinical practice: validity of a new short and simple instrument / E. A. Barley, F. H. Quirk, P. W. Jones // Respir. Med. – 1998. – Vol. 92. – № 10. – P. 1207-1214.

4. Bogascka E. Allergy to fungal antigens / E. Bogascka, K. Jahnz-Rozyk // Pol. Merkuriusz Lek. – 2003. – Vol. 83. – № 14. – P. 381-384.

5. Bohmer U. Tinea mammae mimicing atopic eczema / U. Bohmer, P. Gottlober, H.C. Korting // Mycoses. – 1998. – Vol. 41. – № 7-8. – P. 345-347.

6. Chakrabarti A. Association of hypersensitivity and carriage of dermatophytes in clinically normal sites in patients with Tinea cruris / A. Chakrabarti // Mycopathologia. – 1995. – Vol. 131. – № 2. – P. 71-74.

7. Chronic asthma and rhinitis due to Candida albicans, Epidermophyton and Trichophyton / P. Gumowski [et al.] // Ann. Allergy. – 1997. – Vol. 59. – № 1. – P. 48-51.

8. Dahl M. V. Dermatophytosis and the immune response / M. V. Dahl // J. Am. Acad. Dermatol. – 1994. – Vol. 31. – № 3. – P. 34-41.

9. Davies R. R. Human nail dust and precipitating antibodies to Trichophyton rubrum in chiropodist / R. R. Davies, M. A. Ganderton, M. A. Savage // Clin. Allergy. – 1983. – Vol. 12. – № 2. – P. 309-315.

10. Dermatology for the practicing allergist: Tinea pedis and its complications / M. Hasan [et al.] // Clin. Mol. Allergy. – 2004. – Vol. 29. – № 2. – P. 5-7.

11. Dermatophytes and host defence in cutaneous mycoses / H. Ogava [et al.] // Med. Mycol. – 1998. – № 36 (Supl. 1). – P. 166-173.

12. Dermatophytosis and atopy / N.C. Wanke [et al.] // Med. Cutan. Ibero Lat. Am. – 1988. – Vol. 16. – № 5. – P. 373-375.

13. Hay R. J. Chronic dermatophyte infection. Clinical and mycological features / R. J. Hay // Br. J. Dermatol. – 1982. – Vol. 106. – № 1. – P. 1-7.

14. Henseler T. Mycoses in patients with psoriasis or atopic dermatitis / T. Henseler, I. Tausch // Mycoses. – 1997. – Vol. 40. – № 1. – P. 22-28.

15. Hoover G. E. What the pulmonologist needs to know about allergy / G. E. Hoover, T. A. Platts-Mills // Clin. Chest. Med. – 1995. – № 4. – P. 603-620.

16. Horner W. E. Fungal allergens / W. E. Horner, A. Helbling, J. E. Salvaggio // Clin.

Microbiol. – 1995. – Vol. 8. – № 2. – P. 161-179.

17. Huguenin-Dumittan S.A. Respiratory allergy to Trichophyton / S.A. Huguenin-Dumittan // Schweiz. Med. Wochenschr. – 1977. – Vol. 107. – № 6. – P. 200-202.

18. Kauffman H. F. Exposure, sensitization and mechanisms of fungal-induced asthma / H. F. Kauffman, S. Van der Heide // Curr. Allergy Asthma Rep. – 2003. – № 3. – P. 430-437.

19. Kivity S. The association of perennial rhinitis with Trichophyton infection / S. Kivity, Y. Schwarz, E. Fireman // Clin. Exp. Allergy. – 1992. – Vol. 22. – № 4. – P. 498-500.

20. Leibovici V. Imbalance of immune responses in patients with chronic and widespread fungal skin infection / V. Leibovici, R. Evron, O. Axelrod // Clin. Exp. Dermatol. – 1995. – Vol. 20. – № 5. – P. 390-394.

21. Leyden J. L. Tinea pedis pathophysiology and treatment / J. L. Leyden // J. Am. Acad. Dermatol. – 1994. – Vol. 31. – № 3. – P. 31-33.

22. Occurrence of common mold and non-fungal allergen sensitization revealed in immunoblot testing of atopic patients / E. L. Sergeeva [et al.] // XXII Congress EAACI. - Paris, 7-11 June 2003. – Abstract Number. – P. 1364.

23. Odds F. Spectrum of orally active antifungals / F. Odds // J. Eur. Acad. Dermatol. Venerol. – 1993. – Suppl 2. – № 2. – P. 12-18.

24. Palma-Carlos A. G. Trichophyton allergy: review of 89 cases / A. G. Palma-Carlos, M. L. Palma-Carlos // Eur. Ann. Allergy Clin. Immunol. – 2006. – Vol. 38. – № 6. – P. 177-181.

медицина

УДК 616.248: 616.24-008.7

ББК 54.122

Медицина

АНАЛИЗ КОНДЕНСАТА ВЫДЫХАЕМОГО ВОЗДУХА В ДИАГНОСТИКЕ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМЫ

Кандидат медицинских наук С. Н. Котляров
С. А. Качамина

В статье представлены возможности исследования конденсата выдыхаемого воздуха в диагностике и мониторинге течения бронхиальной астмы. Описаны современное состояние метода, проведен анализ ключевых биомаркеров, используемых в клинической практике.

Ключевые слова

Конденсат выдыхаемого воздуха, биомаркеры, бронхиальная астма

Бронхиальная астма является широко распространенным социально значимым заболеванием. Многочисленные эпидемиологические исследования, проведенные как в России, так и за рубежом, свидетельствуют о проблемах ранней диагностики бронхиальной астмы, недостаточном контроле над ее течением у большинства пациентов [3].

Диагностика бронхиальной астмы на сегодняшний день имеет ряд сложных вопросов, требующих решения. Прежде всего, это касается тех случаев, когда клиническая картина недостаточно хорошо выражена и не позволяет верифицировать диагноз на приеме у врача.

В последние годы интерес исследователей и клиницистов направлен на диагностику бронхиальной астмы с использованием биохимических маркеров. И в данном направлении принципиально новым и перспективным методом является определение маркеров воспаления в конденсате выдыхаемого воздуха (КВВ) [1, 2].

Известно, что воспаление дыхательных путей играет ключевую роль в разви-

тии и прогрессировании многих заболеваний легких. Активация воспалительных клеток, таких как нейтрофилы, эозинофилы и макрофаги, определяют патофизиологию бронхиальной астмы, хронической обструктивной болезни легких (ХОБЛ) и бронхоэктатической болезни. Анализ маркеров в конденсате выдыхаемого воздуха является эффективным, неинвазивным методом оценки и мониторинга воспаления дыхательных путей [1].

Получение КВВ возможно как с использованием коммерческих устройств (например, устройство EcoScreen® – Jaeger Tonnie Hoeschberg, Германия; R Tube® – Respiratory Research, Inc., США), так и смоделированных самостоятельно. Принцип действия подобных устройств состоит в том, что пациент совершает выдох в специальную емкость, в которой водяные пары, содержащиеся в выдыхаемом воздухе, конденсируются при охлаждении. Охлаждение достигается при использовании льда, режее жидкого азота или специальных охлаждающих устройств. Кроме того, для улучшения конденсации водяных паров в

емкости для сбора КВВ создается турбулентный поток воздуха. Низкая температура в период сбора конденсата необходима также для предотвращения разрушения некоторых маркеров, например, 8-изопростана или лейкотриенов. Для получения необходимых для анализа 1 - 3 мл конденсата обычно требуется выдыхать воздух в устройство в течение 10 - 15 мин.

В составе КВВ на сегодняшний день обнаружено более 200 соединений [1, 2]. Однако большинство из этих веществ можно определить только с помощью высокоточных аналитических методов. Наилучшим методом является жидкостная хроматография с масс-спектрометрической детекцией. Однако данный метод сопряжен с высокой стоимостью оборудования и в этой связи в широкой клинической практике на сегодняшний день использовать не может. Поэтому из большого количества биомаркеров, обнаруженных в КВВ, рутинно определяют достаточную небольшую группу соединений.

Одним из наиболее известных маркеров воспаления при бронхиальной астме является оценка pH конденсата выдыхаемого воздуха [32]. В период обострения заболевания, характерно закисление КВВ. Эндогенное подкисление дыхательных путей, оцененное по pH конденсата выдыхаемого воздуха, участвует в патофизиологии БА. Снижение pH дыхательных путей вызывает бронхоспазм [7], нарушение цилиарной подвижности [31], увеличение вязкости слизи в дыхательных путях [19], повреждение эпителия дыхательных путей [20]. Эти механизмы имеют решающее значение для развития воспалительных заболеваний дыхательных путей.

Наиболее активно изучаемым маркером в КВВ является оксид азота NO в связи его значимостью в оценке течения бронхиальной астмы [22]. Известны ферментные и неферментные источники NO в дыхательной системе. Ферментный источник представлен исходным субстратом – L-аргинином, а ферментом, катализиру-

ющим его превращение, выступает NO-синтаза. Данный фермент существует в трех изоформах, две из которых синтезируются постоянно и активируются незначительными повышениями концентрации внутриклеточного кальция, а третья (индуцируемая NO-синтаза (iNOS, NOS2)), активируется цитокинами, эндотоксинами, вирусными частицами и отражает силу воспалительного процесса.

Повышенный уровень выдыхаемого NO при бронхиальной астме, вероятно, объясняется активацией индуцируемой формой NO-синтазы (iNOS) и, следовательно, отражают воспаление дыхательных путей. Примечательно, что NO играет важную роль в регуляции бронхального тонуса сосудов и увеличивает бронхальный кровоток [19, 31]. Подтверждением того факта, что выдыхаемый NO, в основном, образуется под влиянием NOS2, служит то, что кортикостероиды ингибируют NOS2 в эпителиальных клетках, уменьшают ее активность в биоптате бронхов больных астмой, одновременно понижается концентрация выдыхаемого NO.

Появление NO в КВВ также может быть обусловлено протонированием нитритов в кислой среде. Нитриты образуют азотистую кислоту, которая высвобождает газообразный NO. Данный pH-зависимый механизм наблюдается в период обострения бронхиальной астмы, когда отмечается снижение pH КВВ.

Повышение уровня метаболитов NO описано как у взрослых, так и у детей с бронхиальной астмой даже в легкой и бессимптомной формах [15, 17, 18, 29]. Уровни NO коррелируют со степенью эозинофильного воспаления дыхательных путей и свидетельствуют о снижении контроля астмы, при повторных измерениях [28, 30, 35]. Мониторинг NO имеет более высокую прогностическую ценность, чем единичные измерения [9, 28, 33]. Кроме того, уровень NO коррелирует с несколькими маркерами контроля астмы, таких как наличие астматических симптомов, одышки,

необходимости ежедневного использования сальбутамола и наличия обратимой обструкции дыхательных путей [16]. Повышение уровня NO определяется еще до того, как появляются ухудшение гиперреактивности дыхательных путей, увеличения количества эозинофилов в мокроте или изменения функции внешнего дыхания [8, 9]. Известно, что главный источник происхождения NO при бронхиальной астме – нижние дыхательные пути [21].

В целом NO является одним из наиболее широко используемых маркеров в диагностике бронхиальной астмы, особенно когда диагноз остается неопределенным; кроме того, данный показатель используется и в контроле над течением астмы.

Другими важными диагностическими маркерами бронхиальной астмы в КВВ являются эйкозаноиды, которые являются потенциальными медиаторами воспаления, ответственными за вазомоторные реакции, экссудацию плазмы, секрецию слизи, сужение и расширение бронхов. Эйкозаноиды образуются из общего предшественника – арахидоновой кислоты и включают четыре основных группы соединений: простагландины (ПГ), простациклины, тромбоксаны и лейкотриены (ЛТ).

Известно, что высвобождение метаболитов арахидоновой кислоты – простагландинов и лейкотриенов – является центральным, универсальным звеном в развитии воспалительных изменений при БА. Специфичность и тяжесть клинических проявлений этого заболевания во многом определяются именно участием указанных медиаторов (эйкозаноидов) в его патогенезе.

Большинство ПГ, простациклинов и тромбоксанов усиливают воспаление, но ПГ-E2 и ПГ-I2 обладают противовоспалительным действием. Известно, что ПГ-E2 ингибирует NOS2 в клеточных культурах и уменьшает концентрацию выделяемого NO вовремя его ингаляции при астме [34]. Уровень простагландинов ПГ-E2 и ПГ-F2 в КВВ значительно повышен у пациентов с ХОБЛ, но не отмечено по-

добных изменений при астме [22]. Наоборот, уровень тромбоксана В2 увеличен при астме, но не определяется у здоровых пациентов и людей, страдающих ХОБЛ.

Цистеинил-лейкотриены ЛТ-С4, ЛТ-D4 и ЛТ-E4 секретируются в основном эозинофилами и отвечают за состояние гладкой мускулатуры дыхательных путей, вызывают экссудацию плазмы, секрецию слизи, миграцию и активацию эозинофилов. ЛТ-В4 обладает способностью активировать нейтрофилы [5]. Сообщается, что измеряемые уровни ЛТ-В4, С4, D4, E4 и F4 в КВВ обнаруживались у здоровых пациентов, больных бронхиальной астмой и ХОБЛ. При астме наблюдалась зависимость между тяжестью заболевания, приемом глюкокортикоидов и концентрацией лейкотриенов В4, С4, D4, E4 в КВВ.

Другими перспективным для исследования в КВВ группами веществ являются изопростаны. Это новый подкласс простаноидов, которые образуются при перекисном окислении арахидоновой кислоты [4]. Наиболее известным представителем данной группы веществ является 8-изопростан. Он считается надежным показателем, отражающим степень окислительного стресса в естественных условиях. 8-изопростан это метаболит специфичный для перекисного окисления липидов [10, 27], используется как важный инструмент в оценке окислительного стресса при легочных заболеваниях [26]. Повышение концентрации 8-изопростана в КВВ отмечаются как у детей [11, 14, 25], так и у взрослых пациентов с бронхиальной астмой [23, 24] и ХОБЛ [6, 13]. Концентрация коррелирует с тяжестью течения астмы [24, 29] и снижается после разрешения острых приступов астмы, хотя по-прежнему остаются выше, чем у здоровых лиц [11]. Концентрации 8-изопростана в КВВ снижаются после прекращения воздействия аллергена у детей с аллергической астмой [12], но являются относительно устойчивыми к применению ингаляционных кортикостероидов [11, 14, 24, 25].

Уровни не коррелируют с NO [11], одышкой, функцией внешнего дыхания [13, 14, 25]. Концентрация 8-изопростана в КВВ не коррелирует с возрастом, полом, или стажа курения [13].

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день данные показывают, что исследование КВВ являются надежным неинвазивным методом оценки воспаления в дыхательных путях. Преимуществами метода исследования КВВ являются: простота и воспроизводимость, возможность проведения исследования в амбулаторных

и даже домашних условиях, безопасность для пациента, доступность для пациентов любого возраста. Среди существующих на сегодняшний день недостатков метода следует отметить, прежде всего, отсутствие стандартной методики сбора КВВ.

Таким образом, исследование биохимических маркеров в конденсате выдыхаемого воздух является новым перспективным методом исследования, однако, для широкого внедрения в клиническую практику, необходимо проведение дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анаев Э. Х. Неинвазивный метод (конденсат выдыхаемого воздуха) в диагностических и лечебных программах при заболеваниях органов дыхания: Дис. ... д-ра мед. наук / Э. Х. Анаев. – М., 2005. – 208 с.
2. Дулина Т. Р. Биомаркеры воспаления у больных бронхиальной астмой в индуцированной мокроте и выдыхаемом воздухе: Автореф. дис. ... канд. мед. наук / Т. Р. Дулина. – М., 2009. – 24 с.
3. Чучалин А. Г. Белая книга. Пульмонология / Чучалин А. Г. // Пульмонология. – 2004. – № 1. – С. 7-36.
4. A series of prostaglandin F2-like compounds are produced in vivo in humans by a non-cyclooxygenase, free radical-catalyzed mechanism / J. D. Morrow [et al.] // Proc Natl Acad Sci USA. – 1990. – Vol. 87. – P. 9383-9387.
5. Activation of nitric oxide release and oxidative metabolism by leukotrienes B4, C4, and D4 in human polymorphonuclear leukocytes / G. Larfars [et al.] // Blood. – 1999. – Vol. 93. – P. 1399-1405.
6. Biernacki W. A. Increased leukotriene B4 and 8-isoprostane in exhaled breath condensate of patients with exacerbations of COPD / W. A. Biernacki, S. A. Kharitonov, P. J. Barnes // Thorax. – 2003. – Vol. 58. – P. 294-298.
7. Bronchoconstriction induced by citric acid inhalation in guinea pigs: role of tachycinins, bradykinin, and nitric oxide / F. L. M. Ricciardolo [et al.] // Am J Respir Crit Care Med. – 1999. – Vol. 159. – P. 557-562.
8. Changes in the dose of inhaled steroid affect exhaled nitric oxide levels in asthmatic patients / S. A. Kharitonov [et al.] // Eur Respir J. – 1996. – N 9. – P. 196-201.
9. Changes in sputum eosinophils predict loss of asthma control / A. Jatakanon, S. Lim, P. J. Barnes // Am J Respir Crit Care Med. – 2000. – Vol. 161. – P. 64-72.
10. Cracowski J. L. Isoprostanes as a biomarker of lipid peroxidation in humans: physiology, pharmacology and clinical implications / J. L. Cracowski, T. Durand, G. Bessard // Trends Pharmacol Sci. – 2002. – Vol. 23. – P. 360-366.
11. Cysteinylleukotrienes and 8-isoprostane in exhaled breath condensate of children with asthma exacerbations / E. Baraldi [et al.] // Thorax. – 2003. – Vol. 58. – P. 505-509.
12. Exhaled breath condensate eicosanoids and sputum eosinophils in asthmatic children: a pilot study / A. Bodini [et al.] // Pediatr Allergy Immunol. – 2004. – Vol. 15. – P. 26-31.
13. Exhaled 8-isoprostane as an in vivo biomarker of lung oxidative stress in patients with COPD and healthy smokers / P. Montuschi [et al.] // Am J Respir Crit Care Med. – 2000. –

Vol. 162. – P. 1175-1177.

14. Exhaled 8-isoprostane in childhood asthma / S. K. Shahid [et al.] // *Respir Res.* – 2005. – № 6. – P.79.

15. Exhaled nitric oxide in paediatric asthma and cystic fibrosis / J. O. Lundberg [et al.] // *Arch Dis Child.* – 1996. – Vol. 75. – P. 323-326.

16. Exhaled nitric oxide levels correlate with measures of disease control in asthma / J. M. Sippel [et al.] // *J Allergy Clin Immunol.* – 2000. – Vol. 106. – P. 645-650.

17. Exhaled nitric oxide measurements in normal and asthmatic children / C. A. Byrnes [et al.] // *Pediatr Pulmonol.* – 1997. – Vol. 24. – P. 312-318.

18. Expired nitric oxide as a marker for childhood asthma / B. V. Nelson [et al.] // *J Pediatr.* – 1997. – Vol. 130. – P. 423-427.

19. Holma B. pH and protein-dependent buffer capacity and viscosity of respiratory mucus: their interrelationships and influence on health / B. Holma, P. O. Hegg // *Sci Total Environ.* – 1989. – Vol. 84. – P. 71-82.

20. Holma B. pH effects on ciliomotility and morphology of respiratory mucosa / B. Holma, M. Lindegren, J. M. Andersen // *Arch Environ Health.* – 1977. – Vol. 32. – P. 216-226.

21. Increased exhaled nitric oxide in asthma is mainly derived from the lower respiratory tract / S. A. Kharitonov [et al.] // *Am J Respir Crit Care Med.* – 1996. – Vol. 153. – P. 1773-1780.

22. Increased nitric oxide in exhaled air of asthmatic patients / S. A. Kharitonov [et al.] // *Lancet.* – 1994. – Vol. 343. – P. 133-135.

23. Increased exhaled cysteinyl-leukotrienes and 8-isoprostane in aspirin-induced asthma / A. Antczak [et al.] // *Am J Respir Crit Care Med.* – 2002. – Vol. 166. – P. 301-306.

24. Increased 8-isoprostane, a marker of oxidative stress, in exhaled condensate of asthma patients / P. Montuschi [et al.] // *Am J Respir Crit Care Med.* – 1999. – Vol. 160. – P. 216-220.

25. Increased exhaled 8-isoprostane in childhood asthma / E. Baraldi [et al.] // *Chest.* – 2003. – Vol. 124. – P. 25-31.

26. Isoprostanes: markers and mediators of oxidative stress / P. Montuschi, P. J. Barnes, L. J. Roberts // *FASEB J.* – 2004. – Vol. 18. – P. 1791-1800.

27. Janssen L. J. Isoprostanes: an overview and putative roles in pulmonary pathophysiology / L. J. Janssen // *Am J Physiol Lung Cell Mol Physiol.* – 2001. – Vol. 280. – P. 1067-1082.

28. Kharitonov S. A. Does exhaled nitric oxide reflect asthma control? Yes, it does! / S. A. Kharitonov, P. J. Barnes // *Am J Respir Crit Care Med.* – 2001. – Vol. 164. – P. 727-728.

29. Kharitonov S. A. Exhaled markers of pulmonary disease / S. A. Kharitonov, P. J. Barnes // *Am J Respir Crit Care Med.* – 2001. – Vol. 163. – P. 1693-1722.

30. Liu J. Exhaled breath condensate as a method of sampling airway nitric oxide and other markers of inflammation / J. Liu, P. S. Thomas // *Med Sci Monit.* – 2005. – N 11. – P. 53-62.

31. Luk C. K. Effect of pH, viscosity and ionic strength changes in ciliary beating frequency of human bronchial explants / C. K. Luk, M. J. Dulfano // *Clin Sci.* – 1983. – Vol. 64. – P. 449-451.

32. pH in Expired Breath Condensate of Patients with Inflammatory Airway Diseases / K. Kostikas [et al.] // *American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine.* – 2002. – Vol. 165. – N 10. – P. 1364-1370.

33. Predictive markers of asthma exacerbation during stepwise dose reduction of inhaled corticosteroids / J. D. Leuppi [et al.] // *Am J Respir Crit Care Med.* – 2001. – Vol. 163. – P. 406-412.

34. Prostaglandins E2 and F2 reduce exhaled nitric oxide in normal and asthmatic subjects irrespective of airway caliber changes / S. A. Kharitonov [et al.] // *Am J Respir. Crit Care Med.* – 1998. – Vol. 158. – P. 1374-1378.

35. Use of exhaled nitric oxide measurements to guide treatment in chronic asthma / A. D. Smith [et al.] // *N. Engl. J. Med.* – 2005. – Vol. 352. – P. 2163-2173.

УДК 616.314-089.28
ББК 56.68
Медицина: Стоматология

КЛИНИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОККЛЮЗИОГРАММЫ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ

Кандидат медицинских наук Н. Е. Митин
Т. А. Васильева

В данной статье поднимается вопрос повышения качества стоматологического лечения за счет клинического применения исследования окклюзии с помощью компьютерных методов анализа. На конкретном примере показано положительное влияние проведения окклюзиографии и определения жевательной эффективности на этапах лечения для формирования окклюзионного ландшафта и повышения удовлетворенности качеством оказываемых стоматологических услуг.

Ключевые слова

Ортопедическая стоматология, окклюзия, окклюзиография, окклюзионный ландшафт, жевательная эффективность

Главной задачей качественного ортопедического лечения является не просто замещение дефектов зубных рядов, а максимально полное восстановление функций зубочелюстной системы [2]. Основной функцией является жевание. Качество жевания характеризуется жевательной эффективностью, окклюзионным ландшафтом, объемом и плотностью окклюзионных контактов [1]. Сложнее восстановить физиологические контакты зубов-антагонистов в случае повторного протезирования после неграмотного ортопедического лечения [4, 5]. Для снижения вероятности возможных ошибок при восстановлении окклюзионной поверхности необходимо использовать метод окклюзиографии с применением компьютерных методов ее анализа, с пос-

ледующим расчетом индивидуальной жевательной эффективности [3].

Целью данной работы стало повышение качества оказываемой стоматологической помощи путем оценки окклюзии на этапах протезирования с применением компьютерных методов на примере клинического случая.

В стоматологическую клинику обратился пациент Х., 52 лет с жалобами на затруднение при пережевывании пищи, перелом мостовидного протеза нижней челюсти справа, периодическое незначительное блокирование жевательных движений, эстетический дефект.

В анамнезе со слов пациента ранее протезировался более 7 лет назад штампованно-паяными мостовидными протезами, результатами протезирования остался не

доволен, долго привыкал к протезам, ощущение затруднения жевания сохранилось до сих пор, аллергологический анамнез неотягощен, онкоосмотр в норме. Пациент насторожен, не настроен на положительный результат будущего лечения.

При объективном обследовании лицо симметрично, кожные покровы и видимые слизистые оболочки без патологических изменений, носогубные и подбородочная складки выражены. Высота нижнего отдела лица незначительно снижена, углы рта опущены. При осмотре полости рта определяются штампованнопаяные мостовидные протезы верхней челюсти с опорой на 1.6, 1.5, 1.3, 1.1, 1.3, 1.4, 1.6, 1.7 неудовлетворительного качества, перкуссия опорных зубов безболезненна. Оклюзионная плоскость слева резко деформирована из-за выраженной ступеньки величиной 2 мм между 1.3, 1.4, что создает блокирующий момент при саггитальных движениях нижней челюсти. На нижней челюсти штампованнопаяные мостовидные протезы с опорой на 3.8, 3.5, 3.4, 3.1, 4.2, 4.5 и 4.8 неудовлетворительного качества, перкуссия опорных зубов безболезненна. Оклюзионная поверхность слева и справа деформирована, сильно вогнута. Слизистая оболочка полости рта бледно-розового цвета, умеренно увлажнена, без патологических изменений.

Дополнительные методы обследования: ортопантограмма; изготовление диагностических моделей; окклюзиография и определение жевательной эффективности.

По ортопантограмме: корневые каналы 1.1, 2.4, 3.5, 3.4, 4.5 частично obturированы, в периапикальной области 1.1, 2.4, 3.5, 3.4, 4.5 без патологических изменений. Проведена окклюзиография в положении центрального соотношения челюстей с применением регистрации окклюзионных контактов перед ортопедическим лечением с помощью пластин базисного воска, слегка разогретых над

пламенем горелки, с последующей оценкой состояния размеров, площади и объемов окклюзионных контактов после компьютерного сканирования образца. Определены окклюзионные суперконтакты в области антагонизирующих пар передних зубов 1.3, 1.1 и 2.3 и отсутствие контактов на протезах в области премоляров верхней и нижней челюсти справа и слева. Жевательная эффективность составила 64,3 %.

Диагноз: частичное отсутствие зубов верхней челюсти III класс 1 подкласс по Кеннеди, частичное отсутствие зубов нижней челюсти III класс 1 подкласс по Кеннеди.

Учитывая полученные данные, был составлен план и проведено следующее лечение:

1. Снятие старых ортопедических конструкций.

2. Терапевтическая подготовка: перелечивание депульпированных зубов 1.1, 2.4, 3.5, 3.4, 4.5 и депульпирование 1.6, 1.5, 1.3, 2.3, 2.6, 2.7, 3.8, 3.2, 3.1, 4.1, 4.2, 4.8 под металлокерамические коронки.

3. Для нормализации межокклюзионной высоты приступили к рациональному протезированию. Были изготовлены металлокерамические мостовидные протезы с опорой на 1.6, 1.5, 1.3, 1.1, 2.3, 2.4, 2.6, 2.7, 3.8, 3.5, 3.4, 3.2, 3.1, 4.1, 4.2, 4.5, 4.8 для восстановления анатомической формы зубов, устранения дефекта верхнего и нижнего зубных рядов и восстановления эстетики. На этапах примерки металлокерамических протезов была повторно получена окклюзиограмма, согласно которой скорректировали индивидуальный окклюзионный ландшафт пациента.

Диспансерное наблюдение через 1 и 3 месяца: жалоб нет, при осмотре лицо симметрично, носогубные и подбородочная складки выражены умеренно, высота нижнего отдела лица в норме; в полости рта металлокерамические мостовидные протезы удовлетворительного качества. По

данным окклюзиографии определяются множественные равномерные окклюзионные контакты всех групп зубов, жевательная эффективность составила 95,9 %.

Анализируя данный клинический случай, можно отметить:

1. Пациенты при повторном протезировании после неудачного обращения за стоматологической помощью настроены недоброжелательно, затрудняются при фиксации нижней челюсти при определении центрального соотношения челюстей, что значительно осложняет ортопедическое лечение таких больных.

2. Для уточнения диагноза и более

объективной оценки результатов протезирования целесообразно применить наглядный и простой метод оценки окклюзионных контактов – окклюзиографию и под ее контролем восстанавливать индивидуальный окклюзионный ландшафт.

3. В план лечения подобных пациентов для получения удовлетворительного качества ортопедического лечения следует включать окклюзионный контроль до, во время и после лечения методом окклюзиографии с последующим определением восстановленной жевательной эффективности с применением компьютерных методов анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Борин Дж. Трехмерная визуализация окклюзии // Современная ортопедическая стоматология. – 2012. – № 18. – С. 17-24.

2. Жулёв Е. Н. Влияние методики ориентации окклюзионной плоскости на характер окклюзий зубных рядов / Жулёв Е. Н., Богатова Е. А., Ершов П. Э., Лепяхина А. А. // Стоматология. – 2013. – Т. 92. – № 6. – С. 48-50.

3. Комплексный подход в лечении пациентов с окклюзионными нарушениями зубных рядов / В. И. Шемонаев [и др.] // Современная ортопедическая стоматология. – 2011. – № 16. – С. 16-20.

4. Митин Н. Е., Курякина Н. В. Тревожность и депрессивность на стоматологическом ортопедическом приеме // Рос. медико-биол. вестник им. акад. И. П. Павлова. – 2008. – №2. – С. 143-146.

5. Proff. P. Malocclusion, mastication and gastrointestinal system: a review / P. Proff // Journal of Orofacial Orthopedics. – 2010. – № 2. – P. 96-107.

УДК 616.314-089.28
ББК 56.68
Медицина: Стоматология

КЛИНИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗУБОЧЕЛЮСТНЫХ ПРОТЕЗОВ ДОПОЛНЕННЫХ МИОГИМНАСТИЧЕСКИМ ЭЛЕМЕНТОМ У СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ В ПОСТОПЕРАЦИОННОМ ПЕРИОДЕ

Доктор медицинских наук Д. Ю. Харитонов
Кандидат медицинских наук Н. Е. Митин
Д. Н. Мишин

В данной работе проводится исследование эффективности восстановления функции речи в постоперационном периоде реабилитации у стоматологических пациентов при использовании зубочелюстных протезов и аналогичных протезов, дополненных съёмным миогимнастическим элементом. В работе изучено влияние положительного опыта ортопедического лечения на улучшение речевой функции в ее параметрах четкости и скорости произношения.

Ключевые слова

Челюстно-лицевые протезы, нарушения речевой функции, постоперационная реабилитация, съёмный миогимнастический элемент

После оперативного вмешательства у пациентов стоматологического профиля возможно появление дефектов зубного ряда и челюстей требующие ортопедического замещения. Зубочелюстные протезы, используемые для этих целей, восполняют утраченные ткани и функции не в полном объеме [2, 3, 5]. В практике реабилитационной стоматологии те или иные нарушения речевой функции больных как до, так и после оперативного вмешательства встречаются нередко и зачастую весьма болезненны для пациентов, и как следствие ведут к нарушению качества жизни [1].

Целью данной работы стало определение эффективности восстановления речевой функции у пациентов после стомато-

логических операций при использовании зубочелюстных протезов, дополненных съёмным миогимнастическим элементом на примере клинического случая.

В Базовую стоматологическую поликлинику РязГМУ им. акад. И. П. Павлова обратился пациент В., 66 лет с жалобами на невнятную, неразборчивую речь, трудности при пережевывании пищи после операции на верхней челюсти. По данным анамнеза со слов пациента выяснено, что менее двух месяцев назад у него была частично резецирована левая половина верхней челюсти и часть языка по поводу онкологии, аллергологический анамнез неотягощен.

При объективном обследовании:

Лицо асимметрично, кожные покровы и видимые слизистые оболочки без пато-

логических изменений, носогубные и подбородочная складки выражены умеренно. При осмотре полости рта: 1.3,1.6 – являются опорой штампованно-паяного мостовидного протеза. Слизистая оболочка полости рта бледно-розового цвета, умеренно увлажнена. Имеется дефект альвеолярного отростка и твердого неба слева. Сохранившаяся культя языка имеет шовные следы слева по средней линии. Умеренно подвижна. Движения влево ограничены.

Дополнительные методы обследования:

1. Проведение оригинального способа диагностики постоперационной двигательной дисфункции языка [3, 4].

2. Проведение аудиотеста на скорость и четкость речи.

Проведя данный способ диагностики у пациента В., выявлен недостаточный объем движения языка слева, в переднем отделе твердого неба.

Для проведения аудиотеста необходимо подобрать проверочную скороговорку на звуки, произношение которых затруднено у пациента, диктофон, ПК. При первоначальном исследовании произношение проверочной скороговорки заняло в среднем 10,6 сек. Звуки Т и Д, вызывают затруднения при произношении у данного пациента.

Диагноз: постоперационная дислалия.

Учитывая полученные данные, составлен план и проведено следующее лечение:

1. Изготовлен зубочелюстной протез с миогимнастическим элементом.

2. Назначен комплекс упражнений.

Выполняются пациентом 2 раза в день начиная с 5 минут и доводят до 15-20 минут в течении 7 дней.

3. Контрольные посещения для оценки результатов и коррекции реабилитационных мероприятий проводились 1 раз в 2 недели.

4. По прошествии первых 6 недель пациент отмечал значительные улучшения в качестве и скорости речи. Проведен аудиотест, результаты которого подтверждают субъективную оценку пациента. Средняя скорость произношения проверочной скороговорки составила 8,8 сек.

5. Диагностика постоперационной двигательной дисфункции языка показала, что объем движения языка восстановился на 71% от нормы, что является удовлетворительным показателем для данного пациента.

Заключение

Анализируя данный клинический случай можно отметить:

1. Пациентам после проведенной аналогичных операций необходима речевая реабилитация.

2. Использование оригинального метода диагностики постоперационной двигательной дисфункции языка позволяет объективно оценить объемы нарушенного движения.

3. Наиболее эффективным методом речевой реабилитации является применение зубочелюстных протезов дополненных съёмным миогимнастическим элементом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коротких Н. Г., Митин Н. Е., Мишин Д. Н., Гуськов А. В., Стрелков Н. Н. Аппарат для миогимнастики языка после гемиглоссэктомии №134044 от 10.11.2013.

2. Коротких Н. Г., Митин Н. Е., Мишин Д. Н., Пономарёв Е. О. Речевая реабилитация пациентов после хирургических стоматологических операций // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – URL: www.science-education.ru/121-17624

3. Коротких Н. Г., Митин Н. Е., Мишин Д. Н., Севбитов А. В., Скатова Е. А. Способ диагностики постоперационных двигат. дисфункций языка №2533977 от 27.11.2014.

4. Коротких Н. Г., Митин Н. Е., Мишин Д. Н., Севбитов А. В. Съёмный резекционный протез верхней челюсти с миогимнастическим элементом № 2543041 от 27.02.2015.

5. Перфорация дна верхнечелюстной пазухи (клинический случай) / Л. Б. Филимонова, Е. С. Кулаева // Наука молодых (Eruditio Juvenium). – 2015. – №3. – С. 69-72.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА
КАФЕДРА ЭПИДЕМИОЛОГИИ

УДК 616.036.22: 37: 343.9
ББК 51.90+56.14+88.48+67.51
Медицина, педагогика, криминология

**ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ ЭПИДЕМИОЛОГИИ**

Кандидат медицинских наук В. И. Власов

В свете христианской антропологии, теории живой материи и на основе синтеза позитивного (наука), метафизического (религия) и философского видов знаний вскрыты исходные (корневые) положения учения об эпидемическом процессе как процессе инфекции двух видов: 1) видов информации, специфически «заразной» для внутреннего человека как личности и 2) видов живого вещества, биологически заразного для телесного состава внешнего человека как животного организма. Указанные положения являются теоретической основой учения о природе процессов инфекции в сфере информации (педагогического) и в сфере живого вещества (эпидемического) и основой самостоятельных ветвей единой науки эпидемиологии: 1) эпидемиологии видов живого вещества и 2) эпидемиологии видов информации (духовной эпидемиологии).

Ключевые слова

Эпидемиология, живое вещество; информация, заболеваемость, процессы инфекции – эпидемический и педагогический; внешний человек, внутренний человек, дух, душа, тело; биология; экология; медицина, педагогика, криминология

Вводные замечания¹

«Определение эпидемиологии неоднозначно» [1. С. 7]. В монографии, посвященной *эпидемическому процессу*, В. Д. Беляков выделил два направления науки – советское (эпидемиология заразных болезней) и зарубежное (эпидемиология любых заболеваний). Во втором направлении эпидемиологии В. Д. Беляков считал пять авторов и их школ, имеющих свое видение этой науки (Макси, Крукшенк, Гордон, Мак-Магон и др., Кларк) [2. С. 9-14]. В. М. Жданов определил эпидемиологию как «*экологию возбудителей заразных болезней в человеческом обще-*

стве» и привел еще четыре определения этой дисциплины [3. С. 5-6]. Л. В. Громашевский также отмечал непрерывное изменение качества эпидемиологии как науки: «И хотя последняя продолжает носить свое старое название «эпидемиологии», интерес ее и содержание значительно расширились и видоизменились» [4. С. 5]. Так же мыслил Б. Л. Черкасский: «Нельзя надеяться, что ответы на все вопросы, которые ставит современность, мы сможем найти в трудах классиков эпидемиологии. Всякая действующая теория эпидемиологии есть теория своего времени, своей эпохи. Последовательность и

¹ Здесь и далее курсив и выделение наши. – В.В.

преемственность в теории эпидемиологии непременно предполагает ее творческое развитие и обогащение новыми принципиальными положениями в соответствии с вновь накопленными знаниями» [5. С. 6].

Вся теория современной эпидемиологии разработана в основном на основе *позитивного знания* (наука) применительно к инфекционным и неинфекционным болезням телесного состава человека (ТСЧ), которая составляет лишь 1/3 его совокупной *природы* [6. С. 32]. Вся же полнота ее включает в себя *тело, душу и дух* [7-10 и др.]. Еще Н. И. Пирогов делил природу человека на две части: 1) зоологический человек (тело) и 2) нравственный человек [11. С. 29] (душа и дух). Теоретические основы эпидемиологического подхода к изучению массовых болезней «нравственного человека» и общества такого рода людей начинают формироваться на основе синтеза *позитивного* (наука) и *метафизического* (религия, богословие, философия) видов знаний [12-20]. О различии и возможностях этих видов знаний будет сказано ниже.

1. Позитивное знание (наука) и его значение для теории эпидемиологии. Взгляд ученого эпидемиолога

Каковы плоды и разрешающая способность *позитивных* знаний эпидемиологии (наука), полученных на основе ее сложившейся теории и методологии? На этот вопрос ответил В. Ю. Литвин [21. С. 7]. «Раскрывая закономерности эпидемиологии любой инфекции, мы как бы оглядываемся вокруг, причем широта такого эпидемиологического кругозора может быть разной. ... можно ограничиться срыванием «плодов» эпидемиологического древа – изучением самой заболеваемости как результата; можно вскрыть непосредственные ее причины (источники, факторы передачи); можно выявлять природные резервуары возбудителей; ... можно добираться и до «корней» эпидемиологии – изучать закономерности циркуляции и резервации возбудителя в естественных средах обитания». Этот путь познания в

эпидемиологии обозначен как «... – путь от стратегии «тушения» эпидемиологических пожаров к фундаментальному познанию механизмов их возникновения» [21. С. 7]. В. Ю. Литвин обозначил и препятствия, которые стоят на пути развития теории эпидемиологии. Он писал: «Трудность этого пути усугубляется тем, что путник несет больший или меньший груз догм и запретов – априорных (господствующая концепция) или невольных (недостаток информации)» [21. С. 7].

Преодолеть эти препятствия можно используя *все знание* о мире и человеке: «знание «позитивное» и знание метафизическое» [22]. «Неотъемлемым свойством ... (*позитивного, В. В.*) знания является его положительный характер, то есть надежность, очевидность, неопровержимая достоверность. Данные позитивной науки всегда можно проверить посредством наблюдения, эксперимента, математических выкладок и таким образом убедиться в их точности. ... это относится к естественным наукам, изучающим природу во всех ее многоликих проявлениях» – пишет автор. Но «... позитивное знание в состоянии дать ответ лишь на немногие из мучающих нас вопросов. ... за пределами сферы природного, *физического* простирается область *метафизического* (искусство, любовь, тайна бытия). Чтобы познать эту метафизическую реальность, нам приходится приближаться к ней с совершенно иными «мерами и весами», нежели потребны для простого ознакомления с внешними природными объектами», – заключает греческий философ. Такой реальностью для теории эпидемиологии является понятие *человека как предмета врачевания и процессы инфекции*, способные обеспечивать возникновение и распространение массовых состояний нормы и патологии всех ее частей – *тела, души и духа* – в пространстве, времени, населении как общественном организме [7-10 и др.; 12-20].

На источник *всего знания* о мире и че-

ловеке (позитивного и метафизического) указывал отец русской науки М. В. Ломоносов², сочетавший в себе оба вида знания, когда писал: «Создатель дал роду человеческому две книги. Первая – видимый мир... Вторая книга – Священное Писание... Грех всевать между ними плеве-лы и раздоры» [23. С. 7]. Речь идет о содружестве *позитивных* (научных) и *метафизических* (религиозно-философских) знаний. Итак, одна наука не в состоянии обеспечить дальнейшее развитие теории эпидемиологии, которая как птица с одним крылом не сможет взлететь к высотам искомой истины, а будет довольствоваться временной пользой от того или иного научного открытия до тех пор, пока оно не будет низложено другим открытием. Но подлинная сущность изучаемых вещей, явлений и процессов всегда будет оставаться за скобками научного познания, «вещью в себе» [24. С. 54].

2. Знание позитивное (наука) и ее познавательные возможности. Взгляд ученых мирового уровня

О слабостях *позитивного знания* писали величайшие ученые мира. Академик Л. С. Берг: «В науке все то, что способствует ее развитию, есть истина, все, что препятствует развитию науки, ложно. В этом отношении истинное аналогично целесообразному... Итак, истина в науке – это все то, что целесообразно, что оправдывается и подтверждается опытом, способным служить дальнейшему прогрессу науки. В науке вопрос об истине решается практикой.

Теория Птолемея в свое время способствовала прогрессу знания и была истинной, но когда она перестала служить этой цели, Коперником была предложена новая теория мироздания, согласно которой Солнце неподвижно, а Земля движется. Но теперь нам известно, что и это воззрение не отвечает истине, ибо движется не только Земля, но и Солнце. Всякая теория есть

условность, фикция. Правильность этой концепции истины, поскольку она касается теории, вряд ли будет оспариваться кем-нибудь в настоящее время. Но и законы природы в этом отношении в таком же положении: каждый закон есть условность, которая держится, пока она полезна. Законы Ньютона казались незыблемыми, однако ныне их признают лишь за известное приближение к истине. Теория относительности Эйнштейна опрокинула не только всю механику Ньютона, но и всю классическую механику... Польза есть критерий пригодности, а, следовательно, истинности. Другого способа различать истину человеку не дано... Истина есть полезная фикция, заблуждение – вредная... Итак, мы определили, что такое истина с точки зрения науки» [25. С. 18-32]. Аналогичных взглядов на *достоверность науки* как единственного средства познания придерживались А. Эйнштейн, Р. Фейнман, В. Гейзенберг, Р. Оппенгеймер, Г. Наан, П. В. Копнин, В. В. Налимов и другие выдающиеся ее творцы [26. С. 172-178].

Ограниченность публикации не позволяет привести примеры научных коллизий в эпидемиологии. Приведем лишь основные. «Как и любое новое видение в науке, новое видение природы эпидемий, а точнее механизма развития эпидемического процесса вначале не было принято научной общественностью», – отмечают В. Д. Беляков и Г. Д. Каминский. – В этой связи «... Его (Л. В. Громашевского – В. В.) фраза: «Профессорам непонятно, а студентам понятно» стала сакраментальной» [27. С. 32]. Сходная судьба ожидала в свое время и другие эпидемиологические теории: теорию *саморегуляции паразитарных систем* В. Д. Белякова [28], учение о сапронозах В. И. Терских [29]. Последнее, как утверждает В. В. Макаров «... в результате безосновательной уничтожающей критики Л.

² Выпускник первого ВУЗа России – Московской духовной Славяно-греко-латинской академии. Основана в 1685 г. учеными монахами братьями Лихудами. В ней преподавали все естественные и гуманитарные (позитивные) и богословские (метафизические) науки того времени. – В.В.

В. Громашевским было полностью исключено из научного обращения и отброшено на долгие годы» [30. С. 7]. Л. В. Громашевский был убежден в том, «...что ни один из элементов внешней среды не может быть первоисточником и постоянным естественным носителем заразного начала» [4. С. 47].

О свойстве человека отрицать новые объективные факты в науке, сказал Ф. Энгельс: «Если же он намерен изгнать из мышления самую суть этого дела, то пусть будет любезен изгнать ее сначала из природы и истории и изобрести такую математику, где $-a \times -a$ не дает $+a^2$ и где дифференцирование и интегрирование запрещены под страхом наказания» [31]. *Свойство поступать так указывает на заражение внутреннего человека как личности (душа и дух) страстью первенства во всем и на все времена. Оно – плод самолюбия, которое «... есть извращенная любовь к себе. Безумна и пагубна эта любовь. Самолюбивый, пристрастный к суетному и преходящему, к греховным наслаждениям (своим мнимым первенством в науке, – В. В.) – враг самому себе. Он – самоубийца: думая любить себя и угождать себе, он ненавидит и губит себя, убивает себя вечною смертью»* [32]. Таков *духовный диагноз* – приговор Святого отца РПЦ подобного рода состояниям внутреннего человека (духовная клиника в своем роде).

Томас Кун в мировом масштабе показал, что «нормальная наука, на развитие которой вынуждено тратить почти всё своё время большинство учёных, основывается на *допущении*, что научное сообщество *знает*, каков окружающий нас мир. ... (поэтому, В. В.) ... нормальная наука, ..., часто подавляет фундаментальные новшества, потому что они неизбежно разрушают её основные установки» [33. С. 29]. Мировой масштаб распространения такого рода духовных состояний в научной среде есть *пандемия* в своем роде.

3. Знание метафизическое (религия) и его значение для теории эпидемиологии

Освоение ресурсов *метафизического знания* о тайнах бытия – важный путь развития теории эпидемиологии любых болезней, независимо от их происхождения – соматических (заразных и незаразных) и несоматических (душевных и духовных). Исходно *метафизическое знание* лежит в основе, в самом корне *теории эпидемического процесса* [34. С. 54-60; 4. С. 67-78], и *учения об эпидемии и движущих силах эпидемического процесса* и [34. С. 123-148; 4. С. 146-178 и др.] и его последователей. Начало ее разработки Н. Д. Юшук и Ю. Я. Венгеров [35. С. 15] справедливо относят к середине 20-х годов прошедшего столетия, когда «... К. Сталлибрасс ... в своей книге «The principles of epidemiology and the process of infection» изложил основные понятия *теории трех факторов* [36. С. 23]. Но триада К. Сталлибрасса «семя», «сеятель», «почва» – суть триада Самого БогоЧеловека Христа, имеет *метафизическое происхождение*, ибо изложена в Священном Писании – Евангелии [Мф. 13, 3-23; Мк. 4,3-20; Лк. 8,5-15]. Закрывать на это глаза несправедливо по отношению к подлинному Автору *идеи трех факторов* исходя из законов научной этики и требований совести ученого как индикатора нравственного здоровья внутреннего человека как личности.

Для видов *живого вещества*, биологически заразного для телесного состава *внешнего человека* как животного организма [зоологический человек по 11. С. 29] триада «семя», «сеятель», «почва» – основа процессов возникновения и распространения традиционных инфекций. О них Л. В. Громашевский писал, что это «...инфекция в медицинском, ветеринарном, фитопатологическом смысле, где принято этим словом называть состояния паразитизма, сопровождающиеся определенной степенью патологических проявлений со стороны организма хозяина, зараженного паразитом» [4. С. 29]. В роли «организма хозяина» здесь *по умолчанию* выступает

телесный состав «зоологического человека» (животного, растения), зараженного известным видом живого заразного вещества (микроба). Здесь триада К. Сталлибрасса – элементарная ячейка эпидемического процесса в его традиционном понимании, в котором «семя» – источник (резервуар) заразного начала в соматическом смысле слова (живое вещество). Оно причина (этиология) заразных болезней телесного состава внешнего человека (животного, растения) как животного организма; «...инфекция в медицинском, ветеринарном, фитопатологическом смысле» [4. С. 29]. Согласно ранее сделанным гносеологическим уточнениям [12-20] это *инфекция в узком смысле слова*.

Для *информации как инфекции* в широком смысле слова [12-20] та же триада К. Сталлибрасса [36. С. 23] в ее исходном виде есть триада Христа Спасителя – «Сеятель», «семя», «почва» [Мф. 13,3-23; Мк. 4,3-20; Лк. 8,5-15]. Здесь она с самого начала суть элементарная ячейка **процесса** возникновения и распространения состояний болезни и здоровья *внутреннего человека* как личности [нравственного человека по 11. С. 29], **который** есть **эпидемический процесс информации как инфекции** в его педагогической форме [14. С. 48-50; 15. С. 243-248]. «Сеятель» здесь – источник (резервуар) информации как инфекции в невещественном (духовном) смысле, которая суть слово *живое* или *печатное*. Она специфически заразна (или нет) для внутреннего человека как личности, представленного душой и духом [7, 11. С. 29; 8, 9. С. 207-368; 10. С. 340-369; 12-20 и др.]. Состояния, вызванные информацией как инфекцией, могут принимать характер эпидемий в своем роде. Например, преступность и подобные ей состояния человека и общества. Предвидя такие ситуации, В. А. Башенин справедливо заметил: «... несомненно, всякие массовые заболевания, которые возникают среди народа, являются эпидемией и для своего изучения требуют компетенции эпидемиолога», а для их

понимания, борьбы и профилактики требуется «эпидемиологическое суждение» [37. С. 5]. Вряд ли кто решится назвать преступность здоровым состоянием человека (клиника) и общества (эпидемиология) даже при цветущем медицинском здоровье преступников. Здесь страдает внутренний человек как личность [нравственный человек по 11. С. 29], представленный душой и духом, зараженный криминогенной информацией как инфекцией в широком смысле слова.

Все теории эпидемиологии строились в основном на знании, которое И. Кант называл *апостериорным* [24. С. 25] Оно получено в ходе опытов с реальной действительностью (наблюдение, описание, анализ эпидемий, борьба с ними). Вместе с тем «мы обладаем некоторыми априорными знаниями, и даже обыденный рассудок никогда не обходится без них», – писал И. Кант. Это «... знания безусловно независимые от всякого, а не только от того или иного опыта» [24. С. 25], – заключает философ. Это и есть знания *метафизические*.

Учебно-методическая проблемная комиссия по эпидемиологии Минздравсоцразвития РФ при рассмотрении проекта паспорта научной специальности 14.00.30 – эпидемиология – сочла необходимым «...открыть внутри специальности самостоятельное научное направление по ... развитию философского осмысления *самой науки, изучаемых ею явлений*». При этом члены комиссии согласились «считать эту область исследований *чрезвычайно важной*» [38] Речь идет о поиске *истины* с помощью всех средств и методов познания, выработанных человечеством, в том числе знаний *позитивных* (наука) и *метафизических* (философия и религия). Без освоения сокровищ *метафизического знания* дальнейшее развитие теории самостоятельных ветвей единой науки эпидемиологии – эпидемиологии *видов живого вещества* и эпидемиологии *информации как инфекции* – не может быть успешным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Беляков В. Д. Эпидемиология: учебник / В. Д. Беляков, Р. Х. Яфаев. – М.: Медицина, 1989. – С. 7.
2. Беляков В. Д. Эпидемический процесс (теория и метод изучения) / В. Д. Беляков. – Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1964. – С. 9-14.
3. Жданов В. М. Эпидемиология: учебник / В. М. Жданов. – М.: Медгиз, 1961. – С. 5-6.
4. Громашевский Л. В. Эпидемиология: руководство / Л. В. Громашевский. – Изд. 4-е, знач. перераб. – М.: Медицина, 1965. – 288 с.
5. Черкасский Б. Л. Руководство по общей эпидемиологии. – М.: Медицина, 2001. – С. 6.
6. Власов В. И. Природа человека и ее значение для теории эпидемиологии / В. И. Власов // Юбилейная Всероссийская научная конференция «Отечественная эпидемиология в XXI веке: приоритетные направления развития и новые технологии в диагностике и профилактике болезней человека» (к 75-летию кафедры общей и военной эпидемиологии Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова и 90-летию со дня рождения академика В. Д. Белякова), 19-20 апреля 2012 г. – СПб., 2012. – С. 32.
7. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания: Опыт педагогической антропологии / К. Д. Ушинский. – М.: Фаир-Пресс, 2004. – 576 с.
8. Войно-Ясенецкий В. Ф. (Архиепископ Лука) О духе, душе и теле / В. Ф. Войно-Ясенецкий. – Сыктывкар: Пролог ЛТД, 1993. – 101 с.
9. Слободчиков В. И. Психология человека. Основы психологической антропологии. Введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М.: Школа-Прогресс, 1995. – С. 207-368.
10. Дворецкая М. Я. Интегративная антропология: учеб. пособие / М. Я. Дворецкая. – СПб.: Институт практической психологии, 2003. – С. 340-369.
11. Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Избр. пед. соч. – М.: Педагогика, 1985. – С. 29.
12. Власов В. И. Процессы инфекции в эпидемиологии и педагогике – эпидемический и педагогический: общий корень и антропологические параллели. Ч. I. Природа эпидемического процесса / В. И. Власов // Рос. науч. журн. – 2015. – № 1(44). – С. 302-317.
13. Власов В. И. Основы духовной эпидемиологии (анализ с позиций теоретической эпидемиологии и Священного Писания Восточной Кафолической Церкви) / В. И. Власов // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы Междунар. науч.- практ. конф. (30 ноября 2009 г.). – Рязань, 2010. – Вып. 13. – С. 48-58.
14. Власов В. И. Основы учения о педагогическом процессе как эпидемическом процессе информации / В. И. Власов // М-лы VI Межд. форума «Задонские Свято-Тихоновские образ. чтения», 26-27 ноября 2010 г. – Липецк-Задонск- Липецк, 2011. – С. 48-50.
15. Власов В. И. Основы учения о педагогическом процессе как эпидемическом процессе информации. Сообщение 1. Информация как инфекция в широком смысле слова и ее значение в педагогике / В. И. Власов // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы междунар. науч.-практ. конф., 4 декабря 2010 года. – Рязань: Узорочье, 2011. – С. 243-248. – (Труды РИУиП; Вып. 14).
16. Власов В. И. Теоретические основы духовной эпидемиологии. Ч. 1. Духовные аспекты заразности в патологии человека и общества (Взгляд на проблему с позиций теоретической эпидемиологии и Христианской антропологии) / В. И. Власов // Российский научный журнал. – 2011. – № 4(23). – С. 246-266.
17. Власов В. И. Теоретические основы духовной эпидемиологии. Ч. 2. Динамика духовной заболеваемости криминального характера (Эпидемиологический анализ и математическое моделирование на примере преступности военнослужащих) / В. И.

Власов // Российский научный журнал. – 2011. – № 5(24). – С. 268-282.

18. Власов В. И. Теоретические основы духовной эпидемиологии. Ч. 3. Математическое моделирование и прогнозирование духовной заболеваемости организованных групп взрослого населения (на примере преступности военнослужащих) / В. И. Власов // Российский научный журнал. – 2012. – № 1(26). – С. 279-295.

19. Власов В. И. Гносеологические вопросы теории эпидемиологии. Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия военнослужащих и населения в современных условиях / В. И. Власов // М-лы 4-го Съезда военных врачей медико-профил. проф. (СПб, 1-3 окт. 2014 г.) / под ред. П. И. Огаркова. – СПб., 2014. – С. 23-25.

20. Власов В. И. Теоретические основы эпидемиологии информации (духовной эпидемиологии). Православный ученый в современном мире. Духовно-нравственная культура и цели Российского образования: новации, преемственность, мировоззренческие парадигмы / В. И. Власов // Материалы 3-й Междунар. науч.- практ. конф., Свято-Троице-Сергиева Лавра. Сергиев Посад, 16 октября. – Воронеж: Истоки, 2014. – Т. 2. – С. 247-250.

21. Литвин В. Ю. Предисловие // Потенциально патогенные бактерии в природе: сб. науч. тр. НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи. – М., 1991. – С. 7.

22. Яннарас Х. Вера Церкви. Введение в православное богословие. 1983. – Электронный ресурс: <http://lib.pravmir.ru/library/book/330>.

23. Ломоносов М. Стихотворения / М. Ломоносов. – М., 1948. – С. 7.

24. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. – СПб., 1907. – 464 с.

25. Берг Л. Наука, ее содержание, смысл и классификация. – Пг., 1922. – С. 18-23.

26. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – 6-е изд., испр. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – С. 172-178.

27. Беляков В. Д. Парадигма Л. В. Громашевского / В. Д. Беляков, Г. Д. Каминский // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. – 1987. – № 10. – С. 32.

28. Дискуссия о саморегуляции эпидемического процесса // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. – 1987. – № 10. – С. 62-78.

29. Терских В. И. Сапронозы (о болезнях людей и животных, вызываемых микробами, способными размножаться вне организма во внешней среде, являющейся для них местом обитания) / В. И. Терских // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. – 1958. – № 8. – С. 118-122.

30. Макаров В. В. Сапронозы, факторные и оппортунистические инфекции (к истории этиологических воззрений в отечественной эпидемиологии и эпизоотологии) / В. В. Макаров // Ветеринарная патология. – 2008. – № 1. – С. 7-17.

31. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М., 1961. – Т. 20. – С. 146. – Электронный ресурс: <http://www.informaxinc.ru/lib/marx/20.html>

32. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Жизнеописание. Аскетические опыты / Святитель Игнатий (Брянчанинов). – М., 2001. – Т. 1. – С. 92.

33. Кун Т. Структура научных революций. – Электронный ресурс: http://royallib.com/book/tomas_kun/struktura_nauchnih_revolyuitsiy.html

34. Громашевский Л. В. Общая эпидемиология: учебник для студентов медицинских институтов / Л. В. Громашевский. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Медгиз, 1949. – 318 с.

35. Ющук Н. Д. Лекции по инфекционным болезням / Н. Д. Ющук., Ю. Я. Венгеров. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Медицина, 2007. – С. 15.

36. Сталлибрасс К. Основы эпидемиологии / К. Сталлибрасс. – М.: Медгиз, 1936. – С. 23.

37. Башенин В. А. Общая эпидемиология / В. А. Башенин. – Л.: Медгиз, 1958. – С. 5.

38. Проект паспорта научной специальности 14.00.30 – эпидемиология / В. И. Покровский [и др.] // Эпидемиология и инфекционные болезни. – 2009. – № 5. – С. 53-56.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА
КАФЕДРА ЭПИДЕМИОЛОГИИ

УДК 616.036.22: 37: 343.9
ББК 51.90+56.14+88.48+67.51
Медицина, педагогика

**ОБЩИЙ ПРИНЦИП И ЕДИНОЕ НАЧАЛО
ТЕОРИИ ЭПИДЕМИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
(СИНТЕЗ ПОЛОЖЕНИЙ НАУКИ, РЕЛИГИИ, ФИЛОСОФИИ)**

Кандидат медицинских наук В. И. Власов

В свете христианской антропологии, гносеологии, теории живой материи и на основе синтеза позитивного (наука), метафизического (религия) и философского видов знаний вскрыты общий принцип и единое начало теории эпидемического процесса в его традиционном понимании. В структуре эпидемиологии как единой науки теоретически обосновано наличие двух самостоятельных ветвей – эпидемиологии видов живого вещества, биологически заразного для телесного состава человека (ТСЧ) как животного организма и эпидемиологии видов информации, специфически заразной для внутреннего человека как личности. Эти положения являются основой учения о природе процессов инфекции в сфере видов живого вещества, биологически заразного для ТСЧ – эпидемическом в его традиционном понимании, и в сфере информации – педагогическом.

Ключевые слова

Эпидемиология, живое вещество; информация, заболеваемость, процессы инфекции – эпидемический и педагогический; внешний человек, внутренний человек, дух, душа, тело; биология; экология; медицина, педагогика, криминология

Вводные замечания

«При изучении явлений физического мира исследователь получает наибольшее удовлетворение, когда ему удастся свести всю совокупность их к **общему принципу, к единому началу**. Между тем, несмотря на широкое развитие естествознания, наука не может похвастаться таким единством мировоззрения» [1. С. III]. Эти слова можно отнести к состоянию науки об эпидемиях. Несмотря на многовековую историю, «определение эпидемиологии неоднозначно» [2. С. 7]. В доступной литературе мы не встретили работ, посвященных поиску *гносеологических корней*

учения об эпидемическом процессе на основе синтеза позитивного (наука) и метафизического (религия) видов знаний о мире и человеке. Не найдено работ, авторы которых пытались бы отыскать сам *корень* и *исток* «теории трех факторов» – триады К. Сталлибрасса [4. С. 23] и объяснить ее *первоначальное значение*. А она послужила идейным прообразом «триады Л. В. Громашевского», которую он положил в основу своего учения об эпидемическом процессе [3]. Мы не нашли работ по теории эпидемиологии и эпидемического процесса, где бы она излагалась в свете христианской антропологии, гносе-

ологии, теории живой материи и на основе *синтеза позитивного* (наука) и *метафизического* (религия) видов знаний. Знание этих вопросов важно для определения всей полноты возможностей эпидемиологии как науки в изучении массовой патологии (и здоровья) всех частей *природы человека и общества на всех уровнях организации бытия* мира и человека. Современная эпидемиология изучает лишь массовые болезни *телесного состава человека* (ТСЧ, ТС) как животного организма и общества такого рода людей в пределах физического, биологического и социального планов устройства мира и человека и не затрагивает более высокие планы.

1. Учение об эпидемическом процессе – теоретическая основа отечественной эпидемиологии

«В настоящее время эпидемиологию инфекционных болезней определяют как науку о закономерностях *эпидемического процесса*, который является теоретической основой всех остальных разделов эпидемиологии» [16. С. 11]. Становление и развитие теории эпидемиологии в нашей стране происходило в рамках *двух научных представлений*. Их можно назвать *линиями развития науки* [подобно направлениям философии: «*линия Платона*» и «*линия Демокрита*»]. Обе линии становления и развития теории эпидемиологии в нашей стране имеют общий *гносеологический корень философского плана*: обе они принадлежат *линии Демокрита – материализму*. Это «... – воззрение, которое видит основу и субстанцию всей действительности – не только материальной, но душевной и духовной – в *материи*. ... *Диалектический материализм* («диамат») – был фактически советской государственной философией и одновременно служил методологической основой советской науки (в т. ч. эпидемиологии – В. В.) [17. С. 259].

С этой точки зрения важнейшими направлениями эпидемиологической науки

России являются *линия Л. В. Громашевского* и *линия В. А. Башенина*. Отдельные научные школы возникали и функционировали в рамках указанных *линий развития эпидемиологии* применительно к новым научным *данным и условиям бытия* мира и человека. При этом преимущество имели и принимались во внимание *материальные данные и условия бытия*.

Оба направления отечественной эпидемиологии сформировались на гносеологической основе *линии философии Демокрита* (материализм) и на основе *позитивного знания* (наука). Знание *метафизического* (религия) для построения теории отечественной эпидемиологии до сих пор *осознанно* не применялось. Надежда на *философию диамата* в построении законченной теории эпидемиологии себя не оправдала. Спор сторонников *линии Демокрита* (материализм) и *линии Платона* (идеализм), до сих пор не закончен, а истина не найдена ни одной стороной. А этому спору уже более 2000 лет. Возможно, по этой же причине до сих пор «определение эпидемиологии неоднозначно» [2. там же].

2. Третий путь и линия развития теории эпидемиологии

Есть *третий путь и линия* развития теории эпидемиологии, в том числе теории эпидемического процесса. В совокупности работ [5, 7-15] сформулированы теоретические основы эпидемиологии информации (*духовной эпидемиологии*), которая представляет собой *теорию эпидемиологии информации как инфекции в широком смысле*. Эпидемиология информации является *частью единой науки эпидемиологии*.

Специфическим объектом изучения классической эпидемиологии на протяжении столетий были и остаются до сих пор массовые заболевания населения, включая эпидемии и пандемии. По своей природе это были и есть, в том числе, заразные болезни в традиционном их понима-

нии. Их причина – «... инфекция в медицинском, ветеринарном или фитопатологическом смысле, где принято этим словом называть состояния паразитизма, сопровождающиеся определенной степенью патологических проявлений со стороны организма хозяина, зараженного паразитом» [3. С. 29]. Такая «инфекция» есть *инфекция в узком*, вещественном смысле [8. С. 48]. Она поражает телесный состав *внешнего человека* как животного организма, т. е. «зоологического человека» [6. С. 29] и до сих пор считается единственным видом инфекционной патологии человека и общества.

Введение в научный оборот эпидемиологии как науки понятия *информации как инфекции в широком смысле*, позволило выделить и обосновать на основе синтеза позитивного (наука) и метафизического (религия) видов знаний еще один вид массовой патологии человека и общества. Этот вид патологии тесно связан с информационно-массовыми коммуникациями, затрагивает *внутреннего человека* как личность, его дух и душу, т. е. «нравственного человека» [6. С. 29]. Это духовная заболеваемость, которая есть объект изучения *эпидемиологии информации* или *духовной эпидемиологии*.

Теоретической основой данной работы является притча Христа Спасителя о Сеятеле, семени и почве (Мф. 13:3-23; Мк. 4:3-20; Лк. 8:5-15). Элементы притчи образуют методологическую триаду (элементарную ячейку) специфического процесса возникновения, распространения, течения и угасания всех видов информации *per se* в пространстве, времени, населении. Это *педагогическая форма эпидемического процесса информации как инфекции в широком смысле* [9. С. 48]. Возникающая в нем информация-инфекция проникает в умы и сердца людей и производит в них впечатления, сообразные своему семантическому содержанию. А эти впечатления формируют мировоззрение и модели поведения *внутреннего*, «нрав-

ственного человека» как личности (клиника), и общества такого рода людей (эпидемиология).

Если информация, распространяемая информационно-массовыми коммуникациями в пространстве, времени, населении посредством *педагогической формы эпидемического процесса информации* как инфекции является саногенной, то в обществе возникают благоприятные в Евангельском смысле массовые состояния души и духа *внутреннего*, «нравственного человека» как личности, среди множества людей, потребителей такой информации. Возникает предпосылка формирования духовной эпидемии со знаком «+».

Если информация, распространяемая информационно-массовыми коммуникациями в пространстве, времени, населении посредством *педагогической формы эпидемического процесса информации* как инфекции является патогенной, то в обществе возникают неблагоприятные в Евангельском смысле массовые состояния души и духа *внутреннего*, «нравственного человека» как личности, среди множества людей, потребителей такой информации. Возникает предпосылка формирования духовной эпидемии со знаком «-».

Информационно обусловленные состояния *внутреннего*, «нравственного человека» как личности, могут иметь, по крайней мере, три основных вида:

1. *внутренней преступности* Закона Божия (греховности мыслью). Здесь греховные помыслы, рождающиеся в уме и сердце *внутреннего*, «нравственного человека» как личности, под действием патогенной информации, еще не выливаются в сообразные ее смыслу внешние деяния *внешнего*, «зоологического человека» как животного организма, и общества такого рода людей. Возникает предпосылка эпидемии внутренней преступности Закона Божия (эпидемия греха) и

2. *внешней преступности* Закона Божия (греховности словом и делом) в ее следующих формах:

а) *докриминальной форме*, когда греховные состояния *внутреннего*, «*нравственного человека*» как личности, влияют в поступки *внешнего*, «*зоологического человека*» как животного организма, и общества такого рода людей, которые еще не подпадают под составы статей уголовного права и

б) *криминальной форме*, когда греховные состояния *внутреннего*, «*нравственного человека*» как личности, переходят в уголовно наказуемые деяния *внешнего*, «*зоологического человека*» как животного организма, и общества такого рода людей. Возникает предпосылка эпидемии внешней криминальной (уголовной) преступности.

Область применения базовых положений эпидемиологии информации (духовной эпидемиологии) с образованием самостоятельных направлений наук о духовном здоровье человека и общества состав-

ляют медицина, педагогика, криминология и духовные школы РПЦ. Общим для этих наук о человеке и обществе являются *предмет* – духовная заболеваемость (греховность) населения и *объект* – *эпидемический процесс информации, или педагогический процесс саногенной и патогенной (в т. ч. криминогенной) информации как инфекции в широком смысле слова* [11]. Для реализации на практике теоретических положений новой профилактической дисциплины возможно открытие элективных курсов эпидемиологии информации (духовной эпидемиологии) в названных видах светских и духовных школ.

Нами составлена классификация **процессов инфекции** видов *живого вещества* (возбудители инфекционных болезней ТСЧ), энергии (живое без энергии не существует) и информации (связанной с живой материей и *per se*) [См. таблицу].

Таблица

Процессы инфекции видов живого вещества, энергии, информации в свете общего принципа и единого начала теории эпидемического процесса

Информация <i>per se</i>, энергия души и духа личности человека	Живое вещество, энергия, информация в комплексе тканей	Живое вещество, энергия, информация в комплексе тканей
сеятель	семя	источник инфекции
семя	сеятель	механизмы ее передачи
почва	почва	восприимчивость населения
Авторы триад		
Иисус Христос [Мф. 13:3 - 23; Мк. 4:3-20; Лк. 8:5-15]	К. Сталлибрасс [1936]	Л. В. Громашевский [1941;1949; 1965 и др.]
Процессы инфекции		
педагогический [инфекционный и эпидемический - педагогическая и криминогенная формы] (В. И. Власов, 2011, 2012, 2014, 2015)	инфекционный, эпидемический – [медико-биологическая и социально-экологическая формы (В. И. Власов, 2011,2012, 2014, 2015)]	инфекционный, эпидемический, эпизоотический, эпифитотический и др. [медико-биологическая и социально-экологическая формы (В. И. Власов, 2011,2012, 2014, 2015)]

Движущие силы процессов инфекции		
мысль	микроб возбудитель	источник возбудителей
слово	способы распространения	механизмы их передачи
дело + социальные, природные и иные условия места обитания и времени жизни населения, имеющие значение в педагогике и криминологии	живые ткани организма + социальные, природные и иные условия места обитания и времени жизни населения, имеющие значение в эпидемиологии (эпизоотологии, ботанике)	восприимчивость к инфекции + социальные, природные и иные условия места обитания и времени жизни людей (животных, растений), имеющие значение в эпидемиологии (эпизоотологии, ботанике)
Главные точки приложения процессов инфекции		
Дух, душа или внутренний человек как личность [нравственный человек по Н. И. Пирогову, 1856] – инфекционный процесс; население как социальный нравственный организм – эпидемический процесс видов информации	ТСЧ как животного организма [зоологический человек по Н. И. Пирогову, 1856] - инфекционный процесс; население как социальный животный организм – эпидемический процесс видов живого вещества	ТСЧ как животного организма [зоологический человек по Н. И. Пирогову, 1856] - инфекционный процесс; население как социальный животный организм – эпидемический процесс видов живого вещества
Проявления процессов инфекции		
<i>Святость</i> жизни при исполнении внушений внутреннего закона совести как врожденного, вечного и неписаного закона Божия. Относительная безгрешность, духовное и душевное здоровье личности и общества такого рода людей	Состояние относительного здоровья ТСЧ как животного организма [зоологического человека по Н.И. Пирогову, 1856], отсутствие угрызений совести при соблюдении ее внушений внутренним человеком	Состояние относительного здоровья ТСЧ как животного организма [зоологического человека по Н.И. Пирогову, 1856], отсутствие угрызений совести при соблюдении ее внушений внутренним человеком
<i>Внутренняя преступность</i> , совершаемая душой и духом внутреннего человека как личности при нарушении внушений внутреннего закона совести как врожденного неписаного и вечного Закона Божия. Греховность личности и общества такого рода	<i>Возможная заболеваемость</i> ТСЧ населения как общественного животного организма или совокупного «зоологического человека», наличие угрызений совести при несоблюдении ее внушений (раскаяние в осознанных грехах как духовных преступлениях и	<i>Возможная заболеваемость</i> ТСЧ населения как общественного животного организма или совокупного «зоологического человека», наличие угрызений совести при несоблюдении ее внушений (раскаяние в осознанных грехах как духовных преступлениях и

людей. Отсутствие внешних преступных деяний, внешнее послушание юридическим законам при внутреннем беззаконии отдельных лиц и общества в целом. Например: тихие «воры в законе», бюджетные «паразиты», действующие под прикрытием юридических законов, написанных «под себя»	их проявлениях вовне). Наличие внешних преступных деяний в сфере биологической экологии, внешнее непослушание юридическим законам при внутреннем беззаконии. Например, при заражении себя и других ИППП или другими инфекциями (биологическая диверсия, война, биотерроризм)	их проявлениях вовне). Наличие внешних преступных деяний в сфере биологической экологии, внешнее непослушание юридическим законам при внутреннем беззаконии. Например, при заражении себя и других ИППП или другими инфекциями (биологическая диверсия, война, биотерроризм)
<i>Внешняя преступность</i> , совершаемая <i>телесно</i> при нарушении вначале внушений внутреннего закона совести как вечного и неписаного Закона Божия а затем и внешнего гражданского и уголовного права как писанного и переменчивого закона человеческого. Гражданская и уголовная преступность личности и общества такого рода людей. Холодные войны в сфере информации т.п.	<i>Заболеваемость</i> ТСЧ населения как общественного животного организма или совокупного «зоологического человека»; наличие угрызений совести во внутреннем человеке при несоблюдении ее внушений. Например, при заражении себя или других ИППП или другими инфекциями ТСЧ. Биологические войны в сфере медицины, ветеринарии, ботаники и т.п.	<i>Заболеваемость</i> ТСЧ населения как общественного животного организма или совокупного «зоологического человека»; наличие угрызений совести во внутреннем человеке при несоблюдении ее внушений. Например, при заражении себя или других ИППП или другими инфекциями ТСЧ. Биологические войны в сфере медицины, ветеринарии, ботаники и т.п.

Заключение

1. Рассмотрение гносеологических корней учения об эпидемическом процессе в свете христианской антропологии, гносеологии, теории живой материи, синтеза положений науки, религии христианства, философии [5, 7-15] позволило выявить **общий принцип** эпидемиологии как науки – **принцип трех факторов**. Он лежит в основе **процессов инфекции вещества, энергии, информации**, которые действуют в различных *сферах бытия* человека и общества (*духовной, нравственной, психической, биологической*) и обеспечивают возникновение и распространение состояний *нормы* или *патологии* отдельных частей *природы человека* (дух, душа, тело)

и общества такого рода людей.

2. Триада Христа Спасителя «*сеятель*», «*семя*», «*почва*» по итогам наших исследований [5, 7-15] лежит в **основе процессов инфекции информации** как инфекции в широком смысле в их педагогической форме – **педагогическом процессе**, который есть **эпидемический процесс информации**. Сфера действия этой триады – высший *духовный и нравственный уровни бытия мира и человека*, где она является основой присущих им **процессов инфекции** видов информации, специфически заразной (или патогенной) для внутреннего человека как личности и общества такого рода людей. В рамках этой триады возникают и распространяются информацион-

но заразные состояния нормы и патологии *внутреннего человека* как личности (дух и душа) и общества такого рода людей.

3. Триада К. Сталлибрасса «*семья*», «*сеятель*», «*почва*» по итогам наших исследований [5, 7-15] идейная копия духовной триады Христа Спасителя, обозначенная им как *четвертый принцип* эпидемиологии. Как *идея* и *образ* она лежит в основе **процессов инфекции** видов живого вещества, биологически заразного для ТСЧ как животного организма в их медико-биологической (экологической) форме – **эпидемическом процессе** в его традиционном (официальном) понимании. Сфера действия этой триады *биологический и социальный уровни бытия мира и человека*, где она является основой присущих им **процессов инфекции** видов живого вещества, биологически заразного (или патогенного) для ТСЧ внешнего человека как животного организма. В рамках этой триады возникают и распространяются биологически заразные состояния патологии ТСЧ как животного организма и общества такого рода людей.

4. Триада Л. В. Громашевского «*источник инфекции*», «*механизм передачи возбудителя*», «*восприимчивость населения*» по итогам наших исследований [5, 7-15] идейная копия триады К. Сталлибрасса, доведенная до уровня учения об *эпидемическом процессе* в его традиционном понимании. Эта триада как *идея* и *образ* лежит в основе **процессов инфекции** видов живого вещества, биологически заразно-

го для ТСЧ как животного организма в его медико-биологической (экологической) форме – **эпидемическом процессе**. Сфера действия этой триады *биологический и социальный уровни бытия мира и человека*, где она является основой присущих им **процессов инфекции** видов живого вещества, биологически заразного (или патогенного) для ТСЧ внешнего человека как животного организма. В рамках этой триады возникают и распространяются биологически заразные состояния патологии ТСЧ как животного организма и общества такого рода людей.

5. Триада Христа Спасителя «*сеятель*», «*семья*», «*почва*» по итогам наших исследований [5, 7-15] есть **единое начало** (метафизика) всех позитивных учений (наука) о **процессах инфекции** видов живого вещества, энергии, информации, специфически заразных (или патогенных) для всех частей совокупной природы человека (*духа, души, тела*) – эпидемическом, педагогическом и др. Сфера действия этой триады *духовный, нравственный, биологический, и социальный уровни бытия мира и человека*, где она является основой присущих им **процессов инфекции** вещества, энергии, информации. Варианты этой триады для информации, энергии, вещества (в т. ч. живого) могут быть основой процессов возникновения, распространения, течения и угасания экзогенной, эндогенной (факторной) [18] *патологии* всех частей совокупной природы человека и общества – *духа, души и тела*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лебон Гюстав. Возникновение и исчезновение материи / Г. Лебон; пер. с франц. А. Чайкеля; с предисл. и под ред. П. Копняева. – Харьков: Издание книжного магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина, 1909. – С. III.
2. Беляков В. Д. Эпидемиология: учебник. – М.: Медицина, 1989. – С. 7.
3. Громашевский Л. В. Эпидемиология: руководство для сан.-гигиен. ф-тов / Л. В. Громашевский. – Изд. 4-е, знач. перераб. – М.: Медицина, 1965. – 288 с.
4. Сталлибрасс К. Основы эпидемиологии / К. Сталлибрасс. – М.: Медгиз, 1936. – С. 23.
5. Власов В. И. Природа человека и ее значение для теории эпидемиологии / В. И. Власов // Юбилейная Всероссийская научная конференция «Отечественная эпидемиология в XXI веке: приоритетные направления развития и новые технологии в диагнос-

тике и профилактике болезней человека» (к 75-летию кафедры общей и военной эпидемиологии Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова и 90-летию со дня рождения академика В. Д. Белякова), 19-20 апреля 2012 г. – СПб., 2012. – С. 32.

6. Пирогов Н. И. Вопросы жизни / Н. И. Пирогов // Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1985. – С. 29.

7. Власов В. И. Процессы инфекции в эпидемиологии и педагогике – эпидемический и педагогический: общий корень и антропологические параллели. Ч. I.: Природа эпидемического процесса // Российский научный журнал. – 2015. – № 1(44). – С. 302-317.

8. Власов В. И. Основы духовной эпидемиологии (анализ с позиций теоретической эпидемиологии и Священного Писания Восточной Кафолической Церкви) / В. И. Власов // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (30 ноября 2009 г.). – Рязань, 2010. – Вып. 13. – С. 48-58.

9. Власов В. И. Основы учения о педагогическом процессе как эпидемическом процессе информации / В. И. Власов // Материалы VI Междунар. форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения», 26-27 ноября 2010 г. – Липецк - Задонск - Липецк, 2011. – С. 48-50.

10. Власов В. И. Основы учения о педагогическом процессе как эпидемическом процессе информации. Сообщение 1. Информация как инфекция в широком смысле слова и ее значение в педагогике / В. И. Власов // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы междунар. науч.-практ. конф., 4 декабря 2010 года. – Рязань: Узорочье, 2011. – С. 243-248. – (Труды РИУиП; Вып. 14).

11. Власов В. И. Теоретические основы духовной эпидемиологии. Часть 1. Духовные аспекты заразности в патологии человека и общества (Взгляд на проблему с позиций теоретической эпидемиологии и Христианской антропологии) / В. И. Власов // Российский научный журнал. – 2011. – № 4(23). – С. 246-266.

12. Власов В. И. Теоретические основы духовной эпидемиологии. Часть 2. Динамика духовной заболеваемости криминального характера (Эпидемиологический анализ и математическое моделирование на примере преступности военнослужащих) / В. И. Власов // Российский научный журнал. – 2011. – № 5(24). – С. 268-282.

13. Власов В. И. Теоретические основы духовной эпидемиологии. Часть 3. Математическое моделирование и прогнозирование духовной заболеваемости организованных групп взрослого населения (на примере преступности военнослужащих) / В. И. Власов // Российский научный журнал. – 2012. – № 1(26). – С. 279-295.

14. Власов В. И. Гносеологические вопросы теории эпидемиологии. Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия военнослужащих и населения в современных условиях / В. И. Власов // М-лы 4-го Съезда военных врачей мед.-профилакт. профиля, (СПб., 1-3 окт. 2014 года) / под ред. П. И. Огаркова. – СПб., 2014. – С. 23-25.

15. Власов В. И. Теоретические основы эпидемиологии информации (духовной эпидемиологии). Православный ученый в современном мире. Духовно-нравственная культура и цели Российского образования: новации, преемственность, мировоззренческие парадигмы / В. И. Власов // Материалы 3-й межд. науч.-практ. конф., Свято-Троице-Сергиева Лавра. Сергиев Посад, 16 окт. – Воронеж: Истоки, 2014. – Т. 2. – С. 247-250.

16. Ющук Н. Д., Венгеров Ю. Я. Лекции по эпидемиологии инфекционных болезней. – Издание второе, перераб. и доп. – Том первый. – М.: ВУНМЦ, 1999. – С. 11.

17. Философский энциклопедический словарь. – М., ИНФРА-М, 1999. – С. 259.

18. Макаров В. В. Сапронозы, факторные и оппортунистические инфекции (к истории этиологических воззрений в отечественной эпидемиологии и эпизоотологии) / В. В. Макаров // Ветеринарная патология. – 2008. – № 1. – С. 7-17.

SUMMARY

Klinov A. S. On the Tibetan Issue // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 6 – 8. [0,2 p. s.]

Key words

Tibet, China, Dalai-Lama, the General Assembly of UN, the USA, resolutions of UN, the Indian-Chinese Agreement of 1954, the Simla Convention of 1914, the number of Tibetans

Summary

The article analyses the question on perspectives of Tibetan secession from China. This perspective depends on world's balance and on the International Law. These questions are main questions of the article.

Aleksandrov K. M. Wilfried Strik-Strikfeldt: to the History of the Russian Career of the Northwest Army Captain // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 9 – 14. [0,5 p. s.]

Key words

Anti-Hitlerite opposition, Hoover archives, Northwest Army, Russian military emigration, St. Petersburg, Strik-Strikfeldt, the Dabendorf School, the Vlasov army, Vlasov, Yudenich

Summary

The article is devoted to the destiny and career of the participant of the White movement on the Northwest of Russia captain Wilfried Strik-Strikfeldt (1897-1977). The author describes features of his life, education and military service. Influence of the Petersburg and European cultural tradition on Strik-Strikfeldt's views in connection with his participation in the Vlasovsky movement, anti-Hitlerite opposition and fight against Nazi east policy in the years of World War II is noted.

Aleksandrov K. M. Russian All-Military Union in Europe in 1939-1941: Organization and Resources // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 15 – 20. [0,5 p. s.]

Key words

A. P. Arkhangelskii, Bakhmeteff Archive, Hoover archives, N. N. Golovin, A. A. von Lampe, Russian All-Military Union, Russian military emigration, V. K. Vitkovskii, White Russian Movement, World War II

Summary

Article deals with the little-studied aspects of history of the Russian military emigration in Europe in 1939-1941. The author used a wide range of the sources revealed during research in Hoover Institution Archives of Stanford University and Bakhmeteff Archive of Columbia University. New data on structure of the Russian General and Military Union in 1939-1940 and number of separate divisions of ROVS in 1941 are introduced into scientific circulation. The special attention is paid to preparation of own military specialists. On the basis of the studied materials was made an attempt to estimate human resources of ROVS and the related organizations (Association of the Russian Military Unions, etc.) on the eve of attack of Germany on the Soviet Union.

Dashin A. V., Oganyan E. V. Organization-Legal Bases of Formation of the Financial Policy of the Government of General Wrangel in the Crimea, in the Final Phase of the Civil War in the South of Russia (1920) // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 21 – 25. [0,4 p. s.]

Key words

Government of the Armed Forces of Southern Russia, the financial policy, money supply, inflation, devaluation, foreign exchange, monetary expedition

Summary

The article examines some aspects related to the implementation of the financial situation in the territory of the White Crimea. The authors consider the detail activities undertaken by the Government of the Armed Forces of Southern Russia in the Crimea and aimed at curbing inflation and the normalization of monetary conditions in the Civil War.

Ryndin I. J. Materials for Compiling Genealogical Paintings Nobility of Ryazan Province, Stored in Funds State Archive of the Ryazan Region // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 26 – 32. [0,6 p. s.]

Key words

Ryazan nobility meeting, Pedigree book, track records, Ryazan nobility, case of nobility, family painting, rododokazatel, the petitioner, the generations of old, complained nobility, birth certificate, a separate act.

Summary

In the article on the basis of the Ryazan nobility meeting and other sources that are stored in the State Archive of the Ryazan region (SIPA) is a technique of drawing up of family paintings Ryazan nobles. Also provides a brief analysis of all documents contained in the affairs of the reckoning to the nobility.

Ershov V. F., Nagornov V. P. The World of the Ryazan Metallurgy of the XVIII-XIX Centuries in Documents of the State Historical Museum // Russian Scientific Journal.

– 2015. – № 6(49). – PP. 33 – 38.

[0,5 p. s.]

Key words

Ryazan province, metallurgical industry, Ryazan merchants, State Historical Museum

Summary

The article presents the review of documents on history of the Ryazan metallurgical industry of the XVIII-XIX centuries which are stored in the Manuscript Section of the State Historical Museum in Moscow: their contents and possibilities of use by preparation of scientific researches on problems of history of the industry and business in the Ryazan region is characterized.

Kulikova S. G. Implementation of Projects Zemstvo Conservatives to Establish a Network of Rural Postal Stations // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 39 – 45.

[0,6 p. s.]

Key words

Zemtsy-conservatives, Zemstvo rural mail, Zemstvo post station, the post message

Summary

This article analyzes the projects zemstvo conservatives Moscow and Tver provinces to establish a rural postal stations.

Dushkova N. A., Grigorova V. A. The System of Training of Artisans in the XIX century as a Basis for Further Development of Various Forms of Training of Skilled Workers in Russia // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 46 – 51.

[0,5 p. s.]

Key words

Vocational schools, artisans, Voronezh Province, central and local authorities

Summary

In the article on the example of a particular region of Russia – Voronezh province analyzes the process of formation and development of education of artisans in the late XIX – early XX centuries. The author is reveals the role of central and local authorities in the process of expanding the network of schools – vocational classes and vocational schools. The author examines the organization of management and control in vocational schools.

Zapariy Vas. Vlad. Social Situation of Workers Ural Tank Industry in the 1945-1950 // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 52 – 68.

[1,4 p. s.]

Key words

The state, politics, tank industry, the Urals, the social Polo situation, stabilization, military economy

Summary

The article is devoted to the analysis of the impact of the state through-sectoral management bodies in the social sphere enterprises Ural such industry from 1945 to 1950 it identified the main nye «pain points» of the industry and highlighted the attempts of the state VlasTy to find ways to address them.

Radjabov O. R., Lobacheva Z. N. Modern Geopolitics in the Northern Caucasus // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 69 – 72.

[0,3 p. s.]

Key words

Geopolitics, North Caucasus, Dagestan, international and ethnic problems of the region, external expansion, national policy

Summary

The article contains an assessment of the current geopolitical, socio-economic and cultural significance of the North Caucasus, and also of factors that contribute to the development of a new model of national policy in the North Caucasus.

Hizriev Z. H. Ethno-Cultural Features of Interethnic Relations in Russian Society // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 73 – 77.

[0,4 p. s.]

Key words

Ethnos, ethnic culture, ethno-cultural features, interethnic relations

Summary

Using the ethno-cultural characteristics in the sphere of international relations has now become a prerequisite for improving the political atmosphere in the society, the stabilization of inter-ethnic and inter-regional relations, a shining example of community representatives of various nations and nationalities in Russia.

Hizriev Z. H. Ethno-Cultural Management Principles in the Chechen Republic in the Post-Conflict Period // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 78 – 82.

[0,4 p. s.]

Key words

Subject of Russia, federal authorities, regional authority, controls, post-conflict period

Summary

Application of the principles of ethnic and cultural features and in the management of public authorities in the post-conflict period in the example of the Chechen republic – that is a key theme of this article. It deals with the stages of formation and the institution of government, highlights the challenges that faced the federal government, given the analysis of the political processes of that period.

Blokhina N. A. The Diversity of Analytical Methods in the Twentieth Century Analytical Philosophy // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 83 – 94. [1,0 p. s.]

Key words

Twentieth century analytical philosophy, analysis, analytical methods

Summary

The author aims to submit the main approaches to analysis interpretation in the twentieth century analytical philosophy. Despite the diversity of detected analytical practices the study makes her to conclude that the number of these practices will increase. The most promising procession in increasing their number apparently will run through their convergence.

Bashlakova T. M. Formation Institutional Environment for Innovative Development // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 95 – 100. [0,5 p. s.]

Key words

Technology, innovation, social institutions, institutionalization, scientific policy

Summary

Article is devoted to science and technology policy, the improvement of social institutions between science and business, as well as an institutional environment for the management of innovative development.

Gomanova S. O. Russian and Foreign Ecovillages: Comparative Analysis // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 101 – 106. [0,5 p. s.]

Key words

Eco-villages, a comparative analysis of Russian and foreign experience

Summary

The article provides a comparative analysis of Russian and foreign eco-villages. The main parameters of comparison: the number of ecovillages, the age, location, classification, sex and age composition, transparency, economic efficiency, methods of registration of land, the main stages of the settlement, the procedure of accepting of new members and decisions, the availability of internal documents. For each parameter common features and peculiarities are highlighted.

Maslova S. Y. Empirical Analysis of the Socio-Cultural Determinants of the Formation of the Professional Career of Employees of Business-Enterprises of the Primorsky Territory on the Example of the Institution: ООО «LIAN» // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 107 – 110. [0,3 p. s.]

Key words

Organization in the modern world, factors of career development, career models, career research methods, determinants of formation of the professional career, career personnel, the success in career development, factors of career success, methods of empirical data collection, study stages, the complex of psychodiagnostic methods, methods of influence of socio-economic factors, conducting empirical research, analysis of documents of the enterprise «LIAN», the age, rank structure of the campaign

Summary

The career research process in business organizations allows you to flesh out my understanding of macrosocial dynamics. Studying the individual careers within specific institutional, socio-cultural and socio-economic conditions, the researcher gets the opportunity to consider the processes of vertical social mobility in tangible form, expressed in massively widespread, the typical individual trajectories of growth.

Matraeva A. D. Creative Competence in the Structure General Cultural Competence of Students // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 111 – 116. [0,5 p. s.]

Key words

Creative expertise, common cultural competence, creativity, students

Summary

The article examines the place and role of creative competences in the structure of general cultural competence of students. The role of the creative competence in a variety of human activities. The author believes that the creative competence is one of the key places in the structure of general cultural competence of students.

Rybakova M. V. Functional Illiteracy as a Demonstration of Crisis in Education // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 117 – 120. [0,3 p. s.]

Key words

Crisis of education, functional illiteracy, modernizing of education

Summary

The article discusses the main problems that exist today in education. One aspect of the crisis is the functional illiteracy of the younger generation. The possibilities and the importance of modernizing the educational process are shown in the article.

Chernyshev I. I. Main Theories of Sociological Approaches to Understanding of the City // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 121 – 126. [0,5 p. s.]

Key words

Metaforization, metaphor, urbanistics, city, city-organism

Summary

The article is devoted to the understanding of the city, as a social space, where processes of interaction of social institutes can be visually reflected by a metaforization method. It helps to understand more deeply that such the city and explains need of application of a method of social management of the city.

Nadirova Zh. K. Glocalization as a Strategy of Spreading Global Media Content on Local Markets (by the Example of MTV) // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 127 – 132. [0,5 p. s.]

Key words

Glocalization, Media, culture, imperialism, globalization, MTV

Summary

This article deals with the Media corporations' using the strategy of glocalization in order to adapt their content to local markets. The author explores whether this kind of approach is able to protect the sociocultural space of importing countries from foreign cultural hegemony and other negative effects of globalization. For this purpose the policy of MTV is analyzed in this work.

Kutenkov P. I. The Symbolic Meaning of the Double Layer Skirts Peasant Kotlinski the Tribal Culture of the Ryazan Land (by Field Materials) // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 133 – 138. [0,5 p. s.]

Key words

The woman patterned two-layer fabric, double cloth, a calendar life of Babarozhanitsy, skirts, Ryazan folk culture, pattern, Arga (not a swastika)

Summary

The article presents new materials on brane two-layer patterned fabrics Ryazan folk culture.

Arkharova L. I., Plaksina O. A. Building the Healthy Living Values among Young People // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 139 – 143. [0,4 p. s.]

Key words

Volunteering, studentship, prevention of harmful habits, healthy lifestyle

Summary

The article is dedicated to the problem of formation a healthy lifestyle among teenagers and students. There are shown different aspects of the work of the volunteer group «Svoi» under the Institute of psychology, pedagogics and social work under Ryazan State University named for S. Esenin. The formation of the tendency to living a healthy lifestyle among the youth is an objective characteristic of the efficiency of the processes of prevention drug abuse, smoking, solvent abuse and spreading of HIV.

Barkova S. M. Personal Experience of Sexuality in Childhood and the Attitude Towards Child Sexuality among Young Adults // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 144 – 149. [0,5 p. s.]

Key words

Childhood sexuality, sexuality, early experience, young adults, attitudes towards childhood sexuality

Summary

This article presents results of the research of interconnections between one's early sexual experience and his or her attitudes towards childhood sexuality among young adults. Different manifestations of childhood sexuality appeared to be differently related to the attitude towards childhood sexuality. Findings indicate that one's personal experience of sexuality in the early age is positively connected to the acceptance of childhood sexuality in general. Psychoeducational work promoting acceptance towards child sexuality is recommended for young parents and professionals working with children.

Bulatetsky S. V., Markov A. S. Application of the Method of Correlation Galaxies in Studying of Features of the System Organization and Efficiency of Psychophysiological Processes at Cadets with Different Success of the Vocational Education // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 150 – 156. [0,6 p. s.]

Key words

Haemo dynamics, method of correlation galaxies, synergetics, success of a vocational education, functional state

Summary

In article possibilities of application of a method of correlation galaxies for studying of features of the system organization and efficiency of psychophysiological processes at cadets with different success of a vocational education are considered.

Gasimov A. F. Domestic and Foreign Approaches to Research of Emotional Intelligence // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 157 – 163. [0,6 p. s.]

Key words

Emotional intelligence, social intelligence

Summary

Domestic and foreign approaches to definition of the concept «emotional intelligence»

are considered. The line of development of this construct from antiquity is traced so far. The internal structure of emotional intelligence from various methodological points of view reveals. Areas of psychological studying and applied application of this phenomenon are shown.

Gerova N. V. Methodological Approaches to Computer Competency Development in the Process of Training Teachers of the Humanities // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 164 – 173. [0,8 p. s.]

Key words

Bachelor, computer competency, master, approach, autonomous activity, the content of the subject area

Summary

The article looks at the basic approaches to the organization of the teaching and learning process. The author describes a model, which can be used to organize the process of teaching computer science and computer technologies training teachers of the humanities. The author suggest guidelines to ensure students' computer competency.

Dzuybko G. Yu. Work with Comparison as a Method of Intellectual Development of Students // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 174 – 179. [0,5 p. s.]

Key words

Comparison, intellectual development, creative thinking, training, education

Summary

The article examines creative thinking and speech as an index of development of intellectual abilities of students. The comparison is seen as a way of learning something new, and as a way of understanding reality, and as a logical model for constructing language structures, and as a proper language structure.

Zholudova A. N., Polyakova O. V., Levina M. A. Formation of Inter-Ethnic Relations Culture in Higher Educational Institution by Means of Life-Purpose Orientations of Trainees // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 180 – 184. [0,4 p. s.]

Key words

Innovative technologies, life-purpose orientations, inter-ethnic relations, culture

Summary

The organization of educational process in a modern high school is examined in this article. The directions of future specialists training by means of innovative technologies in the educational process to form an inter-ethnic relations culture are determined.

Markov A. S., Bulatetskiy S. V. Success of the Cadets' Vocational Training in Educational Institutions of the Ministry of Defence of the Russian Federation: Physiological Aspects // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 185 – 191. [0,6 p. s.]

Key words

Adaptation, adaptational potential of the cardiovascular system, hemodynamics, mental stress, success of vocational training

Summary

The article is devoted to variations of physiological indexes of cadets in educational institutions of the Ministry of Defence of the Russian Federation at mental stress by measures of vocational education's success.

Mutaliev L. S. Pedagogical Features of Professional Legal Education of Employees of Ministry of Emergency Situations of Russia in the Multi-Level System of Education // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 192 – 195. [0,3 p. s.]

Key words

Multi-level system of education, professional and legal education of employees of the Russian Emergencies Ministry, universities of the Russian emergency situations Ministry

Summary

The article deals with professional and legal education of employees of Ministry of Emergency Situations of Russia in the conditions of multilevel system of education.

Novik N. V. The Importance of Establishing Links between Newly Acquired and Previously Acquired Knowledge on the Example Plots of Monge // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 196 – 199. [0,3 p. s.]

Key words

Teaching methods, the relationship of knowledge, plot Monge

Summary

As is known, the process of mastering of knowledge occurs through the establishment of links between old and newly acquired knowledge. It is therefore important to align the knowledge in teaching methods. It is proposed in the study plots Monge in the course of descriptive geometry to drawing an analogy with the rectilinear system of plane coordinates. The practicability of a more visual representation of the material. Shown to improve learning of trainees in the proposed method.

Novikova I. A. Individually-Typical Programs for Persistence Development in

Students // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 200 – 205. [0,5 p. s.]

Key words

System-Functional approach, personality traits, individually-typical features, persistence, psychological correction

Summary

The paper deals with the psychological correction possibility of the personality traits studied in terms of the System-Functional Model developed by A. I. Krupnov. Author presented the essence of individually-typical approach to the harmonization of the personal traits and demonstrated it by the example of persistence. The main directions of the persistence correction in students with different persistence types had defined by the paper.

Pelmenev V. K., Lukashenya Z. V. Realization of Consulting Services in the Higher Educational Institution // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 206 – 211. [0,5 p. s.]

Key words

Consulting, service, collective subject «consultant», consulting service of higher education institution

Summary

Results of theoretical, practical and sociological researches of the author on identification of administrative tasks in functioning of higher education institution which assume rendering the consulting help in a consulting form are presented in article. The author provided the characteristic of the conditions promoting success of rendering consulting services to specialists of higher education institution output in the empirical way.

Selezneva M. V. Ideal Officer's Image in the Notion of Teachers and Commanders // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 212 – 218. [0,6 p. s.]

Key words

Cadet's personality, psychological concept of officer training, Leary Interpersonal Diagnosis, adaptive behavior, activity under extreme conditions

Summary

The article focuses on results of a pilot research of an image of an ideal officer as seen by units and subunits commanders and women teachers of a military high school. The research has been done with the help of T. Liri's method. The differences in the vision of the tested according to the types of cadets' behavior are revealed.

Soldatenkova E. N. Bridging the Communication Gap as One of the Conditions for the Inclusion of Children with ASD in Education // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 219 – 230. [1,0 p. s.]

Key words

Autism, inclusive education, communication, cultural-historical psychology, activity theory, system theory dynamic localization of higher mental functions, ways to implement the restructuring of impaired function, «direct path» development of communication, «work around» development of communication, children with autism

Summary

The article put urgent and unresolved in the contemporary moment in time the issue of inclusion of children with ASD in the educational environment by overcoming the communication gap, which is characteristic of most of them, exacerbating their maladjustment and entailing their disintegration. The characteristics of the communication of children with ASD, based on historical excursions to study this issue and conducted field research data. Analyzed the development of communication technology for children with ASD. Marked principles based on the provisions of the cultural-historical psychology and activity approach, the theory of systemic dynamic localization of higher mental functions Luria, allowing to organize the work on the development of communication in children with autism is most effective.

Sofronova N. V. The Organization of Research Work of Students in the Course of Studying of Discipline «Russian and Standard of Speech» (in the Direction of Preparation «Management») // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 231 – 236. [0,5 p. s.]

Key words

Russian, standard of speech, research work, forms and methods of research work, terminology, modeling

Summary

The article is devoted to features of the organization of research activity of students – future managers – in the course of studying of discipline «Russian and the standard of speech», various methods of work are analyzed. The special attention is paid to a variety of forms of research activity. Work with terminology is considered as one of the main directions of scientific search of the trained.

Susorova M. V. Personality of Teacher and Her Influence on Development of Necessity to the Regular Engaging in a Physical Culture for the Students of Institution of Higher Learning // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 237 – 240. [0,3 p. s.]

Key words

Influence of personality, competence, professionalism, necessities of students, motivation, physical culture, healthy way of life.

Summary

In the article the problem of influence of personality of teacher is examined on development of necessity to the regular engaging in a physical culture for the students of institution of higher learning. The results of questionnaire of students of РГУ of the name S. A. Esenin will be moved on determination of necessary internalss of modern teacher of physical education.

Gordova Yu. Yu. The Toponymy of Russia: the Names of Rural Settlements (Materials for the Unified Information System) // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 241 – 246. [0,5 p. s.]

Key words

Toponymy, Unified information system «The Toponymy of Russia», the etymology of toponymy, the names of rural settlements

Summary

Materials for the Unified information system «The Toponymy of Russia» include articles about the history and etymology of the names of rural settlements of five regions of Russia: Moscow, Voronezh, Ivanovo, Ryazan, Tula. The article summarizes the data monographs, dictionaries and popular-science books on toponymy, published in Russia in the XX-XXI centuries. Information complex includes: the type and location of the object, place-name history, review major etymological versions, a full bibliography, a list of the names of loved ones in different regions.

Ryzhkova-Grishina L. V. From the History of Natural Philosophy Ideas in Russian Literature // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 247 – 252. [0,5 p. s.]

Key words

Natural philosophy, mythological thinking, Ancient Russia, Old Russian literature, Russian poetry, Simeon Polotsk, M. W. Lomonosov, poetry Wisdom, F. I. Tiutchev, A. S. Griboyedov, the ideological crisis of the early XX century, a variety of philosophical inquiry, Nicholas Roerich, «Agni Yoga», active exploration of nature, environmental issues

Summary

The emergence of natural philosophy and ideas in literature, especially in poetry goes back to antiquity – to the rudiments of mythological thinking, folk forms, the first cosmological ideas, philosophical experiments scientists scientists, astrologers and alchemists. In different periods of its history, people wondered complex issues related to the natural world, the mystery of life. He then fell into mysticism, then followed by materialism; at the same time he began to appreciate the pragmatism and logic to another - experienced an ideological crisis. Philosophy and literature (especially poetry) is most clearly reflected the controversial natural-philosophical quest.

The article presents an overview of the development of natural philosophy in the line of literature, beginning with the Old Russian period up to the XX century and the present day, which is characterized by yet another crisis of ideas and attempt to realize a new dimension to the relationship between man and nature.

Ryzhkova-Grishina L. V., Grishina Y. N. The Archaic Lexicon at the Present Stage // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 253 – 256. [0,3 p. s.]

Key words

Russian language, obsolete words, archaisms lexical, semantic archaisms, archaisms lexical-phonetic, archaisms lexical-word formation, historicism

Summary

Russian language stores in its memory a set of words, now almost forgotten by his contemporaries. Dictionaries infrequent archaisms and words keep the words, thereby bringing them into our speech and giving them a new life, so that they may be present in the active dictionary, but their use to date is insufficient and not as frequency, as they deserve. Dynamic century with its demands to think creatively, act quickly, make prompt decisions do not seem to contribute to ensuring that our contemporaries are used in their everyday speech obsolete words, not only giving her a flavor of antiquity, but if delaying it, giving it a rare now smooth and melodiousness. Moreover, at the present stage there is another trend - the desire for brevity, brevity, brevity of speech, which was immediately reflected in the dictionary. Given this trend, undesirable and is not favorable for the Russian language, our goal is to preserve the words that came from the wide use, because they are an important part of the vocabulary of the language as a whole.

Ryzhkova-Grishina L. V., Grishina Y. N. Outdated Words in an Open System Russian Vocabulary // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 257 – 260. [0,3 p. s.]

Key words

Russian language, Russian language an open system, outdated and obsolete words, the functions of obsolete words, historicism, historical realities

Summary

Russian language is an open, lively and moving system is in constant development. Reflecting the realities of our time, it responds to all the new things that appear in the world,

but at the same time at some point in a series of words begins to fill up the archaic language, because with the departure from the everyday use of objects and phenomena become obsolete and their designations. So before our eyes it appears timeless vocabulary, and this process is inevitable and natural.

Ershov V. F. Asia Infrastructure Investment Bank (AIIB) – New Institute of the Financial System of People's Republic of China // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 261 – 268. [0,6 p. s.]

Key words

Asia Infrastructure Investment Bank, world finance, international banks, Banks of China, Russian-Chinese cooperation, BRICS

Summary

In the article the role of the Asia Infrastructure Investment Bank in transformation of global financial architecture is analyzed. AIIB is considered as the new tool of foreign policy of China in the sphere of redistribution in own favor of geopolitical financial and economic balance. Participation of Russia in AIIB has essential value in the context of processes of economic integration of the countries of BRICS and expansion of bilateral cooperation of Russia and the People's Republic of China that was confirmed during summits and within expert communities of the State Parties of BRICS.

Babkin L. M., Lytkin N. N., Bulatetskiy S. V., Pinchuk L. V. On the Question of the Prosecutor's Power at the Stage of Pre-Trial Proceedings in a Criminal Trial // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 269 – 274. [0,5 p. s.]

Key words

Law-enforcement bodies, pre-trial proceedings, criminal prosecution, prosecutor, functions, powers, principles

Summary

This article is devoted to some questions of the prosecutor's power at the pre-trial stage with allowances made for the latest legislation update in the criminal procedure.

Badalyans E. Yu. Fraud in the Sphere of Computer Information: Criminal-Legal Characteristic // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 275 – 278. [0,3 p. s.]

Key words

Crime, criminal law, computer information, property, theft, fraud

Summary

The article considers the issues of legal-governmental and subjective signs of fraud in the sphere of computer information.

Volkova E. A. On the Question of the Application of Mediation Procedures in the Field of Surrogacy // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 279 – 282. [0,3 p. s.]

Key words

Biomedical technology mediative agreement, mediation, mediation tools, the principles of mediation, surrogacy, surrogacy contract, the surrogate mother give birth, whether the customer

Summary

In this paper, proposed to implement the procedure of mediation in the field of surrogacy.

Grekov M. L. The Admission of a Person as being Earlier Served Sentence of Imprisonment: Innovations of Court Interpretation // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 283 – 286. [0,3 p. s.]

Key words

Imprisonment, penalty, colonies, prisons, inmates, earlier served sentence, not served sentence earlier, court, interpretation

Summary

In the article the history and present situation of criminal law term «being earlier served sentence of imprisonment» Court interpretation is explored taking into account innovations that contains Resolution No. 9 of the Russian Supreme Court Plenum issued on May, 29 2014. In the conclusion of the article the propositions of improvement of Russian law are made.

Ishchenko S. V., Pomazan S. V. On the Issue of Entrepreneurial Fraud // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 287 – 290. [0,3 p. s.]

Key words

Fraud, entrepreneurship, criminal liability for economic crimes and administrative offenses in the field of entrepreneurship

Summary

In the present article deals with the results of the application of Articles 159.1-159.6 of the Criminal Code providing for criminal responsibility for various types of fraud, the problem of criminal and administrative responsibility for violations in the field of entrepreneurship.

Kapitsa L. S., Bushkov D. V. Legal Qualification of the Contract of Adherence (Credit Agreement) on Signs of Structure of the Crime Provided by Art. 177 of the Criminal

Code // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 291 – 294. [0,3 p. s.]

Key words

A contract of adhesion, contract, credit agreement, crime, accounts payable, economic crimes, qualification of crimes

Summary

In the article the questions of the presence of law enforcement practice in those kinds of contracts that can be attributed to the Treaty of accession, in accordance with the indicia of crime, envisaged by article 177 of the criminal code.

Kiek T. Z., Kiek E. N. The Concept and Importance of Investigative Actions during the Investigation of the Criminal Case // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 295 – 297. [0,2 p. s.]

Key words

Investigators, investigative action, the procedural action, concept, signs

Summary

The article deals with the concept of investigative actions, based on the opinion of various experts, offering different interpretations of the concept, as well as giving indications investigated distinction between investigation and proceedings.

Kiek T. Z., Cherepanova I. V. Administrative Responsibility as One of the Most Important Ways of Protecting Labor Rights and the Activities of the Prosecutor's Office // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 298 – 305. [0,6 p. s.]

Key words

Prosecutor, administrative liability, labor law, the employer

Summary

The article deals with the use of prosecutors the authority to initiate cases on administrative offences for violation of the labor law and related law enforcement issues.

Kufterin A. N., Bulatetskiy S. V., Hamidova I. V., Lopatin E. A. Method of Polygraphy and Psychographology as Psychophysiological Method of Diagnostics of Attributes and States of the Personality of Law Enforcement Officers // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 306 – 311. [0,5 p. s.]

Key words

Psychographology, psychodiagnostics, personality, personality traits and states, polygraph

Summary

The article is devoted to the opportunities of method of polygraphy and psychographology as psychophysiological method of diagnostics of attributes and states of the personality. The authors assert that methods of polygraphy bias the data less than classic methods of psychological testing.

Malchuk O. I. The Investigation during the Formation of the Centralized Russian Nation and Overcome the Feudal Disunity // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 312 – 316. [0,4 p. s.]

Key words

Investigation, state, territory, the struggle for power

Summary

The article is about the ensuring order within the state.

Malchuk O. I. The Protection of State Secrets in Russia in the XVI – XVIII Centuries // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 317 – 319. [0,2 p. s.]

Key words

The state, the protection of the information, system

Summary

This article is about information security and state secrets.

Meltonyan R. M. Active Repentance as a Ground for Relieving from Criminal Liability: Analysis, Development Prospects // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 320 – 324. [0,4 p. s.]

Key words

Relief of criminal liability, a ground for relieving from criminal liability, active repentance, damages reparations, effect restitution

Summary

The article is devoted to one of the grounds of the institute of relieving from criminal liability – active repentance. In the article this «phenomenon» is regarded as a complex of positive postcriminal actions aimed to demolish the social danger of a crime and to slacken or relieve criminal liability respectively. The author has made an attempt to give reasons that socially approved actions after committing a crime (damages reparations, effect restitution) must be performed exclusively by a person who has violated the law, not by other people (even by the convict's consent or approval). These measures contain the sacral sense of the phenomenon which has become the category of criminal law. Development prospects of relieving from criminal liability in the context of active repentance lie in this field exactly.

Niculina I. A. Prevention of Crimes in the Sphere of Medicine: Problems of Latent Criminality // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 325 – 328. [0,3 p. s.]

Key words

Medicine, prevention, crime, latent

Summary

In this work the author explores the latent criminality in the field of medicine, its detection and prevention.

Smetankina G. I., Shutkina S. A. Legal Bases of Activity of EMERCOM of Russia // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 329 – 331. [0,2 p. s.]

Key words

Legal regulation, emergency, legislative acts, normative documents

Summary

The article considers the issues of legal regulation of ensuring the security of critical national security infrastructure and population.

Ternovaya Yu. Eu. Legal Regulation of Servitude Relations in the Russian Pre-Revolutionary Legislation // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 332 – 333. [0,2 p. s.]

Key words

Easement, land relations, ownership of land, land tenure, land tenure

Summary

The article presents a brief study of legislative servitude relations in the Russian legislation. Despite the absence of this term in normative legal acts under consideration of the epoch, relations, which by their legal nature of servitude, known to the Russian pre-revolutionary legislation and received in the form of General legal regulation in a number of normative acts of the era.

Murtazov A. K. Solar System Minor Bodies' Optical Properties and its Simulation in Laboratory // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 334 – 349. [1,3 p. s.]

Key words

Asteroids, meteoroids, optical properties, physical simulation

Summary

The article contains a review of the Solar system minor body photometric and spectral properties. It suggests that these bodies basically have a reddish hue, a low albedo, and sufficiently high phase coefficients.

The similar properties of minor bodies make them low-observable and are among the obstacles for optical detection and identification of asteroids and meteoroids dangerous for the Earth.

Its comparative study with the ancient Earth's formations and meteorites optical properties makes possible to assess the minor hazard meteoroids magnitude and optimize its search and detect.

The author describes the physical simulation method which is used to compare the surfaces' optical properties of asteroids and meteoroids, terrestrial rocks, and known meteorites.

Flowchart of the installation for simulating surface optical properties of astronomical bodies is presented. Some results of experiments are described.

Lenkov M. V., Ivanov E. S., Baranowski A. V. Features of Technogenic Elimination of Vertebrates in Ryazan // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 350 – 354. [0,4 p. s.]

Key words

Techno elimination of vertebrates, the road, the negative role of the vehicles, vulnerable species of fauna

Summary

The problem of road transport impact on the fauna of vertebrates in Ryazan. The authors provide quantitative data elimination of technogenic major faunal taxa recovered most vulnerable species and justify the factors determining the impact of road transport on various environmental groups of living organisms. The recommendations for planning road transport network designed to reduce losses among the animals.

Glushkova E. P., Bulatetskiy S. V. Selectivity of Action of an Alternating Magnetic Field on the Activity of Stress-Limiting and Stress-Realizing Systems // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 355 – 361. [0,6 p. s.]

Key words

Adaptation mechanisms, magnetic therapy, magnetic field, functional state, electromagnetic exposure

Summary

This article has studied the potential for use of the alternating magnetic field of an apparatus for magnetic therapy in selective control of the activity of stress-limiting and stress-realizing systems.

Zhuchkov M. V., Rakita D. R., Yermoshina N. P. Clinical Predictors of Fungal Sensitization in Comorbid Patients with Bronchial Asthma and Toenail Onychomycosis // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 362 – 369. [0,6 p. s.]

Key words

Fungal sensitization, asthma, onychomycosis, comorbidity, clinical predictors

Summary

This research confirmed the prognostic significance of some clinical precursors fungal

sensitization in comorbid patients persistent asthma and chronic sinusitis. Identification of clinical physician at the harbingers of «bedside» asthma, allows without resorting to time-consuming and expensive laboratory tests, to determine the degree of influence of concomitant syndrome of chronic sinusitis the severity of respiratory diseases.

Kotlyarov S. N., Kachamina S. A. Exhaled Breath Condensate Analysis in the Diagnosis of Asthma // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 370 – 374.

Key words

Exhaled breath condensate, biomarkers, asthma

[0,4 p. s.]

Summary

The article presents research opportunities exhaled breath condensate in the diagnosis and monitoring of bronchial asthma. We describe the current state of the method, the analysis of the key biomarker used in clinical practice.

Mitin N. E., Vasilyeva T. A. The Clinical Explanation of Computer Based Occlusiographia Analysis for Dentistry Treatment Quality Improvement // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 375 – 377.

Key words

Orthopedic dentistry, occlusion, occlusiographia, occlusion landscape, chewing efficiency

[0,2 p. s.]

Summary

The question of stomatological treatment quality improvement through the instrumentality of clinical application of computer based occlusiographia analysis is considered. The positive influence of occlusiographia and chewing efficiency investigation during treatment on occlusion landscape forming and satisfaction of dentistry treatment quality increasing is demonstrated.

Kharitonov D. Y., Mitin N. E., Mishin D. N. The Clinical Explanation for Use of Dental Prostheses Supplemented Biogeneticists Element in Dental Patients in the Postoperative Period // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 378 – 379.

Key words

Maxillofacial prostheses, violations of speech function, postoperative rehabilitation, removable biogenetically element

[0,2 p. s.]

Summary

In this work, we study the efficiency of recovery of speech function in the postoperative period of rehabilitation in dental patients with the use of dental dentures and related prostheses, augmented biogeneticists removable element. We investigated the influence of positive experience of orthopedic treatment to improve speech function in its parameters definition and pronunciation speed.

Vlasov V. I. Epistemological Problems in the Theory of Epidemiology // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 380 – 386.

Key words

Epidemiology, living matter, infection, information, morbidity, processes of infection-epidemic, pedagogical, outer man, inner man, spirit, soul, body, biology, ecology, medicine, pedagogics, criminology

[0,6 p. s.]

Summary

In the light of Christian anthropology, the theory of the living matter and on the basis of synthesis of positive (science), metaphysical (religion) and philosophical aspects of knowledge there were uncovered initial (root) provisions of the theory of the epidemic process as the process of infection of two types: 1) types of information, specifically «contagious» for the inner man as a person, and 2) types of the living matter, biologically contagious for the corporeal composition of the outer man as an animal body. Specified provisions are the theoretical basis of the study of nature of infectious processes in the field of the information (pedagogical) and in the field of the living matter (epidemic), and the basis of independent branches of the unified science of epidemiology: 1) epidemiology of types of the living matter, and 2) epidemiology of types of the information (spiritual epidemiology).

Vlasov V. I. General Principles and One Start of Epidemic Process Theory (Synthesis Position of Science, Religion, Philosophy) // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 6(49). – PP. 387– 394.

Key words

Epidemiology, living matter, infection, information, morbidity, processes of infection-epidemic, pedagogical, outer man, inner man, spirit, soul, body, biology, ecology, medicine, pedagogics, criminology

[0,6 p. s.]

Summary

In the light of Christian anthropology, gnoseology, the theory of the living matter and based on the synthesis of positive (science), metaphysical (religion, and philosophic kinds of knowledge general principle and unified origin of the theory of an epidemic process in its traditional understanding were uncovered. In the structure of epidemiology as the unified science presence of two separate branches: epidemiology of kinds of the living matter, biologically contagious for the corporeal composition of the man (CCM) as an animal body, and epidemiology of kinds of the information, specifically contagious for the inner man as a person, was theoretically explained. These provisions are the basis of the study of nature of infectious processes in the sphere of kinds of the living matter, biologically contagious for CCM – epidemic process in its traditional understanding, and in the sphere of the information – pedagogical.

АВТОРЫ (AUTHORS)

АЛЕКСАНДРОВ Кирилл Михайлович – кандидат исторических наук, докторант отдела истории революций и общественного движения СПб. Института истории РАН
Контактная информация: E-mail: aleksandrov_k@inbox.ru; тел. 8-911-953-27-58

ALEKSANDROV Kirill Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Doctoral candidate of Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (Russia, St-Petersburg, 8-911-953-27-58, e-mail: aleksandrov_k@inbox.ru)

АРХАРОВА Людмила Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и педагогического образования РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: l.arkharova@rsu.edu.ru; тел. 89156190130

ARKHAROVA Lyudmila Ivanovna – Ph.D., Associate Professor, assistant Professor of Pedagogy and Teacher Education of the Ryazan State University named after SA Yesenin (Russia, Ryazan, 89156190130, e-mail: l.arkharova@rsu.edu.ru)

БАБКИН Леонид Михайлович – кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского ун-та МВД РФ имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: babkin1949@yandex.ru; тел. 89065436914

BABKIN Leonid Mikhaylovich – Candidate of Law Sciences, associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Ryazan branch of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89065436914, e-mail: babkin1949@yandex.ru)

БАДАЛЪЯНЦ Элеонора Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: helen341@ya.ru

BADALYANS Eleonora Yuryevna – PhD, associate Professor of Chairs of Criminal Law and Criminology of the Ryazan branch of Moscow University of ministry of internal affairs of Russia named after V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, e-mail: helen341@ya.ru)

БАРАНОВСКИЙ Антон Валерьевич – доцент кафедры естественнонаучных и общетехнических дисциплин НОУ ВПО «Современный технический институт» (г. Рязань)
Контактная информация: E-mail: oldvulpes@yandex.ru; тел. 89106289599

BARANOVSKY Anton Valerievich – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor the Chair of Natural Sciences and Technical Disciplines of NOU STI (Russia, Ryazan, 89106289599, e-mail: oldvulpes@yandex.ru)

БАРКОВА София Михайловна – аспирант кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей факультета психологии СПб. гос. ун-та
Контактная информация: E-mail: sofia.barkova@gmail.com; тел. 8(921)0967962

BARKOVA Sofia Michaylovna – Post-graduate Student Division of Child and Parent Mental Health and Early Intervention, Faculty of Psychology, St-Petersburg State University (Russia, St-Petersburg, 8(921)0967962, e-mail: sofia.barkova@gmail.com)

БАШЛАКОВА Татьяна Михайловна – аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: E-mail: BashlakovaTM@mail.ru; тел. +7 (915) 077-85-07

BASHLAKOVA Tatiana Mikhailovna – Post-graduate Student of Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, +7 (915) 077-85-07, e-mail: BashlakovaTM@mail.ru)

БЛОХИНА Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: bna@mail.ryazan.ru; тел. 8-(4912)-36-27-82

BLOKHINA Natalia Aleksandrovna – Ph.D., Associate Professor, Department of Philosophy, Ryazan State University named for S. A. Yesenin (Russia, Ryazan, 8-(4912)-36-27-82, e-mail: bna@mail.ryazan.ru)

БУЛАТЕЦКИЙ Сергей Владиславович – доктор медицинских наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: dr_bsv@mail.ru; тел. 89209766876

BULATETSKIY Sergey Vladislavovich – Doctor of Medical Science, a Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Chair of the Ryazan branch of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Professional Training «Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. Y. Kikot» (Russia, Ryazan, 89209766876, e-mail: dr_bsv@mail.ru)

БУШКОВ Денис Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права СКФ ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия» Россия, Краснодар, e-mail: e-simatova@yandex.ru

BUSHKOV Denis Valeryevich – PhD the Professor of criminal law GFR Federal STATE budgetary educational institution «Russian state University of justice» Krasnodar, e-mail: e-simatova@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Анатольевна – ассистент кафедры ортопедической стоматологии и ортодонтии РязГМУ имени академика И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: tata-v@bk.ru; тел. 89106433064

VASILYEVA Tatyana Anatolyevna – assistant of the Department of Prosthodontics and Orthodontics of Ryazan State Medical University (Russia, Ryazan, 89106433064, e-mail: tata-v@bk.ru)

ВЛАСОВ Вячеслав Иванович – кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры эпидемиологии Рязанского государственного медицинского ун-та имени И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: vlasov_vi_rgmuscience@list.ru; тел. 8-920-978-71-20

VLASOV Vyacheslav Ivanovich – Candidate of Medical Sciences, Docent in the Department of Epidemiology of the Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlov of Ministry of Health of Russia (Russia, Ryazan, 8-920-978-71-20, e-mail: vlasov_vi_rgmuscience@list.ru)

ВОЛКОВА Евгения Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ЧОУ ВО Южный институт менеджмента (г. Краснодар)
Контактная информация: E-mail: pjankovaea@rambler.ru; тел. 8-903-459-89-26

VOLKOVA Evgeniya Alekseevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor South Institute of Management (Russia, Krasnodar, 8-(903)-459-89-26, e-mail: pjankovaea@rambler.ru)

ГАСИМОВ Антон Фаритович – аспирант факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: e-mail: gasimov.anton@gmail.com; тел. 8-(495)-629-59-13

GASIMOV Anton Faritovich – Graduate Student of Department of Psychology of the Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, 8-(495)-629-59-13, e-mail: gasimov.anton@gmail.com)

ГЕРОВА Наталья Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой информатизации образования и методики информатики РГУ им. С. А. Есенина
Контактная информация: e-mail: nat.gerova@gmail.com; тел. +7910-500-28-87

GEROVA Natalia Victorovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, the Head of the Department ICT and computer science methodology of RSU named by S. A. Esenin (Russia, Ryazan, +7910-500-28-87, e-mail: nat.gerova@gmail.com)

ГЛУШКОВА Елена Павловна – кандидат медицинских наук, начальник медицинской части – врач (по обслуживанию Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя) Медико-санитарной части МВД России по Рязанской обл.
Контактная информация: E-mail: silvia_gomanova@mail.ru; тел. 89209766877

GLUSHKOVA Elena Pavlovna – PhD, Head of the Medical Unit – a Doctor of Maintenance of Ryazan branch of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Professional Training «Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. Y. Kikot» (Russia, Ryazan, 89209766877)

ГОМАНОВА Сильвия Олеговна – аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: E-mail: silvia_gomanova@mail.ru; тел. +7 (985) 128 81 29

GOMANOVA Silvia Olegovna – Postgraduate of the Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, +7 (985) 128 81 29, e-mail: silvia_gomanova@mail.ru)

ГОРДОВА Юлиана Юрьевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук (г. Москва)
Контактная информация: e-mail: onyma-ryazan@yandex.ru; тел. +7-920-973-10-07

GORDOVA Juliana Yurievna – Ph.D. in Philology, Linguistic Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow) (Russia, Moscow, +7-920-973-10-07, e-mail: onyma-ryazan@yandex.ru)

ГРЕКОВ Михаил Леонидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (г. Краснодар)
Контактная информация: E-mail: ugovka@bk.ru; тел. 8-918-4446623

GREKOV Mikhail Leonidovich – Candidate of Jurisprudence (PhD in Law), Assistant Professor of a

Chair of Criminal law and Criminology of the Kuban State University (Russia, Krasnodar, 8-918-4446623, e-mail: ugovovka@bk.ru)

ГРИГОРОВА Виктория Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Воронежского государственного технического университета
Контактная информация: E-mail: vagrigorova@rambler.ru; тел. 8-909-210-42-57

GRIGOROVA Victoria Alexandrovna – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Department of History and Political Science of the Voronezh State Technical University (Russia, Voronezh, 8-909-210-42-57, e-mail: vagrigorova@rambler.ru)

ГРИШИНА Евгения Николаевна – редактор издательства «Скрижали», педагог-технолог, менеджер социально-культурной деятельности, лауреат Всероссийского конкурса «Лучшая научная статья – 2013»

Контактная информация: E-mail: rapsod@list.ru; тел. +7-910-908-01-01

GRISHINA Yevgenia Nikolaevna – Editor of «Tablet», Teacher Technologist, Manager of Social and Cultural Activities, the Winner of the All-Russian Contest «The best scientific article - 2013» (Russia, Ryazan, +7-910-908-01-01, e-mail: rapsod@list.ru)

ДАШИН Алексей Викторович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России

Контактная информация: E-mail: avdashin@mail.ru; тел. 8-918-149-00-29

DASHIN Aleksey Viktorovich – Doctor of Law, Professor of a Chair of Theory and History of State and Law of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Samara, 8-918-149-00-29, e-mail: avdashin@mail.ru)

ДЗЮБКО Галина Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища (военный институт) им. генерала армии В. Ф. Маргелова

Контактная информация: E-mail: dg108@mail.ru; тел. 89109032787

DZUYBKO Galina Yuryevna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor in the Department of Humanities and natural Sciences at Ryazan higher airborne command school named after General of the army V. F. Margelov (Russia, Ryazan, 89109032787, e-mail: dg108@mail.ru)

ДУШКОВА Наталия Александровна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и политологии Воронежского государственного технического ун-та

Контактная информация: E-mail: dushkova_vstu@mail.ru; тел. 8-473-246-22-91

DUSHKOVA Natalia Aleksandrovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of History and Political Science of Voronezh State Technical University (Russia, Voronezh, 8-473-246-22-91, e-mail: dushkova_vstu@mail.ru)

ЕРМОШИНА Надежда Петровна – кандидат медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой дерматовенерологии ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России

Контактная информация: E-mail: misha.juchkov@gmail.com; тел. 8 906 647 89 19

YERMOSHINA Nadezhda Petrovna – Candidate of Medical Sciences, associate Professor, Head of Chair dermatology Ryazan State Medical University (Russia, Ryazan, 8 906 647 89 19, e-mail: misha.juchkov@gmail.com)

ЕРШОВ Виталий Федорович – доктор исторических наук, профессор, директор Центра стратегии и развития Московского государственного областного университета

Контактная информация: e-mail: ershov_vf@mail.ru; тел. +7(985)410-15-23

ERSHOV Vitaly Fedorovich – Doctor of History, Professor, Director of the Center for Strategy and Development of Moscow State Regional University, Member of the Board of Russian Society of Historian-Archivists (Russia, Moscow, +7 (985)410-15-23, e-mail: ershov_vf@mail.ru)

ЖОЛУДОВА Алла Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и ТСО ФПДО РязГМУ имени академика И. П. Павлова

Контактная информация: e-mail: a.n.zholudova@yandex.ru; тел. 8-910-574-65-58

ZHOLUDOVA Alla Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Ryazan State Medical University named after Pavlov (Russia, Ryazan, 8-910-574-65-58, e-mail: a.n.zholudova@yandex.ru)

ЖУЧКОВ Михаил Валерьевич – зам. гл. врача ГБУ РО «Областной клинический кожно-венерологический диспансер» по орг.-метод. и научной работе, врач-дерматовенеролог, врач-терапевт, Председатель Рязанского регионального отделения МОО «Общество специалистов доказательной медицины», член Правления РРО ООО «РОДВК»

Контактная информация: E-mail: misha.juchkov@gmail.com; тел. 8 906 647 89 19

ZHUCHKOV Michael Valeryevich – Deputy Chief Medical Officer State Organization of the Ryazan Region «Regional Clinical Dermatology-Venereal Dispensary» (Russia, Ryazan, 8 906 647 89 19, e-mail: misha.juchkov@gmail.com)

ЗАПАРИЙ Василий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Ин-та истории и археологии Уральского отд. РАН, доцент Института государственного управления и предпринимательства УрФУ (г. Екатеринбург)

Контактная информация: E-mail: vvzap@mail.ru; тел. 89122844867

ZAPARIY Vasilii Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of History and Archaeology of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, assistant Professor of Institute of Public Management and Entrepreneurship of the Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg, 89122844867, e-mail: vvzap@mail.ru)

ИВАНОВ Евгений Сергеевич – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заведующий кафедрой экологии и природопользования РГУ имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: o.hodosevich@rsu.edu.ru; тел. 89511022393

IVANOV Eugene Sergeevich – Dr. Agricultural Sciences, Professor, Head of the Chair Ecology and Nature Management VPO RSU named after S. A. Esenin (Russia, Ryazan, 89511022393, e-mail: o.hodosevich@rsu.edu.ru)

ИЩЕНКО Сергей Викторович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Южного института менеджмента (г. Краснодар) e-mail: e-simatova@yandex.ru

ISHCHENKO Sergey Viktorovich – Associate Professor of the Department of state and legal disciplines of the South Institute of management (Russia, Krasnodar, e-mail: e-simatova@yandex.ru)

КАПИЦА Лана Станиславовна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Южный институт менеджмента» (г. Краснодар)

Контактная информация: E-mail: capica@yandex.ru; тел. +7 918 255 50 11

KAPITSA Lana Stanislavovna – Senior Lecturer of Civil Law Disciplines CHOW IN «the Southern Institute of Management» (Russia, Krasnodar, +7 918 255 50 11, e-mail: capica@yandex.ru)

КАЧАМИНА Светлана Анатольевна – интерн кафедры фармацевтической технологии РязГМУ Минздрава России (г. Рязань)

Контактная информация: E-mail: Cvetik-com@mail.ru; тел. 8-930-883-00-26

KACHAMINASvetlana Anatolyevna – Intern of Department of Pharmaceutical Technology of Ryazan State Medical University (Russia, Ryazan, 8-930-883-00-26, e-mail: Cvetik-com@mail.ru)

КИЕК Екатерина Николаевна – ст. следователь СЧ СУ УМВД России по г. Краснодару

Контактная информация: E-mail: Kiek@mail.ru; тел. 8-918-365-40-02

KIEK Ekaterina Nikolaevna – Senior Investigator MF SU AMIA Russia in the city of Krasnodar (Russia, Krasnodar, 8-918-365-40-02, e-mail: Kiek@mail.ru)

КИЕК Тамара Захаровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Южный институт менеджмента» (г. Краснодар)

Контактная информация: E-mail: Kiek@mail.ru; тел. 8-918-964-69-12

KIEK Tamara Zakharovna – Candidate of Juridical Sciences, assistant Professor of Criminal-Legal Disciplines PI of HE «Southern Management Institute» (Russia, Krasnodar, 8-918-964-69-12, e-mail: Kiek@mail.ru)

КЛИНОВ Анатолий Сергеевич – доктор исторических наук, ассистент профессора, профессор кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии Кубанского гос. ун-та

Контактная информация: E-mail: newlegend2010@yandex.ru; тел. +7 961-526-77-13

KLINOV Anatoly Sergeevich – the Doctor of History, the assistant of Professor, the Professor of the Chair of 'Foreign Region Researches' and Diplomacy of the Kuban State University (Russia, Krasnodar, +7 961-526-77-13, e-mail: newlegend2010@yandex.ru)

КОТЛЯРОВ Станислав Николаевич – кандидат медицинских наук, заведующий кафедрой сестринского дела ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России

Контактная информация: E-mail: 79065410775@yandex.ru; тел. 8-906-541-07-75

KOTLYAROV Stanislav Nikolaevich – Candidate of Medical Sciences, Head of the Department of Nursing of Ryazan State Medical University (Russia, Ryazan, 8-906-541-07-75, e-mail: 79065410775@yandex.ru)

КУЛИКОВА Светлана Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Контактная информация: E-mail: cvetlana-1977@mail.ru, тел.: 8-929-591-89-63

KULIKOVA Svetlana Gennadyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow regional branch of the «Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot» (Russia, Moscow region, Ruza, 8-929-591-89-63, e-mail: cvetlana-1977@mail.ru)

КУТЕНКОВ Павел Иванович – кандидат культурологии, доцент Смольного института Российской академии образования (СПб.)

Контактная информация: E-mail: yarga.spb@mail.ru; тел. 8-906-228-89-98

KUTENKOV Pavel Ivanovich – PhD Cultural Studies, Associate Professor, Smolny Institute of the Russian Academy of Education (Russia, Saint Petersburg, 8-906-228-89-98, e-mail: yarga.spb@mail.ru)

КУФТЕРИН Андрей Николаевич – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского ун-та МВД России имени В. Я. Кикотя

Контактная информация: E-mail: qqqwerty33@mail.ru; тел. 89209721874

KUFTERIN Andrey Nikolaevich – Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89209721874, e-mail: qqqwerty33@mail.ru)

ЛЕВИНА Мария Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Академии ФСИН России (г. Рязань)

Контактная информация: E-mail: levinmariya@yandex.ru; тел. 8-920-637-34-90

LEVINA Maria Andreevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages of the Academy of Law and Management of Federal Penal Service of Russia (Ryazan) (Russia, Ryazan, 8-920-637-34-90, e-mail: evinmariya@yandex.ru)

ЛЕНКОВ Михаил Владимирович – кандидат технических наук, проректор по учебно-методической и воспитательной работе РГУ имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: m.lenkov@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-25-53-90

LENKOV Mikhail Vladimirovich – Candidate of Technical Sciences, Vice-Rector of Ryazan State University named after S. A. Esenina (Russia, Ryazan, 8-(4912)-25-53-90, e-mail: m.lenkov@rsu.edu.ru)

ЛОБАЧЕВА Зоя Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Дагестанского государственного аграрного университета имени М. М. Джамбулатова (г. Махачкала)

Контактная информация: E-mail: filek08@ Rambler.ru; тел. 89288095284

LOBACHEVA Zoya Nikolaevna – Candidate of Philosophy, assistant Professor of Department of Philosophy and History of Dagestan State Agrarian University named by M. M. Dzhambulatov (Russia, Dagestan, Makhachkala, 89288095284, e-mail: filek08@ Rambler.ru)

ЛОПАТИН Егор Александрович – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского ун-та МВД РФ имени В. Я. Кикотя

Контактная информация: E-mail: egor.lo@rambler.ru; тел. 89038380752

LOPATIN Egor Aleksandrovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89038380752, e-mail: egor.lo@rambler.ru)

ЛУКАШЕНЯ Зоя Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры технологии и изобразительного искусства Барановичского гос. ун-та (Беларусь)

Контактная информация: E-mail: zvluk@mail.ru; тел. +375 163 406200

LUKASHENYA Zoya Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor, associate Professor of Technology and Fine Arts of Baranovichsky State University; the Doctoral Candidate of the Baltic Federal University of Immanuel Kant (Republic of Belarus, Brest Region, Baranovich, +375 163 406200, e-mail: zvluk@mail.ru)

ЛЫТКИН Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент к-ры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского ун-та МВД России имени В. Я. Кикотя

Контактная информация: E-mail: lytkin@yandeh.ru; тел. 89109495519

LYTKIN Nikolay Nikolaevich – Candidate of Law Sciences, associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Ryazan branch of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89109495519, e-mail: lytkin@yandeh.ru)

МАЛЬЧУК Ольга Ивановна – доктор исторических наук, ученый секретарь Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (г. Москва)

Контактная информация: E-mail: molga-77@ya.ru; тел. 8-916-886-54-40

MALCHUK Olga Ivanovna – Doctor of Historical Sciences, the Scientist Secretary of the Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow, 8-916-886-54-40, e-mail: molga-77@ya.ru)

МАРКОВ Алексей Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент, член-корр. АПСН, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища им. генерала армии В. Ф. Маргелова
Контактная информация: E-mail: markoff.ac-50@mail.ru; тел. 8-925-045-74-62

MARKOV Alexey Sergeevich – Candidate of Psychological Sciences, associate Professor, Member-Correspondent APSN, associate Professor, Department of Humanities and Natural Sciences of the Ryazan Higher Airborne Command School named after Army General V. F. Margelov (Russia, Ryazan, 8-925-045-74-62, e-mail: markoff.ac-50@mail.ru)

МАСЛОВА Светлана Юрьевна – магистр психологических наук, преподаватель, аспирант по направлению «Социология управления» ДВФУ, Кампус ДВФУ о. Русский
Контактная информация: E-mail: maslova.svetlanamu@yandex.ru; тел. 89242386435

MASLOVA Svetlana Yuryevna – Master of Psychology, Teacher, a Graduate Student in Sociology Management of the Far Eastern Federal University, Campus FEFU, Russian Island (Russia, Vladivostok, 8-924-238-64-35, e-mail: maslova.svetlanamu@yandex.ru)

МАТРАЕВА Алена Денисовна – аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: E-mail: alenamatraeva@yandex.ru; тел. +7 (495) 375 77 23

MATRAEVA Alyona Denisovna – postgraduate Student at Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, +7 (495) 375 77 23, e-mail: alenamatraeva@yandex.ru)

МЕЛТОНЯН Роберт Мясникович – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского ф-ла Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: r.meltonyan@yandex.ru; тел. 89106441414

MELTONYAN Robert Myasnikovich – the Chief of the Chair of Criminal Law and Criminalistics of the Ryazan branch of the Federal state government educational establishment of the higher professional education «The Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named for V. Y. Kikotya» (Russia, Ryazan, 89106441414, e-mail: r.meltonyan@yandex.ru)

МИТИН Николай Евгеньевич – кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры ортопедической стоматологии и ортодонтии РязГМУ имени академика И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: nimitin@yandex.ru; тел. 89206305050

MITIN Nikolai Evgenievich – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Prosthodontics and Orthodontics of Ryazan State Medical University (Russia, Ryazan, 89206305050, e-mail: nimitin@yandex.ru)

МИШИН Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры ортопедической стоматологии и ортодонтии РязГМУ им. акад. И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: dimnar89@yandex.ru; тел. 89106132936

MISHIN Dmitry Nikolaevich – Postgraduate Student, Department of Prosthetic Dentistry and Orthodontics Ryazgmu them. Acad. I. P. Pavlov (Russia, Ryazan, 89106132936, e-mail: dimnar89@yandex.ru)

МУРТАЗОВ Андрей Константинович – кандидат технических наук, доцент кафедры экологии и природопользования, директор астроном. обсерватории РГУ им. С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: a.murtazov@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-28-12-97

MURTAZOV Andrey Konstantinovich – PhD Tech., Associate Professor, Astronomical observatory, Chief of observatory, Ryazan State University (Russia, Ryazan, 8-(4912)-28-12-97, e-mail: a.murtazov@rsu.edu.ru)

МУТАЛИЕВА Лэйла Сасыкбековна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права, СПб ун-т ГПС МЧС России
Контактная информация: E-mail: lei74@rambler.ru; тел. 8-921-974-52-44

MUTALIEVA Layla Sasykbekovna – PhD, Associate Professor, Deputy Head of the Department of civil law, University of St. Petersburg State fire service of the Russian emergency situations Ministry (Russia, Saint Petersburg, 8-921-974-52-44, e-mail: lei74@rambler.ru)

НАГОРНОВ Валентин Павлович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета
Контактная информация: E-mail: rosнаука@mail.ru; тел. 8-910-505-45-43

NAGORNOV Valentin Pavlovich – Graduate Assistant of the Department of Russian History of Middle

Ages and Modern Age MSRU (Russia, Moscow, 8-910-505-45-43, e-mail: rosнаука@mail.ru)

НАДИРОВА Жанна Кирилловна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры массовых коммуникаций филологического факультета РУДН (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: jeanne.nadirova@gmail.com; тел. 916 719 60 06

NADIROVA Jeanne Kirillovna – Candidate of Philology, Lecturer of Department of Mass Communications of the Philological Faculty of Russian Peoples' Friendship University (Russia, Moscow, 916 719 60 06, e-mail: jeanne.nadirova@gmail.com)

НИКУЛИНА Ирина Анатольевна – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского ун-та МВД РФ имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: E-mail: 89537471711@yandex.ru; тел. 89109096303

NIKULINA Irina Anatolyevna – Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89109096303, e-mail: 89537471711@yandex.ru)

НОВИК Наталья Владимировна – канд. техн. наук, доцент МГТУ им. Н. Э. Баумана
Контактная информация: E-mail: nvnovik@mail.ru; тел. 89167982310

NOVIK Natalia Vladimirovna – Candidate of Technical Sciences, associate Professor of MG TU im. N. Uh. Bauman (Russia, Moscow, 89167982310, e-mail: nvnovik@mail.ru)

НОВИКОВА Ирина Александровна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии РУДН (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: novikova_ia@pfur.ru; тел. +7-910-484-73-28

NOVIKOVA Irina Alexandrovna – Ph.D., Associate Professor, Department of Social and Differential Psychology, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow, +7-910-484-73-28, e-mail: novikova_ia@pfur.ru)

ОГАНЯН Эдуард Валодевич – кандидат политических наук, советник по вопросам молодежной политики Общественной палаты МО г. Сочи
Контактная информация: E-mail: edu-palata@mail.ru; тел. 8-989-833-33-31

OGANJAN Edvard Valodevich – PhD in Political Science, Adviser on Youth Policy of Public Chamber MO Sochi (Russia, Krasnodar, 8-989-833-33-31, e-mail: edu-palata@mail.ru)

ПЕЛЬМЕНЕВ Виктор Константинович – доктор педагогических наук, профессор кафедры физ. культуры и спорта Балтийского федерального университета имени И. Канта
Контактная информация: e-mail: VPelmenev@kantiana.ru

PELMENEV Victor Konstantinovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Theory and Methods of Physical Education and Sport, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad, e-mail: VPelmenev@kantiana.ru)

ПИНЧУК Левон Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского ф-ла Московского ун-та МВД России имени В. Я. Кикотя
Контактная информация: тел. 89036411199

PINCHUK Levon Victorovich – candidate of Law Sciences, associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89036411199)

ПЛАКСИНА Ольга Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: plaksina@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-28-04-23

PLAKSINA Olga Aleksandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Ryazan State University S. A. Yesenin (Russia, Ryazan, 8-(4912)-28-04-23, e-mail: o.plaksina@rsu.edu.ru)

ПОЛЯКОВА Олеся Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и ТСО ФПДО РязГМУ имени академика И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: polyakova_lesya@mail.ru; тел. 8-910-642-24-67

POLYAKOVA Olesya Vitalyevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Ryazan State Medical University named after Pavlov (Russia, Ryazan, 8-910-642-24-67, e-mail: polyakova_lesya@mail.ru)

ПОМАЗАН Светлана Витальевна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Южного института менеджмента (г. Краснодар)
Контактная информация: E-mail: svetlana_47@mail.ru; тел. +7 918 333-18-00

POMAZAN Svetlana Vitalievna – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines

of the South Institute of Management (Russia, Krasnodar, +7 918 333-18-00, e-mail: svetlana_47@mail.ru)

РАДЖАБОВ Осман Раджабович – д-р философских наук, профессор, завед. кафедрой философии и истории Дагестанского гос. аграрного ун-та имени М. М. Джамбулатова
Контактная информация: E-mail: filek08@Rambler.ru; тел. 89634062428

RADJABOV Osman Radjabovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and History of Dagestan State agrarian university named by M. M. Dzhambulatov (Russia, Dagestan, Makhachkala, 89634062428, e-mail: filek08@Rambler.ru)

РАКИТА Дмитрий Романович – доктор медицинских наук, профессор, главный врач ГБУ РО «Областной клинический кардиологический диспансер»
Контактная информация: E-mail: misha.juchkov@gmail.com; тел. 8 906 647 89 19

RAKITA Dmitriy Romanovich – Professor, Doctor of Medical Sciences, Chief Doctor of State Organization of the Ryazan Region «Regional Clinical Cardiological Dispensary» (Russia, Ryazan, 8 906 647 89 19, e-mail: misha.juchkov@gmail.com)

РЫБАКОВА Марина Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии управления ф-та гос. управления МГУ имени М. В. Ломоносова,
Контактная информация: E-mail: rybakovamv2005@yandex.ru; тел. 8- 9166716383

RYBAKOVA Marina Vladimirovna – Ph.D., professor of Management Sociology Department of School of Public Administration of Moscow State University, Moscow (Russia, Moscow, 8-9166716383, e-mail: rybakovamv2005@yandex.ru)

РЫЖКОВА-ГРИШИНА Любовь Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и общенаучных дисциплин Московского психолого-социального университета, филиал в г. Рязани
Контактная информация: E-mail: rapsod@list.ru; тел. +7-910-908-01-01

RYZHKOVA-GRISHINA Ljubov Vladimirovna – Ph. D., assistant Professor of psychology and scientific disciplines Moscow Psychology and Sociology of the University, a branch in the city of Ryazan (Russia, Ryazan, +7-910-908-01-01, e-mail: rapsod@list.ru)

РЫНДИН Игорь Жанович – старший научный сотрудник НИЛ теории, практики и методики краеведения в образовательных учреждениях РИРО (г. Рязань)
Контактная информация: E-mail: ryndin@post.rzn.ru; тел. 8-(9412)-45-73-53

RYNDIN Igor Zhanovich – Senior Researcher SRL of the theory, practice and techniques of local history in the educational institutions of the Ryazan Institute of Education Development (Russia, Ryazan, 8-(9412)-45-73-53, e-mail: ryndin@post.rzn.ru)

СЕЛЕЗНЕВА Маргарита Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища (военного института) имени генерала армии В. Ф. Маргелова
Контактная информация: E-mail: selezneva-margarita@rambler.ru; тел. 8-910-5086905

SELEZNEVA Margarita Viktorovna – Candidate of Psychological Sciences, assistant Professor of Foreign and Russian Languages Department, V. F. Margelov Ryazan Airborne Commanding Institute (Russia, Ryazan, 8-910-5086905, e-mail: selezneva-margarita@rambler.ru)

СМЕТАНКИНА Галина Июльевна – кандидат технических наук, начальник кафедры государственного надзора Воронежского института ГПС МЧС России
Контактная информация: E-mail: sgi1976@rambler.ru; тел. 8-910-240-93-70

SMETANKINA Galina Iyulyevna – Candidate of Technical Sciences, Head of the Department of State Supervision of the Voronezh Institute of the State Fire Service (Russia, Voronezh, 8-910-240-93-70, e-mail: sgi1976@rambler.ru)

СОЛДАТЕНКОВА Елена Николаевна – аспирант факультета психологии образования ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», педагог-психолог Центра психолого-медико-социального сопровождения детей и подростков «Кашенкин Луг» ГБОУ ВПО МГППУ
Контактная информация: E-mail: ElenaSol08@mail.ru; тел. +7 (495) 619-74-87

SOLDATENKOVA Elena Nikolaevna – Graduate Student of the Faculty of Education Psychology GBOU VPO MGPPU «Moscow City Psychological and Pedagogical University», educational psychologist Center for Psychological, Medical and Social support Children and Adolescents «Kashenkin Meadow» Moscow City Psychological and Pedagogical University (Russia, Moscow, +7 (495) 619-74-87, e-mail: ElenaSol08@mail.ru)

СОФРОНОВА Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища (военный институт) имени генерала армии В. Ф. Маргелова

Контактная информация: E-mail: sofronov_igor@mail.ru; тел. 89038345328

SOFRONOVA Natalya Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor in the Department of Management at Ryazan higher airborne command school (military Institute) named after General of the army V. F. Margelov (Russia, Ryazan, 89038345328, e-mail: sofronov_igor@mail.ru)

СУСОРОВА Марина Викторовна – преподаватель кафедры физического воспитания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Контактная информация: E-mail: m.susorova@rsu.edu.ru; тел. 89209528129

SUSOROVA Marina Victorovna – Lecturer, Department of Physical Education of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin (Russia, Ryazan, 89209528129, e-mail: m.susorova@rsu.edu.ru)

ТЕРНОВАЯ Юлия Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Южного института менеджмента (г. Краснодар)

Контактная информация: E-mail: yulyayulya@inbox.ru; тел. 8-928-429-3885

TERNOVAYA Yuliya Evgenyevna – Candidate of Jurisprudence, assistant Professor of a Chair of Civil Law of South Institute of Management (Krasnodar, 8-928-429-3885, e-mail: yulyayulya@inbox.ru)

ХАМИДОВА Ирина Васильевна – кандидат психологических наук, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского ун-та МВД России имени В. Я. Кикотя

Контактная информация: E-mail: i.v.hamidova@yandex.ru; тел. 89056920887

HAMIDOVA Irina Vasilyevna – Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named for V. Y. Kikot (Russia, Ryazan, 89056920887, e-mail: i.v.hamidova@yandex.ru)

ХАРИТОНОВ Дмитрий Юрьевич – доктор медицинских наук, заведующий кафедрой челюстно-лицевой хирургии, декан стоматологического факультета Воронежской государственной медицинской академии имени Н. Н. Бурденко Минздрава России

Контактная информация: E-mail: -duhdoct@mail.ru; тел. 89518694090

KHARITONOV Dmitriy Yur'evich – Doctor of Medical Sciences, Head of the Department of Maxillofacial Surgery, Dean of the Faculty of Dentistry of the Medical University Voronezh State Medical Academy by NN Burdenko (Russia, Voronezh, 89518694090, e-mail: -duhdoct@mail.ru)

ХИЗРИЕВ Закрия Хайдарович – аспирант Российской академии народного хозяйства и гос. строительства при Президенте РФ (РАНХ и ГС при Президенте РФ) (г. Москва)

Контактная информация: E-mail: manssur@yandex.ru; тел. 8 910 477 37 04

HIZRIEV Zakriya Haydarovich – Post-Graduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow, 8 910 477 37 04, e-mail: manssur@yandex.ru)

ЧЕРЕПАНОВА Инна Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры общих проблем прокурорского надзора за исполнением фед. законодательства и участия прокурора в гражд. и арбитражном процессе Академии генеральной прокуратуры РФ

Контактная информация: E-mail: Kiek@mail.ru; тел. 8-918-365-40-02

CHEREPANOVA Inna Valerievna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Common Problems of Prosecutorial Supervision over the Implementation of Federal Legislation and the Participation of the Prosecutor in the Civil and Arbitration Proceedings (Russia, Krasnodar, 8-918-365-40-02, e-mail: Kiek@mail.ru)

ЧЕРНЫШЕВ Илья Игоревич – аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова

Контактная информация: E-mail: 7994114@gmail.com; тел. +7 (903) 799 41 14

CHERNYSHEV Ilya Igorevich – Graduate Student of Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, +7 (903) 7994114, e-mail: 7994114@gmail.com)

ШУТКИНА Софья Александровна – кандидат юридических наук, доцент Воронежского института ГПС МЧС России

Контактная информация: E-mail: sgi1976@rambler.ru; тел. 8-910-240-93-70

Shutkina Sofya Aleksandrovna – Candidate Jurisprudence, Associate Professor of the Voronezh Institute of the State Fire Service (Russia, Voronezh, 8-910-240-93-70, e-mail: sgi1976@rambler.ru)

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ
В «РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ»**

1. Правила оформления научных статей: набор текста в формате Word, шрифт Times New Roman; размер шрифта - 14; междустрочный интервал - 1,5; формат бумаги - А4; отступ - 5 мм, поля - 20 мм. Объём статьи - не менее 10 стандартных машинописных листов. Сноски и примечания, список литературы формировать единым списком под названием **Примечания** - в конце статьи. Ссылки в тексте - в квадратных скобках, первая цифра - номер ссылки в конечном списке Примечаний, вторая цифра - номер страницы, например: [3. С. 15].

2. На первой странице статьи указываются:
2.1. Название научного или учебного заведения, той организации, в которой выполнена научная работа, либо учреждение, где работает автор статьи.

Указывается также местонахождение указанной организации: страна, регион, населённый пункт.

2.2. УДК и ББК, в случае, если автор не может провести классификацию по данным классификаторам, то классификацию проводит редакция журнала.

2.3. Название разделов науки, к которым, по мнению автора, принадлежит его статья.

2.4. Название статьи - прописными буквами жирным шрифтом.

В следующей строке располагаются научная степень автора, его инициалы и фамилия.

2.5. Далее следует аннотация статьи или сообщения.

2.6. После аннотации помещаются ключевые слова, отражающие основное содержание статьи.

2.7. После ключевых слов размещается основной текст статьи.

2.8. Статья завершается примечаниями.

2.9. Дополнительно к материалам статьи прилагаются на английском языке - фамилия ав-

тора, название статьи, аннотация (summary), ключевые слова (key words), разделы науки.

3. Публикации в журнале платные. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Предварительно подаётся заявка на публикацию статьи по электронному адресу: gosnauka@mail.ru

4. Стоимость пересылки одного экземпляра журнала: по России - 100 руб.; по странам СНГ - 250 руб.; стран дальнего зарубежья - определяется расчётным путём.

5. К материалам статьи отдельным файлом прилагается авторская справка, содержащая основные сведения об авторе:

Ф.И.О. автора, учёное звание, учёная степень, место работы, должность, почтовый адрес (с индексом), электронный адрес (e-mail), номера контактных телефонов для открытой печати.

6. Для аспирантов и соискателей обязательно предоставление в редакцию рецензии от научного руководителя или известного специалиста. Рецензия должна быть заверена надлежащим образом.

7. Стоимость одного экземпляра журнала 500 рублей.

8. Наш почтовый адрес:

390039, г. Рязань, ул. Интернациональная, д. 13, кв. 208, Нагорнов Валентин Павлович.

9. Наши банковские реквизиты:

Наименование получателя платежа:

АНО «РИЭПСИ»

ИНН/КПП 6234037737/623401001

Р/счет № 40703810101060000126

в Филиале «Московский»

ООО «Промрегионбанк», г. Москва

БИК 044583224,

к/с 30101810100000000224

в Отделении 1 Москва

Назначение платежа - целевые взносы

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
– ПИ №ФС77–35383 от 19 февраля 2009 г. выдано Федеральной
службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ: В. П. НАГОРНОВ

ИЗДАТЕЛЬ: АНО «РИЭПСИ»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
390039, Рязань, ул. Интернациональная, д. 13, кв. 208

Тел. моб. 8-910-505-45-43
E-mail: rosnauka@mail.ru
[http: // www.rnjournal.narod.ru](http://www.rnjournal.narod.ru)

Дата выхода выпуска в свет – 27.11.2015
Тираж 1 000 экз.
Каталожная цена за 6 месяцев – 1200 руб.
Заказ № 915.
Отпечатано в ООО «Полиграфия».
390000, Рязань, ул. Почтовая, 61, стр. 9а.